РАЗЫСКАНІЯ

О

НАЧАЛѢ РУСИ.

вмѣсто введенія

ВЪ РУССКУЮ ИСТОРІЮ.

Соч. Д. Иловайскаго.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

Съ присоединеніемъ вопроса о Гуннахъ.

МОСКВА.

1882.

РАЗЫСКАНІЯ

о

НАЧАЛѢ РУСИ.

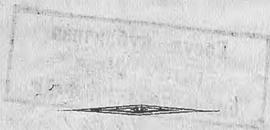
вмѣсто введенія

ВЪ РУССКУЮ ИСТОРІЮ.

Соч. **Д. Иловайскаго.**

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

Съ присоединеніемъ вопроса о Гуннахъ.



МОСКВА.
Типографія бывш. Миллера, Покровка, Машковъ пер., д. № 12
1882.

Госуд. публичная
библиотека
№ 12561
22 - IX 1928

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Происхожденіе настоящаго труда слѣдующее. Когда я задумалъ приступить къ изложенію Русской исторіи въ довольно значительныхъ размѣрахъ и въ обработкѣ, по возможности соотвѣтствующей научнымъ требованіямъ настоящаго времени, я принужденъ былъ остановиться надъ самымъ ея началомъ. Отъ писателя, предпринимающаго обозрѣніе цѣлой исторіи какого либо народа, несправедливо было бы требовать точныхъ самостоятельныхъ изслѣдованій по всѣмъ вопросамъ второстепенной или третьестепенной важности, которые онъ встрѣчаетъ при послѣдовательномъ движеніи своего труда. Но онъ не въ правѣ уклониться отъ посильнаго рѣшенія вопросовъ первостепенной важности, а тѣмъ болѣе обойти такой существенный предметъ, какъ происхожденіе государственнаго быта, и ограничиться изложеніемъ какой либо теоріи, хотя бы доселѣ и господствовавшей, не подвергнувъ ея тщательному пересмотру и не попытавшись придти къ какому либо положительному убѣжденію. Сообразно съ тѣмъ я и поступилъ въ своихъ приготовительныхъ работахъ. Пересмотръ вопроса о происхожденіи Русской національности и русской государственности повелъ меня далеко въ глубь прошедшихъ вѣковъ; привелъ въ скиѳскія и сарматскія дебри; заставилъ пересмотрѣть и теоріи о другихъ народностяхъ, имѣвшихъ когда то близкія отношенія къ Руси, въ особенности о Болгарахъ.

Результаты своихъ розысковъ, постепенно обнародованные въ разныхъ изданіяхъ и во многомъ несогласные съ существовавшими доселѣ теоріями, я предлагаю въ настоящей книгѣ собранными вмѣстѣ, нѣсколько дополненными и приведенными во взаимное соотвѣтствіе. Эти работы отчасти облечены были въ полемическую форму, которая въ данномъ случаѣ оказалась наиболѣе удобною для выясненія исторической истины. Онѣ отвлекли меня на значительное количество времени отъ задуманнаго труда, т. е. обозрѣнія Русской исторіи съ самаго ея начала до нашего времени. Въ настоящую минуту, благодареніе Богу, я могу представить вниманію просвѣщеннаго Русскаго общества вмѣстѣ съ результатами своихъ розысканій о началѣ Руси и первую часть самого Обозрѣнія. Въ этой первой части я открываю изложеніе Русской исторіи дѣйствительнымъ историческимъ событіемъ, т. е. осадою Царьграда; а лѣтописныя басни о Варягахъ переношу на ихъ настоящее мѣсто, т. е. въ замѣчанія о нашей книжной словесности *).

КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Главная перемѣна, произведенная при второмъ изданіи, заключается въ измѣненіи порядка статей. Теперь принятъ порядокъ хронологическій. Такимъ образомъ читатель можетъ прослѣдить, какъ при помощи новыхъ изслѣдованій и полемическихъ разсужденій, постепенно развивались вновь поднятые мною вопросы и какъ они болѣе и болѣе разъяснялись для меня самого. Съ этою цѣлью я ограничился только необходимыми исправленіями въ первыхъ своихъ статьяхъ, большею частію оставляя

*) Послѣ того въ 1880 году вышла вторая часть Исторія Россіи, или Владимірскій періодъ.

ихъ въ первоначальномъ видѣ. Неотразимая историческая логика отъ вопроса о Варягахъ-Руси привела меня, между прочимъ, къ пересмотру туранской теоріи о происхожденіи Болгаръ, а сія послѣдняя къ Гуннскому вопросу. Въ первыхъ своихъ статьяхъ я только предполагалъ какое-то позднѣйшее искаженіе начальнаго текста легенды о призваніи варяжскихъ князей, искаженіе и путаницу, повлекшія за собою смѣшеніе Варяговъ съ Русью; а въ послѣднихъ статьяхъ по этому предмету я предлагаю уже объясненіе самаго происхожденія и распространенія этой путаницы. Находившійся въ первомъ изданіи очеркъ Скиѳовъ я исключилъ на сей разъ, какъ не имѣющій тѣснаго, непосредственнаго отношенія къ настоящей книгѣ, предполагая включить его въ другое мое изданіе, болѣе для него подходящее. Но за то я дополнилъ настоящую книгу всѣмъ тѣмъ, что было напечатано мною по вопросамъ о народности Руси, Болгаръ и Гунновъ послѣ 1876 года, т. е. послѣ перваго ея изданія. Я долженъ признаться, что къ постепенному развитію и разъясненію поднятыхъ вопросовъ въ значительной степени побуждала меня та научная полемика, которую я велъ въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ и которая почти вполнѣ вошла въ настоящее изданіе *).

---

*) Чтобы читатель могъ наглядно судить о количествѣ и качествѣ ученыхъ и писателей, съ которыми спеціально или отчасти мнѣ привелось полемизовать, до двадцати именъ указано въ самомъ оглавленіи книги. Нѣкоторымъ изъ нихъ приходилось отвѣчать по нѣскольку разъ.

ПОПРАВКА: На страницѣ 396, на 6-й строкѣ снизу, по недосмотру, напечатано: „Прокопія“ вм. „Маврикія“.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

О МНИМОМЪ ПРИЗВАНИИ ВАРЯГОВЪ.

ЕЩЕ О НОРМАНИЗМѢ.

(въ отвѣтъ Погодину).

О СЛАВЯНСКОМЪ ПРОИСХОЖДЕНІИ ДУНАЙСКИХЪ БОЛГАРЪ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ИСТОРИЧЕСКІЯ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ.

БОЛГАРЕ И РУСЬ НА АЗОВСКОМЪ ПОМОРЬѢ.

ОТВѢТЫ И ЗАМѢТКИ.

ДАЛЬНѢЙШАЯ БОРЬБА О РУСИ И БОЛГАРАХЪ.

(послѣ 1876 года).

ГУННСКIЙ ВОПРОСЪ.

О МНИМОМЪ ПРИЗВАНІИ ВАРЯГОВЪ. *)

Вотъ вопросъ, о которомъ такъ много было писано и говорено, что, казалось, онъ вполнѣ исчерпанъ, и трудно сказать еще что-нибудь, чего не было сказано. И тѣмъ не менѣе этотъ старый вопросъ все-таки остается новымъ. Напрасно Скандинавская школа считаетъ его вполнѣ рѣшеннымъ. Чтобы помириться съ ея рѣшеніемъ, надобно постоянно заглушать въ себѣ сомнѣнія и противорѣчія, возникающія при всякомъ сколько-нибудь внимательномъ отношеніи къ дѣлу. Не вдругъ, не подъ вліяніемъ какого-либо увлеченія мы пришли къ отрицанію ея системы. Только убѣдившись въ ея полной несостоятельности, рѣшаемся предложить нѣкоторые результаты изъ своего знакомства съ литературой этого вопроса, а также изъ собственныхъ наблюденій и размышленій. Выступая противъ Скандинавской школы, какъ господствующей до сихъ поръ въ нашей исторіографіи, мы принуждены иногда прибѣгать къ пріемамъ полемическимъ. Но въ настоящемъ отрывкѣ ограничиваемся собственно борьбой съ тѣмъ или другимъ мнѣніемъ, а не съ лицами, то-есть не съ тою или другою книгой. Представители норманской школы оказали столько заслугъ наукѣ Русской исторіи, что, и помимо вопроса о призваніи Варяговъ, они сохранятъ свои права на глубокое уваженіе. Точно такъ же отрицать нѣкоторыя сказанія изъ начальныхъ страницъ русскихъ лѣтописей еще не значитъ отрицать значеніе самихъ лѣтописей: безъ нихъ что было бы съ нашей исторіей? Въ самомъ данномъ вопросѣ норманская школа чрезвычайно много способствовала его разъясненію, хотя бы и въ отрицательномъ смыслѣ. Не она придумала сказаніе о призваніи Варяговъ; она взяла его уже готовымъ и употребила всѣ научныя средства для того, чтобы возвести это сказаніе въ историческій фактъ. Если и послѣ того остаются непримиримыя противорѣчія, исходящія отъ фактовъ

*) Русскій Вѣстникъ. 1871 г. Ноябрь и Декабрь.

несомнѣнныхъ, стало-быть призваніе Варяговъ никоимъ образомъ не можетъ получить догматическаго характера, и надобно обратиться въ другую сторону, чтобы выяснить начало Русскаго государства и Русской національности.

I.

Норманисты и ихъ противники.—Невѣроятность призванія.

Приведемъ столь извѣстныя слова русской начальной лѣтописи подъ 862 годомъ:

„Рѣша сами въ себѣ: поищемъ собѣ князя иже бы володѣлъ „нами и судилъ по праву". Идоша за море къ Варягамъ къ Руси; сице бо ся зваху тьи Варязи Русь, яко се друзіи зовутся Свое, друзіе же Урмане, Англяне, друзіе Гъте, тако и си. Рѣша Руси Чюдь, Словѣни и Кривичи: „вся земля наша велика и обильна, „а наряда въ ней нѣтъ; да поидѣте княжить и володѣти нами". И изъбрашася три братья съ роды своими, пояша по себѣ всю Русь, и придоша; старѣйшій Рюрикъ сѣдѣ въ Новѣградѣ; а другой Синеусъ на Бѣлѣозерѣ, а третій Изборьстѣ Труворъ. Отъ тѣхъ прозвася Русская земля Новугородци: тьи суть людье Ноугородцы отъ рода Варяжска, преже бо бѣша Словѣни".

Въ цѣлой исторической литературѣ навѣрно ни одной легендѣ не посчастливилось какъ той, которую мы сейчасъ выписали. Въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій ей вѣрили и повторяли ее на тысячу ладовъ. Цѣлый рядъ почтенныхъ тружениковъ науки потратилъ много учености и таланту на то, чтобъ объяснить, обставить эту легенду и утвердить ее на историческихъ основаніяхъ; напомнимъ уважаемыя имена Байера, Струбе, Миллера, Тунмана, Стриттера, Шлецера, Лерберга, Круга, Френа, Буткова, Погодина и Куника. Тщетно являлись имъ нѣкоторые противники и съ большимъ или меньшимъ остроуміемъ возражали на ихъ положенія; каковы: Ломоносовъ, Татищевъ, Эверсъ, Нейманъ, Венелинъ, Каченовскій, Морошкинъ, Савельевъ, Надеждинъ, Максимовичъ и др. Въ области русской исторіографіи поле оставалось доселѣ за системой скандинавомановъ; назовемъ труды Карамзина, Полеваго, Устрялова, Германа, Соловьева. Не говоримъ о трудахъ болѣе дробныхъ, трактующихъ о Норманскомъ періодѣ и о скандинавскомъ вліяніи на русскую жизнь. Что касается до западной ли-

тературы, тамъ скандинавская система царитъ безъ всякой оппозиціи; такъ что, если рѣчь заходитъ о Русскомъ государствѣ, о началѣ Русской національности, то онѣ неизбѣжно связываются съ призваніемъ Варяговъ.

Уже одно то обстоятельство, что въ нашей средѣ никогда не прекращались сомнѣнія въ истинѣ скандинавской теоріи и возраженія противъ нея, указываетъ на ея недостаточную убѣдительность, на присутствіе въ ней натяжекъ и противорѣчій, на ея искусственное построеніе. И дѣйствительно, чѣмъ глубже вникаешь въ этотъ вопросъ, тѣмъ болѣе и болѣе выступаютъ наружу натяжки и противорѣчія норманской системы. Если она удерживала до сихъ поръ господствующее положеніе, то главнымъ образомъ благодаря своей наружной стройности, своему положительному тону и относительному единству своихъ защитниковъ; между тѣмъ какъ противники наносили ей удары въ разсыпную, поражали нѣкоторыя отдѣльныя доказательства; но мало трогали самую существенную ея основу. Этою основой я называю вышеприведенную легенду о призваніи князей. Противники норманистовъ по большей части вѣрили въ призваніе или вообще въ пришествіе князей, сводили вопросъ къ тому, откуда пришли эти князья, и по этому поводу строили системы еще менѣе вѣроятныя чѣмъ Скандинавская.

Въ послѣдніе годы Варяжскій вопросъ снова оживился въ нашей литературѣ, то-есть снова поднялись голоса противъ норманистовъ. Наиболѣе замѣчательный трудъ въ этомъ отношеніи принадлежитъ Гедеонову: *Отрывки изъ изслѣдованій о Варяжскомъ вопросѣ*. Эти отрывки представляютъ прекрасный сводъ возраженій на доказательства норманистовъ, возраженій отчасти уже высказанныхъ прежде, отчасти добытыхъ собственными изысканіями г. Гедеонова. Изъ этихъ „отрывковъ“ мы пока не можемъ вполнѣ судить о его конечныхъ выводахъ. Мы видимъ, что онъ считаетъ Русь славянскимъ племенемъ, и пытается, подобно Эверсу, дать видное мѣсто въ нашей исторіи угрохазарскому вліянію. Въ то же время г. Гедеоновъ примыкаетъ къ тѣмъ ученымъ, которые указывали на Славяно-Балтійское поморье; слѣдовательно онъ не отрицаетъ такъ-называемаго призванія или пришествія варяжскихъ князей *). Еще нѣсколько прежде Гедеонова выступилъ г. Косто-

*) Насколько сильна отрицательная (то-есть антискандинавская) сторона изслѣдованій г. Гедеонова, можно заключить изъ того, что главные представители

маровъ съ теоріей о литовскомъ происхожденіи Руси; но его соображенія, исполненныя впрочемъ большаго остроумія, не нашли послѣдователей. Далѣе, многія дѣльныя возраженія противъ норманистовъ находимъ въ трудахъ, которыя касаются этого вопроса только отчасти, а именно: у Ламанскаго *(О Славянахъ въ Испаніи, Азіи и Африкѣ)*, архимандрита Порфирія Успенскаго *(Четыре бесѣды Фотія)*, Котляревскаго *(О погребальныхъ обычаяхъ у Славянъ)* и Хвольсона *(Извѣстія о Хазарахъ, Буртасахъ и пр. Ибнъ-Даста)*.

Обратимся теперь къ самому вопросу о Варягахъ и Руси. Повторимъ вкратцѣ главныя основанія, на которыхъ держалась Скандинавская система.

1. Извѣстіе русской лѣтописи (то-есть вышеприведенное мѣсто).

2. Путь изъ Варягъ въ Греки, описанный въ той же лѣтописи, и связанныя съ нимъ имена Днѣпровскихъ пороговъ, приведенныя Константиномъ Багрянороднымъ.

3. Имена князей и дружины, въ особенности по договорамъ Олега и Игоря.

4. Извѣстія византійскихъ писателей о Варягахъ и Руси.

5. Финское названіе Шведовъ Руотсы и названіе шведской Упландіи Рослагеномъ.

6. Извѣстіе Бертинскихъ лѣтописей о трехъ русскихъ послахъ и извѣстіе Ліутпранда о Руссахъ-Норманахъ.

7. Извѣстія арабскихъ писателей.

8. Скандинавскія саги.

9. Позднѣйшія связи русскихъ князей съ Скандинавами.

Первымъ и самымъ главнымъ основаніемъ теоріи норманистовъ служитъ извѣстіе русской лѣтописи о призваніи князей изъ-за моря. Мы сказали выше, что противники ихъ почти не трогали этого основанія. Большею частью они, точно такъ же какъ и скандинавоманы, принимали призваніе или вообще пришествіе князей за исходный пунктъ Русской исторіи и расходились только въ рѣшеніи вопроса: откуда они пришли и къ какому народу принадлежали? Такъ, Татищевъ и Болтинъ выводили ихъ изъ Финляндіи, Ломоносовъ—изъ славянской Пруссіи, Эверсъ—изъ

Скандинавской школы (гг. Погодинъ и Куникъ) отдали ему полную справедливость и отступились отъ нѣкоторыхъ своихъ доказательствъ. Но положительная сторона (именно Хазарскій хаганатъ въ Кіевѣ и пришествіе князей съ Балтійскаго поморья) конечно не найдутъ себѣ подтвержденія.

Хазаріи, Гольманъ—изъ Фрисландіи, Фатеръ—изъ Черноморскихъ Готовъ, Венелинъ, Морошкинъ, Савельевъ, Максимовичъ (и въ послѣднее время Гедеоновъ)—отъ балтійскихъ и полабскихъ Славянъ, Костомаровъ—изъ Литвы. (Есть еще мнѣніе, примыкающее къ Эверсу, о происхожденіи русскихъ князей отъ Угро-Хазаръ; см. Юргевича „О мнимыхъ норманскихъ именахъ въ русской исторіи". *Зап. Одес. Об.* т. VI). Мы не видимъ, чтобы кто-либо между изслѣдователями, занимавшимися Варяжскимъ вопросомъ, обратилъ исключительное вниманіе на фактическую достовѣрность самаго извѣстія о призваніи Варяговъ и вообще объ иноземномъ происхожденіи княжеской династіи. Напротивъ, почти всѣ изслѣдователи идутъ отъ упомянутой лѣтописной легенды, и только различнымъ образомъ толкуютъ ея текстъ; напримѣръ: что она разумѣетъ подъ Варягами Русью? На какое море она указываетъ? Въ какомъ смыслѣ понимать слова: „Пояша по себѣ *всю* Русь" и т. п.? Спорили иногда о правописаніи, о разстановкѣ знаковъ въ лѣтописномъ текстѣ, чтобы заставить его говорить въ пользу своего мнѣнія. А между тѣмъ весь этотъ текстъ, по нашему крайнему разумѣнію, нисколько не въ состояніи выдержать исторической критики, незатемненной предвзятыми идеями и толкованіями. Чѣмъ ближе мы держимся его буквальнаго смысла, тѣмъ болѣе и болѣе путаемся въ нескончаемыхъ противорѣчіяхъ, когда начинаемъ сопоставлять его съ другими несомнѣнно историческими фактами. И наоборотъ: только убѣдившись, что мы имѣемъ дѣло съ легендой, а не съ историческимъ фактомъ, получаемъ возможность стать на болѣе прочную основу *).

Начнемъ съ того: есть ли малѣйшая вѣроятность, чтобы народъ, да и не одинъ народъ, а нѣсколько, и даже не одного племени, сговорились разомъ, и призвали для господства надъ собою цѣлый другой народъ, то-есть добровольно наложили бы на себя чуждое иго? Такихъ примѣровъ нѣтъ въ исторіи, да они и немыслимы. А что въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь не о князьяхъ только и ихъ дружинѣ, но о цѣломъ народѣ, въ этомъ едва

---

*) Только скептическая школа Каченовскаго заподозрила несостоятельность всего этого сказанія, но говорила о томъ мимоходомъ, безъ связи съ другими данными, не развивая ничего до конечныхъ выводовъ и подчасъ просто увлекаясь своими отрицаніями. Тѣмъ не менѣе, школа эта далеко не заслуживаетъ того суроваго приговора, который надъ ней произносили. Нѣкоторыя мысли, высказанныя ею о русской лѣтописи, нашли себѣ оправданіе въ позднѣйшихъ изслѣдованіяхъ.

ли можетъ быть какое сомнѣніе. Сама русская лѣтопись представляетъ тому убѣдительныя доказательства. По ея словамъ, въ 862 году Рюрикъ съ братьями призванъ въ Новогородскую землю. Въ томъ же году Оскольдъ и Диръ уходятъ отъ него на югъ и захватываютъ Кіевъ, а черезъ годъ или черезъ два они уже нападаютъ на Константинополь въ количествѣ 200 лодокъ, на которыхъ помѣщалось приблизительно до 10.000 войска, состоящаго изъ Руси. (Да и это количество еще слишкомъ незначительно въ сравненіи съ такимъ предпріятіемъ, какъ нападеніе на Константинополь). А между тѣмъ Оскольдъ и Диръ могли отвлечь только часть Руси отъ Рюрика, у котораго оставалась главная ея масса. Напомнимъ, что, судя по лѣтописи, онъ господствуетъ отъ Чудскаго озера и Западной Двины до низовьевъ Оки и занимаетъ своими дружинами главные пункты въ этихъ земляхъ (Новгородъ, Бѣлоозеро, Изборскъ, Ростовъ, Полоцкъ, Муромъ и конечно нѣкоторые другіе). Далѣе, что сказать о непосредственно слѣдующихъ затѣмъ обширныхъ завоеваніяхъ и походахъ Олега, предпринятыхъ со многими десятками тысячъ? Судя по лѣтописи, онъ совокупилъ войска изо всѣхъ подвластныхъ ему народовъ. Но вѣдь это были народы большею частью только-что покоренные; слѣдовательно, чтобы держать ихъ въ покорности и двигать съ собою ихъ вспомогательныя войска, нужна была значительная и однородная масса завоевателей; притомъ, такое движеніе возможно только на сушѣ, а не на морѣ. Походъ Олега на Царьградъ, предпринятый въ столь широкихъ размѣрахъ и исполненный съ такою удачей, если бы былъ достовѣренъ, указывалъ бы на опытныхъ и безстрашныхъ моряковъ, слѣдовательно опять на массу болѣе или менѣе однородную. Едва ли въ этомъ морскомъ ополченіи можно допустить присутствіе приведенныхъ въ лѣтописи элементовъ, въ родѣ Мери, Радимичей и т. п. народовъ, жившихъ внутри Россіи и совсѣмъ незнакомыхъ съ моремъ. Если даже оставить въ сторонѣ походъ Олега, о которомъ Византійцы не упоминаютъ, то остается еще походъ Игоря; о немъ византійскіе историки говорятъ такъ же положительно, какъ и о нападеніи Оскольда (не называя впрочемъ послѣдняго по имени). Несмотря на всю краткость и отрывочность византійскихъ извѣстій о походѣ Игоря, мы можемъ однако догадываться, что это не былъ простой набѣгъ только изъ-за добычи, какъ обыкновенно у насъ его изображаютъ; нѣтъ, это была цѣлая и довольно продолжительная война. Руссы вы-

садились въ Малой Азіи и воевали тамъ нѣсколько мѣсяцевъ (а въ Малой Азіи были тогда многочисленныя славянскія поселенія, не всегда покорныя Византіи); между тѣмъ флотъ ихъ опустошалъ берега Воспора. Византійская имперія только съ большимъ напряженіемъ своихъ силъ заставила наконецъ Руссовъ удалиться. (Нельзя не отдать нѣкоторой справедливости мнѣнію Венелина, который связываетъ эти предпріятія съ событіями въ Болгаріи и съ отношеніями Болгаріи къ Византіи. Походы Святослава вполнѣ подтверждаютъ это мнѣніе).

А походы Руссовъ на Каспійское море въ 913 и 944 годахъ, упоминаемые Арабами и предпринятые также десятками тысячъ воиновъ? Обратите вниманіе на тѣ мѣста договоровъ Олега и Игоря, гдѣ говорится о свѣтлыхъ русскихъ князьяхъ, состоявшихъ подъ рукой Кіевскаго князя; въ договорѣ Игоря приводятся и многія имена этихъ (удѣльныхъ) князей; каждый изъ нихъ имѣлъ, конечно, свою дружину. Обратите вниманіе также на главныя статьи этихъ договоровъ. Развѣ онѣ не указываютъ на существованіе уже значительныхъ и дѣятельныхъ торговыхъ сношеній, и не однихъ торговыхъ, но и посольскихъ? Договоры ведутся исключительно отъ имени Руси, какъ народа сильнаго, давно осѣдлаго на своихъ мѣстахъ и довольно ясно опредѣлявшаго свои отношенія къ сосѣдяхъ. Эта Русь выдѣляетъ изъ себя значительное количество торговыхъ людей, которые предпринимаютъ далекія плаванія и подолгу проживаютъ въ чужихъ странахъ. (О большихъ русскихъ караванахъ, ходившихъ ежегодно въ Черное Море, говоритъ и Константинъ Багрянородный). Эти русскіе купцы-воины, торговавшіе въ Константинополѣ, были настолько многочисленны, что, въ видахъ безопасности, ставится условіемъ, чтобъ они не входили въ городъ за разъ болѣе 50 человѣкъ, и притомъ безъ оружія. Въ тѣхъ же договорахъ говорится не объ однихъ торговцахъ и послахъ, но упоминаются и Руссы, состоявшіе наемниками въ войскахъ византійскихъ императоровъ (о русскихъ наемныхъ отрядахъ говорятъ и византійскіе историки). Параллельно съ этими договорами мы можемъ поставить относящіяся къ той же эпохѣ арабскія извѣстія о русскихъ торговыхъ караванахъ на Волгѣ, то-есть въ Хазаріи; въ городѣ Итилѣ, столицѣ Хазарской, встрѣчаемъ цѣлую колонію русскихъ купцовъ; у Хазарскаго царя также есть наемное войско изъ Руссовъ.

Все доказываетъ, что Русь, основавшая наше государство, не

была какою-нибудь отдѣльною дружиной или какимъ-то родомъ, который пришелъ съ своими князьями, призванными въ Новгородскую землю для водворенія порядка. Нѣтъ, это былъ цѣлый сильный народъ, отличавшійся предпріимчивымъ, суровымъ и властолюбивымъ характеромъ. На его свирѣпость сильно жалуются византійскія извѣстія. Не однимъ сосѣдямъ доставалось отъ этого народа; господство его не было легкимъ и для подчиненныхъ племенъ; изъ ихъ среды онъ конечно бралъ то огромное количество рабовъ, которыхъ отсылалъ на продажу въ сосѣднія страны. Припомнимъ слова, вложенныя въ уста Святослава, о томъ, что изъ Руси идутъ въ Грецію шкуры, воскъ, медъ и *челядь*. По извѣстіямъ Константина Багрянороднаго и Ибнъ Фадлана, у русскихъ купцовъ главнымъ товаромъ также являются невольники и невольницы. Звѣриными шкурами и медомъ платили дань Руси подчиненныя ей племена. Что эти племена чувствовали тяжелую руку господствующаго народа и не были равнодушны къ своему положенію, показываетъ смерть Игоря и послѣдующая затѣмъ истребительная война съ Древлянами. Человѣческія жертвы, приносимыя кіевскому Перуну, также не свидѣтельствуютъ въ пользу тихихъ, кроткихъ нравовъ, которыми нашъ лѣтописецъ надѣляетъ племя Полянъ (иначе называвшееся Русью). По лѣтописи выходитъ что, какъ сѣверные Славяне добровольно призвали къ себѣ господъ, такъ и южныя племена большею частію покорились имъ легко. „Кому дань даете?“ спрашиваетъ русскій князь. „Хазарамъ!“ отвѣчаютъ Сѣверяне или Радимичи. „Не давайте Хазарамъ, а мнѣ давайте“. И племена будто бы покорно повиновались.

Нѣкоторые писатели, поддерживающіе скандинавское происхожденіе Руси, не настаиваютъ собственно на добровольномъ призваніи, а склоняются къ тому, чтобы предположить завоеваніе или какую другую комбинацію. Но вопросъ все-таки сводится къ тому же выводу. Такъ какъ изъ самой же лѣтописи вытекаетъ, что это былъ сильный народъ, въ короткое время покорившій столько племенъ и основавшій огромное государство; слѣдовательно онъ долженъ былъ совершить свое движеніе изъ Скандинавіи въ значительныхъ массахъ и произвести нашествіе въ родѣ, напримѣръ, Остготовъ или Лангобардовъ, покорившихъ Италію. Но могло ли подобное движеніе остаться незамѣченнымъ современниками и не найти никакого отголоска ни въ скандинавскихъ, ни въ нѣмецкихъ, ни въ византійскихъ источникахъ?

Слѣдовательно, такого движенія не было. Да оно и не могло быть въ подобныхъ размѣрахъ. Ближайшая къ Россіи скандинавская страна, Швеція, была въ тѣ времена сама еще очень бѣдно населена; германскій элементъ ея былъ еще очень малолюденъ. Наиболѣе сильный норманскій народъ, Датчане, около того времени только-что заявили себя морскими набѣгами; но ихъ стремленіе было обращено на берега Западной Европы; главныя усилія ихъ, какъ извѣстно, обратились на Англію. О Норвежцахъ можно сказать то же что о Шведахъ и Датчанахъ вмѣстѣ, то-есть они были такъ же малочисленны какъ Шведы и такъ же стремились на западъ какъ Датчане. Мы видимъ, какъ создалось Нормандское герцогство, подготовленное предыдущими нападеніями Норманновъ, какъ постепенно подготовилось окончательное завоеваніе Англіи, и при какихъ обстоятельствахъ положено начало Неаполитанскому королевству. Можно ли отсюда заключить о томъ, что всѣмъ тремъ упомянутымъ событіямъ уже предшествовало быстрое завоеваніе тѣми же народами всего пространства отъ Финскаго залива до Чернаго Моря, пространства, населеннаго отнюдь не робкими, безсильными или малочисленными племенами. Надо оставить мнѣніе, пущенное въ ходъ хотя и знаменитымъ писателемъ (Шафарикомъ), но тѣмъ не менѣе ошибочное, мнѣніе о какой-то миролюбивой, пассивной натурѣ Славянъ, одаренной разными благими качествами, за исключеніемъ главныхъ, каковы любовь къ независимости и способность организаціи.

Скандинавскимъ народамъ было не подъ силу въ IX вѣкѣ основаніе такого огромнаго государства, каково Русское. На востокѣ имъ было достаточно дѣла и съ Балтійскими Славянами.

II.

Договоры съ Греками—Извѣстія Византійцевъ.

Норманисты много опирались на договоры Олега и Игоря для подтвержденія своей системы, и нѣкоторые изъ нихъ горячо отстаивали подлинность договоровъ. Дѣйствительно, нѣтъ никакихъ серіозныхъ поводовъ сомнѣваться въ ихъ подлинности; это почти единственные документальные источники, занесенные на первыя страницы нашей лѣтописи. Потому-то ихъ содержаніе во многомъ и противорѣчитъ тѣмъ легендарнымъ расказамъ, которыми они

обставлены. При внимательномъ разсмотрѣніи, они могутъ служить однимъ изъ важнѣйшихъ доказательствъ не истинности, а напротивъ ложности скандинавизма. Если Олегъ былъ Норманнъ, пришедшій въ Россію съ Рюрикомъ, и дружина его состояла изъ Норманновъ, то какъ же, по свидѣтельству договора, они клянутся славянскими божествами Перуномъ и Волосомъ, а не скандинавскими Одиномъ и Торомъ? Та же клятва повторяется въ договорахъ Игоря и Святослава. Мы видѣли, что Русь по всѣмъ несомнѣннымъ признакамъ была сильный многочисленный народъ и народъ господствующій. Если-бы это былъ народъ пришедшій изъ Скандинавіи, то какъ могъ онъ такъ быстро измѣнить своей религіи и кто его могъ къ тому принудить? Даже, если принять положеніе, что это былъ не народъ (что совершенно невѣроятно), а скиндинавская династія съ своею дружиной, которая составила только высшее сословіе, такъ-называемую аристократію въ странѣ Славянъ, и тогда нѣтъ никакой вѣроятности, чтобы господствующій классъ такъ скоро отказался отъ своей религіи въ пользу религіи подчиненныхъ. Удивительно, какъ эта несообразность не бросилась въ глаза норманистамъ. Впрочемъ и ихъ противники слишкомъ мало обратили вниманія на это обстоятельство.

Договоры Олега и Игоря убѣждаютъ насъ въ томъ, что Русь существовала на Днѣпрѣ и на Черномъ морѣ задолго до второй половины IX вѣка, то-есть до эпохи такъ-называемаго призванія князей. Мы уже говорили, что эти договоры указываютъ на довольно развитыя и слѣдовательно давнія торговыя сношенія. Подобныя сношенія, и притомъ сопровождаемыя формальными договорами, не могли завязаться вдругъ, безъ цѣлаго ряда соотвѣтствующихъ обстоятельствъ. И дѣйствительно, тѣ же договоры заключаютъ въ себѣ прямые намеки на то, что они были повтореніемъ прежнихъ, такихъ же мирныхъ трактатовъ. Напримѣръ, выраженія: „на удержаніе и на извѣщеніе отъ многихъ лѣтъ межю Христіяны и Русью бывшюю любовь"; или: „любовь бывшюю межю Христіяны и Русью", и т. п. (см. договоръ Олеговъ). Въ этомъ отношеніи они имѣютъ непосредственную внутреннюю связь съ извѣстными двумя рѣчами византійскаго митрополита Фотія, произнесенными по поводу нападенія Руси на Константинополь, въ 865 г. Вотъ что говорится во второй бесѣдѣ: „Эти варвары справедливо разсвирѣпѣли за умерщвленіе ихъ соплеменниковъ и благословно требовали и ожидали кары, равной злодѣянію". И ниже: „Ихъ привелъ къ намъ гнѣвъ ихъ; но, какъ мы видѣли, Божія

милость отвратила ихъ набѣгъ". (См. *Четыре бесѣды Фотія*— архим. Порфир. Успенскаго). Отсюда ясно, что первое нашествіе Руссовъ на Константинополь также не было простымъ разбойничьимъ набѣгомъ: по всей вѣроятности ему предшествовало убіеніе русскихъ торговцевъ въ Греціи и отказъ Грековъ въ удовлетвореніи. Произошло событіе подобное тому, которое мы встрѣчаемъ гораздо позднѣе, при Ярославѣ I, когда за убійство русскихъ купцовъ въ Византіи онъ посылалъ флотъ съ сыномъ своимъ Владиміромъ. Арабскій писатель Хордадбегъ говоритъ, что Византійскій императоръ и царь Хазаріи взимали десятину съ русскихъ купцовъ. Это свидѣтельство подтверждаетъ существованіе давнихъ торговыхъ сношеній Руси съ при-Понтійскими и при-Каспійскими странами; такъ какъ Хордадбегъ писалъ въ эпоху Рюрика и Оскольда. А по Скандинавской системѣ Русь въ это время только появляется въ Россіи; когда же она успѣла организовать свои торговыя сношенія съ Греками и Хазарами, неужели еще въ то время, когда жила въ Скандинавіи?

Упомянутыя двѣ бесѣды Фотія, современныя такъ называемому призванію къ намъ Варяговъ, представляютъ и еще кое-какія черты для уясненія вопроса о Руссахъ. Хотя онъ тутъ иногда впадаетъ въ нѣкоторыя противорѣчія съ самимъ собою, но эти противорѣчія легко объясняются реторическими оборотами и не мѣшаютъ понимать ихъ настоящій смыслъ. То онъ выражается о Руссахъ высокопарно, иногда словами Библіи. Напримѣръ: „Народъ сей двинулся съ сѣвера съ тѣмъ, чтобы дойти до втораго Іерусалима, и людъ сей устремился съ конца земли, неся съ собой стрѣлы и копья. Онъ грозенъ и не милуетъ. Голосъ его какъ шумъ моря", и т. д. или: „Я вижу народъ жестокій и борзый, смѣло окружающій нашъ городъ и расхищающій предмѣстья его". То онъ отзывается о нихъ съ презрѣніемъ и старается умалить ихъ значеніе: „О градъ, царь едва не всей вселенной! Какое воинство ругается надъ тобою, какъ надъ рабою!—необученное и набранное изъ рабовъ! Что̀ за народъ вздумалъ взять тебя въ добычу?... Слабый и ничтожный непріятель смотритъ на тебя сурово, пытаетъ на тебѣ крѣпость руки своей и хочетъ нажить себѣ славное имя". И въ другомъ мѣстѣ: „Тѣ, которыхъ усмиряла самая молва о Ромеяхъ, тѣ подняли оружіе противъ державы ихъ". И далѣе: „Народъ, ничѣмъ не заявившій себя, народъ непочетный, считаемый наравнѣ съ рабами, неименитый, но пріобрѣтшій славу со времени похода къ намъ, незначительный,

но получившій значеніе, смиренный и бѣдный, но достигшій высоты блистательной и нажившій богатство несмѣтное, народъ гдѣ-то далеко отъ насъ живущій, варварскій, кочевой, гордый оружіемъ, не имѣющій стражи, безъ военнаго искусства, такъ грозно, такъ мгновенно, какъ морская волна, нахлынулъ на предѣлы наши" и пр. Подобныя реторическія черты находились въ связи съ различными оборотами рѣчи. Когда ораторъ рисуетъ вообще яркую картину нашествія „тучи варваровъ", то изображаетъ ихъ грозными и неодолимыми; когда же онъ мечетъ громы противъ грѣховъ, въ которыхъ погрязло столичное населеніе, то для бо́льшаго оттѣнка изображаетъ ничтожество непріятелей, которые посланы какъ кара небесная на изнѣженныхъ и праздныхъ жителей. „Чѣмъ неименитѣе и незначительнѣе народъ, который до нападенія на насъ ничѣмъ не далъ себя знать, тѣмъ бо́льшій стыдъ намъ приписывается", поясняетъ самъ Фотій.

Истина конечно заключается въ срединѣ. Нахлынувшіе варвары не были врагами неодолимыми; но въ то же время они были настолько сильны, что отважились напасть на такой огромный и хорошо защищенный городъ, какимъ былъ Константинополь. „Походъ этихъ варваровъ схитренъ былъ такъ, что и молва не успѣла оповѣстить насъ, и мы услышали о нихъ уже тогда, когда увидѣли ихъ, хотя и раздѣляли насъ столькія страны и народоначальства, судоходныя рѣки и пристанищныя моря". Замѣчательно при этомъ то обстоятельство, что нападеніе столь быстро и ловко сдѣланное произошло именно въ то время, когда императоръ Михаилъ III находился съ главными силами въ походѣ противъ Сарацинъ—обстоятельство, вѣроятно, не безызвѣстное Руссамъ. Быстрота похода доказываетъ только, что Черное море и его берега были имъ хорошо знакомы. Слѣдовательно выраженія: „народъ кочевой", „безъ военнаго искусства", „войско набранное изъ рабовъ" и т. д., это отчасти реторика, а отчасти и греческая точка зрѣнія на подвижныхъ, предпріимчивыхъ Руссовъ, на ихъ изобиліе рабами (челядью) и ихъ ополченіе, не похожее на стройные (сравнительно) греческіе легіоны. Эти бесѣды Фотія ровно ничего не даютъ въ пользу норманской теоріи, и однако норманисты находятъ возможнымъ на нихъ ссылаться. Напримѣръ, будто вышеприведенныя фразы объ отдаленности Руси, о странахъ и моряхъ, отдѣляющихъ ее отъ Византіи и т. п.—будто это намекаетъ на Скандинавію. Но, вопервыхъ, не забудемъ реторическій характеръ бесѣдъ; а, вовторыхъ, для обитателя Константинополя въ тѣ вре-

мена, не только Кіевъ (не говорю о Новгородѣ), но и сѣверныя прибрежья Чернаго моря должны были представляться мѣстами лежащими гдѣ-то далеко на сѣверѣ, чуть не на краю свѣта. Вспомнимъ, какое продолжительное и трудное плаваніе совершали русскія суда, направлявшіяся въ Константинополь; они огибали вдоль береговъ съ ихъ заливами, устьями рѣкъ, мысами, и т. д.; слѣдовательно они дѣйствительно должны были касаться различныхъ странъ и разныхъ народовъ, находившихся между Днѣпромъ и Константинополемъ. Что Византійцы называли иногда гиперборейскими, то-есть сѣверными, народы обитавшіе въ южной Россіи, тому можно найти и другіе примѣры. (Такъ названы у Льва Діакона Хазары).

Бесѣды Фотія даютъ понять, что Русь не была для Грековъ какимъ-то неизвѣстнымъ дотолѣ народомъ, что столкновенія съ нею были и прежде. Но въ то же время изъ нихъ ясно вытекаетъ, что это было первое грозное нашествіе Руси, нападеніе на самый Константинополь—нападеніе, заставившее Грековъ обратить на Русь болѣе вниманія чѣмъ прежде. Фотій уясняетъ намъ, почему съ этого событія начинаются болѣе прямыя извѣстія у византійскихъ историковъ о Руси подъ ея собственнымъ именемъ, а не подъ именемъ Скиѳовъ, Сарматовъ и т. п. Отсюда мы выводимъ непосредственное отношеніе къ нашей лѣтописи. Руководствуясь своими образцами, то-есть византійскими хронографами, она начинаетъ исторію Руси тѣмъ же самымъ событіемъ, то-есть первымъ нашествіемъ ихъ на Константинополь. Но такъ какъ это событіе нисколько не объясняетъ начала Русскаго государства, то ему и предпосылается легенда о призваніи князей. Фотій, современникъ этого мнимаго призванія, не дѣлаетъ о немъ ни малѣйшаго намека; а между тѣмъ, характеризуя непріятельскій народъ, по всей вѣроятности онъ упомянулъ бы и о его предводителяхъ. Но извѣстіе о призваніи является въ русской лѣтописи такою же легендою, какъ и расказъ о погруженіи ризы отъ иконы Влахернской Богородицы и возставшей послѣ того бури, которая разметала суда Руссовъ. Этотъ расказъ является у нѣкоторыхъ позднѣйшихъ Византійцевъ и отъ нихъ буквально перешелъ въ нашу лѣтопись. Бесѣды Фотія возстановляютъ для насъ событіе въ настоящемъ видѣ; причемъ буря дѣйствительно играетъ роль, но только наоборотъ, въ началѣ событія, а не въ концѣ. Онъ говоритъ, что варвары приблизились въ бурную, мрачную ночь, но что море потомъ утихло, и они спокойно об-

ступили городъ; а удалились они въ то время, когда риза Богородицы торжественно носилась вокругъ стѣнъ (вѣроятно заслышавъ о приближени императорскаго флота и войска).

Патріархъ Фотій кромѣ своихъ бесѣдъ оставилъ намъ и еще свидѣтельство о Руссахъ, именно въ своемъ окружномъ посланіи 866 года, гдѣ онъ говоритъ объ обращеніи въ христіанство Болгаръ и Руссовъ. Здѣсь нѣсколько менѣе реторики, чѣмъ въ бесѣдахъ, и болѣе прямыхъ, ясныхъ указаній. Приведемъ его слова: „Не только оный народъ (Болгаре) перемѣнилъ древнее нечестіе на вѣру во Христа, но и народъ часто многими упоминаемый и прославляемый, превосходящій всѣ другіе народы своею жестокостію и кровожадностію,—я говорю о Руссахъ,—которые, покоривъ окрестные народы, возгордились и, возымѣвъ о себѣ высокое мнѣніе, подняли оружіе на Римскую державу. Теперь они сами перемѣнили нечестивое языческое суевѣріе на чистую и непорочную христіанскую вѣру, и ведутъ себя (въ отношеніи насъ) почтительно и дружески, тогда какъ незадолго предъ тѣмъ безпокоили насъ своими разбоями и учинили великое злодѣяніе“. Изъ приведенныхъ словъ вытекаетъ, что Фотій достаточно зналъ Руссовъ, что въ то время они уже господствовали надъ сосѣдними народами, и сочли себя настолько сильными, чтобы напасть на самый Константинополь, чѣмъ заставили много говорить о себѣ. И ни слова объ ихъ князьяхъ пришедшихъ изъ Скандинавіи! Все это, разумѣется, нисколько не согласуется съ нашими лѣтописными Оскольдомъ и Диромъ; тамъ это странствующіе рыцари, которые только-что завладѣли Кіевомъ и немедленно бросились на Константинополь. Когда же Оскольдова Русь (то-есть пришлая дружина въ нѣсколько сотъ человѣкъ) успѣла покорить сосѣдніе народы между прибытіемъ въ Кіевъ и походомъ на Византію? (Принявъ хронологію норманистовъ, это выходитъ приблизительно въ годъ). И если они уже покорили сосѣдніе народы, то чтò же осталось бы на долю Олега? Всѣ эти несообразности замѣтилъ Шлёцеръ и выпутался изъ нихъ очень просто: Руссы нападавшіе на Константинополь, по его мнѣнію, *не настоящіе* Руссы, а какой-то неизвѣстный варварскій народъ, и Византійцы тутъ явно напутали. Но другіе норманисты не рѣшились отвергать современное свидѣтельство Фотія. Мало того, слова Фотія являются у нихъ подкрѣпленіемъ ихъ же системы. Въ бесѣдахъ онъ выражается, что варвары пришли съ далекаго сѣвера: ясно что это Скандинавія, чтò же можетъ быть сѣвер-

нѣе Скандинавіи? Въ посланіи онъ говоритъ, что Руссы поработили *окрестные* народы, опять ясно, что тутъ дѣло идетъ о Норманнахъ; извѣстно, что они въ тѣ времена если еще не покоряли, то уже нападали на Германію, Англію, Францію, Испанію и т. д. (это все окрестные народы!)

Отъ патріарха Фотія, современника мнимому прибытію Руси изъ Скандинавіи, перейдемъ къ Константину Багрянородному, современнику Игоря *). Онъ былъ свидѣтелемъ Игорева нападенія на Византію, заключалъ съ нимъ договоръ, принималъ у себя его супругу Ольгу, довольно подробно описываетъ этотъ пріемъ (въ сочиненіи *О обрядахъ Византійскаго двора*) и не пользуется случаемъ сказать что-нибудь о варяжскихъ князьяхъ, основателяхъ Русскаго государства. Рюрикъ, по нашей лѣтописи, приходился свекоръ Ольгѣ, и если не она, то кто-либо изъ ея свиты могъ сообщить любознательному императору подробности о Рюрикѣ и Олегѣ. Да и безъ нихъ Константинъ всегда имѣлъ возможность получить подобныя свѣдѣнія отъ русскихъ пословъ и купцовъ въ Константинополѣ. Если принять за истину то, что лѣтопись расказываетъ (а норманисты подтверждаютъ) о походахъ Олега, тогдашній міръ долженъ былъ наполниться его славой, и тѣмъ не менѣе Константинъ сохраняетъ о немъ упорное молчаніе. Въ другомъ своемъ сочиненіи *(Объ управленіи имперіей)* онъ сообщаетъ многія свѣдѣнія о сосѣднихъ и даже отдаленныхъ народахъ (Ломбардахъ, Арабахъ, Печенѣгахъ, Сербахъ, Хазарахъ, Уграхъ и пр.). Тутъ между прочимъ онъ говоритъ о Руссахъ; уже одно столь извѣстное описаніе ихъ плаванія по Днѣпровскимъ порогамъ показываетъ, что онъ интересовался ими и зналъ ихъ довольно хорошо, и опять никакого намека на переселеніе Руссовъ въ Россію или на завоеваніе ея какими-либо иноземными князьями. Константинъ, напримѣръ, расказываетъ о началѣ династіи Арпада у Венгровъ и объ ихъ отношеніи къ Хазарамъ; а между тѣмъ Арпадъ приходится повидимому современникомъ Рюрика. Въ третьемъ своемъ сочиненіи, „Жизнеописаніи“ своего дѣда Василія Македонянина, Константинъ говоритъ о первомъ крещеніи Руси и опять не дѣлаетъ ни малѣйшаго намека на ея нор-

---

*) Кромѣ Фотія имѣемъ и другое современное свидѣтельство о первомъ появленіи Руси подъ Царьградомъ. Никита Пафлагонянинъ въ своемъ жизнеописаніи патріарха Игнатія упоминаетъ о свирѣпствѣ скиѳскаго народа Рось въ окрестностяхъ Царьграда, также безъ всякаго намека на скандинавское происхожденіе.

манство, Изъ всѣхъ извѣстій Константина ясно вытекаетъ, что онъ считаетъ Русь народомъ туземнымъ, а не пришлымъ; притомъ онъ весьма просто и естественно передаетъ намъ данническія отношенія разныхъ славянскихъ племенъ къ господствующему народу Русь. Слѣдовательно, еслибы на Руси около той эпохи случились такіе перевороты, о которыхъ расказываютъ легенды, занесенныя въ нашу начальную лѣтопись, то есть ли какая вѣроятность, чтобы любознательный и словоохотливый Константинъ Багрянородный ничего о нихъ не зналъ, а зная—умолчалъ?

Извѣстія о Руссахъ у Фотія, Никиты и Константина Багрянороднаго находятся въ полномъ согласіи между собою и ни въ чемъ другъ другу не противорѣчатъ. То же самое можно сказать объ одномъ изъ ближайшихъ послѣ Константина историковъ, о Львѣ Діаконѣ: описывая войну Святослава съ Греками и сообщая многія подробности о Руссахъ, онъ не дѣлаетъ никакого намека на то, что считаетъ Русь пришлымъ народомъ въ Россіи. Святославъ былъ внукомъ Рюрика, и память о пришествіи Руссовъ изъ Скандинавіи или изъ другой какой страны могла еще живо сохраняться; самъ Святославъ, по мнѣнію норманистовъ, былъ типъ Норманна, а дружина его состояла преимущественно изъ Норманновъ. Между тѣмъ Левъ Діаконъ пріурочиваетъ Тавроскиѳовъ (Руссовъ) преимущественно къ берегамъ Чернаго и Азовскаго морей.

Если мы обратимся вообще къ византійскимъ извѣстіямъ о Варягахъ и Руссахъ, то разсмотрѣніе и сличеніе ихъ между собою приводитъ насъ къ слѣдующимъ положеніямъ. Вопервыхъ, византійскіе источники не смѣшиваютъ Русь съ Варягами, а говорятъ о нихъ отдѣльно. Вовторыхъ, о Руси они упоминаютъ гораздо прежде, нежели о Варягахъ. Втретьихъ, что касается до наемныхъ иноземцевъ на византійской службѣ, то Варяги составляли отряды сухопутные, а Руссы преимущественно служили во флотѣ. Норманисты нашли, что названіе Варяговъ (Варанги) слишкомъ запаздываетъ въ византійскихъ источникахъ: такъ какъ прямо и положительно подъ этимъ именемъ послѣдніе выступаютъ только въ XI вѣкѣ. А такъ какъ въ X вѣкѣ (у Константина Багрянороднаго) встрѣчаются Фарганы, то Норманисты отождествили ихъ съ Варягами; но послѣ доказательствъ г. Гедеонова отступились отъ Фаргановъ. Съ другой стороны у одного византійскаго писателя (Ѳеофана) подъ 774 годомъ говорится, что императоръ Кон-

стантинъ Копронимъ „отправляясь противъ русыхъ судовъ, двинулся въ рѣку Дуна“ (ἀπελθών αὐτὸς εἰς τά ῥούσια χελάνδια ἀπεκίνησε πρὸς τὸ εἰσελθεῖν εἰς τὸν Δανούβιον ποταμόν). Норманисты въ этомъ случаѣ переводятъ: „вступивъ въ *красныя* хеландіи“. Антинорманисты (между прочимъ Эверсъ) настаивали на *русскихъ* хеландіяхъ. (Но послѣ убѣдительныхъ доказательствъ г. Куника мы оставляемъ въ сторонѣ эти спорныя хеландіи).

Норманисты много и убѣдительно доказывали, что Варанги византійскіе были Норманны и означали то же, что у насъ Варяги. Съ чѣмъ мы совершенно согласны; только и въ этомъ случаѣ скандинавоманы слишкомъ упираютъ на Скандинавію. Относительно отечества Варанговъ, византійскія извѣстія указываютъ иногда на Германію, иногда на дальній островъ, находящійся на океанѣ, который они называютъ Туле, или причисляютъ ихъ къ Англичанамъ. Подъ островомъ Туле у Византійцевъ разумѣется вообще крайній сѣверный островъ, такъ что смотря по обстоятельствамъ подъ нимъ можно разумѣть острова Британскіе, Исландію, острова и полуострова Скандинавскіе. Но что же изъ этого? Мы все-таки не видимъ главнаго: тождества Варанговъ съ Русью, и не только нѣтъ никакого тождества, напротивъ, Византійцы ясно различаютъ Русь и Варяговъ. Русь для нихъ народъ сѣверный или даже надсѣверный (гиперборейскій); но нигдѣ они не выводятъ его съ крайняго острова, лежащаго на Океанѣ, какъ выражаются иногда о Варангахъ. Правда, Византійцы не смѣшиваютъ Русь съ Варангами; но какъ-то у нихъ мимоходомъ замѣчено, что „Русь, такъ-называемые Дромиты (обитатели Дромоса), отъ рода Франковъ“. (Продолжатели Ѳеофана и Амартола). Этого весьма неопредѣленнаго выраженія достаточно было норманистамъ, чтобы подкрѣпить свое мнѣніе о родствѣ Руси и Варанговъ, или собственно объ ихъ общемъ германскомъ происхожденіи. Но здѣсь слово Франки должно быть понимаемо въ весьма обширномъ смыслѣ, въ смыслѣ народовъ сѣверно и западно-европейскихъ: примѣры тому не рѣдки у византійскихъ писателей (какъ справедливо показалъ еще Эверсъ), отъ которыхъ странно было бы и требовать точныхъ этнографическихъ терминовъ. Притомъ самихъ Варанговъ они нигдѣ не называютъ Франками. Обыкновенно Византійцы причисляютъ Русь къ „скиѳскимъ“ народамъ; но и этимъ названіемъ не выражается какой-либо опредѣленный этнографическій типъ. Для насъ, повторяю, важно то обстоятельство, что Византійцы, близко, во очію видѣвшіе предъ собою въ одно

и то же время и Варанговъ, и Русь, нигдѣ ихъ не смѣшиваютъ и нигдѣ не говорятъ о ихъ племенномъ родствѣ. Норманскую школу не смущаетъ подобное обстоятельство. Для нея довольно и того, что ихъ смѣшиваетъ наша басня о призваніи Варяговъ-Руси. А между тѣмъ въ этомъ-то весь корень вопроса. Мало ли что̀ можетъ смѣшиваться въ темномъ народномъ преданіи, въ сказкѣ, въ пѣснѣ, въ собственномъ домыслѣ книгописца и т. п.? Но можетъ ли наука опираться на подобныя основанія? Варяги-Норманны несомнѣнно были въ Россіи; но они были здѣсь почти тѣмъ же, чѣмъ и въ Византіи, то-есть наемною дружиной. Я говорю *почти*, потому что у насъ размѣры нѣсколько другіе: у насъ они были въ началѣ и многочисленнѣе чѣмъ тамъ, и принимали большее участіе въ нашихъ событіяхъ.

Извѣстно, какъ сильно норманисты упираютъ на Днѣпровскіе пороги у Константина Багрянороднаго, который приводитъ ихъ названія въ двухъ видахъ: въ русскомъ и славянскомъ. Вотъ они. Русскія: *Ульворси, Геландри, Айфаръ, Варуфоросъ, Леанти и Струвунъ;* славянскія: *Островунипрагъ, Неясытъ, Вулнипрагъ, Веруци, Напрези.* Кромѣ того одинъ порогъ имѣлъ общее названіе, по русски и по славянски *Есупи.* Не мало эрудиціи было потрачено скандинавскою школой, чтобы *русскія* (то есть предполагаемыя скандинавскія) названія объяснить при помощи почти всѣхъ сѣверо-германскихъ нарѣчій. Досталось впрочемъ и не однимъ германскимъ нарѣчіямъ; тутъ пошли въ дѣло и кельтскія, и финскія (Струбе, Тунманъ, Лербергъ); не обращались развѣ только къ нарѣчіямъ славянскимъ. Для образца этихъ объясненій, приведемъ толкованія перваго русскаго названія, то есть Ульворси или Ульборси (Οὔλβορσι). Вопервыхъ, говорятъ норманисты, его надобно читать не Ульворси, а Ульмворси, и даже не Ульмворси, а Хольмворси; такъ какъ въ греческой передачѣ *м* передъ в (β) могло быть выброшено, а *хо* обратилось въ *у*. Затѣмъ это слово уже не представляетъ затрудненій. *Хольмъ* (Holm) въ языкахъ: англійскомъ, шведскомъ, нижне-саксонскомъ и датскомъ, означаетъ или островъ или островокъ. А вторая половина названія *ворси* напоминаетъ нижне-нѣмецкія Worth, Wurth, Wörde, Wuhrde и англосаксонскія Worth, Warth, и Warothe, означающіе или возвышеніе или берегъ; можно также производить ее отъ fors порогъ. Прекрасно; но если толковать Ульворси какъ переводъ соотвѣтствующаго ему у Константина славянскаго Ост-

ровунипрагъ, то мы не думаемъ, что надобно исключительно обращаться къ германскимъ нарѣчіямъ, когда имѣемъ и въ славянскихъ то же слово *холмъ* съ различными его варіантами: *хельмъ, хлумъ, шеломъ* и т. д., а для *борси* или *ворси* и для *форосъ* (въ словѣ Варуфоросъ, которое тоже объясняется норманистами при помощи fors) *боръ* и *воръ*, встрѣчающихся въ сложныхъ именахъ (напримѣръ, Бранибо́ръ, Раковоръ, и пр.); имѣемъ тотъ же *прагъ* или *порогъ*. (Имѣемъ еще слово *забора*, которое и до нашего времени употребляется тамъ же, на Днѣпрѣ, для обозначенія малыхъ пороговъ). Такимъ образомъ съ неменьшею вѣроятностію можно предложить для Ульборси, вмѣсто Holmfors или Holmvorth, держась ближе къ тексту, Вулборы, то есть Вулнборы, гдѣ первая половина слова будетъ та же, что́ въ названіи Вулнипрагъ (или въ позднѣйшемъ Вулнѣгъ). Можетъ быть, Ульборси совсѣмъ и не означаетъ то же самое, что̀ Островунипрагъ; а вѣрнѣе соотвѣтствуетъ именно славянскому Вулнипрагъ?

Не беру на себя задачи немедленно объяснить такъ называемыя русскія имена пороговъ у Константина; предполагаю и значительную порчу этихъ именъ въ его передачѣ, и вообще его недоразумѣніе при ихъ параллели съ именами славянскими. Можетъ быть со временемъ, когда на объясненіе ихъ при помощи славянскихъ нарѣчій употреблено будетъ хотя въ половину столько же труда и усилій, сколько было потрачено на объясненіе изъ германскихъ, вопросъ этотъ ближе подвинется къ своему рѣшенію. Ограничусь нѣсколькими замѣчаніями. Что Константинъ по большей части передалъ имена въ искаженномъ видѣ, для этого достаточно бросить взглядъ на такъ называемыя славянскія названія. Что́ такое, напримѣръ, *Веруци* (Βερούτζη)? Не поясни онъ, что это славянское слово и что оно означаетъ вареніе или кипѣніе воды (Βράσμα νεροῦ), мы пожалуй не вдругъ догадались бы о томъ, и норманисты по всей вѣроятности обратились бы къ германскимъ нарѣчіямъ для отысканія корня. Или возьмемъ общее русско-славянское названіе одного порога *Есупи* (Ἐσσουπῆ). Не прибавь Константинъ, что это значитъ *не спи* или *не спать* (μὴ κοιμᾶσθαι), много пришлось бы ломать голову, чтобы дойдти до такого смысла. Замѣчательно, что норманисты и это названіе не уступаютъ исключительно славянскому языку; они доискались, что на германскихъ нарѣчіяхъ „ne suefe“ будетъ значить тоже „не спи“ (и даже сильнѣе, такъ какъ тутъ приходится два отрицанія, одно въ началѣ, другое въ концѣ, то

есть: нѣтъ! не спи!). Далѣе, что́ такое славянское названіе *Напрези?* Опять не скажи Константинъ, что это значитъ малый порогъ, то есть порожекъ, никакъ бы не догадаться. Да и послѣ его объясненія слово остается сомнительнымъ. Его пытались видоизмѣнить въ *Набрезъ* и *Напрежье;* но все это очень натянуто. А между тѣмъ обратимъ вниманіе на соотвѣтствующее ему русское названіе *Струвунъ.* Для разъясненія его будто бы необходимо также обратиться къ скандинавскимъ: strid, strond, ström и buna, büne и т. п. Но это яко бы не славянское слово развѣ не тотъ же *Островунъ-порогъ*, приводимый Константиномъ между славянскими названіями? Струвунъ и Островунъ представляютъ такое же отношеніе какъ названія нашего древняго города Вручій и Овручъ *).

---

*) Варуфоросъ не означаетъ ли Варъ-порогъ? Въ такомъ случаѣ противъ славянскаго Веруци, слѣдовало бы поставить русское Варуфоросъ (а не Леанти), какъ происходящій отъ того же корня врети, варити. Геландри, по объясненію Константина, значитъ „шумъ порога“; отсюда мы дѣлаемъ предположеніе: не скрывается ли тутъ слово гулъ? Форма Гуландарь или Гуландря весьма возможна въ русскомъ языкѣ. Нисколько не настаиваемъ на своихъ словопроизводствахъ въ этомъ случаѣ, и дѣлаемъ ихъ только для того, чтобы показать возможность объяснять нѣкоторыя непонятныя имена изъ славянскихъ корней. Можетъ быть кто нибудь со временемъ доберется до ихъ смысла. А возможно и то, что ихъ смыслъ для насъ навсегда потерянъ вслѣдствіе большаго искаженія. Напримѣръ, если бы не другія соображенія, то филологически невозможно въ Телюца узнать Любечъ. Точно такъ же филологически нельзя доказать, что Напрези означаетъ малый порогъ. Напомнимъ еще рядъ собственныхъ именъ доселѣ неразъясненныхъ: Могуты, Татраны, Шельбиры, Топчакы, Ревуты и Ольберы (Слово о Пол. Иг.). Чтобъ отдѣлаться отъ нихъ, ихъ объявили не русскими; но вполнѣ ли это вѣрно? Наше предположеніе о возможности видоизмѣненія тѣхъ же словъ или о замѣнѣ ихъ другими (не выходя изъ предѣловъ того же языка) подтверждается позднѣйшими названіями Днѣпровскихъ пороговъ. Многія ли изъ нихъ сохранились отъ временъ Константина хоть до XVI вѣка, то есть до Книги Большаго Чертежа? Мы находимъ въ ней собственно одно тождественное съ прежнимъ названіе: Ненасытецъ (Неясыть IX вѣка). Потомъ слѣдуетъ Звонецъ, соотвѣтствующій Константинову переводу противъ слова Геландри: „шумъ порога“. Далѣе Вулнѣгъ, который можетъ напоминать Вулнипрагъ. Вотъ и все. Остальныя (Кодакъ, Сурской, Лоханной, Стрѣльчей, Княгининъ, Воронова, Будило, Вальный, Лычна, Таволжаной) не похожи на имена, приведенныя Константиномъ. Только Будило напоминаетъ „Не спи“, но напоминаетъ своимъ смысломъ, а не буквой. Онъ же наводитъ на мысль о томъ, какъ иногда своеобразно могутъ видоизмѣняться названія. (Такъ вмѣсто Гуландри могъ явиться Звонецъ). Конечно, крупныя географическія имена сохраняются гораздо тверже, но такія мелкія, какъ имена длиннаго ряда поро-

Итакъ, не можетъ-быть сомнѣнія въ искаженіи самыхъ названій у Константина Багрянороднаго. Можно указать тому и другіе примѣры. Напомнимъ нѣкоторыя его названія славянскихъ городовъ: Немогарда, Милиниска, Телюца и пр., въ которыхъ мы узнаемъ Новгородъ, Смоленскъ, Любечъ. Подобныя искаженія конечно неизбѣжны въ устахъ иноземцевъ, но при этомъ возьмемъ еще въ разсчетъ, какъ далеко удалились мы въ настоящее время отъ южно-русскаго произношенія X вѣка! Многія слова, даже и вѣрно записанныя въ то время Греками, могутъ въ настоящее время намъ показаться чуждыми или непонятными. Далѣе, представляется вопросъ: вѣрно ли понялъ Константинъ то, чтó ему толковали о Днѣпровскихъ порогахъ? Чтó это за двойной рядъ названій: русскія и славянскія, варіанты или переводы? Норманисты усиливаются доказать, что русскія названія имѣютъ тотъ же смыслъ какъ и соотвѣтствующія имъ славянскія. Но въ такомъ случаѣ опять вопросъ: какія названія оригинальныя и какія переводныя; кто первый ихъ придумалъ, Славяне или Русь? Такъ какъ по теоріи норманистовъ Русь племя пришлое и не славянское, то оно, нашедши имена Днѣпровскихъ пороговъ уже готовыми у Славянъ, не согласилось однако употребить ихъ, а перевело на свой языкъ. Гдѣ же и когда географическія имена переводились такимъ образомъ? Если и можно найти тому примѣры, то немногіе, и отнюдь не въ такомъ количествѣ заразъ и не въ такомъ систематическомъ порядкѣ; вновь поселяющійся народъ обыкновенно или принимаетъ уже существующія названія, видоизмѣняя ихъ по своему выговору, или даетъ свои собственныя.

Но чтó такое самое выраженіе Константина Багрянороднаго: *по русски* и *по славянски?* Не въ правѣ ли мы заключить от-

---

говъ, неизбѣжно должны были варіироваться. Сравнимъ названія пороговъ XVI вѣка съ ихъ настоящими названіями. Большею частію они сохранились, но съ другими окончаніями, и притомъ иногда совсѣмъ не на тѣхъ мѣстахъ; есть и названія совсѣмъ новыя.

Упомянемъ мимоходомъ о попыткѣ объяснить всѣ русскія названія пороговъ у Константина Багрянороднаго и почти всѣ личныя имена той эпохи изъ языка Венгерскаго (Зап. Одес. Общ. И. и Д., т. VI). Это показываетъ, какое обширное поле для догадокъ представляютъ означенныя названія. Дѣйствительно, имена пороговъ—самое темное мѣсто въ цѣломъ варяжскомъ вопросѣ. Можно предложить еще слѣдующую догадку: нѣсколько непонятыхъ именъ не есть ли это остатокъ названій изъ болѣе древней эпохи, т. е. изъ эпохи Скиѳской?

сюда, что онъ считалъ русскій языкъ особымъ, не славянскимъ языкомъ? И не только въ этомъ случаѣ, но и въ нѣкоторыхъ другихъ у него Русь и Славяне какъ будто два различные народа. И именно онъ какъ бы противопоставляетъ Русь тѣмъ племенамъ, которыя платили ей дань, и которыхъ онъ называетъ славянскими. Но въ этомъ-то сопоставленіи и заключается разгадка. Дѣло въ томъ, что сама Русь безъ сомнѣнія отличала себя отъ покоренныхъ племенъ; какъ господствующій народъ, она вѣроятно свысока смотрѣла на своихъ славянскихъ данниковъ, что́ конечно не мѣшало ей самой быть славянскимъ племенемъ. Необходимо взять при этомъ въ разсчетъ то обстоятельство, что понятіе о родствѣ всѣхъ Славянъ между собою и о принадлежности ихъ къ одному великому племени есть достояніе собственно позднѣйшаго времени, и притомъ только образованнаго или книжнаго класса. Не только тогда, но и теперь милліоны людей живутъ на свѣтѣ, не подозрѣвая того, что они Славяне. Константинъ Багрянородный могъ лучше знать собственно южныхъ Славянъ; а о сѣверныхъ и восточныхъ онъ писалъ болѣе по слуху, и потому легко впалъ въ заблужденіе, отдѣляя Русь отъ другихъ русскихъ Славянъ. Если мы не примемъ всего этого въ соображеніе, то впадемъ въ безвыходныя противорѣчія. Возьмемъ опять того же Константина. Описывая обычный зимній объѣздъ кіевскими князьями покоренныхъ племенъ (полюдье), онъ говоритъ, что князья для этого отправляются изъ Кіева „со всею Русью". Можно ли понять эти слова буквально, то есть что кіевскіе князья дѣлаютъ объѣздъ въ сопровожденіи всего Русскаго народа? Куда же въ такомъ случаѣ дѣвались тѣ многіе свѣтлые русскіе князья, сидѣвшіе съ ихъ дружинами по другимъ главнымъ городамъ,—князья, о которыхъ говорятъ намъ договоры Олега и Игоря? Не ясно ли, что тутъ надобно разумѣть собственно княжескую дружину, да и не однихъ кіевскихъ князей, а вообще русскихъ князей; каждый изъ нихъ объѣзжалъ съ дружиной свой удѣлъ, чтобы собирать дань и творить судъ. Понятно, что дружина-то и называла себя Русью по преимуществу. Понятны отсюда неточности и въ извѣстіяхъ Константина Багрянороднаго. При всей своей добросовѣстности, онъ не могъ конечно избѣжать ихъ, когда говорилъ о другихъ народахъ. Если просмотримъ всѣ его извѣстія, то найдемъ у него многія недоразумѣнія по отношенію къ тѣмъ народамъ, которыхъ онъ описывалъ по слуху,—недоразумѣнія весьма естественныя: и въ наше

время, при настоящихъ научныхъ средствахъ, какъ иногда бываетъ трудно собрать точныя этнографическія данныя! Не отвлекаясь примѣрами сомнительныхъ извѣстій о другихъ народахъ (Хазарахъ, Печенѣгахъ, Санграхъ и пр.), приведу еще одно мѣсто изъ Константина о Руссахъ. Онъ говоритъ, что Русскіе вымѣниваютъ у Печенѣговъ рогатый скотъ, коней и овецъ: „поелику никакое изъ этихъ животныхъ не водится въ Россіи". Статочное ли дѣло, чтобы въ Кіевской Руси не водились свои лошади, быки и овцы! Вѣроятно изъ того большаго количества скота, которое Русскіе получали отъ степныхъ народовъ, Константинъ заключилъ о неимѣніи его въ Россіи; могло быть также, что ему случайно сообщилъ кто нибудь неточное извѣстіе (напримѣръ, послѣ сильныхъ падежей скота, столь обычныхъ въ Россіи).

Сличая всѣ извѣстія о Россіи того времени, мы выводимъ заключеніе, что названіе Русь, какъ терминъ этнографическій, имѣло весьма растяжимый характеръ. Въ обширномъ смыслѣ оно обнимаетъ всѣхъ восточныхъ Славянъ, подвластныхъ русскимъ князьямъ, въ менѣе обширномъ — Славянъ южно-русскихъ, въ тѣсномъ смыслѣ — это племя Полянъ или собственно Кіевская Русь; наконецъ, иногда значеніе этого имени, какъ мы видимъ, съуживалось до понятія сословнаго, а не народнаго — это княжеская дружина, то-есть военный классъ по преимуществу. Что Русь была тождественна съ славянскимъ племенемъ Полянъ, это по нашему крайнему разумѣнію несомнѣнно. Константинъ Багрянородный, нѣсколько разъ упоминая о славянскихъ данникахъ Руси, приводитъ имена: Древлянъ, Угличей, Драговитовъ, Кривичей и Сербовъ (Сѣверянъ). Гдѣ же Поляне, судя по нашей лѣтописи, главнѣйшее славянское племя? Константинъ ихъ не знаетъ, потому что Русскіе въ сношеніяхъ съ иноземцами любили называть себя исключительно Русью. А между тѣмъ дома, въ отечествѣ, имя Полянъ долго еще не забывалось и послѣ того. Замѣчательны въ этомъ отношеніи извѣстныя слова нашей лѣтописи: „Все это былъ одинъ славянскій языкъ: Славяне по-Дунайскіе, покоренные Уграми, и Морава, и Чехи, и Ляхи, и *Поляне, яже нынѣ зовомая Русь*". Эти драгоцѣнныя слова никоимъ образомъ не согласуются съ басней о призваніи Варяговъ, и безъ сомнѣнія принадлежатъ не тому лицу, которое смѣшало Русь съ Варягами. Кстати приведемъ еще мѣсто изъ лѣтописи, относящееся къ XII вѣку: „И стояша на мѣстѣ нарицаемомъ Ерелъ, его же Русь зоветъ Уголъ". (Ипат. 128, а въ Лаврент. 167: „пе-

решедше Уголъ рѣку“). Мы видимъ тутъ рядомъ два названія: Ерелъ (Орелъ) и Уголъ; оба они славянскія. Попадись эта фраза подъ руку Константина Багрянороднаго, по всей вѣроятности онъ написалъ бы: по-славянски Ерелъ, а по-русски Уголъ; причемъ не обошлось бы безъ нѣкотораго искаженія въ передачѣ, и (судя по аналогіи) намъ пришлось бы разыскивать значеніе Угла (Унголъ или Ингулъ) въ сѣверно-германскихъ нарѣчіяхъ; тамъ мы тотчасъ бы напали на тотъ же корень въ Англахъ или Инглахъ британскихъ или въ Инглингахъ скандинавскихъ, и вотъ новое подтвержденіе скандинавской теоріи. (Впрочемъ нѣкоторые норманисты все-таки нашли возможнымъ отвести этотъ Уголъ къ скандинаво-русскимъ названіямъ!)

Русь и въ X вѣкѣ конечно не могла не сознавать своего племеннаго родства съ другими примыкавшими къ ней Славянами; сношенія съ иноплеменными народами необходимо приводили ее къ этому сознанію. Но у насъ вопросъ идетъ о названіи, которымъ себя отличалъ тотъ или другой народъ. Сознанію общаго родства всѣхъ славянскихъ племенъ и обобщенію слова *славянскій языкъ* болѣе всего помогла славянская письменность, распространившаяся вмѣстѣ съ христіанствомъ.

Названіе *Славяне*, кромѣ обширнаго смысла, имѣло, также какъ Русь, и болѣе тѣсный смыслъ: оно означало у насъ по преимуществу Новогородцевъ. Объ этомъ не одинъ разъ свидѣтельствуетъ наша лѣтопись. Напримѣръ: „поя же множество Варягъ и Словѣнъ, и Чюди и Кривичи“. Еслибы понять здѣсь слово Славяне въ смыслѣ Славянъ вообще, то Кривичи оказались бы не Славяне. Неопредѣленность и измѣнчивость этнографическихъ терминовъ составляетъ общую черту историческихъ источниковъ древнихъ и средневѣковыхъ, начиная съ Геродота и Тацита. Одно и то же имя не только въ разныя эпохи, но и въ одну и ту же эпоху употреблялось часто то въ обширномъ (родовомъ), то въ тѣсномъ (видовомъ) значеніи. Эта черта произвела, какъ извѣстно, большую запутанность и породила множество недоразумѣній, которыми историческая наука страдаетъ до сихъ поръ, и отъ которыхъ она освобождается весьма постепенно.

Итакъ Константинъ Багрянородный различаетъ Русь отъ Славянъ потому, что она сама отличала себя отъ подчиненныхъ племенъ, и особенно этимъ названіемъ разнилась отъ славянъ сѣверныхъ или Новогородскихъ. А послѣдніе въ свою очередь отличали себя названіемъ Славянъ отъ своихъ южныхъ соплемен-

никовъ. Въ этомъ смыслѣ только и можно понять выраженіе Русской Правды, гдѣ стоятъ рядомъ *Русинъ* и *Словенинъ*, то-есть: Южанинъ и Сѣверянинъ или Кіевлянинъ и Новгородецъ. Возьмемъ *Вопросы Кирика епископу Нифонту*—новгородскій памятникъ XII вѣка. Тамъ говорится, что Болгарину, Половчину и Чудину передъ крещеніемъ полагается 40 дней поста, а *Словенину* 8 дней. Тутъ Новогородецъ самъ называетъ себя Словениномъ, а не Русиномъ. Это различіе, повторяемъ, отразилось и въ иноземныхъ извѣстіяхъ. Константинъ Багрянородный именуетъ Новгородъ *внѣшнею Русью* (ἡ ἔξω Ῥωσία). Арабскія извѣстія иногда называютъ его *Славія*. Южане разнились отъ Сѣверянъ не однимъ названіемъ; они по всей вѣроятности отличались и нарѣчіемъ, и особенно произношеніемъ. Впрочемъ, какому именно племени первоначально принадлежали такъ-называемыя славянскія имена пороговъ, Славянамъ сѣвернымъ или еще болѣе южнымъ чѣмъ Кіевская Русь, рѣшить пока не беремся *).

III.

Личныя имена.—Извѣстія Арабовъ.

Предъ нами довольно длинный рядъ русскихъ личныхъ именъ, сохраненныхъ договорами Олега и Игоря **). На эти имена въ соединеніи съ такъ называемыми русскими названіями пороговъ

---

*) Вѣроятное рѣшеніе этого частнаго вопроса предложено много ниже; послѣ изслѣдованія о народности Болгаръ я пришолъ къ заключенію, что славянскія названія пороговъ принадлежатъ нарѣчію Славяно-болгарскому.

**) Выписываемъ эти имена буквально, то-есть не измѣняя и тѣхъ, которые стоятъ въ родительномъ падежѣ мужскаго или женскаго рода. Въ договорѣ Олега: Карлы, Инегельдъ, Фарлофъ, Веремудъ, Рулавъ, Гуды, Руалдъ, Карнъ, Фрелавъ, Рюаръ, Актеву, Труанъ, Лидульфостъ, Стемидъ. Въ договорѣ Игоря: Иворъ, Вуефастъ, Святославль, Искусеви Ольги, Слуды, Улѣбъ Володиславль, Каницаръ Передславинъ, Шихбернъ, Сфандръ жены Улѣблѣ, Прастѣнъ, Турдуви, Либнаръ, Фастовъ, Гримъ, Сфирьковъ, Прастѣнъ, Акунъ, Кары Тудковъ, Каршевъ, Турдовъ, Егриевлисковъ, Воиковъ Истръ, Аминодовъ, Берновъ, Явтягъ Гунаревъ, Шибридъ Алданъ, Колъ-Клековъ, Стеггиетоновъ, Сфирка, Алвадъ Гудовъ, Фудри Туадовъ, Мутуръ Оутинъ, купецъ Адунъ, Адулбъ, Иггивладъ, Олѣбъ Фрутанъ, Гомолъ, Куци, Емигъ, Турбидъ, Фурстѣнъ, Бруны, Роалдъ, Гунастръ, Фрастѣнъ, Игельдъ, Турбернъ, Моны, Свѣнъ, Стиръ, Алданъ, Тилена, Пубьинксарь, Вузлѣвъ, Синко Боричъ.

и вообще съ первыми именами нашей исторіи норманская система опирается какъ на каменные столбы. Но они совсѣмъ не такъ прочны какъ кажутся. Мы не будемъ разбирать каждое имя (норманисты только часть этихъ именъ приводятъ въ параллель со скандинавскими). Достаточно будетъ нѣсколькихъ примѣровъ, чтобъ указать натяжки норманистовъ и ихъ явное пристрастіе въ пользу Скандинавовъ.

Возьмемъ имя *Карлы*. Съ перваго взгляда оно можетъ показаться нѣмецкимъ. Но напрасно вы думаете, что это имя исключительно принадлежало Нѣмцамъ; оно, безъ сомнѣнія, употреблялось и у Славянъ. Иначе откуда же наше *карло* съ его уменьшительнымъ *карликъ*? Притомъ оно тутъ же встрѣчается въ другой формѣ *Кары*; слѣдовательно *л* есть не коренной звукъ, а вставной (извѣстно, что это у насъ одна изъ обычныхъ вставочныхъ буквъ: Скуратовъ — Скурлатовъ). Слѣдовательно корень здѣсь *кар*, а остальное варіировалось, какъ это случается и съ другими именами: *Карлы, Каранъ* или *Карнъ* (который кстати тутъ есть), *Карачунъ, Оттокаръ*, и т. п. Далѣе, *Инегельдъ*, другая его форма тутъ же присутствующая *Игивладъ*. *Владъ*, это было одною изъ любимыхъ составныхъ частей въ славянскихъ именахъ. *Веремудъ* или *Велемудъ* звучитъ по-славянски, точно также: *Стемидъ, Улебъ* или Олѣбъ, *Прастѣнъ* (съ его варіантами: *Фрастѣнъ* и *Фурстѣнъ*), *Войко, Синко* (конечно уменьшительныя отъ Вой, Воинъ и Синъ, Синеусъ или Синавъ), *Сфирка* (тоже уменьшит. Напомнимъ рѣку Свирь. Другая его форма не была ли Сирко или Сѣрко? напомнимъ имя Горясѣръ). *Боричъ* конечно уменьшит. отъ Борко. (Боричевъ взвозъ въ Кіевѣ). *Гуды, Слуды* и *Моны*, подобно Карлы, своимъ окончаніемъ на *ы* безъ сомнѣнія соотвѣтствуютъ духу древне-русскаго или вообще славянскаго языка гораздо болѣе чѣмъ скандинавскаго (любы, церкы, свекры и пр.); съ тѣмъ же окончаніемъ потомъ въ лѣтописи встрѣчается имя Тукы. (Отъ Гуды должна быть другая форма Гудинъ или Годинъ; напомнимъ Ивана Годиновича руск. пѣсенъ). *Турбидъ* по всей вѣроятности собственно Турвидъ или Туровитъ; окончаніе *видъ* или *витъ* самое славянское изъ славянскихъ (это наше *вичъ*). Но если мы и оставимъ *бидъ*, окончаніе это также не теряетъ своего славянскаго характера (*бѣда* или *бида*; кромѣ того у насъ есть фамилія Турбиныхъ). А первая половина имени *Туръ* получила въ славянскомъ языкѣ весьма разнообразное приложеніе. Напомнимъ только Буйтура Всеволода изъ Слова о Полку Игоревѣ. Древнѣйшая его

форма была *Тыръ* или *Тыръ*. Туръ встрѣчается здѣсь еще въ другомъ имени, *Турбернъ*. *Бернъ* какъ имя присутствуетъ тутъ же и въ простомъ видѣ, безъ соединенія съ другимъ словомъ, и опять въ соединеніи (*Шихбернъ*). Это имя тоже славянское; напомнимъ русскаго боярина Берна, упомянутаго подъ 1072 г., также городъ Берно, въ онѣмеченной формѣ Брюнъ. Но форма Брюнъ или Брунъ вѣроятно также употреблялась и у Славянъ; чему свидѣтель стоящее тутъ же имя *Бруны*, съ окончаніемъ на *ы*.

Упомянутая форма Тыръ также здѣсь есть въ имени Стыръ или *Стиръ*. Припомнимъ точно такія же имена славянскихъ героевъ: Тыръ у Козьмы Пражскаго, Стиръ у Далимила и Ставра нашихъ былинъ. Тутъ же въ договорѣ Игоря, есть и дальнѣйшій варіантъ этого имени: Истыръ или *Истръ* *). Присутствіе того же слова мы узнаемъ и въ имени *Гунастръ; а Гунъ* находимъ еще въ имени *Гунаревъ*, конечно родительный падежъ отъ *Гунаръ*. *Гуня* это имя встрѣчаемъ на Украйнѣ еще въ XVII вѣкѣ. *Гримъ* и доселѣ въ малорус. языкѣ значитъ громъ. (Въ Сл. О П. Игор. *гримлютъ* сабли; у Чеховъ и Лужичанъ гримати вм. гремѣть). А Гомолъ, конечно, живетъ въ малороссійской фамиліи Гомолеевъ. Въ имени *Вуефастъ* мы видимъ славянское Буй или Бой, измѣнявшееся въ *Вуй* или *Вой* (Бури-вой и т. п.); а форма *фастъ* нисколько намъ не чуждая; съ придыханіемъ это *хвастъ*, откуда наше *хвастунъ*, откуда городъ Фастовъ или Хвастовъ. Кромѣ *Святослава* встрѣчаемъ въ договорѣ Игоря еще *Владислава* и *Предиславу*.

Мы указали болѣе 20 именъ изъ договоровъ Олега и Игоря. Надѣемся этихъ примѣровъ весьма достаточно, чтобъ убѣдиться въ несостоятельности норманистовъ, которые хотѣли непремѣнно сдѣлать изъ Ингивладъ скандинавское *Ингіальдъ*, изъ Улебъ *Ульфъ* или *Олафъ* и т. п. Мы не говоримъ о неизбѣжныхъ искаженіяхъ, въ которыхъ дошли до насъ эти отголоски нашей да-

---

*) Прошу покорнѣйше обратить вниманіе на эти послѣднія слова, особенно на форму Тыръ. Она даетъ намъ ключъ къ уразумѣнію названій рѣкъ Истра и Тыра или Тора. Корень у обоихъ тотъ же, и это еще очевиднѣе, если обратимъ вниманіе на то, что греческое слово Tyras въ латинской передачѣ является Dana-ister или Dana-ster нашъ Днѣстръ. Напомнимъ также наши рѣки Стыръ на Волыни и Истру Московской губерніи и древне-славянскаго бога Стыря или Стрибога. Какъ Истръ былъ имя и рѣки и лица, такъ точно и Дунай. Бояринъ Дунай встрѣчается на Волыни въ XIII вѣкѣ.

лекой старины: многія имена не точно переписывались, такъ что при чтеніи ихъ можетъ быть разногласіе,—чѣмъ конечно пользовались отрицатели ихъ славянства,—а нѣкоторыхъ совсѣмъ нельзя понять. Можемъ ли при этомъ забывать родство языковъ славяно-литовскихъ съ германскими? Въ началѣ X вѣка это родство было гораздо ближе чѣмъ въ наше время. Особенно долго сохраняется оно въ личныхъ именахъ. Чтобы наглядно убѣдиться въ томъ, стòитъ только заглянуть въ параллели личныхъ именъ у Шафарика. Даже кельтскія имена еще очень близки. Но самъ Шафарикъ не узналъ Славянъ въ нашей Руси; къ сожалѣнію, онъ былъ увлеченъ кажущеюся стройностію скандинавской системы.

Если отъ договоровъ Олега и Игоря обратимся къ лѣтописнымъ именамъ нашихъ первыхъ князей и ихъ дружинниковъ, то придется повторять то же самое. Почему напримѣръ Рюрикъ есть исключительно скандинавское имя? Оно могло быть уменьшительнымъ отъ Рюаръ, которое встрѣчается въ Игоревомъ договорѣ. Вообще имена на *рикъ* или *рихъ* почему-то считаются нѣмецкими; дѣйствительно они въ большемъ количествѣ встрѣчаются у Нѣмцевъ, но были и у Славянъ (напр. *Ольдрихъ*). Оскольдъ, почему опять это скандинавскій Аскель? У насъ есть рѣка Осколъ; неужели она названа такъ Скандинавами *)? Форма *ольдъ* нисколько не чужда славянскому языку: мы только-что назвали Ольд-риха. Это *ольд* могло быть сокращеніе изъ *влад, волод;* полная форма Ольдриха могла быть *Володарикъ*, то-есть уменьшительное отъ *Володаръ*. Возьмемъ также нашего *Рогвольда*: будто онъ долженъ быть скандинавскимъ Рагнвальдомъ. Но въ лѣтописяхъ встрѣчается его полная форма, то-есть *Рогволодъ. Рогъ* было также славянскимъ именемъ; напомнимъ изъ лѣтописи Новогородца Гюряту Роговича (также Рогдая богатыря). *Диръ*, это, говорятъ намъ, скандинавское Тиръ, женское Дирва. Къ чему скандинавское Тиръ, когда у насъ есть свой *Тыръ* или *Тыръ*, о которомъ мы уже говорили? Замѣчательно, что это имя, также какъ имя Оскольда, связано съ названіями южно-русскихъ рѣкъ: Тыръ (то-есть Днѣстръ), Стыръ, Торъ, Терекъ (уменьшит. отъ Тыръ) и т. д. Вообще въ мірѣ языческомъ удивительнымъ

*) Осколъ могъ имѣть ту же полную форму на ольдъ, то-есть Осколодъ или Оскольдъ, подобно тому какъ теперь рѣка Яцольда. Да и самая Яцольда или Ясельда, если взять въ расчетъ бѣлорусское произношеніе, можетъ оказаться видоизмѣненіемъ Окольды или Оскольды.

образомъ переплетаются между собою имена миѳологическія, географическія, народныя и личныя. Такъ имя Тыръ съ своими видоизмѣненіями (Туръ, Турсъ, Торъ, Тавръ и пр.) получило весьма обширное приложеніе въ цѣломъ индоевропейскомъ мірѣ. Между тѣмъ какъ слово Карлъ у Славянъ сохранилось въ значеніи карлика и короля, Тырь удержало значеніе исполина; оно сохраняется въ нашемъ словѣ *богатырь* (которое есть чисто славянское и нисколько не татарское).

Далѣе: *Лютъ*, столь славянское имя (Людекъ Лютоворъ, Лютогастъ, Лютоміръ и пр.), норманисты передѣлали въ Liótr, Блудъ въ Blótr и т. п. *). Олегъ и Игорь гораздо болѣе присущи русской исторіи, чѣмъ скандинавской. Они принадлежали къ наиболѣе любимымъ русскимъ именамъ. Если они не славянскія, то какъ же, вмѣстѣ съ разными *славами*, они удерживались между князьями въ XII и XIII вѣкахъ (Олега находимъ даже въ XIV)? Между тѣмъ какъ Руссы, по словамъ самихъ же норманистовъ, ославянились еще къ началу XI вѣка. Не споримъ, что между именами русскихъ дружинниковъ могутъ встрѣтиться и чисто норманскія имена, принадлежавшія Варягамъ-иноземцамъ, и не одни норманскія, а также угорскія, литовскія и другихъ сосѣднихъ народовъ. Мы знаемъ, что наши князья охотно принимали въ свою службу иноземныхъ витязей. Но отъ этого дружина все-таки не теряла своего русскаго характера. Въ дружинѣ Игоря, напримѣръ, встрѣчается Явтягъ, т. е. Ятвягъ, который своимъ именемъ указываетъ и на свое происхожденіе. А къ какому народу вы отнесете такія имена договора, какъ Каршевъ, Куци, (купцы?) Емигъ, Тилена, Вузлѣвъ, Пубинксарь и т. п.? Развѣ онѣ похожи сколько нибудь на Скандинавскія?

Норманисты отнимаютъ у Славянъ не одни личныя имена. Они усиливались доказывать, будто скандинавское вліяніе отразилось

---

*) Миклошичъ въ своемъ сочиненіи: Die Bildung der Ortsnamen aus Personennamen im Slavischen (Wien. 1864), по примѣру Куника отрицаетъ существованіе имени Блудъ у Славянъ, хотя кромѣ Руси оно было и у Чеховъ. (См. о томъ Микуцкаго „Замѣчч. о Лето-Славянскомъ языкѣ“, въ Записк. Геогр. Общ. по отд. Этнографіи I. 607). Имя посла Лидульфостъ м. б. есть испорченное Людогостъ. На существованіе послѣдняго имени указываетъ новогородская улица Людгоща. Позднѣйшее примѣчаніе.

О томъ, что Гримъ дѣйствительно было славянское имя ниже доказывается именами: княжны Гримиславы, Гримка и фамиліей Гримайло. Относительно Боричъ ниже я указываю, что надобно читать биричъ, т. е. названіе должности.

и вообще въ нашемъ языкѣ, по крайней мѣрѣ въ словахъ изъ государственнаго быта. Такимъ образомъ: бояринъ, гридинъ, метельникъ, паломникъ, вира, вервь и мн. др. оказались не славянскими, а германскими. Въ прошломъ столѣтіи, когда построено зданіе скандинавской теоріи, понятны ошибочные филологическіе пріемы ея основателей; наука сравнительной филологіи и археологіи почти не существовала, и потому при всей своей эрудиціи и добросовѣстности, научные дѣятели, о которыхъ идетъ рѣчь, могли сдѣлать нѣсколько ошибочныхъ выводовъ. Въ наше время странно было бы настаивать на этихъ выводахъ, хотя бы и въ уваженіе къ заслугамъ такихъ дѣятелей, какъ Байеръ, Стриттеръ, Шлёцеръ и Карамзинъ.

Вернемся еще разъ къ договорамъ Олега и Игоря. По расчетамъ норманистовъ, Русь, пришедшая во второй половинѣ IX вѣка, ославянились приблизительно къ началу XI вѣка, да ранѣе невозможно было бы и требовать. Мы уже замѣтили, что Русь по договору Олега, то-есть въ началѣ X вѣка, исповѣдуетъ однако ту же религію, какую исповѣдывали восточные Славяне, то-есть поклонялась Перуну и Волосу. Тотъ же выводъ можно сдѣлать и о языкѣ. Если славянскій текстъ договоровъ принадлежитъ ко времени самихъ договоровъ (а норманисты этого не отвергаютъ), то ясно, что Русь уже въ началѣ X вѣка употребляла славяно-русскій языкъ и славянскую письменность. А если языкъ и религія у нея были славянскіе, то вопросъ: что̀ же оставалось у нея скандинавскаго и какъ успѣла она ославяниться въ нѣсколько лѣтъ? Вообще норманская школа относитъ введеніе славянской письменности ко времени Владиміра Святаго; что̀ опять таки противорѣчитъ существованію письменныхъ договоровъ при Олегѣ и Игорѣ. Точно такъ же норманисты и начало христіанства въ Россіи приписываютъ пришлымъ скандинавскимъ князьямъ; тогда какъ по всѣмъ признакамъ христіанство существовало у насъ еще прежде этого мнимаго пришествія. На Руси оно утвердилось ранѣе чѣмъ въ Скандинавіи; что̀ совершенно естественно при исконномъ сосѣдствѣ южно-русскихъ Славянъ съ византійскими областями на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря. Нѣтъ сомнѣнія, что крещеніе Владиміра Святаго есть только послѣдній актъ продолжительной борьбы съ русскимъ язычествомъ, окончательная надъ нимъ побѣда. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это была рѣшительная побѣда византизма надъ латинствомъ, которое также по всѣмъ признакамъ давно уже работало не въ одной

Польшѣ, но и въ Россіи. Еслибы Русь была не туземнымъ, славянскимъ народомъ, а пришла изъ Скандинавіи, то сомнительно, чтобъ она выразила къ восточному обряду болѣе симпатіи, чѣмъ къ западному. Но вопросъ о началѣ нашего христіанства самъ по себѣ весьма сложный и также затемненный легендами. Норманская школа почти ничего не сдѣлала для его разъясненія; она обошла относящіяся сюда противорѣчивыя свидѣтельства, и предпочла держаться лѣтописной легенды, такъ какъ эта легенда болѣе согласуется съ мнимымъ призваніемъ Варяговъ, чѣмъ свидѣтельства византійскія и западныя.

Обратимся теперь къ восточнымъ или арабскимъ извѣстіямъ IX и X вѣка. Они еще менѣе чѣмъ византійскія представляютъ данныхъ въ пользу скандинавской системы; однако норманисты съумѣли и ихъ повернуть въ свою пользу. Пріемы, употребленные для этой цѣли, весьма просты. Норманисты преспокойно относятъ къ Скандинавамъ все то, что Арабы расказываютъ о Руссахъ. Арабы (Ибнъ Фадланъ) говорятъ, что Руссы были высокаго роста, стройны, свѣтлоруссы, носили короткую одежду, сѣкиры, широкіе обоюдуострые мечи съ волнообразнымъ лезвіемъ и любили выпить. Но такъ какъ Скандинавы тоже былъ высокій, стройный и бѣлокурый народъ, носившій короткую одежду, мечи, сѣкиры и употреблявшій горячіе напитки, то ясно, что Руссы пришли изъ Скандинавіи, заключаютъ норманисты. Въ наше время уже достаточно убѣдились, какъ шатки этнографическіе выводы, основанные на общихъ фразахъ о наружности и обычаяхъ и какъ часто сходные наружные признаки и обычаи можно встрѣтить у разныхъ народовъ. Но и тутъ, если внимательно разобрать описаніе Руссовъ у Ибнъ Фадлана, то нѣкоторыя важныя черты нравовъ указываютъ именно на Славянъ, а не на Скандинавовъ. Таковы религіозные обряды при погребеніи и особенно сожженіе одной изъ женъ вмѣстѣ съ покойникомъ. На послѣдній обычай западные источники указываютъ какъ на характеристическую черту Славянъ; русскій лѣтописецъ прибавляетъ, что то же самое дѣлалось еще и въ его время у Вятичей. Ибнъ Фадланъ говоритъ о раздѣленіи имущества покойнаго на три части, изъ которыхъ одна идетъ на погребальное пиршество, и это извѣстіе совершенно удовлетворительно объясняетъ происхожденіе славянскаго слова *тризна*, которымъ обозначалось погребальное пиршество или поминки. Далѣе, высокій ростъ и русые во-

лосы нисколько не составляли отличительные признаки Норманновъ; они въ той же мѣрѣ принадлежали и Славянамъ. Поиски въ сѣверныхъ могилахъ показываютъ, что волнообразные обоюдуострые мечи были весьма мало распространены между Скандинавами. Итакъ, перебирая всѣ извѣстія Арабовъ, окажется, что въ нихъ нѣтъ ни одной черты, которую можно бы отнести по преимуществу къ Скандинавамъ. Но вотъ что̀ можно вывести изъ нихъ какъ положительный фактъ: уже во второй половинѣ IX и въ первой X вѣка Арабы знали Русь какъ многочисленный, сильный народъ, имѣвшій сосѣдями Булгаръ, Хазаръ и Печенѣговъ, торговавшій на Волгѣ и въ Византіи. Нигдѣ нѣтъ и малѣйшаго намека на то, чтобы Русь они считали не туземнымъ, а пришлымъ народомъ. Эти извѣстія совершенно согласуются съ походами Руссовъ на Каспійское море въ первой половинѣ X вѣка, съ походами, которые были предприняты въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ воиновъ.

Арабскіе писатели, говоря о восточной Европѣ, ставятъ рядомъ имена *Славяне* (Саклабъ) и *Русь*, и слѣдовательно, какъ будто подтверждаютъ мнѣніе о томъ, что Русь народъ отличный отъ Славянъ. Но тутъ мы должны повторить то же, что̀ говорили о Константинѣ Багрянородномъ. Отъ Арабовъ еще менѣе можно требовать чѣмъ отъ Византійцевъ, чтобъ они вѣрно различали видовыя названія отъ родовыхъ и всегда употребляли точные этнографическіе термины. Напримѣръ, Турки въ арабскихъ извѣстіяхъ являются иногда славянскимъ племенемъ. Вообще Арабы подтверждаютъ то положеніе, что бо̀льшая часть восточныхъ Славянъ отличала себя предъ иноземцами именемъ Руси, а имя Славянъ по преимуществу оставалось за Славянами Дунайскими (и Новгородскими). Но встрѣчаются нѣкоторыя мѣста, изъ которыхъ видно, что Арабы знали о племенномъ родствѣ Руси и Славянъ. Такъ Ибнъ Хордадбегъ (въ IX в.), говоря о русскихъ купцахъ, прибавляетъ: „они же суть племя изъ Славянъ“. Эти купцы у него ходятъ въ хазарскую столицу по *рѣкѣ Славянъ*, то-есть по Волгѣ. Вообще въ извѣстіяхъ Арабовъ Славяне и Русь являются неразлучными. Въ Итилѣ они занимаютъ одну и ту же часть города, тѣ и другіе сожигаютъ своихъ покойниковъ вмѣстѣ съ одною изъ женъ (Масуди). Норманисты вмѣстѣ съ лѣтописною басней вѣрятъ въ пришествіе изъ Скандинавіи Оскольда и Дира, какъ нѣкихъ искателей приключеній; но Масуди (въ первой половинѣ X вѣка) знаетъ одного изъ славянскихъ царей, Дира, который владѣетъ многими странами и обширными городами.

Масуди, такъ же какъ и прочіе арабскіе писатели, пріурочиваетъ Русь преимущественно къ берегамъ Чернаго и Азовскаго морей; онъ говоритъ, что море Нейтасъ есть русское море, и что никто кромѣ Руссовъ по немъ не плаваетъ (мы думаемъ, что тутъ разумѣется по преимуществу море Азовское), что они образуютъ великій народъ, не подчиняющійся ни царю, ни закону; что они раздѣляются на многіе народы и пр. Нельзя, конечно, вездѣ принимать эти слова въ буквальномъ смыслѣ, но въ общихъ чертахъ эти извѣстія справедливы. Напримѣръ, что Руссы не подчиняются ни царю, ни закону, съ арабской точки зрѣнія значитъ то, что Руссы тогда не имѣли политическаго единства, то-есть были раздроблены на многія независимыя племена; что̀ довольно вѣрно относительно восточныхъ Славянъ въ первой половинѣ X вѣка. Ихъ объединеніе принадлежитъ позднѣйшему времени и совершилось совсѣмъ не такъ быстро, какъ объ этомъ расказываетъ наша лѣтопись. Арабскія извѣстія о Руссахъ на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей и на Волгѣ вполнѣ подтверждаютъ мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ о существованіи кромѣ Днѣпровской Руси еще Руси Черноморской. Существованіе Азовско-Черноморской Руси дѣйствительно объяснитъ намъ многое доселѣ непонятное, какъ-то: византійскихъ Тавроскиѳовъ (по нашему крайнему разумѣнію это собственно Тыроскиѳы, то-есть то же самое, что̀ славянскіе Тиревцы или Тиверцы), происхожденіе *русскаго* Тмутраканскаго княжества, ту роль, которую игралъ Корсунь въ начальной русской исторіи и особенно въ исторіи нашего христіанства, и т. д. Но какъ ко всему этому отнеслись норманисты? Все что̀ прямо противорѣчитъ ихъ теоріи въ арабскихъ извѣстіяхъ, то невѣрно и ошибочно. Что̀ сообщается темно и запутанно, истолковывается въ пользу возлюбленныхъ Скандинавовъ. Наконецъ, явныя ошибки и недоразумѣнія являлись у нихъ положительными фактами. Въ послѣднемъ случаѣ я разумѣю пресловутое извѣстіе арабскаго географа Ахмеда-аль-Катиба, жившаго въ Египтѣ во второй половинѣ IX вѣка.

Аль-Катибъ между прочимъ говоритъ, что въ 844 году язычники *именуемые Русью* ворвались въ Севилью, разграбили ее и опустошили. При первомъ знакомствѣ съ его рукописью, извѣстный оріенталистъ Френъ, одинъ изъ столбовъ норманской теоріи, указалъ на приведенныя слова какъ на сильное подкрѣпленіе для этой теоріи, и онѣ дѣйствительно были приняты за таковое остальными норманистами. А между тѣмъ при самомъ поверхност-

номъ взглядѣ на подобное извѣстіе можно было усумниться въ его достовѣрности. Какимъ образомъ Руссы попали въ Севилью? Французскій оріенталистъ Рено весьма правдоподобно объясняетъ странное извѣстіе аль-Катиба превратными географическими представленіями Арабовъ о Балтійскомъ морѣ. А именно: Масуди *полагалъ*, что это море есть рукавъ, соединяющій Черное и Азовское моря съ Западнымъ океаномъ, и что язычники, нападавшіе на Испанію, вѣроятно были Руссы, то-есть Руссы припонтійскіе, а не скандинавскіе, которыхъ онъ совсѣмъ не знаетъ. Аль-Катибъ жилъ ранѣе Масуди и неизвѣстно, точно ли упомянутыя слова, найденныя въ его сочиненіи, принадлежатъ ему самому. Очень можетъ быть, что они вставлены позднѣйшимъ переписчикомъ, который былъ знакомъ съ сочиненіемъ Масуди и его предположеніе передалъ какъ положительный фактъ. Какое бы ни было происхожденіе этого страннаго извѣстія, во всякомъ случаѣ оно не заслуживаетъ никакой вѣры. Латинскіе лѣтописцы, перечислявшіе нападенія Скандинавовъ на западную Европу, говорятъ обыкновенно о Норманнахъ и совсѣмъ не знаютъ Скандинавской Руси. И конечно еслибъ она существовала, то была бы имъ извѣстна.

IV.

Извѣстія западныя.—Угорская Русь.—Греческій путь.

Перейдемъ теперь къ двумъ западнымъ источникамъ, которые находились въ числѣ главныхъ опоръ скандинавской теоріи. Мы говоримъ о Бертинскихъ лѣтописяхъ и епископѣ Ліутпрандѣ. Напомнимъ сущность извѣстій о Руси Бертинскихъ лѣтописей. „Въ 839 году византійскій императоръ Ѳеофилъ отправилъ посольство къ императору Людовику Благочестивому. При этомъ посольствѣ находилось нѣсколько человѣкъ, которые называли себя Россами: они были посланы въ Константинополь для изъявленія дружбы отъ своего князя, который именовался Хаканомъ. Ѳеофилъ въ письмѣ къ Людовику проситъ дать средство этимъ людямъ отправиться домой, такъ какъ возвращаться тѣмъ же путемъ, какимъ они пришли въ Константинополь, было опасно, по причинѣ жестокихъ и варварскихъ народовъ. Императоръ Людовикъ распросилъ о причинахъ пришествія этихъ людей; нашелъ, что они изъ

племени Свеоновъ и, заподозривъ въ нихъ шпіонство, велѣлъ задержать ихъ до тѣхъ поръ, пока въ точности не объяснится, съ какимъ намѣреніемъ они пришли". Норманисты, какъ и слѣдовало ожидать, мнѣніе Людовика о томъ, что пришедшіе люди были изъ племени Шведовъ, приняли за положительный фактъ, а слово Хаканъ обратили въ Гаконъ. Противники норманистовъ совершенно справедливо указали на существованіе древне-русскаго титула хакана или кагана. Такъ, митрополитъ Иларіонъ въ своемъ похвальномъ словѣ Владиміру Святому называетъ его *коганомъ*. Этотъ титулъ встрѣчается и въ Словѣ о Полку Игоревѣ. Ясно, что въ Бертинскихъ лѣтописяхъ идетъ рѣчь о нарицательномъ хаканѣ, а не о собственномъ имени Гаконъ. Относительно словъ „изъ племени Свеоновъ" нѣкоторые антинорманисты пришли къ такому толкованію. Они допускаютъ, что пришельцы были дѣйствительно родомъ Шведы, но находившіеся на службѣ у кіевскаго князя. Мы думаемъ, что это натяжка. Вопервыхъ, еслибъ они были Шведы, то почему стали бы называть себя Руссами, а не Шведами. Вовторыхъ, самый текстъ лѣтописей не говоритъ ясно и положительно о шведскомъ происхожденіи. Такъ какъ въ то время уже начались нападенія Норманновъ на берега Франціи, то естественно Франкскій дворъ, мало знакомый съ сѣверомъ и востокомъ Европы, отнесся подозрительно къ этимъ пришельцамъ. Притомъ, какъ основательно замѣтилъ одинъ изъ антинорманистовъ (Нейманъ), не видимъ главнаго въ отрывочномъ извѣстіи Бертинскихъ лѣтописей: чѣмъ кончилось дѣло, то-есть подтвердилось ли, что это были Шведы? Мы съ своей стороны предложимъ еще вопросъ: если тутъ нѣтъ ошибки, то въ какомъ смыслѣ принимать здѣсь названіе Свеоновъ? Въ первой половинѣ IX вѣка это названіе исключительно принадлежало обитателямъ настоящей Швеціи или употреблялось еще и для обитателей южнаго Балтійскаго поморья (откуда вышли и сами Шведы)? Развѣ оно не могло обнимать не одни только германскія племена, но и нѣкоторыя славянскія? Мы знаемъ, что славянскіе и германскіе народы нерѣдко являются подъ однимъ и тѣмъ же именемъ или подъ именами, происшедшими отъ того же корня. Напримѣръ: имя Англы есть то же, что наше Онглы или Угличи, а нѣмецкіе Туринги то же, что славянскіе Туричи (передѣланное въ Тиверцы). Въ послѣдствіи у одного народа подобное названіе утрачивается, у другаго сохраняется. Если не взять въ расчетъ это обстоятельство, то на основаніи сходныхъ именъ, пожалуй, можно до-

казывать, что Англичане славянскаго происхожденія. Могла быть также просто ошибка или у автора или въ рукописи, то-есть вмѣсто *Sueonum* не читать ли *Slavorum* или *Sclavorum?* И не такія ошибки можно встрѣчать въ источникахъ. Напомнимъ Льва Діакона, который нашихъ *Древлянъ* называетъ *Германцами*.

Такимъ образомъ извѣстіе Бертинскихъ лѣтописей, служившее сильною опорой норманистамъ, по нашему мнѣнію, обращается въ одно изъ многихъ доказательствъ противъ ихъ теоріи. Что́ можно извлечь изъ нихъ положительнаго, такъ это существованіе русскаго княжества въ Россіи въ первой половинѣ IX вѣка, то-есть до такъ-называемаго призванія Варяговъ. А русское посольство къ императору Ѳеофилу указываетъ на раннія сношенія Руси съ Византіей, и слѣдовательно подтверждаетъ упомянутые нами намеки на эти сношенія въ бесѣдахъ Фотія. А если посольство не рѣшилось возвращаться прежнею дорогой, то мало ли какія причины оно могло для того имѣть. Наконецъ, почему не допустить буквальнаго смысла лѣтописей, то-есть опасности отъ варварскихъ народовъ (Угры, Хазары, и т. п.), съ которыми Русь въ то время могла находиться во враждебныхъ отношеніяхъ?

Мы уже замѣтили выше, какую шаткую основу для точныхъ этнографическихъ выводовъ представляютъ иногда народныя имена, если судить о нихъ по первому взгляду, не принимая въ расчетъ многоразличныхъ видоизмѣненій, которымъ они подвергались. Весьма часто народное имя или прозваніе имѣетъ за собой длинную и запутанную исторію, такъ что очень трудно добраться до его происхожденія и первоначальнаго смысла. Къ такого рода случаямъ я отношу названіе Руоци, или Руотсы (Ruotsi) подъ которымъ Шведы извѣстны у Финновъ. Норманисты изъ этого названія сдѣлали свое обычное заключеніе: Финны называютъ Шведовъ Руссами; слѣдовательно наша Русь пришла изъ Швеціи. Но, вопервыхъ, недоказано, что бы Руотсы означали тоже, что Руссы; а вовторыхъ, названіе Руссовъ встрѣчается и помимо нашей собственной Руси. На южномъ берегу Балтійскаго моря мы также находимъ въ средніе вѣка Русь (Нѣманъ), Пруссовъ, Рузію или Русцію, Рутеновъ, Руянъ или Ругіанъ, и т. п. Всѣ эти названія имѣютъ между собою тѣсную филологическую связь, но нисколько не означаютъ колонистовъ изъ южной Руси на берега Балтійскаго моря или на оборотъ. Если же объяснять колонистами (что́ и дѣлаетъ славянская школа, выводящая Варя-

говъ—Русь съ Балтійскаго поморья), то полабскіе Древане окажутся колонистами изъ Волыни или наоборотъ, ѳракійскіе Друговиты колонистами полоцкихъ Дреговичей; Поляки пойдутъ отъ кіевскихъ Полянъ, или Кіевъ (Куяба у Арабовъ) отъ польскихъ Куявовъ, и т. п.; объ Англахъ и Турингахъ мы уже говорили. А главное, надобно прежде объяснить самое слово Руотси. Это слово нисколько не указываетъ на тожество Шведовъ съ нашею Русью. Филологически никѣмъ не доказано, что бы слова Руотси и Рось были тожество, а не созвучіе *).

Что касается до предполагаемой связи шведской провинціи Рослагена или Родслагена и общества Rodhsin (гребцовъ) съ нашею Русью, отъ нея добросовѣстно отказались уже сами представители норманистовъ (послѣ монографіи г. Гедеонова).

Епископъ кремонскій Ліутпрандъ былъ два раза посломъ въ Константинополѣ, во второй половинѣ X вѣка, и упоминаетъ о Руссахъ два раза. Въ одномъ случаѣ онъ говоритъ: „На сѣверъ отъ Константинополя живутъ Угры, Печенѣги, Хазары, Руссы, *которыхъ мы иначе называемъ Нордманами*, и Булгары, ближайшіе сосѣди“. Въ другомъ мѣстѣ онъ вспоминаетъ расказъ своего вотчима о нападеніи Игоревой Руси на Константинополь и прибавляетъ: „Это есть сѣверный народъ, который Греки по наружному качеству называютъ Руссами, а мы по положенію ихъ страны Нордманами“. Тутъ весь вопросъ заключается въ томъ: разумѣлъ ли Ліутпрандъ подъ именемъ Норманновъ только скандинавскіе народы, или онъ даетъ этому имени болѣе обширный смыслъ, то-есть относитъ сюда вообще народы сѣверные? Примѣры послѣдняго встрѣчаются и у другихъ средневѣковыхъ лѣтописцевъ, и мы нисколько не колеблемся истолковать именно въ этомъ смыслѣ слова Ліутпранда. Если же принять слово Норманны въ смыслѣ Скандинавовъ, то что́ же выходитъ? Оказывается что Руссы, поселившіеся на Днѣпрѣ, все еще продолжаютъ называться Норманнами или Скандинавами, хотя уже прошло сто лѣтъ

---

*) Названія отдѣльныхъ предметовъ могутъ иногда вводить въ такое же заблужденіе, какъ и названія народовъ. Напримѣръ: чего бы проще, какъ Корсунскія врата Новгородской Софіи производить изъ города Корсуня? Къ названію присоединялись и другія обстоятельства: завоеваніе Корсуня Владиміромъ Святымъ и вывозъ оттуда Русскими нѣкоторыхъ художественныхъ произведеній. Дѣйствительно, и въ древней, и въ новой Россіи эти врата производили изъ Корсуня, пока точныя изслѣдованія Аделунга не убѣдили въ томъ, что они не греческой, а западной или латинской работы.

со времени ихъ предполагаемаго выхода изъ Скандинавіи (Ліутпрандъ выражается тутъ прямо о своемъ времени: nos vero vocamus). Если же Ліутпрандъ подразумѣвалъ собственно скандинавское происхожденіе Руси, то кто ему мѣшалъ прямо указать на него, а не выражаться неопредѣленными терминами? Но дѣло въ томъ, что онъ говоритъ только о положеніи страны. Онъ прямо помѣщаетъ Руссовъ въ сосѣдство Угровъ, Печенѣговъ, Хазаръ и Булгаръ; что совершенно соотвѣтствуетъ положенію приднѣпровской Руси и было бы весьма несогласно съ понятіемъ о Скандинавіи *).

Мы видѣли, что арабскія извѣстія второй половины IX вѣка говорятъ о Руссахъ какъ о сильномъ, многочисленномъ народѣ, предѣлы котораго на юго-востокѣ теряются гдѣ-то въ странахъ приволжскихъ и прикаспійскихъ. Если обратимся на юго-западъ, и здѣсь его предѣлы не только простираются до Карпатъ, но и переходятъ за нихъ. Галицкая или Червонная Русь, по лѣтописи, только при Владимірѣ Святомъ примкнула къ общему составу Руси. Вскорѣ она переходитъ въ руки Поляковъ. Въ послѣдствіи опять возвращается къ русскимъ князьямъ; а въ XIV вѣкѣ снова и надолго отходитъ къ Польшѣ, и отъ нея уже не возвращается къ Россіи, а поступаетъ во владѣніе Габсбурговъ. Невольно представляется вопросъ: когда же названіе *Русь, Русинъ* успѣло такъ глубоко вкорениться въ Галиціи, если бы было принесено горстью выходцевъ изъ Скандинавіи? Галицкій народъ постоянно и до сихъ поръ отличаетъ себя названіемъ Русскаго отъ другихъ Славянъ. При польскомъ владычествѣ изъ всѣхъ русскихъ областей, соединенныхъ съ Литвой и Польшей, Галицкое воеводство носитъ названіе *Русскаго* по преимуществу. Галиція все-таки, хоть сравнительно не долго принадлежала дому Игоревичей. Но что́ такое Русь Закарпатская или Угорская? Когда она поселилась тамъ, положительныхъ свѣдѣній о томъ нѣтъ. Венгерскіе лѣтописцы говорятъ, что она пришла въ Паннонію еще вмѣстѣ съ Венграми. А норманисты утверждаютъ, что лѣтописцы лгутъ и что это должно-быть русскіе бѣглецы временъ татарскаго на-

*) Свѣдѣнія свои о Руссахъ Ліутпрандъ почерпнулъ у Византійцевъ, и его названіе ихъ Нордманами есть просто переводъ византійскаго понятія о Руси какъ о народѣ сѣверномъ и даже надсѣверномъ или „гиперборейскомъ". Напр. Никита Хоніатъ выражается о Руси такъ: „которыхъ называютъ и Скиѳами гиперборейскими" (168. Бон. изд.). Позд. прим.

шествія, то-есть относятъ начало Угорской Руси къ XIII вѣку. Дѣйствительно венгерскіе лѣтописцы не отличаются правдивостью; однако они нерѣдко говорятъ и правду. Возможно, что Русское племя обитало въ Карпатахъ и подъ Карпатами еще прежде Угровъ, то-есть оно было тамъ сторожилами. Вся Карпатская Русь есть живой протестъ противъ норманистовъ, и потому они вооружаются на нее всѣми силами. Такъ они возражаютъ: что по нашей лѣтописи Карпатская область была населена племенемъ Хорватовъ, и слѣдовательно лѣтописцы наши отличали ее отъ Руси; что Хорваты по большей части выселились въ Иллирію, и остатки ихъ потомъ подчинены Русскими при князьяхъ Рюрикова дома. Противъ этого мы напомнимъ то, что говорили о разныхъ объемахъ, которые принимало названіе Русь. И Кривичей, и Волынянъ лѣтописцы отличаютъ отъ Руси-Полянъ; однако это не мѣшало имъ сознавать себя русскимъ народомъ. Названіе Рось или Русь было однимъ изъ любимыхъ и наиболѣе распространенныхъ славянскихъ названій, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что оно въ сѣверной Венгріи древнѣе пришествія Угровъ. То же названіе, только въ другой формѣ, распространялось и на значительную часть Панноніи; мы говоримъ о *Ругіи*, у Нѣмцевъ *Rugiland*. *Ругія*—это, по всей вѣроятности, одно изъ многихъ видоизмѣненій слова *Русь* или *Русія*. Такъ въ латинскихъ лѣтописяхъ мы находимъ названіе нашей Ольги *regina Rugorum* (что не мѣшало носить имя Руговъ и нѣкоторой части Нѣмцевъ; опять напомнимъ Англовъ и Угличей, а также славянскихъ Руянъ или Ругіанъ на Балтійскомъ морѣ). Итакъ Угорскую и Карпатскую Русь весьма трудно связать со скандинавскими выходцами. Она могла когда-то называться и Хорватами, что не мѣшало ей быть въ то же время Русью въ обширномъ смыслѣ, подобно нашимъ Кривичамъ. И имя это, едвали означаетъ горцевъ, то-есть не происходитъ отъ слова *грбъ—горбъ* или *хрбъ—хребетъ*. Подобныя объясненія суть только попытки осмыслить названія, смыслъ которыхъ давно затерялся. Примѣровъ неудачнаго осмысливанія очень много. Такъ названія *Нѣмцы* до сихъ поръ производятъ отъ *нѣмой*. Но возможное ли дѣло, чтобы Славяне назвали своихъ исконныхъ сосѣдей и когда-то соплеменниковъ для себя непонятными, то-есть нѣмыми? Названіе Нѣмцы очень древне, и напоминаетъ германскихъ Неметовъ у Тацита (на что уже указывали нѣкоторые ученые и прежде, но тщетно). Славянское „Нѣмцы“ представляетъ аналогію съ французскимъ „allemands“:

имя одного народа перенесено на цѣлое племя. (Названіе рѣки Нѣмана м. б. того же корня).

Норманисты изощрялись доказать, что и названіе Русинъ въ Угріи означаетъ собственно не человѣка русскаго племени, а человѣка русской вѣры. Въ подтвержденіе этого мнѣнія приводился разговоръ въ родѣ слѣдующаго: „Кто ты такой?“—„Русинъ (или Руснакъ).“—„Какой ты вѣры?“—„Русской“.—„А въ какой землѣ ты живешь?“—„Въ Угорщинѣ“. Отсюда дѣлался прямой выводъ: самъ народъ считаетъ свою землю Угорскою, а не Русскою, слѣдовательно онъ пришелъ сюда послѣ Угровъ, а Русиномъ называетъ себя въ смыслѣ унита или православнаго. Но въ такомъ случаѣ, напримѣръ, прусскіе Поляки, отвѣчающіе, что они живутъ въ Пруссіи или въ Нѣмечинѣ, или нѣкоторые Западноруссы, говорившіе, что они живутъ въ Польшѣ и т. п., все это будутъ не исконные обитатели края, а колонисты?

Норманская школа обыкновенно представляла Варяговъ, приходившихъ изъ Скандинавіи, свободно разгуливающими на своихъ лодкахъ по главнымъ рѣчнымъ путямъ Россіи вдоль и поперекъ ея, то въ качествѣ торговцевъ, то въ качествѣ пиратовъ. До сихъ поръ почти никто не обращалъ серіознаго вниманія на это представленіе. Развѣ Россія была необитаемая пустыня или обитаема только слабыми племенами дикарей? На западѣ мы видимъ, что Норманны иногда устьями рѣкъ врывались внутрь страны. Но эти походы нельзя и сравнивать съ такимъ продолжительнымъ и многотруднымъ путемъ, каковъ былъ такъ-называемый греческій путь изъ Балтійскаго моря по Волхову, Ловати и Днѣпру въ Черное. На этомъ пути мы видимъ по тому времени довольно густое населеніе и укрѣпленные города. Если Варяги и плавали по немъ, то не иначе какъ при мирныхъ, дружественныхъ отношеніяхъ съ туземными державцами или общинами. На походы Скандинавовъ въ Константинополь большими массами нѣтъ рѣшительно никакихъ указаній. Да подобные походы едва ли были возможны даже помимо помѣхи со стороны населенія: кромѣ громаднаго протяженія пути они должны были встрѣчать препятствія естественныя. Между Днѣпромъ и Ловатью лежитъ поперечный бассейнъ Западной Двины; слѣдовательно, надобно было перейти два волока. Притомъ гораздо короче былъ другой путь изъ Варягъ въ Греки, по Западной Двинѣ; а Волховъ и Нева представляли длинный крюкъ. Мы сомнѣваемся, чтобы лодки, поднимавшіяся изъ Балтійскаго моря

по Двинѣ или по Волхову, дѣйствительно перетаскивались потомъ волокомъ до Днѣпра. Гораздо естественнѣе предположить, что торговцы должны были везти свои товары по этимъ волокамъ на телѣгахъ или, что̀ вѣроятнѣе, зимой на саняхъ, и достигши Днѣпра, пересаживались въ лодки, которыя они нанимали или покупали у туземцевъ. Съ нашимъ предположеніемъ вполнѣ согласуется извѣстіе Константина Багрянороднаго о плаваніи русскихъ каравановъ въ Черное Море: обитатели приднѣпровскихъ областей въ теченіе зимы рубили лодки однодеревки; весной, во время разлитія водъ, сплавляли ихъ въ Днѣпръ къ Кіеву; здѣсь торговцы покупали эти лодки, оснащивали ихъ и снаряжали караваны. Изъ Константина Багрянороднаго мы знаемъ, съ какими усиліями эти караваны проходили сквозь Днѣпровскіе пороги; но замѣчательно, что объ ихъ обратномъ плаваніи мы ничего не знаемъ. Рождается вопросъ: какимъ образомъ они проходили противъ теченія? Замѣчательно, что скандинавскія саги, столь много расказывающія о походахъ Норманновъ, совершенно молчатъ объ ихъ плаваніи по Днѣпру и его порогамъ. Точно также молчатъ о томъ и западные лѣтописцы. Адамъ Бременскій замѣчаетъ, что путь изъ Швеціи въ Византію по Русской землѣ былъ мало посѣщаемъ, по причинѣ варварскихъ народовъ, и что ему предпочитали плаваніе по Средиземному морю. Мы знаемъ, что Варяги или Норманны приходили въ Кіевъ; но приходили въ качествѣ гостей или наемныхъ дружинниковъ. Есть примѣры ихъ путешествія изъ Кіева въ Константинополь, но только съ позволенія кіевскаго князя. Извѣстно, что Владиміръ Святой, утвердясь въ Кіевѣ, самъ отправилъ часть излишней варяжской дружины въ Византію, и конечно на русскихъ же лодкахъ. Замѣчательно, что это былъ первый случай отправленія Варяговъ въ Грецію изъ Руси; о болѣе раннемъ не говорятъ никакіе источники. О томъ, чтобы Варяги могли пробиваться силой сквозь всю Русскую землю, не можетъ бы и рѣчи. Сами Руссы, по замѣчанію Константина Багрянороднаго, могли предпринимать плаваніе въ Черное Море только въ то время, когда были въ мирѣ съ Печенѣгами *).

Оба извѣстія о великомъ водномъ пути, Константина Багрянороднаго и нашей лѣтописи, относятся къ той эпохѣ когда сѣвер-

---

*) Варяги на собственныхъ корабляхъ ходили не далѣе Ладоги, т. е. нижняго Волхова. На это указываетъ цѣлый рядъ фактовъ. Кромѣ торговыхъ договоровъ Новгорода съ Готландомъ, о томъ свидѣтельствуютъ нападенія Шведовъ въ 1164 и въ 1317 годахъ. (См. Новгород. лѣтописи). Поздн. прим.

ная и южная Русь объединились подъ владычествомъ одного княжескаго рода, и слѣдовательно, плаваніе судовъ подъ покровительствомъ князей могло довольно свободно совершаться отъ Ладожскаго озера до нижняго теченія Днѣпра. Кратчайшій путь изъ Балтійскаго моря въ Черное по Западной Двинѣ стоялъ на второмъ планѣ вслѣдствіе того значенія, которое пріобрѣлъ Новгородъ, какъ торговый и отчасти политическій центръ.

Итакъ, повторяемъ, великій водный или Греческій путь сдѣлался довольно торною дорогой собственно со времени русскихъ князей и въ связи съ ихъ господствомъ, а не прежде ихъ водворенія вдоль всей этой полосы. Почти то же мы должны сказать о связяхъ между Русью и *Варягами-Норманнами.* (Подъ этимъ именемъ разумѣемъ обитателей Скандинавіи, Датскихъ острововъ и южнаго Балтійскаго поморья). Многіе факты изъ X и XI вѣковъ убѣждаютъ насъ, что связи эти дѣйствительно существовали. Мы видимъ наемныя варяжскія дружины въ войскахъ русскихъ князей и даже варяжскій гарнизонъ въ Новгородѣ. Видимъ иногда брачныя и вообще родственныя отношенія Игоревичей съ норманскими конунгами. При дворѣ русскихъ князей встрѣчаются норманскіе принцы и знатные люди; варяжскіе купцы или гости были не рѣдки, особенно въ Новгородѣ; въ случаяхъ нужды русскіе князья посылаютъ нанимать Варяговъ, а иногда сами ищутъ убѣжища у ихъ конунговъ. Однимъ словомъ, мы видимъ иногда довольно дѣятельныя сношенія. Но что же изъ этого. Слѣдуетъ ли отсюда, будто Руссы пришли изъ Скандинавіи? Нисколько. Подобныя связи и сношенія мы находимъ и съ другими народами, какъ-то съ Греками, Поляками, Нѣмцами, Половцами и т. д. Замѣчательно, что скандинавскія саги въ общихъ чертахъ по поводу отношенія Норманновъ къ Руси сходятся съ нашими лѣтописями, за исключеніемъ басни о призваніи Варяговъ, которая самимъ Скандинавамъ была неизвѣстна, также какъ и другимъ средневѣковымъ источникамъ. Новые скандинавскіе историки тѣмъ не менѣе повторяютъ эту басню, но повторяютъ ее съ нашего же голоса. Скандинавскія саги не только не подтверждаютъ басни о призваніи или о завоеваніи Руси Норманнами; напротивъ, онѣ еще яснѣе чѣмъ наши лѣтописи характеризуютъ ту роль, которую играли на Руси Норманны въ качествѣ наемныхъ дружинъ: хорошее вознагражденіе, вотъ что болѣе всего тянуло къ намъ этихъ сѣверныхъ кондотьеровъ, и они торгуются съ нашими князьями не хуже всякихъ другихъ наемниковъ. По всему видно, что

великокняжескій Кіевскій дворъ привлекалъ ихъ своимъ богатствомъ и блескомъ, какихъ имъ не приходилось видѣть у себя на родинѣ. Не изъ бѣдной, полудикой Скандинавіи проникали тогда въ Россію сѣмена цивилизаціи, а развѣ наоборотъ, изъ Руси въ Скандинавію. Южнорусскіе Славяне со временъ глубокой древности находились въ сношеніяхъ съ греческими припонтійскими колоніями, и отъ нихъ конечно, получили начатки своей гражданственности. Въ этомъ отношеніи они не были менѣе счастливы чѣмъ Германцы, жившіе на границахъ Римскаго міра. Цвѣтущее состояніе русской гражданственности, открывающееся предъ нами въ XI и XII вѣкахъ, не могло получить начало только со второй половины IX вѣка, то-есть со времени мнимаго призванія Варяговъ. Нѣтъ, такому цвѣтущему состоянію предшествовалъ безспорно долгій періодъ постепеннаго развитія *). Только убѣдившись въ этой истинѣ, мы оцѣнимъ все значеніе варварскаго татарскаго ига въ Россіи: прошло четыре вѣка со времени нашего освобожденія, а наша гражданственность все еще значительно позади, тогда какъ въ XII вѣкѣ она немногимъ чѣмъ уступала нѣмецкой и была едва-ли не выше польской.

Въ русскихъ лѣтописяхъ и въ скандинавскихъ сагахъ нашлось нѣсколько сходныхъ преданій. Напримѣръ, о смерти Олега отъ своего коня, о взятіи Коростена Ольгой при помощи воробьевъ и голубей, и пр. И вотъ еще доказательство скандинавскаго происхожденія! Интересно при этомъ незамѣченное норманистами обстоятельство, что русскія саги повидимому древнѣе исландскихъ! Исландскій разсказъ о томъ, какъ Гаральдъ Смѣлый взялъ въ Сициліи одинъ городъ помощію птицъ относитъ событіе къ половинѣ XI вѣка, а русская сага объ Ольгѣ и Коростенѣ говоритъ о половинѣ X вѣка. Кто же у кого заимствовалъ преданіе? Вопросъ еще болѣе усложняется, если обратимъ вниманіе на восточныя сказанія, по которымъ войско Чингизъ-хана такимъ же способомъ взяло одинъ непріятельскій городъ. Сходные миѳическіе мотивы можно встрѣчать и постоянно встрѣчаются не только у родственныхъ народовъ, но также у народовъ весьма отдаленныхъ другъ отъ друга. Между тѣмъ у насъ есть цѣлые ученые трактаты,

---

*) Уже покойный Артемьевъ въ своей диссертаціи: „Имѣли ли вліяніе Варяги на Славянъ?“ (Казань. 1845) основательно доказалъ несправедливость Байеро-Шлёцеровской школы, полагавшей, что Варяги принесли цивилизацію въ Россію; тогда какъ они сами были менѣе образованы чѣмъ Кіевская Русь. Позд. прим.

толкующіе о заимствованіяхъ русскими пѣсенъ, сказокъ и пр. то съ востока, то съ запада. Остается только предположить, что и весь Русскій народъ откуда-нибудь заимствованъ! Народъ, который своею многочисленностію и своеобразнымъ характеромъ издавна поражалъ иноземцевъ. Въ половинѣ XII вѣка Матвѣй, епископъ Краковскій, выражается такимъ образомъ: „Русь это какъ бы особый міръ; этотъ Русскій народъ своимъ безчисленнымъ множествомъ подобенъ звѣздамъ небеснымъ". (См. Белевскаго—Monumenta. II. 15 и 16 стр.).

V.

Новгородскій оттѣнокъ легенды о призваніи князей.

Откуда взялась легенда о призваніи князей и о призваніи именно изъ Скандинавіи?

Извѣстно, что средневѣковые лѣтописцы любили приписывать своимъ народамъ какое нибудь отдаленное происхожденіе и притомъ льстящее народному самолюбію. Напримѣръ, Франки выводили себя отъ Энеевыхъ Троянъ, Бургунды отъ Римлянъ и т. п. Но самымъ обычнымъ пріемомъ было выводить народы изъ Скандинавіи. Такъ Іорнандъ производилъ Готовъ изъ Скандинавіи, и назвалъ эту страну vagina gentium. Павелъ Діаконъ производитъ оттуда же Лангобардовъ. Видукиндъ сообщаетъ мнѣніе, которое оттуда же выводитъ и Саксовъ. Къ Готскимъ народамъ нѣкоторые лѣтописцы причисляютъ Вандаловъ, Геруловъ, Скировъ, Ругіевъ, Бургундовъ и Аланъ (см. Mem. Pop. Стриттера. Т. I). Если принять Скандинавское происхожденіе Готовъ, то выходитъ, что и эти всѣ народы ведутъ свое начало изъ Скандинавіи. Очевидно, происхожденіе изъ далекаго полумиѳическаго острова Скандіи пріобрѣло особый почетъ, сдѣлалось признакомъ какого-то благородства. Если принять въ соображеніе, что сами Скандинавы выводили своихъ предковъ съ береговъ Танаиса, то получимъ слѣдующую несообразность. Готскій народъ успѣлъ изъ южной Россіи переселиться въ Скандинавію, тамъ размножиться, оттуда вернуться въ южную Россію и здѣсь уже съ III вѣка явиться господствующимъ народомъ. А между тѣмъ сама Скандинавія, эта воображаемая vagina gentium, извергавшая изъ своихъ предѣловъ цѣлые народные потоки, безъ сомнѣнія, въ пер-

вые вѣка нашей эры была пустынною страною, изрѣдка обитаемою Финнами и Лопарями, по берегамъ которой еще только зараждались германскія колоніи, приходившія съ южнаго Балтійскаго поморья.

Этотъ столь распространенный обычай выводить своихъ предковъ изъ Скандинавіи по всей вѣроятности отразился и въ нашемъ лѣтописномъ преданіи о выходѣ оттуда Варяжской Руси. Но, какъ мы видѣли, все убѣждаетъ насъ въ томъ, что отечество Руси было не на сѣверѣ, а на югѣ; что владычество свое она распространяла не съ сѣвера на югъ, а наоборотъ съ юга на сѣверъ, и что Русь и Варяги два различные народа: первые жили на югѣ, вторые на сѣверѣ. Сама лѣтопись наша Черное море называетъ *Русскимъ*, а Балтійское *Варяжскимъ*; эти названія весьма наглядно указываютъ на географическое положеніе Варяговъ и Руси, и нѣтъ никакого моря, которое бы называлось Варяго-Русскимъ. Арабы также Черное море называютъ Русскимъ; о Балтійскомъ морѣ они хотя имѣли темное представленіе, но все-таки связывали съ нимъ названіе Варанкъ. Далѣе, русская лѣтопись смѣшиваетъ Русь съ Варягами собственно въ легендѣ о призваніи князей; но почти во всѣхъ другихъ случаяхъ она различаетъ Русь отъ Варяговъ и говоритъ о нихъ какъ о разныхъ народахъ. Русскою землею въ лѣтописи называется по преимуществу югъ, а не сѣверъ Россіи; въ XII вѣкѣ князья подъ именемъ Руси разумѣютъ обыкновенно Кіевскую землю. Изъ всѣхъ славянскихъ племенъ Русь приводится въ наиболѣе тѣсныя отношенія съ Полянами. Напомнимъ опять выраженіе лѣтописи: „Поляне яже нынѣ зовомая Русь“. Замѣчательно, что матерью русскихъ городовъ названъ Кіевъ, а не Новгородъ *).

---

*) Обращаемъ вниманіе читателя на эту граматическую невѣрность: Кіевъ мать, а не отецъ-городъ (на что указалъ и г. Безсоновъ въ примѣчаніяхъ къ его изданію Бѣлорусскихъ пѣсенъ). Народъ не могъ выразиться такимъ образомъ: онъ говоритъ „матушка Москва“, „батюшка Питеръ“, а не наоборотъ. Очевидно это названіе не народное, а книжное, заимствованное отъ Грековъ: то есть буквальный переводъ слова μητρόπολις. Византійскіе писатели прямо называютъ этимъ именемъ Кіевъ. Напр. у Киннама. (236 стр. Бонскаго изданія): „μητρόπολις τῶ ἔθνει τούτω“.

Что подъ именемъ Руси разумѣлась въ древній періодъ преимущественно Кіевская земля даже и у другихъ южнорусскихъ Славянъ, весьма наглядный примѣръ представляютъ извѣстныя слова Владиміра Галицкаго о кіевскомъ бояринѣ Петрѣ: „Поѣха мужъ Русскій объимавъ вся волости“.

Начало Русской исторіи пріурочиваетъ къ Новгороду одна только легенда о призваніи князей. „Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуда есть пошла Русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити“—вотъ какими словами начинается наша лѣтопись. Тутъ говорится о Кіевѣ, а не о Новгородѣ. Положительныя хронологическія данныя также относятъ начало нашей исторіи къ Кіеву. Первый достовѣрный фактъ, внесенный въ нашу лѣтопись со словъ византійцевъ, это нападеніе Руси на Константинополь въ 864—5 гг., въ царствованіе императора Михаила. Вотъ слова нашей лѣтописи: „Начепшю Михаилу царствовати, начася прозываться Руска земля“. Норманская теорія придала имъ тотъ смыслъ, будто именно съ этого времени наше отечество стало называться Русью. Но внутренній, дѣйствительный смыслъ, согласный съ положительными событіями, тотъ, что въ царствованіе Михаила имя Руси впервые дѣлается извѣстнымъ, собственно впервые обращаетъ на себя вниманіе, вслѣдствіе нападенія Руссовъ на Константинополь. Можетъ быть нашъ лѣтописецъ или его списатель и самъ думалъ, что съ тѣхъ поръ Русь стала называться Русью. Заблужденіе весьма естественное, и невозможно прилагать требованія нашего времени къ русскимъ грамотнымъ людямъ той эпохи, то есть ожидать отъ нихъ эрудиціи и критики своихъ источниковъ. Напримѣръ, могли ли они, читая византійцевъ, подъ именами Скиѳовъ, Сарматовъ и т. п. узнавать свою Русь?

„Тѣмъ же отселѣ почнемъ и числа положимъ—продолжаетъ лѣтопись“. Это *отселѣ*, по отношенію къ Русской исторіи, оказывается первый годъ Михаилова царствованія, который лѣтопись полагаетъ въ 852 г. „А отъ перваго лѣта Михаилова до перваго лѣта Олгова, Русскаго князя, лѣтъ 29; а отъ перваго лѣта Олгова, понеже сѣде въ Кіевѣ, до перваго лѣта Игорева лѣтъ 31; а отъ перваго лѣта Игорева до перваго лѣта Святославля лѣтъ 33“ и т. д. Въ этомъ хронологическомъ перечнѣ начало Руси ведется не отъ призванія Варяговъ, а отъ той эпохи, когда Русь ясно, положительно отмѣчена византійскими историками. Затѣмъ хронистъ прямо переходитъ къ Олегу. Гдѣ же Рюрикъ? И почему такое повидимому замѣчательное лицо, родоначальникъ Русскихъ князей, не получилъ мѣста въ означенной хронологіи? Мы въ этомъ случаѣ допускаемъ только одно объясненіе, а именно: легенда о Рюрикѣ и вообще о призваніи князей занесена въ лѣтописный сводъ, чтобы дать какое нибудь

начало русской исторіи, и занесена первоначально безъ года; а въ послѣдствіи искуственно пріурочена къ 862 году *).

Въ настоящее время, послѣ нѣсколькихъ прекрасныхъ трудовъ по вопросу о нашей лѣтописи (Погодина, Сухомлинова, Срезневскаго, кн. Оболенскаго, Бестужева-Рюмина и др.) нѣтъ сомнѣнія, что такъ называемая Несторова лѣтопись въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ, есть собственно лѣтописный сводъ, который наросталъ постепенно и подвергался разнымъ редакціямъ. Списатели, какъ оказывается, не всегда довольствовались буквальнымъ воспроизведеніемъ оригинала; но часто прилагали и свою долю авторства; одно сокращали, другое распространяли; подновляли языкъ; вставляли отъ себя разсужденія, толкованія и даже цѣлые эпизоды. Не надобно при этомъ упускать изъ виду также и простыя ошибки, описки, недоразумѣнія (особенно при чтеніи подтительныхъ словъ) и пр. Извѣстныя слова мниха Лаврентія: „оже ся гдѣ буду описалъ, или переписалъ, или не дописалъ, чтите исправливая Бога дѣля, а не кляните“—эти слова характеристичны. Мы думаемъ, что и мнихъ Лаврентій, хотя называетъ себя списателемъ, однако едва ли это слово можно приложить къ нему въ буквальномъ смыслѣ. Вотъ отъ чего явилось такое разнообразіе списковъ, что нельзя найти двухъ экземпляровъ совершенно сходныхъ между собою.

Лѣтописный сводъ дошелъ до насъ въ спискахъ, которые не восходятъ ранѣе второй половины XIV в.; отъ Кіевскаго періода не сохранилось рукописи ни одного лѣтописнаго сборника. Своды, дошедшіе до насъ и заключающіе начало нашей исторіи, принадлежатъ собственно Руси сѣверной, т. е. Новгородско-Суздальской, а не южной, и притомъ относятся къ тому времени, когда лѣтописная дѣятельность въ Кіевѣ уже прекратилась. Возстановить по нимъ начальную редакцію почти также трудно, какъ по былинамъ Владимірова цикла возстановить картину Кіевской Руси и придворнокняжескаго или дружиннаго быта временъ историческаго Владиміра; ибо эти былины точно также дошли до насъ при посредствѣ сѣверной обработки и сѣверной передачи; онѣ окрасились въ цвѣтъ, который имѣетъ мало общаго съ древнею Кіевскою Русью. Въ нихъ болѣе отражается единодержавная Московская Русь. Попытки нѣкоторыхъ изслѣдователей отдѣлить

*) Начальную хронологію Нестора сами норманисты находятъ ошибочною; а именно на это указывалъ прежде Кругъ, и въ наше время г. Куникъ.

разнообразные слои въ нашемъ лѣтописномъ сводѣ начались сравнительно недавно, и, несмотря на нѣкоторые прекрасные результаты, остается еще обширное поле для дѣлателей; многія подробности еще ускользаютъ отъ разъясненія. Нѣкоторыя имена вкладчиковъ въ лѣтописный сводъ и списателей уцѣлѣли случайно; а остальныя потеряны навсегда.

Относительно порчи и перемѣнъ, которымъ подверглись наши начальныя лѣтописи, они представляютъ аналогію съ богослужебными книгами. Извѣстно, какія ошибки и вставки были въ нихъ открыты, когда началось ихъ исправленіе, и къ какимъ важнымъ послѣдствіямъ они повели. А между тѣмъ богослужебныя книги какъ предметъ священный конечно переписывались съ бо́льшимъ тщаніемъ и большею осторожностію, чѣмъ лѣтописи; поэтому можно себѣ представить, какъ велика была порча послѣднихъ; ибо для списателей и составителей сводовъ не было такой же сдержки. А когда началась ученая разработка Русской исторіи, тѣ расказы, которые говорятъ о временахъ гораздо болѣе древнихъ чѣмъ самыя лѣтописи, относились обыкновенно къ народнымъ преданіямъ. Мы нисколько не отвергаемъ преданій какъ одного изъ источниковъ исторіи; но дѣло въ томъ, что этимъ источникомъ надобно пользоваться съ величайшею осторожностію, и пока преданіе не выдержитъ строгой провѣрки по другимъ болѣе достовѣрнымъ источникамъ, его никакъ нельзя возводить въ историческій фактъ. Это во первыхъ; а во вторыхъ еще вопросъ: то, что мы иногда считаемъ народнымъ преданіемъ, дѣйствительно ли таковымъ можетъ назваться? Можно не мало найти примѣровъ тому, какъ мнимо народныя преданія составились путемъ собственно книжнымъ. Нѣкоторые домыслы грамотѣевъ, удачно пущенные въ массу, въ послѣдствіи какъ бы принимаютъ оттѣнокъ народныхъ преданій, особенно если въ нихъ отражался какой нибудь общій мотивъ, какое либо повторявшееся явленіе, другими словами если они попадали въ соотвѣтственную среду. Для аналогіи съ этимъ явленіемъ укажемъ на отношенія многихъ апокрифическихъ сказаній къ Библіи.

Столь прославленная легенда о призваніи князей дошла до насъ не въ первоначальномъ своемъ видѣ. По всей вѣроятности она была преобразована тѣмъ лицомъ, который приложилъ нѣкоторыя старанія къ обработкѣ Кіевскаго свода, то есть придалъ ему нѣкоторую систему. Хотя это сказаніе по возможности проводится и далѣе, то есть какъ бы согласуется съ дальнѣйшими фактами;

но по наивности и простотѣ литературныхъ пріемовъ лѣтописцы не могли избѣжать противорѣчій какъ въ этомъ случаѣ, такъ и во многихъ другихъ *).

Извѣстно, что исторія каждаго народа начинается миѳами. Не будемъ говорить о народахъ древняго міра; напомнимъ болѣе близкіе къ намъ примѣры: сказанія о Пшемыслѣ у Чеховъ, о Крокѣ и Лешкахъ у Поляковъ и пр. Откуда главнымъ образомъ берутся эти сказанія? Изъ простой, естественной потребности объяснить свое начало, т. е. начало своего народа и особенно своей государственной жизни.

Наша легенда о призваніи князей изъ за моря имѣетъ всѣ признаки сказочнаго свойства. Во первыхъ, три брата. Извѣстно, что это число служитъ любимымъ сказочнымъ мотивомъ не только у Славянъ, но и у другихъ народовъ. Еще у древнихъ Скиѳовъ, по извѣстію Геродота, существовалъ миѳъ объ ихъ происхожденіи отъ царя Таргитая и его трехъ сыновей: Арпаксая, Лейпаксая и Колаксая. Въ средніе вѣка встрѣчаемъ у Славянъ миѳъ о происхожденіи трехъ главныхъ славянскихъ народовъ отъ трехъ братьевъ: Леха, Чеха и Руса. Въ нашей лѣтописи, въ параллель съ Рюрикомъ, Синеусомъ и Труворомъ на сѣверѣ, являются три брата на югѣ: Кій, Щекъ и Хоривъ. Наша легенда о призваніи трехъ Варяговъ для водворенія порядка сходна съ ирландскимъ преданіемъ о призваніи трехъ братьевъ съ востока (Амелавъ, Ситаракъ и Иворъ) для заведенія торговли. Что легенда о трехъ Варягахъ установилась не вдругъ, и подвергалась также варіантамъ и украшеніямъ, доказываютъ ея позднѣйшая редакція съ прибавленіемъ Гостомысла, колебаніе, по разнымъ спискамъ, между Ладогою и Новгородомъ, и пр. Самая неопредѣленность выраженія: призвали изъ „за моря“ есть также обычная черта подобныхъ миѳовъ,

*) Для примѣра укажемъ на происхожденіе Переяславля, который будто основанъ на мѣстѣ извѣстнаго единоборства при Владимірѣ св. Это не болѣе какъ неудачная попытка осмыслить названіе города, въ родѣ миѳа о Кіѣ, основателѣ Кіева. Составитель свода не обратилъ вниманія на то, что городъ Переяславль уже упомянутъ имъ въ договорѣ Олега съ Греками. Это несообразность бросающаяся въ глаза; но другія несообразности менѣе яркія еще легче ускользали отъ нашихъ старинныхъ книжниковъ. Напримѣръ, могли ли они замѣтить слѣдующую тонкость? Въ сказаніи о призваніи князей говорится, что отъ этихъ князей Новгородцы стали называться Русская земля; а между тѣмъ изъ дальнѣйшихъ извѣстій ясно, что именно Новгородцы то и не называли себя Русью, а называли такъ обитателей Приднѣпровья.

почти тоже, что наше сказочное: „изъ за тридевять земель“. Если бы это былъ историческій фактъ, то могло бы сохраниться въ памяти народной болѣе опредѣленное указаніе на мѣстность, изъ которой призвали князей. Впрочемъ, напрасно Байеръ считается родоначальникомъ Норманской теоріи; эта теорія въ общихъ чертахъ уже существовала въ древней Россіи, т. е. подъ моремъ тутъ преимущественно разумѣлось море Варяжское или Балтійское. Такъ въ 1611 году изъ Новгорода отправлены были послы къ шведскому королю Карлу IX просить въ государи его сына; для чего приводилось слѣдующее основаніе: „А прежніе государи наши и корень ихъ царскій отъ ихъ же Варяжскаго княженья, отъ Рюрика и до великаго государя Ѳедора Ивановича былъ“. Однако и въ древней Россіи мнѣніе о призваніи князей изъ Скандинавіи далеко не было исключительнымъ. Напомнимъ извѣстныя слова Степенной книги о томъ, что Рюрикъ съ братьями пришли изъ Прусской земли, и что они были потомки Пруса, брата Октавія Августа. Воскресенская лѣтопись также выводитъ ихъ изъ Прусской земли.

Польскій историкъ Длугошъ, писавшій во второй половинѣ XV вѣка, но имѣвшій подъ руками болѣе древнихъ русскихъ лѣтописцевъ, въ своихъ извѣстіяхъ о Руси распространяется о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ, и только мимоходомъ упоминаетъ о выборѣ трехъ братьевъ Варяговъ нѣкоторыми *русскими* племенами. Онъ выражается о пришествіи князей вообще „изъ Варягъ“; но не говоритъ, будто Русь была Варяги и пришла съ князьями; напротивъ онъ говоритъ о Руси, какъ о народѣ туземномъ и стародавнемъ въ Россіи; приводитъ мнѣніе о его происхожденіи отъ миѳическаго Руса; но прибавляетъ, что мнѣнія писателей объ этомъ предметѣ очень разнообразны и что это разнообразіе „болѣе затемняетъ, чѣмъ выясняетъ истину“. Стрыйковскій также ничего не знаетъ о пришествіи Руси изъ Скандинавіи; онъ ведетъ Русь отъ Роксаланъ или Роксанъ; а о Варягахъ замѣчаетъ, что мнѣнія объ ихъ отечествѣ различны и что русскія хроники не даютъ на этотъ счетъ никакого объясненія. Все это показываетъ, какая путаница была въ нашихъ лѣтописяхъ по вопросу о началѣ Руси, прежде нежели возобладало представленіе о пришествіи небывалаго народа Варяго-Руссовъ изъ за моря.

Сказаніе о новогородскомъ посольствѣ къ варяжскимъ князьямъ находится въ непосредственной внутренней связи съ однимъ изъ послѣдующихъ эпизодовъ, именно съ посольствомъ Новгородцевъ

къ Святославу, у котораго они просили себѣ князя. Къ своей просьбѣ, какъ извѣстно, они присоединили угрозу: „Если изъ васъ никто не пойдетъ къ намъ, то мы найдемъ себѣ князя (въ другомъ мѣстѣ)“. Можно ли принимать на вѣру подобный расказъ, который противорѣчитъ зависимому отношенію Новгорода къ великому князю Кіевскому? А что Новгородъ находился тогда въ зависимости отъ Кіевскаго князя, въ этомъ убѣждаютъ всѣ положительные факты. Константинъ Багрянородный замѣчаетъ, что самъ Святославъ при жизни отца былъ княземъ Новогородскимъ; онъ упоминаетъ Новгородъ въ числѣ другихъ городовъ зависимыхъ отъ Кіева и нисколько не указываетъ на его самостоятельное положеніе. Въ Новгородѣ кіевскіе князья въ теченіе всего X вѣка содержали варяжскій гарнизонъ, и это можетъ только намекать на не совсѣмъ покорныя отношенія къ нимъ со стороны Новогородцевъ. Гораздо естественнѣе предположить, что упомянутый расказъ о посольствѣ къ Святославу сложился въ позднѣйшую эпоху: онъ скорѣе выражаетъ характеръ отношеній Новгорода къ великимъ князьямъ въ то время, когда Новогородцы уже добились нѣкоторой самостоятельности, кичились своимъ вѣчевымъ бытомъ и дѣйствительно *призывали* къ себѣ то того, то другаго князя.

Отсюда мы позволяемъ себѣ предположить, что и самая легенда о посольствѣ славянскихъ (т. е. новгородскихъ) пословъ за море и о призваніи варяжскихъ князей, эта легенда, выводившая начало Русскаго государства изъ Новгорода—имѣетъ отпечатокъ Новогородскій. Вѣроятно настоящій свой видъ она получила не ранѣе второй половины XII или первой XIII вѣка, когда Новгородъ достигаетъ значительнаго развитія своихъ силъ. Это было время живыхъ, дѣятельныхъ сношеній съ Готландомъ (съ городомъ Висби), германскими и скандинавскими побережьями Балтійскаго моря. А съ XIII вѣка по преимуществу сюда устремлено было вниманіе Сѣверной Руси, и только съ этой стороны свободно достигалъ до насъ свѣтъ европейской цивилизаціи; между тѣмъ Южная Русь была разорена и подавлена тучею азіатскихъ варваровъ. Уже съ появленіемъ Половцевъ, то есть со второй половины XI вѣка Русскіе постепенно были оттѣсняемы отъ прибрежьевъ Чернаго моря и торговыя сношенія съ Византіей все болѣе и болѣе затруднялись. А когда нагрянула Татарская орда, эти сношенія прекратились. Нить преданій о связяхъ Руси съ Чернымъ моремъ порвалась; между прочимъ заглохли и самыя воспоминанія

о Русскихъ походахъ на Каспійское море, и мы ничего не знали бы о нихъ, если бы не извѣстія Арабовъ. Преданіе о трехъ братьяхъ Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ есть ничто иное какъ таже попытка отвѣтить на вопросъ: откуда пошло Русское государство? Эта попытка конечно южнорусскаго кіевскаго происхожденія. Кіевское преданіе не знаетъ пришлыхъ князей; оно говоритъ только о своихъ туземныхъ, и связываетъ ихъ память съ Византіей и съ Болгарами Дунайскими. Это преданіе оттѣснили на задній планъ и не дали ему ходу сводчики лѣтописей и списатели, которые на передній планъ выдвинули легенду о призваніи варяжскихъ князей. А *призываніе князей* въ ихъ время было обычнымъ дѣломъ въ Великомъ Новгородѣ, и этотъ мотивъ легко могъ окрасить его преданія. Замѣчательно, что и въ послѣдствіи, въ началѣ XVII вѣка, какъ мы видѣли, на призваніе князей ссылаются именно Новгородцы.

Мы упомянули о наемномъ варяжскомъ гарнизонѣ въ Новгородѣ. Начало этого гарнизона можно отнести къ концу IX или къ началу X вѣка. По словамъ нашей лѣтописи, Олегъ уставилъ, чтобы Новгородъ давалъ *дань* Варягамъ по 300 гривенъ въ годъ *мира дѣля;* что дѣйствительно они и получали до смерти Ярослава. Это извѣстіе конечно, не легенда и принадлежитъ къ отдѣлу наиболѣе достовѣрныхъ источниковъ лѣтописнаго свода. Его можно понимать только въ томъ смыслѣ, что Новогородцы платили по 300 гривенъ на содержаніе у себя варяжскаго гарнизона. Тѣмъ не менѣе выраженія „дань даяти“ и „мира дѣля“ могли быть перетолкованы въ смыслѣ какой-то зависимости отъ Варяговъ и повліять на составленіе басни о когда-то платимой Варягамъ дани, объ ихъ изгнаніи, потомъ объ ихъ призваніи и пр. Къ этому недоразумѣнію могли примѣшаться воспоминанія о дѣйствительныхъ нападеніяхъ Варяговъ на новогородскіе предѣлы и о дѣйствительныхъ посылкахъ къ Варягамъ для найма войска *).

---

*) Новгородъ, какъ извѣстно, находился въ подчиненныхъ отношеніяхъ къ Кіеву, но издавна стремился къ самостоятельности. Не лишено значенія и то обстоятельство, что въ до-Татарскую эпоху Новгородецъ не слѣдовалъ примѣру другихъ подчиненныхъ Руси племенъ и не старался усвоить себѣ имя Русина: но продолжалъ именовать себя Словениномъ. Новгородъ когда-то могъ питать къ Кіевскому господству чувства, если не тѣже, то подобныя тѣмъ, которыя онъ питалъ въ послѣдствіи къ Московскому.

Если мы обратимся ко всѣмъ уцѣлѣвшимъ памятникамъ русской словесности до-Татарскаго періода, то насъ поразитъ слѣдующее явленіе. Нигдѣ въ этихъ памятникахъ нѣтъ почти никакого намека на призваніе варяжскихъ князей. А между тѣмъ поводы къ тому были нерѣдки. Возьмемъ хоть столь извѣстное Слово о Полку Игоревѣ. Оно не разъ вспоминаетъ о старыхъ временахъ и о старыхъ русскихъ князьяхъ, даже о вѣкахъ Траяна; но о варяжскихъ князьяхъ нѣтъ и помину. Нѣкоторыя обстоятельства автору Слова извѣстны были лучше чѣмъ лѣтописцамъ; у него есть имена князей, какихъ нѣтъ и въ лѣтописяхъ. Вообще отношенія Руси къ югу у него рисуются яснѣе и обстоятельнѣе чѣмъ у лѣтописцевъ. Такъ, Тмутракань является у послѣднихъ только мимоходомъ и исчезаетъ въ туманѣ; конечно вслѣдствіе того, что лѣтописный сводъ составленъ тогда, когда связи съ югомъ были уже почти порваны. Но Слово о Полку Игоревѣ хотя относится къ концу XII вѣка, однако въ немъ живо еще представленіе о Тмутракани какъ о части Русской земли, но отрѣзанной отъ нея Половецкою ордою. И не только о Тмутракани, поэтъ говоритъ и о готскихъ дѣвахъ, которыя на берегу Синяго моря поютъ пѣсни, звеня русскимъ золотомъ. Тутъ конечно, идетъ рѣчь о Готскомъ или южномъ берегѣ Крыма; о чемъ нѣтъ и помину въ нашихъ лѣтописяхъ. Самый походъ Игоря и Всеволода, какъ видно изъ Слова, былъ предпринятъ съ цѣлію: „поискати града Тьмутороканя". Возьмемъ еще, для примѣра, сочиненіе митрополита Иларіона: „Похвала кагану нашему Владиміру". Здѣсь представлялся удобный случай упомянуть о предкахъ этого князя, и дѣйствительно Иларіонъ называетъ его сыномъ Святослава и внукомъ „стараго" Игоря; говоритъ, что ихъ побѣды и храбрость вспоминаются донынѣ; но далѣе Игоря онъ нейдетъ. Слово Даніила Заточника и Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ также приводятъ имена Святослава и Игоря. Замѣчательно это какъ бы систематическое умолчаніе о призваніи Рюрика и необычайныхъ завоеваніяхъ Олега во всѣхъ тѣхъ памятникахъ, которые несомнѣнно древнѣе лѣтописнаго свода. Могло ли это все быть случайно? Замѣчательно, что и лѣтописные источники, относящіеся несомнѣнно въ эпохѣ до-Татарской въ этомъ случаѣ совпадаютъ съ остальными памятниками той же эпохи. Приведенный нами выше хронологическій перечень останавливается на смерти Святополка; отсюда мы можемъ заключить, что онъ написанъ при

Владимірѣ Мономахѣ, т. е. въ первой половинѣ XII вѣка; извѣстно, что Рюрика здѣсь нѣтъ.

До какой степени въ лѣтописномъ сводѣ отразилось невѣдѣніе южныхъ событій и южныхъ отношеній, это видно на Болгарахъ. Какъ извѣстно, мы приписываемъ, и совершенно основательно, Болгарамъ весьма видную роль въ исторіи нашей письменности и нашего христіанства. Напомнимъ договоры Олега и Игоря, которые по мнѣнію норманистовъ, дошли до насъ въ болгарскомъ переводѣ. Между Русью и Болгарами очевидно были дѣятельныя сношенія. А между тѣмъ лѣтописи наши чрезвычайно мало говорятъ о связяхъ съ Болгарами; они знаютъ о нихъ почти не болѣе того, сколько могли почерпнуть въ извѣстіяхъ византійскихъ. Иногда они какъ бы смѣшиваютъ Дунайскихъ Болгаръ съ Камскими. Точно также лѣтопись не даетъ отвѣта на вопросъ о нашихъ отношеніяхъ къ Корсуню, который при Владимірѣ Св. какъ бы вдругъ получаетъ для насъ такое великое значеніе. Въ непосредственную связь съ этими отношеніями къ Корсуню мы должны поставить исконное существованіе Руси Приазовской, той Руси, которая въ нашей лѣтописи потомъ внезапно, почти безъ всякихъ предварительныхъ указаній, является въ видѣ особаго Тмутараканскаго княжества.

VI.

Русь азовско-черноморская. Параллельныя легенды о призваніи у другихъ народовъ.

Тмутараканское княжество упоминается тогда, когда оно получило князей изъ дома Рюриковичей, то-есть вошло въ составъ общей, объединенной Руси. Но ничто не доказываетъ, что бы это была собственно колонія Днѣпровскихъ Руссовъ, и тѣмъ менѣе Руссовъ Скандинавскихъ. Иначе мы не уяснимъ себѣ многаго въ нашей начальной исторіи, и въ особенности не поймемъ арабскихъ извѣстій.

Существованіе Азовской или Таманской Руси объясняетъ намъ упоминаемые Арабами походы Руссовъ на Волгу и въ Каспійское море въ 913 и 944 гг.—походы, надѣлавшіе много шуму на востокѣ, но о которыхъ русская лѣтопись ровно ничего не

знаетъ. Эти походы естественнѣе всего приписать Руси Тмутраканской, а не Кіевской (а тѣмъ менѣе Скандинавской). Укажу еще на извѣстіе Истахри, повторенное у Ибнъ-Хаукала, о томъ, что Русь состоитъ изъ трехъ племенъ: первое, царь котораго живетъ въ городѣ Куяба; второе называемое Славія, и третье Артанія, царь котораго живетъ въ городѣ Артѣ. Куяба или Кутаба это конечно Кіевъ; подъ именемъ Славіи съ достовѣрностію разумѣютъ Новогородскую землю; но Артанія ставитъ толкователей въ большое затрудненіе. Нѣкоторые оріенталисты пытались выпутаться изъ него съ помощію мордовскаго племени Эрза или Эрзяне, и городъ Арта оказывался ничто иное какъ Арзамасъ (Френъ). Другіе пытались изъ Артаніи сдѣлать Біарманію или Біармію (Рено). А между тѣмъ арабскіе географы постоянно помѣщаютъ Руссовъ между Хазаріей и Румомъ (Византіей); чему совершенно не соотвѣтствуетъ сѣверная полоса Россіи. Въ данномъ случаѣ Истахри прямо говоритъ, что Арта находится между Хазаромъ и Дунайскимъ Болгаромъ. Мы думаемъ, что нѣтъ нужды отыскивать особое русское племя въ глубинѣ мордовскихъ лѣсовъ или на далекомъ сѣверѣ, и предлагаемъ третью догадку, а именно: Арта и Артанія суть греческая Таматарха, русскій Тмутаракань. Это мѣсто арабскихъ источниковъ будетъ для насъ тѣмъ замѣчательнѣе, что тутъ ясно раздѣляется Русь Кіевская отъ Руси Черноморской и Сѣверной, тогда какъ во многихъ другихъ случаяхъ у Арабовъ Русь Днѣпровская и Черноморская очевидно смѣшиваются и тѣмъ затрудняется пониманіе текста. Точно также у нихъ смѣшиваются иногда въ одну двѣ Болгаріи, Волжская и Дунайская; отъ чего также происходитъ немалая путаница. Тмутракань объяснитъ намъ и упоминаемый Арабами какой-то островъ, обитаемый Русью, окруженный озеромъ, покрытый лѣсами и болотами, нездоровый и сырой (Ибнъ-Даста и Мукадеси). Много было догадокъ на счетъ этого непонятнаго острова: его толковали и Даніей, и Скандинавіей, и какими-то Волжскими островами, и наконецъ просто считали его выдумкою. Намъ кажется, что вопросъ будетъ ближе къ рѣшенію, если мы подъ этимъ болотистымъ, нездоровымъ островомъ признаемъ Тамань. (Можетъ быть тогда объяснится и „островъ Русія", упоминаемый у Истахри). Тмутраканская Русь можетъ объяснить и тѣ извѣстія у Арабовъ, гдѣ ставится Русь отдѣльно отъ Куябы (напр. у Ибнъ-Фодлана говорится о привозѣ разныхъ

вещей въ Хазарію изъ Руси, Булгара и Куябы). Вообще Арабы ближе были знакомы собственно съ Азовско-Черноморскою Русью, нежели съ какою либо другою.

Подъ этой Черноморской Русью я однако не разумѣю одну только Тмутракань. Предѣлы самаго Тмутраканскаго княжества намъ въ точности неизвѣстны. Знаемъ только, что средоточіемъ его былъ островъ Тамань съ сосѣднею частію Крыма и восточнаго Азовскаго прибрежья; его сѣверное и западное прибрежья по всей вѣроятности также принадлежали этому княжеству. Мы видимъ, что устья Дона въ тѣ времена были въ рукахъ Руси; отсюда они переходили съ своими лодками на Волгу и плавали въ Каспійское море; поэтому Арабы даже полагали на мѣстѣ нижняго Дона какой-то рукавъ, которымъ Азовское море соединялось съ Волгою. Къ Черноморской Руси я думаю слѣдуетъ отнести и племя Тиверцевъ или Тиревцевъ. Замѣчательно, что въ нашемъ лѣтописномъ сводѣ названіе этого племени промелькнуло раза два или три и потомъ исчезло безъ слѣда. Между тѣмъ у византійцевъ Тиверцы не встрѣчаются; но у нихъ есть Тавроскиѳы, и мы позволяемъ себѣ отождествить эти два названія *). Въ начальной нашей лѣтописи при исчисленіи племенъ, населявшихъ Россію, именно говорится объ Угличахъ и Тиверцахъ, что они простирались до Дуная, но главнымъ образомъ сидѣли по Днѣстру до самаго моря; что грады ихъ (существуютъ) до сего дне, и что страна ихъ называлась Греками „Великая Скиѳія“. Названіе Тиверцевъ или Тавроскиѳовъ какъ названіе самаго южнаго русскаго племени, т. е. самаго ближайшаго къ Грекамъ, легко могло переходить у нихъ изъ видоваго въ родовое, т. е. этимъ именемъ они иногда обозначали всѣхъ Руссовъ. Во всякомъ случаѣ вопросъ о Черноморской Руси стоитъ на го-

---

*) Эти Тавроскиѳы суть видоизмѣненіе болѣе древняго названія греческаго Тиригеты или Тырангиты, т. е. обитатели береговъ рѣки Тыра. Тыръ, Туръ и Тауръ или Тавръ суть разныя произношенія одного и того же слова. Точно также гиты, геты, готы, и гуты суть видоизмѣненіе корня гыт, которое мы сближаемъ съ кыт (въ названіи Скиѳы). Звукъ г, какъ извѣстно, легко переходитъ въ к; а букву с считаемъ приставочною въ словѣ Скиты. Что у Грековъ Скиты могло быть видоизмѣненіемъ слова Геты или Гиты съ приставкою с по эолійскому произношенію, было высказано еще Салмазіемъ, лейденскимъ профессоромъ въ XVII вѣкѣ (См. Sulpicii Severi Sacrae historiae 310). А что Тиверцы есть видоизмѣненіе слова Тиревци указано Шафарикомъ. Тутъ перестановка звуковъ такая же какъ въ названіяхъ Ятвягъ и Явтягъ, Северы или Севры и Серевы или Сервы (Сербы).

раздо болѣе твердой почвѣ, нежели вопросъ о Руси Скандинавской. Въ настоящей статьѣ мы только желаемъ обратить вниманіе на тѣ стороны, откуда можно ожидать разъясненія нашей древнѣйшей исторіи. Болѣе точные и подробные выводы должны быть впереди; для нихъ слишкомъ мало нѣсколькихъ одиночныхъ усилій. Норманская школа болѣе ста лѣтъ работала надъ вопросомъ, гдѣ собственно была родина Норманской Руси, и не могла придти ни къ какому положительному выводу, такъ что въ послѣднее время намъ предстоитъ еще теорія о приходѣ Руси съ острова Даго. (См. Зап. Акад. Н. Т. VI. кн. I. Приложенія). Но возвратимся къ Руси Тмутраканской.

Эта Русь можетъ разъяснить намъ отношенія къ Корсуню. Еслибъ она была не болѣе какъ нормано-русская колонія, основанная во времена Святослава или Владиміра св., то какимъ образомъ Кіевскіе князья могли удерживать за собой такое далекое владѣніе, отрѣзанное отъ Кіевской Руси степями и кочевыми народами? Надобно было держать въ покорности туземное населеніе и въ то же время защищаться отъ Казаръ, Печенѣговъ и Грековъ; для этого требовались сильный гарнизонъ и постоянныя подкрѣпленія изъ Кіева. Между тѣмъ наоборотъ уже сынъ Владиміра св. Мстиславъ Тмутраканскій является такимъ могущественнымъ княземъ, который громитъ сосѣдніе народы, одолѣваетъ своего старшаго брата Ярослава Кіевскаго, и захватываетъ себѣ всѣ русскія области на востокъ отъ Днѣпра. По всей вѣроятности, до прихода Печенѣговъ и Половцевъ предѣлы Тмутраканскаго княжества на сѣверѣ почти сходились съ предѣлами Чернигово-Сѣверской земли, и тогда понятны будутъ ихъ связи, о которыхъ еще живо помнитъ авторъ Слова о Полку Игоревѣ. Въ то же время на югѣ, въ восточной части Крыма, предѣлы Тмутраканской Руси сталкивались съ Византійскими владѣніями. Напомнимъ отрывокъ (помѣщенный въ изданіи Льва Діакона) изъ донесенія неизвѣстнаго по имени греческаго начальника въ Крыму о его войнѣ съ какимъ-то варварскимъ народомъ. Предводитель этого народа, напавшій на Грековъ, владѣетъ страною къ сѣверу отъ Дуная; между тѣмъ обитатели сосѣдней крымской области, какъ свидѣтельствуетъ письмо, суть единомышленники этого варварскаго народа. Нельзя не узнать здѣсь Руси; а подъ княземъ тутъ можно подразумѣвать Игоря, или Святослава, или Владиміра. Эти сближенія проливаютъ свѣтъ на темныя доселѣ слова Игорева договора: „А о Корсуньстѣй странѣ, елико же есть горо-

довъ въ той части, да не имать волости князь Русскій, да (не) воюетъ на тѣхъ странахъ, и та страна не покоряется вамъ". Тамъ же, ниже, ставится Руси въ условіе не пускать Черныхъ Болгаръ воевать Корсунскую страну, и не грабить греческія суда, выброшенныя на берегъ. Всѣ эти условія возможны были только при существованіи Руси у самаго Чернаго моря и вполнѣ согласуются съ арабскими извѣстіями о Русскомъ приморскомъ народѣ. Тогда не покажется страннымъ и извѣстіе Льва Діакона о томъ, что Игорь послѣ своего пораженія Греками воротился не въ Кіевъ, а въ Киммерійскій Боспоръ, и вообще болѣе понятными для насъ сдѣлаются морскія предпріятія Руссовъ противъ Византіи. Въ договорѣ Цимисхія съ Святославомъ опять русскій князь обязуется не нападать на область Корсунскую. Ясно, что эта область сосѣдила съ Русью, и что послѣдняя пыталась завоевать ее. И дѣйствительно опасенія Византійцевъ сбылись: при Владимірѣ Корсунь была завоевана Русью. Мы видимъ въ этомъ завоеваніи не какое-то случайное, отрывочное предпріятіе Кіевскаго князя. Нѣтъ, это было слѣдствіе давнихъ и притомъ сосѣдственныхъ отношеній. Въ связи съ этими отношеніями должно находиться и извѣстное сказаніе о нападеніи Руссовъ на Сурожъ (въ житіи Стефана Сурожскаго).

Обратимъ вниманіе на интересный расказъ Константина Багрянороднаго о продолжительной борьбѣ между Боспорянами и Херсонитами. Во главѣ Боспорянъ стояла династія Савроматовъ. Очевидно, Сарматы, завладѣвшіе древнимъ Боспорскимъ царствомъ, стремились завладѣть и послѣднимъ оплотомъ эллинизма въ Крыму, то есть Херсонесомъ Таврическимъ. Всматриваясь ближе въ отношенія Таманской Руси къ Корсуню, нельзя не придти къ тому заключенію, что ихъ враждебныя отношенія суть продолженіе той же борьбы, о которой разсказываетъ Константинъ Багрянородный. А если мы возьмемъ во вниманіе, что къ Сарматскимъ народамъ древніе писатели относили племя Роксаланъ (т. е. Руссовъ), что Роксалане еще въ 1-мъ вѣкѣ до Р. Х. встрѣчаются около Азовскаго моря, гдѣ они воевали съ Митридатомъ Понтійскимъ, тогда намъ не нужно будетъ выводить изъ Скандинавіи русскую колонію на берега Азовскаго и Чернаго морей.

Повторяемъ, при существованіи Черноморской и Азовской Руси намъ понятны будутъ отдаленные походы Руссовъ на востокъ, въ Каспійское море и въ Прикавказскія страны—походы, совер-

шавшіеся въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ. Мы думаемъ, что и та торговая колонія Руссовъ въ Итилѣ, о которой упоминаютъ Арабы, принадлежала Азовскимъ, а не Днѣпровскимъ Руссамъ. Наконецъ только существованіе Азовско-Черноморской Руси объяснитъ намъ, почему вообще Русь въ началѣ нашей исторіи является народомъ преимущественно мореходнымъ. Морскіе походы Кіевскихъ Руссовъ совершались конечно съ помощію ихъ приморскихъ родичей. Замѣчательно, что прекращеніе этихъ походовъ совпадаетъ съ появленіемъ Половцевъ, которые постепенно отрѣзали Кіевскую Русь отъ ея приморскихъ соплеменниковъ; между тѣмъ торговые караваны продолжали еще ходить изъ Днѣпра въ Византію и обратно.

Когда составился нашъ лѣтописный сводъ, Черноморская Русь приходила уже въ забвеніе; поэтому весьма могло быть, что въ разсказахъ о первыхъ князьяхъ она смѣшивалась съ Кіевскою Русью. Особенно это можно сказать относительно эпизода объ Оскольдѣ и Дирѣ. Этотъ лѣтописный эпизодъ весьма сомнительнаго свойства. Во первыхъ, что означаютъ тутъ два имени, столь тѣсно связанныя и всегда неразлучныя? Во вторыхъ, византійцы не называютъ предводителей Руси, напавшей на Константинополь въ 865 г.; затѣмъ они расказываютъ объ обращеніи этихъ Руссовъ, объ ихъ посольствѣ въ Римъ и Константинополь по вопросу о вѣрѣ, о чудѣ съ Евангеліемъ; причемъ говорятъ постоянно объ одномъ князѣ, а не о двухъ. Наши лѣтописи расказъ о нападеніи на Константинополь въ 865 г. почти буквально взяли изъ византійскихъ хронографовъ, но присоединили къ нему Оскольда и Дира. Очень могло быть, что названія какихъ либо кіевскихъ урочищъ, въ родѣ Оскольдова могила и Дирова могила, могли послужить основаніемъ къ сказанію объ этихъ двухъ витязяхъ, то есть подобно тому, какъ названія Кіевъ, Хоревица и Щековица послужили основою для легенды о трехъ братьяхъ, когда то княжившихъ между Полянами. Составитель лѣтописнаго свода связалъ Оскольда и Дира съ легендой о призваніи Варяговъ и о переходѣ ихъ изъ Новгорода въ Кіевъ. Замѣчательно, что другаго дѣйствительно историческаго лица съ именемъ Оскольда, Русская исторія не знаетъ, также какъ она не знаетъ ни Щека, ни Хорива. Расказы о посольствѣ нѣсколькихъ мужей для испытанія обряда наши лѣтописцы относятъ къ тому князю, который окончательно утвердилъ христіанство въ Кіевѣ, то есть къ Владиміру; между тѣмъ какъ восточный обрядъ еще прежде Кіева

могъ утвердиться между Азовско-Черноморскими Руссами, въ особенности по сосѣдству съ Корсунемъ. Что касается до пришествія Олега изъ Новгорода въ Кіевъ, то если бы и дѣйствительно онъ княжилъ сначала въ Новгородѣ, это нисколько не доказываетъ его норманство. Онъ могъ быть сначала удѣльнымъ княземъ Новогородскимъ, и потомъ перейти на Кіевскій столъ, какъ это повторилось съ Святославомъ, Владиміромъ и Ярославомъ. Онъ могъ оружіемъ или хитростью захватить Кіевскій столъ, чему бывали и другіе примѣры. Все это могло быть безъ всякаго призванія князей изъ Скандинавіи. Замѣчательно, что Длугошъ, имѣвшій подъ руками старыя русскія лѣтописи, ничего не знаетъ о пришествіи Оскольда и Дира изъ Скандинавіи; напротивъ онъ говоритъ о нихъ какъ о потомкахъ Кія. Тоже самое и Стрыйковскій, который Оскольда называетъ *Осколодъ*. Никоновская лѣтопись и Степенная книга также не говорятъ о пришествіи Оскольда и Дира съ сѣвера. Извѣстно ихъ выраженіе, по поводу нападенія Оскольда на Константинополь: „Съ ними же бяху роди нарицаеміи Руси, иже и Кумани, живяху въ Евксинопонтѣ“. Конечно это своды позднѣйшіе; но вопросъ заключается въ ихъ источникахъ. (См. *Обз. Хроногр.* А. Попова).

Въ числѣ тѣхъ легендъ, которыми украшено начало нашей лѣтописи, обратимъ вниманіе на первое столкновеніе Полянъ съ Хазарами. Поляне даютъ имъ по мечу съ дыма. Эти обоюдуострые мечи совершенно согласуются съ мечами Руссовъ по описанію Ибнъ-Фадлана. Можетъ быть и самая лѣтописная сага возникла для указанія на это различіе русскаго меча и хазарской сабли. Хазары наложили на Полянъ, Сѣверянъ и Вятичей дань по бѣлѣ и веверицѣ съ дыма. По нѣкоторымъ спискамъ почти ту же дань платили Варягамъ сѣверные Славяне. Мы позволимъ себѣ сблизить эти извѣстія съ тѣмъ мѣстомъ Слова о Полку Игоревѣ, гдѣ говорится, что во время княжескихъ междоусобій „погании (Половцы) сами побѣдами нарищуще на Русскую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора“. (А можетъ быть тутъ подъ погаными разумѣется Литва, а не Половцы?). Но для насъ замѣчательно такое почти буквальное совпаденіе даней хазарской, варяжской и половецкой. Могло быть, что воспоминаніе о послѣдней, то есть о половецкой (или литовской) дани перенеслось въ лѣтописномъ сводѣ на Хазаръ и Варяговъ. Мы сомнѣваемся, что бы Хазары въ IX вѣкѣ владѣли Приднѣпровьемъ. Изъ словъ лѣтописи видно, что извѣстіе о Хазарской дани относится къ тому времени, когда

наоборотъ Хазары находились въ подчиненіи у Руссовъ („володѣютъ Козарами Русскіе и до днешнего дне“). И что это за время? Если лѣтопись составилась въ началѣ XII вѣка, то какими Хазарами Русскіе тогда владѣли? А противъ кого Хазарскій хаганъ укрѣплялъ свои границы на западѣ и съ помощью Византійцевъ построилъ на Дону Саркелъ въ первой половинѣ IX вѣка? Мы думаемъ столько же противъ Печенѣговъ, сколько и противъ Руссовъ. Но эта твердыня, повидимому, мало оказала помощи; извѣстны послѣдующіе походы Руссовъ на востокъ сквозь Хазарскую землю и разореніе Саркела Руссами *).

Одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ норманистовъ, г. Куникъ, по поводу монографіи г. Гедеонова, выразилъ нѣкоторыя мнѣнія, несогласныя съ своею школою,—мнѣнія, къ которымъ онъ отчасти пришелъ еще прежде. Онъ добросовѣстно отказывается отъ Руссовъ въ Севильѣ, отъ шведскихъ Родсовъ (которымъ посвятилъ когда-то особую монографію) и отъ 862 года; находитъ легендарный оттѣнокъ въ извѣстіи о трехъ братьяхъ Варягахъ и пр. Отказываясь отъ Скандинавскаго материка, какъ отечества нашей Руси, г. Куникъ однако не теряетъ еще надежды найти это отечество по крайней мѣрѣ на островахъ Готландѣ и Даго. Въ замѣчаніяхъ на монографію г. Гедеонова онъ приводитъ интересную параллель между нашею лѣтописною легендою о призваніи трехъ Варяговъ и Видукиндовымъ сказаніемъ о призваніи въ Британію двухъ воеводъ, Генгиста и Горзы, основателей Англосаксонскаго государства. Послы Бриттовъ держали почти такую же рѣчь предводителямъ Саксовъ, какую славянскіе послы говорили варяжскимъ князьямъ. Даже повторяется тоже выраженіе: *наша земля велика и обильна* (terra lata et spatiosa et omnium rerum copia referta). Дѣйствительно въ обоихъ сказаніяхъ есть нѣкоторая аналогія. Но что же изъ этого? Подобная аналогія указываетъ только на повтореніе сходныхъ легендарныхъ мотивовъ у разныхъ народовъ: чему примѣръ мы уже видѣли въ сагѣ о взятіи Коростена Оль-

---

*) Эти строки были написаны въ 1871 г. Послѣдующія мои изслѣдованія не только подтвердили тожество третьей группы Руссовъ у арабскихъ писателей съ Русью Тмутраканскою; но и обнаружили присутствіе въ томъ краю Славянскихъ Болгаръ, бывшихъ уже отчасти христіанами, а также уяснили для меня ихъ отношенія къ Хазарамъ и народность послѣднихъ. Русь владѣла хазарскими поселеніями на Тамани и Тмутракани до конца XI вѣка. (См., ниже: „О славян. происхожд. Дунайск. Болгаръ“, и „Русь и Болгаре на Азовск. поморьѣ“).

гою. Параллели собственно исторической мы не видимъ. Во-первыхъ, Бритты призывали Англосаксовъ на помощь противъ сосѣдей, а не для господства надъ собою (если дѣйствительно призывали, а не просто нанимали ихъ дружины въ свою службу, что вѣроятнѣе). Во-вторыхъ, водвореніе англосаксонскаго владычества въ Британіи, какъ мы видимъ, совершилось весьма постепенно, цѣлымъ рядомъ переселеній съ материка и при отчаянной борьбѣ со стороны туземцевъ. Всѣ эти событія подтверждаются не только положительными историческими свидѣтельствами, но и очевидными послѣдствіями, то-есть созданіемъ новой, смѣшанной, національности, при сильномъ преобладаніи нѣмецкаго элемента. Ничего нѣтъ подобнаго въ нашей исторіи. Новогородцевъ едва ли угнетали какіе иноплеменники въ первой половинѣ IX вѣка. Нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя подтверждали бы слова лѣтописи о варяжской дани, предшествовавшей якобы призванію князей; да и легенда говоритъ, что Новогородцы сами прогнали Варяговъ. Призваніе чуждаго народа для порядка, то-есть собственно для господства надъ собою, немыслимо (въ англо-саксонской сагѣ совсѣмъ и нѣтъ этого мотива). Далѣе, сама же лѣтопись расказываетъ, что, едва Новогородцы призвали князей для водворенія у себя порядка, какъ послѣдніе занялись покореніемъ другихъ племенъ, промѣняли Новгородъ на Кіевъ и начали громить Византію. Есть ли что нибудь историческаго въ такой невѣроятной комбинаціи? Неясно ли, что она возникла преимущественно для того, чтобы объяснить начало Русскаго государства? Возникла вѣроятно въ Новгородѣ, а не въ Кіевѣ; причемъ обстоятельства, взгляды и обычаи современные автору сказанія, перенесены имъ на время, отдѣленное отъ него двумя или болѣе вѣками (явленіе весьма обычное въ лѣтописяхъ почти всѣхъ народовъ). А главное: гдѣ мы видимъ хотя какіе нибудь серьезные слѣды иноземнаго, т. е. скандинавскаго, элемента въ составѣ Русской національности? Если это были князья только съ своимъ родомъ, съ своею дружиною, въ нѣсколько сотъ, даже въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, то какъ могли они въ нѣсколько лѣтъ распространить имя Руси отъ Финскаго залива до Чернаго моря и до нижней Волги? Если же эти иноземцы были многочисленнымъ, сильнымъ народомъ (а все указываетъ, что Руссы были именно таковы), то гдѣ указанія на ихъ переселеніе изъ-за моря въ большихъ массахъ? Норманисты даже не могутъ найти ихъ отечество, изъ котораго они будто бы ушли всѣ до единаго. Какъ могли они

такъ быстро и такъ основательно обратиться въ Славянъ, не оставивъ слѣдовъ ни въ языкѣ, ни въ какихъ либо памятникахъ? Неужели пять пока темныхъ для насъ названій пороговъ—вотъ все, что осталось отъ скандинавской народности этого многочисленнаго, энергическаго и господствовавшаго племени?

Если проводить параллели съ нашею легендою о призваніи Варяговъ, то мы предложимъ другое сказаніе, по нашему мнѣнію ближе къ ней подходящее. Прокопій въ своемъ сочиненіи *о Готской войнѣ* расказываетъ слѣдующее событіе у племени Геруловъ. Часть этого племени поселилась на Дунаѣ въ предѣлахъ Византійской имперіи. Однажды, во времена императора Юстиніана, Герулы убили своего царя Охона для того, чтобы не имѣть никакого царя, то-есть никакой власти. Но потомъ они раскаялись (конечно вслѣдствіе наступившей неурядицы) и послѣ многихъ сходокъ рѣшили отправить посольство на островъ Ѳулу, чтобы тамъ поискать себѣ князя изъ ихъ древняго царскаго рода: такъ какъ другая часть Геруловъ удалилась на этотъ островъ. Послы дѣйствительно нашли то, что искали; но приглашенный ими князь на дорогѣ умеръ. Тогда они воротились опять на островъ и выбрали другаго князя, по имени Тодасія. Онъ вмѣстѣ съ братомъ Аордомъ и съ 200 избранныхъ Геруловъ отправился на Дунай. Такъ какъ прошло много времени, пока послы успѣли воротиться, то Дунайскіе Герулы соскучились ихъ ожиданіемъ и приняли другое рѣшеніе. Они послали къ императору Юстиніану съ просьбою дать имъ царя. Тотъ немедленно отправилъ къ нимъ Суарта, знатнаго Герула, проживавшаго въ Константинополѣ. Но едва Суартъ началъ царствовать, какъ прибылъ Тодасій изъ Ѳулы. Непостоянные Герулы покинули Суарта и перешли на сторону Тодасія.

Прокопій повѣствуетъ въ этомъ случаѣ почти какъ современникъ, и, если ему переданы были неточно подробности, все таки въ основѣ этого факта могло заключаться историческое событіе. Но что здѣсь подразумѣвается подъ островомъ Ѳулой или Тулой? У писателей начала Среднихъ вѣковъ подъ Тулой разумѣлся какой-то сѣверный островъ, который можно толковать Исландіей, Британіей и Скандинавіей. Но по всей вѣроятности это названіе перешло на сѣверъ изъ болѣе южныхъ странъ, точно также какъ и названіе Скиѳія, которое постепенно видоизмѣнялось и иногда получало весьма широкое примѣненіе. Въ тѣсномъ смыслѣ это была нынѣшняя южная Россія, въ обширномъ—предѣлы ея на сѣ-

верѣ простирались до береговъ океана, на востокѣ терялись въ степяхъ средней Азіи. Впослѣдствіи это имя, если не въ чистомъ, то въ измѣненномъ видѣ сохранилось за нѣкоторыми странами, и преимущественно за Скандинавіей или Скандіей? Мы позволяемъ себѣ слѣдующую догадку: не отсюда ли происходитъ и то недоразумѣніе, на которомъ основанъ столь распространенный въ Средніе вѣка обычай производить народы изъ туманной и едва извѣстной Скандинавіи? Если и можно назвать какую страну истинной, а не мнимой vagina gentium, такъ это древнюю Скиѳію въ ея тѣсномъ смыслѣ, то есть южную половину Россіи, съ прилегающими къ ней частью Дунайской равнины и Карпатской областью. Здѣсь еще по извѣстію Геродота обитали столь многіе народы. Отсюда они постепенно разселялись на сѣверъ и на западъ. Впослѣдствіи, когда имя Скиѳіи перенесено было на отдаленные берега Сѣвернаго моря, съ этими берегами смѣшались воспоминанія о Скиѳіи, какъ о древнемъ отечествѣ, и лѣтописцы начали эти воспоминанія пріурочивать преимущественно къ Скандинавіи *). Тоже могло случиться съ именемъ Ѳулы. Есть указанія, по которымъ съ достовѣрностію можно предполагать, что часть Крыма въ Средніе вѣка носила названіе Ѳулы (между прочимъ см. Кеппена Крым. сбор. 131 стр.). Поэтому легко могло иногда происходить смѣшеніе въ извѣстіяхъ лѣтописцевъ: что принадлежало собственно Черноморью, то относилось къ берегамъ Сѣвернаго океана. Хотя Прокопій въ упомянутомъ расказѣ не поясняетъ, гдѣ находился островъ Ѳула; но изъ другихъ его извѣстій объ этомъ островѣ можно догадываться, что онъ смѣшивалъ ее съ Скандинавіей, вслѣдствіе уже укоренившагося въ то время тяготѣнія лѣтописцевъ къ этой полумиѳической странѣ. Гораздо вѣроятнѣе предположить, что Герулы, если посылали пословъ, то посылали не въ Скандинавію, а на берега Чернаго моря, гдѣ была

---

*) Что названіе Скандія или Скандинавія (у Фредегара Schatanavia) есть видоизмѣненіе слово Скитія, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Въ источникахъ иногда рядомъ встрѣчаются для нея оба именованія; напр. у географа Равеннскаго: „великій древній островъ Скитія, который называется Сканца (Scanza)“.

Познакомясь потомъ съ сочиненіемъ Пинкертона (Recherches sur l'origine des Scythes ou Goths. Paris. 1804) я убѣдился, что не мнѣ первому пришла такая догадка. Пинкертонъ прямо указываетъ на недоразумѣнія средневѣковыхъ лѣтописцевъ по отношенію къ Скиѳіи и Скандинавіи, начавшееся съ легкой руки Іорнанда (стр. XIV). Позд. прим.

ихъ прежняя родина и гдѣ оставалась еще часть ихъ племени съ своимъ древнимъ княжескимъ родомъ.

Приведенный нами расказъ о Герулахъ съ перваго взгляда весьма похожъ на нашу легенду о призваніи князей; но сущность его оказывается иная. Герулы посылаютъ за княземъ не къ чужому племени, а къ своему собственному, и приглашаютъ правителя не иначе какъ изъ своего древняго княжескаго рода. Отъ императора они получаютъ въ цари также человѣка своего племени. Но самый мотивъ призванія (внутренняя неурядица) замѣчательнымъ образомъ сходится съ нашею легендою. Отсюда мы дѣлаемъ слѣдующее предположеніе: Можетъ быть, подобный мотивъ и не одинъ разъ повторялся въ преданіяхъ германскихъ и славянскихъ народовъ съ различными варіантами. Можетъ быть, тотъ же мотивъ проникъ и къ намъ, и возродился въ пресловутой легендѣ о призваніи трехъ Варяговъ для водворенія внутренняго порядка. На этотъ счетъ мы конечно можемъ дѣлать только предположенія. Несомнѣнно то, что подобнымъ мотивомъ сѣверно-русская легенда пытается объяснить начало русской гражданственности, то есть начало Русскаго государства. Этотъ мотивъ въ общемъ своемъ видѣ, т. е. какъ представленіе о трехъ братьяхъ основателяхъ государства, существовалъ и на югѣ, въ Кіевѣ; но въ формѣ призванія онъ особенно привился на сѣверѣ, въ Новгородѣ, потому, что здѣсь упалъ на благодарную почву: такъ какъ призваніе князей было обычнымъ дѣломъ для Новгородцевъ. Повторяемъ, во времена Константина Багрянороднаго этой легенды еще не существовало у Кіевской Руси; иначе онъ по всей вѣроятности зналъ бы о ней и передалъ бы ее потомству, точно также какъ Прокопій передалъ то, что ему расказывали о Герулахъ. Изъ одного мѣста Симеона Логоѳета (византійскій писатель первой половины XI вѣка) видно, что въ его время существовало преданіе о происхожденіи имени Русь отъ Роса, когда то надъ нею царствовавшаго. Это темное преданіе примыкаетъ къ такимъ же вымысламъ Среднихъ вѣковъ о Чехѣ, Лехѣ и Русѣ, о Словенѣ и Русѣ и т. п. Замѣчательно, что норманисты и этого миѳическаго Роса пытались отождествить съ варяжскими князьями *).

---

*) Вообще Варягамъ-Норманнамъ посчастливилось не только у средневѣковыхъ лѣтописцевъ, но и у писателей новаго времени. Даже и въ наше время продолжается какъ бы соревнованіе выводить основателей государствъ изъ Скандина-

VII.

Система осмысленія народныхъ именъ. Происхожденіе имени Русь.

Откуда же взялось названіе Рось или Русь и что оно означаетъ? Ліутпрандъ говоритъ, что „по наружному качеству Греки называютъ этотъ народъ *Русыми* (Rusios)". Обратимъ вниманіе на его толкованіе. Норманисты, какъ извѣстно, опираются на Ліутпранда въ пользу Скандинавскаго происхожденія; слѣдовательно они должны принять и тотъ выводъ, который въ такомъ случаѣ вытекаетъ изъ приведенныхъ его словъ. Выходитъ, что Руссы получили свое имя отъ Грековъ еще живя въ далекой Скандинавіи; не будучи даже съ ними знакомы, они тѣмъ не менѣе усвоили себѣ изобрѣтенное для нихъ Греками названіе; но это названіе дома у себя въ отечествѣ они не употребляли и слѣдовъ его тамъ не оставили; а приняли его единственно для того, чтобы, перейдя въ среду восточныхъ Славянъ, немедленно сообщить имъ свое имя отъ Финскаго залива до Тамани и закрѣпить его въ особенности за обитателями Приднѣпровья. Вотъ къ какимъ несообразностямъ можно иногда придти, если положить въ основу извѣстіе неочищенное отъ разныхъ примѣсей и недоразумѣній.

Въ своихъ поискахъ за началомъ Русской націи намъ удалось напасть на цѣлую систему *осмысленія* народныхъ именъ, систему, которая имѣла широкое приложеніе во всѣ времена и доселѣ еще сохраняется во всей силѣ. Названіе, сдѣлавшееся давно непонятнымъ, народный говоръ старается пріурочить къ какому нибудь созвучію и такимъ образомъ сообщить ему смыслъ. Черта вполнѣ естественная—непонятное, какъ бы безсмысленное, сдѣлать осмысленнымъ. Эта общечеловѣческая черта отразилась у лѣтописцевъ и перешла въ научные труды нашего времени. Мы уже упоминали о названіи Нѣмцы и Хорваты. Приведемъ и другіе примѣры, имѣя при этомъ въ виду преимущественно міръ Славянскій.

Угличи. Уже Стриттеръ производилъ это названіе отъ р. Угла,

віи. Такъ талантливый польскій историкъ Шайноха, соревнуя нашимъ норманистамъ, написалъ цѣлое изслѣдованіе (Lechicki poczatek Polski) и потратилъ не мало труда на то, что бы доказывать основаніе Польскаго государства Норманнами.

которая потомъ называлась Орель (впадаетъ съ лѣвой стороны въ Днѣпръ, на границѣ Полтав. губ.). Но Шафарикъ отвергъ такое мнѣніе, потому, что Угличи по всей вѣроятности жили гораздо югозападнѣе этой рѣки. Названіе Угличей потомъ стали производить отъ какого то угла, т. е. якобы они первоначально жили въ углѣ между Чернымъ моремъ и Дунаемъ (Буджакъ). Но это объясненіе одно изъ самыхъ неудачныхъ. Дѣло въ томъ, что рѣкъ, носившихъ названіе Угла, было нѣсколько въ южной Россіи. А что такое Ингулы какъ не тѣ же Углы? Послѣднее должно было писаться черезъ юсъ, и имѣло конечно носовое произношеніе. (Древнѣйшее извѣстіе объ Угличахъ находится у Баварскаго землеписца IX вѣка, гдѣ они названы *Unlizi*).

Бодричи. Это названіе такъ ясно отзывается *бодрыми*, что сблизить ихъ между собой казалось весьма естественно. Дѣйствительно ихъ и производили отъ *бодрый* (Шафарикъ), какъ *Лютичей* отъ *лютый*. Но гораздо естественнѣе предположить, что и этотъ народъ получилъ свое имя отъ рѣки Одры, то-есть настоящее его имя есть *Поодряне* или *Поодричи* (Венелинъ и Чертковъ). Тогда получитъ смыслъ и другая форма этого имени у средневѣковыхъ латинскихъ лѣтописцевъ: *Оботриты*. Если названіе Бодричей происходитъ отъ бодрый, то и Кривичей надобно производить отъ „кривой“, Радимичей отъ „родимый“ и т. п.

Древане Полабскіе и *Древляне* Русскіе производились отъ деревъ, то-есть означали какъ бы лѣсной народъ. Но мы позволяемъ себѣ сблизить это названіе съ тою же р. Одрою, подъ которой не должно разумѣть одинъ только извѣстный Одеръ. Видоизмѣненія этого имени были: Одрава и просто *Драва* (какъ Упа—Упава—Опава). Вообще имена славянскихъ народовъ весьма часто связывались съ именами рѣкъ. Моравы, Полабы, Полочане и т. п. ясно указываютъ своимъ именемъ на рѣки. Но другія имена видоизмѣнялись, дѣлались непонятными, и потомъ осмысливались съ помощью разныхъ созвучій. Сюда мы относимъ и Лютичей, которые по созвучію объяснялись лютыми, откуда даже перешли въ волковъ *(Вильцы)*. Не вѣроятнѣе ли предположить, что въ ихъ имени скрывается названіе рѣки *Лъты*, съ ея видоизмѣненіями *Альта* и *Олюта?*

А что такое наши *Поляне?* Уже лѣтопись производитъ ихъ отъ полей, также какъ Древлянъ отъ деревъ. Но вѣрно ли это? Та же лѣтопись потомъ проговаривается, что Поляне жили въ лѣсахъ и даже на горахъ. У насъ есть рѣки Пола, Полистъ, По-

лота и т. п.; имѣютъ ли они связь съ именемъ Полянъ, мы не знаемъ. Но уже у классическихъ писателей (Діодора и Плинія) упоминается о народѣ Палеяхъ или Спалеяхъ, обитавшихъ въ восточной Европѣ. Іорнандъ говоритъ, что Готы, когда пришли на берега Чернаго моря, то должны были выдержать борьбу за свои новыя жилища съ сильнымъ народомъ Спалами. Имя этого народа, какъ справедливо замѣтилъ Шафарикъ, сохранилось въ словѣ *исполинъ*, которое въ нѣкоторыхъ древнеболгарскихъ и сербскихъ рукописяхъ встрѣчается и безъ *и*, т. е. просто *сполинъ*. Мы позволяемъ себѣ сблизить нашихъ Полянъ съ этими Палеями или Спалами. Можетъ быть названіе Поляне есть и тоже что Булане (Βούλανες) Птоломея, какъ это замѣтилъ тотъ же Шафарикъ.

Что касается до осмысленія именъ, то еще у древнихъ Грековъ примѣръ тому мы видимъ въ словѣ Сарматы или Савароматы. Изъ всѣхъ варіантовъ этого названія Греки наиболѣе употребляли форму Савроматы, и толковали ихъ *ящероглазыми*, пользуясь конечно созвучіемъ съ словами σαύρα—ящерица и ὄμμα—глазъ. Мы уже говорили, что позволяемъ себѣ отождествлять это названіе съ именемъ *Сербы* или *Сервы*, наше *Сѣверяне*, приЭльбскіе *Сорабы* и пр. *). Весьма наглядный примѣръ такого произношенія народнаго имени, которое, благодаря созвучію, выражаетъ нѣкоторый смыслъ (хотя совершенно случайный), представляетъ русское названіе племени *Самоѣдовъ*. Что такое за Самоѣды? Неужели народъ, который ѣстъ самъ себя? По нашему мнѣнію это просто искаженіе какого-то первоначальнаго названія. Корень *Сам* и *Суом* встрѣчается также въ именахъ народовъ Финскихъ и Литовскихъ.

Возмемъ даже названіе *Славяне* или *Словене*; мы производимъ его отъ *слова*, которое переходитъ и въ *слава*; такимъ образомъ это выходитъ народъ говорящій (въ противуположность Нѣмцамъ), а пожалуй и славный. Но вѣрно ли это производство? Не скрывается ли здѣсь таже попытка осмыслить названіе, сдѣлавшееся непонятнымъ? Обращу вниманіе на слѣдующіе факты. Для насъ кажется нелишеннымъ значенія упорное именованіе Славянъ у

---

*) Окончаніе **маты** встрѣчалось и въ именахъ другихъ народовъ, напр., **Яксаматы** и **Тиссаматы**. Что касается до отождествленія имени Сарматовъ и Сербовъ, то оно предложено еще Чехомъ Вацерадомъ (въ началѣ XII в.), списателемъ извѣстнаго словаря Mater verborum.

Римлянъ и Византійцевъ Склавами и Склавинами; т. е. это имя является у нихъ всегда съ буквою *к*. Откуда это *к?* Есть ли оно необходимое условіе и латинскаго и греческаго произношенія передъ буквою *л*, или оно коренное? У Арабовъ Славяне называются *Саклабы* или *Сакалибы*, и опять *к*. Нѣкоторые объясняютъ арабское названіе передѣлкою византійскаго. Но почему же Арабы должны были заимствовать названіе Славянъ непремѣнно отъ Византійцевъ, а не отъ Мидо-Персидскихъ народовъ? На послѣдній вопросъ навело меня слово *Саки*, подъ которымъ часть Скиѳовъ была извѣстна у Персовъ, какъ сообщаетъ Геродотъ. Итакъ вотъ въ какой древности, можетъ быть, должны мы отыскивать начало имени, которое потомъ по созвучію осмыслилось формою Славяне съ его видоизмѣненіями Словинци, Словаки, Словене. И опять вопросъ: какое осмысленіе старше, Славяне или Словене? Во-первыхъ, древнія извѣстія передаютъ форму Sclavi, а не Sclovi. Во-вторыхъ, личныя имена оканчиваются тоже не на *словъ*, а на *славъ:* Ярославы, Святославы, Болеславы и пр. Но и самыя эти *Славы* въ личныхъ именахъ, повидимому, не очень древни. Сколько мнѣ сдается, эпоху, когда они вошли въ силу или моду, можно опредѣлить приблизительно около IX вѣка. Въ болѣе раннюю эпоху преобладалъ въ сложныхъ личныхъ именахъ слой другихъ окончаній, каковы *витъ, міръ, мутъ* и *гастъ*, которыя болѣе близки къ литовскимъ, германскимъ и кельтскимъ. Названіе Славы, какъ осмысленіе, можетъ быть сближалось не съ отвлеченнымъ понятіемъ о славѣ, а собственно съ славіями (соловьями)? Корень *сак* мы встрѣчаемъ въ Средніе вѣка въ названіи одного южнославянскаго племени, именно ѳракійскихъ Сакулатовъ. Это имя напоминаетъ извѣстіе Геродота о томъ, что Скиѳы (конечно часть ихъ) сами называли себя Сколотами. (Напомнимъ еще Скаловитовъ Дюисбурга) *).

---

*) Склавы и Сервы, какъ извѣстно, получили у Римлянъ значеніе рабовъ. Первоначально это значеніе произошло вѣроятно отъ того, что ближайшія части Славянскаго племени (Словинцы и Сербы) были покорены Римлянами. Возможно и то, что названіе Склавы въ смыслѣ рабовъ перешло къ Римлянамъ отъ Германцевъ, обложившихъ данью какое либо Славянское племя. У варваровъ обыкновенно племя господствующее называлось свободнымъ, а подчиненное рабами; извѣстны преданія о рабахъ, возмутившихся противъ своихъ господъ во время ихъ отсутствія и завладѣвшихъ ихъ женами. Эти преданія въ древности встрѣчаемъ въ Скиѳскомъ мірѣ, а въ Средніе вѣка въ мірѣ Славянскомъ. Въ основѣ такого преданія заключался конечно, фактъ возстанія покореннаго племени, которое свергло свою зависимость отъ другаго народа. Въ исторіи мы

Изъ объясненія Ліутпранда, что Руссы получили у Грековъ свое названіе отъ внѣшняго качества (то-есть, отъ русыхъ волосъ), можно заключить, что Греки дѣйствительно такъ осмысливали непонятное имя Рось или Русь. Это повтореніе того же, что случилось съ Сарматами, которые обратились въ ящероглазыхъ. Очень могло быть при этомъ, что толкованіе Руссовъ въ смыслѣ русыхъ перешло къ Грекамъ отъ самой же Руси, которая такимъ образомъ осмысливала свое собственное названіе. Древнѣйшая форма этого названія по всей вѣроятности была не Русь, а *Расъ* или *Рось*. Это *Рось*, какъ слово чуждое греческому языку, потому и сохранялось въ немъ безъ измѣненія, въ неподвижной, несклоняемой формѣ (Ῥῶς). Вообще можно замѣтить, что живой народный говоръ не любитъ долго останавливаться на одной и той же формѣ своихъ собственныхъ словъ; съ теченіемъ времени онъ охотно ихъ мѣняетъ и видоизмѣняетъ. Вотъ почему иногда форма, сохраненная иноземцами, оказывается древнѣе формы собственной. Примѣры тому мы видимъ въ названіяхъ Славяне, Русь, Кіевъ и т. д. Соотвѣтственно византійскому Рось, у Венгровъ Русскіе и доселѣ называются *Оросъ*.

Народное имя Рось или Русь, какъ и многія другія имена, находится въ непосредственной связи съ названіями рѣкъ. Во-

---

нерѣдко встрѣчаемъ примѣры, какъ народное имя обращается въ сословное или наоборотъ сословное въ народное. Такъ мы полагаемъ, что сословіе бояре совсѣмъ не означаетъ бóльшихъ; это опять таже попытка осмысленія. Слово бояре находится въ несомнѣнной связи съ народными именами Бои, Боиски, Бойовары и т. п. Точно также народное имя Ляхи или Лехи встрѣчается у Славянъ и въ сословномъ значеніи; въ этомъ значеніи оно сохранилось потомъ въ словѣ шляхта. Славянское народное имя Кривиты у родственнаго Литовскаго племени получило значеніе жреческаго сословія. Подобнымъ образомъ можно объяснить и наше старинное слово Сябръ. Себръ и доселѣ у Иллирскихъ Славянъ означаетъ крестьянина. Шафарикъ видѣлъ въ этомъ словѣ названіе народа Сабиры; а можетъ и то и другое есть видоизмѣненіе имени Сербы, у Римлянъ Сервы, наше Северà или Северяне. Мы позволяемъ себѣ также наше старинное слово смердъ, т. е. простолюдинъ, сблизить съ именами финскихъ народовъ Мери и Мордвы (Меренсы и Морденсы Іорнанда). Оба эти названія, и Меря и Мордва, пошли конечно, отъ одного корня, и названіе Мерды могло когда-то означать часть Финскаго племени, подчиненнаго Славянамъ или вообще Арійцамъ. Подобные примѣры представляютъ аналогію и съ именемъ Русь, которое очевидно получало иногда оттѣнокъ сословный; какъ господствующее племя она отличала себя этимъ именемъ отъ прочихъ Славянъ, и какъ бы придавала себѣ значеніе высшаго, благороднаго сословія. По крайней мѣрѣ этотъ оттѣнокъ особенно замѣтенъ въ X и XI вв.

сточная Европа изобилуетъ рѣками, которыя носятъ или когда-то носили именно это названіе. Такъ Нѣманъ въ старину назывался Рось; одинъ изъ его рукавовъ сохранилъ названіе Русь; а заливъ, въ который онъ впадаетъ, имѣлъ названіе Русна. Далѣе слѣдуютъ: Рось или Руса, рѣка въ Новогородской губерніи, Русь, притокъ Нарева; Рось, знаменитый притокъ Днѣпра на Украйнѣ; Руса, притокъ Семи; Рось-Эмбахъ; Рось-Осколъ; Порусье, притокъ Полиста, и пр. Но главное, имя Рось или Расъ принадлежало нашей Волгѣ. Въ этомъ удостовѣряютъ насъ свидѣтельство Агаѳемера въ III вѣкѣ) и сохраняющееся доселѣ у Мордвы для обозначенія Волги названіе *Ра*. Эта послѣдняя форма встрѣчается еще у Птоломея и Амміана Марцелина. Мы думаемъ, что таже рѣка въ древнихъ извѣстіяхъ скрывается иногда подъ формою *Араксъ*. Ибо въ нѣкоторыхъ случаяхъ то, что Геродотъ раcсказываетъ объ Араксѣ, никоимъ образомъ не можетъ быть отнесено къ тому Араксу, который течетъ на границахъ Россіи и Персіи. Форма однихъ и тѣхъ же названій измѣнялась у разныхъ народовъ вслѣдствіе разнообразнаго произношенія. Араксъ Персы произносятъ *Арасъ*; слѣдовательно корень здѣсь тотъ же *рас*. Яксартъ или Сыръ Дарья у древнихъ также называлась иногда *Раса*.

По обширному своему приложенію для обозначенія рѣкъ, корень *рас* или *рос* уступалъ развѣ только корню *дан* или *тан*. Послѣдній корень мы встрѣчаемъ на пространствѣ части Азіи и почти цѣлой Европы. Тотъ же Яксартъ назывался иначе Танаисъ; греческій *Танаисъ* (Танай, Данай)-наше *Донъ*; латинскій *Данубій*, нѣмецкое *Донау* наше *Дунай*, нѣмецкое *Дуна* наше *Двина*; въ сложныхъ именахъ: *Данапръ* или Днѣпръ, *Данастръ* или Днѣстръ, такъ же *Роданъ* (Рона), *Эриданъ* и пр. Все это оказывается видоизмѣненіе одного и того же названія. Количество этихъ названій еще болѣе увеличится, если мы обратимъ вниманіе на имена нѣкоторыхъ городовъ, въ которыхъ скрывается тотъ же корень *дан*, *дон* и *дун*: Сингидонъ, Новіодунъ, Лугдунъ и пр. означаютъ города лежащіе на берегахъ Дона или Дана. Такъ Батавскій Лугдунъ (Лейденъ) указываетъ на то, что и Рейнъ назывался когда-то или Роданъ, или Эриданъ. Лондонъ наводитъ на мысль, что и Темза или Тамиза могла когда-то называться Тана или Дана *) Данцигъ или Гданскъ свидѣтельствуетъ тоже

*) Названіе Таматархи, Тмутракани или Тамани мы также приводимъ въ связь съ рѣкою Тана или Дана. И дѣйствительно Кубань назывался у древнихъ и Гипанисъ, и Танаисъ. А настоящее его названіе (т. е. Кубань) конечно,

относительно Вислы, и дѣйствительно эта рѣка носила когда-то названіе Танаквислъ или Ванаквислъ (Шафарикъ); а гдѣ-то на ея верховьяхъ былъ городъ Карродунъ (можетъ быть это имя измѣнилось въ послѣдствіи въ Кракодунъ или Краковъ). По всей вѣроятности эта рѣка и есть тотъ сѣверный Эриданъ, берега котораго, по извѣстіямъ древнихъ, изобиловали янтаремъ. Нѣманъ, кромѣ названія Рось, въ болѣе древнюю эпоху назывался Рудонъ. Замѣчательна та роль, которую играютъ рѣки Дунай и Донъ въ преданіяхъ Скандинавовъ и Русскихъ. На основаніи саги о скандинавскихъ предкахъ, пришедшихъ съ береговъ Дона, пріурочиваютъ ихъ родину къ Азовскому морю; а по частому упоминанію Дуная въ нашихъ пѣсняхъ думаютъ, что наши предки пришли съ извѣстнаго Дуная. Мы видѣли, какъ многочисленны Доны и Дунаи; когда-то по всей вѣроятности это было не собственное названіе, а нарицательное, означающее вообще рѣку; слѣдовательно никакъ нельзя ручаться, чтобы означенныя преданія относились именно къ той или другой извѣстной рѣкѣ. Тотъ же корень *дан* или *тан* у Германцевъ сохранился въ названіи ихъ главнаго бога Вотана, Водана или Одина. Послѣднее указываетъ на то, что Германцы были когда-то такіе водопоклонники какъ и Славяне. Какъ корень *дан* имѣетъ связь съ понятіемъ рѣки и наша форма *дно* (то-есть дно рѣки) есть видоизмѣненіе того же корня; точно также *русло* и *роса* находится въ связи съ именами рѣкъ Рось и Русь. Въ связи съ ними находится и названіе миѳическихъ водяныхъ существъ или *русалокъ*.

Отъ рѣкъ слово *данъ* или *донъ* перешло и въ имена многихъ

происходитъ отъ Гипанисъ или Гупанисъ. Извѣстно, что также назывался у Скиѳовъ нынѣшній Бугъ. Гупанисъ мы позволяемъ себѣ сближать съ славянскимъ словомъ жупанъ. Бугъ или Богъ и Жупанъ конечно, имѣли одно и тоже значеніе владыки или господа; они подтверждаютъ, какую тѣсную связь имѣли имена боговъ и героевъ съ именами рѣкъ, то-есть указываютъ на обожаніе или поклоненіе рѣкамъ. (Напомнимъ рѣку Тырь или Стырь и Стрибога). По этому поводу укажемъ на древнее названіе Аму-Дарьи Оксосъ. Мы позволяемъ себѣ сблизить это названіе съ именемъ Аксай. Напомнимъ скиѳскій миѳъ о трехъ Аксаяхъ, сыновьяхъ бога или царя Таргитая. Рѣки съ именемъ Аксай и теперь еще встрѣчаются на югѣ Россіи и на Кавказѣ. Тотъ же корень акс мы видимъ и въ названіи Яксарта. Слово Аксай у Скиѳовъ повидимому означало владыку или героя; слѣдовательно названіе Оксосъ представляетъ аналогію съ Гупаномъ, Бугомъ, Даномъ и т. п. (Можетъ быть и Ока есть такое же сокращеніе по отношенію къ Оксосъ или Аксай, какъ Ра къ Араксъ или Арасъ).

Арійскихъ народовъ и странъ: Македонія, Дарданія, Каледонія и т. п. Въ простой формѣ это названіе сохранилось за однимъ сѣверно-германскимъ народомъ, именно Данами, которые и происхожденіе свое вели отъ миѳическаго героя Дана. Что ихъ названіе находится въ непосредственной связи съ именемъ рѣкъ Дона или Дуная, подтверждаетъ именованіе Датчанъ у польскихъ Славянъ *Дуньчики*. (Даны или *Таны* являются у германскихъ народовъ и съ сословнымъ значеніемъ, подобнымъ лехамъ и боярамъ, именно у Англосаксовъ). Названіе древнихъ Даковъ также находится въ связи съ именемъ Дана или Дуная, на берегахъ котораго они жили *). Итакъ мы видимъ, что это имя распро-

*) Даки, также какъ и Датчане, вели свое происхожденіе отъ миѳическаго героя Дана; однако они не были племенемъ Германскимъ; они не были также и Славянскимъ племенемъ. По нѣкоторымъ соображеніямъ мы полагаемъ, что въ основѣ Дакійской или настоящей Валахо-Румынской народности былъ элементъ Кельтическій. (Не потому ли Даки оказались такъ воспріимчивы къ Латинскому вліянію и сохранили такъ упорно свое Романское нарѣчіе посреди Славянскаго моря? Притомъ, Влахами Славяне и Германцы называли по преимуществу Кельтовъ). Другая форма имени Даковъ была Давы и Даи. Эта последняя форма соотвѣтствуетъ видоизмѣненію или собственно удлинненію дан въ дау, дава, тава, которыя встрѣчаются въ сложныхъ именахъ рѣкъ Молдава (нѣмец. Moldau), Вельтава и пр. Часть Дако-Влаховъ называется у насъ Молдавы, у Поляковъ Мультаны. Въ виду всѣхъ этихъ видоизмѣненій мы позволимъ себѣ смѣлую догадку: Данъ-рѣка въ смыслѣ главнаго божества является у Германцевъ (Годанъ или Оданъ); но это имя было весьма распространено у цѣлаго Арійскаго племени; оно можетъ быть скрывается въ названіи славянскаго Дажбога. (Посредствующія формы тутъ могли быть Дагъ, Дакъ или Дый, Дай и пр.). Кстати приведемъ и еще нѣкоторыя сближенія, которыя мы позволяемъ себѣ относительно древнихъ Славянскихъ божествъ. Именно, Мокошь нашей лѣтописи, можетъ быть, находится въ связи съ гетскимъ или скиѳскимъ божествомъ загробнаго міра Залмоксисъ; а Симаргла напоминаетъ военный кликъ паннонскихъ Сарматовъ, по Амміану Марцелину: Marha! Эта Мара или Марга (съ перестановленнымъ придыханіемъ Хмара) вѣроятно была богинею смерти (отъ нея, можетъ быть, и рѣка Марава и божество Марана). Воспоминаніе о Данбогѣ или Даждьбогѣ, какъ богѣ воды или влаги, можетъ быть сохраняется и доселѣ въ нашемъ словѣ дождь. Точно также мы почти ежедневно поминаемъ и бога Хорса; отъ его имени произошло слово хорошій; какъ отъ Лада ладный, отъ Дива дивный, и т. д. Данъ, какъ мы видимъ, присутствуетъ въ названіи главныхъ рѣкъ на югѣ Россіи: кромѣ Дона и Дуная онъ есть въ Днѣстрѣ. Днѣпръ м. б. сокращено изъ Данапрагъ, и значитъ „рѣка-порогъ“ или „порожистая рѣка“; а м. б. въ названіи Днѣпръ (латин. Данаперъ) заключаетъ имя божества Перуна. Днѣстръ или Данастырь или Данъ-Тырь также значитъ или „рѣка Тырь“ или „богъ Тырь“. Названіе Данъ-Тырь или Данъ-Туръ напоминаетъ Идантура или Идантурса, главнаго скиѳскаго царя

странялось на весьма разнообразные и отдаленные народы, и сходство въ названіяхъ далеко не всегда можно объяснять непосредственной колонизаціей. Иначе Даки пойдутъ изъ Даніи и т. п. Точно также народное названіе Рось или Русь было одно изъ распространенныхъ въ Арійскомъ мірѣ, особенно въ его Славяно-Литовской вѣтви. Оно распространилось преимущественно въ связи съ названіями рѣкъ. Мы встрѣчаемъ въ Средніе вѣка слово Русь или Русія съ его видоизмѣненіями, каковы: Русція, Ругія, Прусія (т. е. Порусье) и пр. и въ южной Россіи, и на Балтійскомъ поморьѣ, и въ Карпатахъ, и въ Панноніи, и даже на берегахъ Нѣмецкаго моря (Рустрингія). Не приводимъ другихъ болѣе дробныхъ географическихъ названій, связанныхъ съ тѣмъ же корнемъ (напр. у Иллирскихъ Славянъ). Слѣдовательно, никоимъ образомъ нельзя нашихъ Руссовъ считать колонистами изъ какой либо другой страны. Напротивъ, скорѣе наша Русь могла послужить колыбелью для другихъ Европейскихъ народовъ, носившихъ тоже имя; такъ какъ это имя всегда принадлежало ей по преимуществу, и на ней сосредоточилось окончательно.

VIII.

Роксалане.—Скиѳы.—Готы.—Славянская народность Руси.

Гдѣ же искать древнѣйшихъ указаній на нашу Русь, то есть на Русскій народъ?

Мы не будемъ говорить о библейскомъ народѣ *Росъ*; а перейдемъ прямо къ извѣстіямъ греко-римскихъ писателей о Роксаланахъ. По нашему мнѣнію не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что Рось или Русь и Роксаланы это одно и тоже названіе, одинъ и тотъ же народъ. Роксаланы иначе выговаривалось Россаланы (какъ Поляки вмѣсто Саксы говорятъ Сасы; подобнымъ образомъ Полѣсье въ латинской передачѣ обратилось въ Polexia, напр. въ буллѣ папы Александра IV). Это названіе сложное, въ родѣ Тавроскиѳы, Кельтиберы и т. п. Оно означаетъ Аланъ жив-

---

и героя во время нашествія Дарія Гистаспа. Слово Данъ, означавшее рѣку, очевидно переходило и въ понятіе богъ во времена водопоклоненія. Отсюда у германскихъ народовъ этимъ словомъ стало обозначаться верховное божество, т. е. Оданъ или Воданъ.

шихъ по рѣкѣ Роксъ (Араксъ) или Росъ. Впервые подъ этимъ именемъ они выступаютъ въ началѣ I-го вѣка до Р. Х., именно въ ихъ войнѣ съ Митридатомъ Понтійскимъ (по Страбону и Плинію). Тацитъ называетъ ихъ народомъ Сарматскимъ. Жилища ихъ греко-римскіе писатели помѣщаютъ около Чернаго и Азовскаго морей между Дономъ и Днѣпромъ. Впослѣдствіи они (то есть нѣкоторыя ихъ вѣтви) встрѣчаются западнѣе, и своими набѣгами безпокоятъ римскія области на Дунаѣ. Во время войнъ Траяна съ Даками Сарматы Роксалане принимаютъ участіе въ этихъ войнахъ и нѣкоторое время являются союзниками Даковъ. Покоривъ Дакію, Римляне повидимому отбросили Роксоланъ снова къ берегамъ Днѣстра и Днѣпра. По поводу войнъ съ Траяномъ мы позволимъ себѣ слѣдующее сближеніе. Амміанъ Марцеллинъ, сообщая нѣкоторыя черты о Сарматахъ, говоритъ, что они были вооружены длинными копьями и носили полотняныя кирасы, покрытыя роговой чешуей, которая была сдѣлана на подобіе птичьихъ перьевъ. На извѣстномъ памятникѣ Дакійской войны, на Траяновой колоннѣ, мы встрѣчаемъ всадниковъ, покрытыхъ именно такою чешуйчатою бронею. Эти всадники не Даки, а ихъ союзники Сарматы. (Не изображаютъ ли эти фигуры нашихъ предковъ Роксаланъ или Русь II-го вѣка по Р. Х?). По Тациту знатные Роксаланы носили чешуйчатые панцыри изъ желѣзныхъ бляхъ. Конечно недаромъ имя Траяна жило такъ долго въ преданіяхъ Русскаго народа, что мы встрѣчаемъ его у нашего поэта XII вѣка, т. е. въ Словѣ о Полку Игоревѣ. Недаромъ были воздвигнуты такъ наз. Траяновы валы для защиты отъ воинственныхъ народовъ южной Россіи, и между прочимъ отъ тѣхъ же Роксаланъ. (По Іорнанду Дакія въ VI в. граничила на востокѣ съ Роксаланами).

Въ IV вѣкѣ по Р. Х. мы находимъ нынѣшнюю юго-западную Россію подъ владычествомъ Готовъ. Въ числѣ народовъ подвластныхъ царю Германриху Іорнандъ приводитъ *Рокасовъ* (Rocas); эти Рокасы, Роксы или Росы въ другомъ мѣстѣ называются у него опять своимъ сложнымъ именемъ Роксаланы. Припомнимъ указанія Іорнанда на вѣроломство Роксаланъ; на мщеніе двухъ знатныхъ братьевъ изъ этого племени, нанесшихъ тяжелую рану Германриху, такъ что онъ послѣ того не могъ сражаться съ Гуннами. Отсюда можно заключить, что и самое появленіе Гунновъ находилось въ связи съ движеніемъ Роксаланъ противъ Готовъ. По Амміану Марцелину Алане также соединились съ Гун-

нами противъ Готовъ, а подъ Аланами у него конечно разумѣются и Роксалане. По этому поводу я ставлю вопросъ: первое нашествіе Гунновъ не было ли въ сущности движеніемъ какой либо части Славянскаго племени противъ угнетавшаго ее германскаго народа Готовъ? Замѣчательно, что въ послѣдствіи, когда разсѣялся Гуннскій туманъ, мы уже не находимъ массы готскихъ народовъ въ южной Россіи, за исключеніемъ небольшихъ остатковъ (напр. въ Крыму); отъ Дуная и до Волги мы видимъ преимущественно народы Славянскіе, и между ними господствующее положеніе заняла наша Русь. Вѣка послѣдующіе за Гунскою эпохою суть самые темные въ исторіи Русской земли. Это было время народнаго броженія, которое усиливало и безъ того великую путаницу въ народныхъ именахъ. Впрочемъ тоже время (отъ VII до IX вѣка) совпадаетъ и съ самою скудною эпохою по отношенію къ византійской исторіографіи. Русь опять скрывается у нея подъ общими именами Скиѳовъ и Сарматъ. Но въ IX вѣкѣ она снова выступаетъ на сцену подъ своимъ именемъ и громко заявляетъ о себѣ своимъ нападеніемъ на Константинополь. Въ этомъ вѣкѣ на помощь исторіи приходятъ и арабскія извѣстія, опять по той главной причинѣ, что около того времени началось объединеніе Руси, и своими подвигами она заставила другихъ говорить о себѣ; притомъ процвѣтаніе географической литературы у Арабовъ и ихъ болѣе удовлетворительныя свѣденія о Восточной Европѣ восходятъ приблизительно къ тому же времени. Понятно теперь, почему Русская исторія начинается собственно со второй половины IX вѣка. Повторяемъ, наша лѣтописная легенда о призваніи князей потому и пріурочиваетъ ихъ именно къ этому времени, чтобы связать ихъ съ появленіемъ народа Русь въ византійскихъ хроникахъ, и вмѣстѣ объяснить происхожденіе Русскаго государства *). О дѣйствительномъ происхожденіи память народ-

*) Вотъ нашъ отвѣтъ на вопросъ норманистовъ: почему же ни византійскіе, ни арабскіе источники не говорятъ ясно о Руси ранѣе 862 года, т. е. ранѣе т. наз. призванія Варяговъ? Когда бы византійцы ни заговорили о Руси, призваніе князей всегда оказалось бы ранѣе. Составитель лѣтописнаго свода имѣлъ настолько соображенія, что онъ не могъ поставить призваніе князей позднѣе нападенія Руси на Константинополь, когда онъ и самое появленіе ея объясняетъ призваніемъ князей. Это нападеніе на Византію и есть наше историческое тысячелѣтіе. Если бы оно случилось столѣтіемъ ранѣе, то и призваніе князей вѣроятно было бы внесено подъ 762 годомъ: оно, хотя бы только двумя или тремя годами, должно предшествовать нападенію на Византію. Но у соста-

ная конечно не могла сохранить никакихъ воспоминаній; такъ какъ оно теряется въ глубинѣ Сарматскихъ и Скиѳскихъ вѣковъ. Данная легенда есть ничто иное какъ въ обширныхъ размѣрахъ таже попытка осмыслить непонятное явленіе. Сказаніе о Кіѣ пытается объяснить начало Кіева, а басня о Варягахъ распространяетъ этотъ мотивъ на цѣлое государство—черта, присущая легендарной исторіи всѣхъ народовъ.

Не вдругъ пришли мы къ своему мнѣнію о томъ, что Русь IX вѣка была народомъ Славянскимъ. Убѣдившись, что это не были Скандинавы, призванные въ Новогородскую землю для порядка или просто завоевавшіе восточную Европу, и что Русь была народомъ южнорусскимъ, а не сѣверноевропейскимъ, мы сдѣлали такое предположеніе: можетъ быть остатки готскихъ народовъ, когда то господствовавшихъ въ южной Россіи, послѣ паденія Гунновъ снова взяли силу, и положили основаніе Русскому государству? Другими словами: можетъ быть Роксалане были Готское племя? Это предположеніе мы основывали отчасти на тѣхъ же данныхъ, на которыхъ построена теорія Скандинавская, т. е. русскія названія Днѣпровскихъ пороговъ, имена князей и дружины, названіе Гудасъ, которое Литовцы даютъ южноруссамъ, и т. п. Нѣкоторое время мы останавливались именно надъ этимъ предположеніемъ, и у насъ составилась почти цѣлая система въ пользу Готовъ, система, которая по нашему мнѣнію имѣла за собою болѣе вѣроятія, чѣмъ теорія Скандинавомановъ. Но и эта Готская теорія не могла долго выдерживать провѣрку по фактамъ несомнѣнно историческимъ. Извѣстія Арабовъ и Византійцевъ убѣждали, что Русь была сильное, многочисленное и энергическое племя. А если такъ, то гдѣ же слѣды этого многочисленнаго и господствовавшаго племени? Могло ли оно исчезнуть, не заявивъ о своемъ существованіи особенно въ русскомъ языкѣ? Какимъ образомъ оно подчинилось вліянію покоренныхъ до такой степени, что въ началѣ X вѣка по всѣмъ признакамъ является народомъ Славянскимъ, т. е. имѣющимъ славянскую религію и славянскій языкъ?

вителя свода не было настолько соображенія, чтобы понять всю невѣроятность столь важныхъ переворотовъ и завоеваній, совершенныхъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, т. е. скорѣе чѣмъ при Александрѣ Македонскомъ. Какъ Византійцы заговорили о Руссахъ вслѣдствіе ихъ нападенія на Константинополь въ 865 г., такъ и Арабы заговорили о нихъ преимущественно вслѣдствіе ихъ большихъ походовъ въ Каспійское море.

Занятіе Русскимъ вопросомъ въ связи съ вопросами Сарматскимъ и Скиѳскимъ окончательно разсѣяли эту Готскую теорію. Нѣтъ никакихъ положительныхъ доказательствъ, на основаніи которыхъ можно было бы причислить Роксаланъ къ народамъ Германскимъ. Нѣкоторыя извѣстія раннихъ византійскихъ историковъ, относящія къ Готамъ мимоходомъ, въ общихъ выраженіяхъ, многіе народы, въ томъ числѣ и Аланъ, объясняются простою сбивчивостью ихъ этнографическихъ терминовъ. Да и что такое Готы? Это народное имя имѣетъ за собою длинную и запутанную исторію. Мы не согласны съ тѣми, которые отвергаютъ извѣстіе Іорнанда, что Геты и Готы одно и тоже. Древнѣйшая форма этого имени, т. е. Геты, имѣла почти такое же широкое распространеніе и въ тѣхъ же странахъ какъ и названіе Скиѳы. Кромѣ собственно Гетовъ, обитавшихъ на Дунаѣ, мы встрѣчаемъ далѣе на сѣверъ и востокъ Тиссагетовъ, Тиригетовъ, Танаигетовъ, Массагетовъ и другихъ Гетовъ. Это имя по обыкновенію видоизмѣнялось; такимъ образомъ являются потомъ *Готины, Гутоны, Гуты* и *Готы.* Съ этими послѣдними именами встрѣчаются народы и въ странѣ между Дунаемъ и Днѣстромъ, и на Вислѣ, и на Балтійскомъ поморьѣ, откуда пошла колонизація въ Скандинавію. Мало по малу названіе Готы сосредоточилось преимущественно на восточной вѣтви Германскаго племени, которая начала выдѣляться изъ Скиѳскаго міра. Главную массу Скиѳовъ восточной Европы составляли вѣроятно народы Славянскіе; но кромѣ нихъ сюда входили Литовцы, часть Германскаго племени, часть Чудскаго и даже былъ элементъ Кельтскій. Впослѣдствіи мало по малу происходило обособленіе этихъ народовъ; рядомъ съ тѣмъ конечно совершалось и перекрещиваніе нѣкоторыхъ частей, порождавшее новые типы, болѣе или менѣе переходные. Семья Славяно-Литовская выдѣлилась изъ огромнаго Скиѳскаго міра подъ именемъ народовъ Сарматскихъ. Но еще долгое время жила она въ тѣсномъ сосѣдствѣ съ собственно Готскою, т. е. восточногерманскою группою, и вмѣстѣ съ нею носила географическое имя Скиѳовъ. Названіе Геты также употреблялось еще долго для обозначенія народовъ различныхъ группъ *).

---

*) Отсюда намъ понятны будутъ такія выраженія у Византійцевъ, какъ слѣдующее: „Геты или, что одно и тоже, Склавины“ (Ѳеофилактъ). Что имя Гетовъ или Готовъ было не чуждо Славянамъ показываетъ названіе одного Славянскаго племени, въ Ѳессаліи и Пелопонезѣ, Велегосты; а также присут-

Въ Скиѳскомъ мірѣ, какъ и вездѣ, по всѣмъ признакамъ происходила борьба за господство между наиболѣе сильными племенами. Въ эпоху Геродота и послѣдующую преобладали надъ сосѣдями такъ называемые Царскіе Скиѳы, жившіе между Дономъ и Днѣпромъ; позднѣе, въ III и IV вв. по Р. X. мы видимъ господство германскихъ Готовъ. Намъ сдается, что возстаніе противъ нихъ Славянскихъ племенъ и послужило толчкомъ къ такъ наз. Великому переселенію народовъ. Когда броженіе народовъ прекратилось, въ Восточной Европѣ можно было найти только небольшіе остатки германскихъ народовъ; они оттѣснены далѣе на западъ и на сѣверъ. Восточная Европа (не говоримъ о значительной части Средней и Южной) осталась преимущественно въ рукахъ огромнаго Славянскаго племени. Изъ этого племени постепенно выдѣляется Русскій народъ. Самъ по себѣ этотъ народъ могъ заключать результаты смѣшенія и перекрещиванія Славянскаго племени съ другими элементами, напримѣръ, съ готскими, литовскими и угорскими. Но это смѣшеніе происходило подъ несомнѣннымъ преобладаніемъ элемента Славянскаго; въ IX и X вв., повторяю, Русь является народомъ Славянскимъ. Тѣмъ не менѣе она могла имѣть, и конечно имѣла, нѣкоторыя свои особенности въ нарѣчіи, въ характерѣ, нѣкоторый оттѣнокъ въ своихъ личныхъ именахъ и т. п. Черты сходныя съ германскими народами, особенно родство кор-

---

ствіе слова гость или гасть въ именахъ славянскихъ боговъ. Это гостъ есть тоже что готъ; между ними такое же отношеніе какъ, напримѣръ, между туры и турсы: с является иногда не только въ началѣ слова (Скитъ, Сполинъ, Стырь и пр.), но и въ концѣ.

Очень можетъ быть, что имя Готы или Гуты пошло отъ одного корня съ словомъ Скиты или Скуты, т. е. отъ кут или гут. Напомнимъ слова одного византійскаго писателя (Синкела): „Скиѳы, которымъ на родномъ языкѣ имя Готы". Уже Пинкертонъ въ упомянутомъ выше сочиненіи доказывалъ родство Скиѳовъ съ Готами. А послѣ точныхъ и подробныхъ изслѣдованій Уккерта (Skythien. 1846) теорія Нибура о монгольствѣ Скиѳовъ болѣе не можетъ имѣть мѣста. Уккертъ доказалъ только, что Скиѳы были племя Арійское. Далѣе него пошелъ въ томъ же направленіи Бергманъ (Les Scythes les ancêtres des peuples germaniques et slaves. 1858). Изъ многихъ другихъ трудовъ о томъ же предметѣ укажемъ на появившееся недавно сочиненіе Куно (Die Skythen. 1871), который въ Скиѳахъ видитъ Славяно-Литовскую (Сарматскую) семью исключительно; что по нашему мнѣнію не совсѣмъ справедливо. Мысли о связи нѣкоторыхъ Скиѳскихъ народовъ съ Славянами встрѣчались и прежде между учеными польскими, чешскими и русскими (Коллонтай, Потоцкій, Шафарикъ, Венелинъ, Надеждинъ, Чертковъ и др.); но эти мысли не достигали достаточной ясности и достаточной степени обобщенія.

ней въ языкѣ, могутъ быть возводимы безспорно къ ихъ общеарійскому родству и къ ихъ совмѣстному жительству еще въ Скиѳскомъ мірѣ. Къ этому сожительству или ко временамъ Готскаго владычества можетъ быть восходитъ и начало литовскаго Гудасъ для наименованія Южноруссовъ. Это Гудасъ можетъ быть первоначально имѣло смыслъ болѣе географическій, собирательный, чѣмъ этнографическій, т. е. такое же общее значеніе какъ названіе Геты. Имя *Алане* также имѣло разнообразное и сбивчивое примѣненіе въ географическомъ и этнографическомъ смыслѣ, прежде нежели оно сосредоточилось на Аланахъ собственно Кавказскихъ.

Итакъ, мы рѣшительно не видимъ какихъ-либо серьезныхъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно доказывать иноплеменное происхожденіе Руси. Когда мы убѣдились, что Готская теорія также несостоятельна какъ Скандинавская, то естественно пришли къ слѣдующему выводу: *Русь, основавшая Русское государство, была не только племя туземное, но и Славянское; а Варяги были иноземцы-Норманны.* И замѣчательно, когда остановишься на этомъ предположеніи, только тогда начинаютъ постепенно распутываться Гордіевы узлы Варяжскаго вопроса, то-есть узлы возникающіе изъ сопоставленія дѣйствительныхъ фактовъ съ легендою о призваніи. А именно: Необычайно быстрое географическое распространеніе имени Русь, если вести ея начало отъ призванія князей. Невѣроятное накопленіе событій и завоеваній въ столь короткій срокъ. Поклоненіе Руссовъ Славянскимъ божествамъ. Славянскіе переводы греческихъ договоровъ. Видимое отсутствіе какой либо борьбы между Русскою и Славянскою народностію прежде ихъ слiянія. Отсутствіе всякихъ намековъ на призваніе нашихъ князей въ иноземныхъ источникахъ. Несомнѣнные признаки, что Русь была не дружина только, а цѣлый народъ, вѣтви котораго простирались до Чернаго моря и Дона. Несомнѣнное тяготѣніе нашей первоначальной исторіи и имени Русь къ югу, а не къ сѣверу. Несомнѣнное отношеніе самой Руси къ Варягамъ какъ къ иноземцамъ и иноплеменникамъ (напр., въ юридическихъ памятникахъ), и пр. и пр.

Позволяемъ себѣ предварить своихъ противниковъ по данному вопросу, что если они продолжаютъ настаивать на легендѣ о Рюрикѣ, Синеусѣ и Труворѣ, тогда по нашему мнѣнію нѣтъ причины отвергать и Гостомысла, а также Кія, Щека и Хорива и прочія басни, накопившіяся съ теченіемъ времени въ лѣтописныхъ

сборникахъ. Подтверждать, напримѣръ, легенду о призваніи князей сказаніемъ объ Оскольдѣ и Дирѣ, а это послѣднее сказаніе въ свою очередь подкрѣплять легендою, значитъ одно неизвѣстное опредѣлять другимъ неизвѣстнымъ.

Можетъ быть, нѣкоторыя наши второстепенныя соображенія окажутся не вполнѣ удачными. О томъ не споримъ. Подробности и частности ждутъ еще многихъ и многихъ работъ. Но это, надѣемся, не измѣнитъ нашего главнаго вывода, что Русь была племя туземное и славянское, а не пришлое изъ Скандинавіи.

ЕЩЕ О НОРМАНИЗМѢ. *)

I.

Современное значеніе норманизма.—Шлёцеръ, Карамзинъ и Погодинъ.

Объявляя войну норманизму въ своей статьѣ *О мнимомъ призваніи Варяговъ* (*Русск. Вѣстн.* 1871, №№ 11 и 12), мы конечно, расчитывали на возраженія. Но въ то же время, разсмотрѣвъ этотъ вопросъ по возможности съ разныхъ сторонъ, мы настолько убѣдились въ несостоятельности норманской теоріи, что серьезныхъ возраженій съ ея стороны не ожидали и не ожидаемъ. Ибо все, что можно было сказать въ ея пользу, давно уже сказано, и все это оказалось болѣе или менѣе неудовлетворительно. Прошло довольно времени отъ появленія нашей статьи, и тѣ возраженія, которыя до сихъ поръ появились, по нашему крайнему разумѣнію, только подтверждаютъ несостоятельность норманской теоріи. Мы объявили ей войну тѣмъ рѣшительнѣе что, по нашему убѣжденію, она до сихъ поръ продолжаетъ причинять вредъ наукѣ Русской исторіи, а слѣдовательно и нашему самопознанію. Благодаря этой теоріи, въ нашей исторіографіи установился очень легкій способъ относиться къ своей старинѣ, къ своему началу. Обыкновенно перечисливъ названія разныхъ славянскихъ и неславянскихъ племенъ и помянувъ о томъ, что Славяне жили не ладно между собою, мы затѣмъ приступаемъ къ исторіи русской государственной жизни такъ-сказать ex abrupto. Этотъ приступъ напоминаетъ наши сказочные пріемы. „Гдѣ-то за моремъ, въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жили три брата. Однажды къ этимъ тремъ братьямъ приходятъ послы изъ

*) „Русск. Вѣст.“ 1872. Ноябрь и декабрь. (Отвѣтъ Погодину).

са тридевять земель и говорятъ имъ: земля наша велика" и т. д. Даже сохраненъ и тотъ обычный пріемъ, что два брата являются только для обстановки, и вся удача принадлежитъ одному.

Эта пресловутая теорія продолжаетъ оттирать изъ исторіи цѣлый могучій народъ, съ незапамятныхъ временъ обитавшій въ южной Россіи, а на мѣсто его вызываетъ изъ-за моря какую-то тѣнь, которую она не знаетъ какъ назвать: не то народомъ, не то дружиною, и утверждаетъ, что эта-то тѣнь и была настоящая Русь, и что она въ нѣсколько лѣтъ покрыла собою все пространство „отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды". Вмѣстѣ съ небывалымъ народомъ Варягоруссовъ созданъ въ нашей исторіи и небывалый *норманскій періодъ*, и затѣмъ чуть ли не всѣ основныя явленія нашей государственной жизни объявляются не своими, а чуждыми, принесенными изъ-за моря; дружина, бояре, судъ, способъ собирать дань,—все это будто бы Славяне получили отъ Норманновъ! Зайдетъ ли рѣчь о вооруженіи Руссовъ и ихъ боевыхъ пріемахъ, для образца приводится коверъ Англійской королевы Матильды съ изображеніемъ норманскихъ воиновъ. Оказывается, что русскіе Славяне даже и лодку не умѣли соорудить, и потому, чтобы дать понятіе о русскихъ ладьяхъ, указываютъ на изображеніе норманскихъ судовъ въ средневѣковыхъ рукописяхъ. Странно только, какъ эти призванные Варягорусы заговорили по-славянски, а не заставили насъ выучиться своему германскому нарѣчію?

Наша археологическая наука, положась на выводы историковъ-норманистовъ, шла доселѣ тѣмъ же ложнымъ путемъ при объясненіи многихъ древностей. Если нѣкоторые предметы, отрытые въ русской почвѣ, походятъ на предметы найденные въ Даніи или Швеціи, то для нашихъ памятниковъ объясненіе уже готово: это норманское вліяніе. При этомъ не берутся въ разчетъ два самыя простыя обстоятельства: 1) многія вещи одной и той же фабрикаціи помощію торговли распространялись на весьма обширное пространство, помимо всякихъ политическихъ вліяній, и 2) многіе сходные предметы встрѣчаются нерѣдко совершенно у разныхъ народовъ, не находившихся никогда въ сношеніяхъ между собою. Далѣе, особенно вредно отзывается эта теорія на трудахъ молодыхъ изслѣдователей по части древней Русской исторіи и этнографіи, по весьма естественной неопытности берущихъ за исходные пункты выводы норманизма. Русская филологія также не мало затруднена норманскимъ предразсудкомъ, который мѣ-

шалъ до сихъ поръ трезвому взгляду на начало русской письменности. Вообще норманская струя проникала всюду гдѣ только можно и затемняла нашъ кругозоръ. Поколѣніе за поколѣніемъ съ дѣтства привыкало повторять басню о призваніи Варяговъ какъ непреложный фактъ и отнимать у своихъ предковъ славу созданія своего государства, которое, по лѣтописному выраженію, они „стяжали великимъ потомъ и великими трудами“.

Изъ всего сказаннаго нисколько не слѣдуетъ, что съ норманизмомъ можно было легко и скоро покончить. На этотъ счетъ мы не заблуждались. На его сторонѣ, кромѣ столькихъ почтенныхъ дѣятелей науки, находится и сила давней привычки. Мы такъ долго твердили сказаніе о Варягахъ, что совершенно сжились съ нимъ. Мы ощущали даже нѣкоторое довольство тѣмъ, что исторія наша, не такъ какъ у другихъ народовъ, имѣвшихъ миѳическія времена, начинается извѣстнымъ годомъ, извѣстнымъ событіемъ и такимъ еще оригинальнымъ событіемъ, какъ трогательная федерація славянскихъ и чудскихъ народовъ, отправляющая посольство за море! Правда, задняя мысль на счетъ неспособности нашихъ предковъ къ организаціи нѣсколько омрачала это довольство; но за то намъ было такъ покойно за Несторомъ и за Варягами! Мы были избавлены отъ труда бороться съ сумракомъ предшествовавшихъ вѣковъ и тамъ искать своего начала. Фраза: „Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ“ пришлась намъ такъ по вкусу (особенно въ эпоху обличительной литературы!)

По поводу своей статьи *О мнимомъ призваніи Варяговъ* я выражалъ прискорбіе, что принужденъ разойтись съ М. П. Погодинымъ. Прискорбіе это было совершенно искренне, какъ по личному уваженію къ почтенному ветерану, такъ и потому, что статья моя случайно совпала съ празднованіемъ его 50-ти-лѣтняго юбилея и съ появленіемъ въ свѣтъ его *Русской исторіи до Монгольскаго ига*; а въ этой книгѣ древняя русская исторія построена все на томъ же норманскомъ основаніи. Въ теченіе всей своей 50-ти-лѣтней дѣятельности г. Погодинъ оставался самымъ ревностнымъ представителемъ норманизма, и едва только кѣмъ-нибудь заявлялись сомнѣнія, онъ немедленно выступалъ бойцомъ, и по справедливости можетъ быть названъ патріархомъ современныхъ норманистовъ. Послѣ столькихъ счастливо оконченныхъ столкновеній не могъ конечно онъ обойти молчаніемъ наше мнѣніе, какъ и самъ о томъ замѣчаетъ.

М. П. Погодинъ выступилъ бойцомъ за норманскую теорію еще

въ ранней молодости, и этимъ, къ сожалѣнію, предрѣшилъ дальнѣйшее направленіе своихъ трудовъ по обработкѣ нашей древней исторіи. Еслибъ онъ приступилъ къ данному вопросу съ бо́льшимъ запасомъ опытности въ дѣлѣ исторической критики, то, по всему вѣроятію, при своей даровитости, пришелъ бы не совсѣмъ къ тѣмъ же результатамъ. Онъ началъ свое ученое поприще подъ вліяніемъ двухъ подавляющихъ авторитетовъ того времени, Шлёцера и Карамзина. Шлёцеръ—надобно отдать ему справедливость—былъ сильный критическій талантъ, въ чемъ убѣждаетъ насъ и его трудъ о русской лѣтописи. Но въ этомъ трудѣ онъ отнесся не критически къ своему исходному пункту, то-есть къ лѣтописному сказанію о призваніи Варяговъ. Ему даже и въ голову не пришло усомниться въ этомъ сказаніи или войти въ научныя разсужденія о его достовѣрности. За то надобно видѣть, сколько остроумія и сколько усилій потратилъ онъ, чтобы согласить возникавшія изъ самой лѣтописи противорѣчія съ своимъ исходнымъ пунктомъ: онъ относилъ ихъ обыкновенно къ неисправности и невѣжеству переписчиковъ Нестора, то-есть того идеальнаго лѣтописца, котораго онъ себѣ представлялъ. Его саркастическій тонъ и подчасъ слишкомъ безцеремонное отношеніе къ противнымъ мнѣніямъ (которыя онъ прямо приписывалъ глупости и невѣжеству) конечно должны были подѣйствовать на современниковъ и ближайшее поколѣніе и, такъ-сказать, порядкомъ ихъ запугать. Дѣйствительно, такъ и случилось.

Подъ вліяніемъ норманской школы началъ писать свою исторію и нашъ безсмертный Карамзинъ. Онъ не остановился надъ вопросомъ о началѣ Руси, а взялъ уже готовое его рѣшеніе. Да иначе едва ли могъ и поступить, ибо антинорманизмъ въ наукѣ былъ еще очень слабъ. Отъ Карамзина впрочемъ, не укрылись и нѣкоторыя слабыя стороны норманизма. Но онъ желалъ возможно скорѣе покончить съ этимъ начальнымъ сумракомъ и выступить на широкую дорогу историческаго повѣствованія, то-есть туда, гдѣ обиліе матеріала давало свободу его изящному литературному генію. Мы, впрочемъ, не думаемъ считать Карамзина только литераторомъ. Нѣтъ, онъ былъ и ученый, и историкъ въ истинномъ, благородномъ значеніи этихъ словъ. Многіе его историческіе взгляды совсѣмъ не такъ устарѣли, какъ объ этомъ думаютъ. Для примѣра укажу на его знаменитое дѣленіе царствованія Ивана Грознаго на двѣ части: съ Сильвестромъ и Адашевымъ и безъ нихъ. По моему мнѣнію, оно остается вѣрно

исторической правдѣ. Дальнѣйшая исторіографія наша находитъ какую-то трагическую борьбу между Иваномъ съ одной стороны, оппозиціей бояръ и старыхъ вѣчниковъ съ другой, и казнямъ его придаетъ какой-то государственный смыслъ. Не видимъ мы этой трагической борьбы. Предшественники Ивана IV сдѣлали болѣе его для Русской монархіи; однако они не прибѣгали къ поголовной рѣзнѣ. Говорятъ, пѣсни народныя отнеслись съ сочувствіемъ къ Грозному. Плохой аргументъ для историка: пѣсни народныя отнеслись сочувственно и къ Стенькѣ Разину. Но мы уклонились въ сторону. Обратимся къ нашему досточтимому противнику *).

II.

Возраженія г. Погодина.

Въ началѣ своей статьи (*Новое мнѣніе г. Иловайскаго. Бесѣда*, 1872, IV) М. П. Погодинъ говоритъ, что ему „тяжело" вновь распространяться о своихъ доказательствахъ въ опроверженіе моихъ положеній, что онъ ограничится опроверженіями нѣкоторыхъ и кромѣ того общими положеніями. Жаль, что нашъ почтенный ветеранъ не исполнилъ своего намѣренія, то-есть не занялся опроверженіемъ хотя бы только двухъ, трехъ изъ моихъ наиболѣе существенныхъ положеній, но опроверженіями систематическими и сколько-нибудь обстоятельными. Вмѣсто того онъ въ короткихъ словахъ перебираетъ бóльшую часть моимъ положеній, сопровождая ихъ категорическими, голословными замѣчаніями и часто не обращая никакого вниманія на мои доказательства. А что касается до его общихъ соображеній, то вотъ примѣръ:

„Въ VIII, IX, X и XI вѣкахъ Норманны, обитатели Даніи, Швеціи, Норвегіи, были хозяевами на всѣхъ европейскихъ моряхъ: Нѣмецкомъ, Атлантическомъ, Средиземномъ. Взгляните на

*) Въ настоящее время, увы, уже покойному. Къ великому сожалѣнію мы лишились его въ концѣ 1875 года. Свой отвѣтъ ему я, за немногими исключеніями, оставляю почти въ томъ же видѣ, въ какомъ онъ былъ напечатанъ при его жизни.

карту ихъ морскихъ походовъ: они переплывали Океанъ; нападали на Германію, Голландію, Францію, Британію, Италію, Ирландію, Испанію, Грецію; проникали въ устья всѣхъ большихъ рѣкъ и селились по всѣмъ побережьямъ; показывались и водворялись на островахъ Ферарскихъ, Оркадскихъ, на отдаленной и холодной Исландіи, въ Сѣверной Америкѣ, задолго до Колумба. А противники норманства, съ г. Иловайскимъ включительно, хотятъ, чтобы Норманны оставили въ покоѣ только одну сосѣднюю нашу страну, для нихъ самую удобную, подлежащую, и подходящую, то-есть устья Нѣмана, Вислы, Двины и Невы. *Съ чѣмъ это сообразно?* Да они съ этихъ мѣстъ и начать должны были свои нашествія. Они очень рано узнали дорогу къ ней и черезъ нее въ Константинополь, къ Каспійскимъ Козарамъ, въ Пермь (Біармію). Всѣ лѣтописи: греческія, русскія, арабскія—полны описаніемъ ихъ повсемѣстныхъ набѣговъ и представляютъ вездѣ совершенно одинакія черты".

Въ этихъ немногихъ строкахъ заключается довольно много погрѣшностей противъ исторіи. Во-первыхъ, Норманны въ VIII и IX вѣкахъ не только не были хозяевами въ Средиземномъ морѣ, но едва начали туда проникать; а тѣмъ болѣе они не нападали на Грецію. О X и XI вѣкахъ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ наша Русь ясно выступила подъ своимъ именемъ уже въ IX вѣкѣ. А будто Норманны проникали въ устья *всѣхъ* большихъ рѣкъ и селились по *всѣмъ* побережьямъ—что это такое какъ не гипербола? Какое намъ дѣло до того, что Норманны показывались на Ферарскихъ островахъ, въ холодной Исландіи и даже въ Сѣверной Америкѣ? (И, замѣтьте, все это было уже послѣ появленія Руси въ исторіи). Г. Погодинъ спрашиваетъ, съ чѣмъ сообразно, чтобы Норманны оставили въ покоѣ нашу страну? Не только сообразно, отвѣчаемъ мы, но совершенно естественно: такъ какъ наша страна не лежала ни въ Ирландіи, ни въ Исландіи. Стремленіе Норманновъ на западъ вполнѣ согласно съ ходомъ средней исторіи, когда сѣверные и восточные варвары шли на западъ и югъ, гдѣ находили богатую и легкую добычу. Иногда этихъ варваровъ вытѣсняли съ востока другіе народы, далеко уступавшіе имъ въ знаменитости. Не буду говорить о Готахъ: укажу на племя выступившее на поприще европейской исторіи почти одновременно съ Норманнами—на Угровъ. Они приводили въ трепетъ всю Среднюю Европу и завоевали обширныя земли; а между тѣмъ эти Угры изгнаны изъ южной Россіи ордою Пече-

нѣговъ и потомъ отброшены отъ нижняго Дуная Болгарами. Угры и доселѣ благоденствуютъ въ чужой землѣ; а гдѣ ихъ гонители Печенѣги? Чтó сдѣлалось съ ихъ побѣдителями Славянскими Болгарами? По теоріи же г. Погодина выходитъ слѣдующее: такъ какъ Угры громили Германію, Италію, Францію, Византійскую имперію, западныхъ и южныхъ Славянъ, то покореніе ими сосѣдней Россіи уже подразумѣвается само собою.

Относительно норманскихъ походовъ черезъ Россію въ Константинополь и Хазарію, норманисты все имѣютъ въ виду слова нашей лѣтописи о пути изъ Варягъ въ Греки. Но въ первой статьѣ своей мы уже указывали, что слова лѣтописца надобно относить къ его собственному времени; тутъ разумѣется XII вѣкъ и никакъ не ранѣе XI. Лѣтописецъ наивно описываетъ путешествіе апостола Андрея по тому же пути; по логикѣ норманистовъ выходитъ, что торный путь изъ Варягъ въ Греки существовалъ уже въ I вѣкѣ нашей эры! Мы указывали на полную невозможность для Норманновъ ходить изъ Балтійскаго моря въ Черное ранѣе объединенія земель, лежащихъ по этому пути подъ властью русскихъ князей. Если Норманны въ IX вѣкѣ не плавали по Днѣпру, то говорить объ ихъ походахъ въ Каспійское море значитъ просто давать волю своей фантазіи. Плаваніе по широкому морскому пути въ Исландію, а изъ Исландіи въ Гренландію было довольно легкимъ дѣломъ въ сравненіи съ рѣчными походами по обширному материку, гдѣ надобно бороться и съ огромными волоками, и съ порогами, и съ туземными племенами. А главное, всѣ эти походы Норманновъ по восточной Европѣ въ IX вѣкѣ и ранѣе совершенно гадательны и не подтверждаются ни единымъ историческимъ свидѣтельствомъ, хотя по словамъ г. Погодина о нихъ свидѣтельствуютъ всѣ лѣтописи—греческія, русскія и арабскія. О черноморскихъ и каспійскихъ походахъ Руссовъ въ IX и X вѣкахъ дѣйствительно мы имѣемъ современныя свидѣтельства Византійцевъ и Арабовъ; но о Норманнахъ ни слова. Вообще мы не понимаемъ голословнаго повторенія прежнихъ домысловъ, въ родѣ хожденія Норманновъ въ Черное и Каспійское море. Правила сколько-нибудь научной полемики требуютъ сначала опровергнуть доказательства противника.

Нѣсколько ниже г. Погодинъ приводитъ хотя и не новое, тѣмъ не менѣе оригинальное соображеніе въ пользу того мнѣнія, что черноморскіе походы Руссовъ принадлежали Руси Норманской, а не туземной или Приднѣпровской. Вотъ это соображеніе: По-

ляне были племя *тихое* и *смирное*. Не будемъ говорить объ исторіи Полянъ-Руси въ предшествующіе вѣка, хотя и туманные, однако не совсѣмъ недоступные людямъ свободнымъ отъ норманскаго предразсудка—вѣка наполненные борьбою съ одноплеменными и иноплеменными народами, каковы Готы, Гунны, Авары, Древляне, Угры и проч.; уже одно географическое положеніе ихъ было таково, что тихое, смирное племя здѣсь давно было бы стерто народными волнами. Всѣ лѣтописныя извѣстія о поведеніи Полянъ во время борьбы съ Печенѣгами, Половцами и во время княжескихъ споровъ свидѣтельствуютъ, что это было энергичное, безпокойное и воинственное племя. (Прослѣдите внимательно исторію Кіевлянъ, отъ человѣческихъ жертвоприношеній Перуну до убіенія Игоря Ольговича). Но г. Погодинъ въ этомъ случаѣ руководствуется извѣстнымъ разглагольствіемъ лѣтописца о томъ, что Поляне „обычай имуть кротокъ и тихъ, и стыдѣнье къ снохамъ своимъ“ и проч. Здѣсь собственно характеристика брачныхъ и погребальныхъ обрядовъ, и принадлежитъ она не IX вѣку, а XI и XII. Не говоря о явномъ пристрастіи лѣтописца къ Полянамъ сравнительно съ другими племенами и объ ихъ высшей гражданственности, мы думаемъ, что можно имѣть стыдѣніе къ снохамъ и все-таки предпринимать дальніе походы.

На наше замѣчаніе, что о пришествіи къ намъ варяжскихъ князей не только не говорятъ, но даже и намека не дѣлаютъ никакія лѣтописи скандинавскія, нѣмецкія и греческія, г. Погодинъ возражаетъ, что о водвореніи Роллона въ Нормандіи извѣстно только по одной скандинавской сагѣ. На это мы отвѣтимъ: найдите хотя одну подобную же сагу о водвореніи Рюрика съ братьями въ Россіи. Но если бы таковая и нашлась, и тогда не слѣдуетъ принимать ее на вѣру, безъ предварительнаго критическаго разсмотрѣнія, насколько она самостоятельна: ибо въ скандинавскихъ сагахъ мы встрѣчаемъ нѣкоторые слѣды нашихъ русскихъ преданій. Послѣднее совершенно естественно, если взять въ расчетъ родственныя связи норманскихъ конунговъ съ нашими князьями со времени Ярослава I и вообще пріѣзды Норманновъ въ Россію въ качествѣ наемныхъ дружинниковъ и гостей въ теченіе XI и XII вѣковъ. Хвастливыя скандинавскія саги не мало баснословятъ о подвигахъ своихъ героевъ въ Гардарикіи (то-есть на Руси), и приписываютъ имъ великое вліяніе на русскія событія; однако Русь очевидно представляется въ сагахъ великимъ и туземнымъ народомъ, а Русское государство на-

столько древнимъ, что о его началѣ онѣ ровно ничего не знаютъ *).

По нашему мнѣнію, странно въ особенности то, что Константинъ Багрянородный не упомянулъ о пришествіи Варягорусовъ, еслибъ оно было въ дѣйствительности. Онъ охотно разсказываетъ о подобныхъ передвиженіяхъ и любитъ объяснять начало государствъ и народовъ. Укажемъ на его разсказы о началѣ угорской династіи Арпадовъ, о Хазарахъ, Печенѣгахъ, Хорватахъ и т. п. Одно молчаніе такого свидѣтеля способно уничтожить всю норманскую систему. Но г. Погодинъ не допускаетъ argumentum a silentio тамъ, гдѣ это невыгодно норманской теоріи. За то очень охотно допускаетъ его тамъ, гдѣ оно хотя немного говоритъ въ ея пользу. Такъ Константинъ не упоминаетъ о Руси Азовско-Черноморской, и этого довольно г. Погодину, чтобъ отвергать ея исконное существованіе; отсюда у него въ исторіи Русь Тмутраканская появляется такъ же ex abrupto, какъ и всякая другая Русь. Но, вопервыхъ, какъ мы сказали, Константинъ охотно сообщаетъ разные случаи изъ жизни народовъ, обитавшихъ къ сѣверу отъ Чернаго моря: Угровъ, Хазаръ, Печенѣговъ и т. п.; тогда какъ его географическія данныя объ этихъ народахъ совсѣмъ не отличаются точностію и ясностію. Онъ даже не упоминаетъ о разныхъ народахъ, жившихъ въ Крыму рядомъ съ греческимъ Херсонесомъ, напримѣръ, о Готахъ; нельзя же на этомъ основаніи отрицать ихъ существованіе. Въ его время Русь Тмутраканская, если не вся, то отчасти, находилась въ зависимости отъ Хазаръ; ее надобно искать тамъ, гдѣ у Константина говорится о Боспорѣ, Таматархѣ и девяти Хазарскихъ областяхъ,

---

*) Какъ примѣръ хвастливости этихъ сагъ и нѣкотораго знакомства ихъ съ русскими преданіями укажемъ на сагу Олава Тригвесона. Въ ней вся слава обращенія нашего Владиміра Св. въ христіанство приписана юношѣ Олаву; при чемъ послѣдній держитъ рѣчь, напоминающую то самое, что говоритъ мученикъ Варягъ по нашей лѣтописи. Въ этомъ обращеніи Олаву помогаетъ супруга Владиміра мудрая Аллогія, въ которой нельзя не узнать его бабку Ольгу. Сага хотя и путаетъ событія и лица, однако ея русскій источникъ въ данномъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію. Итакъ, почему же наша легенда о призваніи Варягоруссовъ, столь лестная для Норманновъ, не отразилась въ ихъ сказаніяхъ? Мы позволяемъ себѣ объяснять такое молчаніе позднимъ появленіемъ и еще болѣе позднимъ распространеніемъ самой нашей легенды: въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ, это не было собственно народное преданіе, сохранившее потомству память о дѣйствительномъ событіи. Это было сплетеніе книжныхъ домысловъ и недоразумѣній.

лежавшихъ между Азовскимъ и Чернымъ морями (говорится очень коротко и неясно). Хазарія, какъ этнографическій терминъ, играла важную роль не только въ X, но въ XII и XIII вѣкахъ, когда Хазарское государство уже не существовало (см. любопытную статью г. Бруна о Хазаріи въ *Трудахъ перваго Археологическаго съѣзда*). Такъ же неубѣдительна ссылка г. Погодина на молчаніе Фотія и Льва-діакона. Фотій говоритъ о Руссахъ безъ точнаго означенія ихъ мѣста жительства, и его слова могутъ быть относимы какъ къ Руси Азовско-Черноморской, такъ и къ Руси Кіевской; а Левъ-діаконъ и самую Русь Кіевскую называетъ Тавроскиѳами, чѣмъ указываетъ на ея общее происхожденіе съ послѣдними. Наконецъ мы не понимаемъ возраженія основаннаго на молчаніи того или другаго писателя. Для исторической критики имѣетъ значеніе только сумма извѣстій или сумма умолчаній. О пришествіи Руси изъ Скандинавіи *молчатъ всѣ иноземные источники*; а существованіе Руси Тмутраканской подтверждаетъ не одно свидѣтельство. Въ нашихъ лѣтописяхъ она появляется въ концѣ X вѣка какъ особое княжество, слѣдовательно существовала и ранѣе. А наши отношенія къ Корсуню въ теченіе этого вѣка? А русскія письма найденныя въ Крыму, о которыхъ говоритъ паннонское житіе Св. Кирилла? А походы Руссовъ на Кавказъ и въ Каспійское море? А что такое арабскія извѣстія о третьей группѣ Руссовъ, которую помимо Азовско-Черноморской Руси и объяснить невозможно? Что такое свидѣтельство Масуди, около половины X вѣка, о морѣ Руссовъ (Нейтасъ), по которому только они и плаваютъ и *на одномъ изъ береговъ котораго они живутъ?* Наконецъ извѣстно, что Роксалане или Россалане жили около Азовскаго моря; а этихъ Россъ-Аланъ изъ исторіи никто не изгонитъ. О моемъ сближеніи первой половины этого имени съ нашею Русь или Рось г. Погодинъ и говорить не желаетъ. Жаль. Интересно было бы послушать доказательства того что Русь и Рось не одно и тоже; а слѣдовательно и Англы также не тождественны съ первою половиной сложнаго имени Англо-Саксы.

М. П. Погодинъ, столь усердно придерживаясь буквы нашей начальной лѣтописи тамъ, гдѣ она имѣетъ легендарный характеръ, не затруднился отвергать ея достовѣрность въ самой достовѣрной ея части—въ договорахъ Олега и Игоря. Я обратилъ вниманіе на слѣдующую явную несообразность съ теоріей норманистовъ: Скандинавы клянутся не своими богами: Одиномъ и

Торомъ, а славянскими Перуномъ и Волосомъ. „Но почему вы знаете, спрашиваетъ г. Погодинъ, что между этими божествами не было соотвѣтствія? Перунъ развѣ не близокъ къ Тору? Не надо забывать того, что переводили договоры съ греческаго Болгары, отъ которыхъ нельзя требовать миѳологической учености. Перенесена же принадлежность языческаго Волоса на христіанскаго Власія!“ Итакъ, въ лѣтописи оказывается страшный и систематическій подлогъ! Мы говоримъ *систематическій*, ибо этотъ подлогъ проведенъ и далѣе: стало быть и тотъ Перунъ, который стоялъ въ Кіевѣ на холмѣ и которому поклонялись князья и народъ, былъ не Перунъ, а Торъ. Не Перуна, а Тора оплакивали Кіевляне, когда его идола столкнули въ Днѣпръ. Кстати и новогородскій Перунъ тоже вѣроятно въ дѣйствительности былъ Торомъ? Жаль только, что между ихъ именами нѣтъ такого же соотвѣтствія какъ между Волосомъ и Власіемъ, между Святовитомъ и Св. Витомъ. Вотъ до какого *соотвѣтствія* можно договориться, защищая любимую теорію во что бы то ни стало! Тутъ же рядомъ у нашего противника стоятъ завѣренія въ томъ, что наши лѣтописцы и не умѣли сочинять легендъ, что заднихъ мыслей у нихъ никогда не было, ни о какихъ комбинаціяхъ они и понятія не имѣли, что первый лѣтописецъ нашъ былъ „монахъ, заживо погребенный въ кіевскихъ пещерахъ“ и т. п. Право, такого почтеннаго человѣка какъ М. П. Погодинъ мнѣ совѣстно обвинять въ произвольномъ обращеніи съ документальными источниками (каковы договоры), и я это дѣлаю съ прискорбіемъ.

Кстати: норманизму не надо забывать того, что указаніе на переводъ нашихъ договоровъ, составленный Болгарами не свѣдущими въ Славянской миѳологіи, есть не болѣе какъ догадка. Извѣстно, что обращеніе Руси началось еще со временъ патріарха Фотія; въ эпоху договоровъ у нихъ были храмы, было богослуженіе, слѣдовательно можемъ предположить и письменность. Притомъ языкъ этихъ договоровъ тотъ же самый, какой мы видимъ въ Русской Правдѣ. Мы уже сказали, что вопросъ о началѣ русской письменности до сихъ поръ затемнялся вліяніемъ норманизма: ибо какъ можно допустить, чтобы Русь еще во времена Фотія имѣла славянскую письменность, когда уже рѣшено, что эта Русь была норманская и пришла прямо изъ Скандинавіи!

Надобно признаться, возраженія М. П. Погодина иногда ужь слишкомъ несеріозны. Вотъ еще примѣры: по поводу указаннаго мною легендарнаго числа трехъ братьевъ, онъ отвѣчаетъ что у

Адама и Ноя тоже было по три сына. Или: Русь уже потому не Славяне, говоритъ онъ, что всѣ славянскія племена назывались у насъ во множественномъ числѣ (Поляне, Сѣверяне, Кривичи и пр.), а чуждыя племена называются собирательнымъ именемъ женскаго рода (Чудь, Ливь, Корсь и пр.). Въ такомъ случаѣ, отвѣчаемъ мы, Хазары, Печенѣги и пр. суть племена славянскія, а Серебь нашей лѣтописи должна быть отнесена къ народамъ неславянскимъ. Мы указали на то что Русью называли себя обитатели Приднѣпровья, а Новгородцы Русью себя не называли. Г. Погодинъ объясняетъ это тѣмъ, что „Русь съ Олегомъ отъ нихъ ушла". Жаль только что неяснымъ остается смыслъ самаго призванія Варяговъ: Новогородцы посылали за ними такъ далеко (чуть ли не въ Мекленбургъ-Шверинскій, судя по нѣкоторымъ намекамъ нашего антагониста); а Варяги только прошли чрезъ Новгородъ, да еще велѣли давать себѣ дань по 300 гривенъ въ годъ. Какою черною неблагодарностію заплатили они довѣрчивымъ Новогородцамъ!

III.

Умѣренный норманизмъ г. Куника.—Легендарная аналогія.

М. П. Погодинъ въ своемъ спорѣ съ г. Гедеоновымъ ограничился обычнымъ повтореніемъ своей норманской программы, а на помощь себѣ пригласилъ г. Куника, на котораго и пала главная тяжесть борьбы. Пріемы г. Куника мы находимъ способными поддержать спокойную, логичную полемику. До сихъ поръ онъ не забрасывалъ общими мѣстами, не увѣрялъ голословно, что наша начальная лѣтопись безупречна или что Русь въ арабскихъ извѣстіяхъ суть Норманны и т. п.; а бралъ нѣкоторыя стороны вопроса и старался по возможности подкрѣпить норманскую систему какими-либо аналогіями или новымъ болѣе точнымъ анализомъ старыхъ данныхъ. Хотя конечные результаты этихъ работъ все-таки не въ пользу норманизма; но нельзя не отдать справедливости его добросовѣстному отношенію къ дѣлу.

Мы собственно не понимаемъ умѣреннаго норманизма. Что-нибудь одно: или Русь пришлое норманское племя, или она туземный народъ; средины тутъ не можетъ быть. Острова Гот-

ландъ и Даго не помогутъ. Норманская система построена такъ искусственно, что нельзя тронуть никакой и самой малой ея части, тотчасъ все зданіе разсыплется. Напримѣръ г. Куникъ не стоитъ за вѣрность начальной хронологіи и 862 годъ считаетъ вставкой позднѣйшихъ переписчиковъ Нестора. (Отвѣтъ Гедеонову. *Зап. Акад. Н.*, 1864 т. VI, стр. 58). Произвольность этой хронологіи очевидна. Сказаніе о Варягахъ самъ норманизмъ признаетъ почерпнутымъ изъ народнаго преданія; но какое же народное преданіе способно сохранять хронологическія числа въ теченіе цѣлыхъ столѣтій? Однако попробуйте отнять хронологію до 912 года, то-есть до смерти Олега (тѣмъ болѣе что эти числовыя данныя не сходятся съ росписью княженій, поставленною въ началѣ лѣтописи). Положимъ, чтобъ объяснить Русь Бертинскихъ лѣтописей (839 годъ), надобно подвинуть призваніе на 30 лѣтъ ранѣе, то-есть отнести его къ 832 году; но что же тогда произойдетъ съ главными дѣйствующими лицами? Рюрику при смерти было бы не менѣе 75 лѣтъ, и однако онъ оставилъ малолѣтняго сына. Олегъ, пришедшій съ Рюрикомъ изъ Скандинавіи, скончался бы столѣтнимъ старцемъ. Когда около 1852 года возникъ вопросъ о тысячелѣтіи на основаніи мнѣнія Круга, который хотѣлъ отодвинуть призваніе десятью годами назадъ, то г. Погодинъ въ своемъ *Москвитянинѣ* рѣшительно возсталъ противъ такой ереси. Однимъ изъ главныхъ его доводовъ было соображеніе на счетъ Игоря, котораго въ „882 году выносили подъ Кіевомъ на рукахъ, слѣдовательно онъ родился только-что передъ смертію Рюрика“. И въ настояще время Игорю насчитываютъ при смерти около 70 лѣтъ, хотя года за три до нея онъ предпринималъ походы на Византію и въ Малую Азію, а въ самый годъ смерти съ небольшою дружиной отправился за данью къ такому свирѣпому племени какъ Древляне, и хотя онъ оставилъ послѣ себя малолѣтняго сына Святослава. Если накинуть ему еще десять лѣтъ (Никоновская лѣтопись такъ и дѣлаетъ, относя его рожденіе къ 866 году), тогда вѣроятность событій пострадаетъ окончательно. Если оставить въ сторонѣ легенду о Рюрикѣ, то на основаніи упомянутыхъ фактовъ Игорю нельзя дать болѣе 50 лѣтъ при смерти; даже дадимъ ему 60; слѣдовательно его рожденіе должно быть отнесено не ранѣе какъ къ 885 году, то-есть ко времени Олегова княженія. Очевидно, Олегъ былъ настоящимъ княземъ, то-есть старшимъ въ княжескомъ родѣ, а не какимъ-то опекуномъ Игоря, какъ его изобра-

жаютъ. Хороша опека, продолжающаяся почти до сорока-лѣтняго возраста!

Чтобы сдѣлать сколько-нибудь вѣроятнымъ превращеніе Варяговъ въ Славянъ, накопленіе стольких завоеваній и распространеніе имени Русь отъ горсти пришельцевъ на такое огромное пространство къ концу IX вѣка, норманистамъ надобно отодвинуть пришествіе Рюрика съ Варягами по крайней мѣрѣ на 100 лѣтъ. Но тогда Игорь будетъ уже не сынъ Рюрика; между ними придется предположить цѣлый рядъ князей. Оскольдъ и Диръ какъ товарищи Рюрика сдѣлаются невозможными, если имъ оставить предводительство Русью подъ Константинополемъ въ 865 году. Однимъ словомъ, уступкамъ и предположеніямъ не будетъ конца, и все-таки антинорманисты не удовлетворятся. Они будутъ повторять свои докучные вопросы: Укажите намъ Русь въ Скандинавіи? Куда дѣваться съ Россоланами и съ нашими рѣками, носившими названіе Рось? (такъ-какъ народы получали свои имена отъ рѣкъ, а не наоборотъ). Отчего нѣтъ скандинавскаго элемента въ нашемъ языкѣ, если Руссы еще въ X вѣкѣ употребляли свои особыя имена и географическія названія? Отчего никакіе иноземные источники не упоминаютъ о пришествіи къ намъ Руси? и т. д. Наконецъ, если годы поставлены произвольно, то нѣтъ ли произвола и въ самой передачѣ событій? Повторяю, норманистамъ неудобно отказываться отъ 862 года. Г. Погодинъ съ свойственною ему прозорливостію понялъ всю опасность подобныхъ уклоненій отъ лѣтописной легенды и не уступаетъ изъ нея ни йоты. Правда, самъ Шлёцеръ усомнился въ вѣрности лѣтописной хронологіи и позволилъ себѣ на этомъ основаніи даже совсѣмъ отвергнуть Оскольдовыхъ Руссовъ. Но то было не болѣе какъ *столбнякъ*, нашедшій на знаменитаго критика; такъ по крайней мѣрѣ объяснилъ намъ г. Погодинъ (*Зап. Акад. Н.* т. XVIII). Напомнимъ, что Карамзинъ также сомнѣвался въ данной хронологіи.

Но возвратимся къ г. Кунику. По поводу изслѣдованій Гедеонова онъ представилъ между прочимъ два любопытныя соображенія. Одно изъ нихъ относится къ слѣдующему извѣстію Бертинскихъ лѣтописей: въ 839 году вмѣстѣ съ византійскимъ посольствомъ прибыли къ императору Людовику Благочестивому люди, которые называли свой народъ Рось, а своего царя Хаканомъ *). При дворѣ Людовика заподозрили, что эти люди изъ

*) Что русскіе послы изъ Византіи возвращались въ Кіевъ чрезъ Германію, на это есть аналогія. У Герберштейна говорится о плаваніи русскихъ пословъ

племени Свеоновъ. Норманисты ухватились за послѣднее слово для подкрѣпленія своей теоріи; но на бѣду тутъ замѣшался хаканъ. Антинорманисты говорили, что хаканами или каганами назывались цари хазарскіе, аварскіе, болгарскіе и князья русскіе (послѣднее вполнѣ подтвердилось свидѣтельствомъ Ибнъ-Дасты, у г. Хвольсона, гдѣ царь Руссовъ называется Хаканъ-Русь); но у Шведовъ никогда не существовалъ этотъ титулъ. Что же сдѣлали норманисты? Они передѣлали нарицательное хаканъ въ собственное имя Гаконъ. На опроверженія Гедеонова г. Погодинъ отвѣчалъ просто и голословно, что слова chacanus vocabulo иначе и перевести нельзя какъ *по имени Гаконъ*. Но г. Куникъ остановился надъ этимъ свидѣтельствомъ: оно слишкомъ важно. Если допустить, что въ 839 году въ южной Россіи существовалъ народъ Русь, управляемый хаканами, то норманская теорія должна быть упразднена. Въ виду такого оборота, г. Куникъ представилъ цѣлое изслѣдованіе о томъ, въ какомъ смыслѣ здѣсь употреблено слово vocabulum. Посредствомъ разныхъ соображеній и сравненій, онъ пытается доказать, что въ данномъ случаѣ это слово означаетъ имя, а не званіе. Уже самыя сравненія не убѣдительны; но предположимъ, что авторъ дѣйствительно разумѣлъ имя лица, а не титулъ. Что же изъ этого? Развѣ тутъ не могло быть самаго простаго и обыкновеннаго недоразумѣнія, то-есть, что западный лѣтописецъ непонятный ему титулъ принялъ за собственное имя? Это обстоятельство не укрылось отъ г. Куника, и онъ тутъ же приводитъ примѣры подобныхъ недоразумѣній. А изслѣдованіе свое заканчиваетъ словами: „Покуда надобно сознаться, что выраженіе chacanus vocabulo ждетъ еще своего изслѣдователя". Указываемъ на это заключеніе какъ на образецъ его добросовѣстности. По нашему мнѣнію, если есть темный пунктъ въ свидѣтельствѣ Бертинскихъ лѣтописей, такъ это слова: „изъ племени Свеоновъ" (gentis Sueonum). На нихъ-то и слѣдовало обратить вниманіе норманистамъ, то-есть доказать, что въ первой половинѣ IX вѣка это уже былъ совершенно опредѣленный этнографическій терминъ и что въ данномъ случаѣ разумѣлись *исключительно* Шведы. Въ первой своей статьѣ

въ Данію изъ Новгорода въ концѣ XV вѣка не обычною дорогою, т. е. Балтійскимъ моремъ, а Бѣлымъ и Ледовитымъ. Источники даютъ намъ объясненіе тому во враждебныхъ отношеніяхъ Руси съ Швеціей и Ганзейскими городами въ эту эпоху. (См. „Историко-географическія извѣстія Герберштейна"—Замысловскаго. Журн. М. Н. Пр. 1878. Іюль). Позд. прим.

я уже заявилъ сомнѣніе относительно этого термина. Да и самъ г. Куникъ замѣчаетъ, что тутъ слово Sueonum можетъ и не означать Шведскій материкъ. Но предположимъ, норманистамъ удалось бы доказать, что относительно этого слова нѣтъ ни ошибки въ рукописи, никакого-либо недоразумѣнія у автора или вообще у франкскаго двора и что подъ Свеонами тутъ разумѣется германское племя Шведовъ; все-таки останется несносный Хаканъ*).

Второе соображеніе г. Куника относится къ параллели, которую онъ проводитъ между нашею лѣтописною легендой о призваніи Варяговъ и разсказомъ Видукинда о призваніи Англо-Саксовъ въ Британію. Мы уже замѣтили въ первой статьѣ своей, что тутъ есть только аналогія легендарная, то-есть литератур-

---

*) Имя Свевовъ, какъ извѣстно, распространялось когда-то на народы, жившіе и на берегу Балтійскаго моря, и на Дунаѣ, и на Рейнѣ; отъ него произошли названія Швеціи, Швабіи и кантона Швица (откуда и названіе всей Швейцаріи). Кстати приведемъ замѣчаніе Венелина о томъ, что „Славяне, жившіе на островахъ (Волинъ и Узедомъ), у древнихъ писателей назывались Свеонами, Suenones, отъ рѣки Свена". (Чтен. Об. И. и Др. 1847, № 5). Мы конечно не будемъ выводить Русь съ Балтійскаго поморья; у Балтійскихъ Славянъ также не было хакановъ. (Да и съ какой стати князькамъ этихъ Славянъ или Норманновъ того времени отправлять посольства въ Византію?) Но Русь по языку своему могла быть признана соплеменною Балтійскимъ Славянамъ. Наконецъ южная Россія въ средніе вѣка называлась не только Великая Скиѳія, но также и Великая Швеція (См. Antiquités Russes. Heimskringla), и конечно не потому чтобъ она была населена колонистами изъ Швеціи; наоборотъ сами Скандинавы считали своихъ предковъ колонистами изъ Великой Скиѳіи. Во всякомъ случаѣ выраженіе gentis Sueonum еще ждетъ разъясненія. (При этомъ необходимо имѣть въ виду то обстоятельство, что Бертинскія лѣтописи изданы по спискамъ, которые, сколько мнѣ извѣстно, не восходятъ ранѣе XV вѣка; слѣдовательно порча первоначальнаго текста тутъ весьма возможна. Позд. примѣч.)

Вообще норманизмъ до сихъ поръ тщательно устранялъ или отвергалъ всѣ извѣстія, гдѣ говорятъ о туземной Руси до призванія князей. Напримѣръ, арабскій писатель Табари (писалъ въ концѣ IX или въ началѣ X вѣка) говоритъ о Руси воевавшей на Кавказѣ съ Арабами еще въ VII вѣкѣ. Г. Куникъ въ своемъ трактатѣ о Призваніи шведскихъ Родсовъ (Die Berufung der schwedischen Rodsen. 1844) всѣми возможными способами старается доказать, что это извѣстіе ошибочное. Правъ онъ или нѣтъ; но любопытно, что въ числѣ доказательствъ видное мѣсто занимаетъ пресловутое миролюбіе Славянскаго племени и его якобы непредпріимчивый характеръ. Тутъ же рядомъ находимъ у него цѣлую ученую диссертацію, которая пытается подтвердить извѣстіе Аль-Катиба (современника Табари) о нападеніи Руссовъ на Севилью въ 844 году. Извѣстіе это очевидно ошибочное; съ чѣмъ согласился послѣ и самъ г. Куникъ по поводу изслѣдованія г. Гедеонова.

ная. Разсказъ Видукинда о посольствѣ Бриттовъ и рѣчь, которую они держали, есть также легенда. Самыя причины призванія выставлены разныя: тамъ зовутъ чужое племя на помощь, у насъ для господства. Исторической аналогіи никакой нѣтъ: постепенное завоеваніе Англосаксами Британіи происходило на глазахъ исторіи; пришельцы сообщили завоеванной странѣ не одно названіе Англіи, которое утвердилось за нею только по истеченіи нѣсколькихъ столѣтій; они распространили въ ней и свой языкъ. У насъ не было ничего подобнаго. Самое существенное въ параллели г. Куника есть повтореніе и тамъ, и у насъ знаменитаго выраженія: „земля наша велика и обильна". Но именно эти слова и указываютъ, что мы имѣемъ дѣло не съ историческимъ фактомъ, а съ легендами. Что́ значитъ это выраженіе по отношенію къ нашему огромному Сѣверу, когда и маленькая сравнительно съ нимъ половина Британскаго острова тоже именуетъ себя „великою и обильною землею?" Это показываетъ только, какъ въ лѣтописяхъ разныхъ народовъ повторяются одинакіе легендарные мотивы, въ родѣ указанной нами саги о взятіи города посредствомъ голубей, которая встрѣчается у насъ, у Норманновъ и у Монголовъ, но ранѣе другихъ у насъ.

По поводу сходныхъ легендъ у разныхъ народовъ укажемъ на Вильгельма Теля. Вотъ еще новая, непріятная для норманистовъ аналогія! Давно ли весь образованный міръ вѣрилъ въ Вильгельма Теля какъ въ героя положившаго начало швейцарской свободы? Подвиги его расказывались такъ обстоятельно и съ такими подробностями, что казалось и сомнѣніе невозможно. И увы! Въ настоящее время Вильгельмъ Тель уже лицо не историческое, а сказочное. Клятва въ долинѣ Рютли и другія романтическія обстоятельства швейцарскаго возстанія тоже оказываются баснею. А возникновеніе Швейцарскаго Союза объясняется обстоятельствами болѣе естественными и болѣе достовѣрными. И прежде нѣкоторые ученые сомнѣвались въ достовѣрности упомянутыхъ расказовъ; а теперь, послѣ изслѣдованій Рилье, они должны быть окончательно отнесены къ области поэзіи *). Начало этихъ легендъ восходитъ ко второй половинѣ XV вѣка. Извѣстный эпизодъ о яблокѣ, которое Вильгельмъ Тель долженъ былъ сбить съ

*) См. Les origines de la Conféderation Suisse par Albert Rillet. Seconde edition. Geneve et Bale. 1869. А также его полемическую брошюру Lettre à M. Henri Bordier. 1869.

головы сына, есть почти буквальное повторенiе такого же случая, который Саксонъ Граматикъ въ своей Исторiи Данiи расказываетъ о датскомъ стрѣлкѣ Токко. Рилье полагаетъ, что расказъ этотъ заимствованъ швейцарскими хронистами не прямо изъ Саксона, а изъ позднѣйшихъ компиляторовъ. Мы на это замѣтимъ, что вообще трудно услѣдить пути, которыми разносятся легендарные мотивы. (Почти такая же исторiя съ яблокомъ есть и у насъ въ былинѣ о богатырѣ Дунаѣ). Конечно Швейцарцы слишкомъ привыкли къ своему герою, и имъ тяжело съ нимъ разстаться. На Рилье посыпались возраженiя. Нашлись люди, которые говорили: „помилуйте, какъ же Вильгельмъ Тель не существовалъ, если преданiя о немъ до сихъ поръ сохраняются между крестьянами, и они указываютъ самыя мѣста его подвиговъ?“ Вотъ въ томъ-то и дѣло, что первоначально крестьяне узнали о немъ не изъ преданiй, а изъ книгъ, конечно при посредствѣ грамотныхъ людей.

Кстати въ подтвержденiе моего мнѣнiя о томъ, что въ средние вѣка была особая наклонность выводить народы изъ Скандинавiи, могу прибавить еще примѣръ Швейцарцевъ. У нихъ также существовало преданiе, по которому населенiе лѣсныхъ кантоновъ произошло отъ норманскихъ выходцевъ: они пришли изъ Швецiи и Остфрисландiи еще въ первые вѣка нашей эры, подъ начальствомъ трехъ вождей (и опять число три). Преданiе это не имѣетъ никакихъ историческихъ основъ и есть домыселъ досужихъ книжниковъ.

Итакъ, чѣмъ болѣе мы сличаемъ сказанiя, поставленныя въ началѣ исторiи каждаго народа, тѣмъ болѣе убѣждаемся, что это факты не историческiе, а литературные, и что у насъ было то же самое, несмотря на увѣренiя г. Погодина, будто наша исторiя шла какимъ-то инымъ путемъ (не историческимъ) и будто наши лѣтописцы передавали только сущую правду. Онъ спрашиваетъ: что легендарнаго нашелъ я въ извѣстiи о призванiи Варяго-руссовъ? „Оно написано такъ просто, кратко, ясно“. Правда, написано коротко и ясно. Но потому-то и не имѣетъ никакого вѣроятiя. Въ басняхъ все совершается очень просто, и всѣ препятствiя обращаются ни во что. Путешествiе апостола Андрея въ Новгородскую землю, Кiй съ его путешествiемъ въ Царьградъ и другiе подобные расказы тоже ясны и просты; но кто же рѣшится утверждать, что это историческiе факты?

IV.

Наши соображенія о лѣтописномъ сводѣ и сближеніе двухъ Рюриковъ.

Г. Погодинъ приписываетъ мнѣ положеніе: „Лѣтопись наша недостовѣрна", и затѣмъ побѣдоносно опровергаетъ это положеніе слѣдующими словами: „Походъ Оскольда и Дира засвидѣтельствованъ Фотіемъ (въ дѣйствительности Фотій свидѣтельствуетъ только о походѣ Руссовъ; а Оскольда и Дира онъ не знаетъ); Олеговъ договоръ переведенъ съ греческаго (какъ будто я отрицаю Олеговъ договоръ!); Игоревыхъ плѣнниковъ видѣлъ Ліутпрандъ (то-есть ихъ видѣлъ его вотчимъ, а Ліутпрандъ только слышалъ о нихъ); Ольгу принималъ Константинъ, Святослава видѣлъ Левъ-діаконъ (какъ будто я отрицаю существованіе Ольги и Святослава)" и т. д. Но изъ первой моей статьи кажется ясно, что вопросъ идетъ не о достовѣрности лѣтописи вообще, а только о нѣкоторыхъ начальныхъ ея извѣстіяхъ, каковы: мнимая федерація Славянъ и Чуди, баснословное призваніе Рюрика съ братьями изъ-за моря, баснословный переходъ князей изъ Новгорода въ Кіевъ и тому подобные расказы, не засвидѣтельствованные ни Фотіемъ, ни кѣмъ-либо другимъ. Наша лѣтопись, какъ и всѣ другія, начинается легендами и становится болѣе и болѣе достовѣрною по мѣрѣ приближенія событій къ эпохѣ самаго лѣтописца.

Далѣе г. Погодинъ приписываетъ мнѣ положеніе: „Лѣтопись наша сочинена въ XIII или даже въ XIV вѣкѣ", и снова побѣдоносно его опровергаетъ. „Развѣ вы не знаете, — говоритъ онъ, — что въ числѣ ея переписчиковъ или продолжателей есть историческое лицо, жившее въ XI столѣтіи, архимандритъ, а послѣ епископъ Сильвестръ, подписавшій свое имя подъ 1110 годомъ и скончавшійся въ 1124 году? Развѣ вы не знаете (слѣдуетъ перечень списковъ гдѣ находится такъ-называемая Несторова лѣтопись)". Но позвольте, у меня совсѣмъ не сказано будто лѣтопись сочинена въ XIII или въ XIV вѣкѣ. У меня говорится о лѣтописныхъ сводахъ и рукописяхъ. Я говорилъ, что мы не имѣемъ ни одного лѣтописнаго сборника въ рукописи, которая была бы ранѣе второй половины XIV вѣка, и это всѣми признано. О сводахъ говорится, что начальная или такъ-называемая

Несторова лѣтопись въ первобытномъ своемъ видѣ до насъ не дошла, и это признано большинствомъ ученыхъ. Я прибавилъ только, что легенда о призваніи князей, по всей вѣроятности, происхожденія (или точнѣе оттѣнка) новгородскаго и настоящій свой видъ получила въ томъ лѣтописномъ сводѣ, который былъ составленъ „не ранѣе второй половины XII или первой XIII вѣка". И это положеніе голословно отвергнуть нельзя. Постараемся представить вкратцѣ наши соображенія по данному вопросу.

Разность моего мнѣнія отъ мнѣнія большинства ученыхъ, работавшихъ надъ лѣтописями, заключается въ томъ, что я не отдѣляю Несторовой или Сильвестровой лѣтописи (*Повѣсти временныхъ лѣтъ*) вообще отъ южно-русскаго свода; то-есть признаю ее неотъемлемою частію того Кіевскаго свода, который кончается XII вѣкомъ и дошелъ до насъ преимущественно въ такъ называемомъ Ипатьевскомъ спискѣ. Однимъ словомъ, извѣстную намъ редакцію *Повѣсти временныхъ лѣтъ* въ этомъ сводѣ я передвигаю отъ начала XII на конецъ XII или начало XIII вѣка.

Предварительно сдѣлаемъ слѣдующую оговорку. Мы переносимъ дошедшую до насъ редакцію начальной лѣтописи приблизительно лѣтъ на 100 впередъ; но этому разногласію съ существующимъ мнѣніемъ не придаемъ главнаго значенія въ вопросѣ о происхожденіи Руси. Предположимъ, что до насъ дошла редакція начала XII вѣка или конца XI, и тогда извѣстіе о Варягахъ-Руси остается такою же легендою, какъ и теперь; ибо лѣтописецъ все-таки говоритъ о событіи, которое совершилось до него почти за 250 лѣтъ. (Легенда о Вильгельмѣ Телѣ появилась около полутораста лѣтъ послѣ битвы при Моргартенѣ). На такомъ разстояніи никакое преданіе не можетъ получить вѣры, если оно не подтверждается другими, независимыми отъ него, свидѣтельствами или такими историческими явленіями, которыя находятся съ нимъ въ непосредственной связи. Напримѣръ, о пришествіи Руси изъ Скандинавіи не говорятъ никакія европейскія и азіятскія лѣтописи; но еслибы, при недостаткѣ свидѣтельствъ, мы въ своей дальнѣйшей исторіи все-таки видѣли несомнѣнную борьбу въ населеніи двухъ элементовъ, иноземнаго и туземнаго, и находили несомнѣнно чуждую примѣсь въ русскомъ языкѣ и т. п., тогда легенда могла бы получить какую-нибудь достовѣрность. Ничего подобнаго нѣтъ. Никакой борьбы разнородныхъ началъ въ населеніи Кіевской Руси мы не видимъ, никакой иноземной струи въ народномъ языкѣ или въ письменныхъ памятникахъ нѣтъ.

Въ самыхъ первыхъ памятникахъ нашей письменности, въ договорахъ съ Греками, Русь является туземнымъ народомъ и не дѣлаетъ ни малѣйшаго намека на варяжское происхожденіе; напротивъ въ первомъ своемъ юридическомъ сводѣ, то-есть въ Русской Правдѣ, Русь относится къ Варягамъ какъ къ иноземцамъ и иноплеменникамъ (Русская Правда конечно существовала уже до Ярослава I; это существованіе подтверждается ссылками упомянутыхъ договоровъ на „Русскій законъ"). Такимъ образомъ и при существующемъ мнѣніи о редакціи начальной лѣтописи, призваніе Варягоруссовъ остается легендою. Но мы кромѣ того въ самой лѣтописи считаемъ редакцію этой легенды искаженною въ болѣе позднее время.

Здѣсь не мѣсто распространяться о тѣхъ ученыхъ работахъ, которыя, вопреки мнѣнію г. Погодина, постепенно и неоспоримо доказали, что приписывать Нестору нашу начальную лѣтопись есть плодъ недоразумѣній (такой же старый предразсудокъ, какимъ мы считаемъ призваніе Варяговъ). Несторъ былъ авторомъ *Житія Бориса и Глѣба* и *Житія Θеодосія Печерскаго*. Но кто были наши древнѣйшіе лѣтописцы, судить о томъ трудно; ибо никакой цѣльный лѣтописецъ до насъ не дошелъ, а дошелъ лѣтописный сводъ *). Мы предпочитаемъ мнѣніе гг. Срезневскаго и Костомарова, что первая часть этого лѣтописнаго свода, оканчивающаяся 1116 годомъ, принадлежитъ Сильвестру, игумену Выдубецкаго Михайлова монастыря; о чемъ онъ самъ ясно заявилъ извѣстною припиской („Игуменъ Сильвестръ святаго Михаила написахъ кинги си лѣтописецъ, надѣяся отъ Бога милость пріяти, при князѣ Владимерѣ, княжащу ему въ Кіевѣ, а мнѣ въ то время игумянищу у святаго Михаила въ 6624, индикта 9 лѣта"). На Сильвестра указываетъ и хронологическій перечень кіевскихъ княженій, поставленный въ началѣ свода и доведенный до начала княженія Владиміра Мономаха. Но и этотъ Сильвестровъ сводъ не дошелъ до насъ въ своемъ первоначальномъ видѣ; о

---

*) Имя Нестора прибавлено только въ Хлѣбниковскомъ спискѣ, который относится ко второй половинѣ XVI вѣка; ни въ Ипатьевскомъ, ни въ Лаврентьевскомъ его нѣтъ. Надъ вопросомъ о лѣтописяхъ кромѣ г. Погодина въ послѣднія десятилѣтія работали гг. Казанскій, Бѣляевъ, Сухомлиновъ, Срезневскій, Соловьевъ, кн. Оболенскій, Костомаровъ. Прекрасный сводъ всѣхъ предыдущихъ работъ, дополненный собственными соображеніями и выводами, представилъ г. Бестужевъ-Рюминъ въ своемъ трудѣ О составѣ Русскихъ Лѣтописей (1868).

чемъ свидѣтельствуютъ разныя вставки, которыя не могли принадлежать Сильвестру, а принадлежали его списателямъ и продолжателямъ, мѣстами дополнявшимъ его, мѣстами сокращавшимъ *).

Итакъ, повторяю, разногласіе наше съ мнѣніемъ ученыхъ состоитъ въ томъ, что мы *Сильвестровъ сводъ* или *Повѣсть временныхъ лѣтъ* считаемъ неотъемлемою частію того лѣтописнаго свода, который оканчивается XII вѣкомъ. Характеръ нѣкоторой цѣльности (опять-таки за исключеніемъ позднѣйшихъ искаженій и сокращеній) мы признаемъ только за всѣмъ Кіевскимъ сводомъ вмѣстѣ взятымъ, и не дѣлимъ его на двѣ неравныя части: до и послѣ 1110 года.

Гдѣ, когда и кѣмъ составленъ этотъ сводъ?

На вопросы: „откуда взялось имя Русь и гдѣ жила первоначально Русь?" Г. Погодинъ лаконически отвѣчаетъ: „Открытое поле для догадокъ". (*Зап. Акад. Н.* т. VI). Мы также можемъ отвѣтить на свой вопросъ о лѣтописи. Тѣмъ не менѣе предложимъ и свои догадки, которыя могутъ быть приняты къ свѣдѣнію при дальнѣйшей разработкѣ этого вопроса.

Кіевскій сводъ конечно составленъ въ то время, на которомъ

---

*) Укажемъ нѣкоторые элементы въ Сильвестровомъ отдѣлѣ, которые по всѣмъ признакамъ принадлежали болѣе поздней редакціи. Напримѣръ: 1) Значительно подновленный языкъ (по языку весь Кіевскій сводъ представляетъ цѣлое). 2) Несогласіе начальной хронологической росписи съ дальнѣйшею разстановкою лѣтъ по княженіямъ. 3) Расказъ о крещеніи Владиміра уже такъ далеко отстоялъ отъ самаго событія, что въ его время существовали различныя мнѣнія о томъ, въ какомъ городѣ крестился Владиміръ. 4) Въ расказѣ о посольствѣ разныхъ народовъ къ Владиміру съ предложеніемъ вѣры, Жиды казарскіе говорятъ, что Богъ разгнѣвался на ихъ отцовъ, расточилъ ихъ, а Іерусалимъ и землю ихъ отдалъ христіанамъ. Это могло быть написано только во время Іерусалимскаго королевства, и, судя по тону разсказа, не въ началѣ его существованія; а оно только-что сложилось въ началѣ XII вѣка. 5) Употребленіе такихъ этнографическихъ терминовъ въ началѣ свода, которые распространились на востокѣ Европы во время крестовыхъ походовъ; кромѣ Нѣмцевъ, укажемъ особенно на слово Венедицы и Фрягове. Нѣмцы и Венедицы (Венеціане) Слова о Полку Игоревомъ намекаютъ на ту же эпоху. Нѣкоторые изслѣдователи впрочемъ, относятъ къ числу вставокъ и то, что едва ли можно къ нимъ отнести, напримѣръ, расказъ объ ослѣпленіи Василька. Но этотъ расказъ и вообще участіе Выдубецкаго игумена-лѣтописца къ судьбѣ Василька сдѣлаются намъ вполнѣ понятны, если вспомнимъ, что несчастный князь передъ своимъ ослѣпленіемъ заѣзжалъ помолиться именно въ Выдубецкій монастырь и тамъ ужиналъ у игумена.

онъ останавливается, т. е. въ концѣ XII или началѣ XIII вѣка; а потому спрашиваемъ: не былъ ли онъ составленъ въ томъ же Михайловомъ Выдубецкомъ монастырѣ, гдѣ писалъ игуменъ Сильвестръ, и также игумномъ этого монастыря Моисеемъ? Въ пользу такой догадки говоритъ слѣдующее обстоятельство. Сводъ заканчивается извѣстіемъ о построеніи стѣны Выдубецкаго монастыря и похвальнымъ словомъ ея строителю великому князю кіевскому Рюрику Ростиславичу. Кому же было писать эту похвалу и благодарность какъ не игумну Выдубецкаго монастыря? А игумномъ въ то время былъ Моисей, о которомъ упоминается подъ 1197 годомъ и потомъ въ самомъ похвальномъ словѣ. Похвала прямо обращается къ Рюрику и говоритъ: „Мы, смиренные, чѣмъ можемъ воздать тебѣ за твои благодѣянія, которыя ты намъ творишь и творилъ? Только молитвами о здравіи твоемъ и о спасеніи. Пріими писаніе нашей грубости какъ словесный даръ, на похваленіе добродѣтелей.—Мы твои должники и молитвенники. Нашъ присный Господине, единомысленно суще ко избранному *сему мѣсту*“ и пр. Ясно, что обращеніе къ Рюрику здѣсь дѣлается отъ лица Выдубецкаго монастыря. Въ этой похвалѣ замѣтна притомъ особая наклонность вспоминать о Моисеѣ Израильскомъ; о немъ говорится три раза; что также намекаетъ на имя или самого автора или того, кто руководилъ писавшимъ.

До сихъ поръ это похвальное слово Рюрику Ростиславичу считали какою-то вставкою въ Ипатьевскомъ спискѣ, взятою изъ монастырскаго лѣтописца. Но вопервыхъ, заключеніе свода какъ-то не вяжется съ понятіемъ о вставкѣ. Вовторыхъ, съ какой стати автору или списателю заканчивать свой трудъ именно похвалою князю Рюрику, еслибы не было для того особыхъ побужденій? Втретьихъ наконецъ, это похвальное слово не стоитъ въ лѣтописи чѣмъ-то особымъ; оно имѣетъ нѣкоторую связь и съ предыдущимъ повѣствованіемъ. Выдубецкій монастырь очевидно пользовался особымъ покровительствомъ и щедротами князя Рюрика. На тѣсную ихъ связь указываетъ то обстоятельство, что предшественникъ Моисея игуменъ Андреянъ былъ духовникомъ Рюрика и возведенъ имъ въ санъ епископа Бѣлгородскаго (Ипат. лѣт. подъ 1190 г.). Построеніе стѣны, исполненное художникомъ Милонѣгомъ, сопряженное съ большими трудностями и издержками, было только наиболѣе крупнымъ изъ благодѣяній князя Выдубецкому монастырю. По окончаніи этого дѣла князь устроилъ большой пиръ и трапезу для всей монастырской братіи и всѣхъ

одѣлилъ подарками. Если воротимся назадъ и прослѣдимъ въ Ипатьевскомъ спискѣ всѣ извѣстія о Рюрикѣ, то увидимъ, съ какимъ почтеніемъ и любовью относится лѣтопись къ этому князю. Начиная съ 1173 года, со времени его возвращенія изъ Новгорода, она тщательно отмѣчаетъ не только его дѣла, но и его семейныя событія; надѣляетъ его эпитетами „благовѣрнаго", „боголюбиваго" и „христолюбиваго". А между тѣмъ въ дѣйствительности Рюрикъ далеко не былъ такимъ добрымъ княземъ, какимъ онъ здѣсь изображается. Самъ женатый на Половчанкѣ, онъ иногда дружился съ Половцами, и въ войнахъ съ соперниками наводилъ этихъ дикарей на Русскую землю; позволялъ имъ грабить и разорять самый Кіевъ, какъ это случилось въ 1203 году. Хотя лѣтопись оканчивается 1200 годомъ, но составленіе ея вѣроятно завершено не въ этомъ году, а нѣсколько позднѣе, впрочемъ ранѣе смерти Рюрика (1215); ибо лѣтопись говоритъ о немъ какъ о живомъ лицѣ. На дальнѣйшее время указываетъ нѣкоторое забѣганіе впередъ. Напримѣръ, подъ 1198 годомъ говорится, что въ ту зиму родилась въ Вышегородѣ внучка Рюрика Евфросинья, прозваніемъ Измарагдъ, изъ Вышгорода ее отвезли къ дѣду, и она *была воспитана* въ Кіевѣ на Горахъ (т. е. въ Верхнемъ городѣ).

Обращаю вниманіе на слѣдующее мѣсто въ Похвальномъ Словѣ: „Сей же христолюбецъ Рюрикъ лѣты не многы сы, чада прижи себѣ по плоти; отъ нихъ же нѣсть время сказанію положити; по духу же паче прозябеніе въ наслѣдье ему быть". Эти довольно темныя слова можно толковать въ такомъ смыслѣ: Рюриковы дѣти по духу своему достойные наслѣдники отца; но о нихъ еще не наступило время начать сказаніе. Тутъ можетъ-быть заключается намекъ на окончаніе лѣтописи.

Итакъ весь этотъ лѣтописный сводъ не получитъ ли въ нашихъ глазахъ характеръ нѣкоторой цѣльности и нѣкотораго литературнаго построенія? такъ какъ повѣствованіе о русскихъ князьяхъ въ этомъ сводѣ начинается Рюрикомъ и кончается также Рюрикомъ. Другими словами: насколько такое совпаденіе есть дѣло простаго случая? Или: имѣемъ ли право предположить, что Выдубецкій монастырь нѣсколько поусердствовалъ своему благодѣтелю, выдвигая въ лѣтописи на передній планъ уже существовавшій домыселъ о призваніи Варяговъ, украшенный именемъ его благодѣтеля?

Это сопоставленіе начала и конца лѣтописи, а также сопоста-

вленіе двухъ игумновъ Выдубецкаго монастыря есть наша догадка. Насколько она основательна, можетъ показать болѣе точный анализъ русскихъ лѣтописей. Во всякомъ случаѣ дѣло идетъ только о редакціяхъ. Когда бы ни было оттѣнено въ лѣтописномъ сводѣ сказаніе о первомъ Рюрикѣ, въ началѣ XII вѣка или въ концѣ этого вѣка, оно одинаково останется фактомъ литературнымъ, а не историческимъ.

Что въ промежутокъ между двумя названными игумнами лѣтопись Кіевская велась также не въ Печерскомъ монастырѣ, и на это есть въ ней прямой намекъ. Подъ 1128 г. сказано: „Въ се же лѣто переяша *Печеряне* церковь св. Димитрія, и нарекоша ю Петра со *грѣхомъ великимъ и неправо*". Такъ не могъ выразиться печерскій лѣтописатель, съ чѣмъ согласенъ и г. Погодинъ (Изслѣд. и лекціи IV. стр. 44). Мы можемъ полагать, что продолжатель Сильвестра жилъ тамъ же, т. е. въ Выдубецкой обители *).

V.

Характеръ лѣтописнаго дѣла. Разногласіе лѣтописцевъ по вопросу о Варягахъ и Руси.

Повторять слова о безстрастіи нашихъ лѣтописцевъ значитъ повторять положеніе давно отвергнутое. Представленіе о лѣтописцѣ какъ о монахѣ заживо погребенномъ въ Кіевскихъ пещерахъ, это представленіе годится только для поэзіи (какъ Пименъ

*) Г. Погодинъ и самъ утверждаетъ, что послѣдняя часть Кіевской лѣтописи принадлежитъ Выдубецкому монастырю, а не Печерскому (ibid. 44). Было бы несогласно съ духомъ и обычаями древнерусскихъ монастырей предполагать, что одна и таже лѣтопись, одно и тоже дѣло, начата въ Печерскомъ монастырѣ, а окончилась въ Выдубецкомъ. Обращу еще вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Даніилъ Романовичъ въ 1245 г., отправляясь въ Золотую Орду, по словамъ Ипатьевскаго списка, при проѣздѣ черезъ Кіевъ останавливался именно въ томъ же Выдубецкомъ монастырѣ и служилъ тамъ молебенъ. Это бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на связь Волынской лѣтописи съ Кіевской по Ипатьевскому списку. Вышеуказанное совпаденіе двухъ Рюриковъ, въ началѣ и въ концѣ Кіевско-Выдубецкой лѣтописи, могло быть случайное и не имѣть особаго значенія. А сопоставленіе двухъ игуменовъ Выдубецкаго монастыря, Сильвестра и Моисея, сдѣлано еще Срезневскимъ („Древніе памятники письменности", подъ 1200 годомъ. Извѣстія Акад. Н. X. 167). Позд. пр.

Пушкина). Человѣкъ, вполнѣ отрекшійся отъ міра и углубившійся въ себя, не могъ знать того, что совершалось на пространствѣ Русской земли и слѣдить за ея разнообразными событіями. Откуда, напримѣръ, могъ онъ имѣть подъ руками такіе документальные источники какъ договоры съ Греками или договоры междукняжескіе? Эти документы хранились при княжихъ дворахъ. Кто могъ сообщать ему поученія, посланія и вообще грамоты княжескіе, подробности битвъ, дипломатическихъ сношеній, совѣтовъ князя съ дружиною, даже помыслы и побужденія того или другаго князя? Какимъ образомъ онъ могъ слѣдить за всѣми передвиженіями князей старшихъ и младшихъ съ одного стола на другой? и т. д. Ясно, что все это не могло быть писано безъ вѣдома и соизволенія самихъ князей. Самъ г. Погодинъ (Изслѣд. и лекц. IV стр. 7) указалъ на официальное значеніе лѣтописей. Но вообще эта сторона вопроса до сихъ поръ не была достаточно обслѣдована. Слово официальность конечно тутъ не должно быть понимаемо въ настоящемъ его смыслѣ. Въ наше время официальная литература почти не оставляетъ самостоятельности и свободы для редакціи. Но въ тѣ времена еще наивныхъ литературныхъ пріемовъ такой строгой дисциплины не могло быть.

Уже по самому характеру своему, имѣвшему государственное значеніе, лѣтопись не могла быть предпринята и исполнена простымъ смиреннымъ монахомъ (какимъ изображаютъ намъ Нестора), безъ благословенія игумена и вообще безъ участія монастырскихъ или церковныхъ властей. Напротивъ, по всѣмъ признакамъ, лѣтопись велъ или самъ игуменъ, или возлагалъ этотъ трудъ на кого-либо изъ братіи, наиболѣе способнаго къ такому дѣлу; причемъ конечно не оставлялъ его своимъ руководствомъ и сообщеніемъ матеріаловъ. А игумены ближнихъ монастырей, на ряду съ другими церковными властями, какъ извѣстно, были вхожи въ княжескій дворецъ, призывались иногда въ княжую думу, участвовали въ торжествахъ, посольствахъ и т. п. Нѣтъ сомнѣнія, что гражданскія лѣтописи не рѣдко велись по порученію и подъ надзоромъ самихъ князей. Что князья наши были знакомы съ лѣтописями, на это встрѣчаемъ указанія въ ихъ дѣйствіяхъ. Напримѣръ, они хорошо знали свою родословную, старые счеты съ другими княжескими родами, тѣ княжіе столы, которые занимали ихъ предки и пр.; что безъ записей трудно себѣ представить. Лѣтописное дѣло въ древней Руси, какъ и всякое книжное дѣло, конечно принадлежало духовенству, и началось оно по всей вѣ-

роятности записями при архіерейскихъ каѳедрахъ, а также записями монастырскими. А потомъ, по образцу византійскому, начались и лѣтописные своды съ гражданскимъ характеромъ. Князья необходимо должны были воспользоваться ими для своихъ и государственныхъ потребностей.

Оттого что наши лѣтописи не были дѣломъ личнымъ, а велись такъ сказать преемственно и составлялись подъ наблюденіемъ властей, оттого-то онѣ и получили такой безличный характеръ и не сохранили именъ своихъ авторовъ. До насъ дошли нѣкоторыя имена; но и тутъ мы въ затрудненіи опредѣлить долю ихъ личнаго вклада.

Итакъ мы не находимъ ничего необыкновеннаго, если лѣтописный сводъ, составленный въ концѣ XII или началѣ XIII вѣка въ Выдубецкомъ монастырѣ, былъ совершенъ игумномъ этого монастыря или подъ его руководствомъ кѣмъ-либо изъ братіи, не безъ вѣдома ихъ милостивца великаго князя кіевскаго Рюрика Ростиславича. Конечно лѣтопись велась не въ одномъ Выдубецкомъ монастырѣ. Она могла быть ведена и въ другихъ, особенно въ Печерскомъ. Но случилось такъ, что сводъ Выдубецкій получилъ болѣе офиціальное и государственное значеніе чѣмъ прочіе. Сводъ этотъ, можетъ быть, пользовался отчасти и Печерскимъ лѣтописцемъ, почему и сохранилъ такъ много подробностей о монастырѣ Печерскомъ; впрочемъ послѣдній по своему первенствующему значенію и по своимъ связямъ съ другими монастырями неизбѣжно долженъ былъ имѣть значительную долю вліянія и въ дѣлѣ лѣтописномъ. Своды и сборники лѣтописные постоянно переписывались, переходили изъ монастыря въ монастырь, изъ города въ городъ; причемъ пополнялись или сокращались, смотря по мѣстнымъ потребностямъ и условіямъ. Дѣло это велось конечно съ тѣми литературными пріемами, которые вполнѣ соотвѣтствовали времени. Строгой системы, точности въ изложеніи и списываніи, выдержанности тона и т. п. качествъ странно было бы и требовать отъ нашихъ лѣтописцевъ и списателей.

Мы нисколько не отрицаемъ, что въ старѣйшей, то-есть Сильвестровой редакціи *Повѣсти временныхъ лѣтъ* уже было извѣстіе о Варягахъ; при другихъ обстоятельствахъ это извѣстіе пожалуй и не получило бы такого виднаго значенія; а при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ составился сводъ конца XII вѣка, оно выдвинулось еще болѣе и получило видъ историческаго факта. Таково наше предположеніе.

Есть и другіе поводы думать, что легенда о Варягахъ настоящій свой видъ получила въ сводѣ не ранѣе конца XII вѣка. Во-первыхъ, какъ мы уже указывали въ первой статьѣ, ни одинъ изъ другихъ литературныхъ памятниковъ намъ извѣстныхъ и несомнѣнно принадлежащихъ эпохѣ до-Татарской, не упоминаетъ о призваніи Варяговъ и не знаетъ Норманна Рюрика какъ родоначальника русскихъ князей. Слѣдовательно эта легенда въ тѣ времена еще не была общеизвѣстною или общепринятою. Вовторыхъ, дошедшіе до насъ лѣтописные сборники представляютъ значительное разногласіе по вопросу о Варягахъ-Руси. Разногласіе это еще болѣе увеличится, если сличимъ ихъ съ показаніями польскихъ и западно-русскихъ историковъ, которые пользовались русскими лѣтописями; такъ какъ послѣ упадка Кіева лѣтописное дѣло, кромѣ сѣверной Россіи, нѣкоторое время процвѣтало и въ западной, особенно на Волыни. Мы уже указывали на Длугоша и Стрыйковскаго, которые сообщаютъ извѣстія взятыя изъ русскихъ лѣтописей. Они не знаютъ Руси, пришедшей откуда-нибудь изъ-за моря: Русь представляется имъ народомъ туземнымъ, съ незапамятныхъ временъ обитавшимъ въ южной Россіи. Они хотя упоминаютъ объ Оскольдѣ и Дирѣ, но какъ о туземныхъ кіевскихъ князьяхъ, потомкахъ Кія. Въ то время какъ Оскольдъ и Диръ, говорятъ они, владѣли южно-русскими племенами, сѣверно-русскія племена (по Длугошу, переселившіеся съ юга, потому, что тяготились господствомъ южныхъ князей) приняли къ себѣ на княженіе трехъ Варяговъ. Стрыйковскій уже знаетъ басню о Гостомыслѣ; о призваніи же Варяговъ замѣчаетъ: „Лѣтописцы русскіе не объясняютъ, кто были Варяги; но просто начинаютъ свою хронику такимъ образомъ: послаша *Русь къ Варягамъ* (замѣтьте: посылаетъ Русь къ Варягамъ, а не къ Варягамъ-Руси), говоря: приходите княжить и владѣть нами". Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что русскія хроники ведутъ родъ своихъ князей отъ колѣна римскихъ цезарей, именно отъ выходца римскаго Палемона, который съ 500 товарищей удалился на берега Балтійскаго моря въ Жмудь и Литву; „такъ ведутъ свой родъ великіе князья московскіе и настоящій Иванъ Васильевичъ". Здѣсь опять встрѣчается повѣрье о пришествіи княжескаго рода, а не цѣлаго народа Русь; мнѣніе о выходѣ изъ Литвы, какъ видимъ, началось не съ Ивана Грознаго, а существовало уже при его предшественникахъ. Свидѣтельство Стрыйковскаго подтверждается Герберштейномъ, который писалъ въ первой половинѣ XVI вѣка. Онъ также пользовался

русскими лѣтописями, приблизительно въ сводахъ XIV и XV вѣковъ; также знаетъ басню о Гостомыслѣ и также не смѣшиваетъ Русь съ Варягами. Онъ говоритъ, что Руссы прежде платили дань Казарамъ и Варягамъ; что изъ русскихъ лѣтописей онъ не могъ узнать ничего, кромѣ имени, кто были Варяги и изъ какой земли они пришли, и что по мнѣнію самихъ Русскихъ призванные ими три брата вели свое происхожденіе отъ Римлянъ. . . . . .

Длугошъ относительно происхожденія Руси замѣтилъ, что мнѣнія писателей объ этомъ предметѣ разнообразны, и что это разнообразіе „болѣе затемняетъ, чѣмъ выясняетъ истину". Герберштейнъ, Стрыйковскій и Гваньинъ поясняютъ намъ, въ чемъ именно состояли различные толки о происхожденіи имени Русь. Они приводятъ слѣдующія мнѣнія: 1) отъ Руса, то библейскаго, то брата Чеху и Леху; 2) отъ сарматскаго народа Роксаланъ; 3) отъ города Русы; 4) отъ русыхъ волосъ; 5) отъ слова разсѣяніе, почему Греки прежде называли Русскихъ *Спорами* (6-е мнѣніе приводятъ Воскресенская и Густынская лѣтописи: отъ рѣки Русы или Рось). Замѣчательно, что въ числѣ этихъ разнообразныхъ мнѣній, сообщаемыхъ западными писателями, совсѣмъ нѣтъ происхожденія имени Русь отъ пришлой Варяжской Руси. Повторяю, для насъ весьма важно, что западные писатели, имѣвшіе подъ руками русскія лѣтописи не смѣшиваютъ Русь съ Варягами; Русь у нихъ остается народомъ туземнымъ, а Варяги иноземцами, какъ по всей вѣроятности и было въ древнѣйшихъ лѣтописяхъ. *Варяговъ призываетъ сама Русь.* Басня о Палемонѣ въ пересказѣ Гваньина представляетъ яркую аналогію для нашей басни о трехъ братьяхъ Варягахъ, съ прибавленіемъ ихъ дѣда по матери Гостомысла. Палемонъ оставилъ по себѣ трехъ внуковъ, которые и наслѣдовали Литовскую землю. Они назывались Боркусъ, Куношъ и Спера. Боркусъ на берегахъ рѣки Юрги построилъ зàмокъ Юрборкъ, Куношъ заложилъ зàмокъ Куношовъ, а Спéра Вилькоміръ. Боркушъ и Спера скоро умерли; Куношъ началъ одинъ владѣть всею землею, и т. д. Развѣ все это не указываетъ на повтореніе однихъ и тѣхъ же легендарныхъ мотивовъ въ разныхъ мѣстахъ и у разныхъ народовъ? Очевидно наша легенда и литовское сказаніе суть варіанты на одну и ту же тему: происхожденіе князей отъ знатныхъ иноземныхъ выходцевъ.

Переходя къ тѣмъ лѣтописнымъ сборникамъ, которые дошли до насъ, мы видимъ, что легенда о Варягахъ-Руси совсѣмъ и не встрѣчается во всѣхъ лѣтописныхъ редакціяхъ въ томъ видѣ, въ

какомъ мы обыкновенно ее представляемъ, и тутъ мы находимъ тоже значительное разнообразіе. Степенная Книга, какъ извѣстно, выводитъ Рюрика съ братьями изъ Прусской земли и считаетъ ихъ потомками Прусса, брата Октавія Августа; она ничего не знаетъ о пришествіи Оскольда и Дира съ сѣвера. Воскресенская лѣтопись и Новый лѣтописецъ (по списку кн. Оболенскаго) сходны съ Степенною Книгой относительно происхожденія Рюрика и его братьевъ изъ рода Августа, а Никоновскій сводъ относительно Оскольда и Дира. Густынская лѣтопись также приводитъ варіантъ о посольствѣ за князьями въ Прусскую землю, во градъ Малборкъ. По русскому хронографу (второй редакціи. *Изборникъ* А. Попова 136 стр.) Русь—одинъ родъ съ Славянами—получила названіе отъ русыхъ волосъ; а Оскольдъ и Диръ были племянники Кія. Въ Псковской лѣтописи (такъ-называемой второй) Оскольдъ и Диръ являются кіевскими князьями изъ Варягъ, но пришедшими помимо Рюрика съ братьями, и даже прежде ихъ. Все это, возразятъ намъ, суть своды позднѣйшіе. Такъ, и конечно въ нихъ являются и позднѣйшіе домыслы. Однако они пользовались болѣе древними сводами, до насъ не дошедшими, и еслибы древнѣйшіе своды были согласны между собою относительно происхожденія Русскаго народа и его имени отъ Варяговъ, съ Оскольдомъ и Диромъ включительно, *тогда не могло бы явиться и такое разнообразіе мнѣній и домысловъ.* Длугошъ писалъ въ XV вѣкѣ, слѣдовательно пользовался западно-русскими лѣтописями XIII и XIV вѣковъ. Первая редакція Степенной Книги приписывается митрополиту Кипріану, слѣдовательно начало ея составленія возводится къ концу XIV вѣка; а матеріалами для него служили конечно лѣтописные сборники также не позднѣе XIII и XIV вѣковъ. То же должно замѣтить и о Псковской второй лѣтописи, составленіе которой можетъ быть отнесено приблизительно къ концу XV вѣка.

Къ сожалѣнію до насъ не дошло полное начало новогородскихъ лѣтописей, которыя безъ сомнѣнія, могли бы доставить намъ варіанты относительно легенды о призваніи Варяговъ. Отрывокъ изъ такъ-называемой Іакимовской лѣтописи хотя и есть реторическое произведеніе времени позднѣйшаго, но, по справедливому замѣчанію профессора Соловьева, „нѣтъ сомнѣнія, что составитель ея пользовался начальною Новогородскою лѣтописью“ (*Ист. Рос.* III. 140). А въ какомъ видѣ находимъ мы здѣсь легенду о призваніи? Она украшена разными подробностями, пре-

имущественно Гостомысломъ съ его тремя дочерьми и вѣщимъ сномъ (на подобіе Астіага); но замѣчательно, что въ ней не смѣшивается Русь съ Варягами, такъ же какъ у Длугоша, Герберштейна, Стрыйковскаго (Кромера, Мѣховія); въ призваніи Варяговъ участвуетъ кромѣ другихъ народовъ и *Русь*. Этотъ варіантъ получитъ еще большую важность, когда сравнимъ его съ произведеніемъ гораздо болѣе древнимъ, именно съ лѣтописцемъ патріарха царяградскаго Никифора, составленнымъ въ Новгородѣ въ концѣ XIII вѣка. Тамъ сказано: Придоша *Русь*, Чудь, Словене, Кривичи, къ *Варягамъ*, рѣша и пр. *). Отсюда несомнѣнно, что еще въ XIII вѣкѣ наши лѣтописи различали Русь отъ Варяговъ; а если въ нѣкоторыхъ редакціяхъ и началось уже смѣшеніе, то какъ новость, которая не успѣла еще распространиться и запутать, затемнить представленіе о Руси какъ о туземномъ народѣ.

Интересно, что́ скажутъ норманисты противъ этой новгородской редакціи, несомнѣнно принадлежащей XIII вѣку? Она древнѣе списковъ Ипатьевскаго и Лаврентьевскаго, изъ которыхъ первый относится къ XV вѣку, а второй съ натяжками къ концу XIV (ибо нѣтъ доказательствъ, чтобы Лаврентьевскій сводъ дошелъ до насъ въ рукописи самого Лаврентія). Эта редакція какъ нельзя лучше подтверждаетъ, что въ тѣхъ древнихъ лѣтописяхъ, которыми пользовались Іакимовскій отрывокъ, Длугошъ, Стрыйковскій и Герберштейнъ, Русь не смѣшивалась съ Варягами и изображалась народомъ туземнымъ, а не пришлымъ. А въ этомъ то и весь корень вопроса? Какъ только отдѣлимъ Русь отъ Варяговъ, то вся система норманистовъ превращается въ прахъ. Одно что остается имъ—это производить, если не цѣлый народъ Русь, то по крайней мѣрѣ княжескій родъ и его ближнихъ отъ пришлыхъ Варяговъ и изъ народнаго сдѣлать вопросъ династическимъ **). Нѣтъ сомнѣнія, что въ такомъ именно видѣ и существовала легенда о призваніи Варяговъ въ древнѣйшихъ редакціяхъ; а смѣшеніе Руси съ Варягами произошло конечно позднѣе. Тогда легенда эта не покажется такою нелѣпою, какою

*) См. П. С. Р. Л. I. 251. А самая рукопись, въ которой заключается этотъ лѣтописецъ, хранится въ Москов. Синодальн. библіотекѣ; если не ошибаемся, въ настоящее время подъ № 132.

**) То-есть предположить у Кривичей, Мери и Чуди IX вѣка приблизительно такія же развитыя формы государственнаго быта и между-народной политики, какія существуютъ въ Европѣ въ наше время, предположить нѣчто въ родѣ федеративнаго парламента.

она явилась въ послѣдствіи, когда списатели и сокращатели отождествили самую Русь съ Варягами и сочинили такимъ образомъ небывалое племя Варягоруссовъ, а Славянъ заставили призывать къ себѣ для господства цѣлый чуждый народъ *). Но и въ этой усѣченной, то-есть дружинно-династической формѣ норманизмъ едвали можетъ найти себѣ спасеніе; ибо онъ тотчасъ натолкнется на слова Олегова договора: „Мы отъ рода русскаго“ и на другія препятствія. Если взять въ расчетъ извѣстіе объ Оскольдѣ и Дирѣ какъ о туземныхъ князьяхъ—что́ также, безъ сомнѣнія, существовало въ древнѣйшихъ лѣтописныхъ редакціяхъ,—то опять-таки норманская система должна разбиться; такъ какъ на Югѣ окажется Русь прежде призванія Варяговъ. Слѣдовательно и на эту уступку (начало которой было уже сдѣлано Шлёцеромъ) норманизму также нельзя согласиться. Чтобы спасти себя, повторяю, ему необходимо отстаивать легенду въ полномъ ея составѣ и въ томъ видѣ, въ которомъ, при помощи недоразумѣній, выработало ее досужество нашихъ старинныхъ книжниковъ, то-есть съ небывалымъ народомъ Варягоруссовъ, съ невозможною хронологіей, Оскольдомъ и Диромъ, и пр.—отстаивать во что́ бы то ни стало, хотя бы съ явнымъ пожертвованіемъ здраваго смысла.

VI.

Филологія норманистовъ. Имена князей.

Но что́ за дѣло до противорѣчія съ исторіей, до легендарности сказанія, до искаженія и разногласія русскихъ лѣтописей? У норманистовъ остается еще цѣлое поле, для своей защиты. Это филологія. Въ виду ненадежности всякой другой поддержки, нѣкоторые изъ норманистовъ уже высказали мысль: якобы во-

*) Эта путаница отразилась и въ тѣхъ этнографическихъ умствованіяхъ, которыми начинаются наши своды; тамъ Русь то упоминается отдѣльно отъ Варягъ, то связывается съ ними. Къ довершенію запутанности укажемъ на то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ сводахъ (Софійскомъ, Воскресенскомъ и Тверскомъ) первобытными насельниками или обитателями названы въ Новгородѣ Славяне, а въ Кіевѣ Варяги. Такимъ образомъ рядомъ съ пришествіемъ въ Новгородъ Варяговъ то изъ Прусской земли, то изъ Нѣмецъ, можно поставить еще пришествіе ихъ изъ Кіева.

просъ о происхожденіи Руси есть вопросъ не историческій, а филологическій. Какъ будто исторія можетъ расходиться съ филологіей. Мы думаемъ, что тамъ, гдѣ филологическіе выводы противорѣчатъ историческимъ обстоятельствамъ, виновата не наука филологіи, а тѣ филологи, которые прибѣгаютъ къ натяжкамъ на заданную тему. Если выходитъ несогласіе съ исторіей, значитъ филологическіе пріемы были не научны, изслѣдованія произведены не точно, данныя осмотрѣны односторонне: а потому и выводы не вѣрны.

Въ прошлой статьѣ мы уже касались филологіи норманистовъ. Взглянемъ на нее еще разъ.

М. П. Погодинъ въ „Исторіи до Монгольскаго ига" и въ возраженіи на нашу статью повторяетъ свое старое мнѣніе о скандинавскомъ происхожденіи многихъ чисто-русскихъ словъ, каковы: бояре, гриди, гости, смерды, люди, верви, дума, вира, скотъ, гривна и пр. Корни этихъ словъ могутъ быть объясняемы только въ связи съ индо-европейскими корнями; но исконная принадлежность ихъ русскому и вообще славянскому языку давнымъ-давно утверждена. Странно, какимъ образомъ, напримѣръ послѣ книги г. Срезневскаго *Мысли объ исторіи русскаго языка*, гдѣ принадлежность славянству подобныхъ словъ столь ясно указана, какимъ образомъ, говоримъ мы, нашъ мастистый писатель продолжаетъ повторять все то же мнѣніе о принесеніи этихъ словъ изъ Скандинавіи. Кромѣ книги г. Срезневскаго укажемъ еще на книгу г. Буслаева: о *Вліяніи христіанства на славянскій языкъ*. Не обращая вниманія на успѣхи русской филологіи, крайній норманизмъ все еще остается при филологическихъ воззрѣніяхъ Сабинина, Греча, Буткова и т. п. Г. Буслаевъ, руководясь вполнѣ научными пріемами, нашелъ возможнымъ признать готскій переводъ Библіи Ульфилы „важнѣйшимъ источникомъ для языка славянскаго", и положеніе это подтвердилъ ясными примѣрами. Въ первой половинѣ среднихъ вѣковъ языки эти были еще такъ близки, что многія слова оставались равно понятны и Готамъ, и Славянамъ. А потому нѣтъ ничего удивительнаго, если въ лексиконѣ сѣверно-германскихъ нарѣчій не только въ X вѣкѣ, но и позднѣе можно найти еще много общаго съ лексикономъ славянскимъ. Не говоря даже о родствѣ корней, вообще отдѣльно взятыя названія суть довольно шаткое мѣрило для опредѣленія ихъ принадлежности тому или другому племени. Какъ нѣтъ простыхъ, несложныхъ историческихъ націй, такъ

нѣтъ и простыхъ, безъ всякихъ примѣсей, языковъ (особенно въ лексическомъ отношеніи). Если судить по лексикону, то англійскій языкъ долженъ быть отнесенъ къ романской группѣ; однако его относятъ къ языкамъ германской группы, на основаніи грамматики. Итакъ не лексиконъ, а грамматика служитъ болѣе точнымъ мѣриломъ при рѣшеніи вопроса о языкахъ. Настоящій англійскій языкъ сложился сравнительно во времена позднія; между тѣмъ какъ происхожденіе русскаго языка относится ко временамъ до-историческимъ. Тѣмъ не менѣе норманисты находятъ возможнымъ продолжать свои скандинавскія производства славяно-русскихъ словъ. Въ отношеніи къ противникамъ они любятъ повторять пущенное въ ходъ Шлёцеромъ выраженіе о филологической дыбѣ; а между тѣмъ никто болѣе ихъ не вымучиваетъ такъ иноземныя формы изъ русскихъ словъ.

Умѣренные норманисты не трактуютъ о мнимой норманской стихіи въ русскомъ языкѣ; но они стоятъ за собственныя имена князей и дружины и за якобы скандинавскія названія Днѣпровскихъ пороговъ. Относительно личныхъ именъ мы уже указывали на несостоятельность ихъ мнѣнія. И опять повторяемъ: что же изъ того слѣдуетъ, что то или другое имя (впрочемъ рѣдко въ томъ же видѣ, а большею частію въ подобіи) можно встрѣтить и въ скандинавскихъ памятникахъ? Слѣдуетъ только тотъ выводъ, что многія имена были общими у восточно-славянской и восточно-германской вѣтви. Они подтверждаютъ стародавнее родство самихъ народовъ и ихъ долгое сожительство въ южной Россіи, откуда Скандинавы вынесли многія черты, долго потомъ напоминавшія объ этихъ родственныхъ связяхъ еще Готской эпохи.

Возьмемъ первыя имена нашихъ князей:

Рюрикъ. О Рюрикѣ пришедшемъ изъ Скандинавіи мы не говоримъ, ибо онъ не историческое лицо, а легендарное; слѣдовательно имя его относится къ тому времени, когда составилась легенда. Историческихъ Рюриковъ извѣстно по лѣтописямъ только два: одинъ Рюрикъ Ростиславичъ во второй половинѣ XI вѣка, а другой Рюрикъ Ростиславичъ во второй половинѣ XII вѣка. Слѣдовательно имя это встрѣчается довольно поздно между русскими князьями, когда, по мнѣнію норманистовъ, они уже сдѣлались вполнѣ Славянами, и мы не видимъ никакой надобности признавать его *исключительно* скандинавскимъ на томъ основаніи, что въ скандинавскихъ сагахъ встрѣчается Рёрекъ (Грёрекуръ). Въ первой статьѣ мы сдѣлали предположеніе о связи

8*

этого имени съ именемъ одного изъ Олеговыхъ пословъ, Рюара (съ его варіантами Рюяръ, по Воскресен. лѣтописи, и Руря, по Густын.). Притомъ русское имя Рюрика совсѣмъ не стоитъ одиноко въ славянскомъ мірѣ, на что было указано г. Гедеоновымъ. Такъ: Рерихъ и Реригъ встрѣчаются въ числѣ именъ древнихъ чешскихъ родовъ; славянское племя Бодричей называло себя иначе Perегами (т.-е. соколами); у нихъ былъ также и городъ Рерикъ (Мекленбургъ); одинъ изъ притоковъ Одера назывался по-славянски Рерикъ; въ числѣ поморскихъ князей въ началѣ IX вѣка былъ князь Perекъ. Тотъ же корень *ру* встрѣчается въ названіи славянскаго народа *Руяне* и въ имени славянскаго божества *Руевитъ*.

Обратимъ собственно вниманіе на имена двухъ первыхъ князей, несомнѣнно существовавшихъ, т. е. Олега и Игоря. *Олегъ* и женское *Ольга* будто бы суть ничто иное какъ норманскіе Hölgi и Hölga; что есть сокращенное миѳологическое имя Halogi, означающее *высокое пламя* (Die Berufung der Schwedischen Rodsen— Куника); по другому мнѣнію, это имя происходитъ отъ heilig, святой. Вообще норманисты не только русскія имена дѣлаютъ исключительно германскими, но и подыскиваютъ имъ значеніе изъ нѣмецкаго языка. При этомъ иногда дѣло не обходится безъ того, чтобъ ученые, на основаніи созвучій, не впадали въ ту систему осмысленія, о которой мы говорили въ прошлой статьѣ. Эта система довольно соблазнительна, и, благодаря ей, многія хотя и сомнительныя толкованія сдѣлались какъ бы общимъ мѣстомъ, въ родѣ Полянъ отъ полей, Нѣмецъ отъ нѣмой (стало-быть рѣка Нѣманъ тоже отъ нѣмой) и т. п. Многія собственныя имена народныя, географическія и личныя, хотя и дѣлаются неотъемлемою принадлежностью извѣстнаго языка, однако, чтобы добраться до ихъ значенія, надобно восходить къ общимъ индоевропейскимъ корнямъ, и все-таки часто остаться только при гадательномъ предположеніи. Собственныя имена Русь или Рось, Донъ или Дунай, Туръ или Тавръ и пр. развѣ могутъ быть объяснены только изъ русскаго языка или изъ какого-либо другаго намъ современнаго? Объ Олегѣ и Ольгѣ мы можемъ сказать, что они были въ числѣ самыхъ любимыхъ именъ у нашихъ предковъ. Олегъ встрѣчается до XIV вѣка включительно; а Ольга перешла и въ христіанскую ономантологію *). Въ лѣтописяхъ можно

*) Другая ея форма, судя по Константину Багрянородному, была Ельга. Пе-

встрѣтить это имя и съ начальною *в*, т. е. Волга вмѣсто Ольга (Лавр. 24 и 27), Вольговичъ вмѣсто Ольговичъ (Ипат. подъ 1196). Форма Вольга употреблялась у насъ и въ мужскомъ значеніи; напомнимъ извѣстнаго Вольгу, богатыря нашихъ былинъ. Чуждое имя никогда не могло получить такую популярность въ народѣ. Никогда не могло оно распространиться и на имена рѣкъ, которыя вмѣстѣ съ личными именами по большей части ведутъ свое начало отъ временъ миѳологическихъ. Названіе главной русской рѣки Волга несомнѣнно есть то же самое имя. Вообще въ языческую эпоху народныя и личныя имена мы постоянно находимъ въ тѣсной связи съ географическими именами и преимущественно съ названіями рѣкъ. Напримѣръ, Дунай является богатырскимъ именемъ въ нашихъ былинахъ; то же имя мы встрѣчаемъ и въ числѣ волынскихъ бояръ въ XIII вѣкѣ. Кромѣ извѣстной Волги есть еще рѣка Вольга во Владимірской губерніи. Рѣка Олегъ упоминается лѣтописью (Ипат.) подъ 1251 годомъ, въ походѣ Даніила Романовича на Ятвяговъ. А первая половина имени литовскихъ князей Ольгердъ и Ольгимунтъ развѣ не есть тотъ же Ольгъ или Олегъ? Литовское племя, какъ извѣстно, находилось въ болѣе близкомъ родствѣ съ Славянскимъ, чѣмъ съ Германскимъ. У другихъ Славянъ, именно у древнихъ Чеховъ, тоже встрѣчаются: Olek, Oleg и Olha. Итакъ, если это имя и было гдѣ туземнымъ, то очевидно у насъ несравненно болѣе, чѣмъ въ Скандинавіи.

Игорь (у Константина Багрянороднаго Ингорь, у Ліутпранда Ингеръ) будто бы тоже *исключительно* скандинавское, хотя у Скандинавовъ не видимъ ни единаго Игоря; тамъ встрѣчаются Ингваръ, Игваръ, династія Инглинговъ и т. п. Но еще Эверсъ остроумно замѣтилъ: бабка Василія Македонскаго, по сказанію Византійцевъ, была дочь благороднаго Ингера; неужели и этотъ Ингеръ былъ тоже Скандинавъ? Норманисты говорятъ, что корень въ этомъ имени есть *иг* или *инг*, который будто принадлежитъ только германскимъ языкамъ. Но такое положеніе очевидно невѣрно: напримѣръ названіе рѣки Ингулъ (видоизмѣненіе

реходъ начальнаго е въ о и обратно былъ у Славянъ обычнымъ; напр: озеро—езеро, ерелъ—орелъ, елень—олень, Волосъ—Велесъ и т. п.

Но е вмѣсто о есть принадлежность собственно Славяноболгарскаго языка: слѣдовательно Ельга подтверждаетъ, что Константинъ въ своемъ извѣстіи о Руси вѣроятно пользовался болгарскими переводчиками. (Это соображеніе имѣетъ значеніе и при объясненіи его извѣстія о порогахъ). Позд. прим.

Унголъ или Уголъ) развѣ это нѣмецкое, а не славянское названіе? Тотъ же корень *иг* или *инг* встрѣчается въ сложномъ русскомъ имени Иггивлдъ (въ договорѣ Игоря) и въ имени хорутанскаго князя Инго, начала IX вѣка. Г. Гедеоновъ справедливо замѣтилъ, что то же имя съ приставкою *славъ*, то-есть Ингославъ, перешло въ Ижославъ или Ижеславъ (на что указываетъ городъ Ижеславецъ) и оттуда въ Изяславъ. Что это заключеніе вѣрно, доказательствомъ тому служитъ названіе города въ Угорской Руси Унгваръ, которое перешло въ Ужгородъ. (*Варъ*-городъ, а *Унгъ*, названіе рѣки, при которой онъ лежитъ). Подобно Олегу, Игорь и Ингваръ были любимыми русскими именами; притомъ первое изъ нихъ въ лѣтописяхъ встрѣчаемъ гораздо прежде втораго *).

---

*) Игоремъ можно отчасти объяснить и ту популярность, какую пріобрѣлъ у насъ Св. Георгій. Это послѣднее имя выговаривается Егорій или просто Егоръ. Мы думаемъ, что на такое превращеніе повліяло созвучіе его съ прежнимъ Игоремъ. Какъ извѣстно, принятыя нами христіанскія имена народъ въ живомъ говорѣ передѣлываетъ по-своему. Такъ, вмѣсто Евдокіи явилась Авдотья, вмѣсто Николая Микола (по мѣткому заключенію П. И. Мельникова напоминающій крестьянскаго героя Микулу Селяниновича), и т. п. Кромѣ фонетическихъ вліяній въ этихъ превращеніяхъ участвовали и старыя, привычныя имена, и филологія при обсужденіи упомянутыхъ переходовъ никоимъ образомъ не должна упускать изъ виду эту черту, которая, конечно встрѣчается и у другихъ народовъ. На нее указалъ и свящ. Морошкинъ въ своемъ Славянскомъ Имесловѣ (96 стр.). Мимоходомъ замѣчу, что Игорь, герой слова о Полку Игоревѣ, въ крещеніи былъ названъ Георгій. Тоже имя носилъ Игорь Ольговичъ, судя по одному синодику (Историко-Статист. описаніи Черниговъ. епархіи. кн. V, стр. 36).

Какъ имя Олега находится въ связи съ названіемъ нашей главной рѣки, такъ и слова Ингоръ и Унгоръ можно поставить въ связь съ названіемъ народа Угровъ. Это названіе дано ему Русскими Славянами; оно конечно писалось прежде черезъ юсъ и выговаривалось Унгры; откуда съ приставкою в получились Вунгры или Венгры. О распространенности этого названія по сосѣдству съ славянскимъ міромъ свидѣтельствуетъ и другое финское племя, Ингры, которое у Русскихъ перешло въ Ижору (какъ Ингославъ въ Ижославъ), обозначающее названіе и рѣки и племени. Другая форма этого названія слѣдовательно будетъ Угра, и дѣйствительно въ Россіи есть нѣсколько рѣкъ съ этимъ названіемъ. Оно указываетъ на связь имени народа Угорскаго съ именами рѣкъ. Наша южная рѣка Унголъ или Ингулъ при извѣстномъ переходѣ р въ л и обратно предполагаетъ другую форму, Унгоръ или Ингоръ (какъ Сура и Сула, Тура и Тула и пр.), а извѣстно, что Дунайскіе Угры вышли изъ южной Россіи. На сѣверо-востокѣ Россіи также обиталъ финскій народъ Югра или Угра, но и тамъ также были рѣки съ названіями: Угра (притокъ Печеры), Угла и Югъ или Угъ, что конечно сокращено изъ Углъ. Такимъ образомъ названіе

Для насъ достаточно указать на туземство и славянство именъ Олега и Игоря, какъ первыхъ историческихъ князей нашихъ. Мнѣніе объ ихъ скандинавскомъ происхожденіи было плодомъ недоразумѣній и малаго знакомства съ славянскимъ міромъ; настаивать на этомъ происхожденіи въ настоящее время можетъ только крайній, ничему невнимающій норманизмъ. Что касается до Оскольда, мы можемъ не останавливаться серьозно надъ этимъ именемъ; ибо не имѣемъ достаточно причинъ считать его лицомъ историческимъ, какъ и Рюрика, пришедшаго изъ Скандинавіи. Хотя г. Погодинъ и не согласенъ съ тѣмъ, потому что лѣтопись указываетъ на могилы Оскольда и Дира, но для насъ это нисколько не убѣдительно. Мы думаемъ, что эти-то могилы и подали вѣроятно поводъ сложить миѳъ о двухъ кіевскихъ князьяхъ и связать ихъ имя съ византійскимъ извѣстіемъ о походѣ Руссовъ на Константинополь въ 865 году (миѳическій Кій тоже ходилъ въ Константинополь); а въ дальнѣйшемъ домыслѣ книжниковъ легенда связала ихъ съ Рюрикомъ. Извѣстно, что легенды народныя особенно легко возникаютъ около могильныхъ и другихъ кургановъ. Напримѣръ, около Галича была Галичина могила, и преданіе связывало съ ней основаніе города; около Кракова была могила его миѳическаго основателя князя Крока и т. п. Если можно съ чѣмъ сблизить имя Оскольда или Осколода, то ужь никакъ не со скандинавскими *Хескульдъ и Аскель*, а просто съ нашею южно-русскою рѣкой Осколъ. А что́ такое имя Осколъ? Мы позволяемъ себѣ заподозрить въ немъ слово *соколъ*. Извѣстно, что между русскими рѣками нерѣдко встрѣчаются имена птицъ и животныхъ (Лыбедь или Лебедь, Орелъ, Ворона Медвѣдица и пр.). Соколъ легко могъ перейти въ Осколъ или наоборотъ; примѣры подобной перестановки у насъ многочисленны *).

Угры или Угричи одного происхожденія съ именемъ нашихъ Угличей. Итакъ, ясно, что имя Игоря было туземное, и отнюдь не пришло къ намъ изъ Скандинавіи.

*) По этому поводу укажу на слова Ильмень и Лиманъ; у насъ послѣднее слово производили изъ греческаго языка, а первое относили, кажется, къ финскому. Между тѣмъ здѣсь только разное произношеніе одного и того же слова. Днѣпровскій лиманъ въ Книгѣ Большаго Чертежа называется Ильмень. Въ географическомъ атласѣ амстердамскаго изданія XVII вѣка (Gergardi Mercatoris) этотъ Лиманъ названъ Ilmien lacus. Слово Осколъ можно встрѣтить и въ названіи другихъ рѣкъ. Ворскла въ лѣтописи называется Воръсколъ и Върosколъ, а самый Осколъ встрѣчается въ формѣ Въсколъ (Ипат., подъ 1170). Сюда же мы относимъ Яцольду, предполагая въ ней древнюю форму

Въ лѣтописи намъ извѣстенъ *Асмудъ*, пѣстунъ Святослава. Но уже въ исторіи V вѣка мы встрѣчаемъ у византійскаго писателя Өеофилакта греческаго военачальника *Ансимута*, который былъ очевидно варварскаго происхожденія. У него же встрѣчаемъ другаго военачальника *Гудысъ*, котораго имя конечно тождественно съ *Гуды* Олегова договора. А варвары, служившіе въ Византіи въ VI вѣкѣ, были по преимуществу славянской народности, подобно самимъ императорамъ Юстину I и Юстиніану I. *Акуну* Игорева договора соотвѣтствуетъ славянскій князь VIII вѣка *Ака*-міръ (Mem. Pop. II. 83). Точно также имени русскаго князя *Ута* въ этомъ доворѣ (Мутуръ, посолъ *Утинъ)* соотвѣтствуетъ одинъ изъ гуннскихъ вождей *Уто*, по Іорнанду. Древнія русскія имена Борисъ и Глѣбъ встрѣчались и у Болгаръ. *Труанъ* Олегова договора есть конечно тоже, что древнеболгарское имя *Троянъ*.

Договоры Олега и Игоря, по нашему мнѣнію, сохранили намъ интересный сборникъ древнѣйшихъ русскихъ именъ—отрывокъ изъ славяно-русской ономастики того времени, когда она еще довольно близко стояла къ ономастикѣ нѣмецкой. А по мнѣнію норманистовъ, это большею частію чисто-норманскія имена, принесенныя прямо изъ Скандинавіи. Но нѣкоторыя изъ этихъ именъ встрѣчаются по лѣтописямъ между чисто-русскими людьми въ XI, XII и XIII вв. (когда, по мнѣнію самихъ норманистовъ, Русь вполнѣ ославянилась). Напримѣръ: Бернъ, Иворъ, Тудко, Борко, Улѣбъ, Акунъ или Якунъ, Алданъ или Олданъ, Тудоръ и др. Гуна или Гуня (въ словахъ Гунаревъ и Гунастръ) встрѣчается даже въ XVII вѣкѣ, въ лицѣ извѣстнаго товарища гетмана Остраницы. Кромѣ того это имя есть у Сербовъ и Болгаръ. (Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи Гуня означаетъ часть одежды, или рубаху или родъ кафтана). Даже *Карлы* норманисты не въ состояніи присвоить исключительно Нѣмцамъ. Кромѣ доводовъ, приведенныхъ нами въ первой статьѣ, укажу на половецкаго хана Ко-

---

Аскольда и даже просто Аскольдъ; примѣръ Ворсклы показываетъ намъ, что съ теченіемъ времени мужеское названіе способно переходить въ женское. До какой степени видоизмѣнялось иногда одно и то же названіе въ разныя времена или по разнымъ мѣстностямъ, свидѣтельствуетъ рѣка Альта. Это имя встрѣчается въ слѣдующихъ видахъ: Льто, Альта, Олюта, Лютая, Лтава, Влтава и пр.

Любопытно, что въ Карпатахъ, издавна занятыхъ Русскимъ племенемъ, мы встрѣчаемъ иногда такія названія рѣкъ, какъ Альта, Унгъ (Югъ) и Ясольда. (Шараневича „Географич. обзоръ Карпатскихъ путей“). Позд. прим.

бяка *Карлыевича* (Ипат. подъ 1183). Извѣстно, что половецкіе ханы роднились съ Русскими и нерѣдко носили ихъ имена; слѣдовательно имя Карлы существовало у насъ еще въ XII вѣкѣ. Что это имя не было чуждо славянскому языку, доказываютъ производныя отъ него не только у насъ (карло, карликъ и карлица), но и у Сербовъ, у которыхъ *карлица* значитъ корыто и есть глаголъ *кармисати*—часто входить и выходить. Значительная часть изъ именъ приведенныхъ въ договорахъ встрѣчается въ славянскихъ и русскихъ названіяхъ рѣкъ и урочищъ; напримѣръ: города Берно, Утинъ; рѣки Свирь, Стырь, Слуда, Кара и пр. *Слуды* еще имѣетъ значеніе утесовъ (см. Буслаева въ Рус. Вѣст. 1873 № I); городище Турданъ на р. Колокша, села Турдіево и Турдіевы вра́ги (гр. Уварова „Меря" въ Трудахъ Перваго Археол. Съѣзда. 673 и 683 стр.). Нѣкоторыя изъ этихъ именъ встрѣчаются у Литовцевъ или могутъ быть объясняемы съ помощью литовскаго языка, на что́ уже указывалъ г. Костомаровъ, и что́ весьма естественно, по близости литовскаго языка къ славянскому, особенно въ тѣ отдаленныя времена. Норманисты однако продолжаютъ свои скандинавскія словопроизводства; причемъ пользуются конечно родствомъ корней въ славянскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и дѣйствительно существовавшею общностію нѣкоторыхъ именъ. А гдѣ недостаетъ этихъ средствъ, тамъ прибѣгаютъ ко всевозможнымъ натяжкамъ. Благодаря такимъ пріемамъ, почти всѣ имена, взятыя изъ первыхъ двухъ вѣковъ нашей исторіи, оказываются скандинавскими, даже и такія чисто-славянскія какъ: Лютъ, Блудъ, Глѣбъ и пр.; на томъ основаніи, что у Норманновъ встрѣчаются Gliph и Glibr, Liótr и Blótr. Но почему же норманисты оставляютъ туземными имена оканчивающіяся на *славъ*? Эти имена присутствуютъ уже въ Игоревомъ договорѣ и у самихъ Норманновъ встрѣчаются имена на *славъ*. Почему оставляютъ они намъ Владиміра? Вѣдь у Скандинавовъ былъ Вальдемаръ (хотя имя перваго Вальдемара въ Даніи и объясняютъ происхожденіемъ его по матери отъ нашего Владиміра Мономаха). Всеволодъ тоже могъ бы обратиться въ Норманна, какъ Рогволодъ обратился въ Рагенвальда *).

---

*) Уже около 60 лѣтъ тому назадъ Эверсъ замѣтилъ о русскихъ именахъ въ договорахъ Олега и Игоря: „По причинѣ великихъ разнорѣчій (въ рукописяхъ) не рѣшено еще какъ они назывались собственно; ибо кто знаетъ, какое чтеніе правильнѣе: Каларъ или Карла, Фарлафа или Вархова, Велмудръ или Велмидъ, Вуефастъ или Ибуехатъ? Еслибы скандинавское происхожденіе Руссовъ было

На возраженіе норманистовъ, почему многія древне-русскія имена не встрѣчаются у другихъ Славянъ, г. Гедеоновъ справедливо замѣтилъ, что у каждаго славянскаго народа въ его миѳологіи и исторіи есть имена, которыхъ также почти нѣтъ у другихъ Славянъ. Напримѣръ у Чеховъ: Чехъ, Кленъ, Бехъ, Гериманъ, Тетва, Мунъ (а Моны Игорева договора?) и мн. др.; у Сербовъ: Жунь, Бальде, Гатальдъ, Бунь, Микъ и пр.; у Ляховъ: Попелъ, Пястъ, Крокъ, Лешко, Ванда; у Хорутанъ: Валухъ, Борутъ, Каратъ; у Хорватовъ: Клюкасъ, Мухно, Борна и пр. Замѣчательно, что и у этихъ народовъ исторія начинается также не сложными именами и не такими, которыя бы оканчивались на *славъ*, *міръ* и т. п. Бо́льшая часть упомянутыхъ именъ даже и не можетъ быть объясняема изъ славянскаго языка; отсюда, по логикѣ норманистовъ, слѣдуетъ отнести ихъ къ норманскимъ, и тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ нихъ или имъ подобныя дѣйствительно встрѣчаются у Нѣмцевъ и у Норманновъ (Попель,

доказано другими доказательствами, то слѣдовало бы признать правильнѣйшими тѣ, кои звучатъ наияснѣе по-скандинавски".

Надобно замѣтить, что розыски русскихъ именъ въ норманской исторіи и миѳологіи начались болѣе 100 лѣтъ назадъ, прямо съ предвзятою мыслію. Норманисты шли отъ того положенія, что Русь пришла изъ Скандинавіи и слѣдовательно имена ея должны быть скандинавскія. Примѣры сближеній въ началѣ были довольно отдаленные; Байеръ и Шлёцеръ, напримѣръ, въ параллель Оскольду ставили Аскеля, Олегу—Алека и пр. Въ сороковыхъ годахъ нашего столѣтія эти сближенія подвинулись нѣсколько впередъ, благодаря въ особенности трудамъ г. Куника (Die Berufung). Но и тутъ въ большинствѣ случаевъ все-таки отыскали только близкія имена, а не тождественныя: для Олега — Hölgi, Оскольда — Хёскульдъ и пр. Между тѣмъ серіозныя изысканія о русскихъ именахъ съ точки зрѣнія славянской ономастики начались недавно, по нашему мнѣнію, не ранѣе г. Гедеонова.

Не надобно упускать изъ виду и того обстоятельства, что главная и все-таки скудная жатва для норманскихъ параллелей собрана въ легендарныхъ источникахъ, каковы скандинавскія саги въ передачѣ Саксона Грамматика и Снорро Стурлезона, то-есть въ произведеніяхъ значительно позднѣйшихъ, чѣмъ эпоха договоровъ Олега и Игоря. И замѣчательно, что между извѣстными историческими именами Скандинавіи мы не находимъ соименниковъ Олегу и Игорю, и наоборотъ, наиболѣе употребляемыя историческія имена у Скандинавовъ, каковы Гаральдъ, Эрихъ, Олафъ, Эдмундъ и др., совсѣмъ не встрѣчаются въ русскихъ лѣтописяхъ. На существованіе нѣкоторыхъ общихъ именъ у Норманновъ и Славянъ до поздняго времени указываютъ и сами скандинавскія саги. Напримѣръ въ сагѣ Олава Тригвесона упоминаются дочери поморскаго князя Бурислава Гунгильда и Астрида. Тѣ же имена и въ той же сагѣ встрѣчаемъ въ Норвегіи.

Крокъ, Бьёрнъ и др.). Съ другой стороны, въ нѣмецкой и норманской исторіи немало можно найти прозваній дѣйствительно славянскаго происхожденія. Но все это указываетъ только на родство европейскихъ народовъ, на живое между ними общеніе. Мы не отрицаемъ, что въ числѣ русскихъ именъ могли быть и нѣкоторыя норманскія, принесенныя къ намъ вслѣдствіе родственныхъ и другихъ связей, и наоборотъ, тѣ же связи вліяли и на Норманновъ, къ которымъ перешли и нѣкоторыя русскія имена, что̀ поддерживало старинное сходство въ ихъ ономантологіи. Это сходство касается впрочемъ только части русскихъ именъ; другая ихъ часть отзывается восточнымъ міромъ; что̀ совершенно естественно, если обратить вниманіе на географическое положеніе Россіи, вслѣдствіе котораго Русь съ незапамятныхъ временъ вбирала въ себя и славянила разнообразные элементы. Эти прозванія съ восточнымъ оттѣнкомъ не означаютъ непремѣнно инородцевъ, и часто принадлежатъ русскимъ или славянскимъ людямъ, напримѣръ: Олбырь, Мончукъ, Уланъ, Колча, Олуй, Сънгуръ, Блусъ, Шелвъ, Рахъ (Михайловичъ), Кучебичъ (Судиміръ), ляхъ Яртакъ, Волдрисъ, Бяндюкъ (вторая половина напоминаетъ богатыря Дюка Степановича) и мн. др. Съ перваго взгляда вы скажете, что это Угры, Половцы, Литовцы и другіе инородцы, вступившіе въ службу русскихъ князей. Нѣтъ, мы имѣли до сихъ поръ слишкомъ преувеличенное представленіе о количествѣ иноплеменниковъ въ числѣ русскихъ бояръ и дружинниковъ. Конечно они были; но масса дружины все-таки оставалась чисто русскою. Укажу еще на имя Ольбегъ; съ перваго взгляда оно можетъ показаться чуждымъ Славянской народности; но этотъ Ольбегъ былъ сынъ Ратибора, извѣстнаго боярина Владиміра Мономаха. А другой сынъ этого Ратибора названъ въ лѣтописи Ѳомой. Вотъ какое разнообразіе именъ въ одной и той же семьѣ! Только антиисторическій взглядъ могъ придумать еще теорію объ основаніи Русскаго государства какими-то сбродными дружинами, слѣдовательно не имѣвшими опредѣленной національности. Гдѣ же и когда создавались такъ великія государства *).

---

*) Г. Погодинъ приводитъ слѣдующія слова Гельмольда: „Маркоманнами называются обыкновенно люди отовсюду собранные, которые населяютъ марку. Въ Славянской землѣ много марокъ, изъ которыхъ не послѣдняя наша Вагирская провинція, имѣющая мужей сильныхъ и опытныхъ въ битвахъ, какъ изъ Датчанъ, такъ и изъ Славянъ“. И затѣмъ продолжаетъ: „Чуть ли не въ этомъ мѣстѣ Гельмольда, сказалъ я еще въ 1846 году, и чуть ли не въ этомъ

Заговоривъ о восточномъ элементѣ, мы не можемъ пройти молчаніемъ попытку дать видное мѣсто въ происхожденіи Русскаго государства Угро-Хазарамъ. Попытка эта начата собственно Эвер-

---

углу Варяжскаго моря заключается ключъ къ тайнѣ происхожденія Варяговъ и Руси. Здѣсь соединяются вмѣстѣ и Славяне, и Норманны, и Вагры, и Датчане, и Варяги, и Ріустри, и Россенгау. Еслибы, кажется, одно слово сорвалось еще съ языка у Гельмольда, то все бы намъ стало ясно: но, вѣроятно, этого слова онъ не зналъ".

Какое слово тутъ подразумѣваетъ г. Погодинъ, мы не догадываемся; да едва ли догадывается и самъ почтенный авторъ. Мы видимъ здѣсь простой, не хитрый дипломатическій пріемъ со стороны норманизма: указать на отдаленную миѳическую возможность примиренія, какъ выражается далѣе г. Погодинъ, „живыхъ и мертвыхъ, покойныхъ и непокойныхъ изслѣдователей происхожденія Руси, норманистовъ и славистовъ". То, что сказано въ 1846 году, остается такимъ же парадоксомъ и въ 1872. Да и какое примиреніе разныхъ взглядовъ можно найти въ Голштиніи или Мекленбургѣ, когда вопросъ поставленъ такимъ образомъ: Русь—пришлое или туземное племя? По нашему мнѣнію, нечего и искать таинственный ключъ къ происхожденію Руси въ какомъ-либо углу Варяжскаго моря, такъ какъ Русь никогда и не приходила изъ-за этого моря, а съ незапамятныхъ временъ жила между Днѣпромъ и Азовскимъ моремъ. Народъ, который до IX вѣка включительно извѣстенъ у греко-латинскихъ писателей подъ именемъ Россъ-Аланъ, въ томъ же IX вѣкѣ у Византійцевъ и въ западныхъ хроникахъ (Бертинскихъ) является просто подъ именемъ Рось. Что тутъ таинственнаго? Но если всякую легенду или всякій наивный домыселъ лѣтописца принимать за историческій фактъ, тогда дѣйствительно происхожденіе народовъ и начало государствъ останется навсегда подъ покровомъ непроницаемаго тумана таинственности.

А объяснять происхожденіе Русскаго государства нѣмецкою маркой или украйной развѣ это согласно сколько-нибудь съ исторіей? Что же изъ того, что Датчане или Нѣмцы пользовались славянскою розныю и многихъ Славянъ употребляли противъ ихъ соплеменниковъ? И мы на своихъ украйнахъ заставляли служить намъ инородцевъ, и противъ татарскихъ ордъ употребляли служилыхъ Татаръ. Пограничная нѣмецкая марка была военная колонія, которая закрѣпляла инородную землю за Нѣмецкою націей. Свою жизнь и силу эта украйна получала изъ центра, который постоянно и неуклонно сообщалъ ей свой цвѣтъ и свой характеръ. Только по прошествіи столѣтій какая-либо марка, достаточно укрѣпившаяся, начинала нѣсколько самостоятельное существованіе (какъ Бранденбургъ), не разрывая однако живыхъ связей съ прочими частями Германіи и пользуясь ихъ поддержкой въ борьбѣ съ инородцами. Такъ было во времена средневѣковой Германской имперіи. Итакъ, есть ли историческая возможность объяснять основаніе Русскаго государства какими-то сбродными дружинами и сравнивать его съ нѣмецкою маркой? Гдѣ же былъ центръ, откуда исходило это таинственное движеніе сбродныхъ дружинъ, покрывшихъ всю Россію? Неужели въ Голштиніи? Стало-быть Русь была не какимъ-либо извѣстнымъ народомъ, а чѣмъ-то межеумочнымъ? Вотъ это-то нѣчто межеумочное и было призвано нашими предками для водворенія порядка!

сомъ, а въ наше время поддержана гг. Гедеоновымъ и Юргевичемъ. Послѣдній, какъ извѣстно, многія имена нашихъ князей и дружинниковъ объясняетъ изъ венгерскаго языка. Подобныя попытки показываютъ между прочимъ, какъ много общихъ словъ можно найти даже въ такихъ разнородныхъ языкахъ какъ славянскій и венгерскій. Это явленіе объясняется давнимъ жительствомъ Угровъ посреди Славянъ. Что въ современномъ угорскомъ языкѣ присутствуетъ сильная примѣсь славянскаго элемента, это вполнѣ доказано Миклошичемъ. Та же примѣсь конечно отразилась и въ именахъ. Угры прежде перехода въ Паннонію долго жили въ Черноморскихъ степяхъ, въ сосѣдствѣ съ русскими Славянами, и послѣ основанія Угорскаго королевства южно-русскіе князья поддерживали съ нимъ дѣятельныя сношенія и роднились съ угорскими владѣтелями. Однако любимою поговоркой нашихъ князей въ XII вѣкѣ было: „Я не Угринъ и не Ляхъ (чтобы не имѣть доли въ Русской землѣ)". До сихъ поръ мы были весьма склонны всѣ явленія своей жизни объяснять вліяніемъ то восточныхъ, то западныхъ сосѣдей, такъ что въ результатѣ Русскій народъ оказывался какою-то механическою смѣсью разныхъ элементовъ, и не видишь того ядра или того начала, которое переработало эту смѣсь въ живой организмъ. Но чѣмъ болѣе всматриваешься въ этотъ вопросъ, тѣмъ болѣе приходишь къ тому убѣжденію, что напротивъ, русскій и вообще славянскій міръ имѣлъ огромное вліяніе на другіе народы. Многое, напримѣръ, что казалось доселѣ заимствованнымъ отъ финскихъ и татарскихъ племенъ, наоборотъ, было заимствовано ими отъ Русскихъ. Мы искони имѣли несомнѣнное вліяніе на ихъ языкъ и на ихъ бытъ, хотя въ свою очередь несомнѣнно вбирали въ себя разнородные этнографическіе элементы. Провести въ настоящее время опредѣленную границу между всѣми этими взаимными вліяніями наука еще не въ состояніи. Итакъ Русскій народъ надобно считать продуктомъ разнообразныхъ этнографическихъ элементовъ, но подъ сильнымъ преобладаніемъ главнаго, т.-е. славянскаго. Это перекрещиваніе съ народами угорскими, литовскими, готскими и пр. совершалось еще во времена такъ-называемыя доисторическія, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что Русское племя является въ исторіи со многими чертами отличающими его отъ западныхъ соплеменниковъ. Въ IX и X вв., когда Русь изъ скиѳскаго и сарматскаго тумана окончательно выступаетъ на историческое поприще подъ своимъ одно-

сложнымъ народнымъ именемъ, мы находимъ въ ней своеобразный, оригинальный славянскій типъ, а не какую-либо безличную массу.

Вообще, по нашему мнѣнію, ни одинъ серьезный филологъ не можетъ безъ ущерба для своей репутаціи доказывать норманство русскихъ именъ, и при этомъ упускать изъ виду, что преданія самихъ Скандинавовъ выводятъ ихъ предковъ изъ южной Россіи.

VII.

Имена Днѣпровскихъ пороговъ.

Такъ же сильно ошибаются норманисты, считая вопросъ о Днѣпровскихъ порогахъ вопросомъ чисто филологическимъ. Безъ помощи исторіи онъ неразрѣшимъ. Еслибы мы имѣли другія несомнѣнныя доказательства тому, что Русь пришла изъ Скандинавіи, тогда только можно было бы въ русскихъ названіяхъ Константина Багрянороднаго искать скандинавскихъ звуковъ. Взятыя сами по себѣ эти имена, по выраженію г. Погодина, представляютъ только открытое поле для догадокъ. Въ прошлой статьѣ мы уже указывали на то, что съ помощью натяжекъ эти имена объясняются изъ нарѣчій скандинавскихъ, что съ помощью такихъ же натяжекъ они были объясняемы изъ языковъ литовскаго и венгерскаго и *могутъ быть объясняемы* изъ языка славянскаго. Слѣдовательно перевѣсъ должна рѣшить сумма данныхъ *историческихъ*. Эта сумма рѣшительно на сторонѣ славяно-русской, а не норманской.

Чтобы сдѣлать вопросъ о порогахъ чисто филологическимъ, норманистамъ слѣдовало доказать, что имена эти легко и *исключительно* объясняются изъ скандинавскихъ языковъ. Но такой исключительности они не доказали; а за исходный пунктъ своихъ объясненій берутъ все-таки не филологію, а исторію. Но что̀ же это за исторія? Такъ какъ, говорятъ они, несомнѣнно, что Норманны плавали изъ Балтійскаго моря въ Черное, то необходимо они должны были и дать свои названія Днѣпровскимъ порогамъ; а затѣмъ имена ихъ поднимаютъ на этимологическую дыбу (употреблю ихъ любимое выраженіе) и вымучиваютъ изъ нихъ нѣмецкіе звуки. Но ихъ исходный пунктъ совершенно лож-

ный. Вопервыхъ, еслибъ и плавали, то мы не видимъ необходимости давать свои географическія названія въ чужой землѣ; это можетъ быть, можетъ и не быть. А главное, нѣтъ ни малѣйшихъ указаній на то, чтобы Норманны въ сколько-нибудь значительномъ числѣ плавали по Днѣпру въ Византію ранѣе второй половины X вѣка, слѣдовательно и ранѣе того времени, когда писалъ Константинъ Багрянородный. Въ нашихъ лѣтописяхъ (оставивъ въ сторонѣ легенду о призванныхъ Варягахъ) первое достовѣрное извѣстіе о ихъ плаваніи въ Византію относится къ княженію Владиміра Св. Послѣ завоеванія Кіевскаго стола съ помощью Варяговъ, онъ часть ихъ отпустилъ въ Грецію. И съ этимъ извѣстіемъ поразительно согласны всѣ иноземныя свидѣтельства. По исландскимъ сагамъ, Норманны начинаютъ посѣщать Кіевъ тоже не ранѣе времени Владиміра; а о плаваніи по Днѣпровскимъ порогамъ саги совсѣмъ молчатъ; у Византійцевъ первое упоминаніе о Варягахъ относится къ XI столѣтію; у Арабовъ слово Варанкъ тоже появляется только въ XI вѣкѣ. Константинъ Багрянородный при описаніи пороговъ ничего не говоритъ о Норманнахъ или о пути изъ Балтійскаго моря; онъ прямо указываетъ на Новгородъ, какъ на самый сѣверный пунктъ, откуда Руссы начинаютъ свое путешествіе въ Византію. Мы уже замѣтили, что самое путешествіе это могло совершаться только послѣ объединенія сѣверной и южной Руси подъ властію одного княжескаго рода. Значительная часть пути шла кромѣ того не водой, а сушей по огромнымъ волокамъ, черезъ которые проѣзжали на телѣгахъ (какъ свидѣтельствуетъ договоръ Смоленска съ Ригою и Готскимъ берегомъ). Изъ расказа Константина ясно видно, что русскія суда строились зимою на притокахъ Днѣпра, а весною сплавлялись къ Кіеву. Новогородскія суда никогда и не проходили въ Днѣпръ. Вообще путешествіе это совершалось съ такими препятствіями, что по прямому свидѣтельству Адама Бременскаго, даже и въ XI вѣкѣ сѣверные Европейцы предпочитали ему морской объѣздъ въ Грецію вокругъ западной Европы. Съ этимъ свидѣтельствомъ согласуются и скандинавскія саги, расказывающія о путешествіяхъ Норманновъ въ Константинополь и Святую Землю. Изъ тѣхъ же сагъ можно заключить, что на своихъ морскихъ судахъ Скандинавы доѣзжали до Ладоги (Альдейгаборгъ), но не далѣе. (Плаваніе по Волхову противъ теченія было затруднительно по причинѣ пороговъ). Какихъ же нужно еще доказательствъ тому, что Норманны ранѣе Владиміра не плавали караванами по

Днѣпровскимъ порогамъ? О возможныхъ отдѣльныхъ случаяхъ мы не говоримъ; эти случаи не могутъ установить цѣлую систему географическихъ названій, употребленіе которыхъ вошло въ такую силу, что было извѣстно и при дворѣ Византійскомъ (гдѣ, какъ мы сказали, о Варягахъ нѣтъ и помину до XI вѣка). А чтобъ они когда-либо проходили изъ Балтики въ Днѣпръ на собственныхъ корабляхъ, о томъ не можетъ быть и рѣчи *).

Въ какомъ видѣ дошли до насъ названія пороговъ?

Въ значительно искаженномъ. Въ чемъ убѣждаетъ и сравненіе съ другими географическими названіями у Константина, также нерѣдко искаженными. И замѣчательно, что тамъ, гдѣ Константину приходится упоминать о какихъ-либо географическихъ названіяхъ два или три раза, то иногда во всѣхъ этихъ случаяхъ являются варіанты. Напримѣръ, племена, платившія дань Руси, въ одномъ мѣстѣ названы Кривитены и Ленцанины; въ другомъ Кривичи, Сервы, Вервяны, Друнгувиты; въ третьемъ Ультины, Дервленины, Ленценины. Такъ какъ имена пороговъ онъ упоминаетъ только одинъ разъ, то мы не имѣемъ никакой возможности провѣрить ихъ и установить сколько-нибудь опредѣленное чтеніе; а съ позднѣйшими именами пороговъ слова обѣихъ параллелей расходятся такъ далеко (за исключеніемъ Ненасытецкаго), что и съ этой стороны почти также нѣтъ помощи. Что имена искажены, лучше всего свидѣтельствуютъ славянскія названія: три изъ нихъ (Неясыть, Островунипрагъ и отчасти Вульнипрагъ) еще могутъ быть понятны; три другихъ (Есупи, Ге-

---

*) Пусть крайній норманизмъ, вмѣсто всѣхъ поверхностныхъ разглагольствій и голословныхъ увѣреній, попытается доказать сколько-нибудь научнымъ образомъ хотя только одно изъ своихъ положеній: что Норманны плавали по Днѣпровскимъ порогамъ ранѣе извѣстій Константина Багрянороднаго. Мы говоримъ научнымъ образомъ, т.-е. не одною только ссылкой на легендарныя извѣстія нашей лѣтописи о Варягахъ и Варягоруссахъ; ибо весь вопросъ заключается въ томъ: подтверждаются ли эти извѣстія какими-либо свидѣтельствами несомнѣнно историческими, а не баснословными?

Что Варяги не плавали далѣе Ладоги, ясное доказательство тому находимъ, напримѣръ, въ договорѣ Новгорода съ Готландомъ 1270 года. Здѣсь находится условіе о русскихъ лодочникахъ и ладьяхъ, на которыя перегружались товары, приходившіе изъ-за моря и поднимались вверхъ по Волхову. Иногда они перегружались уже на Невѣ. (См. соч. Андреевскаго, стр. 25, 80, 100). Въ Запискахъ священника Виноградова („Рус. Стар." 1878. Августъ. 561 стр.) расказано, что яхту, подаренную Александромъ I Аракчеву, тащили въ Грузино мимо Волховскихъ пороговъ, при чемъ 500 человѣкъ тянули по 60 сажень въ день по бревнамъ, смазаннымъ саломъ. Позд. прим.

ландри и Веруци) дѣлаются понятными только вслѣдствіе приложенныхъ переводовъ; а одинъ (Напрези) остается совершенно темнымъ, несмотря на греческій переводъ. Точно также одно изъ русскихъ названій (Леанти) не поддается никакому словопроизводству. Впрочемъ объ ошибкахъ Константина въ описаніи пороговъ никто не сомнѣвался даже и между норманистами. Да можно ли и требовать отъ Византійскаго императора, чтобъ онъ вѣрно описалъ пороги въ X в., когда ихъ невѣрно описалъ, напримѣръ, Бопланъ въ XVII вѣкѣ, лично ихъ видѣвшій. Итакъ данныя въ этомъ отношеніи слишкомъ неточны, чтобы дѣлать изъ нихъ точные выводы, и однако норманисты ихъ дѣлаютъ.

Вопервыхъ, они задались тѣмъ положеніемъ, что такъ-называемыя русскія названія не суть варіанты славянскихъ, а ихъ переводы, хотя Константинъ нигдѣ о томъ не говоритъ и просто предлагаетъ переводъ послѣ каждаго славянскаго названія. Во-вторыхъ, онъ называетъ русскими пять пороговъ, а норманисты прибавляютъ къ нимъ и остальные два (Есупи и Геландри). О первомъ изъ нихъ, Есупи, Константинъ говоритъ, что онъ по-русски и по-славянски значитъ „не спи". Кажется ясно, что это славянское слово или по крайней мѣрѣ славянское осмысленіе, и его однако достаточно для доказательства, что и русскія названія суть только славянскія; ибо гдѣ же въ двухъ разныхъ языкахъ можно найти двѣ тожественныя глагольныя формы, да еще такія формы, какъ повелительное наклоненіе? Однако норманисты и тутъ ухитрились: съ помощью разныхъ германскихъ нарѣчій они сочинили повелительное наклоненіе съ двойнымъ отрицаніемъ, ne suef-e (что́ будетъ значить: нѣтъ! не спи!), и пустили его въ параллель со славянскимъ глаголомъ. Не говоря уже о такой вопіющей натяжкѣ, мы думаемъ, что тутъ и самое славянское слово не вѣрно. Ибо сколько мы ни искали аналогіи въ славянорусскомъ языкѣ этому названію, однако не нашли. Укажите въ нашемъ языкѣ хотя одно географическое названіе въ повелительномъ наклоненіи и притомъ въ такомъ простомъ однословномъ видѣ. Въ лѣтописяхъ, и то не ранѣе XIII вѣка, мы находимъ нѣкоторыя прозвища, впрочемъ не топографическія, а личныя, происшедшія изъ повелительнаго наклоненія въ соединеніи съ другимъ словомъ, напримѣръ, Молибоговичи, Держикрай Володиславичъ. А для такой формы какъ Неспи рѣшительно не видимъ аналогіи и, что́ ни говорите, такое названіе совершенно не въ духѣ русскаго языка (на эту

странность уже указалъ отчасти г. Юргевичъ. Зап. Од. Об. И. и Д. VI). Отъ XVI вѣка названіе этого порога дошло до насъ въ формѣ *Будило* (Кн. Б. Чертежа). Такая форма намъ понятна и совершенно гармонируетъ съ лѣтописными Твердило, Нездило и т. п. Мы дѣлаемъ предположеніе: можетъ быть объясненіе названія или осмысленіе его Константинъ принялъ за самое названіе.

Второе имя, не имѣющее параллели, это *Геландри*. Норманисты подыскали ему близкое созвучіе въ исландскомъ языкѣ, giallandi и giallandri (звенящій). Но какъ нарочно Константинъ не говоритъ, что это названіе русское; а просто замѣчаетъ, что по-славянски оно означаетъ „шумъ порога“ (ἦχος φραγμοῦ). Во всѣхъ другихъ случаяхъ онъ русское названіе предваряетъ словомъ *по-русски*; переводъ же греческій вездѣ ставитъ вслѣдъ за славянскимъ названіемъ. На этомъ основаніи антинорманисты отчисляютъ его къ такъ-называемымъ славянскимъ названіямъ. Во всякомъ случаѣ мы имѣемъ право считать его, какъ и Есупи, названіемъ общимъ, то-есть славянорусскимъ и искать ему объясненія въ славянорусскомъ языкѣ. Уже г. Костомаровъ во время спора съ г. Погодинымъ сдѣлалъ предположеніе, не скрывается ли въ этомъ названіи корень гулъ? Мы думаемъ, что это сближеніе довольно удачное; а потому еще въ первой статьѣ предложили названіе Гуландаръ или Гуландря. Если русскому человѣку придется назвать предметъ издающій гулъ, то онъ по всей вѣроятности скажетъ или Гудило, или Гуландря *).

Относительно параллельныхъ названій норманисты, какъ сказано, задались положеніемъ, что русскія названія представляютъ

---

*) Что такая форма нисколько не чужда русскому языку, на то указываютъ и теперь еще употребляемыя слова въ родѣ: глухандарь или глухандря, слѣпандря и т. п. Эти формы—остатокъ старины—существуютъ до сихъ поръ, и вы изъ народнаго языка ихъ никакъ не изгоните, а потому предложенная мною форма возможна. Въ такомъ темномъ вопросѣ, какъ названіе пороговъ, мы по необходимости должны вращаться только въ сферѣ возможнаго, а никакъ не положительнаго. Если же иногда можно подыскать въ нѣмецкихъ языкахъ слово близкое по звуку и даже по смыслу въ родѣ giallandi, то при родствѣ индоевропейскихъ корней мы не находимъ ничего удивительнаго (притомъ это не повелительное наклоненіе). Кстати укажемъ и на другое созвучіе слову Геландри: Хиландарь, сербскій монастырь на Аѳонѣ. Для возможнаго объясненія порога Геландри укажемъ еще на глаголъ уландать, который по словарю Даля въ Олонец. губ. значитъ: выть, вопить, завывать. Послѣднее очень подходитъ къ толкованію Константина Б.: шумъ или гулъ порога.

переводъ славянскихъ, и по этому поводу прибѣгаютъ ко всевозможнымъ натяжкамъ. Русское *Улворси* стоитъ противъ славянскаго *Островунипрагъ*. Но что́, кажется, общаго между *улъ* и *островъ*? Однако они усиливаются доказать, что эти слова одно-значащія; только нужно сдѣлать маленькое измѣненіе: *ул* обратить въ *хольмъ*. Holm въ скандинавскихъ нарѣчіяхъ значитъ островъ, а fors водопадъ; слѣдовательно получимъ *holm-fors*, что и будетъ соотвѣтствовать порогу Островуну. Такое произвольное превращеніе нисколько не оправдывается тѣми соображеніями, что *хо* въ греческомъ *можетъ* обратиться въ *у*, а *м* предъ β пропасть. Мало ли что́ можетъ быть, однако не всегда бываетъ, и особенно это можно сказать о собственныхъ именахъ. Если чуждыя имена переходятъ въ народное употребленіе, то народъ болѣе или менѣе переработаетъ ихъ сообразно съ правилами своей фонетики; но образованный человѣкъ записываетъ иноземное названіе приблизительно такъ какъ его слышитъ; онъ могъ ослышаться, смѣшать иноземное слово съ своимъ, если оно близко, и наконецъ просто ошибиться; но такая искуственная передѣлка какъ *холмъ* въ *ул* невѣроятна. У Константина мы встрѣчаемъ названіе славянскаго племени Οὐλτινοι, и узнаемъ въ нихъ Угличей; но если, по примѣру норманистовъ, вмѣсто *ул* предположить *холмъ*, то получимъ Холмичи, небывалый у насъ народъ. Въ первой статьѣ своей, для объясненія Ульворси или Улборси между прочимъ мы предложили вмѣсто *ул* читать *вулн*; что́ намъ кажется ближе къ истинѣ, чѣмъ *holm*. Тогда въ греческой передачѣ здѣсь пропало только начальное *в*; а *н* пропало уже въ самомъ русскомъ выговорѣ, то-есть вмѣсто Вулнборъ говорилось Вулборъ или Вулборсъ; что согласно съ духомъ русской фонетики. (Такъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ *пѣстворецъ* вмѣсто *пѣснтворецъ*). Первоначальная полная форма его вѣроятно была Вулниборъ или Вулниборсъ. Въ такомъ случаѣ это слово надобно поставить въ параллель съ славянскимъ *Вулнипрагъ*. (А въ послѣдствіи оба они обратились въ *Вулнѣгъ*) *).

---

*) Какое чтеніе надобно предпочесть, Улворси или Улборси, мы не рѣшаемъ; въ старыхъ славяно-русскихъ названіяхъ вмѣсто боръ встрѣчается и воръ, такъ: Ракоборъ или Раковоръ; слѣдовательно можно предположить и форму Вулниворсъ. Буква с встрѣчалась у насъ въ нѣкоторыхъ словахъ, въ которыхъ послѣ пропала. (Такъ мы говоримъ теперь туръ, а прежде существовала форма турсъ). На существованіе старинной формы борсъ или борзъ, преимущественно въ примѣненіи къ быстрому теченію, можетъ указывать и прилагатель-

Подобную перестановку мы можемъ предложить на томъ основаніи, что у Константина Багрянороднаго параллель не вездѣ вѣрно проведена. Въ томъ особенно убѣждаетъ насъ русское *Струвунъ*, которое стоитъ противъ славянскаго *Напрези*; а послѣднее будто значитъ малый порогъ. Это Напрези, какъ мы сказали, остается для насъ совершенно непонятнымъ, хотя оно названо славянскимъ и представленъ его переводъ. Какъ ни усиливались норманисты Струвунъ превратить въ искусственно составленное слово Strondbun, однако они сами сознаются, что это толкованіе натянуто. По нашему мнѣнію, Струвунъ поставленъ не на мѣстѣ; вѣроятно, это не болѣе какъ другая форма Островунъ; слѣдовало сказать по-русски Струвунъ, по-славянски Островунъ-порогъ. Г. Погодинъ возражаетъ, что это просто созвучіе. Въ такомъ случаѣ Вручій и Овручъ будетъ тоже созвучіе? Итакъ не нужно сочинять никакого holmfors, когда для Островуна есть весьма близкій ему варіантъ Струвунъ *).

ное борзый (р. Борзна, лѣв. пр. Десны). А что форма Вулборзъ возможна въ славянскомъ языкѣ, то уже г. Юргевичъ указалъ на существованіе рѣки Волборза въ Мазовіи (притокъ Нарева) и на имя новгородскаго боярина XIII вѣка Вонборзова или Волборзова. Шафарикъ приводитъ древнеславянское имя Волборъ (I. 96). Въ рус. лѣтописи встрѣчается еще подъ 1169 г. имя южно-русскаго боярина Войборъ; кромѣ того въ Вологод. губ. есть рѣка Волбожъ (Шегренъ—Зыряне. 300). Норманисты говорятъ, будто русскія названія пороговъ противны славянскому языку. Вопервыхъ, нашъ настоящій выговоръ значительно удалился отъ X вѣка; вовторыхъ, эти названія искажены; а втретьихъ, если читать ихъ такъ какъ есть (не дѣлая превращеній въ родѣ ул въ холм), то они еще менѣе подходятъ къ духу нѣмецкаго языка. Напримѣръ, возьмемъ чтеніе Улборси; оно ужъ конечно будетъ напоминать не скандинавское holmfors, а скорѣе названіе кавказской горы Элбурсъ или Элбрусъ. Въ славяно-русскомъ языкѣ безъ сомнѣнія найдется болѣе восточныхъ звуковъ, чѣмъ въ сѣверно-нѣмецкомъ. Самое слово волна въ древнерус. языкѣ могло произноситься безъ в, т. е. олна или улна; корень здѣсь конечно ул, также какъ въ древнескандинавскомъ ula (готское vula). Кромѣ рѣки Улы мы имѣемъ тотъ же корень въ словахъ: улица, переулокъ, улей и т. п. Въ іотированной формѣ отсюда слово юла, юлить, означающее метаться, суетиться; что очень подходитъ къ порогу. Борсъ вѣроятно находится въ связи съ корнемъ бор, откуда борьба; а ворсъ м. б. сродни слову воротъ. Укажу еще на слово вдрозъ, которое по словарю Даля въ арханг. нарѣчіи означаетъ мелкую снѣжную пыль, ворса пушекъ, вдрохъ, ворошитъ. Слѣдовательно Улворси можетъ значить или волноворотъ или косматую, пушистую волну.

*) Древнѣйшая форма слова островъ, по всей вѣроятности была струвъ. По этому поводу укажемъ на свидѣтельство Герберштейна, что островъ, образуемый рукавомъ Оки у Переяславля Рязанскаго, назывался Струбъ (кстати, норманисты читаютъ у Константина Багрянороднаго Струбунъ вм. Струвунъ).

Противъ Вулнипрагъ у Константина стоитъ *Варуфоросъ*. Норманисты предлагаютъ сдѣлать изъ него *Барфорсъ;* такъ какъ *bar* на исландскомъ языкѣ значитъ волна (греческое β они читаютъ то *в*, то *б*, смотря по своимъ натяжкамъ, а вторую часть имени *fors* находятъ и въ Ульворси и въ Варуфоросъ. Но почему же Константинъ ихъ различилъ, еслибъ это были *holmfors* и *barfors?* Тогда какъ онъ одинаково пишетъ второе слово въ Остру-вуни-*прагъ* и Вулни-*прагъ*). Почему же греческое φορος должно непремѣнно означать скандинавское *fors?* Г. Юргевичъ указалъ на существованіе въ венгерскомъ языкѣ слова *forras*, означающаго водяной валъ. А Угры и Русскіе долго жили въ сосѣдствѣ другъ съ другомъ на берегахъ порожистыхъ рѣкъ южной Россіи, и нисколько неудивительно, если подобное слово употреблялось тѣми и другими. Наконецъ, не только близкую къ русскому *форосъ*, но и тождественную съ нимъ форму, мы можемъ указать въ греко-латинскомъ *phoros*, употреблявшемся въ смыслѣ протокъ, проливъ, бродъ и пр.; оно встрѣчается въ сложномъ имени *Bosphoros* (Бычій бродъ, Воловій переѣздъ и т. п.). Это слово особенно въ его формѣ *poros* довольно близко къ нашему *порогъ* (множ. числа *порози*). Въ русскомъ языкѣ и теперь есть довольно словъ очень близкихъ къ греческимъ; а въ IX и X вѣкахъ несомнѣнно было еще болѣе. Форма *форосъ* могла также существовать и помимо слова *порогъ* и потомъ угаснуть въ русскомъ языкѣ, какъ угасли многія старыя формы *). Итакъ форму второй половины названія оставляемъ вопросомъ; но первую, *варъ*, мы можемъ принять въ ея буквальномъ смыслѣ, то-есть, вареніе, жаръ (*варно*—жарко въ Новог. 4-й лѣт. подъ 1378 г.). Въ такомъ случаѣ Варуфоросъ означаетъ Варовой порогъ и будетъ соотвѣтствовать не Вулнипрагъ, а другому славянскому названію, также происходящему отъ врети или варити, *Веручи* или *Вручій*, который, по объясненію Константина, значитъ кипѣніе. Параллельное съ Веручи русское названіе *Леанти* Лербергъ производилъ отъ глагола landen — приставать къ берегу; а, чтобъ указать какое-нибудь соотвѣтствіе съ словомъ Вручій, дѣлаетъ догадку, что приставъ къ берегу, путники тутъ *варили* себѣ пищу! Это

А можетъ быть Струвунъ значитъ собственно „стремнистый" порогъ. Отъ корня стры равно происходитъ и струя и стремя.

*) Мимоходомъ упомянемъ, что на южномъ берегу Крыма есть скалистый мысъ Форосъ. Вѣроятно это остатокъ греческихъ названій. Но на югѣ Россіи встрѣчается притокъ Дона Форасань. Это уже не греческое названіе.

такое неестественное толкованіе, что сами норманисты не рѣшаются его повторять. Леанти до сихъ поръ необъяснимъ ни изъ какого языка, и по всей вѣроятности не имѣетъ никакого отношенія къ слову Веручи.

Четвертый порогъ Константинъ Багрянородный называетъ по-русски *Эйфаръ* или *Айфаръ* (Αειφαρ), по-славянски *Неясыть* и переводитъ послѣднее птицею пеликанъ. Въ славянской Библіи пеликанъ дѣйствительно переводится словомъ неясыть. Но что̀ такое Айфаръ? Лербергъ видѣлъ въ немъ исландское прилагательное *aefr*—горячій. Но это толкованіе слишкомъ неудовлетворительно, и въ послѣдствіи отвергнуто норманистами. Въ скандинавскихъ нарѣчіяхъ нѣтъ слова айфаръ; да Скандинавы и не знали пеликановъ, потому что эта птица у нихъ не водится. Но за то въ голландскомъ языкѣ нашлось слово ôievâr, которое произносится ujefar (аистъ). На немъ норманисты остановились, и въ подкрѣпленіе своего положенія приводятъ еще то обстоятельство, что Петръ Великій далъ одному изъ кораблей, построенныхъ въ Воронежѣ, названіе *Айфаръ* или *Ойфаръ*. Замѣтьте, какая комбинація. Норманны пеликановъ не знали, названія для нихъ не имѣли; однако надобно же имъ было какъ-нибудь перевести славянское неясыть, и вотъ они заимствуютъ у Фризовъ слово, означающее аиста. Между тѣмъ г. Костомаровъ по поводу этого названія указалъ въ литовскомъ языкѣ слово *Ajtwaros*, означающее какую-то морскую или водяную птицу. А по указанію Нарбута, то же имя встрѣчается въ литовской миѳологіи. Литовскій языкъ близокъ къ славянскому и сохраняетъ многія слова, вышедшія изъ употребленія въ послѣднемъ. Теперь у насъ не слышно слово айфаръ; но это не доказываетъ, что его никогда и не было. Одна поэма о Полку Игоревѣ сколько представляетъ славяно-русскихъ словъ, вышедшихъ потомъ изъ употребленія! Тамъ есть и такія, которыя не встрѣчаются ни въ какомъ другомъ памятникѣ (напр. *карна* и *шерешпры*). А между тѣмъ эта поэма на два съ половиною вѣка ближе къ намъ, чѣмъ извѣстіе Константина *).

---

*) Въ какомъ-либо углу Россіи или въ какомъ-нибудь письменномъ памятникѣ можетъ быть современемъ и отыщется слово айфаръ, если не въ томъ же видѣ, то въ измѣненномъ. А пока будемъ довольствоваться литовскимъ ajtwaros; норманизмъ оставался при одномъ прилагательномъ aefr, пока въ голландскомъ языкѣ не отыскалось подходящее названіе. При извѣстномъ переходѣ р въ л, не имѣетъ ли сюда отношенія встрѣчающееся въ лѣтописяхъ имя или прозваніе ново-

Подведемъ итогъ нашимъ соображеніямъ о русскихъ названіяхъ Днѣпровскихъ пороговъ.

городскаго боярина Айфала или Анфала въ XIV вѣкѣ? Вѣроятно видоизмѣненіемъ этого имени является и Афаилъ, одинъ изъ устюжскихъ князей (Труды Об. И. и Д. ч. III кн. I). Въ одномъ древнемъ календарѣ св. Неѳанъ=Анфалъ=Айфалъ (Срезневскаго въ Христ. Древности. 1863. кн. 6, прим. на стр. 20). Вѣроятно это русское имя по созвучію употреблялось вмѣсто греческаго Неѳанъ.

Въ Жур. Мин. Нар. Пр. 1872, апрѣль, Я. К. Гротъ помѣстилъ филологическую замѣтку о словахъ Аистъ и Айфаръ (направленную въ защиту норманизма, противъ моей статьи О мнимомъ призваніи Варяговъ). При всемъ нашемъ уваженіи къ издателю и біографу Державина, мы не согласны съ его филологическими выводами. Въ основу своего мнѣнія авторъ кладетъ ту же предвзятую идею: „Что Норманны ѣздили по Днѣпру въ Царьградъ—говоритъ онъ,—остается неопровержимымъ фактомъ; а въ такомъ случаѣ естественно было именовать пороги по своему, переводя туземныя названія на родной языкъ". Выше мы указали всю несостоятельность этой предвзятой идеи; но почти то же самое было уже сказано и въ первой нашей статьѣ, то-есть, что Норманны не ѣздили и не могли ѣздить по Днѣпру прежде существованія Русскаго государства; а когда получили возможность ѣздить, то русскія названія уже существовали. Слѣдовательно, надобно было предже опровергнуть мои доказательства, а потомъ уже называть фактъ неопровержимымъ. У меня было сказано, что самый переводъ названій пороговъ съ славянскаго языка на скандинавскій невѣроятенъ и что исторія не представляетъ намъ аналогіи: „Если можно найти тому примѣры, то очень немногіе и отнюдь не въ такомъ количествѣ заразъ и не въ такомъ систематическомъ порядкѣ". Г. Гротъ находитъ у меня противорѣчіе, то-есть что я въ одно время и допускаю переводы и не допускаю, и приводитъ примѣры въ родѣ Медвѣжья Голова (Оденпе), Новгородокъ (Нейгаузенъ) и пр. Но именно подобные отдѣльные случаи, и притомъ относящіеся болѣе къ городамъ, мы имѣли въ виду, дѣлая свою оговорку. Чтобъ опровергнуть наше положеніе, слѣдовало представить для аналогіи съ Днѣпровскими порогами не отдѣльные случаи, а цѣлую группу переводныхъ географическихъ названій, сосредоточенныхъ въ одной мѣстности (да еще по возможности съ повелительнымъ наклоненіемъ). Не можемъ согласиться и съ разсужденіемъ почтеннаго автора о словѣ аистъ. Изъ его же замѣтки видно, что аистъ преимущественно водится въ южной Россіи и ни на какомъ иностранномъ языкѣ аистомъ не называется. Тѣмъ не менѣе авторъ говоритъ: „Изъ всего сказаннаго можно, кажется, съ полною увѣренностію заключить, что слово аистъ не русскаго происхожденія. Не кроется ли въ немъ восточное начало?" А выше онъ замѣчаетъ объ этомъ словѣ, что „судя по первой его буквѣ, оно не можетъ быть русскимъ". Признаемся, мы рѣшительно не видимъ почему начальная буква а мѣшаетъ ему быть русскимъ? Почему оно должно быть восточнаго происхожденія? Что значитъ собственно русское происхожденіе? Корни, то-есть происхожденіе русскихъ словъ, отыскиваются не въ одномъ только русскомъ языкѣ, а при сравненіи ихъ съ другими славянскими и вообще съ индо-европейскими. Напримѣръ, слово Богъ необъяснимо изъ одного русскаго языка; слѣдуетъ ли отсюда, что это слово не русское? Форма аистъ нисколько не противна нашему уху; а приводимые авто-

Названія эти дошли въ искаженномъ видѣ. Мало того, параллель у Константина не вездѣ вѣрна. Мы имѣемъ право предложить свои исправленія къ тексту конечно не менѣе чѣмъ норманисты, которые также предлагаютъ свои исправленія чуть не къ каждому слову, и даже сочиняютъ названіе, котораго нѣтъ у Константина. Именно, по поводу Геландри они предполагаютъ ошибку писца; въ текстѣ, по ихъ мнѣнію, стояло: по-русски Геландри, по-славянски *Звонецъ;* послѣднее названіе они заимствуютъ изъ позднѣйшаго времени. (На томъ же основаніи, пожалуй можно, не прибавляя лишняго названія, замѣнить одно имя словомъ извѣстнымъ также изъ болѣе поздняго времени, то-есть вмѣсто страннаго *Не спи* поставить *Будило*). Мы въ правѣ предложить славянскія толкованія для русскихъ названій уже въ силу того, что нѣтъ никакихъ историческихъ свидѣтельствъ о плаваніи Норманновъ по Днѣпру прежде появленія въ исторіи Днѣпровской Руси, а слѣдовательно и прежде появленія русскихъ названій. Мы даже думаемъ, что русскія названія древнѣе славянской параллели и представляютъ обломки очень далекой старины, и русская филологія современемъ можетъ-быть воспользуется ими, когда освободится отъ тумана, напущеннаго норманизмомъ. Поправки свои и соображенія относительно пороговъ мы предложимъ въ слѣдующемъ выводѣ:

ромъ варіанты этого названія даютъ возможность рѣшить, что оно не чужое, а свое собственное, славянское: въ югозападныхъ губерніяхъ аиста называютъ гайстеръ, а въ словарѣ Линде онъ названъ hajstra. (Польское hajstra собственно означаетъ сѣрую цаплю). Если въ словѣ гайстеръ сократить послѣдній слогъ, то по требованію нашего уха надобно будетъ продолжить первый; получимъ гаистръ; г какъ придыханіе иногда употребляется, иногда его не слышно: получимъ аистръ. Слѣдовательно корень этого слова будетъ истръ (съ переглаcовкой стры), корень весьма распространенный въ русскомъ и вообще славянскомъ языкѣ. Буква р по духу нашего языка можетъ пропадать въ скоромъ выговорѣ; напримѣръ, у насъ есть рѣка Истра, а также рѣка Иста или Истья. (По мнѣнію П. А. Безсонова, асыть въ словѣ не-асыть есть то же что аистъ и тотъ же корень заключается въ словѣ ястребъ).

Вообще существовавшая доселѣ у насъ привычка толковать иностраннымъ происхожденіемъ многія слова, какъ скоро они представляютъ какое-либо затрудненіе для своего объясненія—эта привычка должна быть оставлена или значительно умѣрена, уже по тому самому, что весь лексическій запасъ русскаго и вообще славянскаго языка далеко не приведенъ въ извѣстность.

Относительно названія одного изъ Петровыхъ кораблей Айфаромъ надобно сдѣлать оговорку, что его голландское происхожденіе есть все-таки догадка; источники о томъ ясно не говорятъ. Рядомъ съ Айфаръ мы встрѣчаемъ также и корабль Аистъ, что совсѣмъ не голландское слово.

Два порога имѣли общее славяно-русское названіе: 1) Есупи и 2) Гуландри. 3) Противъ славянскаго Островунъ-порогъ ставимъ русское Струвунъ. 4) Противъ славянскаго Вулнипрагъ русское Вулборзъ (или Вулниборзъ). 5) Противъ славянскаго Вручій русское Вару-форосъ (Варовой порогъ или Варовой протокъ). 6) Славянское Неясыть, русское Айфаръ. 7) Славянское Напрези и русское Леанти оставляемъ необъяснимыми *).

Послѣ первой статьи, въ виду того, что норманизмъ преимущественно ищетъ поддержки въ доказательствахъ филологическихъ, такъ какъ въ историческихъ ему нѣтъ спасенія, мы снова подвергли пересмотру вопросъ о порогахъ, и предлагаемъ теперь свои соображенія. Если они окажутся не вполнѣ удачными, то можетъ быть кто-либо другой современемъ предложитъ болѣе

*) Ихъ необъяснимость однако не избавляетъ филологовъ и историковъ отъ обязанности дѣлать попытки для разъясненія. Для Леанти укажемъ на одинъ островъ, лежащій въ порогахъ Днѣпра, именно Лантуховъ (о чемъ мимоходомъ упоминаетъ и Лербергъ). Для Напрези напомнимъ названіе самой рѣки Днѣпра, которое произносилось и просто Нѣпръ. Въ греко-латинской передачѣ его старая форма была Danaper или Danapris; отбросивъ первый слогъ, получимъ Napris, и дѣйствительно у Плано-Карпини онъ названъ Neper. Рѣка Днѣпръ имѣла въ разное время у разныхъ народовъ и различныя названія. Такъ въ древнѣйшій греческій періодъ извѣстій о Скиѳіи она называлась Бористенъ; потомъ является подъ именемъ Днѣпра; но у кочевыхъ народовъ, Угровъ и Печенѣговъ, она именовалась Атель, Узу и Барухъ или Варухъ (Βαρουχ). Это послѣднее названіе можетъ быть скрывается и въ имени порога Вару-форосъ; очевидно оно происходитъ отъ того же корня какъ Варучій или Вручій, и, конечно, перешло къ Печенѣгамъ отъ болѣе раннихъ туземцевъ, то-есть отъ Русскихъ. Отсюда можно заключить, что у Русскихъ варіантомъ Днѣпру или порожистой части его, служило когда-то названіе Баручій, Варучій или Вручій. (Въ древней Россіи были города Вручій и Баручъ). Что Печенѣги заимствовали это названіе отъ болѣе раннихъ туземцевъ, показываютъ тутъ же рядомъ приведенныя у Константина Багрянороднаго названія другихъ рѣкъ: Кубу (Бугъ или Гупанисъ, въ другомъ мѣстѣ, именно на Кавказѣ, также перешедшее въ Кубань), Труллосъ (Днѣстръ или прежній Турасъ), Брутосъ (Прутъ), Серетосъ (Серетъ). Эти примѣры подтверждаютъ нашу мысль, что въ вопросѣ о старыхъ географическихъ названіяхъ филологія шагу не можетъ сдѣлать безъ исторіи. Еслибы, наоборотъ, филологія употреблявшіяся Печенѣгами названія отнесла къ печенѣжскому языку, и начала на этомъ основаніи строить выводы о народности Печенѣговъ, то что бы изъ того вышло? Любопытно, что Турлосъ или Турла и до сихъ поръ означаетъ у Турокъ Днѣстръ.

Объясненіе Напрези словомъ Напражье оказывается несовсѣмъ невѣроятно. Было слово Запорожье. Есть села Подпорожье и Порожье въ Пудож. уѣздѣ (Барсова „Географія начальн. лѣтописи", 274 стр.) Укажемъ еще славянское имя поселенія Набрезина около Адріатики. Позд. прим.

удачныя. По крайней мѣрѣ прежде насъ почти никто не дѣлалъ серьезной попытки искать этихъ объясненій въ славяно-русскомъ языкѣ (о нѣкоторыхъ попыткахъ см. у Эверса). Норманизмъ началъ свои филологическія толкованія болѣе ста лѣтъ тому назадъ; въ теченіе этого времени онъ потратилъ много усилій и нѣсколько разъ измѣнялъ свои поправки; а въ результатѣ все-таки остается при Ne-suef-e, Holmfors и Strondbun! Тѣмъ не менѣе всякую попытку объяснять имена изъ другихъ (не германскихъ) языковъ онъ встрѣчаетъ возгласами, что это не научно, что это натяжки, предвзятая идея и т. п. Мимоходомъ напомнимъ, что родоначальникомъ филологическихъ доводовъ норманской школы и вмѣстѣ ея основателемъ былъ академикъ Байеръ, о которомъ остроумный Шлёцеръ замѣтилъ: „Этотъ великій изслѣдователь языковъ, столь много потѣвшій надъ китайскимъ, не учился по-русски“. Лербергъ, отличный изслѣдователь въ области древней географіи, своимъ сочиненіемъ о Днѣпровскихъ порогахъ не обнаружилъ свѣдѣній въ славяно-русской филологіи. Да она не считалась особенно нужною для Норманской школы: вѣдь Русь пришла изъ Скандинавіи!

Повторяю, въ такомъ темномъ вопросѣ какъ Днѣпровскіе пороги невозможно обойтись безъ натяжекъ, пока наука попадетъ на сколько-нибудь удовлетворительное его рѣшеніе. Во всякомъ случаѣ мы считаемъ свои натяжки болѣе сносными, чѣмъ натяжки норманистовъ. Мы имѣемъ притомъ на своей сторонѣ историческіе факты, убѣждающіе, что Русь была туземное племя, а не пришлое откуда-то изъ-за тридевять земель. Что касается до различія, которое дѣлаетъ Константинъ Багрянородный между *русскими* и *славянскими* названіями, то мы уже представили на этотъ счетъ объясненія въ первой статьѣ. Сущность ихъ состоитъ въ слѣдующемъ. Русью назывались по преимуществу обитатели кіевскаго Приднѣпровья. Кіевская Русь никогда не называла себя Славянами, и именемъ своимъ различала себя отъ другихъ покоренныхъ ею славянскихъ племенъ. Она употребляла иногда географическія названія отличныя отъ другихъ Славянъ (то-есть имѣла свои варіанты). Примѣръ тому находимъ въ самой лѣтописи, гдѣ сказано, что рѣка Ерелъ (Орель) у Руси зовется Уголъ. Только крайній норманизмъ способенъ утверждать, будто *уголъ* слово не славянское, а скандинавское (хотя по византійскимъ свидѣтельствамъ, это слово какъ географическое названіе встрѣчается уже въ VII вѣкѣ). Названіе Уголъ утратилось, а

Орель осталось; это подтверждаетъ нашу мысль, что русскія названія пороговъ можетъ быть древнѣе славянскихъ. Русскій говоръ имѣлъ свои отличія отъ другихъ сосѣднихъ Славянъ; такъ что для иноземнаго уха почти тожественныя слова могли иногда показаться различными. Русскія названія не суть переводы славянскихъ. Въ двухъ случаяхъ они тожественны; а въ трехъ другихъ представляютъ небольшіе варіанты (Вулнипрагъ и Вулниборзъ, Варучій и Вару-форосъ, Островунъ и Струвунъ). Аналогію съ ними можно предложить, составивъ параллель въ такомъ родѣ: по-русски *восходъ*, по-славянски *востокъ, западъ* и *заходъ* и т. п. Въ одномъ случаѣ мы видимъ два разныя слова: Айфаръ и Неясыть (о Леанти и Напрези не говоримъ). Но еслибы кто сказалъ: по-русски *топоръ*, по-славянски *сѣкира*; развѣ изъ того слѣдуетъ, что топоръ не славянское слово?

Какому именно говору принадлежатъ такъ-называемыя славянскія названія пороговъ, трудно рѣшить окончательно. (Рѣшеніе см. ниже) *).

---

*) Наиболѣе достовѣрный памятникъ нашей древней письменности, Русская Правда, употребляетъ тѣ же два племенные термина: Русинъ и Словенинъ. Замѣчательно въ этомъ отношеніи извѣстное мѣсто о парусахъ въ походѣ Олега на Царьградъ. Походъ очевидно легендарный; такъ какъ подробности его сами по себѣ невѣроятны, а Византійцы о немъ совершенно молчатъ. (Крайній норманизмъ навѣрное воскликнетъ: „какъ легендарный? А куда же вы дѣнете Олеговъ договоръ съ Греками?“ Какъ будто договоръ долженъ былъ заключаться неиначе какъ послѣ нападенія на самый Константинополь!). Но обратимъ вниманіе на племена участвовавшія въ этомъ походѣ. Въ началѣ перечисляется цѣлая вереница народовъ; тутъ есть и Варяги, и Чудь, Меря, Хорваты, Дулѣбы и пр., нѣтъ одной Руси. Это упоминаніе о Варягахъ и перечисленіе чуть ли не всѣхъ народовъ Россіи, внезапно обратившихся въ опытныхъ, безстрашныхъ моряковъ, сдѣлалось какъ бы обычнымъ мѣстомъ въ лѣтописи, и должно быть отнесено или къ позднѣйшимъ прибавкамъ, или просто къ фигурнымъ выраженіямъ. Между тѣмъ въ концѣ легенды говорится только о Руси и Славянахъ; первые повѣсили себѣ паруса изъ паволоки, а вторые изъ тонкаго полотна. Безъ сомнѣнія эти два термина, Русь и Славяне, были въ большомъ ходу у самихъ Руссовъ, которые своимъ именемъ выдѣляли себя изъ массы подчиненныхъ Славянъ.

Г. Погодинъ въ своихъ возраженіяхъ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: „Авторъ старается доказать, что и русскія названія (пороговъ) можно объяснять изъ славянскаго языка. Такъ что же бы изъ этого вышло? Что славянскихъ языковъ было два? Но вѣдь это была бы нелѣпость?“ Что это за вопросы?—спросимъ мы въ свою очередь. Кому же неизвѣстно, что славянскій языкъ имѣетъ разныя нарѣчія и говоры? Интересно, что подобные аргументы выходятъ отъ норманизма, прибѣгающаго для своихъ филологическихъ натяжекъ къ

Еще Эверсъ весьма основательно замѣтилъ слѣдующее: Если бы русскія названія пороговъ принадлежали Норманнамъ, то какъ же, будучи удалыми пиратами, они не оставили никакихъ слѣдовъ въ именахъ предметовъ относящихся къ мореплаванію? Напротивъ, въ этомъ отношеніи русскія названія сходны съ греческими, таковы: *корабль, кувара, скедія* и пр.

VIII.

Заключеніе.

Исторія не математика. Еслибъ она имѣла дѣло только съ величинами точно опредѣленными, другими словами: еслибы всѣ лѣтописцы, всѣ извѣстія передавали только одну истину и всѣ были бы согласны между собою; тогда не было бы вопросовъ, а слѣдовательно и споровъ. Историческая критика была бы ненужна. Но такъ какъ этого почти никогда не бываетъ, то сличеніе данныхъ и провѣрка ихъ необходимы, чтобы возстановить истину. (Не только такія отдаленныя и темныя времена какъ IX и X вѣка, но если возьмемъ какую-либо эпоху позднѣйшую, даже современную, какъ трудно бываетъ иногда воспроизвести событіе въ настоящемъ его видѣ, вслѣдствіе разногласія и сбивчивости показаній!) Въ вопросахъ темныхъ и запутанныхъ споры и разнообразныя теоріи неизбѣжны. Но приведемъ одно изъ главныхъ положеній исторической науки: въ случаѣ столкновенія разныхъ мнѣній о какомъ-либо событіи, должно получить преимущество то мнѣніе, которое объясняетъ наибольшую сумму несомнѣнно историческихъ фактовъ, имѣющихъ отношеніе къ данному собы-

---

языкамъ не только скандинавскимъ, но и къ англо-саксонскому, голландскому и вообще ко всѣмъ языкамъ нѣмецкой группы. Далѣе М. П. Погодинъ недоумѣваетъ относительно того, что названіе Русь имѣло въ разныхъ извѣстіяхъ и разныя оттѣнки, то-есть болѣе тѣсный или болѣе широкій смыслъ. Такое недоумѣніе со стороны историка намъ непонятно. Кто же не знаетъ, въ какихъ разнообразныхъ значеніяхъ (то-есть объемахъ) встрѣчаются въ источникахъ, напримѣръ, названія: Римляне, Греки, Скиѳы, Сарматы, Гунны, Франки, Нѣмцы, Норманны и пр. Въ первой статьѣ мы указывали примѣры и такихъ народныхъ именъ, которыя не только обнимали большую или меньшую массу народовъ, но имѣли и сословное значеніе (Склавы, Сервы, Бои, Лехи, Кривиты, Даны или Таны и пр.).

тію или къ данной эпохѣ. Въ подтвержденіе лѣтописной легенды о призваніи Варягоруссовъ и своей теоріи о происхожденіи Руси изъ Скандинавіи норманисты приводятъ разныя свидѣтельства; но между этими свидѣтельствами нѣтъ ни одного несомнѣннаго. Укажемъ на нихъ снова въ короткихъ словахъ.

1. *Изъ массы византійскихъ свидѣтельствъ норманисты нашли въ свою пользу только одно неясное выраженіе:* „Русь, такъ-называемые Дромиты, изъ рода Франковъ“. Выраженіе это не имѣетъ опредѣленнаго значенія; оно употреблено въ смыслѣ народа европейскаго, съ чѣмъ согласны и сами норманисты (см. *Изслѣд. Погод.* II, 51). И притомъ оно принадлежитъ не Константину Багрянородному, не Фотію или Льву Діакону, а продолжателямъ Ѳеофана и Амартола! И что можетъ значить это выраженіе въ сравненіи со многими другими указаніями Византійцевъ, что Русь народъ скиѳскій или тавроскиѳскій? Можно ли говорить о Франкахъ послѣ извѣстныхъ словъ Льва Діакона, очевидца Руси Святославовой: „Тавроскиѳы, которые на своемъ языкѣ именуютъ себя Русь“. Онъ же по поводу погребальныхъ обрядовъ у Руссовъ говоритъ, что эллинскимъ таинствамъ научили ихъ философы Анахарсисъ и Замолксисъ, и причисляетъ къ тому же племени самаго Ахиллеса. Ясно, что онъ считаетъ Тавроскиѳовъ или Русь потомками древнихъ Скиѳовъ понтійскихъ, т. е. туземнымъ народомъ южной Россіи. Между тѣмъ Варанговъ византійцы никогда не называютъ Скиѳскимъ народомъ; не называютъ ихъ и Франками.

2. *Изъ массы арабскихъ свидѣтельствъ о Руссахъ норманисты отыскали только одно выраженіе въ свою пользу*: „въ 844 году язычники именуемые Русью разграбили Севилью“. Но это явная ошибка, какъ уже давно доказано, и умѣренные норманисты не стоятъ за такое странное свидѣтельство (см. Замѣч. г. Куника на Изслѣд. Гедеонова). Арабскіе писатели IX и X вѣковъ имѣли до того темныя понятія о географіи и этнографіи сѣверной Европы, что причисляли ея жителей къ извѣстному имъ ближайшему народу Русь; а Балтійское море считали рукавомъ, соединяющимъ Черное Море съ Западнымъ океаномъ, и потому слухъ о нападеніи какихъ-то сѣверныхъ варваровъ на Испанію, Аль-Катибъ или его позднѣйшій списатель отнесъ къ Руси, такъ какъ имя ея около того времени сдѣлалось громкимъ, вслѣдствіе набѣговъ на берега Чернаго и Каспійскаго морей. (Туземцы Америки до сихъ поръ для насъ Индійцы, вслѣдствіе географической

ошибки Колумба). Эта Севильская Русь теряетъ всякій смыслъ въ ряду многихъ другихъ арабскихъ извѣстій, указывающихъ на Русь туземную и славянскую.

3. Изъ всѣхъ средневѣковыхъ латинскихъ хроникъ, упоминающихъ о Руси, норманисты извлекли въ свою пользу два свидѣтельства, Ліутпранда и Пруденція. Ліутпрандъ, епископъ Кремонскій, замѣчаетъ о Руссахъ, что это народъ живущій къ сѣверу отъ Константинополя между Хазарами и Булгарами, что Греки по наружному качеству называютъ ихъ Руссами, а „мы, по положенію страны, Нордманнами". Опять выраженіе не имѣющее никакого опредѣленнаго этнографическаго значенія. Ліутпрандъ (или его вотчимъ) получилъ свѣдѣнія о Руссахъ отъ Византійцевъ, а послѣдніе причисляли Русь къ народамъ гиперборейскимъ, то-есть сѣвернымъ; слѣдовательно Кремонскій епископъ передаетъ тотъ же географическій терминъ, только посвоему (по-лонгобардски). Онъ совершенно повторяетъ Византійцевъ, помѣщая Русь между Хазарами и Болгарами, въ сосѣдствѣ Печенѣговъ и Угровъ, и нисколько не указываетъ на Скандинавію. Аналогію съ его „сѣверными людьми" представляетъ наше выраженіе *востокъ* и *восточные народы*, хотя эти народы живутъ отъ насъ къ югу; но мы въ этомъ случаѣ переводимъ терминъ западно-европейскій. (Тоже должно сказать о gentes Normannorum Венеціанской Хроники или о Руссахъ 865 года). Слова Ліутпранда о томъ, будто Руссы получили свое названіе по наружному виду отъ Грековъ прямо противорѣчатъ греческимъ свидѣтельствамъ: Левъ Діаконъ положительно говоритъ, что Тавроскиѳы называютъ себя *Росъ* на своемъ родномъ языкѣ.

4. Извѣстіе Бертинскихъ лѣтописей (Пруденцій) о Руси „изъ племени Свеоновъ", какъ мы говорили, невозможно толковать Шведами: этого не допускаетъ хаканскій титулъ ея князя. Или самое слово Свеоны, въ то время не означало исключительно Шведовъ. (Южная Россія называлась въ средніе вѣка и Великою Скиѳіей и Великою Швеціей, *Svithiod en mikla* исландскихъ сагъ), или это ошибка, недоразумѣніе въ самомъ источникѣ. Самое отсутствіе золотыхъ византійскихъ монетъ того времени въ кладахъ Швеціи противорѣчитъ существованію Шведской Руси.

5. Путь изъ Варягъ въ Грецію, описанный въ нашей лѣтописи, нисколько не можетъ подкрѣпить норманскую теорію, ибо это описаніе относится не къ IX, а къ XI вѣку. Константинъ Багрянородный, описывая тотъ же путь въ X вѣкѣ, начинаетъ

его отъ Новгорода и о Варангахъ ничего не упоминаетъ. Приведенныя имъ русскія имена порогов не могутъ быть объясняемы изъ скандинавскихъ языковъ *исключительно*. Норманны могли плавать по Днѣпру только послѣ основанія Русскаго государства, находясь въ службѣ русскихъ князей или подъ ихъ покровительствомъ, слѣдовательно тогда, когда русскія имена пороговъ уже существовали.

6. *Нѣкоторыя* имена первыхъ князей и дружинниковъ *похожи* на скандинавскія. Это совершенно естественно при общности многихъ именъ у славянскихъ и германскихъ народовъ, при долгомъ сожительствѣ Готовъ и Руссовъ (Роксаланъ) въ восточной Европѣ, а также при исконномъ сожительствѣ Готовъ и Славянъ на южномъ берегу Балтійскаго моря. Но доказать, что они не только *исключительно*, но и преимущественно скандинавскія, не могутъ никакія натяжки.

Вотъ и всѣ доводы норманской школы заслуживающіе сколько-нибудь вниманія и набранные ею въ теченіе болѣе ста лѣтъ для подкрѣпленія лѣтописной басни о призваніи Варяговъ и своего мнѣнія о происхожденіи Руси изъ Скандинавіи. Если принять въ соображеніе столь часто встрѣчающіяся въ средневѣковыхъ источникахъ ошибки, недоразумѣнія и этнографическую запутанность, то надобно удивляться, что нашлось такъ мало свидѣтельствъ, которыя норманисты могли бы обратить въ свою пользу. Подобный подборъ намековъ и недоразумѣній, подкрѣпленный филологическими натяжками, можно составить для какой угодно теоріи *). А что касается до высшихъ соображеній норманистовъ, о томъ, будто наше древнее государственное устройство имѣетъ норманскія черты—это совершенно произвольныя толкованія. Общія черты конечно найдутся; онѣ неизбѣжны у всѣхъ европейскихъ и даже не европейскихъ народовъ; но найдутся и отличія, которыя напротивъ ясно указываютъ на наше славянство. Извѣстно, что у германскихъ народовъ развились преимущественно майоратъ и феодализмъ, а у Славянъ право каждаго сына на участіе въ отцовскомъ наслѣдіи и оттуда удѣльная система. Нашъ порядокъ родоваго старшинства существовалъ у Угровъ и до сихъ поръ существуетъ у Турокъ; а у Норманновъ мы его не видимъ.

*) Не говоримъ о теоріяхъ угро-хазарской, литовской, готской и славяно-балтійской по отношенію къ небывалымъ Варягоруссамъ; каждая изъ этихъ теорій можетъ выставить почти такую же сумму доводовъ какъ и норманская.

Въ параллель съ доводами норманистовъ повторимъ вкратцѣ тѣ основанія, на которыхъ мы отвергаемъ легенду о призваніи Варяговъ, а главное, утверждаемъ туземное происхожденіе Руси.

1. Невѣроятность призванія. Исторія не представляетъ намъ примѣровъ, чтобы какой-либо народъ (или союзъ народовъ) призывалъ для господства надъ собою другой народъ и добровольно подчинялся чуждому игу.

2. Если можно найти нѣкоторую аналогію для басни объ иноземномъ происхожденіи Руси, то аналогію только легендарную или *литературную*, такъ какъ исторія всѣхъ народовъ начинается миѳами. Производить своихъ князей отъ знатныхъ иноземныхъ выходцевъ было въ обычаѣ и древнихъ, и среднихъ вѣковъ. Въ средніе вѣка кромѣ того въ особенности былъ распространенъ обычай выводить народы изъ далекаго миѳическаго Сѣвера.

3. Русь была не дружина только или незначительное племя, которое могло бы незамѣтно для исторіи въ полномъ своемъ составѣ переселиться изъ Скандинавіи въ Россію. Это былъ многочисленный и сильный народъ. Иначе невозможно объяснить его господствующее положеніе среди восточныхъ Славянъ, его обширныя завоеванія и походы, предпринимаемые въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ. А если бы Русь была только пришлая дружина, то неумолимая логика спрашиваетъ: куда же безслѣдно дѣвался Русскій народъ въ Скандинавіи, т. е. народъ, изъ котораго вышла эта дружина?

4. Существованіе въ восточной Европѣ многихъ рѣкъ съ названіемъ *Рось*, и въ особенности такое же названіе Волги въ древнія времена. А извѣстно, что народныя имена часто находятся въ непосредственной связи съ именами рѣкъ.

5. Географическое распространеніе имени Русь къ концу IX вѣка отъ Ильменя до Нижней Волги дѣлаетъ совершенно невѣроятнымъ его появленіе въ восточной Европѣ только во второй половинѣ этого вѣка. Исторія не представляетъ тому ни малѣйшей аналогіи. (Для примѣра укажемъ на Англію и Францію, которыхъ имена распространились и укрѣпились за ними въ теченіе столѣтій).

6. Сарматскій народъ Роксалане или Россъ-Алане издавна жилъ между Азовскимъ моремъ и Днѣпромъ. Извѣстія о немъ у греческихъ и латинскихъ писателей, начиная со II вѣка до Р. Х., продолжаются до VI в. по Р. Х. включительно, и подтвержда-

ются еще знаменитыми Певтингеровыми таблицами или дорожною картою Римской имперіи. А въ IX вѣкѣ на тѣхъ же мѣстахъ снова является въ византійскихъ извѣстіяхъ народъ Росъ или Рось, то-есть является подъ своимъ односложнымъ именемъ (Россъ-Алане есть такое же сложное и болѣе книжное чѣмъ народное имя какъ Тавро-Скиѳы, Англо-Саксы и т. п.). Въ этой простой формѣ онъ является въ IX вѣкѣ и у латинскаго писателя именно у Пруденція (Рось) и землеписца Баварскаго (Ruzzi); между тѣмъ какъ у другаго латинскаго писателя того же IX вѣка, у географа Равеннскаго, опять встрѣчается сложная форма, т. е. Роксалане *).

*) Замѣчательно, къ какимъ натяжкамъ и произвольнымъ выводамъ приходили иногда даже наиболѣе ученые и добросовѣстные представители норманской школы, принявъ за несомнѣнный историческій фактъ басню о призваніи изъ-за моря небывалаго народа Варягоруссовъ. Такъ, Шафарикъ, опредѣляя эпоху замѣтокъ Баварскаго географа, говоритъ, что онѣ написаны не ранѣе 866 года (Славян. Древн., т. II, кн. 3). И чѣмъ же онъ при этомъ руководствуется? Тѣмъ, что въ нихъ упоминается Русь; а она-де только въ 862 году призвана, и слѣдовательно, только въ 866 году могла сдѣлаться извѣстною на западѣ изъ посланія патріарха Фотія къ восточнымъ епископамъ! Такимъ образомъ, въ наукѣ было время, когда не басня о призваніи подвергалась исторической критикѣ, а на оборотъ, историческія свидѣтельства провѣрялись на основаніи этой басни! Точно также гадательны и нѣкоторыя другія соображенія Шафарика о времени Баварскаго географа (напримѣръ, его соображенія о Печенѣгахъ). По нѣкоторымъ признакамъ, напротивъ, эпоху Баварскаго географа едва ли можно относить позднѣе первой половины IX вѣка. (Въ этомъ убѣждаетъ, между прочимъ, сосѣдство Болгаръ съ Нѣмцами въ Панноніи). Подобный пріемъ употреблялъ А. А. Куникъ по отношенію къ другому географу, Равеннскому. Шафарикъ, на его счетъ замѣтилъ, что онъ жилъ около 866 г. „а можетъ быть, и нѣсколько прежде". (Иречекъ въ своей брошюрѣ „Дорога въ Константинополь" относитъ его къ VIII вѣку). А г. Куникъ прямо поясняетъ, что онъ не могъ писать ранѣе второй половины IX вѣка, ибо у него упоминается о Русскомъ государствѣ. (Если онъ писалъ именно въ эту эпоху, то какой былъ бы отличный случай упомянуть о переходѣ Руси изъ Скандинавіи. Однако онъ не сдѣлалъ на то ни малѣйшаго намека). Равеннскій анонимъ употребляетъ при этомъ вмѣсто Русь ея сложное названіе „Роксалане"; по словамъ г. Куника это только пустое подражаніе древнимъ писателямъ. Роксаланскій народъ, по его мнѣнію, съ появленіемъ Гунновъ „исчезъ изъ исторіи". Доказательствомъ того, что Роксалане не Русь и что они исчезли, А. А. Куникъ посвятилъ цѣлое особое изслѣдованіе подъ заглавіемъ: Pseudorussishe Roxalanen und ihre angebliche Herrschaft in Gardarik. Ein Notum gegen Jacob Grimm und die Herausgeber der Antiquités Russes. (Bulletin hist. phil. de l'Acad. des Sciences, t. VII, № 18—23). Да проститъ намъ авторъ, но мы

10

7. Названіе *Пруссія* есть то же что Руссія или собственно Порусье (Borussia). Оно возникло однако независимо отъ нашей Руси, ибо литовскій народъ Пруссы въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ не были даже сосѣдями нашихъ Руссовъ. Это имя, по всей вѣроятности, также находится въ связи съ названіями рѣкъ (Нѣманъ иначе назывался Русь). Одно существованіе Пруссіи ниспровергаетъ всякую попытку выводить Русь изъ Скандинавіи; иначе Пруссовъ надобно производить оттуда же. (О народѣ Боруски, Βορούσκοι, въ восточной Европѣ, упоминаетъ уже Птоломей).

8. Совершенное отсутствіе названія Русь между скандинавскими народами. Если и встрѣчается у средневѣковыхъ нѣмецкихъ хронистовъ (напримѣръ, Дитмара и Саксона) названіе Rucia, Rusia (и Prusia), Ruscia (и Pruscia) на южномъ и юго-восточномъ берегу Балтійскаго моря, то оно относится или къ славянскимъ племенамъ (напримѣръ Руянамъ), или къ литовскимъ (Пруссы и Жмудь).

9. Давнее существованіе Руси Угорской или Закарпатской; а

находимъ, что доказательства эти состоятъ изъ ряда всякаго рода историческихъ, этнографическихъ и этимологическихъ натяжекъ и предположеній, весьма гадательныхъ и сбивчивыхъ. Между прочимъ, главнымъ признакомъ того, что Роксалане были не арійское, а какое-то монгольское племя, выставляются извѣстія о ихъ кочевомъ бытѣ и конныхъ набѣгахъ. Но какой же изъ арійскихъ народовъ не прошелъ черезъ кочевой бытъ? У какого народа, окруженнаго отчасти степною природою, не играли главную роль стада и табуны въ извѣстный періодъ его развитія? Авторъ этого изслѣдованія забываетъ разстояніе девяти вѣковъ, въ теченіе которыхъ бытъ Роксаланъ или Руси долженъ былъ значительно измѣниться. Онъ вообще держится теоріи исчезанія народовъ, которая основана на исчезаніи именъ. Такимъ образомъ, многіе народы Скиѳіи, будто бы, уничтожились вмѣстѣ съ пропажею ихъ именъ. Мы же утверждаемъ, что мѣняются и путаются имена въ историческихъ источникахъ, а народы остаются по большей части тѣ же. Въ противномъ случаѣ, племена Антовъ еще скорѣе Роксаланъ изчезли съ лица земли, потому что имя ихъ, столь часто упоминаемое у писателей VI вѣка, потомъ пропадаетъ; по крайней мѣрѣ, въ этой формѣ оно почти не встрѣчается у писателей позднѣйшихъ. Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что упомянутое изслѣдованіе А. А. Куника относится еще къ эпохѣ 40-хъ годовъ, къ эпохѣ его Die Berufung der Schwediscchen Rodsen, то-есть, къ періоду увлеченія и полнаго господства норманской школы. А такъ какъ Россалане служили живымъ протестомъ противъ этой школы, то надобно было во чтобы ни стало ихъ устранить, т. е. увѣрить, что они куда-то исчезли.

также закрѣпленіе этого имени за Русью Галицкою или Червонною, которая сравнительно не очень долгое время принадлежала русскимъ князьямъ. Такая крѣпость имени была бы невѣроятна, еслибъ оно было не туземное, а пришлое.

10. Тяготѣніе нашей первоначальной исторіи и самаго имени Русь къ югу, а не къ сѣверу. Русью называли себя преимущественно обитатели Приднѣпровья, а Новогородцы называли себя Славянами. Русскимъ называлось Черное Море, а Варяжскимъ Балтійское, что прямо указываетъ на совершенно различное географическое положеніе Варяговъ и Руссовъ. Изъ иностранныхъ извѣстій IX и X вѣковъ чаще другихъ названіе Русь встрѣчается именно на юго-востокѣ, т. е. у арабскихъ писателей.

11. Наши древнѣйшіе документальные источники, договоры съ Греками, не дѣлаютъ ни малѣйшаго намека, изъ котораго можно было бы заподозрить иноземное происхожденіе Руси; хотя первый договоръ (Олеговъ) относится къ лицу, которое по смыслу лѣтописной легенды прямо пришло изъ-за моря. Мало того, сама Русь всегда относилась къ Варягамъ какъ къ иноземцамъ и иноплеменникамъ; о чемъ свидѣтельствуютъ также оффиціальные документы, напримѣръ Русская Правда.

12. Торговый характеръ Руси и ея торговыя сношенія съ Византіей и Хазаріей, имѣвшія, по несомнѣннымъ свидѣтельствамъ, постоянный и договорами опредѣленный характеръ уже во второй половинѣ IX вѣка, были бы непонятны, еслибы Русь была народомъ не туземнымъ, а пришедшимъ въ той же второй половинѣ IX вѣка. Притомъ Норманны въ этомъ вѣкѣ совсѣмъ и не были извѣстны въ Европѣ какъ торговый народъ.

13. Поклоненіе Руссовъ славянскимъ божествамъ, засвидѣтельствованное договорами съ Византіей. Только-что прибывшій народъ и притомъ господствующій не могъ тотчасъ же измѣнить своимъ богамъ и принять религію подчиненнаго племени.

14. Существованіе у нихъ славянской письменности, доказанное славянскимъ переводомъ тѣхъ же договоровъ. (У Готскихъ народовъ была уже своя письменность со временъ Ульфилы) *).

---

*) Съ вопросомъ о письменности тѣсно связанъ и вопросъ о началѣ нашего христіанства. У насъ повторяется обыкновенно лѣтописный расказъ о введеніи христіанской религіи въ Россіи при Владимірѣ Св.; тогда какъ это было только ея окончательное торжество надъ народною религіей. Наша исторіографія все еще держится лѣтописнаго домысла, который приписываетъ Варягамъ—ино-

15. Отсутствіе пришлой скандинавской стихіи въ русскомъ языкѣ; а также отсутствіе всякой борьбы между русскою и славянскою народностію прежде ихъ предполагаемаго сліянія. Если бы Руссы были скандинавскій народъ, то они не могли такъ быстро превратиться въ Славянъ. Послѣднее окончательно невозможно, если возьмемъ еще въ расчетъ извѣстную стойкость Нѣмецкаго племени, уступавшаго, и притомъ весьма постепенно, только высшей (романской) цивилизаціи въ юго-западной Европѣ. Въ исторіи нѣтъ примѣровъ такого быстраго превращенія; оно было бы противно всѣмъ политико и естественно-историческимъ законамъ.

16. Совершенное отсутствіе извѣстій о призваніи князей или о пришествіи Руси изъ Скандинавіи (и вообще откуда бы то ни было) во всѣхъ иноземныхъ источникахъ: византійскихъ, нѣмецкихъ, арабскихъ и скандинавскихъ. Особенно важно умолчаніе о томъ Константина Багрянороднаго, который сообщилъ о Руссахъ наибольшее количество свѣдѣній и самъ лично входитъ въ сношенія со вторымъ поколѣніемъ (якобы пришедшихъ изъ Скандинавіи) русскихъ князей.

17. Византійцы нигдѣ не смѣшиваютъ Русь съ Варягами. О

земцамъ начало русскаго христіанства, также какъ и начало русской государственной жизни. Въ лѣтописи, по поводу кіевской церкви Св. Иліи при Игорѣ, замѣчено: „мнози бо бѣша Варязи христіане". А далѣе, при Владимірѣ, расказывается извѣстная легенда о двухъ мученикахъ Варягахъ. Но въ этихъ извѣстіяхъ господствуетъ все то же явное смѣшеніе Руси съ Варягами. Къ счастію, мы имѣемъ документальныя свидѣтельства, которыя возстановляютъ истину, изобличая лѣтописную редакцію въ произвольныхъ догадкахъ и въ ея стремленіи всюду подставлять Варяговъ. Во-первыхъ, посланіе патріарха Фотія 866 года говоритъ о крещеніи Руссовъ, а не Варяговъ. Во-вторыхъ, Игоревъ договоръ прямо указываетъ на крещеную Русь, и совсѣмъ не упоминаетъ о Варягахъ. Въ третьихъ, Константинъ Багрянородный подъ 946 годомъ упоминаетъ о „крещеной Руси", которая находилась на византійской службѣ (см. De cerem. Aul. Byz.). Въ-четвертыхъ, Левъ Философъ, современникъ нашего Олега, въ своей росписи церковныхъ каѳедръ помѣщаетъ и Русскую эпархію. Въ-пятыхъ, папская булла 967 года указываетъ на славянское богослуженіе у Руссовъ. Очевидно, крещеная Русь не со временъ только Владиміра Св., а уже со временъ патріарха Фотія имѣла Священное Писаніе на славянскомъ языкѣ; чего никакъ не могло быть, еслибъ это были Норманны прямо пришедшіе изъ Скандинавіи. Потому-то и наши языческіе князья (Олегъ, Игорь и Святославъ) пользовались славянскою, а не другою какою-либо письменностью для своихъ договоровъ.

Варягахъ они упоминаютъ только съ XI вѣка; а о народѣ Рось, подъ этимъ ея именемъ, говорятъ преимущественно со времени нападенія ея на Константинополь въ 865 году. Но и послѣ того они продолжаютъ именовать Руссовъ Скиѳами, Тавроскиѳами, Сарматами и т. п. Левъ Діаконъ не только производитъ Русь отъ древнихъ Скиѳовъ и пріурочиваетъ ее къ странамъ Припонтійскимъ, но и отождествляетъ ее съ библейскимъ народомъ *Россъ* (стр. 93 русс. изданія).

18. Исландскія саги, которымъ было бы естественнѣе всего говорить о необыкновенномъ счастіи Норманновъ въ восточной Европѣ, ничего не знаютъ ни о норманскомъ племени Руссовъ, ни о Рюрикѣ, ни о плаваніи Норманновъ по Днѣпру. Саги говорятъ о Русскихъ какъ о великомъ туземномъ народѣ Восточной Европы.

19. Съ отсутствіемъ историческихъ свидѣтельствъ объ этомъ плаваніи согласуется и физическая невозможность норманскихъ походовъ по Греческому водному пути прежде политическаго объединенія южной и сѣверной Руси. Русскія имена Днѣпровскихъ пороговъ, дошедшія до насъ въ искаженномъ видѣ, могутъ быть объясняемы изъ языка славяно-русскаго съ большею вѣроятностію, чѣмъ изъ языковъ скандинавскихъ.

20. Латино-нѣмецкіе и латино-польскіе лѣтописцы среднихъ вѣковъ (Дитмаръ, Адамъ, Галлъ, Гельмольдъ, Саксонъ и др.) также ничего не знаютъ о норманскомъ народѣ Руссовъ, а трактуютъ ихъ какъ туземцевъ восточной Европы. Въ извѣстіи Бертинскихъ лѣтописей спорнымъ является выраженіе „изъ рода Франковъ"; но хаканскій титулъ, указывающій на сосѣдство Аваро-Хазаръ и несомнѣнно употреблявшійся южно-русскими князьями, не можетъ подлежать спору. Слѣдовательно, мы имѣемъ западное (и вмѣстѣ византійское) свидѣтельство о туземной Руси въ первой половинѣ IX вѣка *).

---

*) Латино-нѣмецкимъ хроникамъ совершенно соотвѣтствуютъ и средневѣковыя эпическія пѣсни Германіи, которыя относятся къ Руссамъ какъ къ туземному народу восточной Европы. Такъ въ Нибелунгахъ, Руссы (Riuzen) встрѣчаются въ войскѣ Аттилы на ряду съ Поляками и Печенѣгами. Послѣднее имя указываетъ на редакцію приблизительно X или XI вѣка. О языческихъ „дикихъ Руссахъ" восточной Европы говорятъ и другія нѣмецкія саги. См. Die Dakische Königs—und Tempelburg auf des Polumna Trajana. Von Ios. Haupt. Wien, 1870. (Только его разсужденія объ арійскихъ и туранскихъ племенахъ весьма слабы въ научномъ отношеніи).

21. Арабскія свидѣтельства по большей части несогласимы съ теоріей норманской Руси, и наоборотъ, они становятся совершенно понятны, какъ скоро Русь признаемъ народомъ туземнымъ. Русь и Славяне у нихъ являются почти нераздѣльно. Описанные ими обычаи Руссовъ указываютъ также на Славянъ (напримѣръ, у Ибнъ-Фодлана сожженіе жены съ покойникомъ, тризна или третья часть его имущества отдѣлявшаяся на погребальное пиршество, и т. д.). Между прочимъ Хордадбегъ (въ IX в.), говоря о русскихъ купцахъ въ Хазаріи, прибавляетъ: „они же суть племя изъ Славянъ".

22. Появленіе во второй половинѣ X вѣка Руси Тмутараканской необъяснимо безъ существованія исконныхъ русскихъ поселеній на берегахъ Азовскаго моря. (Да и съ какой стати Скандинавамъ забираться на Тамань?) Безъ этой Азовско-Черноморской Руси необъяснимы: арабскія извѣстія X вѣка, напримѣръ Масуди, о Руссахъ, живущихъ на берегу Русскаго моря и господствующихъ на этомъ морѣ; арабское дѣленіе Руси на три группы (Новгородъ, Кіевъ и Артанію); отношенія Руси къ Корсуню; походы на Кавказъ и въ Каспійское море, и пр. *)

23. Ни одно произведеніе русской словесности, несомнѣнно принадлежащее до-Татарской эпохѣ (собственно до XIII вѣка), кромѣ лѣтописи, не знаетъ ни Варяга Рюрика, ни вообще призванія Варягоруссовъ.

24. Разстояніе около 250 лѣтъ (даже по расчету норманистовъ) между призваніемъ Варяговъ и составленіемъ нашей начальной

---

*) Чтобы объяснить арабскія извѣстія о Руси, норманисты предполагаютъ невозможное: будто Русь, въ 860-хъ годахъ пришедшая изъ Скандинавіи, въ нѣсколько лѣтъ могла распространить свое имя и свои колоніи на всю юго-восточную Европу до самой нижней Волги, гдѣ тотчасъ же онѣ сдѣлались извѣстны Арабамъ. Подобное предположеніе еще менѣе научно, чѣмъ то, по которому западная Европа о существованіи народа Русь въ южной Россіи узнала только въ 866 г. изъ окружнаго посланія патріарха Фотія къ восточнымъ епископамъ. А какъ не скоро доходили до Арабовъ извѣстія не только изъ Россіи, но и съ ближайшихъ къ нимъ береговъ Каспійскаго моря, показываетъ слѣдующій примѣръ: Масуди въ своихъ „Золотыхъ Лугахъ" повѣствуетъ о русскомъ походѣ 913 года въ Каспійское море, и прибавляетъ, что послѣ того Руссы не нападали болѣе на эти страны. Онъ не зналъ еще объ ихъ походѣ 943 года, хотя книгу свою закончилъ нѣсколькими годами спустя послѣ этого вторичнаго нашествія, и слѣдовательно, имѣлъ довольно времени исправить ошибку. (См. Relations etc. par Charmoy, 300).

лѣтописи само по себѣ дѣлаетъ преданіе недостовѣрнымъ; что́ и подтверждается его вполнѣ легендарнымъ оттѣнкомъ (*три брата*, пришедшіе откуда-то *изъ-за моря* и пр.), а также цѣлымъ рядомъ другихъ легендъ, занесенныхъ въ нашу лѣтопись (объ апостолѣ Андреѣ, о Хазарахъ, Оскольдѣ и Дирѣ, Олегѣ и Ольгѣ и пр.).

25. Сопоставленіе сѣвернаго сказанія о трехъ братьяхъ: Рюрикѣ, Синеусѣ и Труворѣ, съ южнымъ сказаніемъ о трехъ братьяхъ: Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ, а также съ литовскимъ о Палемонѣ и его трехъ внукахъ и съ другими подобными сказаніями не оставляетъ сомнѣнія, что мы имѣемъ дѣло съ легендой.

26. Утрата древнѣйшей редакціи *Повѣсти временныхъ лѣтъ*, вообще неисправная передача лѣтописнаго текста списателями и продолжателями, разногласіе дошедшихъ до насъ лѣтописныхъ сводовъ и сборниковъ относительно Варяговъ-Руси и относительно легенды объ Оскольдѣ и Дирѣ, а также разнообразныя толкованія имени Русь убѣждаютъ насъ, что *въ первоначальномъ своемъ видѣ легенда о призваніи князей не смѣшивала Русь съ Варягами* (и повидимому не причисляла къ Варягамъ Оскольда и Дира).

27. Польскіе историки (особенно Длугошъ и Стрыйковскій), имѣвшіе подъ руками русскія лѣтописи, также не смѣшиваютъ Русь съ Варягами; они изображаютъ ее народомъ туземнымъ и старобытнымъ, а Оскольда и Дира потомками Кія. Герберштейнъ, равно знакомый съ русскими лѣтописями, тоже различаетъ Русь отъ Варяговъ. Эти писатели еще болѣе подтверждаютъ наше мнѣніе, что первоначально лѣтописная легенда имѣла только династическій оттѣнокъ, то-есть говорила о призваніи князей изъ Варягъ, а существованіе народа Варягоруссовъ есть домыселъ болѣе поздней редакціи.

28. Совершенное отсутствіе точныхъ указаній на отечество призванныхъ Варяговъ въ большинствѣ сводовъ и указаніе нѣкоторыхъ на Прусскую землю и родъ Августа также подтверждаютъ, что первоначально легенда вообще имѣла въ виду выставить происхожденіе своихъ князей отъ знаменитаго иноземнаго рода—черта общая въ подобныхъ легендахъ и другихъ народовъ.

29. Невѣроятное накопленіе весьма крупныхъ событій и завоеваній въ періодъ времени, который лѣтопись полагаетъ между 859 и 912 годами, указываетъ на то, что ея начальная хронологія составлена искусственно и произвольно. Легенда о нападе-

деніи и призваніи Варяговъ пріурочена къ 859 и 862 годамъ очевидно для того, чтобъ объяснить нападеніе Руси на Константинополь въ 865 году, засвидѣтельствованное византійскими хрониками. Семидесятилѣтній возрастъ Игоря въ эпоху его дальнихъ походовъ и оставленный имъ малолѣтній сынъ также указываютъ на произвольность этой хронологіи.

30. Были дѣйствительно обстоятельства, которыя могли повліять на образованіе и распространеніе легенды о призваніи варяжскихъ князей въ Новгородъ.

a) Присутствіе въ Новгородѣ наемной варяжской дружины, которой начало, судя по лѣтописи, можно возводить ко времени Олега.

b) Призваніе Варяговъ въ Новгородъ Владиміромъ Св. и Ярославомъ I; завоеваніе съ ихъ помощію Кіевскаго стола; слѣдовавшія затѣмъ родственныя и дружескія связи съ Норманнами; присутствіе нѣкоторыхъ принцевъ и знатныхъ Норманновъ при Кіевскомъ дворѣ.

c) Дѣятельныя торговыя связи Новгорода съ Балтійскимъ поморьемъ и особенно съ Готскимъ берегомъ (Готландъ).

d) Обычай призывать князей, развившійся въ Новгородѣ съ XI вѣка; а въ XII вѣкѣ этотъ обычай отчасти раздѣляетъ и Кіевъ.

e) Упадокъ и униженіе Кіева, начавшіеся со второй половины XII вѣка, не могли не отозваться на лѣтописномъ дѣлѣ въ самомъ Кіевѣ.

f) Окончательное разъединеніе Руси и наступившая Татарская эпоха еще болѣе замутили источники древнѣйшей исторіи и перепутали нити національныхъ преданій; тогда и возобладало смѣшеніе самой Руси съ Варягами.

Можно было бы еще продолжить этотъ перечень доводовъ и сопоставленіе историческихъ данныхъ. Напримѣръ можно еще обратиться къ тѣмъ результатамъ, которые добыты раскопками могильныхъ кургановъ въ южной Россіи и которые въ общей суммѣ подтверждаютъ наши выводы. Но мы считаемъ и приведеннаго весьма достаточнымъ для своего главнаго положенія, то есть, *что Русь была искони народомъ туземнымъ и что она сама основала свое государство*. А для тѣхъ, кто почему-либо не желаетъ разстаться съ Варягами, всѣ доказательства будутъ неубѣдительны *).

---

*) Къ археологическимъ доказательствамъ того, что Русь не Норманны, должно отнести отсутствіе у насъ камней съ руническими письменами. Любопытно, что

Какъ и въ первой статьѣ, повторяемъ, что относительно нѣкоторыхъ соображеній второстепенной важности мы можемъ ошибаться; но оттого не пострадаетъ наше главное положеніе. Можно, напримѣръ, вести пренія о лѣтописной легендѣ какъ о фактѣ литературномъ, то-есть продолжать вопросъ объ источникахъ и редакціяхъ нашихъ лѣтописей — вопросъ достаточно запутанный, вслѣдствіе ихъ безличности и явной порчи. Но снова толковать объ идеальномъ лѣтописцѣ, послѣ всѣхъ трудовъ ему посвященныхъ; легенду о Рюрикѣ подкрѣплять легендой объ Оскольдѣ и Дирѣ и обратно; продолжать теорію Скандинавской Руси на основаніи Хескульдовъ и Хольмфорсовъ; голословно повторять, что за Норманновъ стоятъ всѣ извѣстія иностранныя и т. п.,—значило бы плодить пустое словопреніе.

Не находя опоры въ своихъ прежнихъ доказательствахъ, норманизмъ обратится вѣроятно къ противному мнѣнію съ разнообразными вопросами и съ требованіями объяснить немедленно всѣ темные пункты начальной русской исторіи. Повторяемъ, что мы прежде всего желали обратить вниманіе русской науки въ ту сторону, откуда она можетъ ожидать дѣйствительнаго, а не призрачнаго разъясненія этой исторіи, и предлагаемъ оставить тотъ безплодный путь, которымъ она доселѣ слѣдовала. Вотъ уже около полутораста лѣтъ норманисты трактуютъ о Руси пришедшей изъ Скандинавіи, и однако еще не нашли тамъ этой Руси. Они могутъ искать ее еще нѣсколько столѣтій, и все-таки не найдутъ, потому что тамъ ея никогда не было. Въ наукѣ (говоримъ собственно объ исторіи) обыкновенно бываетъ такъ: Если исходная точка зрѣнія вѣрна, то всякій новый трудъ, произведенный въ томъ же направленіи, увеличиваетъ запасъ данныхъ и прибавляетъ свѣту для разъясненія минувшихъ вѣковъ. И наоборотъ, исходя изъ ложной точки зрѣнія, труды, хотя бы и талантливыхъ ученыхъ, остаются почти безплодны для положительнаго рѣшенія темныхъ вопросовъ, и приносятъ пользу, если

одинъ изъ патріарховъ норманской школы, Шлёцеръ, замѣтилъ: „Руны не найдены ни въ какой европейской странѣ, кромѣ Скандинавіи; только въ Англіи имѣется ихъ нѣсколько; но едва ли они тамъ древнѣе датскаго владычества". (Allgemeine Nordische Geschichte. 591). Шлёцеръ не потрудился задать себѣ вопросъ: если господство языческихъ Норманов оставило письменные слѣды въ Англіи, отчего же это господство никакихъ подобныхъ слѣдовъ не оставило на Руси? Позд. прим.

можно такъ выразиться, отрицательную, то-есть убѣждаютъ, что не въ этомъ направленіи надобно искать истины. Это именно и случилось у насъ съ норманской школой: послѣ ея полуторасталѣтней работы наша начальная исторія и наше происхожденіе оставались покрытыми тѣмъ же *мракомъ неизвѣстности*, какъ и во время Байера, основателя этой школы. Въ результатѣ мы доселѣ должны были довольствоваться только нѣкоторыми легендами, предположеніями и натяжками. Съ своей стороны, насколько возможно, мы стараемся разъяснить естественное, постепенное (не внезапное) происхожденіе Русскаго государства и Русской національности; покрайней мѣрѣ надѣемся, что переносимъ начало нашей исторіи на основаніе болѣе прочное, болѣе согласное съ историческими законами.

Къ вопросу о лѣтописныхъ легендахъ и происхожденіи Русскаго государственнаго быта *).

Возьмемъ извѣстный разсказъ объ осадѣ Бѣлгорода Печѣнегами; при чемъ жители, по совѣту мудраго старца, наливають въ одну яму кисель, въ другую медовую сыту и такимъ образомъ обманывають Печенѣговъ, которые надѣялись взять ихъ голодомъ. Г. Костомаровъ полагаетъ, что въ этомъ разсказѣ выразилось Русское мнѣніе о Печенѣгахъ какъ о глупомъ народѣ. Но подобный разсказъ принадлежитъ къ тѣмъ легендарнымъ мотивамъ, которые встрѣчаются не только у новыхъ, но и у древнихъ народовъ. Такъ Геродотъ въ первой книгѣ расказываетъ о войнѣ лидійскаго царя Аліата съ городомъ Милетомъ; жители Милета, по совѣту Ѳразибула, собрали весь свой хлѣбъ на площадь и, когда въ городъ прибылъ лидійскій посолъ, то нашелъ гражданъ предававшимися на площади пиршеству и веселію. Слѣдствіе было тоже самое: потерявъ надежду взять Милетъ голодомъ, Аліатъ заключилъ миръ. Нѣчто подобное встрѣчаемъ мы въ исторіи Византійской. Въ концѣ X вѣка мятежный полководецъ Варда Склиръ между прочимъ осадилъ городъ Никею, и хотѣлъ взять ее голодомъ. Мануилъ Комненъ, начальникъ гарнизона, велѣлъ наполнить хлѣбные магазины пескомъ, а сверху покрыть его мукою; потомъ показалъ ихъ одному плѣннику и отпустилъ его, поручивъ сказать Склиру, что тотъ напрасно надѣется принудить къ сдачѣ городъ, снабженный хлѣбомъ болѣе чѣмъ на два года. И этой хитростью Комненъ добился свободнаго пропуска вмѣстѣ съ гарнизономъ. (См. у Le Beau. VII. 416).

Вообще въ Русской лѣтописи можно отыскать сходныя черты

---

*) Изъ моихъ замѣтокъ (въ Рус. Архивѣ 1873 г. № 4) по поводу статей Костомарова о преданіяхъ Русской лѣтописи и его теоріи возникновенія Русскаго государства (напечатанныхъ въ Вѣст. Евр. 1879 г. №№ 1—3).

или заимствованія изъ Византійской письменности въ большей степени, чѣмъ до сихъ поръ полагалось.

Напримѣръ бросается въ глаза извѣстіе нашей лѣтописи, что Святославъ взялъ на Дунаѣ 80 городовъ. Почему же восемьдесятъ, ни болѣе, ни менѣе? Я полагаю, это число нѣсколько объяснится, если сопоставимъ его съ извѣстіемъ Прокопія о томъ, что Юстиніанъ построилъ вдоль Дунайской границы 80 крѣпостей. Это число восьмидесяти Дунайскихъ городовъ конечно не разъ повторялось у Византійскихъ и Болгарскихъ писателей. До какой степени наша начальная лѣтопись была въ зависимости отъ византійскихъ хронографовъ, показываютъ походы Руссовъ въ Каспійское море. О нихъ говорятъ Арабы, а Византійцы не упоминаютъ, и Русскіе лѣтописцы ровно ничего не знаютъ объ этихъ походахъ, хотя по времени они были ближе къ эпохѣ лѣтописцевъ, чѣмъ предпріятіе 865 года и сказочный походъ Олега. Такъ мало домашнихъ свѣдѣній имѣли наши лѣтописцы даже о X-мъ вѣкѣ! *).

Теперь обращу вниманіе на сказочный походъ Олега подъ Константинополь на 2000 корабляхъ. Расказъ о немъ по наружности имѣетъ всѣ признаки народнаго преданія. Г. Костомаровъ видитъ въ немъ даже слѣды пѣсеннаго склада; числа *сорокъ* (по 40 человѣкъ на кораблѣ) и *двѣнадцать* (по 12 гривенъ на ключъ) суть обычныя въ нашихъ пѣсняхъ и сказкахъ. Но откуда же взялось 2000 кораблей? Мы позволимъ себѣ сблизить эту легенду съ греко-латинскими извѣстіями о знаменитомъ походѣ Скиѳовъ изъ странъ Меотійскихъ въ Геллеспонтъ и Эгейское море, во второй половинѣ III вѣка (Зосимъ, Синкелъ, Амміанъ, Іорданъ). Варвары (по однимъ просто Скиѳы, по другимъ Готы, по третьимъ Герулы) разграбили многіе города Греціи, Ѳракіи и Малой Азіи и между прочимъ разрушили извѣстный храмъ Діаны Эфесской. Подробности этого нашествія передаются разнообразно; нѣкоторые писатели (напр. Зосимъ) даже говорятъ не объ одномъ, а объ нѣсколькихъ подобныхъ походахъ; но замѣчательно, что число скиѳскихъ кораблей опредѣлялось именно въ 2000, о чемъ сви-

*) Преданіе объ Аварахъ или Обрахъ нашъ лѣтописецъ заключаетъ словами: „Есть притча въ Руси и до сего дне“: погибоша аки Обрѣ. Эта притча отзывается скорѣе церковнославянскимъ или Болгарскимъ переводомъ, нежели народнымъ Русскимъ языкомъ. А выраженіе „до сего дня“ повторяется въ лѣтописи кстати и не кстати и есть также заимствованная привычка.

дѣтельствуетъ Амміанъ. Итакъ мы въ правѣ предположить, что въ нашемъ сказаніи о походѣ Олега скрывается историческая основа, занесенная путемъ книжнымъ и вплетенная въ народную легенду по поводу совершенно другой эпохи. Предположеніе свое мы можемъ подкрѣпить еще слѣдующимъ сближеніемъ. По словамъ лѣтописи, Греки, испуганные приготовленіями Олега къ приступу, предложили дань и вынесли ему брашно и вино; но Олегъ не принялъ послѣдняго, ибо оно было приготовлено съ отравою. „Это не Олегъ (сказали Греки), а самъ святой Димитрій, посланный на насъ отъ Бога“. Что это за сравненіе Олега съ св. Димитріемъ? — спросимъ мы. Почему Димитрій, а не Георгій, или иной святой? Ключъ къ разгадкѣ даетъ намъ также Амміанъ Марцелинъ: онъ расказываетъ, что, во время упомянутаго нашествія, Скиѳы между прочимъ осаждали и городъ Ѳессалонику, т. е. Солунь. А извѣстно, что въ Солуни мѣстно-чтимый святой былъ Димитрій. Очень можетъ быть, что составилась мѣстная Солунская легенда о нашествіи варваровъ „въ двѣ тысячахъ корабляхъ“. Св. Димитрій также занесенъ въ легенду; ибо она конечно не затруднилась тѣмъ, что Димитрій жилъ немного позднѣе нашествія. А такъ какъ въ Солунской области, въ послѣдующую эпоху, обитало много Болгарскихъ Славянъ, то вѣроятно Солунская легенда вошла и въ болгарскіе переводные сборники, откуда съ разными измѣненіями и передѣлками перешла и къ намъ *).

Мы конечно не отрицаемъ элемента народныхъ преданій въ Русской начальной лѣтописи о временахъ до-Ярославовыхъ; но думаемъ, что въ настоящее время очень трудно провести границу между этими преданіями и собственными измышленіями нашихъ старинныхъ книжниковъ, воспитавшихся подъ вліяніемъ Византійской письменности (переводной или оригинальной, это все равно).

Относительно лѣтописнаго сказанія объ осадѣ Царьграда Олегомъ мы позволимъ себѣ еще слѣдующую догадку. Можетъ быть, поводъ къ означенному сказанію о первомъ Олегѣ, на ряду съ его договорами, поданъ былъ Олегомъ Святославичемъ, который дѣйствительно плавалъ въ Царьградъ, хотя въ качествѣ изгнан-

*) Это смѣшеніе Царьграда съ Солунью подтверждается и неоднократными нападеніями Славянъ-Болгаръ на Солунь въ VI—VIII вв.; причемъ спасеніе города приписывалось обыкновенно св. Димитрію. О солунскихъ легендахъ, относящихся сюда, см. статью преосв. Филарета въ Чт. Об. И. и Д. 1848 № 6.

ника, а не завоевателя. Но послѣднимъ обстоятельствомъ легенда не затрудняется. Для нея достаточно и одного имени, чтобъ измыслить цѣлое событіе. Не забудемъ, что Олегъ Святославичъ былъ одинъ изъ тѣхъ князей, о которыхъ наиболѣе говорили въ древней Руси. Онъ и весь родъ его имѣли своихъ поэтовъ-панегиристовъ, къ которымъ принадлежитъ и авторъ Слова о Полку Игоревѣ. По всей вѣроятности, легенда объ осадѣ Царяграда Олегомъ имѣетъ оттѣнокъ Черниговскій, какъ легенда о призваніи трехъ Варяговъ оттѣнка Новогородскаго; при чемъ имя Рюрика выдвинулось напередъ, можетъ быть, не безъ связи съ извѣстнымъ Рюрикомъ Ростиславичемъ (о чемъ замѣчено выше). Мы усматриваемъ и другіе примѣры перенесенія позднѣйшихъ историческихъ лицъ и событій въ эпоху древнѣйшую или смѣшенія тѣхъ и другихъ. Такъ въ извѣстной легендѣ о походѣ Русскаго князя, такъ называемаго Бравлина, на Сурожъ говорится, что онъ пришелъ изъ Новгорода. Предлагаемъ вопросъ: къ болѣе древнему преданію о дѣйствительномъ нападеніи Руссовъ на Сурожъ или Сугдею не примѣшали-ль позднѣйшіе списатели воспоминаніе о князѣ тмутраканскомъ Ростиславѣ, который дѣйствительно пришелъ въ Тмутракань прямо изъ Новгорода? Или воспоминаніе о князѣ новогородскомъ Владимірѣ Ярославичѣ, который въ 1043 году предпринималъ морской походъ на Византію? Послѣдній князь по всей вѣроятности воевалъ съ Греками не только на Черномъ морѣ, но и въ Тавридѣ, гдѣ, какъ мы знаемъ, русскія владѣнія сходились съ греческими. Любопытно, что византійскіе писатели (Скилица-Кедринъ) называютъ Владиміра Новогородскаго человѣкомъ раздражительнаго, безпокойнаго нрава; что вполнѣ совпадаетъ съ толкованіемъ имени Русскаго князя Бравлинъ искаженіемъ слова „бранливъ“.

Продолжимъ взятые изъ нашей лѣтописи примѣры перенесенія нѣкоторыхъ чертъ изъ эпохи близкой къ лѣтописцу или современной ему на лица и событія болѣе древнія.

Подъ 1068 г. есть извѣстіе о сраженіи Святослава Ярославича Черниговскаго съ Половцами. Видя превосходныя силы непріятелей, Святославъ воскликнулъ къ дружинѣ своей: „потягнемъ, уже намъ нельзѣ камо ся дѣти“; ударилъ на Половцевъ, и выигралъ битву. Почти тоже обращеніе къ дружинѣ, только въ распространенномъ видѣ, отнесено и къ Святославу Игоревичу во время его войны въ Болгаріи: „уже намъ некамо ся дѣти, и волею и неволею стати противу; да не посрамимъ земли Рус-

скія“, и пр. Подъ тѣмъ же 1068 г. расказывается, что Изяславъ Ярославичъ распустилъ Ляховъ своего союзника Болеслава II по кіевскимъ городамъ на покормъ, гдѣ ихъ тайно избивали. Тоже самое отнесено и къ Болеславу I, союзнику Святополка Окаяннаго. Подъ 1075 г. Нѣмцы говорятъ Святославу, смотря на его богатство; „серебро и золото лежитъ мертво; а съ кметами (дружиной) можно доискаться и большаго.“ Почти тѣже слова отнесены къ Владиміру Св. по поводу его отношеній къ своей дружинѣ. Подъ 1096 г. упомянуто нашествіе половецкаго хана Куря; очень можетъ быть, что его имя перенесено на того печенѣжскаго вождя, который сдѣлалъ себѣ чашу изъ черепа Святослава Игоревича; едва ли настоящее имя этого вождя дошло до лѣтописца.

Возвращаясь къ лѣтописному сказанію о призваніи Варяговъ, предложимъ свое соображеніе о томъ, когда это сказаніе получило ту искаженную редакцію, въ которой оно дошло до насъ.

Мы замѣтили, что до XIII вѣка ни одно произведеніе, кромѣ лѣтописи, не упоминаетъ о призваніи Рюрика съ братьями, а главное не смѣшиваетъ Русь съ Варягами. Для исторической критики важно именно послѣднее обстоятельство: вся норманская система, какъ извѣстно, построена на этомъ смѣшеніи, т. е. на искаженіи первоначальной лѣтописной редакціи; безъ этого искаженія басня о призваніи Варяговъ рушится сама собой. Въ эпоху до-Татарскую мы можемъ указать только одного писателя, у котораго встрѣчается намекъ на смѣшеніе Варяговъ съ Русью. Это Симонъ, епископъ Владимірскій, который въ своемъ посланіи къ Поликарпу говоритъ по поводу Леонтія Ростовскаго: „и се третій гражданинъ небесный бысть Рускаго міра, съ онѣма Варягома вѣнчався отъ Христа, его же ради убіенъ бысть.“ Ясно, что онъ двухъ кіевскихъ мучениковъ считаетъ Варягами и въ тоже время относитъ ихъ къ Русскому міру. Невѣрное представленіе объ этихъ мученикахъ какъ о Варягахъ было нами указано выше. Въ словахъ Симона очевидно слышится знакомство съ Повѣстью временныхъ лѣтъ, но конечно уже не въ ея первоначальной редакціи. Въ произведеніяхъ XII вѣка (не говоримъ уже объ XI), повторяемъ, кромѣ лѣтописи, нигдѣ нѣтъ намека на какое либо тождество Руси и Варяговъ: искаженная редакція лѣтописнаго сказанія о Варягахъ еще не была извѣстна людямъ книжно образованнымъ. Посланіе Симона къ Поликарпу написано около 20-хъ годовъ XIII вѣка. По этому поводу вновь

утверждаемъ, что въ самой лѣтописи смѣшеніе Варяговъ съ Русью по всѣмъ признакамъ произошло не ранѣе какъ во второй половинѣ XII вѣка, и произошло отъ невѣжественныхъ списателей и сокращателей *). Но и въ XIII вѣкѣ искаженіе это проникло не во всѣ списки лѣтописи; какъ то доказываютъ: упомянутый выше лѣтописецъ патріарха Никифора, написанный въ Новгородѣ въ концѣ XIII вѣка, отрывокъ Іоакимовой лѣтописи, основанный на недошедшемъ до насъ началѣ Новогородскаго же лѣтописца, и указанные мною польскіе историки Длугошъ и Стрыйковскій, имѣвшіе подъ рукою древніе югозападные списки нашей лѣтописи. Любопытно, что приведенный сейчасъ первый намекъ на смѣшеніе Руси съ Варягами мы встрѣчаемъ на сѣверовостокѣ Россіи во Владимірѣ на Клязьмѣ. Любопытно, что Симонъ послѣ упоминанія о мученикахъ-Варягахъ немного ниже, по поводу печерскихъ постриженниковъ, ссылается на „стараго лѣтописца Ростовскаго". А этотъ лѣтописецъ едва ли не былъ Ростовскій спискомъ все той же Кіевской лѣтописи. Предлагаемъ вопросъ: искаженная редакція, смѣшавшая Русь съ Варягами, не утвердилась ли именно въ той группѣ списковъ, которые распространились преимущественно въ Сѣверовосточной Россіи?

Прежде нежели въ достаточной степени были изучены и провѣрены источники, прежде нежели возстановлены и освѣщены факты дѣйствительно историческіе, Русская историческая литература уже была богата разными теоріями и системами для объ-

---

*) Выше мы приводили свои основанія, по которымъ дошедшую до насъ редакцію Повѣсти временныхъ лѣтъ полагаемъ неранѣе второй половины XII вѣка. Особенно укажемъ на Казарскихъ Жидовъ, которые говорятъ Владиміру, что Богъ отдалъ Іерусалимъ и землю ихъ Христіанамъ. Самъ авторъ Повѣсти не могъ такъ выразиться: Святая земля была завоевана крестоносцами, такъ сказать, на его глазахъ, и слѣдовательно онъ не могъ не знать, что во времена Владиміра христіане еще не владѣли ею. Съ этимъ моимъ указаніемъ согласился и уважаемой памяти М. П. Погодинъ, который, какъ извѣстно, не дѣлалъ никакихъ уступокъ въ данномъ вопросѣ. („Борьба съ новыми историч. ересями" 358). Чтобы время завоеванія Святой земли могло придти въ нѣкоторое забвеніе у русскихъ книжниковъ, мы должны положить не менѣе 50 или 60 лѣтъ. А такъ какъ подъ 1187 годомъ кіевская лѣтопись упоминаетъ о новой потерѣ Іерусалима, который былъ завоеванъ Саладиномъ, то періодъ, заключающійся между 1160 и 1187 гг. и можетъ быть приблизительно назначенъ для того времени, когда произошла дошедшая до насъ искаженная редакція сказанія о призваніи Варяговъ, т. е. когда въ нѣкоторыхъ спискахъ начальной лѣтописи могло впервые появиться смѣшеніе Руси съ Варягами.

ясненія нашего древнѣйшаго періода. Рядомъ съ системами Норманской, Славяно-Балтійской, Угро-Хазарской и пр.*), возникали теоріи быта Родоваго, Дружиннаго, Общиннаго или Вѣчеваго, Вотчиннаго и т. п. Зачѣмъ прибавлять къ нимъ еще теорію (если можно такъ выразиться) Дружинно-разбойничью? Появленіе дикой, наѣздничеcкой шайки въ средѣ осѣдлаго, земледѣльческаго населенія и развитіе изъ нея, какъ изъ зерна, государственной жизни—эта теорія была бы еще болѣе искусственна, чѣмъ предыдущія. Русское государство, также какъ и всѣ другія, произошло изъ борьбы племенъ и народовъ между собою. На данномъ пространствѣ изъ массы одноплеменныхъ и разноплеменныхъ элементовъ выдѣляется наиболѣе воинственный, наиболѣе способный къ единенію народъ, который постепенно подчиняетъ себѣ сосѣдей и распространяетъ свое господство обыкновенно до тѣхъ предѣловъ, гдѣ встрѣчаются или естественныя преграды, или не менѣе сильные народы. Подчиненіе племенъ господствующему народу или его вождямъ конечно выражалось данью; но эта дань есть ничто иное, какъ первобытная форма тѣхъ податей и повинностей, безъ которыхъ не существуетъ ни одно благоустроенное общество. Господствующее племя (изъ котораго главнымъ образомъ составлялись княжескія дружины) собирало дани не совсѣмъ даромъ: оно въ свою очередь сторожило, чтобы никакой посторонній народъ не грабилъ и не собиралъ даней въ тѣхъ же мѣстахъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ оно вносило въ страну кое-какой судъ и кое-какой порядокъ, т. е. начала гражданской организаціи. Иногда господство одного народа вытѣснялось господствомъ другаго болѣе сильнаго сосѣда; а этотъ въ свою очередь бывалъ угнетенъ инымъ нашествіемъ, или побѣжденъ возставшимъ племенемъ, которое вновь усиливалось и опять брало верхъ надъ своими сосѣдями. Такъ именно и было на Руси въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ, которые предшествовали временамъ болѣе историческимъ.

Если всматриваться въ эту глубь прошедшихъ вѣковъ, то можно возвести ко временамъ довольно глубокой древности (хотя еще туманные) очерки той исторической мѣстности и той группы народовъ, изъ которыхъ развилось впослѣдствіи Русское государство. Во времена Геродота и нѣсколько столѣтій послѣ него,

*) Есть еще мнѣніе, которое въ параллель съ Славяно-Балтійской теоріей указываетъ на Славяно-Дунайское происхожденіе призванныхъ князей. См. Пассека „Общій очеркъ періода удѣловъ“ (Чт. Об. И. и Др. 1868 кн. 3).

въ южной Россіи преобладаетъ племя т. наз. Царскихъ Скиѳовъ, жившихъ между Днѣпромъ и Дономъ *). Самая священная для нихъ мѣстность, Герросъ, гдѣ находились могильные курганы ихъ царей, лежала по всѣмъ признакамъ около Днѣпровскихъ пороговъ (что́ подтверждается и раскопками могильныхъ кургановъ). Въ первомъ вѣкѣ до Р. Х. на тѣхъ мѣстахъ встрѣчаемъ Сармато-славянскій народъ Россаланъ; это были можетъ быть потомки тѣхъ же Царскихъ Скиѳовъ, а еще вѣроятнѣе ихъ побѣдители и близкіе соплеменники, распространившіеся изъ за Дона и Меотійскаго озера. Въ первые вѣка по Рожд. Христовѣ, въ странѣ между Днѣстромъ и Днѣпромъ, усиливается западноскиѳское или восточногерманское племя Готы. Въ III вѣкѣ мы видимъ, что они господствуютъ въ Скиѳіи, т. е. заставляютъ платить дань сосѣдніе народы, въ томъ числѣ и Россаланъ или *Рокасовъ* (какъ ихъ иначе называетъ Іорнандъ). Но очевидно, между этими двумя сильнѣйшими народами Скиѳіи, т. е. между Готами и Россами, идетъ упорная борьба за господство въ Восточной Европѣ. Рѣшался вопросъ: какое объединительное начало возметъ окончательный верхъ, т. е. кому будетъ принадлежать честь созиданія великаго Восточно-европейскаго государства, Нѣмецкому или Славянскому народу? **). По всей вѣроятности, въ связи съ этою

---

*) Что Скиѳы составляли вѣтвь Арійской семьи—это положеніе въ настоящее время можетъ считаться уже доказаннымъ въ наукѣ, а Нибуровское мнѣніе объ ихъ монгольствѣ опровергнутымъ (послѣ изслѣдованій Надеждина, Лиденера, Укерта, Цейса, Бергмана, Куно, Григорьева, послѣ разсужденій о Скиѳскомъ языкѣ Шифнера, Мюлленгофа и особенно послѣ раскопокъ въ южной Россіи). Къ Скиѳамъ Восточной Европы принадлежали вообще народы Германо-Славяно-Литовскіе. Царскихъ Скиѳовъ, т. е. Скиѳовъ по преимуществу, одни по разнымъ соображеніямъ относятъ къ Славянамъ, другіе къ Готамъ. Впрочемъ въ эпоху Геродотовскую, языки Готскій, Славянскій и Литовскій конечно были такъ близки другъ къ другу, что находились еще на степени разныхъ нарѣчій одного и того же языка. Подъ именемъ Сарматъ надобно разумѣть преимущественно Славяно-Литовскій отдѣлъ Скиѳовъ. (Впослѣдствіи, названія Скиѳовъ и Сарматъ переносились и на народы Угро-Тюркскіе, т. е. получили смыслъ еще болѣе географическій).

**) Объединительныя стремленія того и другаго народа ясно выражаются въ извѣстіяхъ Амміана Марцелина и Іорнанда. Амміанъ, писатель IV вѣка, съ особою силою говоритъ о многочисленности и воинственности Аланскаго племени (котораго передовою западною вѣтвію были Россаланы). По его словамъ, Алане подчинили себѣ многіе народы и распространили на нихъ свое имя. Онъ же перечисляетъ эти народы, но употребляетъ при томъ названія еще Геродо-

борьбою Нѣмцевъ и Славянъ являются изъ за Волги Болгаро-Гунны, которые вмѣстѣ съ Аланами не только разрушаютъ владычество Готовъ въ южной Россіи, но и самые Готскіе народы вытѣсняютъ за Днѣстръ, а потомъ за Дунай и за Карпаты. Очевидно, толчекъ къ т. наз. Великому Переселенію народовъ данъ былъ движеніемъ Восточнославянскимъ.

Въ VI вѣкѣ Русское племя снова выплываетъ на поверхность. Въ этомъ вѣкѣ встрѣчаемъ его въ историческихъ извѣстіяхъ, кромѣ общихъ именъ Скиѳовъ и Сарматовъ, также подъ именами Роксаланъ, Антовъ и Тавроскиѳовъ (Іорнандъ, Прокопій, Маврикій). Временное германское владычество уничтожено; но очевидно затѣмъ наступаетъ долгій періодъ трудной и упорной борьбы какъ съ соплеменниками, такъ и съ дикими Угро-Тюркскими народами. Въ нашей лѣтописи отголоски этой борьбы слышны въ преданіяхъ о насиліи Обровъ и Казарской дани. Въ тоже время Русь возвращается къ своей объединительной дѣятельности и собираетъ вокругъ себя соплеменные Славянскіе народы, которые конечно подчиняются ей не по доброй волѣ, а уступаютъ только силѣ оружія. Со второй половины IX вѣка начинается періодъ славы и могущества. Нападеніемъ на Царьградъ

товскія, какъ то: Невры, Будины, Гелоны, Агатирсы, Меланхлены и Антропофаги. Въ этомъ перечисленіи конечно было преувеличеніе. Съ другой стороны Іорнандъ, писатель VI вѣка, съ явнымъ пристрастіемъ распространяется о могуществѣ Готовъ и говоритъ, будто Германриху подвластны были кромѣ Готовъ Скиѳы, Туиды (Чудь), Васинабронки (Весь?), Меренсы (Меря), Морденсимны (Мордва), Кары (Карелы?), Рокасы (Русь), Тадзаны, Атуаль, Навего, Бубегенты, Кольды, Герулы, Венеты (Вятичи?) — однимъ словомъ, чуть не всѣ народы Восточной Европы. Но интересно, что эти народы отчасти были ему извѣстны подъ ихъ живыми современными именами, а не подъ книжными названіями, повторявшимися со временъ Геродота. Іорнандъ какъ будто предупреждаетъ нашу лѣтопись, которая, перечисляя инородцевъ, „иже дань даю Руси“, приводитъ тѣхъ же Чудь, Весь, Мерю, Мордву и пр. Какъ ни преувеличены эти извѣстія Амміана и Іорнанда, но они даютъ понять, что уже въ тѣ отдаленные времена исторія ясно намѣчивала объемъ и составъ будущаго Русскаго государства. Что между Готами и Руссами шла исконная вражда за господство въ Скиѳіи, подтверждаетъ преданіе, сообщенное тѣмъ же Іорнандомъ: когда Готы пришли на берега Чернаго моря, то должны были выдержать борьбу за свои новыя жилища съ сильнымъ народомъ Спалами. Послѣдніе были, конечно, тоже, что Палеи и Спалеи классическихъ писателей (Діодора и Плинія). Въ нихъ мы узнаемъ нашихъ Полянъ (отъ нихъ же и слова сполинъ или исполинъ), а слѣдовательно тѣхъ-же Россаланъ или Руссовъ.

въ 865 году и походомъ на Каспійское море въ 913 Русь заставила говорить о себѣ Византійскихъ и Арабскихъ писателей *).

Въ X вѣкѣ, когда источники проливаютъ уже яркій свѣтъ на нашу исторію, мы видимъ Русь господствующею отъ Новгорода до Тамани, и все это пространство объединеннымъ подъ властію того княжескаго рода, который сидѣлъ въ Кіевѣ, т. е. въ землѣ Полянъ или Руси по преимуществу. Но и въ этотъ, вполнѣ-историческій періодъ, въ иноземныхъ источникахъ встрѣчаемъ прежнее разнообразіе по отношенію къ нашему народному имени. Арабы болѣе постоянны въ употребленіи имени Русь; но Византійцы наряду съ этимъ именемъ продолжаютъ называть ее Сарматами, Скиѳами и преимущественно Тавроскиѳами. Даже для писателей XII вѣка Кіевъ есть столица *Тавроскиѳіи*, Галиція страна *Тавроскиѳская* и т. п. Мы уже говорили прежде, что чрезвычайное множество народныхъ именъ въ средневѣковыхъ источникахъ по отношенію къ какой либо странѣ вносило большую запутанность въ исторіографію; но пора сознать, что мѣнялись и разнообразились имена, а народы по большей части оставались тѣже самые.

Итакъ основателемъ Русскаго государства не была какая-то дикая, сбродная шайка, жившая на счетъ осѣдлаго населенія. Нѣтъ, это было энергичное могучее племя, выдѣлявшее изъ себя военныя дружины, которыя считались иногда десятками тысячъ человѣкъ. Мы уже сказали, что оно долго жило на Азовскихъ и Черноморскихъ предѣлахъ Грекоримскаго міра и конечно не безслѣдно для своего умственнаго развитія. Часть Сарматовъ-Роксаланъ даже завладѣла древнимъ Боспорскимъ царствомъ, и конечно опередила другихъ своихъ соплеменниковъ на пути гражданственности. Это такъ наз. Русь Тмутраканская, впослѣдствіи отрѣзанная и затертая новымъ приливомъ дикарей, каковы Половцы и Татары. Во второй половинѣ IX-го вѣка, когда проясняется наша исторія, Руссы являются не только воинственнымъ, но и торговымъ народомъ, и притомъ смѣлыми, опытными моряками; Русскіе гости проживаютъ по долгу и въ Константино-

---

*) Для объясненія событія, записаннаго Византійцами, и сложились сказанія объ Оскольдѣ и Дирѣ и о призваніи князей въ 862 году. Всѣ подобныя басни совершенно соотвѣтствуютъ понятіямъ и средствамъ старинныхъ бытописателей и списателей. Но замѣчательно то, что онѣ находятъ усердныхъ защитниковъ и въ наше время, время научной критики.

полѣ, и въ хазарскомъ Итилѣ. Своею наружностію и суровою энергіею Руссы очевидно производили впечатлѣніе на южныхъ жителей. Высокіе, статные, свѣтлорусые съ острымъ взоромъ— вотъ какими чертами описываютъ ихъ Арабы (тѣми же чертами Амміанъ Марцеллинъ изображаетъ Аланъ); при бедрѣ широкій, обоюдуострый мечъ съ волнообразнымъ лезвеемъ; на лѣвое плечо наброшенъ плащъ, въ родѣ древнегреческой хламиды. Руссы остались Славянами; но очевидно у этихъ восточныхъ Славянъ выработался типъ нѣсколько отличный отъ западныхъ; что вполнѣ естественно, если возмемъ въ расчетъ различіе географическихъ условій и перекрещеніе съ другими этнографическими элементами.

Никакая бродячая шайка—все равно домашняя или пришедшая изъ *заморя*—не могла объединить (да еще притомъ въ короткое время) и крѣпко сплотить въ одно политическое тѣло многочисленныя племена, разселившіяся на равнинахъ Восточной Европы, дать имъ единство не только политическое, но и національное. Это не въ порядкѣ вещей. Для такого единства потребно было однородное и весьма прочное ядро. Его могъ совершить только сильный народъ. Болѣе критическое отношеніе къ источникамъ подтверждаетъ, что и наше прошедшее нисколько не отступало отъ историческихъ законовъ, дѣйствующихъ въ развитіи человѣческихъ обществъ.

Говоря о томъ, что̀ совершено было тѣмъ или другимъ *народомъ*, мы конечно должны подразумѣвать при этомъ его предводителей; ибо безъ нихъ немыслимы никакія дѣянія, а тѣмъ болѣе основаніе государства. Княжеская власть, по всѣмъ признакамъ, издревле существовала у Руссовъ, какъ и у прочихъ Славянъ. (Очевидно, не имѣлось никакой нужды призывать изъ заморя для порядка чужихъ князей, такъ какъ и въ своихъ недостатка не было). Эта власть была довольно сильно развита. (У Царскихъ Скиѳовъ, по извѣстію Геродота, она является даже съ характеромъ деспотизма). Достоинство князей было родовое, т. е. наслѣдственное въ извѣстныхъ княжескихъ родахъ. Борьба единодержавнаго порядка съ удѣльнымъ началась задолго до Святослава и Владиміра; ибо не они конечно придумали удѣльную систему. Безъ такой борьбы невозможно было бы и объединеніе самихъ Руссовъ подъ властію одного княжескаго рода. До насъ не дошли имена предшествовавшихъ князей-объединителей. Въ ряду Кіевскихъ князей первое достовѣрное имя, которое мы

имѣемъ, это *Олегъ*. Его историческія дѣянія намъ неизвѣстны; надобно полагать, что они не были особенно громки, ибо ни одинъ иноземный источникъ о немъ не упоминаетъ. Но онъ несомнѣнно существовалъ и имѣлъ сношенія съ Греками: доказательствомъ тому служитъ дошедшій до насъ его договоръ (который конечно и подалъ поводъ къ лѣтописной легендѣ о походѣ Олега подъ Царьградъ). Самое имя его нисколько не иноземное: оно туземное изъ туземныхъ. За нимъ выступаетъ *Игорь*. Это болѣе крупная историческая личность, нежели Олегъ; онъ предпринималъ не сказочный, а дѣйствительный походъ на Византію; о немъ говорятъ иноземцы. Такъ какъ отъ него идетъ непрерывное потомство Русскихъ государей до смерти Ѳеодора Іоанновича, то онъ (а не миѳическій Рюрикъ) и долженъ быть поставленъ во главѣ нашей старой династіи.

Вотъ въ немногихъ словахъ сущность нашего взгляда на происхожденіе Русскаго государства. Мы убѣждены въ томъ, что усилія изыскателей, направленныя не за море, а именно въ южную Россію, со временемъ разработаютъ нашу древнѣйшую исторію до той степени ясности, которая только возможна при данномъ состояніи источниковъ. Запасъ послѣднихъ можетъ расшириться научными раскопками, особенно въ Приднѣпровскомъ краѣ *).

---

*) И въ послѣднее время онъ дѣйствительно началъ расширяться, благодаря особенно раскопкамъ Д. Я. Самоквасова.

О СЛАВЯНСКОМЪ ПРОИСХОЖДЕНІИ ДУНАЙСКИХЪ БОЛГАРЪ.*)

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ИСТОРИЧЕСКІЯ.

I.

Теорія Энгеля и Тунмана. Венелинъ и Шафарикъ. Названія Гунны и Болгаре. Путаница народныхъ именъ у средневѣковыхъ лѣтописцевъ.

Вопросъ о происхожденіи Руси естественно наводитъ изслѣдователя на вопросъ о происхожденіи и другихъ народовъ, обитавшихъ когда-то въ нашемъ отечествѣ и находившихся въ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ къ нашимъ предкамъ. Между такими народами едвали не первое мѣсто принадлежитъ Болгарамъ. Поэтому мы сочли необходимымъ посвятить имъ особое изслѣдованіе, т. е. по возможности тщательно провѣрить тѣ основанія, на которыхъ сложилось господствующее о нихъ мнѣніе. Въ настоящей монографіи предлагаемъ вниманію образованной публики результаты этой провѣрки.

Что̀ такое Болгаре? Гдѣ ихъ родина? Къ какой семьѣ племенъ они принадлежали?

Отвѣтъ на эти вопросы уже давно сдѣланъ: Болгаре—говорятъ намъ—была финская орда, соплеменная Уграмъ, пришедшая съ береговъ Волги на Дунай, здѣсь смѣшавшаяся съ Славянами и принявшая ихъ языкъ. Такъ рѣшила Нѣмецкая наука въ лицѣ Энгеля, Тунмана, Клапрота, Френа и нѣкоторыхъ другихъ касавшихся этого вопроса **). За ними въ томъ же смыслѣ выска-

*) Русскій Архивъ. 1874. Іюнь.

**) Tunmann—Untersuchungen ueber die Geschichte der oestlichen Voelker. 1774. Engel—Geschichte der Bulgaren. 1797. Klaproth—Tableaux histor. de l'Asie. 1726. Fraehn—Die aelt arab. Nachr. über die Wolga—Bulgaren въ Mém. de l'Académie. VI, Sér. T. I.

залось большинство Славянскихъ ученыхъ, и во главѣ ихъ знаменитый Шафарикъ. Но были и другіе ученые, которые считали древнихъ Болгаръ чистыми Славянами. Не буду говорить о писателяхъ прошлаго столѣтія, каковы, напримѣръ, Сумъ и Раичь, оставившіе послѣ себя труды почтенные, но мало удовлетворительные для нашего времени. Перейду прямо къ извѣстному Венелину. Этотъ талантливый карпатороссъ въ своемъ сочиненіи Древніе и нынѣшніе Болгаре (М. 1829) горячо возсталъ въ защиту Славянскаго происхожденія Болгаръ противъ Татаро-Финской теоріи Энгеля и Тунмана, которую можно поставить въ параллель съ Скандинавской теоріей Байера и Шлёцера по отношенію къ Руси. Сочиненіе Венелина въ свое время произвело довольно сильное впечатлѣніе и нашло себѣ усердныхъ послѣдователей, особенно между Болгарскими патріотами. Но ученые авторитеты отнеслись къ его мнѣніямъ весьма неблагосклонно. Шафарикъ отвергъ его выводы, какъ порожденные „страстію къ новосказаніямъ и особенными понятіями о народной чести и славѣ“ (Славян. Древн. т. II. кн. I). Тотъ же приговоръ подтверждали до сихъ поръ и другіе писатели-слависты, касавшіеся этого предмета.

А между тѣмъ Венелинъ былъ близокъ къ истинѣ, но затемнилъ ее, отдавшись порывамъ своего пылкаго воображенія. Впрочемъ его „Древніе и нынѣшніе Болгаре“ есть произведеніе еще молодаго и довольно неопытнаго ученаго (ему было только 27 лѣтъ, когда эта книга явилась въ печати). Въ послѣдствіи болѣе спокойныя изысканія вѣроятно заставили бы его отказаться отъ нѣкоторыхъ крайнихъ выводовъ; это можно предполагать изъ его дальнѣйшихъ трудовъ. Смерть похитила его слишкомъ рано (въ 1839 году, 37 лѣтъ отъ роду).

Венелинъ видѣлъ, что Тюрко-Финская теорія о происхожденіи Болгаръ находится въ явномъ противорѣчіи съ ихъ историческою жизнію; онъ догадывался, что въ основѣ этой теоріи должны быть разныя недоразумѣнія; но отъ него ускользнуло самое существенное изъ этихъ недоразумѣній. У нѣкоторыхъ средневѣковыхъ писателей Болгаре называются смѣшанно то Гуннами, то Болгарами, и это обстоятельство послужило важнѣйшимъ основаніемъ для Тюрко-Финской теоріи. Чтобы доказать славянство Болгаръ, Венелинъ началъ доказывать что сами Гунны съ Аттилой включительно были племя Славянское. Но онъ тѣмъ не ограничился: Хазары, Авары, а кстати Готы, Гепиды, Франки и т. д.—все

это по его мнѣнію никто иные какъ Славяне. Понятно, что такое увлеченіе должно было вызвать суровое отрицаніе *).

Такъ какъ доводы, на которыхъ основана Тюрко-Финская теорія, яснѣе и логичнѣе другихъ писателей сведены и изложены въ безсмертномъ трудѣ Шафарика, то мы при ихъ разборѣ будемъ держаться преимущественно того порядка, въ которомъ они сгруппированы у автора „Славянскихъ Древностей“.

Первое основаніе, на которомъ построена означенная теорія, есть наименованіе Болгаръ у средневѣковыхъ лѣтописцевъ Гуннами. А Гунны, по мнѣнію многихъ ученыхъ, будто бы составляли одно изъ племенъ Восточнофинской или Чудской группы народовъ и принадлежали къ ея Угорской вѣтви. Гунны издревле обитали въ степяхъ Прикаспійскихъ между Ураломъ и Волгою, по сосѣдству съ Скиѳскими народами Арійской семьи, и совсѣмъ не были какимъ-то новымъ народомъ, пришедшимъ въ Европу прямо изъ глубины Средней Азіи отъ границъ Китая во второй половинѣ IV вѣка. У Птоломея, слѣдовательно во II вѣкѣ, они уже упоминаются какъ народъ сосѣдній съ Роксаланами (онъ говоритъ, что они жили гдѣ-то между этими послѣдними и Бастарнами. Lib. III. cap. 5). Амміанъ Марцелинъ замѣтилъ, что о нихъ слегка упоминаютъ старые писатели (Lib. XXXI. c. 2). Но послѣ побѣды надъ Готскими племенами и покоренія большей части Восточной Европы, это скромное и едва извѣстное дотолѣ имя сдѣлалось громкимъ; по обыкновенію оно распространилось на покоренные народы, какъ родственнаго такъ и совершенно чуждаго происхожденія, т. е. распространилось въ извѣстіяхъ иноземныхъ писателей; но сами народы обыкновенно держатся своего роднаго имени, которое мѣняютъ весьма рѣдко и весьма туго. Такъ, византійскіе историки иногда причисляютъ къ Гуннамъ готское племя Гепидовъ (Пасхальная хроника), или употребляютъ названіе Гунновъ и Славянъ безразлично („Гунны иначе Склавины“, выражается Кедринъ, разсказывая объ ихъ нашествіи на Ѳракію въ 559 г.). А Прокопій замѣчаетъ, что Славяне въ обычаяхъ и образѣ жизни имѣютъ много общаго съ Гуннами. Сходство бытовыхъ чертъ не мало способствовало смѣшенію разныхъ варварскихъ народовъ подъ однимъ общимъ именемъ, и отъ

---

*) Изъ послѣдователей его укажу на сочиненіе г. Крьстьовича: Історія Блъгарска. (Ч. І. Цариградъ. 1871) и на любопытную диссертацію Серг. Уварова De Bulgarorum utrorumque origine. (Dorpati, 1853). Къ сожалѣнію послѣдній не довелъ этого вопроса до надлежащей степени ясности и критики.

средневѣковыхъ лѣтописцевъ менѣе всего можно требовать точнаго этнографическаго распредѣленія на основаніи языка. Послѣ того какъ Авары въ VI вѣкѣ наложили свое иго на нѣкоторыя Славянскія племена, обитавшія по Дунаю, эти племена называются иногда Аварами и притомъ въ эпоху, когда Аварское иго обратилось уже въ преданіе. („Склавы, которые и Аварами называются“, говоритъ Константинъ Б. въ своемъ соч. „Объ управленіи имперіей“, гл. 29).

Извѣстно, что имя господствующаго народа нерѣдко переходило на чуждыя племена. Примѣръ тому въ особенности представляетъ названіе Гунны. У византійскихъ и латинскихъ писателей подъ общимъ или родовымъ названіемъ Гунновъ встрѣчаются многія видовыя имена: Акациры, Бурyгунды, Кутургуры, Савиры, Сарагуры и пр. и пр. *). Почти каждое изъ этихъ названій имѣетъ еще свои варіанты. Со стороны исторіографіи едва ли не было ошибкою всѣ означенные народы считать вѣтвями одного и того же Гуннскаго поколѣнія. Къ Гуннамъ причисляются иногда чуть не всѣ обитатели Дунайской и юговосточной Европейской равнины; но если бы всѣ эти народы были дѣйствительно Гунны, то куда же они исчезли и откуда на ихъ мѣстѣ явились народы совершенно другіе? Ясно, что подъ этими названіями скрываются иныя племена, и преимущественно Славянскія. Однимъ словомъ, въ извѣстный періодъ времени слово Гунны употреблялось вообще для обозначенія варваровъ Южной Россіи и пріобрѣло почти географическое значеніе; оно замѣнило собою прежнее слово Скиѳы. Впрочемъ послѣднее названіе пережило Гунновъ, и сами Гунны нерѣдко въ источникахъ называются Скиѳами. На это географическое значеніе между прочимъ указываетъ Іорнандъ, который говоритъ, что страна къ сѣверовостоку отъ Дуная называлась *Гунниваръ* **).

Что касается до окончанія народныхъ именъ на *уры*, *гуры* или *гары*, то это окончаніе нисколько не означаетъ народовъ Тюркскихъ или Финскихъ; оно отбрасывалось или прибавлялось, не измѣняя кореннаго смысла въ названіи. Возмемъ, напримѣръ, у Прокопія названіе *Утургуры* или *Утигуры* съ его варіантами, у

*) См. Memoriae Populorum. I. 451.

**) Въ этомъ изслѣдованіи о Болгарахъ я старался по возможности разсматривать ихъ отдѣльно, не рѣшая пока вопроса о народности Гунновъ вообще. Рѣшеніе его см. ниже. Позд. прим.

Агаөія и Менандра *Утригуры* и *Витигуры*, а въ передачѣ Іорнанда *Витугоры*. Если отбросимъ окончаніе, то получимъ коренное названіе *Уты* или *Виты*, а, взявъ въ расчетъ древнее юсовое произношеніе (Ѫты), будемъ имѣть Онты или *Анты*—столь извѣстное названіе восточныхъ Славянъ. Витичи или Вятичи нашей лѣтописи есть только варіантъ того же названія (собственно Ванты или Вантичи); въ связи съ нимъ находится имя древняго города Витичева на Днѣпрѣ. Точно также *Кутургуры* Прокопія, *Котрагиры* или *Котригуры* Агаөія и Менандра имѣютъ форму *Котраги* у Өеофана и Никифора, слѣдовательно коренное названіе будетъ *Куты* или *Кутры* (м. б. тоже что Скуты или Скиөы?) У Іорнанда встрѣчаемъ *Сатагаровъ* или просто *Сатаговъ*, народъ Сарматскій или Аланскій; а извѣстно, что Сарматы-Алане не были Гуннами. Прискъ въ числѣ народовъ, подчиненныхъ Гуннамъ, называетъ *Амалзуровъ*; но тутъ очевидно подразумѣваются Остроготы, у которыхъ былъ княжескій родъ Амаловъ. Напомнимъ также названіе одного Германскаго племени *Гермундуры*, и пр. Слѣдовательно окончаніе на *гуры* и *гары* не принадлежало никакой опредѣленной группѣ.

Итакъ кромѣ своего настоящаго имени Болгаре являются у средневѣковыхъ писателей подъ весьма разнообразными названіями, напримѣръ: Гунны, Гунногундуры, Гуннобундобулгары, Киммеріяне, Массагеты, Скиөы, Котраги, Мизы и даже Влахи *). Важная ошибка исторіографіи заключается въ томъ, что она излагала первоначальныя судьбы Болгаръ на основаніи только этого имени въ источникахъ, и упускала изъ виду многія извѣстія, въ которыхъ Болгаре являются подъ другими именами. Главнымъ исходнымъ пунктомъ въ исторіи Болгаръ обыкновенно принималось сказаніе о раздѣленіи ихъ на пять частей между сыновьями Куврата и о поселеніи Аспаруховой части на Дунаѣ только во второй половинѣ VII вѣка. А вся ихъ предыдущая исторія являлась въ видѣ нѣсколькихъ отрывочныхъ свидѣтельствъ, т. е. такихъ только, въ которыхъ упоминается слово Болгаре. Подъ этимъ именемъ они встрѣчаются собственно у позднѣйшихъ писателей (Өеофана, Кедрина, Зонары); но встрѣчаются у нихъ уже въ разсказахъ о второй половинѣ V вѣка, т. е. объ эпохѣ, наступившей послѣ паденія великой Гуннской державы. Болгаре начали производить въ то время нашествія за Дунай во Өракію,

*) См. Memoriae Pop. II. 442.

и вскорѣ сдѣлались такъ страшны, что императоръ Анастасій въ началѣ VI вѣка построилъ длинную стѣну отъ Мраморнаго моря до Чернаго, чтобы обезопасить отъ нихъ столицу. Но какъ же могло случиться, чтобы Болгаре, если вѣрить хроникѣ Ѳеофана, только во второй половинѣ VII вѣка передвинулись на Дунай изъ за Танаиса и Меотиды, если почти за два вѣка они, по извѣстію между прочимъ того же Ѳеофана, уже являются во Ѳракіи, и столица Византійской имперіи огораживается новою стѣною для защиты отъ этихъ варваровъ? Надъ такою несообразностію не остановился доселѣ никто изъ славянскихъ ученыхъ, касавшихся Болгарской исторіи. Повторяю, главное недоразумѣніе заключалось въ названіяхъ. Только довольно поздніе византійскіе лѣтописцы стали употреблять имя Болгаръ, и начальная ихъ исторія до сихъ поръ основывалась преимущественно на извѣстіяхъ Ѳеофана и Никифора, писателей первой половины IX вѣка, и еще болѣе позднихъ компиляторовъ, каковы Кедринъ и Зонара. При этомъ ихъ сбивчивые разсказы о Кувратѣ и его пяти сыновьяхъ, подѣлившихъ между собою Болгарскій народъ, принимались буквально, т. е. безъ всякой критики.

А между тѣмъ болѣе ранніе византійскіе писатели сообщаютъ намъ довольно обстоятельныя свѣдѣнія о судьбахъ Болгаръ до второй половины VII вѣка, только подъ другими именами.

II.

Утургуры и Кутургуры Прокопія и Агаѳія.

Писатели VI вѣка, каковы Прокопій, младшій его современникъ Агаѳій и продолжатель Агаѳія Менандръ, совсѣмъ не употребляютъ имени Болгаре, а называютъ ихъ Утургурами и Кутургурами. Подобное тому явленіе представляетъ Амміанъ Марцелинъ, который, повѣствуя о нашествіи Гунновъ на Готскіе народы, не знаетъ Іорнандовыхъ Остроготовъ и Визиготовъ, а называетъ ихъ Грутунгами и Тервингами; Прокопій, хотя и современникъ Іорнанда, также не знаетъ Остроготовъ и называетъ ихъ Тетракситами. Имя Болгаръ точно также не было неизвѣстно во времена Прокопія, ибо о нихъ упоминаютъ и западные или латинскіе лѣтописцы VI вѣка, каковы Комисъ Марцелинъ и Іор-

нандъ *). Въ этомъ случаѣ мы находимъ замѣчательную аналогію съ именемъ Русь. Византійскіе писатели употребляютъ это имя только съ IX вѣка; между тѣмъ какъ западные упоминаютъ его ранѣе, напримѣръ тотъ же Іорнандъ и потомъ географы Равенскій и Баварскій. Какъ Русь у старѣйшихъ византійскихъ писателей скрывается подъ именами Антовъ, Скиѳовъ, Тавроскиѳовъ и пр.; такъ и Болгаре долгое время скрываются подъ именемъ Гунновъ и другими указанными выше, преимущественно же подъ названіями Утургуровъ и Кутургуровъ съ ихъ варіантами. Хотя никто изъ послѣдователей Тюрко-Финской теоріи собственно не отвергаетъ родства Болгаръ съ Кутургурами и Утургурами Прокопія или Агаѳія **); однако, повторяю, никто изъ нихъ не обратилъ вниманія на противорѣчія между сказаніями Ѳеофана и Никифора о приходѣ Болгаръ на Дунай въ VII в. и извѣстіями Прокопія. Послѣднія говорили о событіяхъ имъ современныхъ, а потому должны служить провѣркою для писателей болѣе позднихъ. Обратимся къ этимъ извѣстіямъ.

Вотъ сущность того, что сообщаетъ Прокопій о началѣ Болгарской исторіи (*О Гот. войнѣ* кн. IV, и *О постройкахъ* кн. III и IV):

За Танаисомъ, между Понтомъ и Меотидой, обитаютъ „Утургуры, когда-то называемые иначе Киммеріяне“; далѣе къ сѣверу живутъ „безчисленныя племена Антовъ“; а тамъ, гдѣ открывается проливъ Киммерійскій, находятся Готы „по прозванію Тетракситы“. Нѣкогда великій народъ Гунновъ или Киммеріянъ повиновался одному царю; но по смерти его два сына, Утургуръ и Кутургуръ, раздѣлили между собою народъ: по ихъ именамъ одна часть назвалась Утургурами, а другая Кутургурами. Киммеріяне или Гунны обитали по ту сторону Меотиды; а по сю сторону жили Готскіе народы, „которые нѣкогда Скиѳами назывались“. Послѣ того какъ нѣкоторые изъ этихъ народовъ удалились, имен-

*) Нѣкоторые другіе случаи древнѣйшаго упоминанія имени Болгаръ см. въ изслѣдованіи г. Дринова: Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами (Москва, 1873 годъ, стр. 90), а также въ Romänische Studien von Roesler (Leipzig 1871 г., стр. 234 и 235). Изъ византійскихъ источниковъ первый употребляющій имя Болгаръ, вмѣсто Гунновъ, есть Ѳеофилактъ Симоката. А онъ писалъ въ первой четверти VII вѣка, слѣдовательно былъ почти современникъ Менандра.

**) Они даже прямо отождествляли Котургуровъ и Утургуровъ съ Болгарами, напримѣръ: Шлёцеръ, (Allgem. Nord. Geschichte, 358), Тунманъ (32—34), Энгель (253), Чертковъ (О переводѣ Манасіиной лѣтописи. 47) и Рёслеръ (236).

но Вандалы въ Африку, а Визиготы въ Испанію, однажды—„если только молва справедлива“—нѣсколько киммерійскихъ юношей, гоняясь за ланью, перебрались черезъ Меотиду, и такимъ образомъ открыли бродъ. Киммеріяне воспользовались этимъ открытіемъ; они тотчасъ вооружились, перешли на другой берегъ, напали на Готовъ, и многихъ побили; остальные спаслись бѣгствомъ *). Послѣдніе ушли за Дунай, и получили отъ Римскаго императора жилища во Ѳракіи; часть ихъ вступила въ римскую службу подъ именемъ *фёдератовъ*; а другая часть потомъ подъ начальствомъ Теодориха двинулась въ Италію. Мѣста, гдѣ прежде обитали Готы, теперь заняты были Кутургурами. Хотя они ежегодно получаютъ большіе дары отъ императора (Юстиніана), однако не перестаютъ переходить Истръ и дѣлать набѣги на римскія провинціи, въ качествѣ то союзниковъ, то непріятелей. Между тѣмъ Утургуры воротились на берега Меотиды; здѣсь они вступили въ борьбу съ оставшимися въ томъ краю Готами Тетракситами. Наконецъ по обоюдному согласію оба народа размѣстились на противоположныхъ берегахъ пролива, соединяющаго Меотиду съ Понтомъ, при чемъ Утургуры заняли свои прежнія жилища. Тамъ, за Таврами и Тавроскиѳами, на границахъ Римской имперіи, лежатъ приморскіе города Херсонъ и Боспоръ, которыхъ стѣны, пришедшія въ ветхость, императоръ Юстиніанъ перестроилъ вновь. Кромѣ того онъ построилъ крѣпости Алустонъ и Горсувитъ (нынѣ Алушта и Гурзуфъ). Особенно онъ укрѣпилъ городъ Боспоръ, разоренный варварами и находившійся нѣкоторое время въ ихъ рукахъ, но возвращенный императоромъ подъ власть Римлянъ. А другіе два города, Кипы и Фанагурію, съ давняго времени принадлежавшіе Римлянамъ, сосѣдніе варвары недавно взяли и совершенно разорили. „Страну же между Херсономъ и Боспоромъ держатъ въ своихъ рукахъ варвары, преимущественно Гунны“.

Мы привели изъ сочиненій Прокопія наиболѣе существенныя данныя для исторіи Болгаръ. Но при этомъ необходимо замѣтить, что его географическія указанія могутъ быть принимаемы только въ общихъ чертахъ; такъ какъ въ своихъ частностяхъ онѣ не отличаются большою точностію и заключаютъ въ себѣ нѣкоторую сбивчивость и противорѣчія. Онъ писалъ о томъ краѣ очевидно

---

*) Басню о лани, показавшей Гуннамъ путь черезъ Меотиду, Іорнандъ относитъ къ первому нашествію Гунновъ на Остготовъ, т. е. ко временамъ Германриха.

по слуху, а самъ его не видалъ и яснаго географическаго представленія о немъ не имѣлъ. Напримѣръ, Готы Тетракситы или Остроготы по смыслу его извѣстій прежде обитали гдѣ-то на западной сторонѣ Меотиды, т. е. Азовскаго моря, откуда были изгнаны Гуннами Кутургурами и Утургурами на Балканскій полуостровъ; при чемъ Кутургуры заняли ихъ мѣста. Но Утургуры, возвращаясь изъ похода, натолкнулись опять на Готовъ Тетракситовъ; слѣдовательно не всѣ Остготы были изгнаны изъ южной Россіи Болгарами, которыхъ онъ называетъ общими именами Гунновъ и Киммеріянъ (послѣднее вѣроятно по ихъ жительству около Киммерійскаго Боспора). Послѣ упорной борьбы противники заключили миръ и размѣстились по обоюдному согласію; при чемъ Готы поселились въ Тавридѣ, а Утургуры заняли опять свои прежнія жилища по ту сторону пролива, т. е. на устьяхъ Кубани. Такимъ образомъ на основаніи *Готской войны* Прокопія можно заключать, что Тетракситы и Утургуры въ его время отдѣлялись другъ отъ друга Боспорскимъ проливомъ. Но въ иномъ его сочиненіи, *О постройкахъ*, онъ сообщаетъ, что Тетракситы занимали приморскую страну Дори; а эта страна совсѣмъ не лежала на берегу пролива. Она находилась въ самой южной части Крыма, гдѣ, благодаря гористому положенію, Готы долго еще сохраняли свою народность. Съ другой стороны изъ словъ Прокопія о поселеніи варваровъ, преимущественно Гунновъ, между Боспоромъ и Херсономъ ясно, что не всѣ Утургуры перешли обратно на Кубань, но что значительная часть ихъ обитала въ восточныхъ краяхъ Таврики, и здѣсь-то она дѣйствительно находилась въ тѣсномъ сосѣдствѣ съ Готами Тетракситами. Это соображеніе подтверждается тѣмъ же Прокопіемъ. Онъ говоритъ, что Тетракситы и Утургуры, заключивъ миръ, жили потомъ въ дружбѣ и союзѣ другъ съ другомъ; но въ иномъ мѣстѣ сообщаетъ данное, не совсѣмъ подтверждающее искренность этой дружбы, по крайней мѣрѣ со стороны Готовъ. А именно: въ двадцать первомъ году Юстиніанова царствованія Тетракситы, бывшіе христіанами, прислали къ императору четырехъ пословъ съ просьбою назначить имъ епископа на мѣсто недавно умершаго. Опасаясь Гунновъ Утургуровъ, послы на торжественномъ пріемѣ объявили только одну эту причину посольства; а потомъ въ тайныхъ переговорахъ они объяснили, какую пользу можетъ получить имперія, если постарается питать раздоры между сосѣдними варварами. (О Гот. войнѣ. кн. IV, гл. 4).

Точно также неясно, кого собственно Прокопій подразумѣвалъ подъ именемъ Тавроскиѳовъ, говоря, что „приморскіе города Боспоръ и Херсонъ лежатъ за Таврами и Тавроскиѳами" (О пост. кн. III, гл. 7). Въ другомъ мѣстѣ (О Гот. в. кн. IV, гл. 5) Прокопій толкуетъ о томъ, что равнину около Меотійскаго озера занимаютъ Гунны Кутургуры, что часть ея принадлежитъ Скиѳамъ и Таврамъ, отчего и называется Таврикой; а за тѣмъ говоритъ объ извѣстномъ храмѣ Діаны, въ которомъ была жрицею Ифигенія. Вообще обычай византійскихъ историковъ, къ своимъ извѣстіямъ о Скиѳскихъ странахъ примѣшивать басни древнихъ писателей, поддерживаетъ запутанность и сбивчивость этихъ извѣстій. Впослѣдствіи византійцы подъ именемъ Тавроскиѳовъ разумѣютъ преимущественно Руссовъ; а въ упомянутомъ мѣстѣ Прокопія это имя можетъ быть отнесено и къ Готамъ Тетракситамъ, и къ Гуннамъ-Утургурамъ, которые жили по обѣимъ сторонамъ Боспора. Собственные же Руссы безъ сомнѣнія скрываются у него между тѣми „безчисленными племенами Антовъ", которые обитали къ сѣверу отъ страны Утургуровъ. Послѣднее названіе, какъ мы сказали, заключаетъ въ себѣ тотъ же корень, какъ Анты и Вятичи; въ данномъ случаѣ этотъ корень можетъ намекать и на общее происхожденіе этихъ народовъ. Самая борьба съ Готами и изгнаніе ихъ изъ южной Россіи были общимъ дѣломъ Гунновъ и Антовъ, т. е. Болгаръ и Руссовъ; ибо и послѣдніе также были нѣкогда сосѣдями Готовъ. На это совокупное дѣйствіе противъ нихъ со стороны Славянскихъ племенъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, прямо указываетъ современникъ Прокопія Іорнандъ.

Не смотря на указанныя нами нѣкоторыя неточности въ сочиненіяхъ Прокопія, извѣстія его для насъ въ высшей степени драгоцѣнны и должны служить исходными пунктами для разрѣшенія тѣхъ вопросовъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Во времена Юстиніана I, *Гунны*, *Склавины* и *Анты* почти ежегодными нашествіями опустошали Иллирію, Ѳракію, Грецію, Херсонесъ Ѳракійскій и всю страну отъ Іонійскаго моря до предмѣстьевъ Константинополя; вслѣдствіе истребленія и плѣненія жителей, въ этихъ провинціяхъ можно было видѣть „почти скиѳскія пустыни" (Hist. Arcana c. 18). Въ своей исторіи о Готской войнѣ Прокопій изображаетъ цѣлый рядъ этихъ нашествій, предпринятыхъ то Склавинами и Антами отдѣльно, то въ соединеніи съ Гуннами Кутургурами. (У Ѳеофана же и другихъ болѣе позднихъ историковъ при разсказѣ объ этихъ

войнахъ вмѣсто Кутургуровъ Прокопія упоминаются или просто Гунны, или Болгаре). Юстиніанъ строитъ непрерывный рядъ укрѣпленій по Дунаю, чтобы защитить имперію противъ неукротимыхъ варваровъ. Но это не мѣшало послѣднимъ переходить рѣку, пользуясь особенно тѣмъ временемъ, когда она замерзала. Однако, благодаря принятымъ мѣрамъ, варвары, обремененные добычею, нерѣдко подвергались пораженіямъ на своемъ обратномъ походѣ изъ византійскихъ провинцій. Ихъ нападенія особенно усилились къ концу Юстиніанова царствованія, когда императоръ, по словамъ одного писателя (Агаѳія), устарѣлъ и когда ослабѣла его энергія въ учрежденіяхъ воинскихъ. Въ это время, по отношенію къ варварамъ, онъ усвоилъ себѣ политику, основанную преимущественно на хитрости и вѣроломствѣ, т. е. старался истреблять ихъ, возбуждая между ними раздоры и вооружая ихъ другъ противъ друга. Такая политика была конечно плодомъ его собственной опытности и изворотливости, а не явилась вслѣдствіе совѣта Готовъ Тетракситовъ, о которомъ повѣствуетъ Прокопій. Юстиніанъ платилъ ежегодную дань сосѣднимъ съ имперіей Кутургурамъ; но такъ какъ этою данью не удерживался отъ нападеній народъ, находившійся подъ властію многихъ и рѣдко согласныхъ между собою князей, то императоръ старался частыми подарками пріобрѣсти дружбу Утургуровъ. Послѣдніе по своей отдаленности были почти безопасны для византійскихъ провинцій на Балканскомъ полуостровѣ; но они могли быть полезными союзниками противъ своихъ родичей.

Въ 551 году 12.000 Кутургуровъ, предводимые княземъ Хиніаломъ, съ помощію паннонскихъ Гепидовъ переправились за Дунай, и начали производить свои обычные грабежи и разоренія. Тогда Юстиніанъ отправилъ пословъ къ князьямъ Утургуровъ. Посольство упрекало варваровъ въ томъ, что они, предаваясь праздности, позволяютъ другимъ разорять своихъ союзниковъ Римлянъ. Оно ловко затронуло жадность варваровъ, указавъ на Кутургуровъ, которые недовольствуются ежегодною денежною данью, а еще грабятъ римскія провинціи; при чемъ по своему высокомѣрію не думаютъ дѣлиться добычею съ Утургурами; такъ что послѣднимъ нѣтъ никакой пользы отъ этой добычи. Подобныя коварныя внушенія сопровождались конечно большими дарами и обѣщаніемъ еще большихъ. Утургуры поддались на эти рѣчи, собрали дружину, и присоединили къ ней еще 2000 своихъ сосѣдей Готовъ Тетракситовъ. Подъ предводительствомъ князя Сандилха они на-

пали на жилища Кутургуровъ, разгромили ихъ и увели съ собой множество ихъ женъ и дѣтей. Этимъ погромомъ воспользовались тысячи римскихъ плѣнниковъ, находившихся въ рабствѣ у Кутургуровъ, и бѣжали въ отечество, никѣмъ непреслѣдуемые. Между тѣмъ сами же Римляне поспѣшили извѣстить Хиніала о бѣдствіи, постигшемъ его страну. Это извѣстіе также подкрѣплено было порядочною суммою золота. Тогда Кутургуры поспѣшили заключить миръ съ Римлянами и безъ всякаго полона отправились на защиту собственнаго отечества.

Въ мирный договоръ включено и такое условіе: тѣ Кутургуры, которые будутъ не въ силахъ отстоять родную землю, возвратятся въ Римскіе предѣлы, императоръ дастъ имъ землю во Ѳракіи съ обязательствомъ защищать ее отъ вторженія варваровъ. Въ силу этого условія дѣйствительно часть Кутургуровъ, побѣжденная Утургурами, съ своими женами и дѣтьми удалилась къ Римлянамъ и получила землю во Ѳракіи. Въ числѣ ея предводителей былъ Синніо, тотъ самый, который сражался подъ знаменами Велизарія противъ Вандаловъ какъ одинъ изъ начальниковъ наемныхъ гунно-славянскихъ отрядовъ. Слухъ о такомъ оборотѣ дѣла привелъ Сандилха въ сильное негодованіе: мстя за обиду Римлянъ, онъ выгналъ собственныхъ родичей изъ ихъ страны; а они послѣ того нашли себѣ убѣжище въ Римской землѣ, гдѣ пользуются гораздо большими удобствами, чѣмъ въ прежнихъ жилищахъ, изобилуя виномъ, дорогими тканями, золотомъ, и сверхъ того имѣя возможность наслаждаться римскими *банями*; тежду тѣмъ какъ Утургуры, не смотря на свои труды и заслуги, продолжаютъ обитать въ безплодныхъ пустыняхъ. Въ этомъ смыслѣ утургурскіе послы изложили свою жалобу императору, впрочемъ не письменно, а по обычаю варваровъ изустно; при чемъ рѣчь свою произнесли „какъ по писанному", замѣчаетъ Прокопій. Но византійское правительство съумѣло конечно льстивыми увѣщаніями и богатыми дарами успокоить негодованіе своихъ союзниковъ.

Почти тоже самое, только еще въ бóльшихъ размѣрахъ, повторилось спустя лѣтъ семь или восемь; о чемъ подробно повѣствуетъ продолжатель Прокопія Агаѳій *). (Agathiae hist. L. V), Это было знаменитое нашествіе Кутургуровъ на Византійскую имперію подъ начальствомъ ихъ князя Забергана въ 559 г. Пол-

*) Также какъ Прокопій, и Агаѳій вмѣсто Болгаръ употребляетъ общее названіе Гунны и дѣлитъ ихъ на Котригуровъ и Утигуровъ; но къ этимъ двумъ прибавляетъ еще два племени: Ультинзуровъ и Бурутгундовъ.

чища ихъ раздѣлились: одна часть пошла на Грецію, другая на Херсонесъ Ѳракійскій, а самъ Заберганъ съ 7000 отборной конницы подступилъ къ Константинополю. Чтобы спасти столицу, императоръ вызвалъ изъ уединенія престарѣлаго Велизарія, и послѣдній съ горстью наскоро собраннаго войска дѣйствовалъ такъ удачно, что Заберганъ былъ принужденъ отступить. Отрядъ, посланный на Грецію, воротился, будучи не въ состояніи прорваться сквозь Ѳермопилы. Тѣ, которые осаждали Ѳракійскій Херсонесъ, также не успѣли имъ овладѣть. Изъ подробностей послѣдней осады обратимъ вниманіе на одно обстоятельство. Потерпѣвъ неудачу съ сухаго пути, варвары довольно искусно устроили лодки изъ тростника, и на этомъ легкомъ флотѣ попытались сдѣлать нападеніе съ моря. Начальникъ греческаго гарнизона Германъ во́время принялъ свои мѣры, и попытка непріятелей осталась безъ успѣха. Но она подтверждаетъ, что Кутургуры не были угорское племя, какъ извѣстно, неспособное ни къ какимъ морскимъ предпріятіямъ; эта попытка указываетъ на понтійскихъ Славянъ, которые съ одинаковою отвагою дѣйствовали и на сушѣ, и на морѣ*).

Когда всѣ отряды собрались, Заберганъ повелъ ихъ назадъ; но онъ это сдѣлалъ не прежде, какъ получилъ отъ Римлянъ значительный окупъ и заставилъ ихъ выкупить также плѣнниковъ, угрожая въ противномъ случаѣ избіеніемъ послѣднихъ. Юстиніанъ на сколько можно старался удовлетворить алчности варваровъ, лишь бы побудить ихъ къ удаленію изъ своихъ предѣловъ. А между тѣмъ онъ отправилъ посланіе къ князю Утургуровъ Сандилу. Въ этомъ посланіи императоръ опять укорялъ его въ лѣности и безпечности, съ которыми тотъ допускаетъ грабить Римлянъ и брать у нихъ золото, назначавшееся для союзниковъ; онъ грозилъ на будущее время прекратить обычную плату Утургурамъ, а отдавать ее Кутургурамъ и заключить съ ними союзъ, какъ съ народомъ болѣе отважнымъ и сильнымъ. Подобныя укоризны и угрозы какъ нельзя лучше достигли своей цѣли. Сандилъ немедленно собралъ войско, разорилъ жилища Кутургуровъ, а потомъ подстерегъ послѣднихъ, возвращавшихся изъ-за Дуная съ огромною добычею, разбилъ ихъ и отнялъ у нихъ добычу **).

---

*) По поводу именно этого нашествія Кутургуровъ Кедринъ выразился „Гунны или Стлавины"; а современникъ самаго событія африканскій епископъ Викторъ Туннуненскій называетъ ихъ вмѣсто Кутургуровъ просто Болгарами. Roncal. Vet. lat. Chron. II. 377.

**) Замѣчательное сходство въ описаніяхъ обоихъ нашествій, 551 и 559 гг.,

Агаѳій прибавляетъ, что эта ловкая политика Юстиніана воздвигла между варварами такія междоусобныя войны, которыя довели ихъ почти до взаимнаго истребленія. Хотя извѣстіе объ истребленіи слишкомъ преувеличено, однако жестокія междоусобія двухъ главныхъ Болгарскихъ народовъ принесли обычный плодъ: они такъ ослабѣли, что вскорѣ подпали подъ иго другихъ варваровъ, которые являются подъ именемъ Аваръ. А что Кутургуры далеко не были истреблены, видно изъ слѣдующаго. По словамъ Менандра, въ царствованіе Юстина II, въ 574 году аварскій каганъ Баянъ послалъ 10.000 Кутургуровъ разорять Далмацію; онъ потребовалъ отъ императора той же дани, которую получали отъ Юстиніана Кутургуры и Утургуры, такъ какъ оба эти народа покорились теперь Аварамъ. Впрочемъ подъ аварскимъ игомъ находилась собственно западная вѣтвь Болгаръ, т. е. Кутургуры; а восточная вѣтвь или Утургуры, спустя нѣсколько лѣтъ, по извѣстію того же Менандра, встрѣчается въ зависимости отъ новыхъ завоевателей, которые появились одновременно съ Аварами; мы говоримъ о Туркахъ, называемыхъ Хазарами.

III.

Іорнандъ. Манасія. Легенда Ѳеоѳана и Никифора о раздѣленіи Болгаръ и ихъ разселеніи.

Сличимъ извѣстія Прокопія съ извѣстіями его современника Іорнанда, епископа Равенскаго. Онъ былъ смѣшаннаго гото-аланскаго происхожденія, изъ Нижней Мизіи, и очевидно имѣлъ коекакія свѣдѣнія о народахъ Восточной Европы; впрочемъ у него также дѣло не обходится безъ нѣкоторой сбивчивости и примѣси древняго баснословія. Хотя подъ Гуннами онъ иногда разумѣетъ и Болгаръ, но знаетъ послѣднихъ и подъ ихъ собственнымъ именемъ.

Перечисляя современныхъ ему обитателей Скиѳіи (гл. V), Іорнандъ говоритъ о „многочисленномъ народѣ Винидовъ, имена которыхъ измѣняются по разнымъ племенамъ и различнымъ мѣстамъ, ими обитаемымъ; главныя же ихъ названія суть Склавины и Ан-

заставляютъ подозрѣвать какое-либо недоразумѣніе. Оба писателя, Прокопій и Агаѳій, не повѣствуютъ ли въ сущности объ одномъ и томъ же событіи?

ты". Склавины, по его словамъ, живутъ отъ Мусіанскаго озера (Балатона) до Днѣстра и Вислы, а на востокъ отъ нихъ до Дуная—Анты, еще болѣе храбрые чѣмъ Склавины. Днѣпръ онъ называетъ Дунаемъ, ссылаясь на то, что этимъ именемъ зовутъ его сами туземцы. Но восточную границу Антовъ Іорнандъ опредѣлилъ невѣрно: Днѣпръ былъ ихъ средоточіемъ (напомнимъ, что Прокопій полагалъ ихъ сосѣдями Утургуровъ на прибрежьяхъ Меотійскаго озера). Далѣе, гдѣ-то за Агацирами надъ Понтомъ онъ помѣщаетъ жилища Булгаръ, къ несчастію сдѣлавшихся слишкомъ извѣстными за наши грѣхи. „Отсюда-то воинственные Гунны нѣкогда двойнымъ нашествіемъ обрушились на народы. Ибо одни изъ нихъ называются *Аулзягры*, а другіе Авиры; тѣ и другіе обитаютъ въ разныхъ мѣстахъ. Аулзягры живутъ около Херсона, куда алчный купецъ привозитъ дорогіе азіатскіе товары; лѣтомъ они скитаются по широкимъ равнинамъ, выбирая мѣста съ обильными пастбищами для своихъ стадъ; а на зиму удаляются къ берегамъ Понта. Что же касается до Гунугаровъ, то они извѣстны по куньимъ мѣхамъ, которыми снабжаютъ торговлю". Здѣсь мы предполагаемъ у Іорнанда вѣроятное смѣшеніе настоящихъ Гунновъ съ тѣми народами, которые дѣйствовали съ ними за одно противъ любезныхъ ему Готовъ. Но о какомъ двойномъ нашествіи онъ говоритъ? Мы думаемъ, что тутъ надобно разумѣть, во-первыхъ, движеніе настоящихъ Гунновъ, которые, соединясь съ восточными сармато-славянскими народами (упомянутыми у Амміана Марцелина подъ общимъ именемъ Аланъ), обрушились въ IV вѣкѣ на Готовъ; что и побудило часть послѣднихъ, именно Визиготовъ, уйти на Балканскій полуостровъ. А второе движеніе конечно есть ничто иное, какъ изгнаніе и другой части, т. е. Остроготовъ, изъ южной Россіи тѣми же сармато-славянскими народами, Антами и Болгарами, спустя около ста лѣтъ, т. е. во второй половинѣ V вѣка; это именно та война Кутургуровъ и Утургуровъ съ Готами, которую мы встрѣтили у Прокопія. Далѣе, что такое за Гунны Аулзягры, обитающіе гдѣ-то около Херсонеса Таврическаго? По всей вѣроятности это Гунны Утургуры Прокопія; а имя ихъ, Аулзягры (или Вулзягры?), можетъ быть представляетъ тоже, только испорченное, слово Вулгары, и Равенскій епископъ, конечно на основаніи болѣе отдаленнаго мѣста жительства, отличаетъ ихъ отъ другой вѣтви, которую онъ называетъ собственно Вулгарами, т. е. отъ Кутургуровъ Прокопія. Раздѣливъ Гунновъ на Аулзягровъ и Авировъ, Іорнандъ потомъ

забываетъ сказать что нибудь объ Авирахъ, а вмѣсто нихъ говоритъ о Гунугарахъ, богатыхъ куньими мѣхами. Эти послѣдніе, не суть ли тоже, что Буртасы Арабскихъ писателей, также богатые мѣхами? (Напомню „бурнастыя“ лисицы русскихъ былинъ).

Въ иномъ мѣстѣ своего сочиненія (гл. XXIII) Іорнандъ возвращается къ Славянскимъ народамъ, которыхъ онъ называетъ общимъ именемъ Винидовъ или Венетовъ, и говоритъ: „Эти народы, происшедшіе, какъ я сказалъ, отъ одного корня, имѣютъ три имени, т. е. Венеты, Анты и Склавы; они свирѣпствуютъ теперь за грѣхи наши“. Мы видѣли, что послѣднее выраженіе выше онъ употребилъ именно о Болгарахъ. Ясно, что въ обоихъ случаяхъ рѣчь идетъ о враждѣ славянскихъ народовъ къ Готамъ и о тѣхъ вторженіяхъ въ предѣлы Восточной Римской имперіи Кутургуровъ, Антовъ и Славянъ, которыя извѣстны намъ изъ писателей византійскихъ. Наконецъ, нѣкоторыя видовыя названія Гунновъ (собственно Болгаръ), приводимыя византійцами, встрѣчаются также у Іорнанда, напримѣръ: Ульцингуры (Ультинзуры Агаѳія) и Витугоры (Вптигуры Менандра); но онъ не причисляетъ ихъ къ Гуннамъ, какъ это дѣлаютъ византійцы; а относитъ къ тѣмъ немногимъ народамъ, которые оставались еще въ Гуннской зависимости во время Денгизиха, сына Аттилы (гл. LIII),

Но возвратимся къ судьбѣ Болгаръ по византійскимъ источникамъ.

Во второй половинѣ VI вѣка и въ первой четверти VII-го мы находимъ Кутургуровъ подъ игомъ Аваръ и вспомогательныя болгаро-славянскія дружины въ войскахъ Аварскаго кагана. Прежнее названіе Гуннами и Кутургурами начинаетъ у византійцевъ мало-по-малу замѣняться другими именами. Но до какой степени еще долго не устанавливались и путались народныя имена, показываютъ извѣстія о нападеніи на Константинополь въ 626 году, во время знаменитой борьбы императора Ираклія съ персидскимъ царемъ Хозроемъ. Между тѣмъ какъ на азіатскомъ берегу Воспора появилось персидское войско, съ европейской стороны Константинополь былъ окруженъ полчищами аварскаго кагана, союзника Хозроева. По извѣстіямъ Хроники Пасхальной и патріарха Никифора вспомогательныя войска кагана состояли изъ Славянъ; Ѳеофанъ называетъ Булгаръ, Славянъ и Гепидовъ, причемъ Гуннами онъ исключительно именуетъ Аваръ; а Манасія аварскихъ подручниковъ называетъ Тавроскиѳами. Когда осаждавшіе сдѣлали попытку дѣйствовать на городъ съ моря, то замѣчательно, что въ этомъ

случаѣ по обыкновенію выступили не сами Авары, а ихъ славянскіе подручники на своихъ однодеревкахъ. Манасія говоритъ: „князья неистовыхъ Тавроскиѳовъ, собравъ корабли съ безсмѣтнымъ числомъ воиновъ, покрыли все море ладьями однодеревками". Народы, осаждавшіе Византію, онъ характеризуетъ слѣдующими словами: „Персъ уподоблялся колючему скорпіону, свирѣпое племя Скиѳовъ ядовитому змію, а народъ Тавроскиѳскій саранчѣ, которая и ходитъ и летаетъ" (т. е. двигается и на сушѣ, и на морѣ. Ed Bon. 162). Подъ именемъ Скиѳовъ тутъ разумѣются по всей вѣроятности Авары, а Тавроскиѳы очевидно означаютъ Болгарскія племена, жившія надъ самымъ Чернымъ моремъ и привычныя къ мореплаванію. Замѣтимъ, что Манасія писалъ въ XII в., когда именемъ Тавроскиѳовъ византійцы обозначали вообще южнорусскихъ Славянъ. Патріархъ Никифоръ, писатель первой половины IX вѣка слѣдовательно жившій гораздо ближе къ событію чѣмъ Манасія, говоритъ, что въ морскомъ сраженіи подъ стѣнами Константинополя славянскія лодки были разсѣяны; при чемъ побито столько Славянъ, что море кругомъ окрасилось въ пурпуровый цвѣтъ; а между ихъ трупами оказались многія женщины. Послѣдняя черта совершенно совпадаетъ съ извѣстіемъ Прокопія, который замѣтилъ, что при вторженіяхъ въ Римскую имперію Гунновъ (Кутургуровъ или Болгаръ), обыкновенно послѣ ихъ схватокъ съ римскими войсками на полѣ сраженія, Римляне находили женскіе трупы между убитыми варварами. Эти черты подтверждаютъ, что рѣчь идетъ все объ одномъ и томъ же племени, являющемся въ источникахъ подъ разными именами *).

Нашествіе аварскаго кагана въ 626 г. на Константинополь окончилось неудачею. По всей вѣроятности этою неудачею и происшедшимъ за тѣмъ ослабленіемъ аварскаго могущества воспользовались Болгаре, чтобы возвратить себѣ независимость. По крайней мѣрѣ по извѣстію Никифора нѣсколько лѣтъ спустя, Куврать, вождь Гунногундуровъ, возсталъ противъ Аваръ, изгналъ ихъ изъ своей земли, и заключилъ союзъ съ императоромъ Ираклiемъ. Можно догадываться, что и самое возстаніе противъ Аваръ произошло не безъ участія византійской политики, старавшейся всегда вооружать сосѣднихъ варваровъ другъ противъ друга.

---

*) Напомнимъ, что по извѣстію Льва Діакона и Кедрина Тавроскиѳы (Руссы), воевавшіе съ Цимисхіемъ въ Болгаріи, также имѣли при себѣ женщинъ, и что между убитыми также нерѣдко находились женскіе трупы.

Перейдемъ теперь къ расказу Θеофана, Никифора и Анастасія о раздѣленіи Болгаръ и ихъ переселеніи за Дунай, къ тому именно расказу, на которомъ до сихъ поръ еще ученые основываютъ начальную Болгарскую исторію *).

„Гунноболгары и Котраги—говоритъ Θеофанъ—первоначально обитали за Эвксинскимъ Понтомъ и Меотійскимъ озеромъ. Въ послѣднее впадаютъ великая рѣка Атель, протекающая отъ океана черезъ всю землю Сарматовъ, и рѣка Танаисъ, выходящая изъ Кавказскихъ горъ; а изъ слiянія этихъ двухъ рѣкъ образуется Куфисъ, впадающая въ Понтійское море подлѣ Некропилъ у мыса, именуемаго *Баранья морда*, тамъ гдѣ Меотійское озеро изливается въ Понтъ между Боспоромъ и Фанагуріей. Отъ этого озера до рѣки Куфисъ лежитъ Древняя или Великая Булгарія, которая называется иначе страною *Котраговъ соплеменниковъ Болгаръ*“. Здѣсь мы видимъ, во первыхъ, очень сбивчивыя географическія свѣдѣнія. Такъ Атель, т. е. Волга, смѣшана съ Танаисомъ или Дономъ, а Куфисъ, т. е. Кубань (у древнихъ и Гипанисъ, и Танаисъ) представленъ результатомъ ихъ слiянія. Но общее указаніе на Кубанскую страну какъ на древнюю родину Болгаръ совершенно совпадаетъ съ извѣстіемъ Прокопія о первобытныхъ жилищахъ Кутургуровъ и Утургуровъ.

Во времена императора Константина (Погоната?)—продолжаетъ Θеофанъ—Кроватъ, вождь Булгаръ и Котраговъ, умирая, завѣщалъ своимъ пяти сыновьямъ не раздѣляться между собою и общими силами бороться противъ внѣшнихъ враговъ. Но сыновья не исполнили его завѣщанія, подѣлили отцовское наслѣдіе, и разошлись въ разныя стороны. Старшій, по имени *Батбай* (у Никифора *Баянъ*), съ своею частію остался на родной землѣ. Второй, *Котрагъ*, перешелъ на эту сторону Танаиса; четвертый двинулся въ Паннонію, гдѣ потомъ поддался аварскоту кагану; пятый удалился въ Пентаполисъ или Равенскій экзархатъ. А третій братъ, *Аспарухъ*, двинулся за Днѣпръ и Днѣстръ, и остановился на рѣкѣ Онглъ. Когда такимъ образомъ братья раздѣлились, многочисленный народъ Хазаръ покорилъ всѣ земли, лежащія за Танаисомъ около Понта, и наложилъ дань на участокъ Батбая, которую „онъ платитъ до сего дня“.

---

*) Theophanis Chronographia. Ed. Bon. 545—550. Nicephori Patriarchae Breviarium. Ed. Bon. 38—40. Anastasii Bibliothecarii Historia Ecclesiastica. Ed. Bon. 179—182

Дальнѣйшія, довольно запутанныя извѣстія упомянутыхъ писателей повѣствуютъ, что Болгаре Аспаруховы, находившіеся недалеко отъ Дуная, начали переходить эту рѣку и опустошать Мизію и Ѳракію. Тогда императоръ Константинъ предпринялъ противъ нихъ походъ (678 г.). Но походъ былъ неудаченъ, и Болгаре быстро наводнили страну между Дунаемъ и Балканскими ущельями, въ которой и поселились, покоривъ жившія здѣсь семь славянскихъ племенъ и кромѣ того племя Северянъ (Сербовъ); при чемъ Болгаре отодвинули эти племена далѣе на югъ и западъ.

Удивляться надобно тому, какимъ образомъ такіе писатели какъ Шафарикъ не обратили вниманія на очевидныя противорѣчія между подобными расказами и несомнѣнными историческими фактами и даже съ самими собою. Напримѣръ, выходитъ, что только по смерти Кубрата, свергшаго аварское иго, Болгаре раздѣлились и большею частію покинули свою Кубанскую родину. Слѣдовательно до его смерти всѣ они жили за Меотійскимъ моремъ, на Кубани? Но извѣстно, что Авары господствовали въ Панноніи, Дакіи и вообще по сю сторону Меотійскаго моря; а на восточной сторонѣ его властвовали Турко-Хазары. То, что писатели IX вѣка изображаютъ событіемъ нѣсколькихъ лѣтъ, относя его ко второй половинѣ VII вѣка, есть не болѣе какъ обычный легендарный пріемъ, повторяющійся въ начальной исторіи едва ли не всѣхъ народовъ. Умирающій отецъ завѣщаетъ сыновьямъ жить въ единеніи и согласіи; а сыновья не исполняютъ завѣщанія и раздѣляются—все это очевидная легенда. Она сложилась конечно для того, чтобы объяснить широкое распространеніе Болгарскаго народа, котораго вѣтви къ началу IX вѣка уже простирались отъ Волги и Кавказа до Аппенинъ.

Мы видѣли, что Болгаре переходили за Дунай, нападали на Мизію, Ѳракію, и доходили до стѣнъ Константинополя еще во второй половинѣ V вѣка; но и тогда эти походы они предпринимали конечно не прямо изъ своей древней родины, съ береговъ Кубани. Совокупность всѣхъ извѣстій показываетъ, что Болгаре, вытѣснивъ Остготовъ изъ южной Россіи, вслѣдъ за ними подвинулись на западъ, и заняли нѣкоторыми своими племенами страну между Днѣпромъ и Дунаемъ. Слѣдовательно не изъ за Дона, а просто изъ за Дуная совершали они свои вторженія въ предѣлы Византійской имперіи въ теченіе двухъ столѣтій, отъ второй половины V-го до второй половины VII вѣка. Они не огра-

ничивались одними набѣгами; нерѣдко вступали наемниками на византійскую службу; а иногда получали отъ императора земли въ Мизіи и Ѳракіи, и селились тамъ съ условіемъ защищать эти земли отъ внѣшнихъ непріятелей *).

Естественный, историческій ходъ событій приводитъ насъ къ слѣдующему выводу относительно Болгаръ. Ловкая политика Юстиніана I, породившая взаимные раздоры и междоусобія князей, и наступившее за тѣмъ аварское иго задержали на нѣкоторое время ихъ переселеніе за Дунай. Но въ первой половинѣ VII вѣка въ средѣ Болгаръ, жившихъ около Дуная, повидимому совершился поворотъ къ объединенію подъ однимъ княжескимъ родомъ. Обыкновенно такое объединеніе возникаетъ подъ давленіемъ иноплеменниковъ, а Болгаръ въ то время, кромѣ Аваръ, тѣснили надвигавшіе изъ Азовскихъ степей новые кочевники-завоеватели въ лицѣ Угровъ. Является сильный князь Кувратъ, которому и удалось свергнуть аварское иго. Вслѣдъ за тѣмъ Болгаре возобновляютъ свое стремленіе за Дунай, и во второй половинѣ VII вѣка значительная ихъ часть поселяется въ Мизіи и Ѳракіи, гдѣ она находитъ нѣкоторыхъ своихъ соплеменниковъ, успѣвшихъ поселиться тамъ ранѣе, а также нѣкоторые другіе славянскіе роды, очевидно слишкомъ слабые, чтобы противиться такому наплыву. Слѣдовательно это была только эпоха окончательнаго утвержденія Болгарскаго народа на южной сторонѣ Дуная, послѣ того, какъ этотъ народъ уже долго жилъ на его сѣверной сторонѣ и высылалъ отъ себя дружины въ Мизію, Паннонію, Иллирикъ и даже за Адріатическое море. Съ удаленіемъ Болгаръ на западъ по смерти Куврата легенда связываетъ и подчиненіе Приазовскихъ ихъ родичей Хазарамъ. Но мы знаемъ, что Болгаре-Утургуры, по извѣстію Менандра, уже во второй половинѣ VI вѣка подпали зависимости отъ Турокъ, именуемыхъ потомъ Хазарами. Въ расказѣ Ѳеофана обратимъ особое вниманіе на то, что участокъ Батбая „до сего дня платитъ дань Хазарамъ“ (мы гово-

---

*) Мы видѣли, что уже Прокопій сообщаетъ о такихъ поселеніяхъ Кутургуровъ. Имя это не исчезло безслѣдно на Балканскомъ полуостровѣ: по справедливому замѣчанію Рӧслера оно доселѣ живетъ въ названіи Куцо-Влаховъ (Romaenische Studien 236). Вѣроятно это племя произошло отъ смѣшенія Валаховъ съ Кутургурами подъ преобладаніемъ Валашскаго элемента. (Они же называются Гоги). О Куцо-Влахахъ см. Іонина въ Зап. Геогр. Об. по отдѣл. этнографіи. III. 1873.

римъ участокъ Батбая, а не самъ онъ, какъ свидѣтельствуетъ буквальный смыслъ, приписывающій Батбаю такимъ образомъ полуторастолѣтній возрастъ). Отсюда ясно, что во время этого историка, т. е. въ первой половинѣ IX вѣка, еще существовали Болгаре въ своей древней родинѣ около Азовскаго моря, и что они еще находились подъ хазарскимъ игомъ. Это свидѣтельство для насъ важно по отношенію къ Азовско-Кубанскимъ Болгарамъ, о которыхъ будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ (по поводу вопроса о Тмутраканской Руси).

Надѣюсь, мы достаточно обнаружили недостатокъ критики со стороны европейской ученой исторіографіи, повторявшей о разселеніи Болгаръ сомнительныя извѣстія писателей позднѣйшихъ, безъ согласованія ихъ съ писателями болѣе ранними. Теперь обратимся къ другимъ сторонамъ помянутой теоріи, т. е. къ доказательствамъ этнографическимъ и филологическимъ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ.

IV.

Невѣрное мнѣніе о характерѣ Славянъ и превращеніи Болгаръ. Соседство съ Уграми. Сила славянскаго движенія.

Откуда на Балканскомъ полуостровѣ явилось такое сплошное и многочисленное Славянское населеніе?

По нѣкоторымъ признакамъ нѣтъ сомнѣнія, что Сармато-Славянская стихія существовала тамъ издревле рядомъ съ Кельтической и Германской; но до такъ наз. эпохи Великаго переселенія народовъ эта стихія была довольно слаба. Всѣ почти согласны въ томъ, что сильный приливъ Славянъ изъ-за Дуная совершился въ V вѣкѣ; особенно онъ увеличился послѣ паденія Гуннской державы и удаленія Остъ-Готовъ въ Италію. Но какимъ образомъ совершилось это переселеніе Славянъ за Дунай? Шафарикъ, постоянно проповѣдующій о необыкновенно мирномъ и кроткомъ характерѣ Славянскаго племени, говоритъ слѣдующее: „Славяне, ища новыхъ жилищъ, никогда не приходили въ Мизію, и окре-

стныя земли разомъ, съ шумомъ и громомъ, напротивъ отдѣльными частями, тихо, и поселялись въ нихъ съ позволенія и вѣдома Греческаго правительства. Такое мирное и продолжительное переселеніе земледѣльческаго народа не могло обратить на себя вниманія Греческихъ историковъ, гонявшихся только за звукомъ оружія и количествомъ крови, пролитой на полѣ сраженія, а потому мы и не находимъ ничего въ ихъ твореніяхъ объ этомъ поселеніи". (Слав. Древ. т. II. кн. I).

Замѣчательно, что подобная характеристика мирнаго переселенія нисколько не мѣшаетъ тому же писателю изображать цѣлый рядъ славянскихъ вторженій въ предѣлы Византійской имперіи. А византійскіе историки, на которыхъ онъ ссылается, нисколько не молчатъ о томъ, что эти вторженія сопровождались всякаго рода жестокостями, совершенно не соотвѣтствующими понятію о какомъ-то кроткомъ, миролюбивомъ настроеніи Славянскаго племени. Напримѣръ, Прокопій въ своей „Готской войнѣ" раскзываетъ, какъ при одномъ вторженіи во Ѳракію, въ 550 г., Славяне сожгли живымъ римскаго военачальника Азвада, предварительно вырѣзавъ у него ремни изъ спины. (Это вырѣзываніе ремней, судя по нашимъ сказкамъ, было однимъ изъ обычныхъ пріемовъ у Славянъ). Вообще жалобы византійскихъ писателей на жестокости, совершаемыя Славянами, вполнѣ сходны съ ихъ разсказами о неистовствахъ, которыя впослѣдствіи производили Руссы при своихъ нападеніяхъ на Византію, напримѣръ въ 865 и 941 гг. По словамъ Прокопія нападенія Славянъ производились почти ежегодно. Нападенія эти совершались, во первыхъ, Славянами уже жившими на Балканскомъ полуостровѣ, а во вторыхъ тѣми, которые приходили съ сѣверной стороны Дуная. Послѣдніе нерѣдко селились въ Мизіи, Иллиріи и Ѳракіи подлѣ своихъ одноплеменниковъ; а византійское правительство по неволѣ потомъ уступало имъ занятыя земли съ обычнымъ обязательствомъ доставлять вспомогательныя дружины. Слѣдовательно поселеніе Славянъ въ предѣлахъ Византійской имперіи происходило совсѣмъ не тихо и незамѣтно для исторіи; напротивъ оно совершалось при громѣ оружія и сопровождалось большимъ кровопролитіемъ; о чемъ, повторяю, нисколько не думаютъ умалчивать византійскіе историки. Въ этомъ заселеніи Балканскаго полуострова Славянами безспорно главная роль принадлежала Болгарамъ; движеніе ихъ за Дунай началось со второй половины V вѣка; а во второй половинѣ VII оно завершилось окончатель-

нымъ ихъ утвержденіемъ въ Мизіи, значительной части Ѳракіи и Македоніи *).

Въ половинѣ IX вѣка Болгарскій народъ принялъ христіанство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Священное Писаніе на Славянскомъ языкѣ. Ясно, что въ это время онъ былъ народомъ уже Славянскимъ. А такъ какъ его тѣсное сожительство съ Славянами считаютъ со времени поселенія за Дунаемъ, т. е. со второй половины VII вѣка, то выходитъ, что онъ ославянился въ теченіе полутораста лѣтъ. Венелинъ очень мѣтко указалъ на эту самую слабую сторону Тунмано-Энгелевой теоріи: такое скорое и полное превращеніе могущественнаго племени завоевателей въ народность покоренныхъ, и притомъ народность совершенно чуждую, ни съ чѣмъ несообразно, и не находитъ въ исторіи никакой аналогіи. Мы снова удивляемся, какимъ образомъ глубокомысленный Шафарикъ не остановилъ своего вниманія надъ этимъ важнымъ пунктомъ и ограничился только слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Здѣсь, во многихъ отношеніяхъ, представляется намъ такое же явленіе, какое, спустя около двухъ сотъ лѣтъ, повторилось на Руси, когда къ тамошнимъ Славянамъ пришли Варяги. Предводители воинственныхъ полчищъ, правда немногочисленныхъ, но храбрыхъ и искусныхъ въ военномъ дѣлѣ, вторглись въ земли миролюбивыхъ Славянъ, занимавшихся земледѣліемъ и сельскимъ хозяйствомъ, присвоили себѣ надъ ними верховную власть и, поселясь среди ихъ, такъ полюбили выгоды образованной гражданской жизни, что въ короткое время породнились съ новыми своими подданными, приняли ихъ языкъ, нравы, образъ жизни и даже вмѣстѣ съ ними самое христіанство, совершенно переродились и сдѣлались изъ Уральской Чуди Подгемскими Славянами“ (ibid. 266). Мы видимъ, что незабвенный авторъ Славянскихъ Древностей превращенію Финскихъ Болгаръ въ Славянъ находитъ аналогію въ такомъ же или еще болѣе быстромъ превращеніи Скандинавской Руси тоже въ Славянъ. Послѣ изслѣдованій, посвященныхъ нами вопросу о происхожденіи Руси, мы считаемъ себя въ правѣ сказать, что означенное сравненіе не можетъ имѣть мѣста. Никакой другой, несомнѣнно исторической,

*) Примѣры постепеннаго водворенія Славянъ за Дунаемъ см. въ Заселеніи Балкан. полуострова Славянами-Дринова. Только жаль, что г. Дриновъ при этомъ упустилъ изъ виду главную массу Славянскаго населенія, т. е. Болгаръ, и, положась на мнѣнія Шафарика и другихъ авторитетовъ, не подвергъ анализу доказательства Тюрко-Финской теоріи.

аналогіи Тюрко-Финская теорія намъ не представила. Замѣчательно, что нашъ норманизмъ въ свою очередь быстрому перерожденію Руси въ Славянъ находитъ аналогію въ такомъ же перерожденіи Болгаръ. Такимъ образомъ обѣ эти мнимыя теоріи опираются одна на другую *).

Перекрещеніе или смѣшеніе разныхъ народностей, порождающее новые типы, новыя національности, а также переходъ одного народа въ другой совершаются по такимъ же неизмѣннодѣйствующимъ законамъ какъ и все другое въ мірѣ; скачковъ, отступленій, *идиллическихъ исключеній* тутъ не бываетъ и не можетъ быть. Дунайскіе Болгаре являются передъ нами не какимъ либо смѣшаннымъ, переходнымъ типомъ, а цѣльнымъ Славянскимъ народомъ; если были постороннія примѣси, то онѣ давно уже переработаны сильною, господствующею стихіей, и оставили только нѣкоторые слѣды. А если принять означенную теорію, то мы, на оборотъ, имѣли бы передъ собой быстрый переходъ сильнаго, господствующаго народа въ другой болѣе слабый и притомъ подчиненный—явленіе совершенно противорѣчащее историческимъ законамъ. Исторія какъ бы нарочно помѣстила рядомъ съ Болгарами иные народы, чтобы свидѣтельствовать о невозможности подобныхъ переходовъ. Вотъ уже около 1000 лѣтъ какъ орда Угровъ поселилась посреди Славянъ; однако они не только не ославянились, а напротивъ благополучно подвигаютъ впередъ мадьяризацію нашихъ соплеменниковъ. Европейскіе Турки болѣе 400 лѣтъ живутъ посреди Славянъ и Грековъ, и доселѣ еще не ославянились и не огречились. Румыны почти со всѣхъ сторонъ были окружены Славянами; въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій они жили общею политическою и религіозною жизнію съ Славянскими Болгарами, имѣли церковно-славянскую письменность, и все таки не

---

*) Тотъ же идиллическій взглядъ на совершенное подчиненіе завоевателей вліянію покоренной народности раздѣлялъ и многоуважаемый, слишкомъ рано похищенный смертію, Гильфердингъ. „Много ордъ—говоритъ онъ—въ теченіе вѣковъ бросалось отъ Уральскихъ горъ или изъ Средней Азіи на земледѣльцевъ Славянъ, и всѣ почти сохраняли, среди мирнаго, общительнаго племени Славянскаго, свою дикую, исключительную народность, какъ-то Авары, Мадьяры, Печенѣги, Половцы, Татары, Турки и столько другихъ: отрадное между ними исключеніе представляютъ тѣ степенные пришельцы, которые, когда и превосходили Славянъ силою оружія, склонялись передъ ихъ духовною силою и роднились съ ними, дѣлались ихъ защитниками и братьями. Таковы были Гунны, столь ненавистные Германцамъ; таковыми оказались и Болгаре“. Соч. Гильферд. (I. 26).

превратились въ Славянъ. Вообще Тюрко-Финскія племена отнюдь не легко переходятъ въ другія народности; доказательствомъ тому служитъ сѣверная и восточная полоса Европейской Россіи. Хотя племена эти не только не господствующія (каковыми были Болгаре), а напротивъ представляются лишенными всякой политической самобытности, бѣдными и слабыми; однако обрусѣніе ихъ совершается весьма медленно и постепенно, въ теченіе многихъ столѣтій, и никакихъ исключеній изъ этой постепенности мы не видимъ.

Если обратимся къ Болгарамъ и поищемъ какихъ либо особыхъ условій, которыя могли бы благопріятствовать ихъ быстрому превращенію въ Славянъ, то никакихъ подобныхъ условій мы не найдемъ. Сторонники Тюрко-Финской теоріи указывали на одно только смягчающее обстоятельство: малочисленность Болгаръ, покорившихъ Мизію, ибо они составляли одну пятую часть Кувратовой орды; при томъ они будто бы были отдалены отъ соплеменныхъ имъ Финскихъ народовъ *). Но эта малочисленность, которую предполагалъ уже Шафарикъ, принадлежитъ къ очевиднымъ натяжкамъ, и дѣленіе Кувратовой орды на пять равныхъ частей есть не болѣе какъ гипотеза. Мы видѣли, что вообще расказъ объ этомъ дѣленіи имѣетъ чисто легендарный характеръ. Весь ходъ Болгарскаго движенія напротивъ указываетъ, что главная масса Болгаръ сосредоточилась на Дунаѣ; при чемъ значительная часть этой массы поселилась въ Мизіи, отчасти покоривъ жившихъ тамъ Славянъ, отчасти отодвинувъ ихъ далѣе на югъ и западъ. По всѣмъ признакамъ здѣсь было многочисленное и сплошное Болгарское населеніе.

Далѣе, еслибы Дунайскіе Болгаре были Финнами, то нѣтъ никакого повода говорить объ ихъ отдаленности отъ родственныхъ имъ народовъ. Ненадобно, вопервыхъ, упускать изъ виду, что они нисколько не находились въ изолированномъ положеніи по отношенію къ другимъ вѣтвямъ своего племени. Значительная ихъ часть еще оставалась на сѣверной сторонѣ Дуная, въ Дакіи; кромѣ того, по смыслу сказанія о раздѣлѣ сыновей Куврата выходитъ, что къ части Аспаруха съ сѣверо-восточной стороны, т. е. со стороны Днѣпра и Азовскаго моря, примыкалъ удѣлъ втораго брата, а съ сѣверо-западной удѣлъ четвертаго. Послѣдній удѣлъ, т. е. Болгаре Паннонскіе, поселившіеся на р. Тиссѣ,

*) См. Черткова „О переводѣ Манасіинской лѣтописи“ (стр. 64) и Сочиненія Гильфердинга (I. 26).

не только не теряли связи съ Нижне-дунайскими Болгарами; но потомъ, когда было разрушено Аварское царство, они возсоединились съ своими соплеменниками. Еслибы Болгаре принадлежали къ Тюрко-Финской семьѣ, то ихъ народность нашла бы могущественную поддержку и въ самомъ народѣ Аварскомъ, который таже исторіографія причисляла доселѣ къ Тюрко-Финскимъ племенамъ. Болгаре нѣкоторое время находились подъ игомъ Аваръ; но и послѣ освобожденія отъ этого ига они долгое время жили въ сосѣдствѣ съ Аварами на Дунаѣ. Однако эти два народа не только не могли слиться, но напротивъ мы видимъ между ними ожесточенную борьбу; эта борьба прекратилась только съ конечнымъ разрушеніемъ Аварскаго царства, которое было уничтожено соединенными усиліями Франковъ и Болгаръ въ началѣ IX вѣка. Болгаре „въ конецъ истребили Аваръ"—замѣчаетъ одинъ византійскій писатель (Свида). Мы не думаемъ, чтобы это извѣстіе можно принимать буквально. По всей вѣроятности далеко не всѣ Авары были истреблены, и можетъ быть они впослѣдствіи помогли Träграмъ завоевать Паннонскихъ Славянъ.

А Угры, развѣ они далеко жили отъ Болгаръ? Нисколько. Они были ихъ сосѣдями съ незапамятныхъ временъ еще въ степяхъ Южной Россіи, откуда постепенно подвигались на западъ; уже въ первой половинѣ IX вѣка, по византійскимъ извѣстіямъ, мы находимъ Угровъ сосѣдями Болгаръ на нижнемъ Дунаѣ. Еслибы Болгаре были сами Угорское, т. е. Финское, племя, то ихъ народность должна была получить сильную поддержку и со стороны Угровъ. Принимая въ расчетъ Болгаръ, оставшихся по ту и по другую сторону Азовскаго моря и близкія къ нимъ племена Поволжскихъ Финновъ, мы получили бы почти непрерывное Финское населеніе на огромномъ пространствѣ отъ Уральскихъ до Балканскихъ горъ. Какъ же при такихъ условіяхъ Дунайскіе Болгаре могли обратиться въ Славянъ? На оборотъ тогда бы всѣмъ Южнорусскимъ и Дунайскимъ Славянамъ грозила опасность обратиться въ Финновъ. Но въ томъ-то и дѣло, что этотъ рядъ Угорскихъ народовъ былъ нарушенъ великимъ Болгарскимъ племенемъ. По отношенію къ настоящимъ Уграмъ мы не только не находимъ со стороны Болгаръ какого либо родственнаго влеченія, а напротивъ видимъ туже племенную ненависть какъ и въ отношеніи Аваръ.

Наконецъ возьмемъ собственныхъ Гунновъ, т. е. Гунновъ Аттилы. Напрасно было бы думать, что послѣ паденія его державы

эти Гунны были всѣ истреблены или ушли опять на востокъ. Напротивъ, часть ихъ уцѣлѣла въ Дакіи и Панноніи. А другая часть, по словамъ Іорнанда, съ сыновьями Аттилы удалилась на берега Понта въ мѣста, гдѣ нѣкогда обитали Готы. Кромѣ того небольшое количество Гунновъ вмѣстѣ съ Сарматами (т. е. Сербами) основалось въ Иллирикѣ. Далѣе, младшій сынъ Аттилы Эрнакъ поселился съ своими Гуннами на краю Малой Скиѳіи (въ Добруджѣ), рядомъ съ Аланами, которыми начальствовалъ царь Кондакъ. (Эти Алане были увлечены Гуннами изъ Задонскихъ степей). Двоюродные братья Эрнака, Эмнедзаръ и Узиндуръ, заняли сосѣднюю часть Береговой Дакіи, откуда гунскіе князья Уто и Искальмъ съ своимъ народомъ перешли далѣе на югъ: „потомки этихъ Гунновъ — прибавляетъ Іорнандъ — называются Сакромонтизіи и Фозатизіи“ (cap. L.) *).

Слѣдовательно, вотъ сколько гунскихъ элементовъ имѣли Болгаре вокругъ себя, и, еслибы Гунны и Болгаре были равно Туранцы, то конечно коренная Болгарская народность нашла бы обильную пищу для своего сохраненія и дальнѣйшаго развитія. А между тѣмъ на оборотъ Болгаре мало по малу ославянили почти всю восточную половину Балканскаго полуострова.

И такъ, если допустить предположеніе, что Болгаре были соплеменниками Угровъ, то быстрое и коренное превращеніе ихъ въ Славянъ являлось бы событіемъ не только чрезвычайнымъ, но и просто ни съ чѣмъ несообразнымъ. А потому мы смѣло можемъ утверждать, что Болгаре, пришедшіе на Дунай, не могли быть ничѣмъ инымъ какъ Славянами. Это положеніе только и можетъ объяснить намъ, почему въ слѣдъ за окончательнымъ поселеніемъ Болгаръ въ Мизіи мы видимъ усиленное славянское движеніе почти по всему Балканскому полуострову. Славянизація въ VIII вѣкѣ сдѣлала такіе успѣхи даже въ южныхъ частяхъ полуострова, что Константинъ Багрянородный замѣчаетъ „ославянилась (ἐσθλαβώθη) и оварварилась цѣлая страна въ то время, когда

*) Менандръ подъ 573 г. говоритъ, что на аварское посольство, возвращавшееся изъ Византіи, напали „такъ называемые Скамары“ и разграбили его. Ѳеофанъ подъ 764 г. также упоминаетъ о болгарскихъ разбойникахъ, „называемыхъ Скамарами“. О тѣхъ же разбойникахъ Скамарахъ говоритъ Эвгиппій въ житіи Северина. (См. Mem. Pop. II. 526). Упомянутые выше Іорнандовы Сакромонтизіи по всей вѣроятности суть ничто иное какъ переиначенное названіе Скаромапты или Скамары. Мы (вслѣдъ за Шафарикомъ) сближаемъ съ этимъ названіемъ славянское слово скамрахъ или скоморохъ. Это одно изъ многихъ народныхъ именъ, обратившихся въ бранное или насмѣшливое нарицательное имя.

моровая язва свирѣпствовала во всей вселенной, а скипетръ римскій былъ въ рукахъ Константина Копронима" (De thematibus occidentis). Какимъ образомъ могла происходить такая славянизація уже въ VIII вѣкѣ, еслибы сильное и господствующее надъ Славянами племя было чуждаго имъ, финскаго или турецкаго происхожденія? Откуда бы вдругъ взяли силы нѣкоторые довольно слабые славянскіе народы, прозябавшіе дотолѣ на почвѣ имперіи? Да и вообще славянскій элементъ началъ громко заявлять о своемъ существованіи на полуостровѣ только съ появленія на немъ Болгаръ, т. е. съ V вѣка. Теорія, толкующая о томъ, что Дунайскіе Славяне по своему мирному характеру даже не были способны ни къ какимъ заявленіямъ, а ждали для этого предводителей, которые пришли къ нимъ въ видѣ чуждаго и совершенно несимпатичнаго для нихъ Угорскаго племени (какъ Славяне Русскіе ждали прихода Варяговъ, чтобы заявить міру о своемъ существованіи)—эта теорія совершенно произвольная, не основанная ни на какихъ историческихъ свидѣтельствахъ и прямо несообразная съ историческимъ смысломъ. Очевидно пришествіе Болгаръ подкрѣпило славянскій элементъ на Балканскомъ полуостровѣ, и сообщило славянскому движенію такую силу, что Византійская имперія должна была напрячь всѣ средства своей высшей гражданственности, чтобы положить преграду этому движенію. Благодаря превосходству своей организаціи, ей удалось не только остановить его, но впослѣдствіи произвести движеніе обратное, т. е. потрясти, ослабить Болгарское государство и снова огречить многія мѣстности, сдѣлавшіяся почти славянскими *).

---

*) Точно также объитальянилась та болгарская колонія, которая по баснословному разсказу византійцевъ перешла въ Италію прямо отъ Азовскаго моря съ пятымъ сыномъ Куврата. А по извѣстіямъ Фредегарія (гл. 72) и Павла Діакона (кн. V, гл. 29) просто дружина Булгаръ, „происходившихъ изъ Азіатской Сарматіи", бѣжала изъ Баваріи отъ преслѣдованій короля Дагоберта въ числѣ 700 человѣкъ, подъ начальствомъ своего князя Альзека, и около 667 года поселилась въ герцогствѣ Беневентскомъ съ дозволенія короля Гримоальда. Они заняли здѣсь три селенія: Сепино, Изернію и Бояно. (И эту-то дружину, въ 700 человѣкъ, размѣстившуюся въ трехъ селеніяхъ, новая исторіографія считала пятою частью всего Болгарскаго народа!). Дальнѣйшія судьбы этой колоніи неизвѣстны. Въ XV вѣкѣ въ тѣхъ же мѣстахъ поселились новые славянскіе выходцы, именно изъ Сербіи. (См. о томъ „Письма" де-Рубертисъ въ Чтен. Об. И. и Д. 1858. 1). Обращаемъ на этотъ предметъ вниманіе нашихъ славистовъ. Можетъ быть когда нибудь имъ удастся открыть слѣды упомянутой Болгарской колоніи въ мѣстныхъ средневѣковыхъ источникахъ.

V.

Черты нравовъ и обычаевъ у Дунайскихъ Болгаръ. Ихъ одежда и наружность. Мнимыя связи съ Камскими Болгарами.

Если обратимся къ другому ряду доказательствъ Тюрко-Финской теоріи—къ обычаямъ, то и здѣсь найдемъ, что эти доказательства набросаны поверхностно, имѣютъ только подобіе научныхъ пріемовъ и лишены всесторонняго, критическаго разсмотрѣнія. Вотъ въ какомъ видѣ онѣ изложены у Шафарика. „Равномѣрно образъ жизни и обычаи природныхъ булгарскихъ государей рѣшительно не славянскіе, напр. принесеніе людей и звѣрей въ жертву богамъ, священное омовеніе ногъ въ морѣ, множество женъ, падающихъ при видѣ князя ницъ на земь лицемъ и славящихъ его, несеніе впереди войска конскаго хвоста вмѣсто знамени, клятва на обнаженномъ мечѣ и разсѣченіе при этомъ собакъ на части, употребленіе человѣческихъ череповъ вмѣсто чашъ, біеніе пойманнаго вора дубиной по головѣ и боданіе желѣзными кривыми крюками въ ребра, ношеніе широкихъ шароваръ по обычаю Турковъ, сидѣнье, поджавъ колѣна, задомъ на пятахъ (по обычаю Персовъ), предпочтеніе лѣвой стороны правой, какъ почетнаго мѣста“. (271—272).

Нынѣ доказано, что для рѣшенія этнографическихъ вопросовъ сходство и различіе обычаевъ представляютъ самую слабую основу; что общія черты быта и религіи могутъ встрѣчаться у народовъ не только не родственныхъ по происхожденію, но даже живущихъ въ совершенно разныхъ частяхъ свѣта и не имѣющихъ никакихъ сношеній между собою. Поэтому доказательства подобнаго рода надобно строить съ большою осмотрительностію и отличать существенныя, дѣйствительно-родственныя черты отъ общихъ, принадлежащихъ не только извѣстной народности, сколько извѣстной степени гражданственности или вліянію одного народа на другіе сосѣдніе и особенно на покоренные. Поборники Тунмано-Энгелевой теоріи, во первыхъ, не обратили вниманія на весьма ясныя свидѣтельства источниковъ. Общія черты встрѣчаемъ уже у Амміана Марцелина при описаніи быта и характера Гунновъ и Аланъ: Алане („древніе Массагеты“—поясняетъ Ам-

міанъ) такой же кочевой, конный и воинственный народъ, какъ и Гунны. Мало того, у Аланъ находимъ черты, прямо тожественныя съ краснокожими дикарями Новаго Свѣта, напримѣръ скальпированіе непріятельскихъ головъ. Однако Алане никоимъ образомъ не могутъ быть отнесены къ Монгольскимъ и Татарскимъ племенамъ, съ понятіемъ о которыхъ мы привыкли связывать представленіе о кочевомъ, конномъ народѣ. Любимый напитокъ Татаро-монгольскихъ кочевниковъ составляетъ кумысъ или кобылье молоко: но, какъ извѣстно, древніе Литовцы и Сарматы также употребляли этотъ напитокъ. Тотъ же Амміанъ, восхищаясь храбростью Аланъ, объясняетъ воинственный характеръ Персовъ тѣмъ, что они родственнаго происхожденія со Скиѳами-Аланами (другіе писатели называютъ Аланъ Сарматами); этимъ свидѣтельствомъ положительно рѣшается вопросъ о принадлежности послѣднихъ къ Арійской семьѣ. А Болгаре вышли именно изъ той страны и изъ той группы народовъ, которую Амміанъ описываетъ въ IV вѣкѣ подъ общимъ именемъ Аланъ, обитавшихъ за Дономъ и Азовскимъ моремъ, и мы имѣемъ полное право заключить, что Болгаре принадлежали къ Скиѳо-Сармато-Аланской группѣ.

Далѣе, Прокопій, описывая нравы Склавинъ и Антовъ, говоритъ: „Они ведутъ образъ жизни суровый и грубый какъ Массагеты, и подобно послѣднимъ покрыты грязью и всякою нечистотою; злые и лукавые люди между ними очень рѣдки; но при своемъ простосердечіи они имѣютъ гуннскіе нравы“ (De Bello Goth. l. III. c. 14). Какого же болѣе яснаго свидѣтельства можно требовать отъ источниковъ, чтобы видѣть всю несостоятельность упомянутыхъ доводовъ? Склавины и Анты, т. е. Дунайскіе и Русскіе Славяне, имѣютъ гуннскіе нравы. А извѣстно, что Прокопій подъ именемъ Гунновъ разумѣетъ преимущественно Болгарскія племена, которыя въ его время играли едвали не главную роль въ политическихъ отношеніяхъ имперіи со стороны Дунайской границы, и для насъ совершенно понятно постоянное сопоставленіе съ ними Антовъ и Придунайскихъ Склавиновъ. Въ разсказахъ его о нападеніяхъ на имперію мы обыкновенно встрѣчаемъ то раздѣльно, то въ совокупности, эти три народа: Гунны, Анты и Склавины. Въ его описаніи войнъ Вандальской и Готской въ числѣ вспомогательныхъ или наемныхъ войскъ опять встрѣчаются тѣже Гунны, Анты и Склавины; они преимущественно упоминаются въ качествѣ отличныхъ конниковъ и стрѣлковъ. Общее или

родовое название Гунновъ, какъ мы уже говорили, замѣняется у Прокопія иногда видовыми именами Кутургуровъ и Утургуровъ, а иногда другимъ общимъ названіемъ Массагетовъ. (Припомнимъ, что Амміанъ Массагетами называетъ Аланъ). Итакъ о сходствѣ бытовыхъ чертъ у Славянъ и у Болгаръ мы имѣемъ положительное свидѣтельство Прокопія, который самъ видѣлъ ихъ и могъ наблюдать ихъ нравы, сопровождая Велизарія въ его походахъ. Слѣдовательно и съ этой стороны, на которую, повторяемъ, можно опираться весьма условно и осмотрительно, источники говорятъ совсѣмъ не въ пользу Тюрко-Финской теоріи.

Если сравнимъ нѣкоторые обычаи въ частности, то опять встрѣтимъ общеславянскія или общеварварскія черты. Напримѣръ, клятва на обнаженномъ мечѣ была также въ обычаѣ у Руссовъ; употребленіе человѣческихъ череповъ вмѣсто чашъ, было присуще чуть ли не всѣмъ варварскимъ народамъ; мы находимъ его у Германцевъ даже въ VI вѣкѣ, если припомнимъ исторію лангобардскаго короля Альбоина. Знамена или стяги съ конскимъ хвостомъ (столь свойственныя народу, недавно вышедшему изъ кочеваго, коннаго быта), предпочтеніе лѣвой стороны, сидѣніе поджавъ колѣна на пятахъ (притомъ „по обычаю Персовъ“, народа совсѣмъ не турецкаго), широкіе шаровары (по извѣстію Ибнъ-Фадлана бывшіе въ употребленіи также у Руссовъ) и пр. и пр.—все это такія черты, которыя никакъ нельзя признать финскими и турецкими по преимуществу.

Извѣстно, что нѣкоторыя принадлежности одѣянія, а также прическа и борода не только въ наше время, но и во всѣ времена подвергались разнымъ вліяніямъ или такъ наз. модѣ. Болгаре значительное время находились въ зависимости отъ Аваръ, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, если по одному византійскому свидѣтельству (Свида) въ костюмѣ ихъ оказалось кое-что общее съ Аварами. Но уже самое свидѣтельство, будто „Болгаре перемѣнили свою одежду на аварскую“ (Mem. P. I. 758), показываетъ, что Болгаре и Авары не считались однимъ и тѣмъ же племенемъ. Какую именно одежду заимствовали Болгаре у Аваръ, Свида не объясняетъ: прическа у этихъ народовъ была различная. Ѳеофанъ и Анастасій говорятъ, что Авары носили длинные волосы, отброшенные назадъ и переплетенные тесемками; а остальная внѣшность ихъ была похожа на гуннскую (Mem. Pop. I. 644). Но, какъ мы видѣли, подъ Гуннами въ тѣ времена у византійцевъ разумѣлись преимущественно Болгаре. Прокопій,

говоря о партіяхъ цирка, описываетъ ихъ модный костюмъ и прическу, которыя они усвоили себѣ по образцу Массагетовъ или Гунновъ, а извѣстно, что и Гунны, и Массагеты у него означаютъ именно Болгаръ. Главныя черты этой моды составляли: оголенныя щеки и подбородокъ, подстриженная кругомъ голова съ пучкомъ волосъ на затылкѣ, рукава одежды, очень узкія у кисти рукъ и весьма широкія къ плечу, плащи, исподнее платье и разные виды „гуннской обуви“ (Hist. Arcana c. VII). Изъ этихъ сопоставленій мы можемъ только заключить, что Болгаре и Авары носили прическу разную, а одежда ихъ была похожа.

Что обычай стричь бороду и голову принадлежалъ собственно Болгарамъ, подтверждаетъ одно болгарское извѣстіе, именно роспись первыхъ князей. Тамъ прямо сказано, что пока они держали княженіе объ ону (сѣверную) сторону Дуная, были „съ остриженными главами“. (Обзоръ Хронографовъ. Андр. Попова. I. 25). Слѣдовательно послѣ утвержденія въ Мизіи и Ѳракіи болгарская аристократія начала измѣнять свою прическу, конечно подъ вліяніемъ византійскимъ. Такимъ образомъ, описанные Львомъ Діакономъ, бритый подбородокъ Святослава и его оголенная голова съ чубомъ, какъ оказывается представляли черты общія съ древними Болгарами; только русскіе князья долѣе болгарскихъ сохраняли старыя привычки. Впрочемъ съ одной стороны уже въ вѣкъ Святослава не всѣ Руссы брили бороду, нѣкоторые отпускали ее и завивали въ гриву (Ибнъ-Хаукалъ), а съ другой въ томъ же вѣкѣ встрѣчаются болгарскіе вельможи все еще съ подбритою кругомъ головою (Liutprandi Legatio) *).

Если отъ волосъ и одежды перейдемъ къ типу лица, то и здѣсь не найдемъ никакихъ доказательствъ туранскаго происхожденія. Современные намъ Болгаре въ большинствѣ имѣютъ чистый южнославянскій типъ. Если же и встрѣчаются (особенно въ Подунайской равнинѣ) многія физіономіи съ типомъ тюрко-финскихъ народовъ, то это объясняется историческими судьбами Болгаръ.

---

*) „Bulgarorum nuntium, ungarcio more tonsum“, говоритъ Ліутпрандъ. Почему же „остриженнаго по угорскому обычаю“? Оголенная кругомъ голова составляла древнеболгарскій обычай, какъ то доказываютъ Прокопій и Роспись болгарскихъ князей. Очень можетъ быть, что и къ Badgerамъ этотъ обычай перешелъ отъ Болгаръ.

Вотъ одно изъ очевидныхъ доказательствъ, что Понтійскіе Скиѳы не были ни Чудь, ни Монголы; фигуры этихъ Скиѳовъ на разныхъ предметахъ, добытыхъ раскопками въ Южной Россіи, снабжены отличными бородами. Обычай брить бороды, былъ собственно не скиѳскій, а сарматскій.

Многія примѣси тюркскія и угорскія вошли въ Болгарскій организмъ еще до утвержденія ихъ за Дунаемъ; но и послѣ того долгое время продолжался приливъ тюркскихъ элементовъ. Припомнимъ только, что послѣ истребительныхъ войнъ Цимисхія и особенно Василія II, когда Болгарское государство ослабѣло и подчинилось Византіи, многія мѣстности Болгаріи запустѣли. Въ теченіе X вѣка мы видимъ рядъ Печенѣжскихъ вторженій; а въ XI цѣлыя орды Печенѣговъ поселились въ равнинныхъ частяхъ Болгаріи съ позволенія Византіи. За Печенѣгами послѣдовали вторженія и колонизація Половцевъ, за Половцами Татары; наконецъ и Турки Османскіе также внесли свою долю. И замѣчательно, какъ сильна и живуча была коренная славянская народность Болгаръ: она усвоила себѣ всѣ чуждые элементы, ибо всѣ эти обрывки тюркскихъ народностей сдѣлались Болгарами по языку и быту; но онѣ оставили многіе слѣды въ наружномъ типѣ и въ характерѣ новыхъ Болгаръ. Кромѣ того неблагопріятное вліяніе чуждыхъ примѣсей отразилось впослѣдствіи въ недостаточномъ стремленіи къ національному единству и къ самобытности. Итакъ мы видимъ Болгаръ въ постоянномъ и очень тѣсномъ соприкосновеніи съ народами тюрко-финскими, съ самаго начала ихъ исторіи до послѣднихъ вѣковъ. Есть ли какая вѣроятность, чтобы при такихъ условіяхъ они могли обратиться въ чистыхъ Славянъ и противостоять всѣмъ чуждымъ примѣсямъ, еслибы они не были коренною славянскою народностію? Конечно нѣтъ. Историческіе законы непреложны.

„Болгаре—говоритъ Шафарикъ—приносили людей и звѣрей въ жертву богамъ.“ Да какой же народъ, находившійся на степени варварства, этого не дѣлалъ? Извѣстно, что жертвоприношенія, и даже человѣческія, были въ обычаѣ у Руссовъ еще во второй половинѣ X вѣка. Въ числѣ нѣкоторыхъ языческихъ обрядовъ у Болгаръ было разсѣченіе собакъ на части. Но и Руссы дѣлали тоже самое, судя по извѣстію Ибнъ-Фадлана. Болгарскіе судьи пытали воровъ и разбойниковъ батогами и желѣзными крючьями. Но пытки, и самыя варварскія, существовали у народовъ болѣе образованныхъ. Какія же это доказательства турецкаго или финскаго племени?

Продолжимъ выписку доводовъ, приводимыхъ Шафарикомъ въ пользу не славянскаго происхожденія: „раннее укорененіе магометанства между Подунайскими Булгарами, слѣды коего, по словамъ папы Николая, можно было видѣть у нихъ даже и по обра-

щеніи въ христіанскую вѣру (860—866), особенно многоженство, принятіе святыни распоясавшись, покровеніе головы турбаномъ въ храмѣ, суевѣрное убіеніе животныхъ, сарацинскія книги и т. п. Вѣроятно Дунайскіе Булгары, и по утвержденіи своемъ въ Мизіи, продолжали прежнія дружескія сношенія съ братьями своими, оставшимися на Волгѣ, отъ коихъ, безъ сомнѣнія, еще въ VIII вѣкѣ приняли первыя начала магометанства, уступившаго послѣ мѣсто христіанству" (272). Мнѣніе о магометанствѣ Дунайскихъ Болгаръ, какъ мы видимъ, построено на весьма слабыхъ основаніяхъ. Эти основанія заимствованы преимущественно изъ *Отвѣтовъ* папы Николая I въ 866 г. *). Только что окрещенные Болгаре обратились къ папѣ Николаю I съ просьбою возвести Болгарію на степень отдѣльнаго патріархата и при этомъ предложили рядъ вопросовъ, имѣвшихъ цѣлію разъяснить нѣкоторыя ихъ недоумѣнія относительно новой религіи. Изъ этихъ вопросовъ, на которые папа прислалъ свои отвѣты, ясно видно, что Болгарскій народъ держался еще многихъ языческихъ обычаевъ. Напримѣръ, вопросъ: „можно ли имѣть двухъ женъ и, если нельзя, то какъ поступать съ имѣющими" — этотъ вопросъ нисколько не служитъ признакомъ мусульманства; многоженство есть черта языческая, и оно существовало у всѣхъ славянскихъ народовъ. Далѣе, обычай распоясываться, приступая къ какому либо священному дѣлу, ношеніе какой то полотняной повязки на головѣ (ligatura lintei), которую новообращенные не привыкли еще снимать входя въ церковь, продолжавшіяся въ народѣ идольскія жертвоприношенія—все это суть несомнѣнные остатки язычества.

Изъ всѣхъ вопросовъ болгарскихъ только одинъ имѣетъ отношеніе къ магометанству. „Что дѣлать съ нечестивыми книгами, которыя мы получили отъ Сарацинъ и имѣемъ у себя?" спрашиваютъ Болгаре. „Непремѣнно сжечь"—отвѣчаетъ папа. Но что это за сарацинскія книги и отъ кого онѣ были получены, о томъ нѣтъ никакихъ дальнѣйшихъ указаній. Неизвѣстно, были ли то чисто мусульманскія книги или принадлежали какой либо восточной сектѣ, предшественницѣ болгарскаго богумильства. Предметъ тѣмъ болѣе темный, что о мусульманской пропагандѣ тутъ совсѣмъ не упоминается. Въ заключеніе своихъ вопросовъ Болгаре умоляютъ дать имъ чистую и совершенную христіанскую вѣру:

*) Responsa ad consulta Bulgarorum. Acta Conciliorum. Ed. Harduin. V. 353.

„ибо—говорятъ они—въ землю нашу пришли изъ разныхъ мѣстъ многіе проповѣдники, какъ то Греки, Армяне и другіе, которые учатъ насъ различно.“ Но если въ Болгарію приходили проповѣдники изъ разныхъ странъ, то могла проникать и магометанская проповѣдь, особенно при помощи многочисленныхъ славяно-болгарскихъ колоній, которыя поселились въ Малой Азіи въ VII и VIII вв. Такъ напримѣръ, въ царствованіе императора Константина Копронима въ Болгаріи произошли сильныя междоусобія, во время которыхъ была свергнута династія Аспаруха и поставленъ князь (Телецъ) изъ другаго рода. Вслѣдствіе этихъ междоусобій множество болгарскихъ Славянъ оставили свои земли, и съ разрѣшенія византійскаго императора переселились въ Малую Азію на рѣку Артану; число этихъ переселенцевъ будто бы превышало 200,000 человѣкъ (по извѣстію Θеофана). Слѣдовательно, еслибы и встрѣтились дѣйствительно слѣды мусульманской пропаганды у Дунайскихъ Болгаръ, то посредниками въ этомъ случаѣ могли явиться болгарскіе колонисты въ Малой Азіи.

Впрочемъ, сношенія съ Сарацинами въ тѣ времена были довольно обычны, особенно на почвѣ Византійской имперіи, гдѣ Болгаре встрѣчались съ ними то въ союзѣ съ Византіей противъ нихъ, то на оборотъ. Но Тюрко-Финская теорія совершенно упускаетъ изъ виду эту близость Малой Азіи и Сиріи и сношенія болгарскихъ царей даже съ египетскими халифами; а для подкрѣпленія своего дѣлаетъ предположенія о непосредственныхъ связяхъ Дунайскихъ Болгаръ съ Камскими и о сильномъ магометанскомъ вліяніи съ береговъ Камы на берега Дуная. Во первыхъ, магометанство утвердилось въ Камской Болгаріи только въ X вѣкѣ; а въ VIII если и начали проникать туда начатки этого ученія, то еще весьма слабые. Во вторыхъ, источники не упоминаютъ ни о какихъ сношеніяхъ Дунайскихъ Болгаръ съ Камскими. Ближе къ послѣднимъ жили Болгаре Таврическіе и Таманскіе; но и тѣ остались чужды мусульманству, хотя оно проникло въ сосѣднюю съ ними Хазарію. Итакъ всѣ эти предположенія о мусульманствѣ Дунайскихъ Болгаръ очевидно вызваны желаніемъ привести ихъ въ живую связь съ Камскими. Но, повторяемъ, источники нисколько не согласуются съ такимъ желаніемъ.

VI.

Торговые договоры. Начало письменности и христіанства у Болгаръ.

Сами послѣдователи Тюрко-Финской теоріи указываютъ на черту, которая находится въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ этой теоріей. „Булгары принесли изъ Волжскихъ степей замѣчательную способность къ воспринятію цивилизаціи“—замѣчаетъ одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей Византійско-Славянскаго міра,—и указываетъ за тѣмъ на ихъ торговую дѣятельность *). И дѣйствительно, едва Болгаре утвердились въ Мизіи, какъ вошли въ торговыя сношенія съ своими сосѣдями; Болгарія вскорѣ сдѣлалась торговою посредницею между Византіей, Германіей, Западно и Восточно-Славянскими землями. Это значеніе ея мѣтко опредѣлила наша лѣтопись, вложивъ въ уста Святослава извѣстныя слова, что въ Переяславль на Дунаѣ „сходятся вся благая“ изъ разныхъ странъ. Торговля производилась въ тѣ времена особенно по рѣчнымъ и морскимъ путямъ; а судоходство, какъ извѣстно, не въ характерѣ чисто-степнаго Чудско-Татарскаго народа. Послѣднюю черту подтверждаютъ не только Турко-Хазары, Печенѣги, Половцы, Татары, но и современные Угры, которые, не смотря на свой внѣшній европеизмъ, не сдѣлались торговымъ народомъ; хотя они прежде жили около береговъ Чернаго моря, потомъ владѣли частію береговъ Адріатики и живутъ на такой судоходной рѣкѣ какъ Дунай. Болгаре, на оборотъ, какъ только утвердились за Дунаемъ, то первымъ ихъ стремленіемъ было захватить морскія гавани, каковы: Одиссосъ (Варна), Истрополисъ, потомъ Анхіалъ, Мессемврія, Бургасъ, Созополисъ.

На постоянную, значительную торговлю Болгаръ съ Византіей указываютъ торговые договоры Болгарскихъ князей съ Греками, совершенно подобные такимъ же договорамъ князей Русскихъ. Первый извѣстный намъ договоръ былъ заключенъ княземъ Кормезіемъ (а по мнѣнію нѣкоторыхъ Тервелемъ) при императорѣ Ѳеодосіѣ Адрамитинѣ въ 714 или 715 году. Статьи этого договора опредѣляли цѣны наиболѣе дорогихъ товаровъ, постановля-

---

*) L'Empire Grecque au X siècle. Par Rambaud. Paris 1870.

ли взаимную выдачу бѣглыхъ преступниковъ и вмѣняли въ обязанность купцамъ имѣть печати или правительственныя клейма на своихъ товарахъ. Договоръ этотъ конечно былъ письменный; ибо спустя около ста лѣтъ болгарскій царь Крумъ посылаетъ угрожающее письмо къ императору Михаилу Рангаба и требуетъ мира не иначе какъ на основаніи Кормезіева договора (Ѳеофанъ и Анастасій). А въ промежуткѣ между Кормезіемъ и Крумомъ мы имѣемъ извѣстіе того же Ѳеофана о договорѣ Болгаръ съ Греками при Константинѣ Копронимѣ, въ 774 г., при чемъ обѣ стороны обмѣнялись *письменными* договорами и грамотами. (Theoph. Ed. Bon. 691 и 775).

Какъ значительна была торговая конкуренція болгарскихъ купцовъ съ греческими въ самой Византіи, показываютъ событія второй половины IX вѣка. Въ царствованіе Льва VI Философа по интригѣ греческихъ купцовъ, подкупившихъ кого слѣдуетъ, склады болгарскихъ товаровъ въ 888 г. были переведены изъ Константинополя въ Солунь. Хотя это былъ второй послѣ столицы торговый городъ имперіи, однако положеніе болгарской торговли значительно измѣнилось къ худшему: болгарскія суда должны были огибать весь Ѳракійскій полуостровъ и проходить мимо Константинополя, чтобы достигнуть Солуня. Въ тоже время пошлины на ихъ товары были увеличены. Знаменитый болгарскій царь Симеонъ горячо принялъ къ сердцу жалобы своихъ торговцевъ, и отсюда возникла его жестокая война съ Греками. Въ этомъ случаѣ мы опять находимъ разительную аналогію съ Руссами, которые воевали съ Греками за нарушеніе торговыхъ договоровъ и притѣсненія своихъ купцовъ. Самая торговля русская съ Константинополемъ очевидно шла объ руку съ торговлей болгарской, и во многомъ за ней слѣдовала. Замѣчательны также и общіе мореходные пріемы Руссовъ и Болгаръ. Какъ тѣ, такъ и другіе не достигли развитія своихъ морскихъ силъ, и оба народа повидимому не пошли дальше своихъ лодокъ однодеревокъ, которыя были пригодны для рѣчнаго и морскаго плаванія. Еще въ 626 г. во время осады Константинополя аварскимъ каганомъ, мы видѣли на Боспорѣ эти лодки Тавроскиѳовъ-Болгаръ. Тѣже болгарскія однодеревки встрѣчаемъ у береговъ Малой Азіи, спустя около 100 лѣтъ послѣ того, при императорѣ Львѣ Изавріанинѣ (Nicephor. Ed. Bon. 63). Дальнѣйшему развитію морскихъ силъ конечно воспрепятствовали относительно Руси кочевыя орды, которыя отрѣзали ее отъ моря, а относительно Болгаріи по-

литическій упадокъ царства во второй половинѣ X вѣка и наступившая затѣмъ потеря самобытности. Приливъ тюркскихъ народовъ, т. е. Печенѣговъ и Половцевъ, въ XI вѣкѣ, также немало задержалъ развитіе болгарской образованности.

Рѣчь о болгарской торговлѣ приводитъ насъ къ вопросу о началѣ болгарской письменности. Обыкновенно это начало возводятъ ко времени крещенія царя Бориса и апостольской дѣятельности Кирилла и Меѳодія, т. е. ко второй половинѣ IX вѣка. Но вѣрно ли это мнѣніе? Отвѣчаемъ отрицательно. Мы видѣли существованіе письменныхъ договоровъ съ Греками уже до царя Бориса; первый извѣстный намъ (по Ѳеофану) договоръ относится къ 714 или 715 году. Если съ этимъ даннымъ сопоставимъ упомянутое выше извѣстіе Прокопія о посольствѣ князя Утургуровъ Сандилха къ императору Юстиніану въ 551 г., при чемъ посолъ излагалъ свое порученіе *изустно*, то придемъ къ слѣдующему предположенію: болгарская письменность возникла въ періодъ времени между второю половиною VI-го и первою четвертью VIII-го вѣка. Но какая же это была письменность? Конечно славянская. Посольскія грамоты и письменные договоры съ Греками предполагаютъ при греческомъ текстѣ и существованіе славянскихъ переводовъ, подобныхъ тѣмъ, какіе находимъ при договорахъ Олега и Игоря.

Свидѣтельства о письменныхъ договорахъ и посланіяхъ болгарскихъ царей не принадлежатъ къ какимъ либо позднѣйшимъ извѣстіямъ, сложившимся подъ вліяніемъ собственно Кирилло-Меѳодіевой грамоты; доказательствомъ тому служитъ самъ авторъ этихъ свидѣтельствъ Ѳеофанъ, который жилъ ранѣе свв. Солунскихъ братьевъ и былъ современникъ Крума. Можно предложить вопросъ: не писались ли означенные договоры на одномъ греческомъ языкѣ? Но во первыхъ, это предположеніе не подкрѣпляется никакимъ свидѣтельствомъ источниковъ; во вторыхъ, тому противорѣчитъ существованіе славянскихъ переводовъ при договорахъ Руссовъ съ Греками. У насъ повторилось тоже явленіе: при княжемъ дворѣ писались грамоты на славянскомъ языкѣ прежде, нежели христіанство окончательно утвердилось въ Россіи. Притомъ два извѣстныхъ Олеговыхъ договора не были первыми русскими грамотами въ этомъ родѣ, такъ какъ въ нихъ самихъ заключаются намеки на договоры предшествовавшіе, слѣдовательно относящіеся къ IX вѣку.

На Руси начало грамоты совпадаетъ съ началомъ христіан-

ства. Первое свидѣтельство о крещеніи Руссовъ, какъ извѣстно, заключается въ окружномъ посланіи патріарха Фотія 866 года. И у Дунайскихъ Болгаръ водвореніе письменности также по всей вѣроятности находилось въ связи съ началомъ ихъ христіанства. Исторіографія обыкновенно возводитъ христіанство Болгаръ къ крещенію царя Бориса-Михаила и его бояръ, т. е. ко второй половинѣ IX вѣка. Но она забываетъ, что это крещеніе было только окончательнымъ торжествомъ христіанства въ Болгаріи. Нѣтъ никакого вѣроятія, чтобы при такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ Византіей, въ Болгарію не проникло христіанство гораздо ранѣе. Что дѣйствительно такъ было, на это имѣемъ свидѣтельство Константина Багрянороднаго и Кедрена. По ихъ словамъ преемникъ Крума Муртагонъ (или Критагонъ), княжившій въ первой четверти IX вѣка, замѣтивъ, что Болгарскій народъ мало по малу отпадаетъ отъ язычества и переходитъ въ христіанство, воздвигъ гоненіе на обращенныхъ и подвергъ казни тѣхъ, которые не хотѣли оставить новой вѣры. При этомъ упомянутые историки распространеніе христіанства между Болгарами приписываютъ плѣнному греческому епископу (Cedrenus. Ed. Bon. II. 185. Memor. Pop. II. 563) *). Но христіанство по всей вѣроятности уже существовало между ними. Болгаре заняли страну, населенную отчасти ихъ славянскими соплеменниками, которые искони жили на Балканскомъ полуостровѣ, входили въ составъ Византійской имперіи, и конечно если не всѣ, то частію были уже христіанами, когда утвердились здѣсь Болгаре. Отъ этихъ-то туземныхъ Славянъ христіанство очень рано могло проникнуть къ Болгарамъ. Есть поводы думать, что у послѣднихъ была сильная христіанская партія, съ которою язычество долго боролось. По всей вѣроятности не безъ связи съ этой борьбой происходили тѣ внутреннія смуты, которыми ознаменована исторія Болгаріи въ VIII вѣкѣ, сверженіе и убійство нѣкоторыхъ ея князей, и, можетъ быть, по преимуществу тѣхъ, которые особенно дружились съ Византіей и обнаруживали наклонность къ христіанской религіи. По крайней мѣрѣ мы имѣемъ изъ второй поло-

---

*) По разсказу Ѳеофилакта, архіепископа Болгарскаго, одинъ изъ сыновей того же Мортагона, Нравота или св. Баянъ, послѣ смерти отца принялъ крещеніе и былъ за то преданъ смерти братомъ своимъ Маломіромъ (См. аббата Миня Patrolg. graec. t. CXXVI. p. 194).

вины VIII вѣка примѣръ князя Телерика, который принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ изъ Болгаріи; онъ удалился ко двору императора Льва IV, былъ имъ окрещенъ, женился на его родственницѣ и получилъ санъ патриція (Theophan. 698).

Язычество долго и упорно держалось между Дунайскими Болгарами конечно вслѣдствіе почти постоянныхъ войнъ съ Византіей, которая стремилась подчинить себѣ этихъ Болгаръ: они подозрительно и враждебно относились къ греческой религіи, опасаясь подчиненія не только церковнаго, но и политическаго. Какъ бы то ни было, христіанство вторгалось постепенно и неотразимо. Вотъ почему исторія не имѣетъ никакихъ точныхъ, опредѣленныхъ свидѣтельствъ даже о крещеніи самого царя Бориса. Относительно его обращенія мы имѣемъ только двѣ скудныя легенды. Одна изъ нихъ приписываетъ это обращеніе сестрѣ Бориса, воротившейся изъ греческаго плѣна, гдѣ она просвѣтилась христіанскою вѣрою, а другая приводитъ его въ связь съ картиною страшнаго суда, нарисованнаго на стѣнѣ княжаго дворца греческимъ монахомъ-живописцемъ Меѳодіемъ (Продолжатель Константина, Кедренъ и Зонара). Третье, более достовѣрное, извѣстіе говоритъ, что Борисъ принялъ христіанство во время неудачной войны съ греческимъ императоромъ Михаиломъ, чтобы получить миръ на выгодныхъ условіяхъ (Симеонъ Логоѳетъ, Левъ Граматикъ и Георгій Монахъ). Но онъ конечно былъ уже подготовленъ къ этому обращенію. Исторія даже не знаетъ въ точности года крещенія Борисова. Можемъ только приблизительно сказать, что оно совершилось вскорѣ послѣ 860 года.

Напрасно исторіографія пыталась связать введеніе христіанства въ Дунайской Болгаріи съ дѣятельностію солунскихъ братьевъ Константина и Меѳодія, имѣя при этомъ почти единственнымъ основаніемъ сходство имени послѣдняго съ упомянутымъ живописцемъ Меѳодіемъ (хотя никакое свидѣтельство не говоритъ намъ, чтобы братъ Константина былъ живописцемъ). Во первыхъ, самая хронологія едва ли допускаетъ эту гипотезу. По смыслу житій Константина и Меѳодія, почти вслѣдъ за путешествіемъ въ Козарію наступила ихъ миссія въ Моравію, и трудно предположить, чтобы братья по пути въ послѣднюю, такъ сказать мимоходомъ, крестили Болгаръ, какъ толкуютъ нѣкоторые ученые, и при этомъ снабдили ихъ (тоже мимоходомъ) славянскою грамотою. Если принять извѣстія западныхъ лѣтописцевъ, то крещеніе Бориса совершилось не ранѣе 863 или 864 года,

т. е. въ то время, когда братья находились уже въ Моравіи. *) Во вторыхъ, въ это самое время мы видимъ сильную борьбу между греческою и латинскою церковью за господство въ Болгаріи и колебаніе самого Бориса между этими двумя вліяніями. Если бы Борисъ былъ только что окрещенъ Кирилломъ и Меѳодіемъ, то нѣсколько страннымъ является его обращеніе въ 866 году въ Римъ съ вопросами, относящимися до новой религіи. Въ этихъ вопросахъ упоминается о разныхъ проповѣдникахъ въ Болгаріи, но не сдѣлано ни малѣйшаго намека на Солунскихъ братьевъ. Въ третьихъ, нѣтъ никакого вѣроятія, чтобы такой важный подвигъ, гораздо болѣе важный чѣмъ поѣздки къ Сарацинамъ и Козарамъ,—чтобы этотъ подвигъ, т. е. крещеніе Болгаръ и дарованіе имъ славянской грамоты, пройденъ былъ совершеннымъ молчаніемъ въ Паннонскихъ житіяхъ свв. братьевъ, если бы этотъ подвигъ дѣйствительно былъ ими совершенъ. Дунайскіе Болгаре по всѣмъ признакамъ были отчасти христіанами еще прежде Кирилла; они уже имѣли конечно славянскую грамоту, а также и начатки перевода Священнаго писанія. Если бы славянская грамота не существовала прежде у Болгаръ, а была введена только при Борисѣ, то было бы трудно и объяснить то процвѣтаніе болгарской письменности, которое началось еще при томъ же Борисѣ и достигло такой замѣчательной степени при его преемникѣ Симеонѣ. Но объ отношеніи Кирилла и Меѳодія къ Славянской грамотѣ мы говоримъ въ другомъ мѣстѣ (по поводу Азовско-Черноморской Руси).

Итакъ, если Болгарскій народъ создалъ въ IX—X вв. богатую славянскую письменность, которою надѣлилъ и другихъ Славянъ, то спрашивается: когда же этотъ народъ былъ не славянскимъ? И могъ ли онъ быть не кореннымъ славянскимъ народомъ?

---

*) Лѣтопись Хинкмара. Pertz. I. 465. См. о томъ Byzantinische Geschichten von Weiss. Graz. 1873. (II. 79) и Viek i Djelovanje sv. Cyrilla i Methoda — Racki. U Zagrebu. 1859. (147—148). А также см. Очеркъ исторіи православныхъ церквей—Голубинскаго. Москва. 1871 (стр. 26 и 239).

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ.

VII.

Филологическіе пріемы турко и финно-мановъ. Разборъ нѣкоторыхъ личныхъ именъ и отдѣльныхъ словъ.

Теперь перейдемъ въ область тѣхъ доказательствъ, на которыхъ Тюрко-Финская система въ особенности думала основать свои выводы, т. е. въ область филологіи, собственно въ область личныхъ именъ. По поводу вопроса о происхожденіи Руси, мы уже не разъ имѣли случай указывать всю несостоятельность и всю произвольность подобныхъ доказательствъ. Филологія тогда только можетъ дѣлать точные выводы, когда она имѣетъ передъ собою языкъ народа съ достаточнымъ количествомъ лексическаго матеріала и граматическихъ формъ. Если филологическая наука сдѣлала огромные успѣхи въ области сравнительнаго языкознанія, то она еще слишкомъ слаба, чтобы рѣшать этнографическіе вопросы изъ области вѣковъ давно-прошедшихъ, на основаніи кое-какихъ отдѣльныхъ словъ, подобно тому, какъ наука палеонтологіи, на основаніи кое-какихъ кусковъ отъ костей, иногда опредѣляетъ объемъ и строеніе допотопныхъ животныхъ (впрочемъ не всегда достовѣрно).

Личныя имена конечно отражаютъ въ себѣ корни и характеръ словопроизводства въ народномъ языкѣ. Но чтобы добраться до этихъ корней и уяснить характеръ словопроизводства, прежде всего надобно возстановить народное произношеніе или фонетику данныхъ именъ; а это рѣдко бываетъ возможно, потому что рѣчь идетъ обыкновенно объ именахъ, уже несуществующихъ въ живомъ употребленіи и дошедшихъ до насъ въ иноземной, искаженной передачѣ, притомъ иногда въ нѣсколькихъ варіантахъ. Далѣе, личныя имена и прозвища нерѣдко переходили изъ одного народа въ другой по причинѣ близкаго сосѣдства, политической зависимости, родственныхъ союзовъ и т. п.; слѣдовательно могутъ попадаться и такія, которыя, хотя чужаго происхожденія, но не означаютъ, чтобы лица ихъ носившія принадлежали къ этому чужому племени. Наконецъ въ исторіи всякаго народа могутъ попадаться лица иноплеменныя, находившіяся на службѣ

туземныхъ государей или близкихъ по какимъ либо другимъ причинамъ. При всѣхъ этихъ соображеніяхъ посмотримъ однако, на сколько справедливы слова Шафарика, будто „слѣдующія имена всякому безпристрастному языкоизслѣдователю представляются какъ внутреннимъ, такъ и внѣшнимъ своимъ видомъ ничего не заключающими въ себѣ славянскаго“ *).

1. *Кувратъ* или *Кубратъ.* Какимъ образомъ слово, котораго основной слогъ есть *вратъ* или *братъ* не можетъ быть славянскимъ? Развѣ рязанецъ Евпатій Коловратъ или чешская аристократическая фамилія Коловратовъ не Славяне? Тотъ же корень встрѣчается и въ началѣ нѣкоторыхъ славянскихъ именъ, напр. Вратиславъ или Братиславъ (откуда Брячиславъ). Самое Кувратъ можетъ быть сокращено изъ Колувратъ, т. е. Коловратъ. Въ Росписи болгарскихъ князей (Обзоръ Хроногр. А. Попова. I. 25) оно встрѣчается еще въ болѣе сокращенной формѣ *Коур'тъ.* Почти туже форму находимъ у патріарха Никифора, именно *Куратъ* (Κουρατος). Но и этимъ не ограничиваются его варіанты; такъ у Ѳеофана оно встрѣчается въ формѣ *Кробатъ* или *Кроватъ.* А Кроватами византійцы называли Хорватовъ — названіе, какъ извѣстно, славянское. Упомянемъ и о формѣ *Курбатъ*, имѣющейся въ нашихъ старинныхъ актахъ и происшедшей оттуда фамиліи Курбатовыхъ. (Не забудемъ, что личныя имена и фамильныя прозвища нерѣдко сохраняютъ слова, давно вышедшія изъ народнаго употребленія). Наконецъ, если предположимъ въ данномъ имени древнее юсовое произношеніе (Кѫвратъ), тогда получимъ почти тоже, что Кунрадъ или Конрадъ, встрѣчающееся не у Финновъ, а у Нѣмцевъ и Поляковъ.

2. *Батбай.* Легенда о раздѣленіи Болгаръ называетъ такъ старшаго сына Кувратова. Но это имя встрѣчается не одинъ разъ въ исторіи, хотя и съ легкими варіантами. У Іорнанда мы имѣемъ Бабая, князя Придунайскихъ Сарматъ, которыхъ побѣдилъ Теодорихъ Остготскій (cap. LV). По всѣмъ признакамъ эти Сарматы были тѣже Болгаре, которые въ то время уже появились въ придунайскихъ странахъ, куда часть ихъ послѣдовала

---

*) Кувратъ, Батбай, Котрагъ, Алтицей, Алзеко, Куберъ, Аспарухъ, Тербель, Кормезій, Телецъ, Сабинъ, Паганъ или Баянъ, Умаръ, Toктъ, Черигъ, Кардамъ, Крумъ, Мортагонъ, Пресіямъ, Борисъ, Алмъ, Ахмедъ, Талибъ, Муминъ, Боилъ, Чигатъ, Мармесъ, Книнъ, Идбоклія, Алогоботуръ, Конартикинъ, Булій, Тарканъ, Калутерканъ, Кракрасъ, Елемагъ, Кавканъ, Боритаканъ, Ехацій, Добетъ, Била, Боксу, Гетенъ и др. (Славян. Древн. т. II. кн. I. 269—270).

за Остготами. А Сарматами Іорнандъ очевидно называетъ славянскіе народы, и во всякомъ случаѣ не тюркскіе. Данное имя было остаткомъ очень далекой древности. Еще Геродотъ говоритъ, что у Скиѳовъ главный богъ, соотвѣтствующій греческому Зевесу, назывался Папай (Παπαιος). Корень этого слова *пат* или *бат* общеарійскій и присутствуетъ въ словахъ означающихъ отца, каковы санскр. pitar, зенд. patar, греч. πατήρ, латин. pater и пр. Онъ и доселѣ сохраняется въ нашемъ словѣ *батя*, женское *баба*. А у Сербовъ *бабо* и теперь значитъ отецъ. Напомнимъ еще, что по извѣстію Іорнанда отецъ императора Максимина, въ III вѣкѣ, былъ Готъ, по имени Мекка, а мать Аланка, по имени *Абаба*. Слѣдовательно какимъ же образомъ это имя должно быть не славянское, а непремѣнно турецкое или финское? Что касается до варіантовъ, то патріархъ Никифоръ въ одномъ мѣстѣ называетъ старшаго Кувратова сына *Базіанъ*, а въ другомъ *Баянъ*.

3. *Котрагъ*, по легендѣ второй сынъ Куврата. Это имя подтверждаетъ только тожество Болгаръ съ Котрагами, Котрагурами или Кутургурами. Укажу на старое чешское имя *Кутра*. (См. Славянскій Именословъ—Морошкина) и на рѣчку Котру въ Литовской Руси („Географія начальной лѣтописи“ Барсова. 36).

4. *Аспарухъ*, четвертый сынъ Куврата. Въ упомянутой росписи Болгарскихъ князей онъ названъ *Исперихъ* или Исперикъ. А этотъ варіантъ указываетъ на славянскія уменьшительныя, оканчивающіяся на *икъ* или *ко*. Почему же это имя должно быть тюркское, когда самъ же Шафарикъ считаетъ его персидскаго происхожденія? Но Персидскій языкъ, какъ извѣстно, принадлежитъ къ арійскимъ, а въ древности былъ близокъ къ Славянскому. Что это имя дѣйствительно не финское и не турецкое, доказываетъ существованіе его у Аланъ. А именно въ V вѣкѣ у Приска въ числѣ аланскихъ вождей упоминается *Аспаръ*, помощи котораго императоръ Левъ I былъ обязанъ престоломъ (Mem. Pop. IV. 336. Кромѣ того имя Гаспаръ существуетъ и у Нѣмцевъ). Асперихъ, Исперикъ конечно есть ничто иное какъ уменьшительная форма отъ Аспаръ (какъ Рюрикъ отъ Руря). Это обстоятельство подтверждаетъ ту нашу мысль, что Болгаре и Алане были близкія сарматскія племена. Ασπαρυχ можно читать не Аспарухъ, а Аспарихъ (Скиѳія и Скуѳія). Но если оставимъ форму Аспар*ухъ* или Аспар*укъ*, то и эта форма отнюдь не чужда славянскому языку. Развѣ въ словахъ: *пѣтухъ*, *пастухъ*, *барсукъ* и т. п. суффиксъ не славянскій?

5. *Тербель* или *Тервель*, преемникъ Аспаруха. Мы не видимъ никакого основанія, отвергать подобно Шафарику, въ этомъ имени присутствіе славянскаго корня. Въ примѣръ сомнительныхъ филологическихъ толкованій знаменитаго слависта приведемъ слѣдующее. Константинъ Багрянородный въ своемъ сочиненіи „Объ управленіи имперіей“ (гл. 34) говоритъ, что названіе области *Тервунія* или *Тербунія* по-славянски значитъ „укрѣпленное мѣсто“ (твердыня). Кажется, ясно. Но изъ современнаго славянскаго языка не легко объяснить такое значеніе, и Шафарикъ преспокойно отвергъ его. Онъ утверждаетъ, что Константинъ въ этомъ случаѣ „очень ошибся“: такъ какъ въ другомъ его сочиненіи (объ обрядахъ Византійскаго двора), „передѣланномъ впрочемъ въ XI вѣкѣ“, читаемъ *Травуны*, а въ сербскихъ грамотахъ *Травунйская земля*. Отсюда Шафарикъ заключаетъ, что это слово есть собственно иллиролатинское *Трансвунія*, въ славянскомъ переводѣ *Захлумье*; что во всякомъ случаѣ современное названіе этой области *Требинъ* „никоимъ образомъ не можетъ означать твердь, какъ это толкуетъ Константинъ“. (Славян. Древ. т. I., кн. 2., стр. 445). Между тѣмъ въ данномъ толкованіи, кажется, болѣе правъ византійскій императоръ X вѣка, нежели славянскій филологъ XIX-го. Шафарикъ, во первыхъ, не взялъ въ расчетъ столь обычную перегласовку, въ слѣдствіе которой Тербунія (при полногласіи Теребунія) обратилась въ Требину. Во вторыхъ онъ упустилъ изъ виду одно мѣсто русской лѣтописи, именно подъ 1114 годомъ. „И рече Володимеръ: требите (варіантъ *теребите*) путь и мостите мостъ“. Здѣсь „теребить путь“ очевидно употреблено въ смыслѣ приготовлять, расчищать, устроивать. Въ древней Россіи устройство дорогъ собственно ограничивалось вырубкою просѣкъ, построеніемъ мостовъ и проложеніемъ гатей по топкимъ, непроходимымъ мѣстамъ. Слово *теребить* существуетъ у насъ до сихъ поръ. Слѣдовательно Константинъ приблизительно вѣрно объяснилъ значеніе древней Тербуніи или нынѣшней Требинѣ въ переносномъ смыслѣ тверди *). Можетъ быть и личное имя Тербель (Тервель по росписи Болгарскихъ князей) одного корня съ названіемъ Тербунія, и соотвѣтственная ему форма въ древнерусскихъ именахъ была бы Тербило или Теребило, въ родѣ нашего лѣтописнаго Твердило. (*Теребиха*, см.Именословъ Морошкина),

*) Въ Ипат. лѣт. подъ 1276 г. тоже употреблено слово „отеребить“ въ смыслѣ расчистить, приготовить мѣсто для города или крѣпости. Позд. Прим.

6. *Кормезій*, въ росписи болгарскихъ князей *Кормисошъ*. Опять не вижу причины, почему бы имя Кормешъ или Кормисошъ было не славянское? Почему, напримѣръ, онъ не можетъ быть одного корня съ словами *кормило* и *кормчій*?

7. *Телецъ*. Доказывать, что это слово чисто славянское было бы излишне. Укажемъ еще на имена *Тель* по влахо-болгарскимъ грамотамъ и *Теля* по Писцовымъ книгамъ (см. у Морошкина). Къ тому же корню относится конечно имя и другаго болгарскаго князя, жившаго въ VIII вѣкѣ, *Телерика* (по другому извѣстію *Черигъ*). Этотъ Телерикъ и выше приведенный Эсперикъ подтверждаютъ, что имена на *рикъ* принадлежали не однимъ Нѣмцамъ, но и Славянамъ, въ чемъ доселѣ сомнѣвались норманисты. (Шафарикъ забылъ при этомъ о собственномъ имени).

8. *Баянъ*. Принадлежность его языку восточныхъ Славянъ засвидѣтельствована Словомъ о Полку Игоревѣ, и корень этого имени по всей вѣроятности одинъ и тотъ же съ глаголомъ *баять*, говорить, вѣщать; слѣдовательно баянъ тоже что вѣщунъ. Оно было въ употребленіи на Руси еще въ XIII вѣкѣ (см. Морошкина). Тоже имя носилъ одинъ изъ аварскихъ кагановъ; что можетъ указывать на славянскую примѣсь у Аваръ или на родство кагановъ съ славянскими князьями. Подобно Аварамъ, нѣкоторыя славянскія имена встрѣчаются также у древне-угорскихъ князей.

9. *Умаръ*, по росписи *Оуморъ*. Мы имѣемъ довольно именъ славянскихъ и нѣмецкихъ на *міръ* и *маръ*; однако Шафарикъ сближаетъ его съ арабскимъ Омаромъ; но и въ такомъ случаѣ это не доказательство тюрко-финскаго его происхожденія.

10. *Крумъ* съ его варіантами *Крумнъ* и *Кремъ*. Почему бы мы не могли сблизить это имя, по его корню, съ нашими названіями: Кромы, Кремль, кремникъ и кремень *)?

11. *Борисъ* или *Богорисъ*. Считать подобное имя не славянскимъ, а финскимъ было бы ни съ чѣмъ несообразно. Это од-

*) Позволяю себѣ не соглашаться съ ученымъ авторомъ Филологическихъ Разысканій, который считаетъ кремль и кремень словами не одного корня: на томъ основаніи, что кремень есть названіе твердаго камня, а кремль первоначально былъ деревянною крѣпостью. (I. 256). Но кремль очевидно означалъ вообще крѣпость или твердь; а извѣстный камень получилъ названіе кремня именно по своей твердости или крѣпости. Относительно имени Крумъ есть еще варіантъ: въ Бѣлградскомъ синаксарѣ 1340 года оно пишется Кръгъ т. е. Кругъ (сл. Гильфердинга. I. 37)—слово, надѣюсь, совершенно славянское.

но изъ самыхъ употребительныхъ славянскихъ именъ; на его распространеніе указываетъ и обиліе варіантовъ, которые встрѣчаются въ источникахъ: Борило, Борко, Борикъ, Боричъ, и пр. Интересно, что кромѣ Бориса у Болгаръ встрѣчается, въ X вѣкѣ, и другое обычное древнерусское имя *Глѣба* (Glabas, см. Mem. Pop. II. 628).

12. *Алогоботуръ*, одинъ изъ военачальниковъ царя Симеона. Это имя передано византійцами не совсѣмъ точно: настоящее его произношеніе конечно есть *Алобоготуръ*. Совершенно такую же перестановку встрѣчаемъ мы у Симеона Логоѳета: вмѣсто Богорисъ онъ пишетъ *Гоборисъ*. Албоготуръ есть конечно слово сложное изъ *ал* или *ар*, *яр* и *боготуръ* или *богатырь*. Слѣдовательно мы имѣемъ здѣсь прозваніе въ родѣ *Яртура* Всеволода въ Словѣ о Полку Игоревѣ *).

Чтобы не утомлять вниманія читателей, ограничимся примѣромъ этихъ 12 именъ изъ числа тѣхъ, которыя Шафарикъ объявилъ „незаключающими въ себѣ ничего славянскаго“. Въ числѣ остальныхъ, имъ упомянутыхъ, есть такія, которыя принадлежатъ не Дунайскимъ, а Камскимъ Болгарамъ (Альмъ, Агмедъ и пр.), и слѣдовательно совсѣмъ не идутъ къ данному вопросу. Иныя имена, по ихъ искаженію или просто по трудности найти ихъ смыслъ, едва ли могутъ быть объяснены изъ какого либо

---

*) Почему-то у насъ существуетъ мнѣніе, что слово богатырь не славянскаго происхожденія, а заимствовано нами у Татаръ, и въ доказательство приводятъ, что до Татарскаго владычества оно не встрѣчается въ письменныхъ памятникахъ. Но, во-первыхъ, есть множество другихъ словъ, несомнѣнно употреблявшихся народомъ и случайно непопавшихъ въ немногіе дошедшіе до насъ памятники до-Татарской эпохи. Во-вторыхъ, слова богъ и туръ несомнѣнно славянскія; почему же, будучи сложены вмѣстѣ, онѣ дадутъ татарское слово? Въ третьихъ, слово богатырь есть у западныхъ Славянъ, т. е. у Поляковъ и Чеховъ. А приведенное здѣсь имя болгарскаго военачальника показываетъ, что это слово задолго до Татарскаго владычества существовало и у южныхъ Славянъ. Слѣдовательно объясненіе его татарскимъ вліяніемъ было основано на недостаточномъ изученіи. Мнѣ уже случалось указывать на то, что у насъ продолжаетъ господствовать очевидная наклонность всякое слово, сколько нибудь трудное для объясненія, толковать иноземнымъ вліяніемъ, и что въ лексиконѣ татаро-финскихъ народовъ много общаго съ лексикономъ народовъ арійскихъ, особенно восточнославянскихъ. Ненадобно забывать исконное и тѣсное сосѣдство этихъ народовъ еще въ древней Скиѳіи и средней Азіи. Слѣдовательно, лексиконъ той и другой группы народовъ отражаетъ вліяніе временъ еще доисторическихъ, и скорѣе можно предположить вліяніе арійскихъ народовъ, какъ болѣе одаренныхъ и ранѣе развившихся, на сосѣдніе народы Сѣверной или Урало-Монгольской группы.

языка (въ родѣ Ицбокля, Ехацій, и т. и.). Наконецъ нѣкоторыя имена могутъ быть дѣйствительно чужія, что весьма естественно и нисколько не нарушало принадлежности Болгарскаго племени къ Славянскому корню. Тутъ имѣли вліяніе бывшее господство Аваръ, сосѣдство Угровъ и Валаховъ, родственныя связи княжескихъ фамилій того и другаго народа, кромѣ того въ числѣ бояръ и дружины, какъ и у насъ на Руси, были по всей вѣроятности люди дѣйствительно угро-тюркскаго или другаго какого происхожденія. Наконецъ Іорнандъ прямо говоритъ: „Всѣмъ извѣстно, что многія (чужія) имена усвоиваются народомъ чрезъ употребленіе; такъ Римляне часто заимствовали у Грековъ, Сарматы (Западные Славяне) у Германцевъ, Готы у Гунновъ“ (гл. IX. Онъ очевидно смѣшиваетъ вмѣстѣ имена дѣйствительно заимствованныя съ именами общими по родству корней). Точно также имена славянскія встрѣчаются у Аваръ и Угровъ (Баянъ, Лебедій, Вологудъ и др.).

Въ своихъ статьяхъ о норманизмѣ мы уже замѣчали, что напрасно было бы между древними именами у разныхъ славянскихъ народовъ искать непремѣнно такихъ, которыя оканчиваются на *славъ*. Послѣдняя приставка начинаетъ входить въ моду только съ IX вѣка. Многія древнія имена у всѣхъ почти славянскихъ народовъ не поддаются славянскому словопроизводству (Чехъ, Бехъ, Гериманъ, Мунъ, Бальде, Гатальдъ, Микъ, Крокъ и пр.). А туранскій оттѣнокъ особенно сильнымъ долженъ былъ явиться у восточныхъ Славянъ, т. е. Русскихъ и Болгаръ. (Относительно русскихъ именъ см. выше статью „Еще о норманизмѣ“). Впрочемъ Древнеболгарская исторія не чужда и такихъ именъ, которыя носили общеславянскій оттѣнокъ, каковы имена на *мiръ*: Драгоміръ въ VIII вѣкѣ, Доброміръ въ X; въ числѣ предшественниковъ Богориса имѣемъ Владиміра, а въ числѣ его преемниковъ Властиміра. По расказу о св. Баянѣ, или *Нравотѣ*, этотъ послѣдній былъ дядею Владиміра; другой его дядя назывался Маломіръ, а отецъ Zvynitzes, слѣдовательно въ родѣ Звониміра или Звенислава. Въ упомянутой росписи Болгарскихъ князей, кромѣ тѣхъ именъ, которыя мы уже приводили, съ славянскимъ оттѣнкомъ встрѣчаются: *Гостунъ* (напоминающій нашего легендарнаго Гостомысла и князя Бодричей историческаго Гостомысла IX вѣка), *Безмѣръ и Севаръ* (послѣднее вѣроятно одного корня съ именемъ славянина Сваруны у Агаѳія, а этотъ Сваруна тоже что русскій Сварно или Шварно), *Ирникъ* (съ обычнымъ у Сла-

вянъ уменьшительнымъ окончанiемъ). Роспись говоритъ, что Ирникъ жилъ 108 лѣтъ, чѣмъ онъ напоминаетъ Остготскаго Ерманарика, который когда-то господствовалъ надъ народами Южной Россiи, и, по словамъ Iорнанда, умеръ на стодевятомъ году своей жизни.

Кстати о Готахъ. Для тѣхъ, которые любятъ выводить имена древнерусскiя и древнеболгарскiя изъ чуждыхъ языковъ, я предлагаю рядъ готскихъ именъ изъ книги Iорнанда: Гальмалъ, Унильтъ, Аталь (чуть ли не Атель, т. е. Атила), Ансила, Мекка, Книва, Респа, Ведуко и пр. Пусть означенные любители потрудятся объяснить мнѣ эти имена изъ нѣмецкаго языка или найти такiя же имена у другихъ германскихъ народовъ. Если же они не въ состоянiи сдѣлать ни того, ни другого, то по ихъ логикѣ придется объявить Готскiй народъ не принадлежащимъ къ Нѣмецкой группѣ *).

Къ числу болгарскихъ княжескихъ именъ можемъ отнести и тѣ, которыя встрѣчались намъ въ исторiи Гунновъ-Кутургуровъ и Утургуровъ, каковы *Синнiо*, *Заберiанъ* и *Сандилъ*. Первое напоминаетъ уменьшительную форму *Синко* въ Игоревомъ договорѣ. Заберганъ или его варiантъ *Заберiа* можетъ быть сближенъ по корню съ Beurgus, аланскимъ княземъ V вѣка, о которомъ упоминаетъ Iорнандъ. Относительно имени Сандилъ и его варiанта Сандилхъ, если возьмемъ въ расчетъ древнее носовое произношенiе (Сѫдилъ), то получимъ чисто славянское имя Судило или Судилко (и сложное Судиславъ).

Если обратимъ вниманiе на тѣхъ Болгаръ, которые встрѣчаются въ дружинахъ Велизарiя и обозначены у Прокопiя подъ общими названiями Гунновъ и Массагетовъ, то и здѣсь также можно усмотрѣть славянскую стихiю. Во первыхъ, нѣсколько разъ упоминается одинъ изъ предводителей конницы *Айганъ* или *Айга*, родомъ Массагетъ. А у Менандра имѣемъ *Анагая* или *Анангая*, предводителя Утургуровъ на берегахъ Меотиды (повидимому одного изъ преемниковъ Сандила); вѣроятно это имя есть варiантъ

---

*) Для тѣхъ, которые относятъ имена болгарскiя къ татарскимъ или финскимъ на томъ основанiи, что онѣ имъ кажутся неславянскими, не арiйскими, укажу еще на слѣдующiй примѣръ. Въ Ипатьев. лѣтописи встрѣчается рядъ именъ литовскихъ вождей, каковы: Давъятъ, Юдьки, Бикши, Кинтибутъ, Рукля, Репекья, Бурдикидъ и пр. Съ перваго взгляда онѣ также звучатъ какими-то татарскими или финскими и вообще не арiйскими; а между тѣмъ очень хорошо извѣстно, что Литва племя арiйское, родственное Славянскому.

Прокопіева Айгана, хотя лицо не одно и тоже *). Далѣе въ „Готской войнѣ“ Прокопія между начальниками конныхъ дружинъ встрѣчаются Массагеты *Дзантеръ, Хорсоманъ и Эшманъ,* имена чисто арійскія, а не тюрко-финскія. Дзантеръ напоминаетъ извѣстнаго скиѳскаго царя Дантура или Идантура. Эшманъ вѣроятно имя тожественное съ болгарскими Сисманами или Шишманами. Хорсоманъ, съ его варіантомъ *Хорсомантъ*, очевидно произошло отъ славянскаго божества Хорса. (А *мантъ* соотвѣтствуетъ окончанію нѣмецкихъ именъ на *мундъ*, литовскихъ на *мунтъ*, славянскихъ на *мутъ и мидъ*).

Этотъ Хорсомантъ былъ настоящій славянскій богатырь какъ по силѣ и мужеству, такъ по излишней отвагѣ и пристрастію къ крѣпкимъ напиткамъ. („А Массагеты суть величайшіе пьяницы изъ всѣхъ смертныхъ“—замѣтилъ Прокопій, De Bel. Vand. K. I. c. 12). Однажды, когда Готы осаждали Велизарія въ Римѣ, Хорсамантъ съ нѣсколькими византійскими всадниками наткнулся на 70 непріятелей и гналъ ихъ до самаго лагеря. Нѣсколько времени спустя, онъ былъ раненъ въ лѣвую голень, такъ что не могъ сѣсть на коня. Эта рана приводила его въ гнѣвъ, и онъ грозилъ жестоко отмстить Готамъ. Когда ему стало лучше, то разъ, по обычаю своему напившись за обѣдомъ въ полпьяна, онъ объявилъ, что идетъ на непріятелей одинъ и пѣшій. Дойдя до Пинчіанскихъ воротъ, онъ сказалъ стражѣ, что имѣетъ порученіе отъ Велизарія въ непріятельскій лагерь. Стража, зная расположеніе къ нему Велизарія, пропустила его. Непріятели почли его сначала перебѣжчикомъ; но когда онъ сталъ пускать въ нихъ стрѣлы, то на него бросились 20 человѣкъ. Хорсомантъ побилъ ихъ и пошелъ впередъ. На него бросились новыя толпы; наконецъ, окруженный со всѣхъ сторонъ, онъ палъ, избивъ порядочное количество враговъ. Да, это историческое событіе, засвидѣ-

---

*) Въ Росписи Болгарскихъ князей при ихъ именахъ большею частію повторяется, что они были изъ рода Дуло. Нѣтъ ли чего общаго между этимъ родоначальникомъ и означеннымъ утургурскимъ княземъ Сандиломъ? Точно также утургурскаго Анангая позволимъ себѣ сблизить съ упоминаемымъ въ той же росписи родомъ Угаинъ, къ которому принадлежалъ князь Телецъ. О Гостунѣ въ росписи сказано, что онъ былъ намѣстникъ изъ рода Ерми. Это Ерми напоминаетъ первую половину въ имени того же готскаго Ерманарика. Впрочемъ у Аланъ также существовало подобное имя: въ числѣ сыновей упомянутаго выше Аспара былъ Ерминарикъ. А что имя Ермана или Германа не было чуждо Славянамъ, указываютъ древнечешское Гериманъ и древнерусское Ермакъ.

тельствованное Прокопіемъ, является какъ будто отрывкомъ изъ нашихъ богатырскихъ былинъ!

Вотъ еще примѣръ изъ „Готской войны“. Анкона едва не была взята Готами, если бы въ крѣпости на тотъ разъ случайно не присутствовали два витязя, Улимунъ Ѳракіецъ и Вулгуду Массагетъ: они приняли участіе въ сраженіи, своими мечами отразили непріятелей, но воротились въ городъ сильно израненные. Вторая половина имени *Вулгуду* напоминаетъ Гуды Олегова и Игорева договоровъ. Съ носовымъ звукомъ оно будетъ оканчиваться на *гундъ* или *гандъ*, и дѣйствительно въ той же Готской войнѣ встрѣчается Гуннъ *Ольдогандъ* и кромѣ того Гуннъ *Улдахъ* (съ придыханіемъ оно должно было произноситься Вулдахъ или Вулдай). Мало того, у Агаѳія изъ той же эпохи имѣемъ *Регнаря*. Это имя конечно тоже что готское Рагнарь, о которомъ упоминаетъ Прокопій въ Готской войнѣ; однако Регнарь Агаѳія не Готъ: онъ родомъ Гуннъ изъ племени Витигоровъ (т. е. Утургуровъ). Ясно, что подъ именами Гунновъ и Массагетовъ скрываются въ данныхъ случаяхъ все тѣже Славяне-Болгаре.

Довольно объ именахъ. Тюрко-Финская теорія усматриваетъ и другіе слѣды угорскихъ нарѣчій въ языкѣ Болгаръ, напримѣръ слова: *боилядьі*, *тарканъ*, *аулъ*. Но какимъ образомъ слово „боиляды“ (boilades) можетъ быть доказательствомъ угорскаго происхожденія, когда его совсѣмъ нѣтъ въ финскихъ языкахъ? Означаетъ ли оно *былей* Слова о полку Игоревѣ или простое Русское *боляре*, во всякомъ случаѣ оно должно быть поставлено въ числѣ доказательствъ именно славянскаго, а не финскаго происхожденія Болгаръ. Константинъ Багрянородный въ своемъ сочиненіи „О церемоніяхъ Византійскаго двора“ упоминаетъ о „шести великихъ болядахъ“, какъ о высшихъ сановникахъ при болгарскомъ государѣ. Эти великіе боляды какъ нельзя лучше соотвѣтствуютъ тѣмъ Русскимъ „великимъ (или свѣтлымъ) боярамъ“, о которыхъ говорится въ Олеговомъ договорѣ. Тотъ же Константинъ приводитъ болгарскіе титулы *Конартикина* и *Вулія Таркана* (ibid. ὁ Κοναρτιχεινος και ὁ Βουλιας Ταρκανος); эти титулы повидимому носили старшіе сыновья болгарскаго государя. Конартикинъ м. б. есть испорченное въ греческой передачѣ слово, вмѣсто Контарканъ (въ X в. въ числѣ болгарскихъ пословъ въ Византіи встрѣчается Калутерканъ), т. е. вторая половина слова таже что въ титулѣ Вулій Тарканъ. А послѣднее конечно означаетъ: Велій (великій) тарканъ. Не беремся объяснить происхо-

жденіе слова „тарканъ.“ Предположимъ, что оно дѣйствительно принадлежитъ восточнымъ языкамъ; но и въ такомъ случаѣ это не доказательство финскаго или турецкаго происхожденія Болгаръ. Извѣстно, что титулы легче всего заимствуются у другихъ народовъ (наши титулы царь, императоръ, графъ и т. п. развѣ славянскаго происхожденія?). Притомъ самое слово „тарканъ“ никѣмъ необъяснено филологически изъ финскихъ языковъ; а что въ немъ заключено слово *ханъ*, по толкованію Шафарика, то и это толкованіе довольно произвольное; да намъ и неизвѣстенъ титулъ хана у народовъ собственно финскихъ. Шафарикъ считалъ Болгаръ Финнами. А слова на *канъ*, *ханъ* и *ганъ* встрѣчаются въ различныхъ языкахъ. Для примѣра укажу на персидскаго полководца Нахорагана въ VI вѣкѣ и византійскаго патриція Теодорокана въ X-мъ. Послѣдователи тюрко-финской теоріи хазаро-аварскій титулъ кагана или хакана отожествляютъ съ татарскимъ ханомъ; но такое тожество еще недоказано. Вообще филологія при объясненіи подобныхъ словъ нерѣдко доказываетъ свой произволъ и свою несостоятельность въ рѣшеніи вопросовъ историко-филологическихъ, если она не ищетъ поддержки въ строгой исторической критикѣ.

Что касается до слова *аулъ*-дворецъ, будто-бы тожественнаго съ киргизскимъ *aul* или мадьярскимъ *ol*, то здѣсь по всей вѣроятности кроется какое-либо недоразумѣніе. Нѣкоторые византійскіе писатели (Ѳеофанъ и Зонара) упоминаютъ, что Греки въ 811 г. взяли Крумову авлу (αὐλὴν): „такъ Болгаре называютъ жилище своего государя“—поясняетъ Зонара. Но какимъ образомъ слово „авла“ можно относить исключительно къ татарскимъ или финскимъ языкамъ, когда оно существовало и въ греко-латинскихъ нарѣчіяхъ? Очень можетъ быть, что оно отъ Грековъ же перешло къ нѣкоторымъ варварскимъ народамъ, если не принадлежитъ къ элементамъ общимъ лексикону Туранской и Иранской группы. Сверхъ того представляется вопросъ: нѣтъ ли въ означенной фразѣ какого пропуска у византійскихъ писателей или собственно у Ѳеофана, у котораго заимствовали другіе компиляторы; а онъ выразился сжато: „Крумову такъ называемую авлу“. Можетъ быть слѣдовало сказать: Крумову авлу или такъ называемый (*дворъ? теремъ? палату?* и т. п.). *)

*) Это изслѣдованіе наше напечатано было въ 1874 г. (Русс. Архивъ № 7). Послѣ того я встрѣтилъ нѣкоторое подтвержденіе своему предположенію въ „Филологическихъ розысканіяхъ“ Я. К. Грота. Онъ приводитъ выписку Востокова

Вообще развѣ это научно-филологическій пріемъ: отыскать у Болгаръ нѣсколько словъ, похожихъ на татарскія, и на этомъ основаніи утверждать, что они не Славяне? Между тѣмъ какъ Болгаре жили когда-то въ сосѣдствѣ именно съ Урало-Алтайскими народами. Въ ихъ лексиконѣ могло оказаться и нѣсколько финно-тюркскихъ элементовъ; особенно эти элементы могли отразиться въ личныхъ именахъ, въ названіи высшихъ титуловъ и т. п. На такомъ основаніи и древнихъ Руссовъ можно было бы отнести къ племенамъ тюрко-финскимъ. Неговоря уже объ эпохѣ послѣ-татарской, оставившей нѣкоторые слѣды въ нашемъ лексиконѣ; но и въ до-татарскую эпоху мы встрѣчаемъ не мало именъ и словъ, имѣющихъ сходство съ финскими и тюркскими, что совершенно естественно при давнихъ и близкимъ отношеніяхъ Восточныхъ Славянъ къ своимъ сѣверо-восточнымъ и юго-восточнымъ сосѣдямъ.

VIII.

Роспись болгарскихъ князей съ загадочными фразами. Признаки чистаго славянскаго языка у древнихъ Болгаръ. Заключеніе.

Здѣсь я упомяну объ одномъ отрывкѣ, который, казалось, долженъ былъ доставить окончательное торжество Тюрко-Финской теоріи. Именно, въ интересной и весьма добросовѣстно составленной монографіи г. А. Попова *Обзоръ хронографовъ русской редакціи*, 1866 г. (вып. I. стр. 25) обнародована вставка изъ одного хронографа, называемаго „Эллинскимъ лѣтописцемъ“, по спискамъ XVI вѣка. Эта вставка заключаетъ въ себѣ ту роспись древнихъ болгарскихъ князей, о которой выше мы имѣли случай упоминать уже нѣсколько разъ. Тутъ мы находимъ какія-то загадочныя фразы на непонятномъ языкѣ. *) Послѣдователи Энгеле-

---

изъ одного хронографа, гдѣ именно по поводу даннаго событія мѣстопребываніе болгарскихъ государей названо дворомъ и кремлемъ. „Царь Никифоръ на болгары поиде.. и побѣди ихъ крѣпко, яко и глаголемаго двора князя ихъ, иже есть кремль, пожещи его“. (т. I. 254. Изд. 2-е).

*) Приведемъ эту вставку вполнѣ:

„Авитохолъ жилъ лѣтъ 300. Родъ ему доуло, а лѣтъ ему диломъ твиремъ. Ирникъ жилъ лѣтъ 100 и 8; родъ ему доуло, а лѣтъ ему диломъ твиремъ. Го-

Тунмановой теоріи поспѣшили объяснить эти фразы съ помощью лексикона Мадьярскаго и другихъ финскихъ нарѣчій. Выходитъ, что каждому княженію соотвѣтствовала формула, обозначающая его княженіе. Напримѣръ: „а лѣтъ ему *диломъ твиремъ*", значитъ „я исполненъ, я совершенъ"; *шегоръ вечемъ* — „я есмь помощникъ"; *вереиналемъ* — „я живу въ крови" и пр. (соч. Гильфердинга I. 23). „Обычай давать прозвище году — замѣчаетъ Гильфердингъ — обыченъ на Востокѣ, и мы можемъ полагать, что онъ былъ заимствованъ Болгарами еще когда они странствовали между Волгой, Дономъ и Кубанью. Въ нашей записи каждое княженіе имѣетъ подобное прозвище. Эти прозвища представляютъ любопытный памятникъ языка завоевателей Болгаръ до сліянія ихъ съ Славянами и служатъ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ происхожденія орды Аспаруховой" (стр. 22).

Темныя фразы приведенной записи, по мнѣнію ихъ толкователей, суть ничто иное какъ памятникъ того финскаго нарѣчія, на которомъ говорили древніе Болгаре и который долго еще существовалъ рядомъ съ Славянскимъ языкомъ. Но такое заключеніе по меньшей мѣрѣ поспѣшно. Во первыхъ, значеніе самихъ фразъ истолковано еще слишкомъ гадательно, и они ждутъ своего разъясненія отъ знатоковъ восточныхъ нарѣчій. Затѣмъ нисколько не разъяснено происхожденіе данной записи и время, къ которому она относится. Наконецъ, къ какому бы иноплеменному языку ни приналлежали темныя рѣченія, мы не видимъ никакого повода заключать, что это именно тотъ языкъ, на которомъ говорили древніе Болгаре. Если эти рѣченія принадлежатъ языку финскому, то опять таки не забудемъ близкаго сосѣдства Угровъ. Въ хожденіи Аѳанасія Никитина „за три моря" встрѣчаются та-

---

стунъ намѣстникъ сьи 2 лѣта; родъ ему Ерми; а лѣтъ ему дохсъ твиремъ. Коуртъ 60 лѣтъ держа, родъ ему доуло; а лѣтъ ему шегоръ вечемъ. Безмѣръ 3 лѣта, а родъ ему доуло; а лѣтъ ему шегоръ вѣчемъ. Сіи пять князь держаша княженіе обону страну Доуная лѣтъ 500 и 15 съ остриженами главами. И потомъ приде на страну Дуная Исперихъ князь тожде и доселѣ. Есперихъ князь 60 и одино лѣто; родъ ему доуло, а лѣтъ ему вереиналемъ. Тервелъ 20 и 1 лѣто; родъ ему доуло, а лѣтъ ему текоучетемъ твиремъ. 20 и 8 лѣтъ, родъ ему доуло, а лѣтъ ему двеншехтемъ. Севаръ 15 лѣтъ; родъ ему доуло, а лѣтъ ему тохалтомъ. Кормисошъ 16 лѣтъ; родъ ему вокиль, а лѣтъ ему шегоръ твиримъ. Сии же князь измѣни родъ доуловъ, рекше вихтунъ винехъ; 6 лѣтъ, а родъ ему оукиль ему имяше горалемъ. Телецъ 3 лѣта, родъ ему оугаинъ; а лѣтъ ему соморъ алтемъ. И сии иного родъ оуморъ. 40 дній, родъ ему оукиль, а ему диломъ тоутомъ".

тарскія фразы; но можно ли отсюда заключать, что авторъ этого хожденія былъ татарскаго племени? Или предположимъ, что языкъ нашихъ офеней, существующій и до сихъ поръ, оставилъ бы слѣдъ въ какомъ либо письменномъ памятникѣ до-Петровской Руси. Можно ли заключить отсюда, что эта Русь была не славянская? Итакъ упомянутыя загадочныя фразы, по нашему крайнему разумѣнію, нисколько не подтверждаютъ Тюрко-Финской теоріи. Притомъ не означаютъ ли онѣ скорѣе какой либо счетъ, нежели формулу? Не имѣютъ ли онѣ какого отношенія къ сектѣ Богумиловъ? Вообще подождемъ болѣе удовлетворительнаго ихъ разъясненія прежде, нежели дѣлать какіе либо положительные выводы. А между тѣмъ укажемъ на слѣдующее обстоятельство. Помянутая запись или Роспись составлена не ранѣе XI или X вѣка. Выходитъ, что Болгары тогда еще сохраняли отчасти свой финскій или тюркскій языкъ. Возможно ли, чтобы онъ въ тѣ времена ничѣмъ инымъ незаявилъ себя, кромѣ нѣсколькихъ фразъ, записанныхъ въ какомъ то хронографѣ? *)

---

*) Въ примѣръ неудачной филологіи финноманов упомяну еще о доказательствахъ Рослера. Въ своей книгѣ о Румунахъ онъ посвящаетъ особую статью происхожденію Болгаръ, гдѣ развиваетъ Тюрко-Финскую теорію и старается подкрѣпить ее новыми филологическими соображеніями. По этому поводу онъ предлагаетъ слѣдующій, повидимому весьма тонкій, пріемъ. Въ Румунскомъ языкѣ встрѣчаются слова, очевидно финскаго происхожденія: а такъ какъ Румуны въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій жили въ Мизіи посреди Болгаръ, откуда потомъ постепенно перешли въ сѣверную сторону Дуная, то эти финскія слова будто бы суть ни болѣе, ни менѣе какъ именно тѣ элементы, которые вошли въ Румунскій языкъ изъ древнеболгарскаго. Онъ предлагаетъ примѣры нѣкоторыхъ словъ, которыя сближаетъ съ угорскими, остякскими, самоѣдскими, эстонскими и пр. Но такое, повидимому тонкое соображеніе не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Начать съ того, что самое изслѣдованіе Рослера о происхожденіи Румунскаго народа, при всѣхъ внѣшнихъ признакахъ учености и добросовѣстности, по большей части построено на довольно шаткихъ основаніяхъ.

Въ одномъ изъ засѣданій Московскаго Археологическаго общества, именно въ Мартѣ 1871 года, я имѣлъ случай высказать свое мнѣніе о происхожденіи Румунскаго народа. Въ основу его легло племя Даковъ, слѣдовательно вопросъ сводится къ слѣдующему: къ какой семьѣ народовъ принадлежали Даки? Я представилъ свои соображенія въ пользу того мнѣнія, что Даки, по всей вѣроятности, были племя Кельтическое. Я прибавилъ, что Румунская народность въ бурную эпоху великаго переселенія, открывшагося движеніемъ Гунновъ и закончившагося поселеніемъ на Дунаѣ Болгаръ и Угровъ, сохранилась преимущественно въ горныхъ убѣжищахъ Седмиградіи; а отсюда, послѣ перехода главной массы Болгаръ за Дунай, Румуны снова колонизовали равнинную часть древней Дакіи, т. е. сѣверную сторону Дуная (См. Древн. Моск. Арх. Об. т. III. вып. 3).

Итакъ мы не видимъ никакихъ серьезныхъ доказательствъ существованія финскаго языка у древнихъ Болгаръ. Напротивъ, существуютъ неоспоримыя свидѣтельства, что языкъ, на которомъ они говорили, былъ чистый славянскій. Во первыхъ, ихъ народное названіе *Болгаре* или *Волгаре* принадлежитъ Славянскому языку; оно происходитъ отъ славянскаго слова Волга, тоже что *волога* или *влага*. Далѣе, страна, въ которой Болгаре жили передъ своимъ переселеніемъ за Дунай (по извѣстію Ѳеофана и Никифора), называлась у нихъ Онглъ, т. е. Углъ. А въ южной Россіи до сихъ поръ существуютъ рѣки съ названіемъ Угла или, какъ мы ихъ произносимъ теперь, Ингула. Послѣ переселенія за Дунай, Болгаре, при князѣ Тервелѣ, заставили Грековъ уступить южный склонъ Балканскихъ горъ около Чернаго моря. Патріархъ

Потомъ мнѣ случилось прочесть книгу Рӧслера, Romänishe Studien, которая вышла въ томъ же 1871 году. Онъ доказываетъ во-первыхъ, что Даки были племя Ѳракійское; во-вторыхъ, что Румунская національность во время переселенія народовъ сохранилась на югѣ отъ Дуная, откуда она потомъ колонизовала его сѣверную сторону. Здѣсь не мѣсто входить въ разборъ его доказательствъ: но мнѣ они показались на столько слабы, что не измѣнили моего мнѣнія. Такимъ образомъ слова изъ Румунскаго лексикона, которыя онъ считаетъ древнеболгарскими, я предлагаю объяснять сосѣдствомъ съ другимъ народомъ, дѣйствительно финскаго происхожденія, т. е. съ Мадьярами, и особенно черезполоснымъ сожительствомъ съ ними въ Седмиградіи.

Въ языкѣ Румунъ конечно существуютъ многіе слѣды дѣйствительно болгарскаго, т. е. славянскаго вліянія. Замѣчательно, что Рӧслеръ изощряется иногда толковать финскимъ происхожденіемъ слова, очевидно славянскія. Напр. волошское lopata и булгарское лопата, въ значеніи весла, онъ производитъ отъ остяцко-самоѣдскаго lap (254). Но и въ Русскомъ мы имѣемъ слово лапа съ его производными лапоть и лопата. Или Румунское tête сестра онъ сближаетъ съ самоѣдскимъ tati младшая жена (256); но мы имѣемъ слово тетя, тетка, которое означаетъ сестру отца или матери. Далѣе румунское curcubeu-радуга Рӧслеръ сближаетъ съ остяцкимъ названіемъ радуги paijôgot, что значитъ лукъ грома, и съ самоѣдскимъ Mumbanu-покровъ Нума или собственно покровъ медвѣдя. Съ помощью разныхъ натяжекъ онъ пытается доказать, что curcubeu имѣетъ почти тоже самое значеніе, слѣдовательно представляетъ отрывокъ изъ древней самоѣдской миѳологіи (256—259); а отсюда прямой выводъ: Дунайскіе Болгаре есть вѣтвь Остяцко-Самоѣдская! Болѣе произвольныхъ филологическихъ сближеній и выводовъ по нашему мнѣнію трудно и придумать. Здѣсь особенно оригинально то, что толкователь, объясняющій финскій элементъ въ Румунскомъ языкѣ болгарскимъ вліяніемъ, не указываетъ никакой финской стихіи въ самомъ Болгарскомъ языкѣ. Но вмѣсто разносторонняго, научнаго анализа, подобные толкователи идутъ отъ предвзятой идеи, т. е.: такъ какъ древніе Болгаре были Финны, то и т. д.; а потому въ своихъ натяжкахъ и выводахъ они доходятъ иногда до наивнаго.

Никифоръ прибавляетъ, что эта область „называется нынѣ" *Загорье*. Стало быть, прежде, т. е. до появленія Болгаръ, она Загорьемъ не называлась. Не забудемъ при этомъ, что Ѳеофанъ и Никифоръ писали въ началѣ IX вѣка; слѣдовательно они сообщаютъ болгаро-славянскія названія еще въ эпоху, которая предшествовала предполагаемому превращенію финскихъ Болгаръ въ славянскихъ. Вообще съ появленіемъ Болгаръ на Балканскомъ полуостровѣ мы видимъ весьма быстрое умноженіе славянскихъ географическихъ названій въ Мизіи, Ѳракіи, Македоніи, Эпирѣ и даже въ самой Греціи, и никакого признака названій финскихъ. Тутъ мы начинаемъ встрѣчать многія имена, какъ будто прямо перенесенныя изъ Руси; каковы: Вышгородъ, Смоленскъ, Островъ, Верея, Переяславль, Плесковъ и пр. Такая черта вполнѣ соотвѣтствуетъ наводненію этихъ провинцій Славянами въ VII и VIII вв., что̀ и заставило Константина сказать: „ославянилась цѣлая страна". Ясно, что съ утвержденіемъ Болгаръ на Балканскомъ полуостровѣ Славянскій элементъ получилъ здѣсь сильное подкрѣпленіе; чего никакъ не могло бы случиться, еслибы Болгаре были Финны или Татары, а не Славяне. О столь быстромъ и коренномъ превращеніи господствующаго Турецкаго или Финскаго племени въ покоренную имъ Славянскую народность, какъ мы замѣчали, не можетъ быть и рѣчи: оно противно всѣмъ историческимъ законамъ.

Если предположимъ, что Болгаре были дѣйствительно Финское племя, подчинившееся вліянію покоренныхъ, въ такомъ случаѣ оно теряло бы свою народность не вдругъ, а постепенно; оно оставило бы не нѣсколько словъ, а глубокіе слѣды въ языкѣ, и не въ одномъ лексиконѣ, но и въ граматикѣ. Мало того, въ такомъ случаѣ необходимо должно было произойти смѣшеніе двухъ языковъ; а изъ этого смѣшенія долженъ выработаться новый типъ языка, даже и при полномъ преобладаніи Славянскаго элемента. Вмѣсто того мы видимъ въ IX и X вв. необыкновенно богатое развитіе болгарской письменности на чистомъ Славянскомъ языкѣ. И какой письменности! Которая легла въ основу всей славяно-христіанской образованности. А какой былъ разговорный языкъ Болгаръ въ тѣ времена? Нѣтъ ли на него какихъ указаній? Есть. Въ 1016 г., во время войны императора Василія II съ Болгарами, разъ болгарскіе лазутчики, испуганные приближеніемъ самого Василія, поспѣшили въ лагерь съ крикомъ; бѣжите, Цесарь!" (Βεζειτε ὁ Τζαισαρ. Кедринъ). Это уже отрывокъ

не изъ лексикона, а изъ граматики (даже сохранено свойство церковно-славянскаго языка измѣнять *г* въ *з* передъ *и*, если только греческая *з* вѣрно передала звукъ). Одна эта фраза даетъ ясное понятіе, что вся масса Болгарскаго народа въ это время говорила чистымъ славянскимъ нарѣчіемъ, что было бы совершенно невозможно, если предположить, что Болгаре были одного происхожденія съ Уграми, или съ Турками.

Но если Болгаре были Славянами, то могутъ спросить насъ: почему же они съ самаго начала не названы Славянами въ источникахъ? Отвѣтимъ тоже самое, что говорили въ своихъ разсужденіяхъ о Руси, т. е. Болгаре, какъ и Русь, сами себя Славянами не называли. Это имя перешло къ нимъ впослѣдствіи, когда названіе *Славяне* стало обобщаться, т. е. изъ видоваго дѣлалось родовымъ. Первоначально Славянами (собственно Склавинами) называлась часть Дунайскихъ и Иллирскихъ племенъ, сосѣднихъ съ Римскою имперіей (Словинцы или Хорутане). Отъ ближайшихъ сосѣдей потомъ средневѣковые латинскіе и византійскіе писатели перенесли это видовое имя и на другіе народы, т. е. на тѣ, которые были родственники Склавинамъ. Отсюда произошло обобщеніе даннаго имени, которое Славяне осмыслили, т. е. Склавовъ обратили въ Славовъ. Что это обобщеніе произошло путемъ собственно-книжнымъ, доказываетъ существующее доселѣ у большинства славянскихъ народовъ невѣденіе того, что они принадлежатъ къ Славянамъ, и если они узнаютъ о томъ, то только изъ книгъ. Мало того, что Болгаре не называли себя Славянами; но безъ всякаго сомнѣнія они говорили нарѣчіемъ, которое было отлично отъ языка Славянъ, еще прежде нихъ обитавшихъ на Дунаѣ; ибо Болгаре были едва ли не самая восточная славянская вѣтвь. Безъ сомнѣнія она имѣла многія особенности въ произношеніи сравнительно съ отдаленными отъ нея Славянами югозападными. Между ними отношеніе было приблизительно такое же, какое между Готами, т. е. восточно-нѣмецкою вѣтвію, и Франками или Алеманами, т. е. западно-нѣмецкими племенмми. Различіе въ языкѣ между Готами и Алеманами или между нынѣшними Шведами и Нѣмцами было даже болѣе сильное, чѣмъ между восточными и западными Славянскими народами. Сами Готы въ средневѣковыхъ источникахъ не называются ни Тевтонами, ни Германами; отсюда однако не слѣдуетъ, чтобы Готы принадлежали къ иной, не Нѣмецкой группѣ народовъ.

Переселеніе восточно-славянскаго народа на Дунай въ сосѣд-

ство съ Славянами югозападной вѣтви и объясняетъ, почему на Балканскомъ полуостровѣ явились рядомъ два такія славянскія нарѣчія, какъ Сербское и Болгарское. Странно, что филологи, толкующіе о турко-финскомъ происхожденіи, всего менѣе при этомъ обращали вниманіе на Болгарскій языкъ. Откуда же взялся этотъ древнеболгарскій или церковнославянскій языкъ, столь цѣльный, гибкій и богатый? Нѣкоторая порча и измѣненія въ этомъ языкѣ начались собственно не со времени поселенія Болгаръ за Дунаемъ, а съ приливомъ народовъ дѣйствительно тюркскихъ. Послѣдователи Тюрко - Финской теоріи, пытаясь опереться на филологію, болѣе всего погрѣшили противъ этой науки: указывая нѣсколько непонятныхъ для себя именъ и словъ, они совсѣмъ упустили изъ виду *языкъ* народа.

Въ заключеніе подведемъ итоги своего изслѣдованія, въ пользу славянскаго происхожденія Дунайскихъ Болгаръ, противъ Тюрко-Финской теоріи Энгеля, Тунмана, Шафарика и ихъ послѣдователей:

1. У византійскихъ писателей VI вѣка Болгаре называются или общимъ именемъ Гунновъ или частными именами Котрагуровъ, Утригуровъ, Ультинзуровъ и пр. У писателей VIII и IX вв. они называются смѣшанно то Гуннами, то Болгарами. У послѣднихъ писателей является легенда о раздѣленіи Болгаръ между пятью сыновьями Куврата и разселеніи ихъ въ разныхъ странахъ только во второй половинѣ VII вѣка. Нѣмецкая и Славянская исторіографія приняла эту легенду за историческій фактъ, т. е. отнеслась къ ней безъ надлежащей критики, и на ней основывала начальную исторію Болгаръ; тогда какъ ихъ предъидущая исторія и ихъ движенія на Дунай разсказаны писателями VI вѣка (Прокопіемъ, Агаѳіемъ и Менандромъ), но только они не употребляютъ имени *Болгаре*. Однимъ словомъ, новѣйшая европейская исторіографія вмѣсто того, чтобы разъяснить путаницу народныхъ именъ въ средневѣковыхъ источникахъ, увеличивала ее своими искуственными теоріями. Она упустила изъ виду ясно обозначенную въ источникахъ родину Болгарскаго народа, т. е. Кубанскую низменность; не замѣтила существованія Болгаръ Таманскихъ и Таврическихъ съ IV-го до X вѣка включительно (т. е. съ появленія Утургуровъ до извѣстія о т. наз. Черныхъ Болгарахъ), а связывала Дунайскихъ Болгаръ непосредственно съ Камскими и производила первыхъ отъ послѣднихъ. Такъ какъ коренные Гунны принимались до сего преимущественно за племя Угро-Финское, а Камскіе Болгаре тоже считаются Финскимъ народомъ, то исто-

ріографія объявила Финами и Болгаръ Дунайскихъ. Но Болгаре вообще не были ни Турками, ни Уграми; а вопросъ о коренныхъ Гуннахъ и смѣшанная народность Камскихъ Болгаръ еще недостаточно разъяснены. Есть поводы думать, что послѣдніе были славяно-болгарскою вѣтвію, постепенно утратившею свою народность посреди туземныхъ татаро-финскихъ племенъ. (Признаки ея славянства отразились особенно въ арабскихъ извѣстіяхъ X вѣка) *).

2. Доказательства въ пользу Финскаго происхожденія, основанныя на сравненіи народныхъ нравовъ и обычаевъ, не выдерживаютъ никакой критики. Это или черты общія разнымъ языческимъ народамъ, или прямо родственныя съ другими Славянами, и преимущественно съ восточными. Но что̀ болѣе всего противорѣчитъ помянутой теоріи, это быстрое и коренное превращеніе Дунайскихъ Болгаръ въ Славянъ, превращеніе, противорѣчащее всѣмъ историческимъ законамъ. Если бы Болгаре были Финны, то они не могли бы такъ легко усвоить себѣ народность покореннаго

*) Теперь, когда мы знаемъ, что древнею родиною Болгаръ была страна между Азовскимъ моремъ и нижнею Волгою, что это былъ народъ Славянскаго корня, для насъ получаютъ смыслъ тѣ арабскія извѣстія о Камскихъ Болгарахъ, которыя казались странными и несовмѣстными съ Тюрко-Финской теоріей. Такъ, Ибнъ-Фадланъ, лично посѣтившій Камскую Болгарію въ первой половинѣ X вѣка, постоянно называетъ царя болгарскаго „царемъ Славянъ", городъ Болгаръ „городомъ Славянъ", и весь тотъ край „страною Славянъ". Ибнъ-Хордадбегъ называетъ Волгу „Славянскою рѣкою". А по извѣстію Димешки, Камскіе Болгаре сами считали себя народомъ, смѣшаннымъ изъ Турокъ и Славянъ. Болѣе поздніе мусульманскіе писатели также отличаютъ Болгаръ отъ другихъ туземныхъ племенъ, напримѣръ, отъ „дикихъ" Башкиръ и Мещеряковъ (см. Березина — Булгаръ на Волгѣ). Если бы Волжско-Камскіе Болгаре были Финскаго происхожденія, то они легко слились бы съ мѣстными угорскими племенами, и образовали бы довольно плотную, однородную національность. Однако этого мы не находимъ. Очевидно угро-тюркскіе элементы подавляли своею массою элементъ болгаро-славянскій, но не могли его совершенно усвоить. Въ свою очередь болгаро-славянскій элементъ, положившій начало государственному быту въ томъ краю, былъ слишкомъ слабъ численно и слишкомъ изолированъ отъ другихъ родственныхъ народовъ (особенно съ принятіемъ ислама), чтобы ославянить туземные угорскіе и тюркскіе народцы. Эта борьба разнородныхъ элементовъ и объясняетъ отсутствіе опредѣленнаго національнаго типа и недостатокъ прочности въ государствѣ Камскихъ Болгаръ, не смотря на довольно развитую гражданственность. Оно легко было стерто съ лица исторіи наплывомъ Татарской орды. Но уже самое существованіе промышленныхъ, торговыхъ городовъ и вообще способность къ цивилизаціи обнаруживаютъ, что высшій слой населенія не былъ чисто Финскій.

племени, и тѣмъ болѣе, что Болгаре были не только господствующій народъ, но и сильный, многочисленный народъ. Притомъ же въ близкомъ сосѣдствѣ съ нимъ находились дѣйствительно финскіе народы, каковы Мадьяры, которые неизбѣжно должны были подкрѣпить народность Болгаръ, еслибы она была Финскою. (Одного существованія Мадьяръ довольно для того, чтобы опровергнуть всю искуственную теорію финномановъ). Вмѣсто того мы видимъ, что съ утвержденіемъ Болгаръ на Балканскомъ полуостровѣ славянскій элементъ получилъ здѣсь могущественное подкрѣпленіе, и началась сильная славянизація византійскихъ областей. Съ другой стороны если мнимо туранскіе Болгаре такъ быстро ославянились, будучи господствующимъ народомъ, то почему же вмѣстѣ съ ними не ославянились находившіеся подъ ихъ владычествомъ Валахи или Румыны? Или: почему же Болгаре не орумынились, а ославянились?

3. Попытки финномановъ подтвердить свою теорію филологическими данными, преимущественно личными именами древнихъ Болгаръ, также обнаруживаютъ недостатки ихъ критическихъ пріемовъ и особенно недостатки сравнительно-исторической филологіи. Толкованіе данныхъ именъ отличается произвольнымъ, одностороннимъ и поверхностнымъ характеромъ. Имена дошли до насъ большею частію въ иноземной передачѣ, въ искаженіи, безъ опредѣленнаго ихъ произношенія. Притомъ личныя имена легче всего переходили и заимствовались однимъ народомъ у другаго. Вообще это не всегда надежный элементъ для опредѣленія древнихъ народовъ. Наконецъ въ большинствѣ случаевъ есть возможность, при ближайшемъ разсмотрѣніи, отыскать славянскія основы въ болгарскихъ именахъ. Отсутствіе сколько-нибудь замѣтной финской стихіи въ языкѣ Болгарскаго народа явно противорѣчитъ теоріи финномановъ. А цвѣтущая древнеболгарская или церковнославянская письменность, которою Болгаре надѣлили и другіе Славянскіе народы, окончательно уничтожаетъ эту теорію.

По поводу этого изслѣдованія, считаемъ необходимою слѣдующую оговорку относительно того, что у насъ называется собственными или коренными Гуннами. Мы пока не касались господствующаго теперь въ наукѣ мнѣнія объ ихъ Угро-Финской народности; ибо считаемъ этотъ вопросъ нерѣшеннымъ, т. е. подлежащимъ всестороннему и тщательному пересмотру. Что въ извѣстномъ толчкѣ, породившемъ Великое переселеніе народовъ, могъ участво-

15*

вать какой либо угорскій элементъ, мы пока не отвергаемъ; но не даемъ ему важнаго значенія. По многимъ признакамъ главная роль въ этомъ толчкѣ принадлежала именно народамъ Сармато-Славянскимъ, и преимущественно Болгарамъ. Представляется вопросъ: кому первоначально принадлежало самое имя *Гунны?* Очень возможно, что оно съ самаго начала принадлежало Славянамъ Болгарамъ, и отъ нихъ уже перенесено греко-римскими писателями на нѣкоторые другіе народы, а не наоборотъ. Этого вопроса въ настоящемъ изслѣдованіи мы не беремъ на себя рѣшить окончательно. Пересмотрѣвъ вопросъ о Болгарской народности, мы пришли къ убѣжденію, что историки и филологи сильно погрѣшили противъ нея, считая ее неславянскою. Этихъ выводовъ вполнѣ достаточно для нашей задачи (имѣющей въ виду собственно Русскую исторію). Не желая отвлекаться отъ своей задачи, мы оставили пока въ сторонѣ спеціальное переизслѣдованіе вопроса о Гуннахъ IV вѣка, о царствѣ Аттилы и его составныхъ элементахъ. Это вопросъ, достойный того, чтобы надъ нимъ попыталъ свои силы кто-либо изъ молодыхъ и даровитыхъ русскихъ ученыхъ. Но каково бы ни было его рѣшеніе, оно, надѣемся, не измѣнитъ нашихъ главныхъ положеній, т. е. что Болгарская народность была чисто славянскою, и племена Болгарскія, оставшіяся въ южной Россіи, играли видную роль въ начальной Русской исторіи и наряду съ другими южнорусскими Славянами участвовали въ образованіи великой Русской націи *).

---

*) Переизслѣдованіе вопроса о Гуннахъ см. ниже.

БОЛГАРЕ И РУСЬ НА АЗОВСКОМЪ ПОМОРЬѢ. *)

I.

Гунны-Болгаре въ Тавридѣ и на Тамани. — Сосѣдство съ Херсономъ, Боспоромъ и Готіей. — Первый христіанскій князь у таврическихъ Болгаръ. — Дѣйствіе византійской политики.

Въ IV вѣкѣ по Р. Хр. почти прекращаются извѣстія о самостоятельномъ Боспорскомъ царствѣ, существовавшемъ на обѣихъ сторонахъ Керченскаго пролива; а въ концѣ X вѣка на тѣхъ же мѣстахъ, по нашимъ лѣтописямъ, является *русское* Тмутраканское княжество. Откуда взялось это княжество, и какія были судьбы Боспорскаго края въ теченіе періода, обнимающаго пять или шесть вѣковъ? На эти вопросы доселѣ не было почти никакого отвѣта. Въ другомъ мѣстѣ мы объясняемъ, что послѣ изгнанія Остъ-Готовъ изъ южной Россіи часть Болгаръ, именно Кутургуры, двинулась за ними и заняла страну между Днѣпромъ и Дунаемъ, а другая часть, то-есть Утургуры, осталась на обѣихъ сторонахъ Азовскаго моря и въ восточной части Крыма (см. выше: О славян. происхож. Дунайск. Болгаръ). Эти Утургуры на сѣверѣ, по замѣчанію Прокопія, граничили съ безчисленными племенами славянскихъ Антовъ. На югѣ, кромѣ Херсонскихъ Грековъ, сосѣдилъ съ ними небольшой остатокъ Готовъ Тетракситовъ, которые заняли горную область южнаго Крыма, извѣстную подъ именемъ Дори. Благодаря горамъ, эти Готы отстояли себя отъ окончательнаго истребленія со стороны Болгаръ Утургуровъ. По словамъ Прокопія, они послѣ отчаянной войны заключили союзъ съ своими врагами, но очевидно, союзъ не совсѣмъ искренній:

*) Журн. М. Н. Пр. 1875. Январь и Февраль.

Готы отстаивали себя не однимъ оружіемъ, но и хитрою политикой. Они отдались подъ покровительство Византіи; отправляя къ Юстиніану I посольство съ просьбой о назначеніи имъ новаго епископа, они совѣтовали императору поддерживать распри между сосѣдними варварами, то-есть, между Кутургурами и Утургурами. Но поддержаніе подобныхъ распрей и безъ того было обычною политикою Византіи. Во время нашествія Кутургуровъ на имперію въ 551 году, по просьбѣ Юстиніана, Сандилкъ, князь Утургуровъ, пошелъ на своихъ родичей; онъ присоединилъ къ своему войску 2,000 Тетракситовъ. Отсюда можно заключить, что послѣдніе, признавая надъ собою покровительство Византіи, въ то же время играли иногда роль подручниковъ и по отношенію къ своимъ сильнымъ сосѣдямъ Болгарамъ Утургурамъ.

Итакъ, въ первой половинѣ VI вѣка, мы встрѣчаемъ утургурскія поселенія примыкающими къ Азовскому морю съ его восточной, южной и отчасти западной стороны. Средоточіемъ ихъ являются преимущественно берега пролива, то-есть, главная часть древняго Боспорскаго царства, которому они очевидно нанесли окончательный ударъ. На восточной сторонѣ пролива они завладѣли Фанагорійскимъ или Таманскимъ островомъ и его городами, которые, какъ извѣстно, вели свое происхожденіе отъ древнихъ греческихъ поселенцевъ. Завоеванія эти, по обычаю варваровъ, сопровождались разрушеніемъ и опустошеніемъ. Прокопій называетъ два города, именно Кипы и Фанагорію, которые были разрушены варварами; но и другіе, менѣе значительные города конечно подверглись той же участи. По крайней мѣрѣ, впослѣдствіи мы видимъ, что здѣсь только одинъ пунктъ получилъ нѣкоторое значеніе въ исторіи; это Таматарха или Тмутракань нашихъ лѣтописей, очевидно возникшая на мѣстѣ разоренной Фанагоріи. На другой сторонѣ пролива находилась бывшая столица Боспорскаго царства, Пантикапея, у византійскихъ писателей извѣстная болѣе подъ именемъ Боспора. Этотъ знаменитый городъ, благодаря своимъ укрѣпленіямъ, нѣкоторое время оборонялъ себя отъ напора Гунновъ Утургуровъ; наконецъ, чтобы не попасть въ руки варваровъ, онъ поддался Византіи. Подчиненіе это, по словамъ Прокопія, относится ко времени императора Юстина I; „а до того времени Боспориты управлялись собственными законами“ (De Bell. Pers L. I, cap. 12). Нѣтъ сомнѣнія, что варвары пытались завладѣть всѣмъ Таврическимъ полуостровомъ; однако Византія успѣла отстоять отъ нихъ не только Херсонесъ и Пан-

тикапею, но и нѣкоторые укрѣпленные пункты на восточномъ берегу, каковы Гурзуфъ и Алустонъ (ихъ называетъ Прокопій; но были вѣроятно, и другіе, которыхъ онъ не называетъ, напримѣръ, Сугдея). За исключеніемъ такихъ пунктовъ, восточное побережье Таврики, по словамъ Прокопія, было занято варварами, и *преимущественно* Гуннами, то есть Болгарами Утургурами (De B. Goth. L. IV, c. 18).

Главная причина, почему остановились успѣхи Болгаръ, и они не могли овладѣть всѣмъ Таврическимъ полуостровомъ, заключалась конечно въ томъ, что они не имѣли единства. Борьба съ Остъ-Готами очевидно соединила ихъ; но по окончаніи этой борьбы они снова раздѣлились и распались на отдѣльные роды, находившіеся подъ управленіемъ своихъ мелкихъ князей. Тогда не замедлила возымѣть свое дѣйствіе обычная политика Византіи— сдерживать сосѣднихъ варваровъ, посѣвая между ними раздоры (наслѣдованное отъ древняго Рима: divide et impera). Императоры заключали отдѣльные союзы съ князьями варваровъ противъ ихъ же соплеменниковъ; осыпали ихъ подарками; а относительно наиболѣе сильныхъ князей эти подарки нерѣдко обращались въ постоянные или ежегодные, такъ что имѣли видъ дани. Иногда византійской политикѣ удавалось поставить этихъ варваровъ въ вассальныя къ себѣ отношенія. Византія пользовалась ихъ силами въ своихъ внѣшнихъ войнахъ, то есть нанимала ихъ дружины въ свою службу. Первое упоминаніе о наймѣ болгарскихъ дружинъ на Таврическомъ полуостровѣ относится также ко времени императора Юстина I. Прокопій въ своей *Персидской войнѣ* (L. I, c. 12) раскаываетъ слѣдующее: Гургень, князь кавказской Иверіи, угрожаемый персидскимъ царемъ Кабадомъ, обратился съ просьбой о помощи къ императору Юстину. Тогда послѣдній отправилъ въ Боспоръ Киммерійскій съ большою суммою денегъ патриція Проба, который долженъ былъ нанять войско изъ Гунновъ, *обитавшихъ между Херсономъ и Боспоромъ*. Пробъ исполнилъ свое порученіе, и Юстинъ часть этого войска отправилъ съ другимъ военачальникомъ въ Лазику на помощь Гургеню. Особенно видную роль играли болгарскія наемныя дружины въ войнахъ Византіи во время Юстиніана I. Велизарій не мало былъ обязанъ имъ своими успѣхами въ Азіи, Африкѣ и Италіи. Эти дружины вербовались въ странахъ приазовскихъ и придунайскихъ, слѣдовательно между обѣими вѣтвями Болгарскаго народа, Кутургурами и Утургурами.

Для укрощенія варваровъ на помощь Византіи вскорѣ является могущественный союзникъ, греческая религія. Византія ревностно исполняла свое высокое призваніе на востокѣ—распространять христіанство. Отчасти по духу Греко-восточной церкви, отчасти по недостатку матеріальныхъ средствъ, она въ этомъ отношеніи составляла совершенную противоположность съ западною или Латинскою имперіей, которая со времени Карла Великаго вводила христіанскую религію между языческими племенами преимущественно силою меча. Византія же болѣе дѣйствовала проповѣдью и притомъ проповѣдывала на языкѣ туземцевъ; кромѣ того, она старалась привлекать къ христіанству варварскія племена блескомъ своей цивилизаціи, особенно великолѣпіемъ своего церковнаго обряда, красотою храмовъ, дорогими подарками, привѣтливымъ обхожденіемъ и т. п. Извѣстны наши лѣтописныя преданія о томъ, какъ Греки, при заключеніи договора съ Олегомъ, показывали русскимъ посламъ свои храмы и царскія палаты, и какъ потомъ послы Владиміра были поражены великолѣпіемъ Софійскаго собора и патріаршаго служенія. Но подобное гостепріимство не было оказано однимъ Русскимъ; это была обычная политика Византіи по отношенію къ сосѣднимъ языческимъ народамъ. Различіе въ латинскомъ и греческомъ способахъ распространять христіанство имѣло своимъ главнымъ послѣдствіемъ и то обстоятельство, что народы, принявшіе вѣру отъ Византіи, получили Священное Писаніе на родномъ языкѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ у нихъ начала развиваться и своя собственная письменность; тогда какъ народы, обращенные западными миссіонерами и признавшіе свою духовную зависимость отъ Рима, получали латинское богослуженіе и латинскую письменность. Извѣстно также, что и начало національной нѣмецкой письменности, то есть, переводъ священнаго писанія на готскій языкъ, который приписываютъ Ульфилѣ, епископу IV вѣка, принадлежитъ именно восточной половинѣ Римской имперіи, а не западной.

Первое упоминаніе о христіанствѣ между таврическими Болгарами относится къ тому же знаменитому царствованію Юстиніана I. Начало же христіанской проповѣди на Таврическомъ полуостровѣ восходитъ къ I вѣку по Р. Хр. Преданіе говоритъ, что Апостолъ Андрей изъ Синопа пріѣзжалъ въ Херсонъ и здѣсь проповѣдывалъ христіанство. Затѣмъ во времена Траяна прославился своею апостольской дѣятельностію сосланный сюда римскій епископъ св. Климентъ, который и былъ здѣсь утопленъ по приказанію импе-

ратора, за свою проповѣдь. Христіанство медленно возрастало и укрѣплялось на полуостровѣ и должно было выдерживать упорную борьбу съ эллино-скиѳскою религіей. Послѣдователи его принуждены были скрывать свое богослуженіе въ пещерахъ и катакомбахъ. Но со времени Константина Великаго появились здѣсь открытые христіанскіе храмы, и успѣхи проповѣди пошли быстрѣе. Впрочемъ, христіанство и эллино-скиѳское язычество и послѣ того долго еще жили рядомъ въ этихъ главныхъ пунктахъ. Въ Херсонесѣ христіанство восторжествовало ранѣе; а на Боспорѣ оно, по всей вѣроятности, окончательно утвердилось только съ присоединеніемъ къ Византійской имперіи, то-есть въ первой половинѣ VI вѣка. Въ это же время христіанская проповѣдь начинаетъ проникать и въ среду сосѣднихъ Гунновъ-Болгаръ. Кромѣ вліянія Херсона и Боспора, на нихъ могъ конечно дѣйствовать и примѣръ сосѣднихъ Готовъ-Тетракситовъ. Извѣстно, что христіанская религія распространилась между Готами первоначально въ формѣ аріанской ереси; къ этой эпохѣ принадлежитъ дѣятельность ихъ епископа Ульфилы и переводъ Священнаго Писанія на готскій языкъ. Получили ли христіанство таврическіе Готы отъ своихъ аріанскихъ соплеменниковъ, или непосредственно изъ сосѣдняго Херсона — въ точности неизвѣстно; но послѣднее имѣетъ болѣе вѣроятности. Въ первой половинѣ VI вѣка у нихъ встрѣчаемъ уже собственнаго епископа. По поводу его смерти и готскаго посольства въ Константинополь, Прокопій замѣтилъ слѣдующее: „Были ли эти Готы когда-либо аріанской секты, подобно прочимъ аріанскимъ народамъ, или какой другой—я не могу утверждать". Отсюда прямое заключеніе, что въ его время они были православными; да иначе они не обращались бы къ Юстиніану съ просьбой о назначеніи имъ новаго епископа. Слѣдовательно, таврическіе Болгаре съ разныхъ сторонъ соприкасались православному населенію, и византійское вліяніе не замедлило отразиться на нихъ въ дѣлѣ религіи.

Вскорѣ послѣ воцаренія Юстиніана I, именно въ 528 году, князь Гунновъ, сосѣднихъ съ Боспоромъ, по имени *Гордасъ*, лично отправился къ императору для заключенія съ нимъ союза и для принятія святаго крещенія. Императоръ былъ его воспреемникомъ отъ купели и почтилъ его многими дарами. Въ свою очередь князь обѣщался охранять отъ варваровъ римскія владѣнія, особенно городъ Боспоръ, и кромѣ того доставлять извѣстное количество рогатаго скота; слѣдовательно въ сущности онъ призналъ себя вас-

саломъ и данникомъ Византіи *). Императоръ послалъ еще нѣкоторое количество войска подъ начальствомъ военныхъ трибуновъ для защиты Боспора отъ Гунновъ и для собиранія съ нихъ означенной дани рогатымъ скотомъ. „Въ этомъ городѣ“—прибавляютъ византійскіе историки—„значительная торговля Римлянъ съ Гуннами“. Приведенное свидѣтельство представляетъ для насъ несомнѣнную важность. Во-первыхъ, самое прозвище гуннскаго князя, Гордъ или Гордый, обнаруживаетъ, что дѣло идетъ о Болгарахъ славянскихъ (такъ-называемыхъ Гуннахъ-Утургурахъ **). Во-вторыхъ, путешествіе Горда въ Византію—и конечно, съ значительною свитою—указываетъ на морскія плаванія таврическихъ Гунновъ, слѣдовательно, подтверждаетъ ихъ славянскій, а не угро-тюркскій характеръ. Въ исторіи нашего христіанства князь Гордъ является предшественникомъ русской княгини Ольги, которая почти по тому же поводу предпринимала плаваніе въ Византію. Слѣдовательно, ко временамъ Ольги подобныя путешествія вошли уже въ нѣкоторый обычай у восточныхъ Славянъ.

Но этотъ первый христіанскій князь таврическихъ Болгаръ имѣлъ печальную судьбу, по извѣстію тѣхъ же византійскихъ лѣтописей. Когда Гордъ воротился въ свою страну, то онъ началъ не только открыто исповѣдывать новую религію, но и принялся истреблять языческіе идолы, которымъ поклонялись Болгары; а тѣ, которые были сдѣланы изъ серебра и электрона, онъ приказывалъ расплавлять. Но язычество было еще очень крѣпко въ народѣ, и уничтоженіе идоловъ возбудило его къ мятежу. По всей вѣроятности, къ религіозной ревности присоединилось еще и неудовольствіе на князя за вассальное подчиненіе Византіи и за обязательство платить ей дань. Мятежники убили князя и преемникомъ ему поставили его брата Моагера. Вслѣдъ за тѣмъ, опасаясь мщенія со стороны Римлянъ, занимавшихъ Боспоръ, они внезапно напали

---

*) Θеофанъ, Анастасій и Кедренъ. Замѣчательно, что, по извѣстію тѣхъ же историковъ, около того же времени принялъ крещеніе отъ императора Юстиніана князь придунайскихъ Геруловъ Гретисъ съ своими приближенными и обязался почти тѣми же условіями (Mem. Pop. I. 430). Очевидно, ко всѣмъ сосѣднимъ варварамъ Византія прилагала одинакіе политическіе пріемы.

**) Что это имя чисто славянское доказываютъ русское Гордята („Гордятинъ дворъ“. Лавр. 54 стр. нов. изд.) и встрѣчающійся у Византійцевъ военачальникъ изъ варваровъ (Славянъ) Всегордъ (Agathias III. 6.) Болгаринъ Грѣдъ въ XIV в. (Иречекъ 338 стр.), у Византійцевъ Γριδος. Послѣднее имя въ нашихъ старыхъ актахъ встрѣчается въ формѣ Гридя.

на этотъ городъ и избили византійскій гарнизонъ съ трибуномъ Далматіемъ. Но Болгаре на этотъ разъ не долго владѣли Боспоромъ. Императоръ отправилъ противъ нихъ и моремъ, и сухимъ путемъ многочисленныя войска, набранныя „изъ Скиѳовъ“ (конечно, главнымъ образомъ, изъ Славянъ). Очевидно, онъ рѣшился употребить большія усилія, чтобы смирить таврическихъ Болгаръ и упрочить свою власть въ такомъ торговомъ и стратегическомъ пунктѣ, каковъ былъ Киммерійскій Боспоръ. Усилія его увѣнчались успѣхомъ. Варвары, устрашенные вѣстью о приближеніи сильнаго войска, покинули городъ, и Византійцы окончательно въ немъ утвердились. Повидимому, Боспориты или Пантикапейцы, признавшіе надъ собою верховную власть императора Юстиніана I, чтобъ имѣть защиту отъ варваровъ, до этого времени еще сохраняли тѣнь своего самоуправленія; а теперь они должны были подчиниться византійскимъ начальникамъ. Тогда же вѣроятно и были возстановлены Юстиніаномъ обветшавшіе стѣны Боспора; императоръ, по словамъ Прокопія, укрѣпилъ его преимущественно передъ другими своими городами въ Тавридѣ *).

Упомянутыя событія относятся къ первой, то-есть, блестящей эпохѣ Юстиніанова царствованія, которая отличалась энергическою, многостороннею дѣятельностію государя и громкими подвигами его легіоновъ. Не то видимъ во вторую половину этого царствованія (явленіе довольно обычное въ исторіи; для сравненія достаточно напомнить Людовика XIV). Когда Юстиніанъ устарѣлъ, упала его энергія; вмѣстѣ съ тѣмъ возрасли конечно подозрительность и ревность къ людямъ, выдвигавшимся своими талантами и заслугами; на мѣсто ихъ получили вліяніе люди неспособные въ государственномъ отношеніи, но умѣвшіе тонко льстить. Историкъ Агаѳій говоритъ, что упадокъ дѣятельности особенно былъ замѣ-

---

*) Что дѣйствительно Византійцамъ только въ это время удалось окончательно подчинить себѣ Боспоръ, видно изъ слѣдующаго извѣстія Прокопія въ его „Персидской войнѣ“ (L. II Cap. 3). Въ 540 году Армяне, отпавшіе отъ союза съ Византіей и перешедшіе на сторону Персовъ, жалуясь Персидскому царю на Юстиніана, между прочимъ говорили, что онъ, „пославши войско на Боспоритовъ, подчиненныхъ Гуннамъ, присоединилъ къ своимъ владѣніямъ ихъ городъ, на который не имѣлъ никакого права“. Судя по этимъ словамъ и той легкости, съ какою Болгаре захватили городъ и истребили византійскій гарнизонъ, можно предложить вопросъ: не сами ли Боспориты или Пантикапейцы помогали имъ въ этомъ случаѣ? Можетъ быть, у нихъ была антивизантійская партія, недовольная образомъ дѣйствія Византіи. Не надобно также забывать, что въ данную эпоху населеніе этого города было болѣе варварское, нежели эллинское.

тенъ въ военномъ дѣлѣ, которое не замедлило придти въ разстройство; вмѣсто 645.000, которые должны были находиться подъ знаменами по положенію, армія византійская въ это время едва насчитывала 150.000 человѣкъ для защиты своихъ предѣловъ, и эти войска были разбросаны на весьма отдаленныхъ другъ отъ друга пунктахъ, именно, на Дунаѣ, въ Италіи, Испаніи, Нумидіи, Египтѣ, на Персидской границѣ и на восточномъ берегу Чернаго моря. Это обстоятельство, конечно, не замедлило отразиться на отношеніяхъ имперіи къ сѣвернымъ варварамъ, и преимущественно на отношеніяхъ къ обѣимъ вѣтвямъ Болгарскаго народа, то-есть, Кутургурамъ и Утургурамъ. Первые усилили свои набѣги на имперію; тщетны были тѣ многочисленныя укрѣпленія, которыми Юстиніанъ покрылъ берега Дуная. Болгаре массами врывались въ Мизію и Ѳракію, и особенно пользовались для своихъ нашествій тѣмъ временемъ, когда Дунай замерзалъ.

Въ эту-то вторую эпоху своего царствованія Юстиніанъ усилилъ обычные пріемы византійской политики по отношенію къ варварамъ; онъ откупался золотомъ отъ враговъ, а также золотомъ пріобрѣталъ себѣ между ними союзниковъ и вооружалъ однихъ варваровъ на другихъ. Самыя значительныя вторженія Кутургуровъ, какъ извѣстно, произошли въ 551 и 559 годахъ. Хотя оба раза эти варвары подверглись нападенію своихъ единоплеменниковъ Утургуровъ; однако ихъ междоусобія не могли вознаградить императора за тѣ бѣдствія и опустошенія, отъ которыхъ страдала имперія, и никакія крѣпости, никакіе союзы не могли замѣнить сильныхъ и хорошо устроенныхъ легіоновъ, которые должны были бы охранять ея сѣверные предѣлы. Въ союзѣ съ Византіей въ эту эпоху снова усиливается восточно-болгарское племя, то есть, Утургуры. Таврическіе и таманскіе Болгаре составляли только часть этого племени; жилища другихъ его вѣтвей, по видимому, простирались тогда на западъ приблизительно до Днѣпра, гдѣ онѣ соприкасались съ землями Кутургуровъ. Между тѣмъ какъ у послѣднихъ изъ числа вождей выдвигался особенно Заберганъ, во главѣ утургурскихъ князей является въ то время Сандилъ или Сандилкъ (по нашему предположенію то же, что Судило, Судилко, Судиславъ). Прокопій замѣчаетъ, что это былъ мужъ, одаренный замѣчательнымъ разумомъ, большою твердостію духа и весьма опытный въ военномъ дѣлѣ (De B. G. L. IV, c. 18). Подъ его начальствомъ Утургуры взяли верхъ надъ своими соплеменниками и заняли отчасти ихъ земли;

такимъ образомъ нѣкоторыя ихъ вѣтви отодвинулись далѣе на западъ. Враждуя между собою, Болгарскія племена въ то же время по нѣкоторымъ признакамъ приходили въ столкновенія и съ другими Славянскими народами, особенно съ многочисленными племенами Антовъ, обитавшихъ къ сѣверу отъ Болгаръ. Кромѣ того, они, вѣроятно, сталкивались и вели войны съ Угорскими ордами, кочевавшими тогда въ степяхъ Поволжскихъ. Растяженіемъ болгарскихъ вѣтвей и ихъ взаимными распрями вскорѣ воспользовались другіе варвары, надвинувшіе съ востока. Мы говоримъ о Хазарахъ и Аварахъ.

Но что это были за варвары, и къ какой семьѣ народовъ они принадлежали?

II.

Сбивчивыя мнѣнія о Хазарахъ.—Пришлый турецкій элементъ и туземный хазаро-черкесскій.—Двойственный составъ Аварскаго народа изъ Гунновъ и Аваръ.—Отношенія къ Антамъ и Болгарамъ.

Если обратимся къ начальнымъ судьбамъ Хазаръ, то относительно ихъ найдемъ въ историческихъ сочиненіяхъ почти такую же путаницу понятій, какую находимъ по отношенію къ Болгарамъ. Исторію Болгаръ обыкновенно начинаютъ съ половины VII вѣка, то есть, со времени Кубрата и мнимаго ихъ раздѣленія между его сыновьями, подъ предводительствомъ которыхъ они будто бы разошлись въ разныя стороны. При этомъ упускаютъ изъ виду весьма простое обстоятельство, а именно, что Болгаре за долгое время выступили на историческое поприще, уже давно развѣтвились на разныя части (Кутургуры, Утургуры, Ультинзуры и пр.) и заняли большое протяженіе земель. То же недоразумѣніе по недостатку исторической критики повторилось и относительно Хазаръ. Исторію послѣднихъ обыкновенно начинаютъ со времени императора Ираклія, когда они являются его союзниками въ войнѣ съ персидскимъ царемъ Хозроемъ, то есть, съ 626 года, и къ этому именно времени пріурочиваютъ извѣстіе византійскихъ писателей Ѳеофана и Никифора о томъ, что Хазары пришли изъ „внутренней Берилiи“ или „Берзеліи“. Безъ

всякой провѣрки повторялось свидѣтельство тѣхъ же писателей, что Хазары только во второй половинѣ VII вѣка наложили дань на часть Болгаръ, которая осталась за Азовскимъ моремъ, или на удѣлъ Батбая, старшаго Кувратова сына. А между тѣмъ почти за 60 лѣтъ до упомянутаго союза съ Ираклiемъ болѣе ранніе византiйскіе писатели повѣствуютъ о вторженіи въ Европу новыхъ завоевателей, именно Турокъ, пришедшихъ изъ-за Каспiйскаго моря и покорившихъ нѣкоторые народы юго-восточной Европы, въ томъ числѣ и Болгаръ Утургуровъ. Замѣчательно, что въ данномъ случаѣ вводили въ заблужденіе тѣ же писатели, которые баснословятъ о Болгарахъ, то есть, Ѳеофанъ и Никифоръ; у нихъ впервые встрѣчается и самое названіе *Хазаръ*. Впрочемъ вмѣстѣ съ тѣмъ они называютъ ихъ и „восточными Турками“.

Извѣстно, что народность Хазаръ до сихъ поръ составляетъ вопросъ въ европейской исторіографіи. Нѣкоторые писатели считаютъ ихъ народомъ турецкимъ или татарскимъ; большинство относитъ къ финскому семейству и считаетъ соплеменниками Угровъ; третьи называли ихъ предками Черкесовъ (Сумъ, датскій ученый прошлаго столѣтія); четвертые, наконецъ, считали ихъ Славянами (Венелинъ). Сличивъ по возможности разныя извѣстія объ этомъ народѣ, мы пришли къ слѣдующимъ выводамъ.

Около половины VI вѣка произошло второе великое движеніе Гуннскихъ народовъ на восточную Европу. (Первое было произведено въ IV вѣкѣ). Начало этого втораго движенія восходитъ впрочемъ къ половинѣ V вѣка; судя по извѣстію Приска, византiйскаго писателя того же вѣка, какой-то закаспiйскій народъ потѣснилъ Аваръ и другія приволжскія и прикавказскія племена. (Excerpta de Legationibus). Затѣмъ въ теченіе почти ста лѣтъ византiйскіе историки молчатъ объ этомъ народѣ, пока въ VI вѣкѣ онъ не выступилъ, подъ именемъ Турокъ, въ качествѣ новаго завоевателя юго-восточной Европы. Около этого времени въ средѣ кочевниковъ алтайскихъ и сѣвернаго Туркестана, по всей вѣроятности, произошли тѣ же перевороты, которые въ XII вѣкѣ совершились въ средѣ родственныхъ имъ и еще далѣе къ востоку обитавшихъ татаро-монгольскихъ ордъ, то есть, возвышеніе какого-либо ханскаго рода и объединеніе подъ его верховенствомъ значительной части турецкихъ племенъ. А слѣдствіемъ этихъ переворотовъ были такія же движенія на югъ и на западъ. Въ южныхъ областяхъ Аму и Сыръ-Дарьи нѣкогда процвѣтала греко-

бактрійская цивилизація, и существовали еще богатые промышленные города. На югъ распространеніе турецкаго владычества, по видимому, не пошло далѣе Туркестана, потому что встрѣтило отпоръ со стороны сильнаго въ то время Персидскаго государства. Но на западъ отъ Каспійскаго моря Турки не нашли ни одного организованнаго противника, а только разноплеменные народы, раздѣленные на мелкія владѣнія и враждебные другъ другу; а потому ихъ завоеванія вскорѣ распространились отъ Каспійскаго моря до Кавказа и береговъ Азовско-Черноморскихъ. Завоеванія эти перешли за Кавказъ и проникли до Арменіи; но и въ той сторонѣ они столкнулись съ тѣми же Персами. Хотя Турки дѣлились на разныя орды, подъ управленіемъ особыхъ хановъ, однако первое время всѣ они подчинялись великому хану, жившему въ Туркестанѣ. Это единство продолжалось не долго. Тутъ мы встрѣчаемъ то же самое явленіе, которое видимъ впослѣдствіи въ исторіи татаро-монгольскаго ига. Турки, поселившіеся между Каспійскимъ и Азовскимъ морями, въ VII вѣкѣ составили особый хаганатъ, средоточіемъ котораго сдѣлался потомъ городъ Итиль, лежавшій на нижнемъ теченіи рѣки Итиля, то есть Волги. Этотъ хаганатъ съ городомъ Итилемъ былъ прямымъ предшественникомъ Золотой орды съ ея столицею Сараемъ. Съ VII же вѣка онъ сдѣлался извѣстенъ преимущественно подъ именемъ царства Хазарскаго. Турки хазарскіе, подчинивъ себѣ многіе города и осѣдлыя населенія, сами сдѣлались народомъ полуосѣдлымъ. А тѣ орды, которыя въ своемъ движеніи съ востока остановились въ степяхъ Яицкихъ и Волжскихъ, продолжали вести свой прежній кочевой образъ жизни; онѣ встрѣчаются потомъ въ исторіи подъ разными именами, преимущественно Печенѣговъ, Узовъ и Кумановъ (Половцевъ). Печенѣги сдѣлались извѣстны своими набѣгами на Хазарское царство, основанное ихъ соплеменниками.

Итакъ, Хазарское царство основано собственно турецкимъ племенемъ; въ этомъ едва ли можетъ быть сомнѣніе. Но почему же оно стало называться Хазарскимъ? Было ли принесено это имя изъ Средней Азіи турецкими завоевателями, или оно было туземное?

Если мы не ошибаемся, оно принадлежало не пришлымъ Туркамъ, а туземному прикавказскому народу.

Не восходя ко временамъ болѣе отдаленнымъ, въ которыхъ можно найдти это имя, укажемъ на двухъ писателей V вѣка:

армянскаго историка Моисея Хоренскаго и греческаго ритора Приска. Моисей Хоренскій упоминаетъ о нашествіи на армянскія владѣнія Хазировъ, народа, обитавшаго на сѣверной сторонѣ Кавказскихъ горъ, и это нашествіе относитъ къ концу II или началу III вѣка по Р. Х. (см. въ переводѣ *Эмина*, стр. 134). Государя Хазировъ Моисей Хоренскій называетъ *хаканомъ*, словомъ, которое вообще означаетъ у него владыку ibid. 309) *). Греческій современникъ армянскаго историка, Прискъ говоритъ о скиѳскомъ народѣ Акацирахъ или Кацирахъ, обитавшемъ за Азовскимъ моремъ около Кавказскихъ горъ. По его словамъ, этотъ народъ управлялся многими князьями; старшій изъ нихъ, по имени Куридахъ, находясь въ распрѣ съ другими, призналъ Аттилу судьею этихъ распрей и помогъ Гуннамъ подчинить себѣ народъ Акацирскій. Хотя зависимость эта окончилась при сыновьяхъ Аттилы; но подобно сосѣднимъ Болгарамъ, Акациры съ того времени причислялись византійскими писателями къ народамъ гуннскимъ. Въ своемъ описаніи Скиѳіи Іорнандъ также упоминаетъ храброе племя Акацировъ, которыхъ помѣщаетъ сосѣдями Болгаръ, хотя, очевидно, не имѣетъ точнаго представленія объ ихъ географическомъ положеніи. По разнымъ признакамъ Кациры или Казиры было одно изъ черкесскихъ племенъ.

Около Каспійскаго моря византійскіе писатели помѣщаютъ народъ Ефталитовъ или *Бѣлыхъ Гунновъ*, которые играли важную роль въ войнахъ Византійцевъ съ Персами, большею частію какъ союзники послѣднихъ. По словамъ Прокопія, они отличались отъ другихъ Гунновъ болѣе бѣлымъ цвѣтомъ кожи и болѣе красивою наружностію. По словамъ Менандра, какой-то знатный Ефталитъ, по имени Катульфъ, мстя своему государю за безчестіе жены, предалъ своихъ соплеменниковъ Туркамъ. Это произошло въ 560-хъ годахъ. Вслѣдъ затѣмъ Турки покорили нѣкоторые прикавказскіе народы, между прочими принуждены были платить имъ дань и азовско-черноморскіе Болгаре или Утургуры, ослабленные внутренними раздорами и удаленіемъ на западъ значительной части своего племени. У византійскихъ писателей VIII и IX вѣка завоеватели этихъ народовъ являются иногда подъ своимъ названіемъ Турокъ; но преимущественно они именуются Хазарами, то-есть, на нихъ

*) Г. Эминъ выражаетъ сомнѣніе въ турецкомъ происхожденіи этого слова. Титулъ „хаканъ“ или „хаганъ“, кажется существовалъ у народовъ прикавказскихъ прежде пришествія туда турецкихъ завоевателей.

перешло имя покореннаго ими черкесскаго народа Хазаровъ. Слѣдовательно, то, что мы привыкли разумѣть подъ словомъ „Хазары“, въ перiодъ приблизительно отъ VII до XI вѣка, не представляло собственно одного опредѣленнаго племени. Это было государство, составленное изъ разныхъ народностей. Тутъ находились, вопервыхъ, истые Турки, пришедшiе изъ-за Каспiйскаго моря, потомъ племена мидосарматскiя или черкесскiя, нѣкоторая часть восточно-славянскихъ народовъ и нѣкоторыя орды угорскiя, кочевавшiя въ степяхъ Волги и Дона. Кромѣ того, въ городахъ этого царства разсѣяно было значительное количество еврейскаго населенiя. Довольно продолжительное существованiе Турецко-Хазарскаго государства способствовало, конечно, нѣкоторому смѣшенiю этихъ народовъ и ихъ языковъ; по всей вѣроятности, здѣсь зарождались новые, переходные типы. Но прочной и однородной нацiональности здѣсь не выработалось; это отчасти и объясняетъ намъ, почему впослѣдствiи Хазарское государство сошло со сцены, не оставивъ никакого опредѣленнаго этнографическаго типа въ исторiи. Существованiе различныхъ племенъ, не слившихся въ одинъ народъ, объясняетъ намъ и то замѣчательное разнообразiе религiй, которое мы встрѣчаемъ здѣсь въ эпоху процвѣтанiя Хазарскаго государства. По нѣкоторому родству языковъ, по образу жизни и по характеру турецкiе завоеватели, поселившiеся главнымъ образомъ около Нижней Волги, по всей вѣроятности, наиболѣе тяготѣли къ народамъ Угорскаго племени. Но они неизбѣжно подверглись влiянiю болѣе одаренныхъ и болѣе развитыхъ народностей славянскихъ и особенно кавказскихъ. Послѣднiй элементъ, очевидно, взялъ верхъ надъ всѣми другими съ тѣхъ поръ, какъ пришлые Турки отдѣлились отъ своихъ среднеазiатскихъ соплеменниковъ и составили особое государство. Посредствомъ своихъ женщинъ хазарскiй или черкесскiй элементъ повлiялъ смягчающимъ образомъ конечно и на самый внѣшнiй типъ турецкихъ завоевателей *).

---

*) Эти выводы совпадаютъ отчасти съ мнѣнiями В. В. Григорьева. См. его „О двойственной верховной власти у Хазаръ“ (Россiя и Азiя. СПБ. 1876) г.

На догадку о черкесской народности коренныхъ Хазаръ между прочимъ навелъ насъ разсказъ Константина Багрянороднаго о хазарскомъ племени Кабарахъ (Кабардинцахъ?) Въ своемъ сочиненiи „объ управленiи имперiей“ (гл. 39 и 40). Константинъ разсказываетъ, что Кабары составляли нѣкогда одно изъ племенъ казарскихъ, потомъ возмутились и произвели междоусобную войну, но были побѣждены. Тогда часть Кабаръ ушла къ Уграмъ, соединилась съ ними

Одновременно съ Турко-Хазарскимъ государствомъ, выступаетъ на историческое поприще другой народъ завоевателей, Авары. Хотя народность и исторія Хазаръ до сихъ поръ остаются не выясненными, и извѣстія о нихъ очень мало разработанными критически, однако на ихъ счетъ европейская исторіографія имѣетъ уже довольно богатую литературу. Назовемъ труды Стриттера, Сума, Лерберга, Френа, Доссона, Языкова, Григорьева, Дорна, Вивьенъ-де-сенъ-Мартена, Бруна, Хвольсона и др. Но что серьезнаго или достойнаго вниманія, кромѣ извлеченій Стриттера изъ византійскихъ историковъ, имѣемъ мы для исторіи и этнографіи Аваръ? Венелинъ въ своей не оконченной (исходившей отъ предвзятой идеи) монографіи объ Обрахъ справедливо замѣтилъ: „Если перелистуемъ каталогъ всѣмъ историческимъ изслѣдованіямъ, то найдемъ, что *Обры* или Авары почти совершенно забыты, вмѣстѣ съ ихъ имперіей, не смотря на то, что почти всякій изыскатель, или компиляторъ историческихъ сочиненій, больше или меньше спотыкается объ Аварскую имперію или объ Обрскій народъ“ (*Чте-*

и поселилась сначала въ той странѣ, которую (во время Константина) занимали Печенѣги. Эта часть Кабаръ, соединясь съ семью угорскими колѣнами, составила восьмое колѣно, которое въ войнахъ первенствовало надъ другими своею храбростію. Оно доселѣ, (т. е. до временъ Константина) сохранило между паннонскими Уграми свое особое нарѣчіе.

Не даромъ черкесское или хазарское племя отличалось своею наружностію, характеромъ и языкомъ посреди Угровъ еще въ X вѣкѣ, то-есть, въ эпоху Константина. (Не даромъ и лучшее, самое почитаемое войско у нихъ стало называться хусары, то-есть, хасары или хазары). По этому поводу обратимъ вниманіе на извѣстіе русской лѣтописи, которая дѣлитъ Угровъ на Бѣлыхъ и Черныхъ. Подъ Бѣлыми Уграми обыкновенно исторіографія разумѣла Хазаръ (впрочемъ по смыслу лѣтописи это названіе можно относить и къ Аварамъ).

„Посемъ придоша Угри Бѣліи, наслѣдиша землю Словѣньску (то-есть, Дунайскихъ Славянъ); си бо Угри начаша быти при Иракліи цари, иже находиша на Хоздроя царя Персидскаго“. (Въ войнѣ Ираклія съ Хозроемъ равно участвовали и Авары, и Хазары). Бѣлые Угры или Хазары (м. б. и Авары) у Русскихъ позднѣе встрѣчаются повидимому подъ общимъ именемъ кавказскихъ горцевъ или Черкесовъ; это послѣднее имя восходитъ ко временамъ глубокой древности (кавказскіе Керкеты или Черкеты у Страбона). Распространеніе хазарскаго владычества на Таврическую страну, а также извѣстіе Константина Багрянороднаго о переселеніи Кабаръ въ западное Черноморье могутъ нѣсколько объяснить намъ, откуда явилось впослѣдствіи именованіе южно-русскихъ казаковъ Черкасами. (См. по этому поводу любопытныя соображенія профессора Бруна въ Записк. Од. Общ. Ист. и Др., т. VII). И самое названіе казаки, вопреки всѣмъ попыткамъ объяснить его изъ татарскихъ языковъ, есть, вѣроятно, то же, что Казары съ его варіантами: Касахи у Константина Багрянороднаго и Касоги въ нашей лѣтописи.

нія Общества исторіи и древностей россійскихъ 1847 г. № 3). А между тѣмъ этотъ народъ свирѣпствовалъ въ средней и восточной Европѣ въ продолженіе 250 лѣтъ!

Не вдаваясь въ особое изслѣдованіе объ Аварахъ, мы предложимъ относительно ихъ нѣсколько своихъ замѣчаній и соображеній, предоставляя будущему окончательное рѣшеніе этого темнаго вопроса.

Объ Аварахъ существуютъ такія же разнообразныя мнѣнія, какъ о Хазарахъ. Господствующимъ мнѣніемъ доселѣ было то, которое относитъ ихъ къ племенамъ угорскимъ и татарскимъ. Мнѣніе это основано на томъ, что часть византійскихъ писателей иногда смѣшиваетъ Аваръ съ Гуннами: особенно же подобное смѣшеніе замѣтно у важнѣйшихъ латинскихъ или западно-европейскихъ лѣтописцевъ VI—VIII вѣковъ, каковы, Григорій Турскій, Фредегарій и Павелъ Діаконъ. Но такъ какъ средневѣковые историки этого періода вообще щедры на имя Гунновъ, то подобное доказательство требуетъ еще подтвержденія.

Первый изъ Византійцевъ, упоминающій объ Аварахъ, былъ Прискъ, писатель V столѣтія. По поводу упомянутаго нами выше движенія закаспійскихъ народовъ (Турокъ) онъ говоритъ, что потѣсненные ими Авары обрушились на Савировъ, а послѣдніе—на другіе гуннскіе народы. Затѣмъ византійскія извѣстія молчатъ объ Аварахъ до второй половины VI вѣка, то-есть, до завоеванія Турками странъ, лежащихъ между Каспійскимъ и Азовскимъ морями. Тогда Авары, не желая сносить турецкое иго, вступили въ переговоры съ императоромъ Юстиніаномъ I и просили у него земель для поселенія, обѣщая охранять его имперію отъ внѣшнихъ враговъ. Императоръ, по видимому, былъ доволенъ ихъ предложеніемъ, надѣясь посредствомъ этихъ новыхъ варваровъ сдерживать Болгаръ, угнетавшихъ сѣверныя провинціи имперіи. Какъ бы то ни было, значительная часть Аварскаго народа изъ-за Дона и Азовскаго моря перешла на сѣверную сторону Дуная въ Паннонію. Но тутъ скоро оказалось, что Византійская имперія пріобрѣла себѣ сосѣда еще болѣе свирѣпаго и опаснаго, чѣмъ Болгаре. О переговорахъ съ византійскимъ правительствомъ и переходѣ Аваръ въ Паннонію повѣствуетъ въ особенности Менандръ, писатель конца VI и начала VII вѣка. Изъ того же писателя мы видимъ, что Турки смотрѣли на Аваръ, ушедшихъ на Дунай, какъ на своихъ бѣглыхъ рабовъ и требовали отъ преемника Юстиніанова, Юстина II, чтобъ онъ не давалъ убѣжища въ своихъ зем-

ляхъ ихъ непокорнымъ подданнымъ. Но обстоятельства въ то время не мало покровительствовали этимъ новымъ завоевателямъ средней Европы, а именно: съ одной стороны—слабость имперіи и ея отношенія къ Болгарамъ, а съ другой—взаимныя отношенія среднеевропейскихъ народовъ, побудившія Лангобардовъ искать союза Аваръ противъ Гепидовъ.

Затѣмъ, обращу вниманіе изслѣдователей на извѣстіе младшаго современника Менандрова, Ѳеофилакта Симокаты. По его словамъ, новые завоеватели, поселившіеся на Дунаѣ въ Панноніи, были не настоящіе Авары. Онъ говоритъ, что эти *Псевдоавары* принадлежали собственно къ племени Огоръ, которое обитало около рѣки Тиль (Атель или Волга), и что часть этого племени по именамъ двухъ своихъ древнихъ князей называлась *Варъ* и *Хунни*. Когда, убѣгая отъ Турокъ, они приблизились къ Савирамъ, послѣдніе приняли ихъ за Аваръ и почтили дарами. Тогда Варъ и Хунни, замѣтивъ эту счастливую для себя ошибку, начали уже сами выдавать себя за Аваръ. „Ибо“ — прибавляетъ Ѳеофилактъ — „изъ всѣхъ скиѳскихъ народовъ Авары отличаются наибольшею даровитостію“ (Theophilacti Historiarum lib. VII). Въ этомъ извѣстіи скрывается, конечно, какое-либо недоразумѣніе, но должна быть и нѣкоторая доля правды. Несомнѣнно то, что во времена Ѳеофилакта паннонскіе Авары назывались отчасти *Варъ*, отчасти *Хунни* (или сложнымъ, искусственнымъ словомъ *Вархониты*, какъ иногда находимъ у Менандра). Но что такое имя „Варъ“ какъ не то же „Аваръ“ (какъ Тиль, вмѣсто Атель)? Слѣдовательно, этотъ народъ состоялъ собственно изъ Аваръ и Гунновъ. Ѳеофилактъ называетъ ихъ Псевдоаварами, и говоритъ, что они принадлежали къ племени Огоръ; что такое было это послѣднее племя, въ точности неизвѣстно. Можетъ быть къ нему относилась именно та часть народа, которая называлась „Хунни“, и этихъ Гунновъ дѣйствительно можно было назвать Псевдоаварами, но что другая часть, то-есть „Варъ“, была настоящими Аварами. Однимъ словомъ, мы усматриваемъ два различные элемента въ томъ народѣ, который подъ именемъ Аваръ, долгое время господствовалъ на Дунаѣ.

Притомъ движеніе изъ-за Азовскаго моря и Дона Аваро-Гунновъ не ограничилось VI вѣкомъ; по нѣкоторымъ признакамъ оно продолжалось и послѣ того *).

---

*) Ѳеофилактъ Симоката сообщаетъ, что во времена императора Маврикія,

Итакъ, Аварскій народъ, пришедшій на Дунай во второй половинѣ VI вѣка, состоялъ, по нашему мнѣнію, изъ двухъ элементовъ: Аварскаго и собственно Гуннскаго. Во главѣ этого союза, очевидно, находился Аварскій элементъ, болѣе даровитый и храбрый. По извѣстію Менандра, часть Аваръ, ушедшая на западъ отъ турецкаго ига, будто бы заключала въ себѣ до 200.000 человѣкъ. Замѣчательно, что та же двойственность типа, какую мы находимъ въ государствѣ, основанномъ Аварами на Дунаѣ, встрѣчается и въ государствѣ собственно Хазарскомъ, то-есть, около Кавказа. Пришлые Турки, заимствовавъ имя отъ туземцевъ Хазаръ, впослѣдствіи хотя и смѣшались съ ними отчасти, но очевидно, не успѣли совершенно слиться въ одинъ народъ и выработать новый этнографическій типъ. Объ этой двойственности ихъ типа свидѣтельствуютъ арабскія извѣстія X вѣка. Такъ, у Истахри говорится, что одни Хазары назывались Кара-Джуръ и были цвѣта столь смуглаго, что казались черными, другіе же были бѣлы, прекрасны и стройны (См. *Мордтмана* Das Buch der Länder von Istachri. 105). Ибнъ-Даста замѣчаетъ, что воины хазарскаго вице-царя (иша) „красивы собою", и что они „одѣты въ прочныя брони" (*Хвольсона* Извѣстія о Хазарахъ и пр. 18). О чистомъ турецко-татарскомъ племени никакъ нельзя было сказать, что оно красиво, бѣло и стройно; это извѣстіе относилось, конечно, къ туземнымъ Хазарамъ, то-есть, къ Черкесамъ, между тѣмъ какъ весьма смуглая, некрасивая часть Хазаръ принадлежала къ настоящему Татарскому племени. О присутствіи этого некрасиваго татарскаго элемента между Хазарами свидѣтельствуетъ и слѣдующее извѣстіе Симеона Логоѳета: Однажды государственный секретарь сообщилъ императору Михаилу III, что патріархъ Фотій проповѣдуетъ о двухъ душахъ въ человѣкѣ, и что служители поэтому требуютъ двойнаго содержанія. Императоръ, разсмѣявшись, сказалъ: „Такъ вотъ чему учитъ эта хазарская рожа!"

Принадлежность Аваръ Кавказу или Прикавказью, наравнѣ съ Хазарами, подтверждается и общимъ у нихъ титуломъ кагана

турецкій каганъ окончательно покорилъ племя Огоровъ; при чемъ число избитыхъ людей этого племени простиралось будто бы до 300.000, такъ что трупы ихъ были разсѣяны на разстояніи четырехъ дней пути. Послѣ того часть покореннаго народа удалилась къ дунайскимъ Аварамъ и присоединилась къ нимъ въ числѣ 10.000 человѣкъ.

или хагана—титуломъ, который, повидимому первоначально упоминается у народовъ прикавказскихъ *).

При своемъ движеніи изъ-за Азовскаго моря на западъ, Аваро-Гунны должны были неизбѣжно столкнуться съ южно-русскими Славянами, извѣстными въ тѣ времена подъ общимъ именемъ Антовъ. Хотя послѣдніе были многочисленны и храбры, но они еще не успѣли объединиться усиліями Днѣпровской Руси и управлялись своими мелкими князьями или своими шумными вѣчами. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, осѣдлое населеніе, разсѣянное на большомъ пространствѣ (по свидѣтельству Прокопія) и не имѣющее для своей защиты многихъ крѣпкихъ городовъ, съ трудомъ можетъ устоять противъ пришлыхъ ордъ, дѣйствующихъ подвижными и плотными массами; однако Славяне по всѣмъ признакамъ оказали мужественное сопротивленіе. Ѳеофилактъ не даромъ назвалъ Аваръ самымъ изворотливымъ изъ скиѳскихъ народовъ. Дѣйствительно въ своей дальнѣйшей исторіи, особенно въ своихъ отношеніяхъ къ Византіи, они являются довольно ловкими политиками и даже своего рода дипломатами,—чѣмъ помимо храбрости и объясняются ихъ первые успѣхи и завоеванія. Источники только мимоходомъ упоминаютъ о ихъ столкновеніяхъ съ Антами. А именно, Менандръ разсказываетъ, что, когда Авары начали своими набѣгами опустошать земли Антовъ, послѣдніе отправили къ нимъ одного изъ своихъ старшинъ, Мезаміра, для выкупа плѣнныхъ. Мезаміръ, человѣкъ тщеславный и рѣчистый, началъ вести переговоры высокомѣрнымъ тономъ. Тогда нѣкто Котрагегъ, находившійся въ союзѣ и дружбѣ съ Аварами, далъ аварскому кагану такой совѣтъ: „Этотъ человѣкъ пользуется у своего племени большимъ значеніемъ и можетъ вывести въ поле столько людей, сколько захочетъ: надобно его убить, и тогда смѣло нападай на ихъ земли“. Авары послушались этого совѣта, и презрѣвъ обычаи, охраняющіе особу посла, убили Мезаміра. Дѣйствительно, съ тѣхъ поръ они еще свободнѣе опустошали земли своихъ сосѣдей, брали большую добычу и уводили толпы плѣнныхъ. Это извѣстіе Менандра бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на отношенія Аваръ къ южно-русскимъ Славянамъ въ VI вѣкѣ. Упомянутый Котрагегъ есть, конечно, то же что́

*) Любопытную характеристику Аваръ и указаніе на ихъ родство съ Лесгинами, часть которыхъ доселѣ сохранила названіе Аваръ, см. у Бера въ его трактатѣ о Макрокефалахъ (Memoires de l'Acad. des Sciences. T. II, № 6).

Котрагъ; а это слово, какъ извѣстно, было одно изъ видовыхъ названій болгарскаго племени: Котраги или Котригуры въ то время обитали въ Черноморьѣ между Днѣпромъ и Дунаемъ. Подъ именемъ Котрага тутъ разумѣется вѣроятно одинъ изъ князей или знатныхъ людей этого племени. Упомянутый совѣтъ намекаетъ на обычное явленіе, то есть, на раздоры и усобицы славянскихъ народовъ. Между Болгарами и Антами шла, очевидно, мелкая вражда изъ-за земель или изъ-за добычи и плѣнныхъ (то есть, рабовъ). Авары конечно ловко пользовались этою враждою для своихъ цѣлей.

Относительно Антовъ изъ византійскихъ источниковъ не видно, чтобы они находились собственно подъ аварскимъ игомъ; вѣроятно, имъ удалось отстоять или вскорѣ возвратить свою независимость *). Но западную вѣтвь Болгаръ, то есть Гунновъ Кутургуровъ, мы видимъ потомъ въ теченіи 70 или 80 лѣтъ (то есть, до временъ Кубрата) подъ игомъ Аваръ, которымъ они платятъ дань и даютъ вспомогательныя войска. Авары пользуются преимущественно болгарскими силами въ своихъ войнахъ съ Византіей и дунайскими Славянами. Напримѣръ, уже въ 574 году аварскій каганъ Баянъ посылаетъ 10,000 Котригуровъ разорять Далмацію (Менандръ). Около того же времени онъ отправляетъ въ Византію посольство, которое между прочимъ требуетъ отъ императора Юстина II, чтобы та дань, которую его предшественникъ, Юстиніанъ I, платилъ Котригурамъ и Утригурамъ, была теперь вносима Аварамъ, такъ какъ они покорили оба эти народа. На такое требованіе императоръ отвѣчалъ отказомъ. Здѣсь, какъ мы видимъ, въ числѣ покоренныхъ упоминаются обѣ вѣтви Болгаръ — и западная, и восточная. Но Утургуры тутъ должны быть понимаемы только отчасти; ибо большую ихъ часть, обитавшую къ югу и востоку отъ Азовскаго моря, въ то же время мы встрѣчаемъ подъ игомъ Турко-Хазаръ.

---

*) Къ этому-то столкновенію Антовъ съ Аварами, можетъ быть, относится то смутное преданіе, которое наша лѣтопись разсказываетъ по поводу хазарскаго нашествія на днѣпровскихъ Славянъ: такъ какъ владѣнія Турокъ, основавшихъ собственно Хазарское государство, никогда не простирались до Днѣпра, и они никогда не господствовали въ Кіевѣ. По крайней мѣрѣ, на это нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ.

III.

Союзъ Турко-Византійскій. Посолъ Земархъ у Дизавула. Валентинъ и Турксантъ. Покореніе азовскихъ Болгаръ и Тавриды.

Въ царствованіе Юстина II, именно въ 568 году, въ Константинополь прибыло посольство изъ-за Каспійскаго моря отъ Турокъ, и вотъ по какому поводу (Менандръ in Excerptis de Legationibus). Турки покорили Согдаитовъ, обитавшихъ въ странѣ, занятой теперь ханствомъ Бухарскимъ (древняя Согдіана). Согдаиты были народъ промышленный и торговый, который между прочимъ велъ торговлю шелкомъ. По ихъ просьбѣ турецкій ханъ Дизавулъ отправилъ посольство къ знаменитому персидскому царю Хозрою съ предложеніемъ своего союза и съ просьбою дозволить Согдаитамъ свободно торговать шелкомъ въ предѣлахъ персидскихъ. Но, по совѣту Катульфа (того самаго, который предалъ Туркамъ своихъ соплеменниковъ Ефталитовъ, а потомъ бѣжалъ къ Персамъ), Хозрой отвергъ эту просьбу и не пожелалъ быть въ союзѣ съ Турками. Тогда князь согдаитскій Маньякъ предложилъ Дизавулу отправить посольство къ императору Византійскому, говоря, что союзъ съ нимъ будетъ выгоднѣе для Туровъ, а шелкъ у Грековъ въ большемъ употребленіи, чѣмъ у другихъ народовъ. Маньякъ вызвался самъ руководить этимъ посольствомъ. Дизавулъ послушалъ, и отправилъ его, снабдивъ дружескимъ письмомъ, а также богатыми подарками изъ шелковыхъ тканей. Посольство это должно было проходить многія страны, болотистыя пространства, лѣсистыя земли и высокія Кавказскія горы, покрытыя туманами и снѣгами. Наконецъ, послѣ долгаго странствія они достигли Константинополя. Подарки и письмо были ласково приняты Юстиномъ. Императоръ много распрашивалъ о турецкомъ государствѣ. Послы отвѣчали, что оно дѣлится на четыре владѣнія или ханства, но что верховная власть надъ всѣми принадлежитъ Дизавулу; разсказывали о покореніи имъ сильнаго народа Ефталитовъ и о завоеваніи ихъ городовъ. Затѣмъ перевели рѣчь на Аваръ, вопросъ о которыхъ составлялъ одну изъ задачъ посольства. Турки считали Аваръ своими бѣглецами и просили императора не принимать ихъ въ союзъ и не давать имъ земель; при этомъ они сообщили, будто число бѣжавшихъ

отъ нихъ Аваръ простиралось до 200.000. Маньяку дѣйствительно удалось заключить союзный договоръ съ византійскимъ правительствомъ. Союзъ этотъ имѣлъ будущность, потому что у Турокъ и Византійцевъ оказался одинъ общій непріятель, могущественный царь Персидскій.

Вслѣдъ за первымъ турецкимъ посольствомъ въ Византію, послѣдовало и первое византійское посольство къ Туркамъ. Чтобы скрѣпить новый союзъ, императоръ, при возвращеніи турецкихъ пословъ въ Азію, отправилъ съ ними киликійца Земарха, который тогда начальствовалъ въ восточныхъ городахъ. Послѣдуемъ за Менандромъ въ его любопытномъ описаніи этого посольства.

Земархъ и Маньякъ покинули Византію въ августѣ слѣдующаго 569 года. Много дней провели они въ дорогѣ; наконецъ прибыли въ страну Согдаитовъ. Здѣсь встрѣтили ихъ заклинатели, которые почитались охранителями отъ всякихъ золъ и бѣдствій. Приблизясь къ Земарху и его спутникамъ, они начали шептать какія-то слова, ударяя въ бубны и потрясая колокольчиками, а также производя окуриваніе ладаномъ. Они съ неистовымъ шумомъ дѣлали движенія, которыми какъ бы прогоняли все, что иноземцы могли принести съ собою зловреднаго. Затѣмъ самаго Земарха обвели вокругъ священнаго пламени, который имѣлъ очистительное значеніе. По совершеніи этихъ обрядовъ, посольство въ сопровожденіи особо назначенныхъ для того людей продолжало путь къ той мѣстности, которая называлась *Эктагъ*, что означало: „Золотая гора“ *). Она служила тогда мѣстопребываніемъ главнаго турецкаго кагана, и здѣсь въ одной долинѣ расположено было его жилище. Послы были введены въ ханскій шатеръ и предстали предъ лицо Дизавула. Палатка его была обита яркопестрыми коврами, а каганъ сидѣлъ на блиставшей золотомъ колесницѣ, которая служила ему трономъ. Совершивъ обычные поклоны и представивъ императорскіе дары, Земархъ отъ имени своего государя произнесъ высокопарное привѣтствіе, а также пожеланія постоянной побѣды надъ врагами и неизмѣнной дружбы между Римлянами и Турками. Дизавулъ отвѣчалъ

---

*) Другой византійскій писатель, Ѳеофилактъ Симоката, поясняетъ, что мѣсто это получило у туземцевъ такое названіе вслѣдствіе своего плодородія и обильныхъ пастбищъ, на которыхъ паслись многочисленныя стада и конскіе табуны. Этотъ Эктагъ, можетъ быть, есть та горная гряда, которая называется теперь Актау, въ бывшей сѣверной части Бухарскаго ханства, нынѣ въ русскихъ владѣніяхъ.

такими же пожеланіями всякаго благополучія для Римлянъ. Пословъ пригласили послѣ того къ ханскому пиршеству, за которымъ прошелъ весь остатокъ дня. Но ихъ угощали не виноградным виномъ, къ которому они привыкли, а какимъ-то особымъ варварскимъ напиткомъ, впрочемъ на вкусъ очень сладкимъ (медомъ?). На другой день угощеніе происходило въ иной ханской ставкѣ, которая также была изукрашена шелковыми тканями съ разными на нихъ изображеніями. По срединѣ разставлены были дорогіе сосуды, вазы и золотые кувшины съ напитками. Дизавулъ возсѣдалъ на золотомъ ложѣ. Слѣдующее угощеніе происходило опять въ иномъ шатрѣ, который былъ утвержденъ на деревянныхъ столбахъ, покрытыхъ золотыми листами, а золотое ложе кагана покоилось на четырехъ павлинахъ изъ того же металла. У входа стояли многія колесницы, наполненныя серебряною посудой и серебряными изваяніями животныхъ, которыя красотой и изяществомъ не уступали византійскимъ издѣліямъ этого рода, и которыя каганъ очень любилъ. Вся эта масса золотыхъ и серебряныхъ вещей свидѣтельствовала о промышленности и богатствѣ городовъ Средней Азіи, разграбленныхъ турецкими завоевателями, или присылавшихъ имъ большіе дары, чтобъ избавиться отъ ихъ грабежа.

Дизавулъ щедро одарилъ византійское посольство, а самого Земарха почтилъ молодою плѣнницей изъ племени Керхисъ (Киргизъ?). Отправляясь въ походъ противъ Персовъ, каганъ взялъ съ собою посла съ частью его свиты; эта часть состояла изъ 20 человѣкъ. Во время похода на встрѣчу Дизавулу прибыло персидское посольство. Когда оно вмѣстѣ съ римскимъ было приглашено къ столу кагана, то послу римскому воздавалось болѣе почестей, чѣмъ персидскому, и первый былъ посаженъ на болѣе почетное мѣсто. Во время пира зашла рѣчь о причинахъ ссоры Турокъ съ Персами. Дизавулъ возвысилъ голосъ и началъ осыпать упреками поведеніе Персовъ. Но и персидскій посолъ, забывъ соблюдаемый за столомъ обычай молчанія, началъ рѣзко возражать, чѣмъ привелъ кагана въ сильный гнѣвъ; впрочемъ онъ ограничился только бранью. Послѣ того персидское посольство было отослано назадъ, а каганъ продолжалъ свой походъ. Но Земарха онъ отпустилъ въ отечество и вмѣстѣ съ нимъ отправилъ въ Византію новое турецкое посольство, главою котораго назначенъ былъ нѣкто Тагма, имѣвшій санъ *тархана*, такъ какъ Маньякъ въ это время умеръ. По своей благосклонности къ умершему, каганъ назначилъ его сына, по имени также Мань-

яка, товарищемъ посла; молодой человѣкъ имѣлъ также достоинство тархана. Прямою цѣлью вторичнаго турецкаго посольства было упрочить союзъ съ Римлянами и побудить ихъ къ немедленной войнѣ противъ Персіи. Когда въ Туркестанѣ распространилось извѣстіе о новомъ посольствѣ въ Византію, то князь какого-то племени Холіатовъ (Хвалитовъ, Хвалисовъ?) просилъ у Дизавула позволенія отправить и съ своей стороны нѣсколько человѣкъ ради знакомства съ Римскимъ государствомъ; остальные начальники племенъ обратились съ тою же просьбою. Очевидно, на востокѣ въ то время еще сильно было обаяніе римскаго имени и греко-римской цивилизаціи. Дизавулъ далъ позволеніе одному только начальнику Холіатовъ. Въ городѣ этого племени Земархъ промедлилъ нѣсколько дней и послалъ отсюда впередъ себя гонца, чтобъ увѣдомить императора объ успѣхѣ своего посольства. Гонецъ взялъ съ собой, кромѣ собственныхъ людей, еще 12 Туровъ и поѣхалъ тою же дорогою, хотя пустынною и безводною, но болѣе короткою, то-есть, мимо южныхъ береговъ Каспійскаго моря. А самъ Земархъ, вѣроятно изъ опасенія попасть въ руки Персовъ, съ остальной свитой направился окольнымъ путемъ вокругъ сѣверной части того же моря.

Въ 12 дней, по песчанымъ, холмистымъ и мѣстами топкимъ краямъ, караванъ достигъ рѣки Гихъ (Аму или Сыръ-Дарья?); затѣмъ миновалъ рѣку Даихъ (Яикъ?), и по топкому Каспійскому прибрежью достигъ рѣки Аттила (Волга), откуда прибылъ въ степи Угуровъ. Князь этого племени, находившійся подъ рукою Дизавула, наполнилъ водою мѣхи путниковъ, такъ какъ имъ предстоялъ еще путь по тѣмъ безводнымъ степямъ, гдѣ въ наше время кочуютъ Ногайцы и Калмыки. Тотъ же угурскій князь предупредилъ Земарха, что гдѣ-то за рѣкой Кофенъ (Кубань?) въ лѣсистыхъ мѣстахъ скрывается 4.000 Персовъ, которые устроили засаду, чтобы захватить въ плѣнъ посольство. Вслѣдствіе того, когда Римляне приблизились къ болотамъ, съ которыми сливается рѣка Кофенъ, они остановились и выслали лазутчиковъ, чтобы провѣрить слухъ о персидской засадѣ. Лазутчики воротились и донесли, что никого не видали. Тѣмъ не менѣе посольство двинулось въ страну Аланъ съ большимъ опасеніемъ, потому что боялись племени Горомосховъ (иначе Мосховъ или Месхіевъ, гдѣ-то въ западной части Кавказа. См. Memor. Pop. IV).

Князь Аланъ, Сародій, принялъ благосклонно Земарха и его римскую свиту, но отказался допустить къ себѣ вооруженными

его турецкихъ спутниковъ. Три дня продолжались споры объ этомъ предметѣ при посредствѣ Земарха; наконецъ Турки уступили и явились къ князю безъ оружія. Сародій, также какъ и угурскій князь, увѣщевалъ Земарха не направлять пути черезъ страну Миндимьянъ, ибо Персы приготовили засаду около Сваніи, но лучше воротиться домой такъ называемымъ Даріевымъ путемъ (Δαρείνης ἀτραποῦ. Дарьялъ?) *). Земархъ послѣдовалъ совѣту Сародія. Чтобъ обмануть Персовъ, онъ отправилъ черезъ страну Миндимьянъ десять коней, нагруженныхъ пурпуровыми тканями, какъ-бы свой передовой отрядъ; а самъ пересѣкъ Кавказскій хребетъ и направился въ Апсилію, потомъ повернулъ къ устью Фазиса или Ріона, откуда моремъ поплылъ въ Трапезундъ, а изъ Трапезунда большою конною дорогой воротился въ Константинополь.

Описаніе Земархова путешествія къ турецкому кагану какъ нельзя болѣе походитъ на путешествія Европейцевъ въ прикаспійскія и среднеазіатскія степи къ позднѣйшимъ кочевымъ завоевателямъ, то-есть, къ Татарамъ. Особенно сходныя черты можно найдти у Плано Карпини. Турецкіе каганы съ окружающими ихъ обычаями и ихъ дворомъ являются прямыми предшественниками татарскихъ хановъ. То же поклоненіе огню и тѣ же обряды очищенія, исполняемые шаманами надъ чужеземцами, которые должны предстать предъ ханское лицо. Тѣ же шатры, наполненные огромною добычей и особенно награбленнымъ золотомъ; то же золотое ханское сѣдалище, и самое названіе резиденціи Золотою Горою напоминаетъ Золотую Орду. Тѣ же отношенія покоренныхъ народовъ и одноплеменныхъ хановъ къ главному или великому хану. Относительно турецкихъ завоеваній мы видимъ, что до конца 60-хъ годовъ VI столѣтія эти завоеванія распространились пока на страны Туркестана; а на западной сторонѣ Каспійскаго моря имъ повинуется какое то Угурское племя, обитавшее въ степяхъ Нижней Волги, и отчасти племена Хазарское и Аварское; другая часть послѣдняго удалилась на западъ. Но Алане и народы внутренняго Кавказа пока сохраняли свою независи-

---

*) Дѣйствительно, въ это время владѣнія Персовъ въ Закавказьѣ простирались почти на всю Лазику (Мингрелію) съ примыкающими къ ней съ сѣвера областями. По извѣстію Іоанна Епифанійскаго, Персы старались подкупить Аланъ, чтобы послѣдніе истребили оба посольства, и римское, и турецкое, но, очевидно, безъ успѣха. (См. въ той же книгѣ, гдѣ исторія Льва Діакона, стр. 168 рус. изд.).

мость. Вмѣстѣ съ тѣмъ еще не упоминается о покореніи Утургуровъ или азовско-черноморскихъ Болгаръ.

За этимъ первымъ греко-римскимъ посольствомъ къ Туркамъ послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ. Византійское правительство, очевидно дорожило своими новыми союзниками противъ могущественной монархіи персидскихъ Сассанидовъ. Наиболѣе замѣчательное послѣ Земарха посольство было предпринято Валентиномъ, спустя ровно десять лѣтъ. Описаніе его составлено тѣмъ же Менандромъ; уже самый фактъ описанія свидѣтельствуетъ, что это посольство было болѣе торжественное, чѣмъ другія предшествовавшія ему, и вообще имѣло болѣе значенія. Офиціальною задачей его было возвѣстить турецкому кагану о восшествіи на престолъ императора Тиверія, Юстинова преемника, и подтвердить союзъ, заключенный съ Дизавуломъ противъ Персовъ. Кромѣ того, изъ хода событій выясняется, что Византія чувствовала теперь особую потребность дружескихъ отношеній съ Турками, ибо завоеванія ихъ все болѣе и болѣе расширялись на западъ отъ Каспійскаго моря, такъ что грозили захватить и самыя греческія владѣнія въ Тавридѣ и на берегахъ Боспора Киммерійскаго.

Въ число своихъ спутниковъ Валентинъ выбралъ и 106 Турокъ. Надобно замѣтить, что въ Константинополѣ тогда проживало ихъ довольно большое количество; они прибыли сюда въ разное время, по разнымъ порученіямъ, и преимущественно въ свитѣ возвращавшихся греческихъ пословъ, то-есть, Земарха, потомъ Ананкаста, Евтихія, Геродіана, Павла Киликійца и того же Валентина, который въ 579 году ѣхалъ посломъ уже во второй разъ. Валентинъ, бывшій однимъ изъ приближенныхъ императора Тиверія, сѣлъ съ своимъ посольствомъ въ Константинополѣ на скороходныя „олькады“ (olcades, ладьи?), и вдоль азіатскаго берега направился къ Синопу; а отсюда повернулъ на сѣверъ къ Херсонесу, и такимъ образомъ, пересѣкъ Черное море въ самомъ узкомъ его мѣстѣ. Изъ Херсонеса онъ, вдоль юговосточныхъ береговъ Тавриды, достигъ страны Апатуровъ и другихъ племенъ, жившихъ на песчаныхъ берегахъ Киммерійскаго Боспора и Тамани *). Здѣсь

*) На Таманскомъ полуостровѣ въ древности упоминаются городъ Апатуросъ и храмъ Венеры Апатурійской. Въ данную эпоху на этомъ полуостровѣ жили уже другіе народы, и главнымъ образомъ, какъ мы видѣли, Болгаре-Утургуры; но византійскіе писатели, имѣвшіе притязаніе на ученость, любили иногда употреблять географическія названія изъ временъ Птоломея и Страбона. Такіе народы, какъ Апатуры, Аспурги, Синды, Цихи и другіе, обитавшіе на Тамани

посольство съ судовъ пересѣло на коней и продолжало свой путь посреди болотистыхъ низменностей рѣки Кубани, поросшихъ камышемъ и отчасти лѣсомъ. Тутъ оно миновало страну Анкагасъ, названную по имени своей царицы, которая управляла туземными Скиѳами подъ рукой Анагая, начальника племени Утургуровъ. Послѣ долгаго и труднаго пути, посолъ прибылъ наконецъ въ тѣ мѣста, гдѣ непосредственно властвовалъ Турксантъ; такъ именовался каганъ одной турецкой орды, и именно той самой, которая расположилась въ степяхъ между Волгой и Кавказомъ.

Представъ предъ лицо Турксанта, Валентинъ съ обычнымъ византійскимъ витійствомъ привѣтствовалъ кагана и изложилъ цѣль своего посольства. Но пріемъ, ему оказанный, совсѣмъ не походилъ на тотъ, съ которымъ былъ встрѣченъ Земархъ. Обстоятельства уже нѣсколько измѣнились. Посольство имѣло въ виду все того же Дизавула; но послѣдній только что умеръ передъ прибытіемъ пословъ, а сынъ его Турксантъ нравомъ своимъ не походилъ на отца. По всѣмъ признакамъ это былъ жестокій, высокомѣрный деспотъ. Притомъ Турки, повидимому, уже нѣсколько разочаровались въ дружбѣ Византійцевъ, имѣя случаи ознакомиться съ ихъ льстивою дипломатіей и съ ихъ коварною, по отношенію къ другимъ народамъ, политикой. Очевидно, въ борьбѣ съ Персіей Византійцы старались загребать жаръ преимущественно руками Турокъ; кромѣ того, поводъ къ неудовольствіямъ подавали двусмысленныя отношенія Византіи къ Аварамъ, которыхъ Турки продолжали считать своими бѣглыми рабами.

На рѣчь Валентина Турксантъ отвѣчалъ упреками и угрозами. Онъ показалъ ему свои десять пальцевъ, и сказалъ: „Вы, Римляне, съ разными народами употребляете десять разныхъ языковъ; но всѣ они суть одна и та же ложь“. Въ язвительныхъ выраженіяхъ онъ распространился о томъ, какъ Римляне, обольстивъ какой-нибудь народъ сладкими рѣчами и заставивъ его очертя голову броситься въ опасности, потомъ пренебрегаютъ имъ и стараются только воспользоваться плодами его трудовъ. „И государь вашъ—прибавилъ онъ—заплатитъ мнѣ за то, что, ведя со мною дружескіе переговоры, онъ въ то же время принялъ въ свой союзъ нашихъ рабовъ Вархонитовъ (Аваръ). А вы, Римляне, зачѣмъ

и ближнемъ Кавказскомъ берегу, принадлежали вѣроятно, къ сармато-черкесскимъ племенамъ, а можетъ быть, нѣкоторые изъ нихъ были родственны сармато-славянскому племени Утургуровъ.

пословъ своихъ отправляете ко мнѣ чрезъ Кавказъ и говорите, что нѣтъ другой дороги? Вы дѣлаете это для того, чтобы трудностью пути отвратить меня отъ нападенія на васъ самихъ. Но я очень хорошо знаю, гдѣ текутъ Днѣпръ, Истръ и Гебръ, черезъ которые перешли наши рабы Вархониты, чтобы вступить въ вашу сторону. Я знаю также и ваши силы. Мнѣ же повинуется вся земля, которая начинается отъ первыхъ солнечныхъ лучей и кончается съ послѣдними (т. е. отъ востока до запада). Посмотрите, несчастные, на Аланскій народъ и даже на самыя племена Утригуровъ. Одаренные крѣпостью тѣла и дерзостью духа, гордые своими многочисленными дружинами, они вступили въ борьбу съ непобѣдимымъ Турецкимъ народомъ, однако обманулись въ своихъ надеждахъ и теперь находятся въ числѣ нашихъ рабовъ".

На эти грозныя слова Валентинъ отвѣчалъ смиренною рѣчью. Онъ указалъ на обычаи всѣхъ народовъ, охраняющіе особу пословъ; просилъ кагана смягчить свой гнѣвъ, не упрекать во лжи императора и напоминалъ о дружбѣ Римлянъ съ его отцомъ Дизавуломъ, который первый, по собственному желанію, отправилъ къ нимъ посольство, предпочитая римскій союзъ персидскому. Въ заключеніе аудіенціи Турксантъ замѣтилъ посламъ, что такъ какъ они прибыли въ печальное время, то-есть, вслѣдъ за смертью его отца, то и имъ надлежитъ почтить память умершаго по обычаю турецкому, то-есть, изрѣзать себѣ лица. Валентинъ поспѣшилъ исполнить желаніе варвара: онъ и его свита исцарапали свои физіономіи остріями мечей. Въ одинъ изъ этихъ дней печали Турксантъ, между прочимъ, принесъ въ жертву покойному отцу четырехъ плѣнныхъ Гунновъ. Онъ велѣлъ умертвить ихъ вмѣстѣ съ отцовскими конями, при чемъ громкимъ голосомъ поручилъ имъ отправиться къ отцу вѣстниками отъ его народа. Когда всѣ погребальные обряды были исполнены, Турксантъ допустилъ пословъ къ себѣ для переговоровъ и затѣмъ отправилъ ихъ во внутреннія турецкія владѣнія къ своему родственнику Тарду. Послѣдній имѣлъ пребываніе на Золотой Горѣ, слѣдовательно, послѣ Дизавула остался старшимъ въ княжескомъ родѣ, то-есть, верховнымъ каганомъ.

Между тѣмъ какъ римское посольство пребывало у Турокъ, Турксантъ находился въ открытой войнѣ съ Римлянами. Войска его предприняли завоеваніе греческихъ городовъ на Киммерійскомъ Боспорѣ. На берегахъ пролива уже стоялъ лагеремъ подручный Туркамъ князь утургурскій, Анагай, съ войскомъ соб-

ственнымъ и турецкимъ; кромѣ того, Турксантъ въ бытность у него Валентина послалъ съ новыми силами своего военачальника, Бохана, для скорѣйшаго завоеванія города Боспора или Пантикапеи. Римское посольство, послѣ многихъ скитаній и униженій, наконецъ было отпущено Турксантомъ въ отечество.

Описаніе Валентинова посольства замѣчательно для насъ въ слѣдующихъ отношеніяхъ. Вопервыхъ, самое направленіе его пути къ Боспору Киммерійскому показываетъ, что морское плаваніе между Константинополемъ и сѣвернымъ прибрежьемъ Чернаго моря совершалось не исключительно вдоль береговъ, какъ мы привыкли думать на основаніи извѣстнаго описанія судовыхъ русскихъ каравановъ у Константина Багрянороднаго. Очевидно для сообщенія съ Тавридой Греки пользовались самымъ узкимъ мѣстомъ Чернаго моря и переплывали его именно между Синопомъ и Корсунемъ. Это указаніе объясняетъ намъ извѣстіе Льва Діакона о томъ, что Игорь, послѣ своего пораженія у береговъ Анатоліи, отплылъ не къ устью Днѣпра, а именно въ Боспоръ Киммерійскій, то-есть, къ восточнымъ берегамъ Тавриды. Далѣе, часть турецкихъ ордъ, какъ видно, ужь основалась на западной сторонѣ Каспійскаго моря. Менандръ не говоритъ, гдѣ именно находилось мѣстопребываніе Турксанта, но по всей вѣроятности, рѣчь идетъ о степяхъ собственно Астраханскихъ или нижней Волги. Въ этомъ отношеніи орда Турксанта является прямою предшественницей орды Батыевой. Какъ потомъ Батый, Турксантъ отправляетъ европейскихъ пословъ (а также, вѣроятно, и подчиненныхъ князей) въ Среднюю Азію на поклонъ верховному хану. Какъ волжскіе Татары отдѣлились и составили особое ханство, такъ и волжскіе Турки составили вскорѣ особое, самостоятельное государство подъ именемъ Хазарскаго, средоточіемъ котораго сдѣлался впослѣдствіи городъ Итиль, предшественникъ Сарая. Турецкія завоеванія VI вѣка впрочемъ не имѣли, по видимому, такого опустошительнаго характера, какъ монголо-татарскія XII и XIII столѣтій; слѣдовательно, при всей своей свирѣпости, Турки не были такими безпощадными дикарями какъ Монголы. Да и вся исторія показываетъ, что при столкновеніи съ образованными странами первые обнаружили болѣе воспріимчивости къ началамъ гражданственности, нежели вторые.

Затѣмъ, для насъ очень важны въ рѣчи Турксанта нѣсколько словъ, относящихся къ Аланамъ и Утургурамъ или азовскимъ Болгарамъ. Во время Земархова посольства, о зависимости этихъ

народовъ отъ Турокъ еще не было и рѣчи. Напротивъ, мы видѣли, что Аланскій князь допустилъ къ себѣ турецкихъ пословъ не иначе какъ безъ оружія. Но въ слѣдующій затѣмъ десятилѣтній періодъ турецкія завоеванія распространились до сѣверо-восточныхъ береговъ Чернаго моря. Алане и Утургуры были приведены въ зависимость, не смотря на ихъ храбрую оборону, на что прямо указываютъ слова Турксанта. Онъ называетъ ихъ своими рабами; но разумѣется, подчиненіе ихъ выражалось по обычаямъ того времени данью и обязанностію выставлять вспомогательныя дружины. И дѣйствительно, мы видимъ, что князь утургурскій Анагай вмѣстѣ съ Турками покоряетъ тѣ боспорскіе города, которые принадлежали Византійской имперіи. Но этотъ князь на столько еще силенъ, что въ свою очередь имѣетъ и своихъ вассальныхъ или подручныхъ владѣтелей; напримѣръ, подъ его рукою находится княгиня племени Анкагасъ.

Итакъ, покоривъ Гунновъ-Утургуровъ, Турки приступили къ завоеванію боспорскихъ городовъ; но тутъ рѣчь идетъ конечно о Пантикапеѣ и другихъ греческихъ колоніяхъ на западномъ берегу Боспорскаго пролива; ибо восточный берегъ, то есть, Тамань, былъ уже во власти Болгаръ Утургуровъ, и слѣдовательно вмѣстѣ съ ихъ покореніемъ перешелъ подъ турецкое владычество. Изъ описанія посольства видно, что наиболѣе упорною защитой отличался городъ Боспоръ или Пантикапея, благодаря конечно своимъ крѣпкимъ стѣнамъ, построеннымъ при Юстиніанѣ I. Объ окончаніи осады Менандръ не упоминаетъ; но несомнѣнно, что Турки и Болгаре овладѣли этимъ все еще значительнымъ торговымъ городомъ. По всѣмъ признакамъ, они нанесли ему окончательное разореніе, и Боспоръ послѣ того уже не поднимался до степени важнаго и богатаго города. О его древнемъ величіи и богатствѣ доселѣ свидѣтельствуетъ множество драгоцѣнныхъ предметовъ, находимыхъ въ безчисленныхъ Керченскихъ курганахъ, а также въ развалинахъ его акрополя на такъ-называемой Митридатовой горѣ. За берегами Боспора послѣдовало покореніе всей сѣверной и восточной части Таврическаго полуострова; вмѣстѣ съ тѣмъ подчинились Туркамъ и обитавшія здѣсь племена тѣхъ же Гунновъ-Утургуровъ, то есть, Болгаръ. Но всей Тавриды имъ не удалось завоевать. Спустя года полтора или два, именно подъ 582 годомъ, Менандръ сообщаетъ извѣстіе объ осадѣ города Херсонеса; онъ опять не говоритъ объ исходѣ осады; очевидно, однако, что она кончилась неудачно. Херсонесъ и его окрестная

область, укрѣпленная многими за̀мками и длинными валами, отстояли себя отъ ига варваровъ. Не покоренною осталась пока и Готія или южное горное прибрежье Тавриды, можетъ быть, до Сугдеи (Судака) включительно.

IV.

Древняя Болгарія и Турко-Хазарское государство.—Второй христіанскій князь у Болгаръ. — Корсунцы и Юстиніанъ Ринотметъ.—Іудейство въ Хазаріи.

Послѣ извѣстія Менандра о подчиненіи Гунновъ Утургуровъ Туркамъ, византійскіе историки уже не упоминаютъ объ Утургурахъ. Но это молчаніе нисколько не означаетъ, чтобы послѣдніе исчезли изъ исторіи. У болѣе позднихъ историковъ они являются подъ другимъ племеннымъ названіемъ, но совершенно на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ ихъ оставилъ Менандръ. А именно, Ѳеофанъ и Никифоръ, писавшіе два вѣка спустя послѣ Агаѳія и Менандра и около двухъ съ половиною вѣковъ послѣ Прокопія, уже не знаютъ Гунновъ Утургуровъ, а вмѣсто нихъ говорятъ о Гуннахъ Болгарахъ и Котрагахъ, которыхъ родина, *Древняя* или *Великая Болгарія*, по ихъ словамъ, лежала между Меотійскимъ озеромъ и Кавказомъ, то есть, тамъ же, откуда Прокопій выводитъ своихъ Кутургуровъ и Утургуровъ. Въ извѣстной легендѣ о раздѣленіи Болгаръ по смерти Куврата, Ѳеофанъ и Никифоръ говорятъ, что часть старшаго Кувратова сына Батбая осталась на родинѣ, гдѣ и была вскорѣ покорена Хазарами, которымъ платитъ дань „до сего дня“ (то есть до времени Ѳеофана и Никифора, писавшихъ въ первой четверти IX вѣка). Несостоятельность этой легенды очевидна: таврическіе и кубанскіе Болгаре подпали игу восточныхъ завоевателей не послѣ смерти Куврата, то есть не во второй половинѣ VII вѣка, а гораздо ранѣе, во второй половинѣ VI вѣка, какъ это мы сейчасъ видѣли изъ расказовъ Менандра, писавшаго о событіяхъ ему современныхъ; только Менандръ называетъ этихъ завоевателей Турками и не употребляетъ имени Хазаръ; точно также не употребляетъ онъ имени Болгаръ, а называетъ ихъ Утургурами.

Названіе *Хазары* впервые является у Ѳеофана подъ 626 годомъ по поводу союза ихъ съ императоромъ Иракліемъ и дружескаго свиданія его съ ихъ предводителемъ подъ стѣнами Тифлиса. От-

сюда заключали обыкновенно, что Хазары только въ это время явились въ странахъ прикавказскихъ, и совершенно упускали изъ виду то, что повѣствуетъ Менандръ о турецкихъ завоеваніяхъ въ VI вѣкѣ; хотя Ѳеофанъ, употребляя впервые имя Хазаръ, поясняетъ, что такъ назывались „восточные Турки"; а его современникъ Никифоръ, разсказывая объ упомянутомъ свиданіи Ираклія, союзниковъ его именуетъ просто Турками, и потомъ оба они, Ѳеофанъ и Никифоръ, не разъ еще называютъ ихъ Турками. Никифоръ впервые приводитъ имя Хазаръ въ упомянутой легендѣ о Куврате и Батбаѣ. По этому поводу оба писателя замѣчаютъ, что Хазары пришли изъ внутренней Верзеліи (Ѳеофанъ) или Вериліи (Никифоръ), страны сосѣдней съ Сарматами, и покорили всѣ народы до Понта. На основаніи этихъ-то неточныхъ указаній, исторіографія выводила заключеніе о пришествіи въ прикавказскія страны какого-то новаго народа Хазаръ въ VII вѣкѣ; тогда какъ здѣсь надобно разумѣть все тѣхъ же Турокъ, на которыхъ перешло туземное названіе древнихъ Казировъ или Акацировъ. Вообще въ средневѣковой исторіи народовъ мы видимъ постоянную смѣну именъ и довольно сбивчивое ихъ употребленіе въ источникахъ; это явленіе сильно отразилось также въ исторіи Руссовъ, Болгаръ и Хазаръ; но исторіографія по большей части упускала его изъ виду, и встрѣчая новыя народныя имена, обыкновенно разумѣла подъ ними и новые народы *).

*) Не могу при этомъ не замѣтить, какъ филологія, ложно примѣняемая, поддерживаетъ эту сбивчивость. Напримѣръ, мы знаемъ филологовъ, пользующихся извѣстностью, которые продолжаютъ разсуждать о финскомъ происхожденіи Хазаръ на основаніи одного только названія ихъ города „Саркелъ", толкуя его корни изъ финскихъ нарѣчій и преимущественно изъ Вогульскаго. Но во-первыхъ, эти филологи не подозрѣваютъ того, что въ данномъ случаѣ названіе прикавказскаго народа Казировъ перешло на пришлыхъ изъ-за Каспійскаго моря Турокъ (впрочемъ вина такого недоразумѣнія падаетъ на недостатокъ собственно исторической критики источниковъ); а во-вторыхъ, отъ Казаръ, кромѣ Саркела, осталось еще нѣсколько названій географическихъ и личныхъ. Наконецъ, и самое слово Саркелъ можно еще съ большимъ успѣхомъ толковать изъ языковъ турецко-татарскихъ (къ чему склоняется и Лербергъ въ своемъ изслѣдованіи о Саркелѣ); напомнимъ только объ участіи татарскаго слова кала, означающаго крѣпость, въ названіи нѣкоторыхъ черноморскихъ городовъ позднѣйшаго турецко-татарскаго періода (Чуфутъ-кале, Ени-кале, Сухумъ-кале и пр.). При рѣшеніи подобныхъ вопросовъ не надобно упускать изъ виду и родство многихъ корней въ нарѣчіяхъ финскаго и тюркскаго семейства, а также переходъ названій, особенно географическихъ, отъ одного народа къ другому; Хазары же являются именно смѣсью пришлыхъ Турокъ съ разными туземными элементами, каковы угорскій, славянскій и особенно черкесскій.

Уже въ концѣ VI вѣка мы находимъ у Турокъ междоусобную войну изъ-за каганскаго престола. На этотъ разъ верховному кагану съ помощью трехъ остальныхъ удалось подавить мятежъ (См. у Ѳеофилакта Симокаты подъ 597 г.). Но междоусобія, конечно, потомъ возобновились, и Волжско-каспійская орда Турокъ (какъ впослѣдствіи орда Батыева или Золотая), по всѣмъ признакамъ, отдѣлилась отъ своихъ туркестанскихъ родичей, и въ VII вѣкѣ составила особое государство, сдѣлавшееся извѣстнымъ преимущественно подъ именемъ Хазарскаго. Здѣсь господствующее турецкое племя подчинилось вліянію покоренныхъ народовъ, отчасти смѣшалось съ ними и мало по малу утратило свою первоначальную дикость и свирѣпость.

Послѣ того какъ азовско-черноморскіе Болгаре вошли въ составъ Хазарскаго государства, исторія ихъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій скрывается иногда подъ именами Хазаръ и Хазаріи, а отчасти подъ прежнимъ именемъ Гунновъ. Но все-таки есть возможность слѣдить за нею и въ этотъ періодъ. Такъ во время знаменитой борьбы императора Ираклія съ Персами, союзниками Хозроя противъ Византіи, какъ извѣстно, были Авары. Въ 626 г. они подступили къ Константинополю съ европейской стороны, а на азіатскомъ берегу Ѳракійскаго Воспора расположилось персидское войско. Въ числѣ вспомогательныхъ дружинъ Аварскаго кагана находились и подчиненные ему дунайскіе Болгаре (въ хроникѣ Манассіи названные Тавроскиѳами). Между тѣмъ союзниками Ираклія противъ Хозроя были Турко-Хазары, а вмѣстѣ съ ними, конечно, и тѣ племена, которыя состояли съ нимъ въ вассальныхъ отношеніяхъ; слѣдовательно, въ числѣ хазарскихъ войскъ находились и азовско-черноморскіе Болгаре. Здѣсь мы видимъ нѣкоторое продолженіе тѣхъ же отношеній, какъ и въ VI вѣкѣ при Юстиніанѣ I, когда Болгаре Кутургуры были врагами имперіи, а Болгаре Утургуры явились ея союзниками и даже сражались за нее противъ своихъ родичей. Это соображеніе подтверждается и слѣдующимъ извѣстіемъ, которое свидѣтельствуетъ о союзныхъ отношеніяхъ азовскихъ Болгаръ къ Ираклію. По словамъ патріарха Никифора, въ 618 году какой-то гуннскій князь, въ сопровожденіи своихъ родственниковъ, приближенныхъ и даже ихъ женъ, отправился въ Константинополь и просилъ о дарованіи ему святаго крещенія. Желаніе его было охотно исполнено; его воспринималъ самъ императоръ, а воспреемниками знатныхъ Гунновъ и ихъ женъ были римскіе вельможи съ своими женами. Новокрещен-

нымъ сдѣлали приличныя наставленія, чтобъ укрѣпить ихъ въ новой вѣрѣ; одѣлили богатыми царскими подарками и римскими титулами; при чемъ самому князю дали титулъ патриція; затѣмъ ихъ отпустили на родину. Это извѣстіе для насъ очень драгоцѣнно. Рѣчь идетъ, конечно, о томъ же Гуннскомъ племени, къ которому принадлежалъ князь Гордасъ; а послѣдній, какъ мы узнаемъ изъ Θеофана, 90 лѣтъ назадъ ѣздилъ въ Константинополь принять крещеніе изъ рукъ Юстиніана I. (Θеофанъ и Никифоръ, какъ извѣстно, Болгаръ называли и Гуннами). Гордасъ погибъ жертвою своей ревности къ вѣрѣ, и послѣ того распространеніе христіанства между таврическими Болгарами, конечно, замедлилось на нѣкоторое время. Но потомъ оно дѣлаетъ успѣхи: мы видимъ, что другой князь принимаетъ крещеніе съ своими боярами и даже съ ихъ женами; при чемъ источникъ не говоритъ, чтобы судьба его была похожа на судьбу Гордаса. Слѣдовательно, христіанство съ этого времени болѣе прочно утвердилось между азовско-черноморскими Болгарами; хотя большая ихъ часть оставалась въ язычествѣ; чему способствовало и ихъ раздробленіе на разныя племена, подчиненныя различнымъ князьямъ.

Для исторіи этихъ Болгаръ важны также нѣсколько дальнѣйшихъ извѣстій о Херсонѣ, Боспорѣ и Фанагоріи, сообщаемыхъ по поводу Юстиніана Ринотмета или Безносаго. Это былъ послѣдній императоръ изъ династіи Ираклія, отличившійся чрезвычайною жестокостію. Однимъ изъ тѣхъ переворотовъ, которые такъ обычны въ Византійской исторіи, Юстиніанъ былъ сверженъ съ престола и съ обрѣзаннымъ носомъ сосланъ въ заточеніе въ Херсонесъ Таврическій, въ 702 году. Въ ссылкѣ онъ, повидимому, пользовался нѣкоторою свободою, при чемъ не скрывалъ своей надежды снова овладѣть престоломъ. Херсониты не только не показывали охоты помочь ему, но, опасаясь преслѣдованія со стороны новаго императора Тиверія Апсимара, хотѣли или убить изгнанника, или схватить его и отослать къ Тиверію. Провѣдавъ о томъ, Юстиніанъ бѣжалъ сначала въ городъ Доросъ, то-есть, въ сосѣднюю Готію, а отсюда къ Хазарскому кагану. Послѣдній принялъ его съ честію и выдалъ за него свою сестру. Послѣ того Юстиніанъ съ молодою супругою, названною въ крещеніи Θеодорою, поселился въ Θанагоріи и здѣсь питалъ планы о возвращеніи престола съ помощью своего новаго родственника, то-есть, Хазарскаго кагана. Тогда Апсимаръ отправилъ посольство, которое обѣщаніемъ великихъ даровъ склоняло кагана или выдать Юсти-

ніана живымъ, или прислать его голову въ Константинополь. Каганъ не устоялъ противъ золота и поручилъ своимъ намѣстникамъ Папацу Ѳанагорійскому и Бальгицу Воспорскому убить его зятя, когда поданъ будетъ къ тому знакъ. Объ этомъ провѣдала Ѳеодора и сообщила своему мужу. Юстиніанъ поступилъ съ обычною ему рѣшительностію и свирѣпостью: онъ пригласилъ намѣстниковъ къ себѣ на свиданіе по одиночкѣ и обоихъ задушилъ веревкою; затѣмъ, отославъ жену къ кагану, самъ сѣлъ на корабль и бѣжалъ къ Тервелю, царю дунайскихъ Болгаръ. Съ помощью послѣдняго ему удалось дѣйствительно воротить престолъ, послѣ чего онъ призвалъ къ себѣ и свою хазарскую супругу.

Злопамятный Ринотметъ не могъ простить Херсонитамъ ихъ непріязни къ нему во время ссылки и готовилъ имъ жестокое мщеніе. Въ 708 году онъ снарядилъ флотъ и войско и послалъ ихъ въ Тавриду, съ тѣмъ чтобъ опустошить Херсонскую область мечемъ и огнемъ; а правителемъ Херсона назначилъ спаѳарія Илью. Отправленное войско исполнило свое порученіе и побило многихъ жителей Херсонской области. Между прочимъ оно схватило здѣсь хазарскаго намѣстника или тудуна и знатнѣйшаго изъ гражданъ Зоила съ сорока патриціями города и подвергло ихъ пыткѣ, а двадцать другихъ патриціевъ потопило въ лодкѣ, наполненной камнями. Молодымъ людямъ была оставлена жизнь съ тѣмъ, чтобы обратить ихъ въ рабство. Юстиніанъ велѣлъ привести ихъ въ Константинополь; но дорогою буря потопила корабли, при чемъ погибло нѣсколько тысячъ Корсунской молодежи. Но месть Юстиніана все еще не насытилась. Онъ снарядилъ новый флотъ, и отправилъ его съ приказаніемъ произвести въ Корсунской области всеобщее безпощадное избіеніе. Извѣстіе о томъ привело Херсонитовъ въ отчаяніе; они единодушно возстали и отправили къ кагану просьбу прислать имъ хазарскій гарнизонъ. Къ этому возстанію присоединились и сами предводители императорскаго войска, именно спаѳарій Илья и начальникъ флота Варданъ. Тогда Юстиніанъ назначилъ въ Херсонъ новыхъ начальниковъ и послалъ ихъ съ дружиною въ 300 человѣкъ. Онъ приказалъ отослать къ кагану тудуна и Зоила съ извиненіями. Корсунцы схватили новыхъ начальниковъ и умертвили, а ихъ трехсотенную дружину вмѣстѣ съ тудуномъ и Зоиломъ выдали Хазарамъ. Дорогою къ кагану тудунъ умеръ; сопровождавшіе его Хазары (Турки) при его погребеніи принесли въ жертву своимъ богамъ всѣхъ триста Византійцевъ. Между

тѣмъ Херсониты отложились отъ Юстиніана и провозгласили императоромъ помянутаго Вардана, давъ ему прозваніе Филиппика. Юстиніанъ опять вооружилъ новый флотъ и снабдилъ его осадными машинами для совершеннаго разрушенія херсонскихъ стѣнъ и башенъ. Машины эти начали дѣйствовать успѣшно и уже разрушили двѣ башни (по имени Кентенарезій и Синагръ), когда прибытіе хазарскаго войска остановило ихъ дальнѣйшіе успѣхи. Варданъ убѣжалъ къ Хазарскому кагану. Флотъ и войско, потерпѣвъ неудачу и опасаясь мстительнаго императора, предпочли пристать къ мятежникамъ, признали государемъ Вардана Филиппика и послали за нимъ къ кагану. Послѣдній взялъ съ мятежниковъ большой окупъ, и кромѣ того, клятву, что они не измѣнятъ новому императору, и прислалъ имъ Филиппика. Этому претенденту вскорѣ удалось дѣйствительно свергнуть, убить Юстиніана и занять его мѣсто.

Такъ повѣствуютъ Ѳеофанъ, Анастасій, Никифоръ и другіе болѣе поздніе компиляторы. Для насъ въ этихъ событіяхъ важны, между прочимъ, отношенія къ Хазарамъ. Откуда явился въ Херсонѣ хазарскій тудунъ, у Никифора названный *архонтомъ*, то-есть, намѣстникомъ Херсона? Поведеніе Херсонитовъ относительно Юстиніана во время ссылки не вполнѣ объясняетъ намъ его ненасытное мщеніе. Притомъ онъ начинаетъ эту месть только пять лѣтъ спустя послѣ возвращенія себѣ престола. Очевидно, источники передаютъ намъ событія не полно и не точно. Соображая всѣ обстоятельства, позволяемъ себѣ предположить слѣдующее. Херсонская область была собственно вассальнымъ владѣніемъ Византійской имперіи; она все еще сохраняла свою автономію, а также свои торговыя привиллегіи, которыми конечно дорожила. Мстительный, деспотичный Юстиніанъ вѣроятно началъ стѣснять эту автономію. Тогда Корсунцы воспользовались сосѣдствомъ Хазарскаго государства, можетъ быть, задумали отдаться подъ покровительство кагана и приняли къ себѣ хазарскаго сановника съ его свитою. Отсюда-то, вѣроятно, и возникла такая ожесточенная война со стороны Юстиніана. Странно однако, что Хазары, въ концѣ VI вѣка тщетно осаждавшіе Херсонъ, не воспользовались обстоятельствами, чтобы завладѣть имъ во время этой войны. Но Корсунцы, вѣроятно, совсѣмъ и не желали наложить на себя хазарское иго и не пускали въ свой городъ сильнаго хазарскаго гарнизона; они хотѣли только воспользоваться помощью кагана для спасенія своей ав-

тономіи и для сверженія Юстиніана, что̀ имъ и удалось. За хазарскую помощь они заплатили деньгами и остались въ соединеніи съ Византійскою имперіей. Свою автономію и своихъ выборныхъ правителей Корсунцы сохраняли до временъ императора Θеофила, то-есть, еще болѣе столѣтія.

По отношенію къ таврическимъ и таманскимъ Болгарамъ приведенныя событія подтверждаютъ только ихъ полную зависимость въ то время отъ Хазаръ. Мы находимъ хазарскихъ намѣстниковъ на обѣихъ сторонахъ пролива, то-есть, и въ Боспорѣ, и въ Фанагоріи. Въ теченіе VIII вѣка уже весь почти Таврическій полуостровъ подпалъ власти Хазаръ, за исключеніемъ Корсунской области; между прочимъ около этого времени они завоевали и сосѣднюю съ Корсунью область Готію.

Во второй половинѣ VII вѣка Персидское государство, какъ извѣстно, смѣнилось Арабскимъ халифатомъ. Новые завоеватели вошли въ столкновеніе съ Хазарами въ странахъ закавказскихъ, которыя всегда служили спорными владѣніями для сильныхъ сосѣднихъ государствъ. Отношенія Хазаръ къ Византіи почти не измѣнились съ появленіемъ мусульманскаго халифата. Пунктами столкновенія съ византійскимъ правительствомъ по прежнему оставались владѣнія въ Тавридѣ и отчасти на восточномъ Черноморскомъ берегу; но столкновенія эти, какъ и прежде, уступали мѣсто общимъ интересамъ по отношенію къ сильному азіатскому сосѣду. Союзы противъ Арабовъ сдѣлались продолженіемъ прежнихъ союзовъ противъ Персіи. Византійскіе императоры иногда вступали даже въ родственныя связи съ хазарскими каганами. Такъ, послѣ Юстиніана Ринотмета императоръ Левъ Исавріанинъ женилъ своего сына (Константина Копронима) на дочери кагана. Эта хазарская принцесса, нареченная въ крещеніи Ириной, впослѣдствіи прославилась во время иконоборства: она была почитательницею иконъ, между тѣмъ какъ ея мужъ Константинъ и сынъ Левъ, прозванный по матери Хазаромъ, были извѣстные гонители иконъ.

Около этого времени Хазарія сдѣлалась поприщемъ борьбы между разными религіями, изъ которыхъ ни одна не получила окончательнаго преобладанія; что̀ имѣло важное вліяніе на судьбу Хазарскаго государства.

Мы видѣли, что Турки, въ VI вѣкѣ пришедшіе изъ за Каспійскаго моря, были дикіе огнепоклонники. Кромѣ поклоненія огню, они, по свидѣтельству Θеофилакта, поклонялись вѣтрамъ и

водѣ и слагали молитвы землѣ; однако чтили и верховное божество, творца вселенной, которому приносили въ жертву коней, быковъ и овецъ. Они имѣли родъ жрецовъ-шамановъ, которымъ приписывали даръ прорицанія. Христіанская проповѣдь рано проникла въ страну Турокъ, но по видимому падала на безплодную почву. Тотъ же Ѳеофилактъ расказываетъ, что къ императору Маврикію (въ концѣ VI вѣка) разъ привели плѣнныхъ Турокъ. На лбу у нихъ оказалось изображеніе креста, отмѣченное черными точками. На вопросъ, что это значитъ, Турки расказали слѣдующее. Однажды въ ихъ странѣ свирѣпствовала моровая язва; нѣкоторые жившіе между ними христіане убѣдили ихъ матерей отмѣтить на лбу мальчиковъ крестное знаменіе, обѣщая имъ спасеніе отъ смерти. Эти спасенные однако остались такими же язычниками, какими были ихъ отцы.—Мы говорили, что Турки, поселившіеся на западной сторонѣ Каспійскаго моря, подверглись вліянію покоренныхъ ими народовъ. Вліяніе это отразилось конечно и на религіи. Въ концѣ VII вѣка появился между ними исламъ, внесенный силою меча. По извѣстію Эльмакина, во время халифа Абдул-мелека сынъ его Мослимъ послѣ одного сильнаго пораженія, нанесеннаго Хазарамъ, многія ихъ тысячи принудилъ принять магометанскую вѣру. Эта фанатическая религія конечно болѣе подходила къ дикому турецкому племени, нежели христіанство, и дѣйствительно потомъ распространилась между ними, однако не получила преобладанія. Она встрѣтила здѣсь счастливаго соперника въ лицѣ іудейства.

Евреи распространились на Кавказѣ и въ Крыму изъ Палестины, Вавилоніи и другихъ мѣстъ Передней Азіи еще до Р. Хр. Какъ народъ промышленный, они рано встрѣчаются въ торговыхъ греческихъ колоніяхъ, и между прочимъ, на Боспорѣ Киммерійскомъ. Одна пантикапейская надпись, принадлежащая 81 году по Р. Х., говоритъ объ отпущеніи еврейскаго раба съ согласія синагоги (*Boeck* Corp. Inscript. № 214), а синагога предполагаетъ уже цѣлую общину. Давнее пребываніе Евреевъ въ Крыму подтверждается также замѣтками на старыхъ свиткахъ Пятикнижія и надгробными надписями, особенно такъ называемой Іосафатовой долины въ Чуфутъ-Кале *). Эти памятники заклю-

*) Большое количество подобныхъ свитковъ и надписей собрано было трудами извѣстнаго еврея Фирковича. Выводы изъ этого собранія см. въ сочиненіи г. Хвольсона: Achtzehn Hebräische Grabschriften aus der Krim (Mé-

чаютъ въ себѣ указанія на притокъ еврейской колонизаціи на Кавказъ и въ Крымъ изъ Передней Азіи и Византійской имперіи, колонизаціи, продолжавшейся въ теченіе всей первой половины Среднихъ вѣковъ. Особенно многочисленная еврейская община процвѣтала въ то время на восточномъ берегу Киммерійскаго Боспора въ Фанагоріи или въ Матархѣ, какъ она называется въ еврейскихъ памятникахъ. Эта община въ свою очередь высылала колоніи въ ближніе таврическіе города, напримѣръ: въ Керчь, Кафу, Солкатъ, Сугдею, Мангупъ, и другіе. Въ этомъ отношеніи съ еврейскими памятниками вполнѣ согласуется свидѣтельство византійскаго историка Ѳеофана. Говоря о Кубанской странѣ какъ о родинѣ Болгаръ, онъ замѣчаетъ, что Фанагурія (означающая тутъ вообще Таманскій полуостровъ) населена разными племенами, причемъ поименовываетъ только Евреевъ; слѣдовательно, въ этой области они были особенно многочисленны.

Этимъ обиліемъ въ томъ краю еврейскаго элемента, весьма подвижнаго и промышленнаго, притомъ имѣвшаго въ своей средѣ многихъ ученыхъ мужей, и объясняется успѣхъ іудейской пропаганды между Турко-Хазарами. Успѣхъ былъ столь значителенъ, что является цѣлая хазарская династія, исповѣдующая религію Моисея—событіе единственное въ своемъ родѣ. О томъ, какимъ образомъ произошло это обращеніе, мы не имѣемъ никакихъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ; ибо разсказы о принятіи іудейства царемъ хазарскимъ Булой или Буланомъ, около половины VIII вѣка, должны быть отнесены къ легендамъ; они черпаются только изъ нѣкоторыхъ сомнительныхъ еврейскихъ источниковъ и не подтверждаются никакими другими. Царь, сомнѣвающійся въ истинѣ язычества и испытывающій проповѣдниковъ трехъ религій: іудейской, христіанской и магометанской, — это весьма общій мотивъ для расказовъ подобнаго рода *). Трудно сказать, въ какой именно формѣ утвердилось іудейство между

---

moires de l'Acad. VII-e série. T. IX). Впрочемъ г. Фирковичъ позволилъ себѣ внести много поддѣлокъ въ свое собраніе, какъ это доказано преимущественно трудами г. Гаркави.

*) Хотя г. Хвольсонъ въ своемъ сейчасъ названномъ трудѣ и настаиваетъ на томъ, что отвѣтъ хазарскаго царя Іосифа испанскому еврею Хасдаю, заключающій упомянутую легенду, представляетъ подлинный памятникъ; но мы пока считаемъ недостаточно опровергнутымъ то мнѣніе, по которому этотъ отвѣтъ есть не болѣе какъ мистификація, сочиненная какимъ-нибудь ученымъ Евреемъ (русскій переводъ его см. въ Чт. Общ. Ист. и Др. Росс. 1847. № 6).

Хазарами, въ видѣ раввинскаго талмудизма или въ видѣ караизма, издавна существовавшаго въ Крыму и на Кавказѣ. Вопросъ этотъ спорный въ ученомъ мірѣ; но болѣе вѣроятности, по нашему мнѣнію, находится на сторонѣ караизма. Во всякомъ случаѣ существованіе еврейской религіи у Хазаръ не подлежитъ сомнѣнію, ибо о немъ свидѣтельствуютъ разные независимые другъ отъ друга источники. Извѣстенъ расказъ нашей лѣтописи о прибытіи іудейскихъ миссіонеровъ отъ Хазаръ. То же подтверждаютъ и арабскіе писатели, особенно Ибнъ-Даста и Ибнъ-Фадланъ. Послѣдній впрочемъ поясняетъ, что только царь и его дворъ исповѣдуютъ іудейство, а что остальной народъ состоитъ изъ мусульманъ, христіанъ и язычниковъ *).

Обращеніе хазарской династіи въ іудейство, по нѣкоторымъ признакамъ, неблагопріятно повліяло на дальнѣйшее развитіе государства. Между тѣмъ какъ царь былъ іудеемъ, войска его состояли преимущественно изъ магометанъ и язычниковъ; собственно же еврейское населеніе, разсѣянное въ хазарскихъ городахъ и занятое своими меркантильными интересами, представляло конечно весьма слабую опору для поддержанія государственнаго единства и могущества. Соперничество разныхъ религій не могло содѣйствовать образованію одной полной націи, и Хазарское государство до конца осталось собраніемъ разныхъ народностей. Постепенному упадку хазарскаго могущества способствовало и самое раздвоеніе власти. Въ рукахъ верховнаго кагана (*хазаръ-хакана*, по Ибнъ-Даста) съ теченіемъ времени осталась власть почти номинальная, хотя особа его и была окружена чрезвычайнымъ почитаніемъ; а дѣйствительная власть сосредоточилась въ рукахъ его намѣстника, начальствовавшаго надъ войскомъ. Послѣдній назывался по Константину Багрянородному просто *пехъ* (то-есть, бегъ), по Ибнъ-Фадланну *хаканъ-бегъ*, а по Ибнъ-Даста *иша* (то-есть, почти то же что *шахъ*, какъ объясняетъ г. Хвольсонъ въ своей книгѣ объ этомъ писателѣ, стр. 56). Подобное раздвоеніе власти, конечно, имѣло свою долю участія во внутреннихъ смутахъ и разложеніи государства.

---

*) Въ другомъ мѣстѣ Ибнъ-Фадланъ говоритъ: „Хазаре и царь ихъ всѣ Евреи". Но тутъ подъ словомъ Хазаре должно разумѣть также дворъ или хазарскую аристократію, какъ это съ вѣроятностію толкуетъ г. Гаркави (Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Руссахъ, 108). Вообще всѣ арабскія извѣстія согласны въ томъ, что іудейскую религію исповѣдывала наименьшая часть Хазаръ (см. Лерберга, 349).

Мы думаемъ, что нѣкоторый упадокъ хазарскаго могущества обнаружился уже въ первой половинѣ IX вѣка по поводу построенія крѣпости Саркела.

V.

Хазарскій Саркелъ, построенный для защиты отъ Печенеговъ и Руси.—Посольство Русскаго кагана въ 839 году.—Рядъ извѣстій о Роксаланскомъ или Русскомъ народѣ отъ I до IX вѣка включительно.

Около 835 года Хазарскій каганъ и Хазарскій бегъ (πεχ), по разсказу Константина Багрянороднаго, прислали къ императору Ѳеофану пословъ съ просьбою построить имъ на Дону крѣпость. Императоръ исполнилъ ихъ просьбу и отправилъ на своихъ хеландіяхъ спаѳарокандидата Петрону съ мастерами и рабочими. Въ Херсонѣ Петрона пересѣлъ на плоскодонныя суда, которыя могли ходить по Азовскому морю и по рѣкѣ Танаису. Онъ доплылъ до назначеннаго мѣста этой рѣки и здѣсь остановился. Такъ какъ въ томъ краю не оказалось камня, годнаго для зданій, то Греки устроили печи, приготовили кирпичи, и затѣмъ воздвигли крѣпость, названную *Саркелъ*, что значитъ „Бѣлая Гостинница", по объясненію Константина (а въ русской лѣтописи „Бѣла Вежа"). Современникъ Константина Леонтій (одинъ изъ продолжателей Ѳеофана), сообщающій то же извѣстіе о построеніи этой крѣпости только въ болѣе короткихъ словахъ, прибавляетъ, что въ Саркелѣ находился хазарскій гарнизонъ въ 300 человѣкъ, которые время отъ времени смѣнялись. Съ построеніемъ Саркела связана важная перемѣна въ жизни Херсонеса Таврическаго. Дотолѣ, какъ извѣстно, этотъ городъ съ своею областью пользовался автономіей: внутренними дѣлами его завѣдывали городскіе патриціи подъ предсѣдательствомъ выбраннаго изъ ихъ среды протевона. По совѣту Петроны, воротившагося изъ своей экспедиціи, Ѳеофанъ, чтобъ имѣть Херсонъ въ полной своей власти, назначилъ туда императорскаго намѣстника или стратига, которому подчинилъ протевона и патриціевъ. Первымъ херсонскимъ стратигомъ былъ назначенъ тотъ же Петрона, какъ хорошо знавшій мѣстныя дѣла; при чемъ изъ спаѳарокан-

дидатовъ онъ былъ повышенъ въ слѣдующее достоинство, то-есть, протоспаѳарія.

Для защиты отъ какого народа построена была крѣпость Саркелъ?

Главный источникъ, то-есть, Константинъ Багрянородный, ничего не говоритъ на этотъ счетъ; но онъ указываетъ на Саркелъ какъ на пограничную крѣпость съ Печенѣгами, обитавшими къ западу отъ Дона; а Кедренъ, писатель XI вѣка, уже прямо говоритъ, что Саркелъ былъ построенъ для защиты отъ Печенѣговъ. На это Лербергъ въ своемъ изслѣдованіи „О положеніи Саркела“ замѣтилъ, что въ эпоху его построенія Печенѣги кочевали въ степяхъ поволжскихъ, то-есть, къ сѣверу отъ Хазарскаго государства; а на западную сторону Дона они перешли нѣсколько позднѣе; слѣдовательно, эта крѣпость не имѣла цѣлью защиту отъ Печенѣговъ. По его мнѣнію, еще менѣе могла она имѣть въ виду защиту отъ Руссовъ. Но при болѣе точномъ и безпристрастномъ разсмотрѣніи обстоятельствъ, то и другое его положеніе должно оказаться несостоятельнымъ.

Не даромъ Саркелъ стоялъ на судовомъ ходу Азовскаго моря въ Каспійское: онъ конечно стерегъ этотъ важный путь. По всѣмъ признакамъ онъ находился тамъ, гдѣ караваны должны были оставлять Донъ и волокомъ перетаскиваться въ Волгу, то-есть, около того мѣста, гдѣ эти двѣ рѣки близко подходятъ другъ къ другу. Этотъ волокъ служилъ конечно главнымъ средствомъ защиты противъ судовой рати, такъ какъ Турко-Хазары сами не были искусны въ судоходствѣ и не имѣли флота. Саркелъ преграждалъ дорогу Руссамъ, которые изъ Азовскаго моря Дономъ и Волгою переходили въ Каспійское море съ цѣлью грабежа; слѣдовательно, онъ долженъ былъ охранять отъ ихъ нападеній столицу Хазарскаго царства Итиль. Лербергъ отрицалъ такое предположеніе, какъ послѣдователь норманской школы. (Вѣдь Руссы, если вѣрить извѣстной баснѣ, еще не существовали на Руси въ первой половинѣ IX вѣка: они только во второй его половинѣ были *призваны изъ-за моря!*) Но для насъ немыслимы народы и государства, внезапно упадшіе съ неба. Подтвержденіемъ нашего мнѣнія о назначеніи Саркела защищать Хазарію отъ Руси служатъ послѣдующія событія.

Арабскій географъ Масуди, писавшій въ первой половинѣ X вѣка, въ своихъ „Золотыхъ Лугахъ“ повѣствуетъ о походѣ Руси на Каспійское море въ числѣ 500 судовъ, въ 913 году. Онъ

говоритъ, что Руссы вошли въ рукавъ Нейтаса, соединяющійся съ Хазарскою рѣкою. Подъ именемъ послѣдней разумѣется Волга; а подъ рукавомъ Нейтаса (то-есть, Азовскаго моря) надобно разумѣть нижнее теченіе Дона отъ его устья до крутаго изгиба на сѣверъ. Масуди поясняетъ, что здѣсь стояла многочисленная хазарская стража, чтобъ удерживать какъ приходящихъ Азовскимъ моремъ, такъ и наступающихъ сухимъ путемъ. Онъ именно указываетъ на турецкихъ кочевниковъ Гузовъ, которые обыкновенно приходятъ къ этому мѣсту зимовать. Когда же рѣки замерзаютъ, то Гузы переправляются по льду и вторгаются въ страну Хазаръ; но лѣтомъ они не имѣютъ переправы (слѣдовательно, не могутъ обойдти Саркела). Когда русскіе корабли— продолжаетъ Масуди—подошли къ устью рукава (то-есть, къ волоку между Дономъ и Волгой), то они послали къ Хазарскому царю просить, чтобъ онъ дозволилъ имъ войдти въ его рѣку (то-есть, Волгу) и вступить въ Хазарское море. Они обѣщали отдать ему половину изъ всего, что награбятъ у народовъ, живущихъ по этому морю. Царь согласился. Исходъ предпріятія извѣстенъ. Руссы пограбили и опустошили прибрежныя Каспійскому морю магометанскія страны, и отдали по уговору часть добычи Хазарскому царю. Но мусульманскій отрядъ, находившійся у него на службѣ, и другіе мусульманскіе жители Хазаріи выпросили у него позволеніе отомстить Руссамъ за избіеніе своихъ единовѣрцевъ. Далѣе въ извѣстіи Масуди, очевидно, есть нѣкоторая неточность: по его расказу, битва произошла, будто бы, около Итиля. Руссы, увидавъ мусульманъ, вышли на берегъ, сразились и послѣ трехдневнаго боя были разбиты. Остатокъ ихъ отправился на судахъ въ страну, примыкающую къ Буртасамъ; тамъ они были окончательно истреблены Буртасами и мусульманскими Болгарами.

Но зачѣмъ же Руссамъ послѣ ихъ пораженія надобно было отправляться въ страну Буртасъ и Камскихъ Болгаръ? Не естественнѣе ли было спѣшить домой тѣмъ же обычнымъ путемъ, то-есть, Дономъ и Азовскимъ моремъ? А также, къ чему имъ было выходить на берегъ и три дня сражаться съ превосходнымъ въ силахъ непріятелемъ, когда они могли спокойно уйдти на судахъ, такъ какъ Хазары не имѣли флота, и путь на рѣкѣ былъ болѣе или менѣе свободенъ? Эти несообразности даютъ понять, что битва происходила именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ Руссы, обремененные добычею, должны были поки-

нуть Волгу и идти волокомъ въ Донъ. Здѣсь-то, около крѣпкаго Саркела, враги, конечно, и загородили имъ дорогу. Тогда, не могши пробиться послѣ трехдневной отчаянной битвы, остатокъ Руси естественно долженъ былъ сѣсть на суда и плыть вверхъ по рѣкѣ на сѣверъ—единственный оставшійся у нихъ путь отступленія. Но тутъ встрѣтили ихъ новые враги и доканали.

Описаніе этого похода, между прочимъ, ясно показываетъ, какъ невѣрны были представленія норманской школы о походахъ Скандинавовъ, которые, будто бы, свободно разгуливали по рѣчнымъ путямъ Восточной Европы, куда имъ вздумается,—и въ Черное море, и въ Азовское, и въ Каспійское. Нѣтъ, походы эти были очень и очень трудны, а волоки дѣлали ихъ иногда невозможными. Далѣе изъ словъ Масуди мы можемъ вывести заключеніе, что упомянутая имъ многочисленная хазарская стража на томъ мѣстѣ, гдѣ рукавъ Азовскаго моря, то-есть, Донъ, подходитъ къ Волгѣ, и есть въ сущности ни что иное, какъ гарнизонъ Саркела, хотя Масуди не приводитъ имени крѣпости. Этотъ гарнизонъ препятствовалъ Руссамъ перейдти изъ Дона въ Волгу, и они могли совершить переходъ только съ дозволенія Хазаръ.

На основаніи того же извѣстія мы думаемъ, что построеніемъ Саркела въ одно время достигались двѣ цѣли, ибо онъ занималъ очень выгодное оборонительное положеніе. Съ одной стороны, онъ препятствовалъ кочевымъ турецкимъ народамъ вторгаться въ Хазарское царство перешейкомъ, лежащимъ между Дономъ и Волгой, за исключеніемъ того времени, когда эти рѣки покрывались такимъ толстымъ льдомъ, который могъ выдержать цѣлую конную орду; что въ тѣхъ мѣстахъ случалось не каждую зиму. Разумѣется, перешеекъ этотъ былъ не на столько узокъ, чтобы гарнизонъ могъ загородить дорогу конницѣ, и по всей вѣроятности въ связи съ главною крѣпостью устроенъ былъ рядъ другихъ укрѣпленій, защищенный большимъ валомъ; длинные валы служили въ то время обычнымъ средствомъ для защиты своей земли отъ непріятельскихъ вторженій. Во время Масуди около этого перешейка кочевали Узы; но вѣкомъ ранѣе на мѣстѣ Узовъ жили Печенѣги (изгнанные потомъ на западную сторону Дона Узами или Половцами); а слѣдовательно, извѣстіе Кедрена, что Саркелъ построенъ противъ Печенѣговъ, имѣло основаніе. Съ другой стороны, эта крѣпость своимъ положеніемъ около волока, очевидно, служила оплотомъ противъ судовыхъ походовъ Руси.

Отсюда понятно, почему она такъ непріятна была для Руси, и почему Святославъ взялъ Саркелъ и раззорилъ его *).

Первое достовѣрное извѣстіе о существованіи Русскаго княжества въ южной Россіи замѣчательнымъ образомъ совпадаетъ по времени съ извѣстіемъ о построеніи Саркела. Послѣднее происходило повидимому въ 835 году, при Византійскомъ императорѣ Ѳеофилѣ. А спустя около четырехъ лѣтъ, то-есть, въ 839 году, по извѣстію Бертинскихъ лѣтописей, тотъ же императоръ, отправляя къ Людовику Благочестивому посольство, препровождаетъ вмѣстѣ съ нимъ и нѣсколько человѣкъ, которые называли себя *Росъ*. Послѣдніе были посланы въ Константинополь для изъявленія дружбы отъ своего князя, именуемаго *хаканомъ*; но такъ какъ враждебные варварскіе народы препятствовали имъ воротиться домой тѣмъ же путемъ, какимъ они пришли, то Ѳеофилъ просилъ Людовика дать имъ средства вернуться другимъ путемъ. Подъ именемъ этого хакана или кагана, конечно, разумѣется Кіевскій князь, а не какой-нибудь изъ скандинавскихъ владѣтелей, которые никогда каганами не назывались; равнымъ образомъ никакой Руси въ Скандинавіи того времени источники не упоминаютъ. (Всѣ натяжки норманистовъ, на основаніи неясной фразы „изъ рода Свеоновъ", перетолковывать это мѣсто въ свою пользу остаются безплодны). Очень возможно, что упомянутое хронологическое совпаденіе не было простою случайностію. Возможно, что помощь, оказанная Греками въ построеніи Саркела, то-есть, въ защитѣ Хазарскихъ владѣній со стороны Печенѣговъ и Руси, побудила также и Русскаго князя войдти въ непосредственныя сношенія съ Византійскимъ дворомъ, чтобъ отвлечь его отъ союза съ Хазарами. При этомъ возможно, конечно, и даже очень вѣроятно, что подобныя сношенія начались еще ранѣе, особенно по дѣламъ торговымъ, и что посольство это было совсѣмъ не первое; но хазарскія дѣла могли оживить и усились стремленія Русскихъ князей къ непосредственнымъ сношеніямъ съ Византійскихъ дворомъ **).

---

*) Нашему мнѣнію о положеніи Саркела на переволокѣ соотвѣтствуетъ извѣстіе о путешествіи митрополита Пимена (Никон. лѣт.). Плывя по Дону, онъ видѣлъ городище Серклію передъ тѣмъ, какъ обогнуть Великую Луку, т. е. колѣно Дона, подходящее къ Волгѣ. Леонтьевъ полагалъ это мѣсто нѣсколько выше Качалинской станицы („Розысканія на устьяхъ Дона". Пропилеи. IV. 524). Константинъ Б. также говоритъ, что „Танаисъ идетъ отъ Саркела". Позд. прим.

**) Нѣкоторую аналогію съ извѣстіемъ о русскихъ послахъ при дворѣ Людо-

Прежде нежели пойдемъ далѣе, спросимъ себя: откуда же взялось это Русское княжество или каганство, о существованіи котораго съ первой половины IX вѣка свидѣтельствуетъ современное извѣстіе Бертинскихъ лѣтописей?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ вытекаетъ самъ собою, если припомнимъ извѣстія греко-латинскихъ источниковъ о скиѳо-сарматскомъ народѣ Роксаланахъ или Росъ-Аланахъ, и если отнесемся къ источникамъ просто, безъ всякихъ умствованій. Для рѣшенія даннаго вопроса достаточно только привести въ хронологическомъ порядкѣ важнѣйшія изъ этихъ извѣстій.

Наиболѣе раннія и вмѣстѣ наиболѣе обстоятельныя свидѣтельства принадлежатъ двумъ знаменитымъ писателямъ перваго вѣка по Р. Хр., Страбону и Тациту. Страбонъ говоритъ, что Роксалане жили между Дономъ и Днѣпромъ; онъ считаетъ ихъ самыми сѣверными изъ извѣстныхъ (ему) Скиѳовъ. Онъ расказываетъ, что они принимали участіе въ войнѣ знаменитаго Митридата, царя Понтійскаго и Боспорскаго, съ царемъ скиѳскимъ Скилуромъ, какъ союзники послѣдняго, въ 94 г. до Р. Хр.; они явились на войну подъ предводительствомъ Тасія, въ числѣ будто бы 50,000, въ шлемахъ и панцыряхъ изъ воловьей кожи, вооруженные копьемъ, лукомъ, мечомъ и щитомъ, плетенымъ изъ тростника. Они потерпѣли пораженіе отъ полководца Митридатова Діофанта, имѣвшаго 6000 отлично устроеннаго войска. Этотъ народъ живетъ въ войлочныхъ кибиткахъ, окруженный своими стадами, питаясь ихъ молокомъ, сыромъ и мясомъ и передвигаясь постоянно на мѣста, богатыя пастбищами. Лѣтомъ онъ кочуетъ на равнинахъ, а зимою приближается къ болотистымъ берегамъ Меотиды. (Strabo. Lib. II и VII).

По извѣстію Тацита, сарматское племя Роксалане, числомъ 9000 конницы, вторглось въ римскую Мизію въ 69 году по Р. Хр. Сначала они имѣли успѣхъ и истребили двѣ римскія когорты. Но когда варвары разсыпались для грабежа и предались безпечности, римскіе начальники ударили на нихъ съ своими легіонами и нанесли имъ совершенное пораженіе. Этому пораженію способствовала наступившая оттепель; кони Роксаланъ спотыкались, всадники падали и нелегко поднимались при своемъ

вика Благочестиваго въ 839 году представляетъ свидѣтельство хроники Регинона о послахъ княгини Ольги при дворѣ Оттона I въ 959 году. То и другое свидѣтельство темно и подвержено разнорѣчивымъ толкованіямъ; но оба онѣ несомнѣнно относятся къ Кіевской Руси.

довольно тяжеломъ вооруженіи; они имѣли длинные мечи и копья, а у знатныхъ панцыри сдѣланы были изъ желѣзныхъ бляхъ или изъ твердой кожи; но щиты будто бы не были у нихъ въ обыкновеніи. Въ пѣшемъ бою они были неискусны. (Taciti Hist. L. I).

Кромѣ того въ первомъ вѣкѣ имя Роксаланъ встрѣчается у Плинія въ его „Естественной исторіи" и въ одной надгробной надписи изъ временъ императора Веспасіана. Въ послѣдней говорится именно о возвращеніи Римлянами князьямъ Бастарновъ и Роксаланъ ихъ сыновей (бывшихъ, конечно, заложниками).

Во II вѣкѣ о Роксаланахъ упоминаютъ римскіе писатели Спартіанъ и Капитолинъ и греческіе Птоломей и Діонъ Кассій. Первый говоритъ о договорѣ императора Адріана съ княземъ Роксаланъ, который жаловался на уменьшеніе суммы, платимой ему Римлянами. Ко времени того же императора относятъ одну латинскую надпись, въ которой упоминается Роксаланскій князь Элій Распарасанъ (принявшій имя Элія, конечно, въ честь Элія Адріана). Капитолинъ въ числѣ понтійскихъ народовъ, угнетавшихъ Римлянъ на нижнемъ Дунаѣ, называетъ Роксаланъ. Географъ Птоломей помѣщаетъ ихъ около Меотиды. Но ясно, что въ это время жилища ихъ простирались и на западную сторону Днѣпра, откуда они могли нападать на римскія области Дакію и Мизію. Діонъ Кассій расказываетъ, что императоръ Маркъ Антонинъ позволилъ Языгамъ изъ ихъ новыхъ жилищъ пройдти черезъ Дакію къ Роксаланамъ.

Въ III вѣкѣ Роксалане, по славамъ Требеллія Поліона, убили Региліана, одного изъ такъ-называемыхъ тридцати тиранновъ. По словамъ Вописка, въ тріумфѣ императора Авреліана въ числѣ другихъ участвовали и плѣнники роксаланскіе со связанными руками. Относимые къ III—IV вв. Певтингеровы таблицы помѣщаютъ „Роксуланъ Сарматъ" вблизи Меотиды.

Въ IV вѣкѣ Аммiанъ Марцеллинъ приводитъ Роксаланъ въ числѣ народовъ, обитавшихъ все около того же Меотійскаго озера, къ сѣверу отъ Понта.

Іорнандъ, писатель VI вѣка, въ числѣ народовъ подвластныхъ готскому царю Германриху, приводитъ Рокасовъ (Rocas), которыхъ въ другомъ мѣстѣ называетъ ихъ сложнымъ именемъ Роксаланъ и изображаетъ ихъ народомъ вѣроломнымъ, погубившимъ Германриха. Послѣдній за измѣну одного знатнаго Роксаланина

(по видимому передавшагося на сторону Гунновъ) велѣлъ жену его Санелгу привязать къ дикимъ конямъ и размыкать по полю; тогда два ея брата, Сарусъ и Аммiусъ, мстя за смерть сестры, нанесли тяжелую рану Германриху, такъ что онъ послѣ того не могъ сражаться съ Гуннами и вскорѣ умеръ. (Cap. 24). Изъ этого извѣстія съ полною вѣроятностію можно заключить, что движенiе Гунновъ произошло въ связи съ возстанiемъ Роксаланъ противъ Готскаго владычества *). Послѣ удаленiя Готовъ и Гунновъ на западъ, Роксалане, по видимому, снова заняли прежнее первенствующее положенiе въ странахъ къ сѣверу отъ Понта; судя по словамъ того же Iорнанда, въ его время Дакiя (называвшаяся тогда и Гепидiя) опять на востокѣ граничила съ Роксаланами. (Cap. 12),

Совокупность этихъ греко-латинскихъ извѣстiй отъ I до VI вѣка включительно, кажется, ясно указываетъ намъ на сильный, многочисленный народъ, котораго средоточiемъ былъ Днѣпръ, а отдѣльныя вѣтви простирались съ одной стороны до Азовскаго моря, съ другой до Днѣстра или до предѣловъ древней Дакiи. Въ первомъ вѣкѣ по Р. Хр. онъ находился еще на степени кочеваго или полукочеваго быта; въ тѣ времена не только часть Славянъ, но и часть Германскихъ племенъ еще не вышла изъ этого быта, что и объясняетъ намъ послѣдующую эпоху, извѣстную подъ именемъ Великаго переселенiя народовъ, и особенно передвиженiе Готскихъ народовъ отъ сѣверныхъ береговъ Чернаго моря до предѣловъ крайняго запада. Но въ теченiе дальнѣйшихъ столѣтiй Роксаланское или Русское племя, конечно, все болѣе и болѣе прiобрѣтало привычки быта осѣдлаго, сохраняя

*) Iорнандъ сообщаетъ и о дальнѣйшей враждѣ Готовъ и Роксаланъ; только послѣднихъ онъ въ этомъ случаѣ называетъ Антами. Преемникъ Германриха Винитаръ напалъ на Антовъ и былъ сначала побѣжденъ, но потомъ взялъ ихъ князя Бокса и распялъ на крестѣ съ его сыновьями и семидесятью вельможами, которыхъ оставилъ висѣть на висѣлицѣ, чтобы навести страхъ на Антовъ. Очевидно, онъ мстилъ Антамъ-Роксаланамъ за ихъ возстанiе противъ готскаго владычества и за союзъ съ Гуннами. Только благодаря этой племенной враждѣ двухъ главныхъ туземныхъ народовъ, царю Гунновъ Валамiру удалось потомъ побѣдить Винитара, и такимъ образомъ подчинить себѣ всѣхъ Остроготовъ. Обратимъ также вниманiе на роксаланскiя имена у Iорнанда. Санелга, очевидно, заключаетъ въ себѣ коренное древнерусское имя Ольга или Елга (въ этой формѣ см. у Константина Багрянороднаго), встрѣчающееся также въ названiяхъ рѣкъ Олегъ, Волга, ольга (болото) и пр. А ея братъ Аммiусъ слышится въ названiи Мiусъ и Калмiусъ, двухъ рѣкъ, впадающихъ въ Азовское море и протекающихъ въ странѣ древнихъ Роксаланъ.

однако свой подвижной, предпріимчивый характеръ и охоту къ дальнимъ походамъ, на что указываютъ его столкновенія съ Римскимъ міромъ. Тѣ же извѣстія ясно свидѣтельствуютъ о присутствіи у этого племени княжескаго достоинства и знатнаго сословія, отличавшагося на войнѣ болѣе богатымъ вооруженіемъ.

Извѣстна сбивчивость и путаница народныхъ именъ у средневѣковыхъ писателей. Особенно велика эта путаница по отношенію къ народамъ Скиѳіи или Восточной Европы. Одинъ и тотъ же народъ не только въ разныя времена, но иногда въ одну и ту же эпоху является у нихъ подъ различными именами. Такъ Роксалане въ VI вѣкѣ скрываются у византійскихъ писателей (Прокопія и Маврикія) преимущественно подъ именемъ Антовъ, не говоря о болѣе общихъ именахъ Скиѳовъ и Сарматовъ, которыя долго еще не выходили изъ употребленія. Относительно византійскихъ писателей естественно забвеніе имени Роксаланъ, ибо они никогда его и не употребляли въ этой сложной формѣ; она встрѣчается болѣе у латинскихъ писателей; но и тотъ же Іорнандъ, перечисляя народы Скиѳіи, забываетъ о Роксаланахъ, и на мѣстѣ ихъ ставитъ Антовъ. Однако названіе Роксалане (вопреки мнѣнію норманистовъ) не исчезло изъ исторіи послѣдующихъ вѣковъ. Мы его встрѣчаемъ въ IX вѣкѣ, и опять у латинскаго писателя, именно у географа Равеннскаго. Онъ два раза упоминаетъ въ восточной Европѣ страну Роксаланъ, за которою далеко къ океану лежитъ великій островъ Скиѳія или Скандза, то есть, Скандинавія. (L. I. c. 12 и L. IV. c. 4.).

Точно также, вопреки норманской школѣ, народное имя *Русь* или *Рось*, вмѣсто своей сложной формы Рось-Алане, упоминается нѣкоторыми источниками по отношенію къ южной Россіи ранѣе второй половины IX вѣка, то есть, эпохи мнимаго призванія Варяговъ-Руси изъ-за моря. Уже Іорнандъ употребляетъ эту простую форму (ибо его Rocas есть ничто иное какъ Rox или Ross); далѣе, мы видѣли ее, по поводу народа Рось и Русскаго каганата, въ Бертинскихъ лѣтописяхъ. Ту же простую, несложную форму употребляетъ географъ Баварскій, который на ряду съ Угличами (Unlizi) и Казарами (Caziri) помѣщаетъ и Русь (Ruzzi). Упоминаніе о туземномъ народѣ Русь подъ этимъ ея именемъ встрѣчается также у арабскихъ писателей второй половины IX вѣка, напримѣръ у Хордадбега.

Въ теченіе восьми вѣковъ, протекшихъ отъ Страбона до извѣстія Бертинскихъ лѣтописей, Роксаланскій или Русскій народъ

пережилъ, конечно, много испытаній и много перемѣнъ. Онъ выдержалъ напоры разныхъ народовъ и отстоялъ свою землю и свою самобытность, хотя и не разъ подвергался временной зависимости, напримѣръ, отъ Готовъ, и отчасти отъ Аваръ. Не одни чужія племена вступали съ нимъ въ борьбу и иногда угнетали его; сосѣднія славянскія племена также воевали съ нимъ за земли, за добычу, за дань. Особенно сильныя столкновенія онъ долженъ былъ выдерживать съ племенами Болгарскими, которыя въ V вѣкѣ, то-есть, послѣ Остроготовъ изъ южной Россіи, широко распространились по Черноморскимъ краямъ отъ Тавриды до Дуная. Но рано или поздно, мужественный, упругій Роксаланскій народъ бралъ верхъ надъ туземными и пришлыми сосѣдями. Главная его масса мало по малу сосредоточилась на среднемъ теченіи Днѣпра, къ сѣверу отъ пороговъ, въ краю, обильномъ цвѣтущими полями, рощами и текучими водами, въ сторонѣ отъ южныхъ степей, слишкомъ открытыхъ вторженію кочевыхъ народовъ. Въ этомъ краю онъ построилъ себѣ крѣпкіе города и положилъ начало государственному быту съ помощью своихъ родовыхъ князей, изъ которыхъ возвысился надъ другими родъ Кіевскій. Здѣсь Русь развила свою способность къ политической организаціи. Отсюда, изъ этого средоточія, посредствомъ своихъ дружинъ, она постепенно распространила свою объединительную дѣятельность на родственныя ей племена восточныхъ Славянъ; разумѣется, объединеніе это долгое время совершалось въ первобытной формѣ, то-есть, въ формѣ дани. Какъ одно изъ наиболѣе даровитыхъ и предпріимчивыхъ арійскихъ племенъ, Русь съ одинаковымъ успѣхомъ предавалась мирнымъ и воинственнымъ занятіямъ, грабежу и торговлѣ, сухопутнымъ и морскимъ предпріятіямъ; дружинники русскіе съ одинаковою отвагою владѣли конемъ и лодкою, мечомъ и парусомъ. Ихъ смѣлые судовые походы по рѣкамъ и морямъ не замедлили сдѣлать громкимъ русское имя на востокѣ и на западѣ.

Но возвратимся къ русскому посольству 839 года, и спросимъ: кто были тѣ жестокіе варварскіе народы, которые въ эту эпоху препятствовали сношеніямъ Кіевской Руси съ Византіей?

Безъ всякаго сомнѣнія, это были, если не сами Хазары, то ихъ данники Угры или Мадьяры. По всей вѣроятности часть угорскихъ кочевыхъ ордъ была покорена Турками еще въ VI вѣкѣ. За хазарскими Турками явились, по сю сторону Урала, другія турецкія орды, именно Печенѣги; эти послѣдніе и потѣснили

Угровъ волжскихъ. Случилось то же, что и всегда происходило при подобныхъ движеніяхъ въ степяхъ юговосточной Европы: часть волжскихъ Угровъ смѣнила хазарскую зависимость на печенѣжскую; а другая, и вѣроятно еще большая, часть передвинулась далѣе на западъ по пути, давно проложенному кочевниками, то-есть, въ степи черноморскія. Судя по извѣстію о построеніи Саркела, Печенѣги въ первой половинѣ IX вѣка уже находились въ степяхъ придонскихъ; стало быть, послѣднее передвиженіе Угровъ въ западное Черноморье совершилось не позднѣе конца VIII вѣка. И дѣйствительно, въ той же первой половинѣ IX вѣка мы встрѣчаемъ ихъ тамъ, по свидѣтельству византійскихъ писателей (именно Льва Граматика и Георгія Мниха). Македонскіе плѣнники, поселенные болгарскимъ царемъ Крумомъ на сѣверной сторонѣ Дуная, вздумали бѣжать оттуда съ помощью греческихъ кораблей. Такъ какъ главныя силы Болгаръ въ то время воевали Солунскую область, то болгарскій царь Владиміръ пригласилъ на помощь Угровъ (которыхъ Византійцы при этомъ называютъ и Гуннами, и Турками). Угры явились въ большомъ числѣ на берега Дуная, однако не помѣшали бѣгству Македонянъ. А это событіе происходило въ эпоху императора Ѳеофила (829—842 гг.), то-есть, именно въ эпоху упомянутаго выше посольства Днѣпровской или Кіевской Руси къ этому императору *).

Извѣстіе о русскомъ посольствѣ къ Ѳеофилу, сохраненное намъ Бертинскими лѣтописями, есть драгоцѣнный лучъ свѣта, прорѣзывающій тотъ мракъ, который покрываетъ судьбы Руси передъ ея грознымъ появленіемъ подъ стѣнами Константинополя въ 865 году. Это извѣстіе, несомнѣнно указывающее на существованіе Днѣпровско-Русскаго княжества и на его мирныя сношенія съ Византіей уже въ первой половинѣ IX вѣка, находится въ полномъ согласіи съ послѣдующимъ свидѣтельствомъ патріарха Фотія о Руси 865 года. Онъ говоритъ, что „варвары справедливо разсвирѣпѣли за умерщвленіе ихъ соплеменниковъ; они

---

*) Вотъ явное доказательство произвольной хронологіи въ нашей начальной лѣтописи. Она помѣщаетъ пришествіе Черныхъ Угровъ въ южную Россію подъ 898 годомъ и ошибается при этомъ по крайней мѣрѣ на цѣлое столѣтіе. (Ранѣе означеннаго года Угры явились уже въ Панноніи). По всей вѣроятности, наши книжники извѣстіе Византійцевъ о войнѣ съ Уграми Симеона Болгарскаго истолковали въ смыслѣ перваго пришествія Черныхъ Угровъ. А между тѣмъ исторіографія наша принимала на вѣру эту хронологію и пыталась согласить ее съ событіями!

благословно требовали и ожидали кары, равной злодѣянію". И въ другомъ мѣстѣ: „Ихъ привелъ къ намъ гнѣвъ ихъ, но, какъ мы видѣли, Божья милость отвратила ихъ набѣгъ". (Четыре бесѣды Фотія — архим. *Порфирія Успенскаго*). Изъ этихъ словъ можно понять, что нападенію Руси предшествовали ея посольскія и торговыя сношенія съ Византіей, и не только сношенія, но и договоры (ибо извѣстные договоры Олега и Игоря являются только продолженіемъ прежнихъ). Ясно, что какое-то умерщвленіе Русскихъ людей въ Греціи вызвало набѣгъ Руси на Константинополь.

Подобно латинскому извѣстію о русскомъ посольствѣ 839 года, византійское свидѣтельство о построеніи Саркела также бросаетъ нѣкоторый лучъ свѣта на русскую исторію того времени. Это свидѣтельство устраняетъ нашу лѣтописную басню объ Аскольдѣ и Дирѣ, освободившихъ Кіевъ отъ хазарской дани; ибо оно показываетъ, что уже въ первой половинѣ IX вѣка границею Хазарскаго государства на сѣверѣ было нижнее теченіе Дона и Волги, и что Хазары стараются съ этой стороны защитить себя отъ нападеній другихъ народовъ, именно Печенѣговъ и Руси. Очевидно, лѣтописное преданіе или, какъ мы замѣтили, смѣшивало Турко-Хазаръ съ Аварами, или спутывало Днѣпровскую Русь съ Русью Тмутраканскою, собственно Болгарскою, которая дѣйствительно находилась въ зависимости отъ Хазаръ. Точно также невѣроятны извѣстія лѣтописи о хазарской дани у Радимичей, Сѣверянъ и Вятичей, если принять въ расчетъ географическое ихъ положеніе. Но вопросъ нѣсколько измѣняется, если названія двухъ послѣднихъ племенъ примемъ въ болѣе обширномъ значеніи, нежели какое онѣ имѣютъ у нашихъ лѣтописцевъ. Извѣстно, что наша Севера есть то же, что Сервы или Сербы, имя, когда-то бывшее не видовымъ, а родовымъ названіемъ для значительной части Славянскихъ племенъ. Точно также и названіе Вятичи есть только видоизмѣненіе другаго родоваго имени, то-есть, Антовъ или Вантовъ, Вятовъ (Венетовъ). А „безчисленныя" племена Антовъ, какъ замѣчаетъ Прокопій, соприкасались своими жилищами на югѣ съ таврическими и кубанскими Гуннами, то-есть, Болгарами *).

*) Что касается до Сѣверянъ, то довольно трудно провести границу между этою славянскою вѣтвію и Гуннами Савирами. Византійскіе писатели, причисляющіе Савировъ къ Гуннамъ, суть преимущественно тѣ же самые, которые Гуннами называютъ и славянскихъ Болгаръ, то-есть Прокопій, Агаѳій и Ме-

Вообще, Славянскія племена въ тѣ времена далеко распространялись на юго-востокъ, до самаго Кавказа и нижней Волги. Только въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ многократнымъ наплывомъ турецкихъ кочевыхъ ордъ, начиная съ Турко-Хазаръ и кончая Татарами, юговосточныя вѣтви Славянъ были отторгнуты отъ своихъ соплеменниковъ и впослѣдствіи утратили свою народность. Но въ эпоху, о которой идетъ рѣчь, часть этихъ Славянъ входила въ предѣлы Хазарскаго государства. О томъ въ особенности свидѣтельствуютъ арабскія извѣстія. Въ этихъ извѣстіяхъ Донъ и Волга нерѣдко встрѣчаются подъ именемъ „Славянской рѣки". Баладури, писатель IX вѣка, говоритъ, что арабскій полково-

---

нандръ. Іорнандъ также относитъ къ Гуннамъ Савировъ или Авировъ на ряду съ азовскими Болгарами. Прокопій говоритъ, что „Савиры, народъ гуннскій, обитаютъ около Кавказа", что они „очень многочисленны, чрезвычайно воинственны и раздѣлены на многія княжества". Агаѳій также отзывается о нихъ, какъ о народѣ весьма многочисленномъ и очень опытномъ въ войнѣ и грабежахъ. По его извѣстію, въ 556 г. въ римскомъ войскѣ, защищавшемъ закавказскія владѣнія отъ Персовъ, участвовало около 2,000 тяжело-вооруженныхъ Савировъ подъ начальствомъ трехъ знаменитѣйшихъ вождей, Балмаха, Кутилгиза и Илигера. А эти имена едва ли могутъ быть признаны за угро-финскія, особенно послѣднее: оно весьма близко отзывается древне-русскимъ Елгъ (Олегъ), литовскимъ—Ольгердъ и болгарскимъ—Вульгеръ (который встрѣчается въ томъ же VI вѣкѣ какъ предводитель Болгаръ, вторгшихся въ Мизію. См. у Ѳеофана и Анастасія). По извѣстію Ѳеофана, у Савировъ кавказскихъ была княгиня Боарисъ или Воариксъ, которая наслѣдуетъ своему мужу Балаху, является также союзницей императора Юстиніана I въ его войнахъ съ Персами и сама предводительствуетъ войскомъ. Имя ея, по всей вѣроятности, одного корня съ съ славяно-русскимъ Борисъ или Богорисъ. Не забудемъ при этомъ, что Кавказскіе края въ древности почитались родиной Амазонокъ. Названіе Савиры или Савары слышится также въ древнемъ названіи Савароматы или Савроматы; а этотъ народъ былъ извѣстенъ своими воинственными женщинами, и по мнѣнію древнихъ, велъ происхожденіе отъ Скиѳовъ, сочетавшихся съ Амазонками.

Вообще, трудно найдти гдѣ-либо болѣе сбивчивую и запутанную массу народныхъ именъ сравнительно съ именами тѣхъ народовъ, которые вышли изъ странъ Прикавказскихъ. Какъ подъ именемъ Савировъ могутъ скрываться наши Сѣверяне, такъ, и имя Аланъ когда-то распространялось на разные народы, о чемъ прямо говоритъ Аммiанъ Марцелинъ въ IV вѣкѣ. Въ послѣдствіи оно сосредоточилось преимущественно на одномъ кавказскомъ племени, остатки котораго мы узнаемъ въ современныхъ Осетинахъ (Ясы нашихъ лѣтописей). Изслѣдованія филологовъ (особенно Шёгрена) показали, что это послѣднее племя принадлежитъ къ арійской семьѣ, именно къ группѣ сармато-мидійскихъ народовъ, которая, повидимому, была родственна съ одной стороны съ группою германо-славяно-литовскою, а съ другой съ языками иранскими.

децъ Мерванъ, во время набѣга на Хазарію, взялъ въ плѣнъ 20.000 Славянъ, которыхъ поселилъ за Кавказомъ; а такая цифра ясно указываетъ на присутствіе многочисленнаго славянскаго населенія въ предѣлахъ Хазарскаго государства. Масуди прямо говоритъ, что нѣкоторыя племена язычниковъ, обитающихъ въ землѣ хазарскаго царя, суть Славяне и Руссы, что изъ нихъ набираются отряды въ его войско, и что они населяютъ цѣлую часть его столичнаго города Итиля.

VI.

Судовой путь изъ Кіева въ Азовское море и связи Днѣпровской Руси съ Боспорскимъ краемъ.—Угличи и Тиверцы суть племена Болгарскія.—Черная Болгарія и ея тожество съ третьею группой Руссовъ у арабскихъ писателей.

Сблизивъ, при помощи хронологіи и другихъ обстоятельствъ, построеніе Саркела съ извѣстіемъ о Руси Бертинскихъ лѣтописей, мы подходимъ къ уясненію исторической связи между Русью Днѣпровскою и тѣмъ краемъ, который является потомъ подъ именемъ Тмутраканскаго княжества. До прихода Печенѣжскихъ ордъ въ Черноморскія степи племена Антовъ, по всѣмъ признакамъ, еще жили почти сплошь отъ Днѣпра до Азовскаго моря. Послѣднее еще долго потомъ, до Половцевъ или даже до Татаръ, не было обнажено отъ славянорусскихъ поселеній на северозападныхъ его берегахъ и славяноболгарскихъ—на юговосточныхъ. Если обратимъ вниманіе на положительное извѣстіе Масуди о томъ, что Руссы живутъ на одномъ изъ береговъ Русскаго моря, на которомъ никто кромѣ ихъ не плаваетъ, и если подъ этимъ моремъ признаемъ преимущественно Азовское (ибо о Черномъ никакъ нельзя было сказать того же), то убѣдимся, что еще въ X вѣкѣ Русь сохраняла свои поселенія на Азовскомъ побережьѣ и свою связь съ этимъ побережьемъ. Эта связь объяснитъ намъ многое въ начальной исторіи нашего государства. Обыкновенно думали, что Кіевская Русь сообщалась съ Тмутраканью и ходила въ Азовское море Днѣпромъ и Чернымъ моремъ, то-есть, вокругъ Таврическаго полуострова. Такое мнѣніе не выдерживаетъ болѣе

тщательнаго разсмотрѣнія обстоятельствъ. Наша исторіографія, очевидно, увлекалась картиннымъ описаніемъ плаванія Руси въ Византію у Константина Багрянороднаго. Исторіографія доселѣ не задала себѣ простаго вопроса: Константинъ описываетъ только путешествіе въ Грецію, а какимъ способомъ Русь возвращалась назадъ въ Кіевъ? Если плаваніе сквозь пороги внизъ по Днѣпру было сопряжено съ такими трудностями, то какъ же оно могло совершаться вверхъ, противъ теченія? Чтобы Руссы переволакивали свои ладьи по-суху мимо всѣхъ пороговъ, то-есть, на разстояніи 70-ти или 80-ти верстъ, это совершенно невѣроятно. Изъ описанія Константина видно, что когда они плыли внизъ, то большею частію и не вытаскивали своихъ лодокъ на берегъ, а проводили ихъ у самаго берега по мелкому каменистому дну или спускали по быстринѣ. Притомъ Константинъ описываетъ собственно торговый караванъ; а какъ совершалось плаваніе военнаго флота въ нѣсколько сотъ и даже тысячъ ладей, отправлявшагося грабить берега Чернаго или Каспійскаго морей, и какъ онъ возвращался домой, этого не объясняетъ намъ прямо ни одинъ источникъ.

Не было ли еще какого пути изъ Кіева въ Азовское море?

Такой путь дѣйствительно былъ. На него указываетъ Бопланъ въ своемъ описаніи Украйны. Расказывая о возвращеніи Запорожцевъ изъ своихъ походовъ по Черному морю, онъ поясняетъ, что кромѣ Днѣпра у нихъ была и другая дорога изъ Чернаго моря въ Запорожье, а именно: Керченскимъ проливомъ, Азовскимъ моремъ и рѣкою Міусомъ; отъ послѣдняго они около мили идутъ волокомъ въ Тачаводу (Волчью Воду?), изъ нея въ Самару, а изъ Самары въ Днѣпръ. Въ настоящее время такія степныя рѣки, какъ Міусъ или Волчья Вода, не судоходны. Но онѣ, какъ видимъ, были судоходны еще въ XVII вѣкѣ. Судя по Боплану, пространство между Днѣпромъ, Самарой и Міусомъ въ его время еще было обильно остатками большихъ лѣсовъ. Въ XIII вѣкѣ Рубруквисъ, описывая свое путешествіе къ Татарамъ, также говоритъ о большемъ лѣсѣ на западъ отъ рѣки Дона. Отсюда можно заключить, какіе густые лѣса росли здѣсь въ болѣе глубокой древности; а они-то и обусловливали значительную массу воды въ рѣкахъ этого края. Особенно въ полую воду судоходство могло совершаться безпрепятственно, и самый волокъ между Волчьею Водой и какимъ-либо ближнимъ притокомъ Міуса или Калміуса, по всей вѣроятности, покрывался водою.

Нѣтъ ли указаній на этотъ путь въ древнѣйшихъ источникахъ Русской исторіи?

Есть. Тотъ же Константинъ Багрянородный, въ своемъ сочиненіи „Объ управленіи имперіей“, говоритъ: „Къ сѣверу Печенѣги имѣютъ рѣку Днѣпръ, изъ котораго Россы отправляются въ Черную Болгарію, Хазарію и Сирію“. Очевидно, авторъ имѣлъ только общее свѣдѣніе объ этомъ пути и не зналъ его такъ отчетливо, какъ путь Днѣпровскій или Греческій; однако указаніе это для насъ очень важно. Прежде затруднялись, куда отнести эту Черную Болгарію. Но для насъ ясно, что тутъ рѣчь идетъ о Болгарахъ Тавричеcко-Таманскихъ, сосѣднихъ съ Хазарами. Сирія также запутываетъ это свидѣтельство, если подъ нею разумѣть извѣстную страну, лежащую къ югу отъ Малой Азіи. Но чтобы достигнуть ея на судахъ, надобно было плыть мимо Константинополя въ Мраморное море и т. д., о чемъ нѣтъ никакого помину. Поэтому толкованіе Френа и Савельева („Мухамеданская нумизматика“), что тутъ подъ Сиріей разумѣется Ширванъ, довольно вѣроятно. Это толкованіе согласуется съ походами Руссовъ изъ Азовскаго моря Дономъ и Волгою въ Каспійское, о которомъ расказываютъ арабскіе писатели *). Далѣе, въ томъ же X-мъ вѣкѣ, кромѣ Константина Багрянороднаго, мы имѣемъ и другое византійское указаніе на азовско-днѣпровскій путь. У Льва Діакона сказано, что Игорь послѣ своего пораженія у береговъ Малой Азіи съ оставшимися десятью судами отплылъ въ Боспоръ Киммерійскій. Если бы не существовало означеннаго пути, то зачѣмъ было ему плыть къ Таврическому проливу, а не къ Днѣпровскому устью?

Наконецъ въ русскихъ лѣтописяхъ есть намекъ на то же сообщеніе, именно тамъ, гдѣ говорится о путяхъ *Соляномъ* и *Залозномъ* (Ипат. лѣт. подъ 1170 г.). Профессоръ Брунъ въ прекрасной своей статьѣ „Слѣды древняго рѣчнаго пути изъ Днѣпра въ Азовское море“ (*Записки Одесск. Общ.* т. V) весьма удовлетворительно разъясняетъ, что пути эти шли изъ Днѣпра къ солянымъ озерамъ Перекопскимъ, Геничскимъ и Бердянскимъ по

---

*) Можетъ быть, это та страна, которая въ арабскихъ извѣстіяхъ встрѣчается подъ именемъ Сериръ, въ сосѣдствѣ съ Хазаріей (Альбалхи, Истахри и Ибнъ-Хаукалъ). Еще вѣроятнѣе, что здѣсь вмѣсто Сирія надобно читать Зихія (такъ читаетъ г. Куникъ); а эта область сосѣдила съ Таманью. Впрочемъ Шафарикъ доказывалъ, что югозападные берега Каспійскаго моря назывались Сиріей (Ueber die Abkunft der Slaven).

рѣкамъ Калміусу и Міусу. По его мнѣнію, одну изъ нихъ (вѣроятно послѣднюю) должно подразумѣвать подъ именемъ „Русской рѣки" у Эдриси, арабскаго писателя XII вѣка, и на генуэзскихъ картахъ XIV и XV столѣтій. То же судоходное сообщеніе, по словамъ г. Бруна, объясняетъ и заблужденіе нѣкоторыхъ средневѣковыхъ географовъ, которые думали, будто Днѣпръ однимъ рукавомъ изливается въ Черное море, а другимъ въ Азовское *).

Такимъ образомъ для насъ становятся понятны связи Кіевской Руси съ Тмутраканью. Кромѣ судоваго сообщенія, было, конечно и сухопутное, существовавшее особенно въ зимнее время и необходимое для конныхъ дружинъ. (Для примѣра напомнимъ вспомогательную хазарскую или черкесскую конницу, приведенную Мстиславомъ Чермнымъ противъ своего брата Ярослава). Оно совершалось также при помощи Арабатской стрѣлки, какъ правдоподобно толкуетъ г. Брунъ, указывая на путешествіе равина Петахія въ XII вѣкѣ. О сухопутномъ сообщеніи между Днѣпромъ и побережьемъ Азовскаго моря свидѣтельствуетъ и знаменитый походъ нашихъ князей въ 1224 году: переправившись за Днѣпръ около Хортицы, они восемь или девять дней шли потомъ до береговъ Калки (Калміуса), гдѣ произошла несчастная битва съ Татарами. Если въ XIII вѣкѣ Русскія дружины хорошо знали пути къ Азовскому морю, то тѣмъ болѣе послѣдніе были имъ извѣстны въ древнѣйшую эпоху, когда кочевыя орды еще не успѣли оттѣснить ихъ отъ этого моря; судя по извѣстіямъ Арабовъ, значительныя русскія поселенія находились здѣсь несомнѣнно еще въ X вѣкѣ. Если бы не свидѣтельство Масуди о томъ, что Русь живетъ на берегахъ Русскаго моря и на немъ господствуетъ, то намъ трудно было бы и объяснить ея морскія предпріятія, торговыя и военныя, за которыми можно слѣдить отъ IX до XII вѣка включительно, то есть до той эпохи, когда она была совершенно оттерта отъ морскаго побережья. Иначе нельзя было бы понять, почему Кіевская Русь въ IX и X вѣкахъ является смѣлымъ мореходнымъ племенемъ, и какимъ образомъ она могла объединить подъ своимъ господствомъ такія славянскія племена, какъ Таманскихъ и Таврическихъ Болгаръ, обитавшихъ за моремъ. Жительство на берегахъ Азовскаго моря и исконныя

*) Замѣчанія г. Бурачка на статью Бруна объ этихъ путяхъ см. въ Извѣстіяхъ Геогр. Общ. т. XI, вып. V. Соглашаемся съ нѣкоторыми изъ этихъ замѣчаній; но мы не предполагаемъ, чтобы тѣже ладьи, на которыхъ Русь ходила по Черному морю, были употребляемы по рр. Міусу и Самарѣ. Позд. прим.

связи Кіевскаго края съ этими берегами устраняютъ и самый вопросъ о томъ, когда начались сношенія Днѣпровской Руси съ Азовско-Черноморскими Болгарами. Напомнимъ извѣстіе Прокопія, что къ сѣверу отъ Гунновъ-Утургуровъ живутъ племена Антовъ; слѣдовательно, уже въ VI вѣкѣ мы видимъ Болгаръ сосѣдями Руси. Отъ VI до IX вѣка въ ея положеніи еще не произошло большихъ перемѣнъ; движеніе Аваръ и Угровъ хотя и внесло новые этнографическіе элементы въ край, заключенный между Днѣпромъ, Азовскимъ и Чернымъ моремъ, но главная масса этихъ народовъ передвинулась далѣе на западъ въ Придунайскую равнину.

Многочисленный Болгарскій народъ во время движенія къ Дунаю оставилъ значительную часть своихъ племенъ въ южной Россіи, на пространствѣ между Азовскимъ моремъ и Дунаемъ. У писателей VI вѣка (Прокопія и Агаѳія) мы встрѣчаемъ здѣсь поселенія Утургуровъ и Кутургуровъ; а болѣе поздніе писатели (Ѳеофанъ и Никифоръ), въ извѣстной легендѣ о раздѣлѣ сыновей Кубрата, отнесли это пространство къ удѣламъ его втораго сына Котрага и третьяго Аспаруха. Котрагъ занялъ мѣсто на западъ отъ рѣки Дона и Азовскаго моря, противъ части старшаго брата Батбая, оставшагося на родинѣ, то есть, за Азовскимъ моремъ. Выше мы указываемъ, что эта легенда произошла изъ попытки объяснить широкое разселеніе болгарскаго семейства. Сближая разныя извѣстія, приходимъ къ тому выводу, что приводимыя нашею начальною лѣтописью самыя южныя славянскія племена, сидѣвшія по Днѣстру къ Дунаю до самаго моря, Улучи и Тиверци, были именно племена болгарскія. Лѣтопись замѣчаетъ, что племена эти (собственно мѣсто ихъ жительства) у Грековъ назывались *Великая Скуѳь*. Только предѣлы имъ она назначаетъ слишкомъ тѣсные, такъ какъ онѣ, по всѣмъ признакамъ, отъ Днѣстра сидѣли не только къ западу до Дуная, но и къ востоку до Днѣпра или до Азовскаго моря. *Улучи*, съ ихъ варіантами *Уличи*, *Улутичи* и *Лутичи*, обыкновенно отожествляются, и совершенно справедливо, съ народомъ *Углича*, у баварскаго географа Unlizi, у Константина Багрянороднаго Οὐλτῖνοι. Константинъ причисляетъ Ультиновъ къ тѣмъ славянскимъ племенамъ, которыя платили дань Руси. Восходя къ болѣе раннимъ источникамъ, мы встрѣчаемъ тѣхъ же Ультиновъ въ VI вѣкѣ у Агаѳія, только съ обычнымъ въ то время окончаніемъ на *гуры* или *зуры*, а именно *Ультинзуры* (Οὐλτινζουροι). Агаѳій приво-

дитъ ихъ какъ подраздѣленіе Гунскаго племени вмѣстѣ съ Котригурами, Утригурами и Буругундами; а подъ Гуннами у него являются никто другой какъ Болгаре. У старшаго Агаѳіева современника Іорнанда встрѣчаемъ тѣхъ же Ультинзуровъ, но подъ варіантомъ *Ульцингуровъ* (Ulzingures); онъ приводитъ ихъ въ числѣ народовъ подвластныхъ Гуннамъ (cap. LIII). Что наши южные Угличи были племена Болгарскія, подтверждаетъ также упомянутая выше легенда. Она повѣствуетъ, что Аспарухова часть пришла на Дунай отъ рѣки или отъ мѣстности, которая „на ихъ языкѣ“ (то есть, на болгарскомъ) называется *Онглонъ* или *Оглонъ* (Унгулъ или Ингулъ, а безъ носоваго звука—*Уголъ*).

Что касается до Тиверцевъ, то мы отожествляемъ это названіе съ византійскими *Тавроскиѳами*. Названіе Тавроскиѳы встрѣчается очень рано, именно у греко-латинскихъ писателей II вѣка по Р. Х. Плотомея и Юлія Капитолина. По ихъ свидѣтельству, они жили въ сосѣдствѣ съ Оливіей около полуострова, который назывался „Бѣгъ Ахилла“, то есть, около Днѣпровскаго лимана и Кинбурнской косы. Какому народу первоначально дано было это имя, положительно сказать нельзя; оно намѣкаетъ только на смѣсь древнихъ обитателей Крымскаго полуострова или Тавровъ съ сосѣдними Скиѳами; а подъ этими послѣдними мы разумѣемъ въ тѣхъ мѣстахъ племена готскія и славянскія. У писателей византійскихъ опять встрѣчаемъ то же имя, начиная съ VI вѣка. Именно, Прокопій въ своемъ сочиненіи „О постройкахъ“ говоритъ, что города Херсонъ и Боспоръ лежали за Таврами и Тавроскиѳами. А въ тѣхъ мѣстахъ, какъ мы доказываемъ, жили тогда племена Болгарскія. Манасія, писатель XII вѣка, разсказывая о нападеніи Аварскаго кагана на Константинополь, въ числѣ его вспомогательныхъ войскъ упоминаетъ и Тавроскиѳовъ, вмѣсто которыхъ въ данномъ случаѣ у писателей болѣе раннихъ (напримѣръ у Ѳеофана) поставлены Болгаре. Эти свидѣтельства заставляютъ насъ предполагать, что Византійцы называли Тавроскиѳами сначала (приблизительно съ VI вѣка) часть Болгарскаго племени. Но позднѣе это имя перешло на тотъ родственный ему народъ, который завладѣлъ этою частью, то есть, на Руссовъ. Извѣстно, что подъ именемъ Тавроскиѳовъ являются они въ X вѣкѣ у Льва Діакона, который замѣчаетъ при этомъ, что на своемъ родномъ языкѣ они называютъ себя *Росъ* (а не Тавроскиѳы). Но въ то же время родиной ихъ онъ считаетъ страну, прилежащую къ Боспору Киммерійскому,—слѣдовательно, или смѣшиваетъ азовскихъ Болгаръ

съ господствующимъ тогда у нихъ народомъ, то есть, Русью, или разумѣетъ тутъ вообще Приазовскія края. Между прочимъ, къ Скиѳамъ или Тавроскиѳамъ онъ относитъ Ахиллеса (который, будто бы по словамъ Арріана, былъ родомъ изъ меотійскаго города Мирмикіона). Какъ на признаки его скиѳскаго происхожденія, онъ указываетъ на слѣдующія его черты, общія съ Русью: покрой плаща съ пряжкою, привычка сражаться пѣшимъ, свѣтлорусые волосы, свѣтлые глаза, безумная отвага и жестокій нравъ.

Съ миѳомъ объ Ахиллѣ, не забудемъ, былъ связанъ въ особенности полуостровъ, образуемый Днѣпровскимъ лиманомъ и Перекопскимъ заливомъ; полуостровъ этотъ носилъ названіе „Тавроскиѳіи“, а примыкающая къ нему Кинбурнская коса называлась „Ахилловымъ Бѣгомъ“ (Georg. min ed *Huds.* T. 11, p. 87. См. Skythien von *Ukert.* 164). *) Но замѣчательно, что русскіе книжники, сколько извѣстно, не выводили свой народъ отъ Ахилла и его сподвижниковъ, между тѣмъ какъ мнѣніе о подобномъ происхожденіи встрѣчается именно у книжниковъ болгарскихъ. Такъ, въ одномъ болгарскомъ памятникѣ, передающемъ легенды о Троянской войнѣ, читаемъ: „Сій Ахиллеусъ имый воя своя, иже нарицахуся тогда Мурмидонесъ, нынѣ Болгаре и Унну“. (*Калайдовича* „Іоаннъ экзархъ Болгарскій“, 181). Послѣднее слово ясно показываетъ, что болгарскіе книжники причисляли свой народъ къ Уннамъ или Гуннамъ, подобно Византійцамъ, отъ которыхъ они заимствовали и мнѣніе о скиѳскомъ происхожденіи Ахилла. Вообще, сказанія о Троянской войнѣ были любимымъ чтеніемъ у Дунайскихъ Болгаръ **). Итакъ, по всѣмъ соображеніямъ, Тавроски-

*) Отъ этого Ахиллова Бѣга или Дромоса византійскіе писатели называли иногда Русь Дромитами, какъ то справедливо доказываетъ г. Куникъ. (О запискѣ гот. топарха. 115). У Арріана нѣтъ помянутыхъ словъ объ Ахиллесѣ.

**) Болгарскіе переводы и передѣлки этихъ сказаній переходили потомъ и на Русь, и здѣсь распространялись между людьми книжно образованными. Это обстоятельство наводитъ насъ на мысль, что „вѣци Трояни“ Слова о полку Игоревѣ, пожалуй, относятся не къ императору Траяну, а собственно къ Троянской войнѣ. Впрочемъ, могло быть, что воспоминанія о томъ и о другомъ перепутывались.

Фраза „Мурмидонесъ нынѣ Болгаре“ находится уже въ греческомъ текстѣ Малалы (по замѣчанію кн. Вяземскаго, въ его „Слово о П. Иг.“ стр. 121), слѣдовательно древнѣе поселенія Болгаръ во Ѳракіи. Это указываетъ г. Васильевскій въ своей статьѣ „Сказанія объ Апостолѣ Андреѣ“ (Русско-Визант. отрывки. Ж. М. Н. Пр. Февраль) на 177 стр. А на 179 стр. онъ говоритъ, что названіе Мирмидонянъ у Грековъ прилагается Славянскимъ племенамъ. Позд. примѣч.

ѳами Византійцы назвали собственно Черноморскихъ Болгаръ, а потомъ уже перенесли это названіе на родственное имъ и покорившее ихъ племя Руссовъ. Послѣдніе не называли себя Тавроскиѳами, а именемъ подобнымъ, или отъ того же корня происходящимъ, называли часть Черноморскихъ Болгаръ, то есть, Тиверцевъ (собственно Тыричи или Тавричи). Между тѣмъ какъ племя Угличей жило преимущественно между Днѣпромъ и Днѣстромъ, Тиверцы безъ сомнѣнія обитали между нижнимъ Днѣпромъ и Азовскимъ моремъ, и здѣсь ихъ поселенія сходились съ поселеніями Руси или древнихъ Роксаланъ.

Итакъ, связи между Русью, съ одной стороны, и Болгарами Таврическими и Таманскими, съ другой, существовали искони. Но начало русскаго вліянія у этихъ Болгаръ можно приблизительно опредѣлить первою половиною IX вѣка. Построеніе Саркела, имѣвшаго назначеніемъ защищать хазарскіе предѣлы отъ Руси и Печенѣговъ, и посольство русскаго кагана въ Константинополь въ 838—839 гг. могутъ свидѣтельствовать о томъ, что Днѣпровская или Полянская Русь около этого времени значительно подвинула впередъ свое дѣло объединенія восточныхъ Славянъ и выступила на болѣе широкое историческое поприще, такъ что ея имя вскорѣ сдѣлалось знаменитымъ и въ Европѣ, и въ Азіи. Слѣдующее за посольствомъ 839 года византійское извѣстіе о Руси относится уже прямо къ ея нападенію на Царьградъ въ 864—865 гг., нападенію, которое такъ ярко рисуютъ намъ бесѣды Фотія. Въ свою очередь, это нападеніе подтверждаетъ существованіе предварительныхъ связей Руси съ Болгарскими поселеніями на берегахъ Воспора Киммерійскаго; ибо только при такомъ условіи возможно было возвращеніе русскаго флота на родину, что впослѣдствіи повторилось и съ флотомъ Игоря. Начало русскаго вліянія на Воспорѣ въ первой половинѣ IX вѣка совпадаетъ и съ ослабленіемъ хазарскаго могущества, которое замѣтно обнаруживается около того же времени. Хазаръ начинаютъ тѣснить со всѣхъ сторонъ враждебные имъ народы: съ юга—Арабы и Закавказскія племена, съ сѣвера—Печенѣги, съ запада—Руссы; а нѣкоторыя покоренныя племена свергаютъ съ себя ихъ иго. Такъ, въ первой половинѣ X вѣка, судя по извѣстію Константина Багрянороднаго, Кавказскіе Алане не только являются независимыми отъ Хазаръ, но и своими нападеніями препятствуютъ ихъ сношеніямъ съ Черноморскими областями и съ Таврическимъ полуостровомъ. А именно, въ своемъ сочиненіи „Объ управленіи им-

періей.“ Константинъ говоритъ: „Узы могутъ воевать Хазаръ какъ ихъ сосѣди (на сѣверѣ), равно и князь Аланіи, къ которой прилежатъ девять хазарскихъ округовъ; Аланинъ, если захочетъ, можетъ грабить эти послѣдніе, тѣмъ причинять Хазарамъ великій вредъ и производить у нихъ нужду; поелику изъ этихъ девяти округовъ Хазары получаютъ все свое довольство“. И далѣе: „Если государь Аланіи предпочитаетъ римскую дружбу хазарской, то въ случаѣ разрыва Хазаръ съ Римлянами можетъ причинить Хазарамъ большой вредъ, устраивая засады и нечаянно нападая на нихъ въ то время, когда они отправляются въ Саркелъ, въ округи и въ Херсонъ. Если этотъ государь постарается преградить имъ путь, то въ Херсонѣ и въ округахъ (климатахъ) будетъ полное спокойствіе. Хазары, опасаясь аланскихъ вторженій и будучи не въ состояніи напасть съ войскомъ на Херсонъ и климаты, принуждены оставаться въ мирѣ, такъ какъ не могутъ въ одно и тоже время вести войну съ обоими непріятелями“.

Азовско-Черноморскимъ Болгарамъ, раздѣленнымъ на разныя княженія и общины и притомъ жившимъ въ равнинахъ и низменныхъ мѣстахъ, было труднѣе освободиться отъ хазарской зависимости, нежели Аланскимъ горцамъ, которые, по ясному смыслу Константинова извѣстія, сосредоточены были подъ властью одного государя. Но на помощь Болгарамъ явились соплеменные Руссы. Цѣлый рядъ войнъ Руси съ Хазарами, о которомъ вспоминаетъ и наша лѣтопись, очевидно, произошелъ не изъ-за Радимичей и Вятичей, а именно изъ за Боспорскихъ или Черныхъ Болгаръ. Окончательное освобожденіе послѣднихъ отъ Хазаръ и подчиненіе ихъ Руси совершились, по всѣмъ признакамъ, въ періодъ между 911 и 945 годами, то-есть, въ періодъ между договорами Олега и Игоря. Въ первомъ, то-есть, въ Олеговомъ договорѣ, еще нѣтъ никакихъ статей относительно Черныхъ Болгаръ и Корсунской земли; а въ договорѣ Игоря поставлено условіе, чтобы Русскій князь не пускалъ Черныхъ Болгаръ воевать страну Корсунскую. Очевидно, въ эпоху послѣдняго договора Черные Болгаре находились уже въ вассальной зависимости не къ Хазарамъ, а къ князю кіевскому. Къ этимъ Боспорскимъ Болгарамъ, какъ извѣстно, спасся Игорь съ остаткомъ своего флота въ 941 г. Да и самый походъ, по всей вѣроятности, былъ предпринятъ отсюда же, изъ Киммерійскаго Боспора. Онъ напалъ на виѳинскіе берега Малой Азіи; слѣдовательно, путь его былъ тотъ же, о которомъ мы говорили при описаніи византійскаго посольства

къ Туркамъ, въ VI вѣкѣ; то-есть: онъ туда и обратно пересѣкъ Черное море въ самомъ узкомъ его мѣстѣ, между Корсунемъ и Синопомъ.

Откуда взялось названіе Таврическихъ Болгаръ „Черными" въ Игоревомъ договорѣ?

Очевидно, оно буквально переведено съ греческаго, также какъ и весь договоръ. Замѣчательно, что и въ византійскихъ источникахъ оно встрѣчается только въ ту же самую эпоху, ни прежде, ни послѣ. А именно, Черные Болгаре упоминаются только у Константина Багрянороднаго въ его сочиненіи: „Объ управленіи имперіей", и не болѣе двухъ разъ. Въ одномъ мѣстѣ (которое приведено нами выше) онъ говоритъ, что изъ Днѣпра Руссы отправляются въ Черную Болгарію, Хазарію и Сирію. Въ другомъ мѣстѣ Константинъ, по видимому, хотѣлъ посвятить Чернымъ Болгарамъ цѣлую главу, которую и обозначилъ такъ: „О Черной Болгаріи и Хазаріи". Но къ великому сожалѣнію, почему-то подъ этимъ заглавіемъ онъ ограничился только слѣдующими словами „Булгарія, которая называется Черною, можетъ воевать Хазаръ". То-есть Черныхъ Болгаръ, также какъ и Аланъ, визатійское правительство въ случаѣ нужды могло вооружить противъ Хазаръ. Слѣдовательно, въ это время, повторяемъ, и Черные Болгаре, и Алане были уже независимы отъ Хазаръ.

Два одновременныя свидѣтельства, Игорева договора и Константина Багрянороднаго, относительно Черныхъ Болгаръ, сосѣдившихъ съ Хазаріей и Корсунскою областью, окончательно уничтожаютъ всякое сомнѣніе, съ одной стороны въ томъ, что Гунны Прокопія (Утургуры), пришедшіе съ Кубани и поселившіеся между Херсономъ и Боспоромъ, были никто иные какъ Болгаре, а съ другой, что эти Болгаре существовали тамъ еще въ X вѣкѣ. Свидѣтельства эти подтверждаютъ, что Русь Тмутараканская явилась на основѣ болгарской, то-есть, родственной славянской. Отсюда понятно, почему Константинъ Багрянородный, сообщившій такія драгоцѣныя свѣдѣнія о Руссахъ, ничего не упоминаетъ о Руси Черноморской или Тмутраканской. Дѣло въ томъ, что эта область въ его время у Византійцевъ была извѣстна подъ именемъ Черной Болгаріи. А нѣсколько ранѣе, писатели VIII и IX вѣковъ, какъ мы знаемъ, называли ее Великой или Древней Болгаріей. Названіе „Черная", по всей вѣроятности, находится въ связи съ сѣвернымъ рукавомъ Кубани,

который и въ настоящее время именуется Черной Протокой. Г. Брунъ, въ упомянутой выше статьѣ, весьма правдоподобно отождествляетъ этотъ рукавъ съ Константиновою рѣкой Харакуль, которая изливалась въ Меотійское море съ востока и славилась ловлею рыбы *берзетиконъ*. Это извѣстіе Константина совпадаетъ съ извѣстіемъ Ѳеофана о томъ, что около (полуострова) Фанагоріи въ рѣкѣ Куфисъ (то-есть, Кубани) ловилась булгарская рыба *ксистосъ*. Г. Брунъ эту рыбу считаетъ за одну и ту же съ Константиновою — берзетиконъ; а слово Харакуль, по его мнѣнію, слѣдуетъ читать *Карагулъ*; что и будетъ соотвѣтствовать названію Черная Протока. Впрочемъ и самая Кубань въ нижнемъ своемъ теченіи отчасти называется Кара-Кубань; также называется одинъ изъ ея притоковъ съ лѣвой стороны. А что касается до того, будто Харакуль или Карагулъ есть турецкое названіе, то это еще вопросъ (ибо у восточныхъ Славянъ встрѣчаются названія рѣкъ, оканчивающихся на *гулъ*; есть у нихъ и слово *карій*, въ смыслѣ темный).

Высказанное нами положеніе, что Черная Болгарія окончательно подчинилась Руси въ эпоху Игоря, находитъ себѣ нѣкоторое подтвержденіе и въ арабскихъ извѣстіяхъ Х-го вѣка, а именно у тѣхъ писателей (Истахри и Хаукала), которые рядомъ съ Кіевомъ и Новгородомъ упоминаютъ третье племя Руси (*Артанію*); послѣднее иначе и объяснить нельзя, какъ Черною Болгаріей или Тмутраканью. Сюда же надобно отнести извѣстія (Ибнъ-Даста и Мукадеси) о Руси, живущей на лѣсистомъ, болотистомъ и нездоровомъ островѣ, подъ которымъ, очевидно разумѣется Фанагорія или Тамань *).

Не встрѣчается ли у Арабовъ этотъ край также и подъ своимъ собственнымъ именемъ Болгаръ?

---

*) Этой характеристикѣ особенно соотвѣтствуетъ та низменная, сѣверо-восточная часть Кубанской дельты, которая лежитъ между сѣвернымъ рукавомъ Кубани или Черною Протокой и Курчанскимъ или Верхнетемрюцкимъ лиманомъ. Эта низменность наполнена плавнями, то-есть, тростникомъ и болотами. Вслѣдствіе своей непроходимой почвы и нездороваго климата, она обыкновенно не посѣщается ни естество-испытателями, ни археологами; а между тѣмъ, въ древности она была обитаема, и конечно такому судоходному народу, какъ Руссы, доступъ къ ней не представлялъ затрудненій—тѣмъ болѣе, что Черная Протока шире и глубже, чѣмъ самая Кубань. (См. Археологич. Топограф. Таманск. полуострова—К. Герца. Москва. 1870).

думаемъ, что встрѣчается, хотя и сбивчиво. До сихъ поръ все, что у арабскихъ писателей говорится о Болгарахъ, толкователи обыкновенно относили или къ Дунайскимъ, или къ Камскимъ. Но они упускали изъ виду существованіе третьей Болгаріи, Кубанской, благодаря которой извѣстія арабскія иногда получаютъ болѣе смысла, чѣмъ имѣли его доселѣ. Напримѣръ, Масуди въ своихъ „Золотыхъ Лугахъ“ говоритъ, что городъ Бургаръ лежитъ на берегу Азовскаго моря. Это мѣсто сильно затрудняло толкователей, и они прибѣгали къ разнымъ натяжкамъ для его объясненія (для примѣра см. *Хвольсона* „Ибнъ-Даста“ стр. 81). Но если возьмемъ въ расчетъ Черныхъ Болгаръ, то увидимъ, что подъ этимъ городомъ, вѣроятно, разумѣется Таматарха. Тотъ же Масуди говоритъ, что Болгаре воюютъ Грековъ, Славянъ, Хазаръ и Турокъ. Толкователи думали, что онъ смѣшиваетъ здѣсь Дунайскихъ Болгаръ съ Камскими; но Камскіе не могли воевать Грековъ, а Дунайскіе Хазаръ; поэтому, съ большимъ вѣроятіемъ можно предположить смѣшеніе Дунайскихъ не съ Камскими, а съ Черными или Кубанскими. Это предположеніе будетъ совершенно согласно съ приведеннымъ выше и современнымъ извѣстіемъ Константина Багрянороднаго, что Черные Болгаре могутъ воевать Хазаръ; а судя по Игореву договору, они воевали и Грековъ, то-есть, Корсунцевъ. Далѣе, нѣкоторыя черты болгарскихъ нравовъ, приводимыя у Масуди, также заставляютъ предполагать смѣшеніе Дунайскихъ не съ Камскими, а съ Черными. Бурджане, говоритъ онъ, суть язычники и не имѣютъ священной книги; напротивъ того, у Дунайскихъ въ это время уже процвѣтала богословская литература, а Камскіе были магометанами; между тѣмъ какъ Черные только отчасти были христіанами, а большинство, по всѣмъ признакамъ, коснѣло въ язычествѣ. Къ послѣднимъ, вѣроятно, относится извѣстіе, что, когда умретъ Булгаринъ (конечно, знатный), то слугъ его сожигаютъ вмѣстѣ съ мертвецомъ, или что у нихъ есть большой храмъ, и покойника заключаютъ въ этомъ храмѣ вмѣстѣ съ женой и слугами, которые и остаются тамъ, пока умрутъ. Въ извѣстіи этомъ, конечно, есть неточности; но въ общихъ чертахъ оно достовѣрно. Два способа погребенія указываютъ, что у языческихъ Болгаръ, съ одной стороны, существовало сожженіе какъ у Русскихъ Славянъ, а съ другой—заключали жену и нѣкоторыхъ слугъ въ могилу покойника (которую надобно разумѣть подъ словомъ храмъ или покой); въ томъ и другомъ случаяхъ

надъ ними, конечно, насыпали курганъ *). Второй способъ погребенія также существовалъ у языческихъ Руссовъ по ясному свидѣтельству Ибнъ-Даста (*Хвольсонъ*, 40). Послѣднее еще болѣе убѣждаетъ насъ, что Болгары Масуди въ этомъ случаѣ суть Черные Болгары, которые не только имѣли съ Руссами много общаго въ обычаяхъ, но и находились въ то время съ ними въ политическомъ единеніи. Далѣе, Масуди замѣчаетъ, что Бурджане не имѣютъ ни золотой, ни серебряной монеты, а всѣ ихъ покупки и свадьбы оплачиваются коровами и овцами. Это извѣстіе подходитъ и къ Дунайскимъ Болгарамъ и къ Чернымъ, но особенно къ послѣднимъ, а равно и къ языческой Руси. (Отсюда понятно, почему въ древне-русскомъ языкѣ слово *скотъ* имѣло значеніе денегъ). Наконецъ, въ большомъ Словарѣ Якута сказано, что Булгарія составляетъ область Хазаріи, и что мусульмане нападали на нее при халифѣ Османѣ. Это извѣстіе вошло въ Словарь, конечно, изъ болѣе древняго источника. Толкователи видятъ здѣсь необъяснимую путаницу (см. о томъ у *Гаркави*, стр. 20). Но вопросъ рѣшается очень просто существованіемъ Черной или Кубанской Булгаріи, когда-то дѣйствительно входившей въ составъ Хазарскаго государства.

По поводу арабскихъ извѣстій о Болгарахъ, обратимъ вниманіе людей компетентныхъ на то мѣсто „Золотыхъ Луговъ“ Масуди, гдѣ онъ описываетъ племена Славянъ. „Изъ этихъ племенъ“, говоритъ онъ,—„одно господствовало въ древности надъ остальными; царь его именовался Маджакъ (Махакъ, Бабакъ?), а само племя называлось Валинана. Этому племени прежде подчинялись всѣ прочія Славянскія племена, ибо верховная власть была у него, и прочіе цари ему повиновались“. И нѣсколько ниже: „Славяне составляютъ многія племена и многочисленныя роды. Мы уже выше расказали про царя, коему повиновались въ прежнее время остальные цари ихъ; это былъ Маджакъ, царь Валинаны, каковое племя есть одно изъ коренныхъ поколѣній славянскихъ и обще почитаемое между ними. Но впослѣдствіи пошли раздоры между ихъ племенами; порядокъ былъ нарушенъ; онѣ раздѣлились, и каждое племя избрало себѣ царя“. (Relation de Masoudy, etc., par *Charmoy*, *Bulletin de l'Academie*. VI-me serie). Это любопытное мѣсто подвергалось различнымъ толковані-

---

*) Болѣе тщательныя изысканія въ курганахъ Тамани и катакомбахъ восточнаго Крыма, можетъ быть, подтвердятъ эти извѣстія Масуди.

ямъ; но ни одно изъ нихъ, очевидно, не попало на истину, за исключеніемъ самаго имени Валинана, въ которомъ съ достовѣрностью узнаютъ Волынянъ. Все сказанное у Масуди объ этомъ племени, по нашему мнѣнію, замѣчательнымъ образомъ совпадаетъ, конечно, въ общихъ чертахъ, съ исторіей Болгарскаго народа, если припомнимъ его первоначальныя судьбы. Онъ былъ могуществен̀ъ и страшенъ своимъ сосѣдямъ, пока жилъ въ юго-восточной Европѣ и не раздѣлился, не разсѣялся по разнымъ странамъ. Раздѣлившись, онъ потерялъ прежнюю силу и подпалъ отчасти подъ власть другихъ народовъ. Имя его царя читается разнымъ образомъ (о варіантахъ см. у *Гаркави*, 163); одинъ изъ варіантовъ его, Бабакъ, не напоминаетъ ли Батбая (иначе Баяна), который, по извѣстію Византійцевъ, властвовалъ когда-то надъ Болгарами Приазовскими? А имя Валынянъ развѣ не въ связи съ Каспійскимъ моремъ, которое въ древней Россіи извѣстно было подъ названіемъ Хвалынскаго или Валынскаго?

Имѣли ли какое отношеніе къ Болгарамъ наши Волыняне, сказать трудно: нѣкоторыя племенныя названія у Славянъ повторялись, и встрѣчаются въ совершенно различныхъ мѣстахъ (напримѣръ, Сербы или Сѣвера, Друговичи, Поляне и Древляне). Но принимая въ расчетъ невозможность опредѣлить, гдѣ кончались Угличи и начинались Волыняне, а также нѣкоторый антагонизмъ между Кіевскою Русью и Волынскою, которыя постоянно стремились къ обособленію, можно допустить, что Волынское племя, подобное Угличамъ и Тиверцамъ, было вѣтвію собственно не Русскаго, а Болгарскаго семейства, или по крайней мѣрѣ, имѣло значительную болгарскую примѣсь. Тогда, пожалуй, мы придемъ къ возможности уяснить нѣсколько вопросъ, откуда пошли два главныя нарѣчія Русскаго языка, то-есть, откуда взялось нарѣчіе Малорусское. Языкъ Кіевской Руси, судя по письменнымъ памятникамъ, мы можемъ отнести именно къ нарѣчію Великорусскому, а не Малорусскому. Предлагая свои догадки по этому вопросу, мы конечно еще не думаемъ о его рѣшеніи, а указываемъ только на тотъ путь, который можетъ впослѣдствіи привести къ нѣкоторымъ болѣе положительнымъ выводамъ *).

---

*) Извѣстіе Масуди о господствѣ племени Валинана надъ остальными Славянами, не относится ли ко времени Гунновъ Аттилы? Болгары, по нѣкоторымъ указаніямъ, иначе назывались Хвалиссами; отсюда вѣроятно произошло названіе Хвалынянъ или Валынянъ. Позд. прим.

Итакъ, Черные Болгаре являются въ арабскихъ извѣстіяхъ отчасти подъ собственнымъ своимъ именемъ, но преимущественно подъ именемъ Руси. Арабскія извѣстія о дѣленіи Руси на три части, Куяву, Славію и Артанію (или Артсанію) невозможно объяснить помимо Руси Азовско-Черноморской или Болгарской. Относительно первыхъ двухъ всѣ согласны, что тутъ разумѣются Кіевъ и Новгородъ; но толкованія Артаніи Мордвой Эрдзянами (Френъ) или Біарміей, то-есть Пермью (Рено), не выдерживаютъ ни малѣйшей критики. Да и незачѣмъ отыскивать ее гдѣ-нибудь на сѣверѣ, когда сама лѣтопись наша съ конца X вѣка указываетъ на существованіе Руси Тмутраканской. А послѣдняя, какъ мы доказываемъ, возникла на почвѣ родственнаго намъ племени, то-есть, Черныхъ Болгаръ *). Арабскія извѣстія объ этой части относятся къ тому времени, когда имя Руси уже сдѣлалось славнымъ и громкимъ на востокѣ, послѣ ихъ извѣстныхъ походовъ въ Каспійское море и послѣ ударовъ, нанесенныхъ ими Хазарскому царству, и когда Черная Болгарія была уже объединена съ Русью подъ властью того могучаго княжескаго рода, который сидѣлъ въ Кіевѣ. Впрочемъ и вообще имя *Русъ* гораздо болѣе было распространено въ тѣ времена на востокѣ, нежели на западѣ: между тѣмъ какъ Арабы указываютъ на поселенія Руссовъ въ Итилѣ, на ихъ торговцевъ въ Камской Болгаріи и въ Хазаріи, прямо называя ихъ Руссами, Византійцы отчасти продолжаютъ именовать ихъ Скиѳами и особенно усвоиваютъ имъ названіе Тавроскиѳовъ.

Нѣкоторыя этнографическія черты, сообщенныя тѣми же арабскими извѣстіями о Руси-Артаніи, подтверждаютъ наше предположеніе, что это край Азовско-Черноморскій. А именно: Руссы, тамъ живущіе, будто бы убиваютъ всякаго попавшаго къ нимъ иностранца; они ведутъ торговлю водянымъ путемъ и ничего не разсказываютъ про свои дѣла и товары. Судоходство, конечно, можетъ указывать на приморское положеніе этой Руси; а слухи о жестокомъ обращеніи ея съ иноземцами сильно напоминаютъ древнія басни о Таврахъ, которые приносили въ жертву своей богинѣ всякаго иноземца, занесеннаго на берегъ. Баснословная примѣсь въ

---

*) У арабскихъ писателей встрѣчается одинъ варіантъ названія Артанія, именно Утанія. (Гаркави. Ж. М. Н. Пр. 1874. № 4). Можетъ быть, этотъ корень ут и есть тоже что Уты, Ут-ургуры, какъ иначе назывались Черные Болгары. Позд. прим.

этихъ арабскихъ извѣстіяхъ несомнѣнна, ибо по другимъ арабскимъ свидѣтельствамъ (напримѣръ, Ибнъ-Дасты) Руссы именно отличались гостепріимствомъ. „Изъ Арты", говоритъ Истархи, — „вывозятся черные соболи, черныя лисицы и свинецъ". Пушные мѣха были однимъ изъ главныхъ предметовъ торговли у древнихъ Руссовъ; водились ли соболи и лисицы въ самой странѣ Черныхъ Болгаръ, трудно сказать; во всякомъ случаѣ Русь Черноморская получала ихъ отъ своихъ болѣе сѣверныхъ единоплеменниковъ. То же можно сказать и о нѣкоторыхъ металлахъ, если послѣдніе не добывались въ горахъ Крыма и сосѣдняго Кавказа; кромѣ того, они могли вымѣниваться у Грековъ, собственно у Корсунцевъ, и потомъ продаваться Русью въ Хазаріи и другихъ восточныхъ странахъ.

VII.

Русская церковь по уставу Льва Философа. — Сказаніе о хазарской миссіи Кирилла и Меѳодія и его историческія данныя. — Достовѣрность извѣстія о славянскихъ книгахъ, найденныхъ въ Корсуни.

Мы сказали, что названіе Черныхъ Болгаръ Русью встрѣчается по преимуществу у арабскихъ писателей X вѣка. Но его можно встрѣтить и у Византійцевъ. А именно въ уставѣ императора Льва Философа (886—911 гг.) „О чинѣ митрополичьихъ церквей, подлежащихъ патріарху Константинопольскому", въ спискѣ этихъ церквей находимъ на 61 мѣстѣ церковь Русскую (Ρωσια), рядомъ съ слѣдующею за нею церковью Аланскою; а далѣе, въ числѣ архіепископій, подчиненныхъ Константинопольскому патріарху, находимъ на 29-мъ мѣстѣ Боспоръ и на 39-мъ—Метраху (τα Μετραχα), то есть, Таматарху или Тмутракань, рядомъ съ Готіей, Сугдіей и Фулой (Codini de officiis. Париж. изд. Т. I, стр. 379 и слѣд.). О какой Русской митрополіи тутъ упоминается? Едва ли подъ нею можно разумѣть церковь, собственно Кіевскую; скорѣе можно видѣть здѣсь именно Черную Болгарію или Русь Азовско-Черноморскую. Къ этой-то Руси, вѣроятно и относится извѣстіе Фотія о ея обращеніи въ окружномъ посланіи 866 года. Трудно предположить здѣсь Кіевъ, въ которомъ во время Льва Философа кня-

жилъ язычникъ Олегъ; не только Кіевскій князь, но и вся дружина его была языческою, ибо въ Олеговомъ договорѣ о крещеной Руси не упоминается; послѣдняя, а равно и христіанскій храмъ въ Кіевѣ, встрѣчаются только со времени Игоря. (Оставляемъ въ сторонѣ легендарныя лица Аскольда и Дира; а отдѣльныя случаи обращенія въ Кіевѣ до того времени, конечно, не могли составить особой митрополичьей церкви). Поэтому мы въ правѣ предложить вопросъ: подъ именемъ Росіи въ уставѣ Льва Философа не слѣдуетъ ли разумѣть соединенные Боспоръ и Таматарху? Не только у арабскихъ писателей, но и въ западныхъ источникахъ, встрѣчаемъ иногда Боспоръ или Керчь подъ именемъ города „Ро̀сія“ (напримѣръ, въ договорѣ Генуезцевъ съ Греками въ 1170 г. См. въ упомянутой статьѣ г. *Бруна*, стр. 132). Собственно Боспорская церковь существовала, по крайней мѣрѣ, съ IV вѣка, и упоминаніе Боспорской архіепископіи рядомъ съ Русскою митрополіей можетъ быть объяснено тѣмъ, что Кодинъ приводилъ списки церквей, не различая строго времени, къ которому относились эти списки. Титулъ архіепископіи Боспорская церковь имѣла во времена болѣе раннія; а въ эпоху Льва Философа она могла быть повышена на степень митрополіи съ расширеніемъ своихъ предѣловъ, то есть съ соединеніемъ архіепископій Боспора и Таматархи въ одну митрополію; подобный примѣръ мы видимъ въ сосѣднихъ съ нею архіепископіяхъ Сугдейской и Фульской, которыя были соединены въ одну митрополію (см. о томъ у преосв. Макарія: „Исторія христіанства до Владиміра“, стр. 86). Херсонъ, Сугдея, Боспоръ и Таматарха были именно тѣми пунктами, откуда христіанство постепенно распространялось между Болгарскими племенами, жившими по обѣимъ сторонамъ Боспорскаго пролива. А примѣры ихъ обращенія мы уже видѣли въ VI и VII вѣкахъ.

Тѣ Черные Болгаре, которые исповѣдывали христіанскую религію, по всей вѣроятности, получили богослуженіе на родномъ языкѣ, а слѣдовательно, уже имѣли переводъ Священнаго Писанія, по крайней мѣрѣ, наиболѣе необходимыхъ богослужебныхъ книгъ. Это предположеніе, совершенно согласное съ духомъ греческой проповѣди и съ примѣрами другихъ восточныхъ народовъ, приводитъ насъ къ извѣстному спорному мѣсту изъ житія Константина Философа. Славянскій апостолъ на пути своемъ къ Хазарамъ нашелъ въ Корсуни Евангеліе и Псалтирь, написанные *русскими письменами*. Теперь, когда мы знаемъ о существованіи въ тѣ времена Таврическихъ и Таманскихъ Болгаръ и не сомнѣваемся въ

ихъ исконныхъ связяхъ съ Руссами, теперь мы не найдемъ ничего страннаго въ этомъ извѣстіи, которое предыдущимъ изслѣдователямъ казалось какимъ-то недоразумѣніемъ. Очевидно, тутъ разумѣется переводъ Священнаго Писанія на древне-болгарскій языкъ, иначе называемый у насъ церковно-славянскимъ. Почему же письмена въ житіи названы „русскими"? На этотъ вопросъ можно отвѣчать двояко: или составитель житія употребилъ названіе Русь, подъ которымъ Черные Болгаре болѣе были извѣстны собственно въ его время, приблизительно во второй половинѣ X вѣка; или это названіе употреблялось для обозначенія тѣхъ же Болгаръ уже во второй половинѣ IX вѣка, то есть, въ эпоху Кирилла и Меѳодія. Первое намъ кажется вѣроятнѣе; но и второе было бы соотвѣтственно упомянутой выше „Русской митрополіи" временъ Льва Философа, которую мы также относимъ въ страну Черныхъ Болгаръ.

Но обратимся къ самому сказанію о миссіи Константина въ Хазарію. Напомнимъ содержаніе этого любопытнаго сказанія по наиболѣе полному его житію, такъ-называемому Паннонскому.

Къ императору Византійскому пришли послы отъ Хазаръ и сказали: „Съ одной стороны Сарацины, съ другой Евреи стараются насъ обратить въ свою вѣру; просимъ у васъ мужа, свѣдущаго въ книжномъ ученіи: если онъ переспоритъ Евреевъ и Сарацинъ, то мы примемъ вашу вѣру. Царь послалъ къ нимъ Константина Философа. Послѣдній отправился въ путь и прибылъ въ Корсунь. Здѣсь онъ научился жидовскому языку и письму и перевелъ восемь частей граматики. Тутъ жилъ нѣкій Самарянинъ, который далъ ему свою книгу; философъ съ Божіею помощью научился читать и самарянскія книги; вслѣдствіе сего удивленный Самарянинъ принялъ крещеніе. Константинъ нашелъ тутъ Евангеліе и Псалтирь, *написанные русскими письменами*, и человѣка нашелъ, который говорилъ русскимъ языкомъ; бесѣдуя съ нимъ, онъ научился читать и говорить на этомъ языкѣ. Потомъ, услыхавъ, что мощи св. Климента, папы Римскаго (сосланнаго въ Херсонесъ во время гоненія на христіанъ при Траянѣ и утопленнаго здѣсь по его приказанію), все еще находятся въ морѣ, Константинъ, съ помощью Херсонскаго архіепископа и клира, предпринялъ трудъ отыскать мощи, сѣлъ на корабль и дѣйствительно нашелъ ихъ.

Между тѣмъ хазарскій воевода осадилъ какой-то христіанскій городъ. Узнавъ о томъ, философъ отправился къ этому воеводѣ и такъ подѣйствовалъ на него своею проповѣдью, что тотъ обѣ-

щалъ креститься и отступилъ отъ города. Вслѣдъ затѣмъ на философа во время пути напали Угры въ тотъ часъ, когда онъ молился, и хотѣли его убить; но онъ не устрашился и продолжалъ свою молитву. Угры укротились, послушали его назидательныхъ словъ и отпустили невредимымъ со всѣми спутниками. Послѣ того Константинъ сѣлъ на корабль и отправился въ Хазарію по Меотійскому озеру, къ Каспійскимъ воротамъ Кавказскихъ горъ. Слѣдуютъ пренія о вѣрѣ съ хитрыми и лукавыми еврейскими учителями въ присутствіи Хазарскаго кагана о Св. Троицѣ, о воплощеніи Сына Божія, о Моисеевомъ законѣ обрѣзанія, объ иконопочитаніи и проч. Разумѣется, Константинъ „перепрѣлъ", то-есть, побѣдилъ своихъ противниковъ. Каганъ далъ своимъ людямъ позволеніе креститься; изъ нихъ было окрещено двѣсти человѣкъ. Самъ каганъ однако ограничился похвалою Константину и благодарственнымъ письмомъ царю Византійскому. Вмѣсто предложенныхъ ему даровъ, Константинъ испросилъ у кагана освобожденія двадцати плѣннымъ Грекамъ. Послѣ того онъ воротился въ Корсунскую страну.

По сосѣдству съ этою страною лежала область Фульская, населенная какимъ-то племенемъ, хотя и принявшимъ уже христіанскую вѣру, но все еще не покидавшимъ своихъ языческихъ обрядовъ и суевѣрій. Здѣсь стоялъ большой дубъ, сросшійся съ черешнею; жители называли его Александромъ и совершали подъ его тѣнію свои языческіе обряды; только женщинамъ было запрещено приближаться къ заповѣдному дубу. Константинъ отправился въ эту область и началъ уговаривать жителей оставить идолопоклонство и предать дубъ огню. Жители отвѣчали, что почитаніе дуба они наслѣдовали отъ своихъ отцовъ и привыкли обращаться къ нему въ своихъ нуждахъ, особенно съ моленіемъ о дождѣ; что, если кто дерзнетъ коснуться его, то будетъ пораженъ смертію, и не будетъ имъ болѣе дождя. Философъ, взявъ Евангеліе, своимъ поученіемъ наконецъ такъ подѣйствовалъ на нихъ, что старѣйшина сдѣлалъ поклонъ и облобызалъ Евангеліе; за нимъ послѣдовали и другіе. Константинъ роздалъ имъ зажженныя свѣчи и съ пѣніемъ молитвъ повелъ ихъ къ дубу. Взявъ топоръ, онъ ударилъ тридцать три раза по дубу; затѣмъ велѣлъ срубить его и сжечь. Въ ту же ночь Богъ послалъ обильный дождь.

Мы указываемъ преимущественно на эти подробности, потому что онѣ имѣютъ важность для вопросовъ, насъ занимающихъ;

а между тѣмъ главное вниманіе сказанія о путешествіи Константина къ Хазарамъ посвящено преніямъ его съ Евреями. Тутъ прямо указано, что расказъ объ этихъ преніяхъ взятъ изъ книги Меѳодія, который написалъ о нихъ особое сочиненіе и раздѣлилъ его на восемь главъ. Тому же сочиненію, конечно, принадлежатъ и указанныя нами подробности о путешествіи Кирилла въ Корсунь и Хазарію, путешествіи, въ которомъ Меѳодій сопутствовалъ своему брату. Въ то время, когда составлены были Паннонскія житія обоихъ братьевъ, очевидно дѣянія ихъ сдѣлались уже предметомъ легенды; такъ что не легко выдѣлить историческій элементъ. Первое составленіе этихъ житій совершилось не ранѣе X вѣка; а редакція, въ которой онѣ дошли до насъ, относится ко времени болѣе позднему. Постараемся теперь опредѣлить тѣ историческія данныя, которыя можно извлечь изъ сказанія о Хазарской миссіи Кирилла.

Вопервыхъ, самое посольство Хазарскаго кагана къ Византійскому императору съ просьбою прислать учителя по вопросу о религіи есть общій мотивъ для подобныхъ сказаній. Но обыкновенно просьба о присылкѣ учителей слѣдуетъ уже послѣ принятія вѣры, собственно для утвержденія въ ней, и подобная просьба встрѣчается не только въ христіанскомъ мірѣ, но и въ мусульманскомъ (напримѣръ, у Камскихъ Болгаръ по Ибнъ-Фадлану). А такъ какъ хазарскіе каганы уже съ VIII вѣка исповѣдывали іудейскую религію, то въ дѣйствительности едва ли они могли обращаться къ императору съ просьбою о присылкѣ христіанскихъ миссіонеровъ. Правда, между ихъ подданными, по извѣстію арабскихъ писателей (впрочемъ X вѣка), было много христіанъ; но и это обстоятельство едва ли могло побудить кагана къ особой заботливости объ успѣхахъ христіанской религіи. Результатъ миссіи при Хазарскомъ дворѣ, очевидно, не былъ особенно блистательный; такъ какъ онъ ограничился крещеніемъ двухъ сотъ человѣкъ; при чемъ самъ каганъ не принялъ христіанской вѣры. Поэтому въ просьбѣ верховнаго Хазарскаго кагана о присылкѣ христіанскихъ проповѣдниковъ мы сомнѣваемся. Но мы знаемъ, что христіанская проповѣдь въ странахъ Прикавказскихъ была предметомъ постоянныхъ заботъ и попеченій со стороны византійскаго правительства. Примѣромъ этихъ попеченій служитъ распространеніе христіанства въ Лазіи (Мингреліи), Иверіи (Грузіи), Авазгіи (Абхазіи) и Зихіи или сосѣдней съ Таманью части Кавказа. Мы знаемъ также примѣры крещенія у

тѣхъ Гунновъ, которые позднѣе являются подъ именемъ Черныхъ Болгаръ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что византійское правительство неоднократно дѣлало попытки обратить въ христіанство и народъ Хазарскій. Но очевидно, оно встрѣтило здѣсь сильное препятствіе въ лицѣ іудейства, которое успѣло укрѣпиться при Хазарскомъ дворѣ въ VIII вѣкѣ, то-есть, въ томъ вѣкѣ, когда греческая церковь была волнуема иконоборствомъ, и слѣдовательно, не могла сосредоточить свою энергію на борьбѣ съ этимъ препятствіемъ. Подобныя соображенія приводятъ насъ къ вопросамъ: куда собственно путешествовалъ Кириллъ? Былъ ли онъ дѣйствительно у Хазарскаго кагана, гдѣ-то подлѣ Каспійскихъ воротъ, то-есть, около Дербента? Эти „Каспійскія ворота Кавказскихъ горъ“ не представляютъ ли здѣсь какого либо позднѣйшаго искаженія, когда миссія Кирилла облеклась уже въ легендарную форму? Можетъ быть, Кириллъ плавалъ Меотійскимъ моремъ (и отчасти рѣкою Кубанью) просто къ подошвѣ Кавказскихъ горъ (около Дарьяльскаго пути), туда, гдѣ жило настоящее Хазарское племя? Такимъ образомъ мы снова приходимъ къ вопросу о двойственномъ составѣ Хазарской народности и рѣшаемся предположить, что Кириллъ путешествовалъ не къ тѣмъ Турко-Хазарамъ, которые жили около Каспійскаго моря и нижней Волги, а собственно къ Хазарамъ-Черкесамъ. Онъ могъ частью Меотійскаго моря приплыть въ правый рукавъ Кубани, то-есть, въ Черную Протоку, и потомъ пробраться въ Кабарду, при чемъ собстственно Кавказскія ворота (Дарьяльскія) въ преданіи могли быть смѣшаны съ воротами Каспійскими, то-есть, съ Дербентомъ.

Въ языческой Черкесіи въ то время сталкивались проповѣдники трехъ сосѣднихъ религій: іудейской, магометанской и христіанской. Христіанская религія проникла сюда, вѣроятно, еще въ предыдущіе вѣка, и очень можетъ быть, что нѣкоторые черкесскіе князья обратились къ Константинопольскому двору съ просьбою прислать имъ учителей, которые могли бы утвердить ихъ въ вѣрѣ и вступить въ пренія съ проповѣдниками другихъ религій, особенно съ еврейскими раввинами; послѣдніе дѣйствовали тѣмъ настойчивѣе, что ихъ поддерживалъ и самъ верховный каганъ. Миссія Кирилла у Черкесовъ могла быть гораздо успѣшнѣе чѣмъ у Каспійскихъ Турокъ: извѣстно, что христіанство потомъ дѣйствительно процвѣтало въ Черкесскихъ горахъ; чему явнымъ свидѣтельствомъ служатъ остатки христіанскихъ храмовъ.

Кромѣ Черкесовъ Кавказскихъ миссія эта могла быть связана

съ отношеніями къ Черкесамъ Таврическимъ. Извѣстно, что въ VII и VIII вѣкахъ Хазары были господствующимъ народомъ въ Крыму, который они завоевали, за исключеніемъ только южной его части. Владычество Хазаръ-Черкесовъ оставило здѣсь глубокіе слѣды, особенно въ географическихъ названіяхъ. Такъ еще въ XIII вѣкѣ Крымъ назывался у Генуэзцевъ *Газаріей*, хотя владычество Хазаръ здѣсь давно уже перешло въ область преданій. Нѣкоторыя топографическія имена показываютъ, что сюда когда-то направлялась хазарская колонизація, но не Турецкая, а собственно Черкесская — явленіе совершенно естественное при близкихъ, сосѣдственныхъ отношеніяхъ Крыма и Кабарды. Таковы: замокъ *Черкесъ-Керменъ*, развалины котораго существуютъ недалеко отъ Бахчисарая; *Черкесъ-Эли*, деревня на рѣкѣ Альмѣ; *Черкесъ*, селеніе въ Евпаторійскомъ уѣздѣ, и другія названія разныхъ урочищъ, соединенныя съ именемъ Черкесовъ *). Что въ этихъ мѣстахъ жили когда-то Черкесы изъ племени Хазаръ-Кабаровъ, на это указываютъ и верховья рѣки Бельбека, именуемыя *Кабардою*.

Въ житіи Константина, какъ мы видѣли, упоминается какой-то хазарскій вождь: онъ осадилъ христіанскій городъ, но уступилъ увѣщаніямъ проповѣдника и снялъ осаду. По всей вѣроятности, здѣсь идетъ рѣчь о какомъ либо хазарскомъ или черкесскомъ князѣ, находившемся въ вассальныхъ отношеніяхъ къ верховному кагану. Мы имѣемъ здѣсь намекъ на борьбу, которая шла въ то время между мѣстными племенами и пришлыми хазарскими дружинами. Не забудемъ, что вскорѣ потомъ, то-есть, въ 864 г., мы встрѣчаемъ уже Руссовъ, предпринимавшихъ походъ на Византію, и конечно, не безъ связи съ Воспоромъ Киммерійскимъ, на берегахъ котораго обитали ихъ соплеменники Болгаре. Окончаніе этой борьбы и совершенное уничтоженіе хазарскихъ владѣній въ Крыму мы встрѣчаемъ въ началѣ XI вѣка, когда, по извѣстію Кедрена, соединенныя греко-русскія силы покорили страну Хазаръ и взяли въ плѣнъ ихъ князя Георгія Чула. Послѣднее имя указываетъ на то, что эти Хазары или часть ихъ была въ то время христіанами.

Въ сказаніи о миссіи Кирилла видна также историческая связь Хазаръ-Черкесовъ съ Уграми. Вслѣдъ за пребываніемъ его въ станѣ Хазарскаго вождя онъ попалъ было въ руки Угровъ. Эти

---

*) О нихъ см. въ Крымскомъ Сборникѣ Кеппена, стр. 251.

кочевники, по всей вѣроятности, встрѣчались тогда и въ сѣверной степной части Крыма, или являлись сюда въ качествѣ хазарскихъ союзниковъ и подручниковъ именно для войны съ Греками, Болгарами и Руссами. Такія отношенія совпадаютъ съ тѣмъ, что Константинъ Багрянородный сообщаетъ о хазарскомъ вліяніи на Угровъ и объ ихъ связяхъ съ Хазаро-Кабарами.

Далѣе, въ житіи упоминается какой-то *языкъ* или народъ Фульскій, который уже принялъ христіанскую вѣру, но еще такъ мало укрѣпился въ ней, что продолжалъ совершать свои языческіе обряды и жертвоприношенія. Что это за Фульскій языкъ? Городъ Фулла встрѣчается въ жизнеописаніи епископа Іоанна Готскаго, который жилъ въ VIII вѣкѣ. Потомъ въ уставѣ Льва Философа о порядкѣ церквей Фульская епархія приводится въ числѣ архіепископій на 36-мъ мѣстѣ, вслѣдъ за епархіями Готскою и Сугдейскою. Впослѣдствіи въ уставѣ императора Андроника встрѣчается епархія Сугдейско-Фульская, то-есть, Сугдія и Фулла были соединены въ одну митрополію. Все это ясно говоритъ, что Фулла находилась въ сосѣдствѣ Готіи и Сугдіи (Судака); но положеніе ея мы можемъ опредѣлять только приблизительно *). Итакъ, подъ Фульскимъ языкомъ въ житіи Константина должно разумѣть какое-то племя, обитавшее между Готіей и Судакомъ. Это не могли быть сами Готы, потому что они вели свое христіанство по крайней мѣрѣ съ IV вѣка; у нихъ упоминается особый епископъ уже въ первой половинѣ VI вѣка. Прокопій еще въ то время засвидѣтельствовалъ о ихъ благочестіи и преданности православію; слѣдовательно, трудно предположить, чтобы въ IX вѣкѣ они еще совершали языческіе обряды и приносили жертвы подъ дубомъ. Это не могли быть Хазары, ибо житіе называетъ ихъ своимъ именемъ и ясно отличаетъ отъ другихъ народовъ; притомъ Хазары-Черкесы если и жили въ Крыму, то преимущественно въ качествѣ дружинъ, разсѣянныхъ по городамъ и замкамъ, откуда они собирали дани съ подчиненныхъ туземцевъ. Остается предположить, что это была какая-либо часть все тѣхъ же Черныхъ Болгаръ или Гунновъ, по извѣстію Прокопія занимавшихъ всю восточную полосу Крыма отъ Корсуня до Боспора. Мы уже приводили извѣстія объ ихъ обращеніи въ христіанство въ VI и VII вѣкахъ. Разумѣется, оно продол-

*) Названіе Фуллы не скрывается ли въ названіи Русскофулей или Ускрофиль на Никитскомъ мысу около Ялты? (См. Крымск. Сборн. Кеппена. 132).

жало распространяться и въ послѣдующіе вѣка, и преимущественно по сосѣдству съ такими греческими центрами, какъ Корсунь и Сугдея. Эти языческіе обряды у народа, еще не твердаго въ вѣрѣ, и это поклоненіе дубу совершенно согласны какъ съ общимъ ходомъ христіанства у Черныхъ Болгаръ въ Крыму, такъ и вообще съ языческою религіей Славянъ. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ Кириллъ и Меѳодій, обращаясь къ туземцамъ, могли показать свое знаніе славянскаго языка. Послѣднее обстоятельство приводитъ насъ къ вопросу объ упомянутыхъ въ житіи *русскихъ письменахъ*, а также вообще къ вопросу о письменахъ Славянъ и переводѣ Священнаго Писанія на церковно-славянскій языкъ.

По смыслу житія Константинъ (и Меѳодій), прибывъ въ Корсунь, остановился здѣсь на нѣкоторое время и началъ изучать языки сосѣднихъ народовъ. Это извѣстіе весьма правдоподобно. Херсонесъ Таврическій былъ въ то время дѣятельнымъ торговымъ посредникомъ между византійскими областями, лежавшими по западному и южному берегу Чернаго моря съ одной стороны, и варварскими народами, обитавшими на сѣверъ и востокъ съ этого моря, съ другой. На Херсонскомъ торжищѣ сходились весьма разнообразные языки. Здѣсь, между прочимъ, можно было встрѣтить Евреевъ, Хазаръ, Болгаръ и Руссовъ. Слѣдовательно, этотъ городъ представлялъ большое удобство для знакомства съ языками упомянутыхъ народовъ. Такъ Константинъ здѣсь научился „жидовской бесѣдѣ“ и еврейскимъ книгамъ. Въ данномъ случаѣ я думаю, что жидовская бесѣда и еврейскія книги суть не одинъ и тотъ же языкъ. Извѣстно, что Евреи давно уже перестали говорить на своемъ древнемъ языкѣ, а принимали обыкновенно рѣчь тѣхъ народовъ, посреди которыхъ они жили. Слѣдовательно, Константинъ съ помощью книгъ дѣйствительно могъ изучать древне-еврейскій языкъ. Въ житіи говорится именно о Самарянинѣ, и можетъ быть, Константинъ выучился понимать книжное самаританское нарѣчіе *). А что касается до живой разговорной рѣчи, которой онъ научился отъ Евреевъ въ Херсонѣ, то вѣроятно, это была рѣчь Хазаръ или Черкесовъ, посреди которыхъ

---

*) Упоминаніе о Самарянинѣ принадлежитъ къ тѣмъ чертамъ, которыя свидѣтельствуютъ о достовѣрности этой части житія. Крымскіе Евреи Среднихъ вѣковъ считали себя именно выходцами Самарянскими и имѣли Самаританскую эру. См. о томъ въ упомянутомъ выше изслѣдованіи г. Хвольсона: Achtzehn Hebräische Grabschriften aus der Krim. 1865.

жили Евреи, и часть которыхъ они обратили въ свою религію. Такое предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что Константинъ отправился именно къ Хазарамъ и, слѣдовательно, имѣлъ нужду ознакомиться съ ихъ языкомъ. Далѣе въ Херсонѣ Константинъ нашелъ русскія книги, Псалтирь и Евангеліе, и человѣка, говорившаго русскимъ языкомъ; у этого Русина онъ выучился читать и говорить по русски, „къ удивленію многихъ“.

На послѣднемъ извѣстіи мы остановимся и спросимъ: на какомъ языкѣ были написаны означенныя книги?

По всѣмъ соображеніямъ эти книги были ничто иное какъ церковно-славянскій, то-есть, болгарскій переводъ Священнаго Писанія. Если бы подобный переводъ существовалъ въ IX вѣкѣ собственно на русскомъ языкѣ, то естественно представляется вопросъ: зачѣмъ же Кіевская Русь, принявшая христіанство въ X вѣкѣ, не воспользовалась переводомъ на своемъ родномъ нарѣчіи, а приняла церковныя книги на языкѣ болгарскомъ? Если существовалъ русскій переводъ, то куда же онъ пропалъ? Затѣмъ: есть ли вѣроятность, чтобъ около половины IX вѣка былъ уже русскій переводъ, когда мы не имѣемъ указаній на христіанство Русскаго народа до этого времени? Между тѣмъ, если обратимся къ Болгарамъ, то увидимъ всѣ данныя на ихъ сторонѣ. Мы говорили о начаткахъ христіанской религіи у Таврическихъ Болгаръ въ VI и VII вѣкахъ. Съ того времени она, разумѣется, утверждалась все болѣе и болѣе, и около половины IX вѣка значительная часть Черныхъ Болгаръ исповѣдывала греческую вѣру, между тѣмъ какъ другая часть оставалась въ язычествѣ. Если христіанство не получило еще между ними окончательнаго господства, то конечно, вслѣдствіе ихъ раздробленія на мелкія общины и владѣнія, то-есть, вслѣдствіе недостатка централизаціи. Значеніе послѣдней въ этомъ отношеніи мы видимъ у Дунайскихъ Болгаръ при Борисѣ и въ Кіевской Руси при Владимірѣ: когда принимали крещеніе верховный князь и его дружина, то съ помощью ихъ могущественной поддержки крещеніе подчиненныхъ племенъ пошло быстрѣе.

Если часть Болгаръ уже въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій исповѣдывала христіанство, то слѣдовательно имѣла и богослуженіе на своемъ языкѣ. Греческая проповѣдь, какъ мы знаемъ, отличалась отъ латинской тѣмъ, что первая почти вездѣ новообращеннымъ народамъ давала богослуженіе на ихъ родномъ языкѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ на ихъ языки переводилось и Священное

Писаніе. Еслибъ у Болгаръ VII, VIII и первой половины IX вѣка было богослуженіе на греческомъ языкѣ и греческія богослужебныя книги, то они успѣли бы на столько укорениться, что едва ли уступили бы потомъ безъ борьбы свое мѣсто славянскому языку. Между тѣмъ никакой борьбы, никакихъ слѣдовъ этого перехода мы не видимъ. Но если существовали болгарскіе переводы; то были и болгарскія, то-есть, славянскія письмена до Кирилла. Мы съ достаточною вѣроятностію можемъ утверждать, что сказанія объ изобрѣтеніи славянскихъ письменъ Кирилломъ имѣютъ легендарную примѣсь.

Повторяемъ, изъ всѣхъ сказаній, вошедшихъ въ такъ называемые Паннонскія житія Константина и Меѳодія, сказаніе о путешествіи къ Хазарамъ, по нашему мнѣнію, заключаетъ въ себѣ наиболѣе историческихъ данныхъ, хотя и въ немъ есть легендарная, то-есть, позднѣйшая примѣсь. Этотъ болѣе историческій характеръ подтверждаетъ, что въ основу его дѣйствительно легло сочиненіе Меѳодія о хазарской миссіи; тогда какъ для другихъ частей житія основаніемъ послужили сочиненія и расказы его учениковъ, и слѣдовательно, эти части успѣли болѣе проникнуться духомъ легенды. А потому данныя изъ перваго сказанія послужатъ для насъ исходными пунктами, и именно данныя, относящіеся къ пребыванію братьевъ въ Тавридѣ или собственно въ Корсуни; такъ какъ здѣсь мы находимъ наиболѣе точныя и обстоятельныя указанія. Напрасно ученые слависты относились съ пренебреженіемъ къ этимъ указаніямъ, и такъ сказать, обходили ихъ, предпочтительно давая вѣру другимъ даннымъ, несогласнымъ съ ними и менѣе ихъ достовѣрнымъ. Они слишкомъ легко рѣшали вопросъ о русскихъ, то-есть, славянскихъ Псалтирѣ и Евангеліи, найденныхъ въ Корсуни, предполагая въ нихъ то готскую письменность, то глагольскую, то просто считая все это мѣсто о русскихъ письменахъ позднѣйшею вставкою. Впрочемъ, невозможно винить однихъ филологовъ въ этомъ случаѣ: главная вина должна пасть на историковъ, которые и не подозрѣвали исконнаго существованія Славяно-Болгарскаго племени на Таврическомъ полуостровѣ въ сосѣдствѣ съ Корсунскою областью; а Русь IX вѣка считали народомъ норманскимъ. *)

---

*) Исключеніе изъ ученыхъ славистовъ въ данномъ случаѣ представляетъ И. И. Срезневскій, который на первомъ археологическомъ съѣздѣ, происходив-

VIII.

Вопросъ объ изобрѣтеніи славянскихъ письменъ. — Недостовѣрное сказаніе Храбра.—Одновременное существованіе кирилицы и глаголицы. — Принесеніе первой изъ Корсуня Кирилломъ и Меѳодіемъ.—Домыслы позднѣйшихъ книжниковъ. — Труды ученыхъ славистовъ.

Константинъ и Меѳодій были родомъ, очевидно, Греки, и первоначально знакомились съ славянскимъ языкомъ, конечно, благодаря сосѣдству болгарскихъ поселеній съ Солунью, или вѣроятному присутствію болгарскаго элемента въ самомъ городѣ. Но едва ли они владѣли этимъ языкомъ вполнѣ. Особенно послѣднее можно сказать о Константинѣ, который еще во время отрочества былъ взятъ въ Константинополь, гдѣ и получилъ свое образованіе. Меѳодій, вѣроятно, долѣе оставался на родинѣ и ближе ознакомился съ языкомъ болгарскимъ. Недаромъ же въ одномъ древнемъ прологѣ сказано, что Кириллъ упросилъ брата Меѳодія сопутствовать ему въ Хазарію, *зане умъяше языкъ словенскъ* (О времени происх. слав. письменъ—*Бодянскаго*, 73). Братья, по ви-

шемъ въ Москвѣ въ 1869 г., предложилъ нѣкоторыя новыя соображенія о началѣ славянской азбуки, связавъ ихъ съ извѣстіемъ житія о русскихъ письменахъ, найденныхъ въ Корсуни. Вотъ сущность его соображеній. Онъ указалъ, вопервыхъ, на то, что начертаніе буквъ или уставное письмо въ древнѣйшихъ славянскихъ рукописяхъ совсѣмъ не соотвѣтствуетъ греческимъ рукописямъ IX — X вѣка, то-есть, эпохѣ, къ которой относятъ изобрѣтеніе Кирилла; въ эту эпоху въ греческихъ рукописяхъ преобладаетъ уже скоропись. Слѣдовательно, буквы, вошедшія въ славянскую азбуку, взяты изъ того греческаго письма, которое господствовало въ болѣе раннее время, приблизительно въ VI—VII вѣкахъ. Далѣе онъ указываетъ на господство надстрочныхъ знаковъ и правильное употребленіе знаковъ препинанія въ греческомъ письмѣ IX вѣка, чего нѣтъ въ славянскихъ рукописяхъ. Наконецъ, онъ напомнилъ извѣстіе Константинова житія о русскихъ письменахъ, найденныхъ въ Корсуни, извѣстіе, которое, не смотря на многочисленность рукописей, вездѣ читается одинаковымъ образомъ". Противъ готскаго языка, по его мнѣнію, свидѣтельствуетъ само житіе, которое говоритъ, что Константинъ, услыхавъ Русскаго, долженъ былъ только прислушиваться къ видоизмѣненіямъ гласныхъ и согласныхъ и вскорѣ началъ „чести и сказати" то-есть, читать и объяснять. Это указаніе, по замѣчанію г. Срезневскаго, очень важно, и его „не слѣдуетъ упускать изъ виду". (См. Труды съѣзда, т. I, стр. CXV).

димому, очень хорошо знали, что въ Хазаріи они прежде всего встрѣтятъ Болгарское племя. Въ Корсуни они нашли нѣкоторыя книги Священнаго Писанія въ переводѣ на славянскій языкъ и принялись изучать эти славянскія письмена. Въ тоже время они воспользовались проживавшими въ Корсуни Славянами, чтобъ усовершенствовать себя и въ разговорной славянской рѣчи.

Затѣмъ, славянскій языкъ и найденный переводъ Псалтири и Евангелія проходятъ уже чрезъ все житіе Солунскихъ братьевъ *). Такъ, еще не выѣзжая изъ Тавриды, Константинъ укрѣпляетъ въ вѣрѣ обитателей Фуллы и обращается къ нимъ съ рѣчью, конечно на ихъ родномъ языкѣ, а иначе они его не поняли бы; при этомъ онъ даетъ имъ цѣловать святое Евангеліе. А мы уже замѣтили, что эти обитатели Фуллы, по всѣмъ соображеніямъ, были никто иное, какъ часть тѣхъ же Черныхъ Болгаръ. Послѣ его возращенія изъ Тавриды является къ императору посольство отъ Моравскихъ князей съ просьбою прислать имъ учителей, и императоръ отправляетъ къ нимъ Солунскихъ братьевъ, какъ хорошо знающихъ славянскій языкъ. Снаряжаясь въ Моравію, братья, какъ повѣствуетъ ихъ житіе, приготовляютъ прежде всего Евангеліе и Псалтирь, какъ книги наиболѣе необходимыя для богослуженія. Конечно, это были тѣ самыя книги, которыя они нашли въ Корсуни и, по всей вѣроятности, взяли съ собою или списали. Во всякомъ случаѣ, дѣло идетъ о переписываніи готовыхъ славянскихъ книгъ и о продолженіи переводовъ, и едва ли имѣетъ какую-либо вѣроятность извѣстіе житія о томъ, чтобы братья принялись изобрѣтать славянскія письмена только тогда, когда императоръ рѣшилъ отправить ихъ въ Моравію. Не возможно было бы въ такой короткій срокъ составить алфавитъ и перевести хотя одно Евангеліе. Да притомъ и не было нужды изобрѣтать славянское письмо и переводить Евангеліе, такъ какъ братья то и другое уже нашли въ Корсуни. Впрочемъ, въ житіи и не говорится объ изобрѣтеніи письменъ; а употребляются неопредѣленныя и весьма краткія выраженія: „и тогда сложи письмена и нача бесѣду писати евангельскую“. Это говорится въ Паннонскомъ житіи Константина; а въ житіи его брата Меѳодія по поводу отправленія въ Моравію сказано: „Да ту яви Богъ философу словенскы книги, и абіе устроивъ письмена и бесѣду ставль“; а

*) См. Паннонскія житія Константина и Меѳодія въ Чтен. Общ. истор. и древн. 1863 г., № 2 и 1865 г., № 1.

далѣе упоминается, что „псалтирь бо бѣ токмо и евангеліе съ апостоломъ и избранными службами церковными съ философомъ преложилъ первѣе“; то-есть, это сдѣлалъ Меѳодій еще вмѣстѣ съ братомъ, отчасти въ Моравіи, а отчасти (какъ свидѣтельствуетъ житіе Константина) до прихода въ Моравію. По смерти брата, когда Меѳодій одинъ подвизался въ Моравіи въ санѣ архіепископа, то онъ „отъ ученикъ своихъ посажь два попы скорописца зѣло, преложи въбързѣ вся книгы испълнь, развѣ Макавѣи, отъ греческа языка въ словѣньскъ шестію мѣсяцъ“. Уже самое указаніе на время, то-есть, на шесть мѣсяцевъ, и на скоропись исключаютъ всякое вѣроятіе, чтобы тутъ шла рѣчь собственно о переводѣ почти всего Священнаго Писанія; оно отчасти было переведено прежде Константина и Меѳодія, а отчасти сдѣлано ихъ трудами, или подъ ихъ руководствомъ.

Что въ житіяхъ Константина и Меѳодія обозначается еще общими неопредѣленными выраженіями, допускающими разнообразныя толкованія, то въ болѣе позднемъ произведеніи, именно въ Сказаніи черноризца Храбра о письменахъ Славянскихъ, облекается въ болѣе опредѣленныя формы. Послѣднее уже прямо приписываетъ Константину и Меѳодію изобрѣтеніе славянскихъ письменъ и переводовъ Священнаго Писанія на славянскій языкъ. Но въ хронологическомъ отношеніи между житіями и Храбромъ существуетъ непримиримое разногласіе. По смыслу житій, изобрѣтеніе письменъ предпринято было только вслѣдствіе посольства Моравскихъ князей, то-есть, въ 862 году; этотъ годъ принимаютъ и наиболѣе извѣстные слависты, напримѣръ, Шафарикъ и Бодянскій. (См. доказательства, собранныя въ книгѣ послѣдняго: О времени происхожденія Славянскихъ письменъ). Но Храбръ приводитъ самый годъ изобрѣтенія, именно 855, и этого года держались нѣкоторые другіе слависты (напримѣръ, Добровскій и Гильфердингъ). Но если принять послѣднюю хронологію, то уничтожится самый поводъ изобрѣтенія, приводимый житіемъ, то-есть, предстоявшая миссія въ землю Моравскихъ Славянъ, такъ какъ въ 855 году еще не было о ней рѣчи. Притомъ, по замѣчанію г. Бодянскаго, Храбръ говоритъ, что письмена были изобрѣтены во время Михаила царя Болгарскаго, Растица князя Моравскаго и Коцела Блатенскаго, — между тѣмъ какъ Коцелъ наслѣдовалъ своему отцу въ княжествѣ Блатенскомъ только въ 861 году. Г. Бодянскій указываетъ и другія обстоятельства, противорѣчащія 855 году, какъ времени изобрѣтенія письменъ. Кто

былъ черноризецъ Храбръ, когда и гдѣ писалъ свое сказаніе, до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ. Его относятъ обыкновенно къ X вѣку и даже считаютъ современникомъ царя Симеона, преимущественно на основаніи слѣдующаго выраженія: „суть бо еще живи, иже суть видѣли ихъ“, то-есть, живы тѣ, которые видѣли Константина и Меѳодія. Но это выраженіе встрѣчается только въ одномъ спискѣ сказанія (въ библіотекѣ Московской Духовной академіи), и потому даетъ поводъ къ нѣкоторымъ сомнѣніямъ, то-есть, не есть ли это позднѣйшая вставка? А также: дѣйствительно ли подъ словомъ *ихъ* надобно подразумѣвать Кирилла и Меѳодія? Далѣе, мы не имѣемъ списковъ этого сказанія ранѣе второй половины XIV вѣка; по смыслу же сказанія совсѣмъ не видно, чтобы сочинитель по времени жилъ очень близко къ Солунскимъ братьямъ.

По нашему мнѣнію, изслѣдователи недостаточно обращали вниманія на полемическій характеръ Храброва сказанія. Оно, очевидно, было написано съ цѣлью защитить уже сложившееся представленіе о Солунскихъ братьяхъ, какъ изобрѣтателяхъ письменъ, отъ тѣхъ скептиковъ, которые не согласны были съ этимъ представленіемъ. Напримѣръ, онъ указываетъ на людей, утверждавшихъ, что Константинъ и Меѳодій не хорошо устроили письмена, такъ какъ онѣ все еще продолжаютъ устроиваться. А въ концѣ сказанія, обозначая время изобрѣтенія письменъ, сочинитель прибавляетъ: „суть же и ини отвѣти, яже и индѣ речемъ“, то-есть, существуютъ и другіе отвѣты или мнѣнія объ этомъ предметѣ; но о нихъ поговоримъ въ другомъ мѣстѣ. Слѣдовательно, во времена Храбра были разныя мнѣнія о времени изобрѣтенія. Все это указываетъ, что онъ совсѣмъ не жилъ такъ близко къ эпохѣ Кирилла и Меѳодія, какъ то казалось. Мы полагаемъ, что сказаніе Храбра едва ли было написано ранѣе XI вѣка, а слѣдовательно, едва ли ранѣе того времени, когда дѣятельность Солунскихъ братьевъ и происхожденіе славянскихъ письменъ уже сдѣлались достояніемъ легенды.

Храбръ не даромъ намекаетъ въ своемъ сочиненіи, что были и другія мнѣнія; и дѣйствительно, если сравнить между собою всѣ извѣстные намъ источники, относящіеся къ дѣятельности Кирилла и Меѳодія, то мы найдемъ значительныя разнорѣчія. Наибольшую цѣну для насъ имѣютъ, конечно, источники, современные Солунскимъ братьямъ, именно, латинскія свидѣтельства папы Іоанна VIII и Зальцбургскаго анонима. Іоаннъ VIII въ пись-

мѣ своемъ 880 года къ Моравскому князю Святополку говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „По справедливости хвалимъ письмена славянскія, открытыя нѣкимъ философомъ Константиномъ, по которымъ воздается должное славословіе Господу“ (Litteras denique sclavonicas a Constantino quodam philosopho repertas, quibus Deo laudes debitæ resonent, jure laudamus). А Зальцбургскій анонимъ въ своей запискѣ объ обращеніи Баварцевъ и Хорутанъ, составленной около 873 года, между прочимъ, выражается такъ: „Пока не появился какой-то Грекъ, именемъ Меѳодій, со вновь изобрѣтенными славянскими письменами“ (noviter inventis sclavinicis litteris; см. соч. Бодянскаго). Что же можно извлечь изъ этихъ двухъ свидѣтельствъ? Главнымъ образомъ то, что латинское духовенство того времени считало славянскія письмена недавно открытыми или изобрѣтенными. Это открытіе, судя по словамъ Іоанна VIII, приписывалось Константину; Зальцбургскій анонимъ не назвалъ изобрѣтателя, а замѣтилъ только, что Меѳодій принесъ въ Моравію эти вновь изобрѣтенныя письмена. Мы не находимъ здѣсь яснаго отчетливаго представленія о самомъ открытіи или изобрѣтеніи; несомнѣнно только одно, что письменность эта была новостью, принесенною въ Моравію Кирилломъ и Меѳодіемъ. Отсюда вытекаетъ вопросъ: въ какой степени Кириллъ и Меѳодій могутъ быть названы изобрѣтателями этихъ письменъ? Чтобы разъяснить сколько нибудь подобный вопросъ, мы все-таки возвращаемся къ ихъ Паннонскимъ житіямъ, въ основаніе которыхъ легли достовѣрные факты, но впослѣдствіи затемненные или запутанные нѣкоторыми легендарными примѣсями.

Упоминаніе о русскихъ Евангеліи и Псалтири, найденныхъ въ Корсуни, мы считаемъ драгоцѣннымъ извѣстіемъ, которое бросаетъ лучъ свѣта на вопросъ объ изобрѣтеніи славянскихъ письменъ. Ужь и прежде слышались возраженія противъ непосредственнаго изобрѣтенія; основательно указывали на то, что письмена обыкновенно не изобрѣтались вдругъ, однимъ человѣкомъ; что они создавались постепенно, съ помощью заимствованій, передѣлокъ и приспособленій. Слѣдовательно, говоря о Кириллѣ и Меѳодіи, невозможно понимать слово изобрѣтеніе въ буквальномъ смыслѣ. Самъ Храбръ говоритъ, что Славяне уже употребляли греческія и латинскія письмена, но только съ затрудненіями, которыя, конечно, происходили главнымъ образомъ отъ недостатка знаковъ, способныхъ выразить звуки шипящіе и свистящіе, почти чуждые классическимъ языкамъ. Основаніе нашего

алфавита или большинство буквъ чисто греческое, и древній славянскій уставъ въ этомъ отношеніи немного отличается отъ устава греческаго VI—VII вѣковъ. Слѣдовательно, тутъ не было никакого изобрѣтенія, а прямое заимствованіе. Это заимствованіе мы думаемъ, возникло преимущественно тамъ, гдѣ Восточно-Славянскій міръ соприкасался съ Греческимъ и находился съ нимъ въ дѣятельныхъ сношеніяхъ, то-есть на берегахъ Чернаго моря, въ греко-скиѳскихъ епархіяхъ Херсона и Воспора. Впрочемъ, относительно прямаго перехода 24 греческихъ буквъ въ славянскій алфавитъ теперь почти никто не сомнѣвается; вопросъ заключается собственно въ 12 или 14 знакахъ для передачи звуковъ носовыхъ, шипящихъ и свистящихъ и такъ-называемыхъ полугласныхъ. Откуда они взялись, и можно ли изобрѣтеніе ихъ приписывать Солунскимъ братьямъ? Мы думаемъ, что и эти буквы уже существовали, и что онѣ не были сочинены или взяты Константиномъ изъ другихъ восточныхъ алфавитовъ. Что подобныя буквы существовали, доказательствомъ тому служитъ другой славянскій алфавитъ, извѣстный подъ именемъ *глаголицы*. Тамъ есть также шипящія и свистящія буквы, но при этомъ почти весь алфавитъ своимъ начертаніемъ не похожъ на греческій. Можно ли предположить, что и глаголица есть также изобрѣтеніе какого-либо лица?

Извѣстно, что Шафарикъ въ послѣднее время своей жизни отказался отъ прежняго мнѣнія и считалъ глаголицу изобрѣтеніемъ Константина и Меѳодія, а кирилицу—дѣломъ ученика ихъ Климента, который будто бы отступилъ отъ изобрѣтенія своихъ учителей и приблизилъ славянскій алфавитъ къ греческому. Такое оригинальное мнѣніе не нашло послѣдователей и встрѣтило сильныя опроверженія. И дѣйствительно, оно не подтверждается никакими данными. Извѣстенъ также споръ между учеными славистами о томъ, какая азбука древнѣе: кирилица или глаголица? Главный источникъ подобнаго спора, также какъ причина недоумѣнія великаго славянскаго ученаго и вообще противорѣчивыхъ мнѣній объ этомъ предметѣ, заключается въ томъ, что исходный пунктъ былъ не вѣренъ. Доселѣ ученые въ своихъ мнѣніяхъ исходили отъ *изобрѣтенія* письменъ, совершеннаго извѣстнымъ лицомъ въ извѣстное время, — тогда какъ въ дѣйствительности подобнаго изобрѣтенія не было. Уже самое существованіе двухъ славянскихъ азбукъ, существованіе параллельное и стародавнее, показываетъ, что намѣреннаго изобрѣтенія не было: если одна

какая-либо азбука издавна существовала у Славянъ, то Константину и Меѳодію не было надобности изобрѣтать другую. Толкованіе, что глаголица изобрѣтена спеціально для отдѣленія Славянъ католическихъ отъ православныхъ, не подтверждается никакими данными; католическое духовенство могло только воспользоваться для этой цѣли уже существовавшимъ алфавитомъ. Мы думаемъ, что два означенные алфавита и при самомъ началѣ своемъ также относились другъ къ другу, какъ они относятся и теперь, то-есть: это—алфавиты западно-славянскій и восточно-славянскій.

Нѣкоторые (напримѣръ, г. Григоровичъ) полагали, что русскія книги, найденныя Константиномъ въ Корсуни, по всей вѣроятности, принадлежали собственно глагольской письменности. Но доселѣ ни одинъ памятникъ не позволяетъ думать, чтобъ эта письменность получила начало въ южной Россіи. Почти всѣ значительные глагольскіе памятники принадлежатъ Славянамъ Иллирійскимъ и Дунайскимъ. (Нѣкоторые отрывки, найденные въ Россіи, еще не могутъ свидѣтельствовать о русскомъ происхожденіи глаголицы). Когда возникъ этотъ алфавитъ, мы не знаемъ; по всей вѣроятности, онъ издавна существовалъ у этихъ Славянъ. Замѣчательно, что на западѣ, то-есть, въ латинскомъ мірѣ, онъ имѣлъ, между прочимъ, названіе алфавита „Булгарскаго“ (Abecenarium Bulgaricum). Но и это названіе еще не указываетъ на его происхожденіе. Мы можемъ предположить, что Болгарскіе Славяне нашли его у Иллирійскихъ и Мизійскихъ Славянъ, которыхъ они отчасти покорили въ VI—VII вѣкахъ. Между этими послѣдними уже распространилось христіанство, и очень вѣроятно, что у нихъ уже существовали начатки переводовъ Священнаго Писанія на славянскій языкъ, написанныхъ именно глагольскими знаками. Но впослѣдствіи глаголица у Болгаръ была вытѣснена такъ-называемою кирилицей. Откуда же взялась послѣдняя? Полагаемъ, что это былъ восточно-славянскій алфавитъ, именно тотъ, которымъ были написаны русскія книги, найденныя въ Корсуни. Мы говорили, что между Черными Болгарами уже давно существовало христіанство, а слѣдовательно, можемъ предположить у нихъ существованіе славянскаго богослуженія и славянскихъ переводовъ Священнаго Писанія. Извѣстіе Паннонскаго житія о русскихъ письменахъ совершенно соотвѣтствуетъ этому предположенію. Оно согласуется и съ тѣмъ выводомъ, что въ распространеніи христіанства здѣсь главную роль игралъ Кор-

сунь. Мы видѣли, что та Фульская область, въ которой находилось полуязыческое, полухристіанское населеніе, лежала по сосѣдству съ Корсунскою землею. Здѣсь-то въ Корсуни, вѣроятно, и были положены начатки восточно-славянскихъ переводовъ неизвѣстными міру миссіонерами полугреческаго, полуславянскаго происхожденія, хорошо владѣвшими и тѣмъ, и другимъ языкомъ.

Переводы эти въ житіи названы письменами *русскими*. Но такое названіе нисколько не должно насъ затруднять. Оно могло быть уже въ первоначальной запискѣ о путешествіи Константина въ Хазарію. Въ эпоху Солунскихъ братьевъ Русь уже проникла въ Крымъ; что́ подтверждается нападеніемъ ея на Царьградъ, нападеніемъ, которое, какъ мы говорили, обусловливалось присутствіемъ русскаго вліянія или русскаго владычества на берегахъ Боспора Киммерійскаго (это присутствіе Руси въ томъ краю подтверждается и арабскими извѣстіями). Но возможно также, что это названіе принадлежитъ собственно редакціи житія, то-есть, тому времени, когда Русь, господствуя въ странѣ Черныхъ Болгаръ, уже получила болгаро-славянскую письменность, которую, поэтому, могли иногда вмѣсто „славянской“ называть „русскою“. Что корсунскіе Евангеліе и Псалтирь были написаны собственно не на русскомъ, а на болгарскомъ языкѣ, это ясно. Повторяемъ, никакихъ слѣдовъ русскаго перевода мы не имѣемъ; а еслибъ онъ существовалъ на Корсуни, то крещеной Руси потомъ не было бы нужды усвоивать себѣ богослуженіе и переводы на языкѣ древне-болгарскомъ. Между тѣмъ, всѣ данныя подтверждаютъ, что и начало русскаго христіанства было также въ Крыму; что оно возникло между Руссами послѣ ихъ соединенія съ Черными Болгарами, и что въ нашемъ христіанствѣ первенствующая роль принадлежитъ все тому же Корсуню. Не даромъ и самый главный актъ въ исторіи нашего христіанства, то-есть, крещеніе Владиміра, совершилось именно въ Корсуни. Археологическія изысканія доказываютъ, что и первые Кіевскіе храмы, напримѣръ Десятинная церковь, были созданы по плану и образцу именно храмовъ Корсунскихъ.

Итакъ, мы полагаемъ, что Солунскіе братья дѣйствительно нашли въ Корсуни восточно-славянскую азбуку и начатки собственно болгарскихъ переводовъ. Они благоразумно и искусно воспользовались этою письменностію для своей миссіи къ Славянамъ Моравскимъ. Мы собственно отрицаемъ изобрѣтеніе ими письменъ; но затѣмъ остаются за ними огромныя заслуги по

устроенію и распространенію этой письменности. По всей вѣроятности, они привели въ болѣе стройный порядокъ славянскую азбуку, продолжали дѣло перевода, исправляли переводы прежніе и особенно много заботились о списываніи богослужебныхъ книгъ. Эти восточно-славянскія книги, принесенныя ими въ Моравію, дѣйствительно могли показаться тамъ вновь изобрѣтенными письменами. Что же касается Дунайскихъ Болгаръ, то здѣсь эта письменность, по всей вѣроятности, была распространена собственно учениками Солунскихъ братьевъ, которые по смерти Меѳодія принуждены были, вслѣдствіе гоненій, покинуть Моравію и удалиться въ Болгарію. Таковы знаменитые седмичисленники: Гораздъ, Наумъ, Климентъ, Сава и Ангеларій. Кирилловское письмо тѣмъ легче могло восторжествовать здѣсь надъ другимъ письмомъ (глагольскимъ), что само оно (то-есть, кирилица) было собственно болгарскаго происхожденія.

Краткое извѣстіе житія о русскихъ письменахъ, найденныхъ въ Корсуни, и о человѣкѣ, научившемъ Константина русской грамотѣ, не осталось безъ кривыхъ толковъ и у нашихъ старинныхъ книжниковъ. Оно служитъ нагляднымъ примѣромъ тому, какъ неудобопонятныя мѣста древнѣйшихъ памятниковъ подвергаются произвольнымъ толкованіямъ со стороны позднѣйшихъ списателей. Упомянутое извѣстіе породило у русскихъ книжниковъ домыслъ о томъ, что русская грамота никѣмъ не изобрѣтена, но самимъ Богомъ явлена въ Корсуни нѣкоему благочестивому Русину во дни царя Михаила и матери его Ирины, и что отъ этого Русина Константинъ Философъ научился русской грамотѣ, которую ввелъ между Моравами, Чехами и Ляхами, откуда она потомъ была вытѣснена ревнителемъ католическаго обряда Войтехомъ. Это сказаніе встрѣчается въ рукописи XV вѣка, принадлежащей Московской духовной академіи, въ той же рукописи, гдѣ находится Паннонское житіе Константина Философа (См. *Чт. Общ. Ист. и Др.* 1863 г., № 2). Достоуважаемый авторъ изслѣдованія „О времени происхожденія Славянскихъ письменъ“ справедливо называетъ это сказаніе позднѣйшимъ домысломъ (стр. 101). Но мы не можемъ согласиться съ его мнѣніемъ, что этотъ домыселъ породилъ вставку о русскихъ письменахъ въ самомъ житіи Константина. Очевидно, дѣло произошло наоборотъ, то-есть, какъ мы выше замѣтили, плохо понятое извѣстіе Константинова житія породило сказаніе о русскихъ письменахъ, явленныхъ самимъ Богомъ нѣкоему Русину. Читая извѣстіе, что Константинъ

нашелъ въ Корсуни русскія письмена, пытливый книжникъ не могъ не задать себѣ вопроса: а откуда же взялись эти письмена, — и рѣшилъ его совершенно въ духѣ своего патріотизма и своего благочестія *).

Рядомъ съ этимъ толкованіемъ возникло другое сказаніе о происхожденіи русскихъ письменъ. Это сказаніе приписываетъ изобрѣтеніе ихъ епископу, крестившему Русь во времена императора Василія Македонянина. Оно дошло до насъ въ греческомъ сочиненіи, принадлежащемъ неизвѣстному автору и напечатано у Бандури въ его Imperium Orientale съ латинскимъ переводомъ (т. II, стр. 112). Сказаніе это повѣствуетъ объ отправленіи Русскимъ княземъ пословъ сначала въ Римъ, потомъ въ Константинополь для испытанія обряда. Послы отдаютъ предпочтеніе обряду греческому. Тогда великій князь Русскій обращается къ императору Василію Македонянину съ просьбой о присылкѣ епископа, который крестилъ бы его и народъ его. Императоръ отправилъ епископа съ двумя товарищами, Кирилломъ и Аѳанасіемъ. Эти мужи дѣйствительно крестили народъ; но увидавъ его грубость и невѣжество, они составили для него азбуку изъ 35 буквъ, въ число которыхъ помѣстили 24 греческія буквы. (Слѣдуютъ славянскія ихъ названія, то-есть, азъ, буки, вѣди и пр.). Потомъ расказывается встрѣчающееся и въ другихъ греческихъ источникахъ чудо съ Евангеліемъ, которое епископъ по требованію князя и народа бросилъ въ зажженный костеръ, и оно осталось невредимымъ. Все это сказаніе есть, очевидно, довольно позднее сочиненіе и представляетъ смѣсь разныхъ легендъ, по всей вѣроятности, болѣе русскаго происхожденія, чѣмъ греческаго. О томъ свидѣтельствуютъ славянскія названія буквъ, заключающія слѣды южно - русскаго произношенія (какъ доказываетъ г. Бодянскій въ помянутомъ выше изслѣдованіи). Тутъ съ извѣстными расказами о посольствѣ русскихъ мужей для испытанія церковныхъ обрядовъ связалась и легенда о Кириллѣ и Меѳодіѣ, какъ изобрѣтателяхъ славянскихъ письменъ; но изобрѣтеніе это назначается собственно для Русскаго народа. Подобное назначеніе также указываетъ на русское происхожденіе самого сказанія. Можетъ быть, приведенное выше толкованіе о русскихъ письменахъ, явленныхъ нѣкоему Русину самимъ Богомъ,

---

*) Константинъ философъ Костенскій въ XV в. писалъ, что Кириллъ и Меѳодій переводили Св. писаніе главнымъ образомъ на русскій языкъ. (Иречекъ. Одесса. 1878. 570. стр. Со ссылкою на Starine Даничича).

отчасти имѣло въ виду отпоръ другому мнѣнію, которое считало ихъ изобрѣтеніемъ Грековъ. Все это свидѣтельствуетъ о томъ, какія разнообразныя мнѣнія существовали въ старину о дѣятельности Кирилла и Меѳодія и о происхожденіи славянскихъ письменъ.

Для даннаго вопроса весьма важно то обстоятельство, что во всей обширной литературѣ византійской мы не имѣемъ ни одного греческаго источника, современнаго или близкаго по времени къ эпохѣ Константина и Меѳодія, источника, который хотя бы однимъ словомъ упомянулъ о дѣятельности Солунскихъ братьевъ въ пользу Славянъ. Это полное молчаніе бросаетъ сильную тѣнь на достовѣрность сказаній объ *изобрѣтеніи* славянскихъ письменъ въ IX вѣкѣ. Трудно предположить, чтобы византійскіе историки умолчали о такомъ важномъ дѣлѣ двухъ своихъ соотечественниковъ, еслибъ это дѣло совершилось въ дѣйствительности. Всѣ попытки объяснить подобное молчаніе представляютъ крайнія натяжки. Помянутое сочиненіе анонима у Бандури хотя и написано по гречески, но какъ мы замѣтили, есть довольно позднее произведеніе, основанное не на греческихъ источникахъ. То же самое можно сказать о другомъ памятникѣ, именно о *Житіи святаго Климента, епископа Булгарскаго*, существующемъ на греческомъ языкѣ. Это сочиненіе приписывается болгарскому архіепископу Ѳеофилакту (умершему въ 1107 году), родомъ Греку *). Но очевидно, оно составлено въ Болгаріи и на основаніи болгарскихъ, а не греческихъ источниковъ. Житіе это приписываетъ изобрѣтеніе письменъ обоимъ братьямъ Кириллу и Меѳодію. Существуетъ еще другое, краткое житіе Климента, также на греческомъ языкѣ (изданное г. Григоровичемъ въ *Журн. Мин. Народ. Просв.* 1847 г. № 1). Послѣднее составляетъ, по видимому, сокращеніе перваго

*) Нѣкоторые слависты, впрочемъ, не признаютъ его сочиненіемъ Ѳеофилакта, а считаютъ произведеніемъ собственно болгарской литературы, переведеннымъ впослѣдствіи на греческій языкъ (см. у Бодянскаго, стр. 9). Доказательства послѣдняго мнѣнія мы не находимъ убѣдительными; онѣ направлены къ тому, чтобы житіе это перенести во время болѣе близкое къ Клименту (умершему въ 916 г.) и приписать его кому-либо изъ учениковъ Климента; слѣдовательно, эти доказательства отзываются предвзятою мыслію. Напротивъ въ самомъ житіи существуютъ ясныя указанія на то, что оно написано неранѣе конца X вѣка, напр. выраженіе о „скиѳскомъ мечѣ, который упился въ крови Болгарской“; тутъ разумѣется завоеваніе Болгаріи Святославомъ Русскимъ. Это житіе издано съ переводомъ на русскій языкъ профессора Меньщикова въ „Матеріалахъ для исторіи письменъ. М. 1855.

житія, но имѣетъ сравнительно съ нимъ разныя прибавки и передѣлки. Такъ, въ этомъ краткомъ житіи встрѣчается извѣстіе, котораго нѣтъ въ полномъ, именно о томъ, будто бы Климентъ изобрѣлъ „другіе знаки письменъ, явственнѣе тѣхъ, которые открыты ученымъ Кирилломъ“. Извѣстіе это сдѣлалось источникомъ сильныхъ споровъ между нѣкоторыми представителями славянской науки. Шафарикъ, на основаніи его и нѣкоторыхъ открытыхъ памятниковъ глагольской письменности, восходящихъ къ X в., измѣнилъ свой прежній взглядъ на кирилицу и началъ доказывать, что письмо, изобрѣтенное Кирилломъ и Меѳодіемъ, есть глаголица, а что такъ называемая кирилица произошла изъ глаголицы и введена трудами Климента (Ueber den Ursprung und die Heimath des Glagolittismus. Von P. J. *Schafarik* Prag. 1858). Это мнѣніе не было принято наукою, не смотря на великій авторитетъ Шафарика; оно вызвало горячія опроверженія и вообще замѣтно оживило вопросъ о взаимномъ отношеніи кириловскаго и глагольскаго письма *). Упоминаніе краткаго житія Климента объ изобрѣтеніи имъ другихъ письменъ можно толковать только въ смыслѣ упрощенія, улучшенія и вообще дальнѣйшаго развитія кирилловскаго письма; что совершенно согласно съ свидѣтельствомъ Храбра о продолжавшемся устроеніи этого письма и послѣ Кирилла. То и другое свидѣтельство подтверждаетъ нашу мысль, что кирилловское письмо утверждено въ Болгаріи трудами не самихъ Солунскихъ братьевъ, но преимущественно ихъ учениковъ, удалившихся изъ Моравіи въ Болгарію; а процвѣло оно здѣсь постепенно уже трудами ихъ преемниковъ.

Извѣстно, что дѣятельность Кирилла и Меѳодія и происхожденіе славянскаго письма представляютъ поприще, на которомъ пробовали свои силы многіе славянскіе и нѣкоторые нѣмецкіе ученые. Вопросъ этотъ имѣетъ весьма богатую литературу; напомнимъ только труды: Шлёцера, Добровскаго, Калайдовича, Венелина, Шафарика, архимандрита Макарія, епископа Филарета, отца Горскаго, Копитара, Миклошича, Шлейхера, Ваттенбаха, Палаузова, В. И. Григоровича и И. И. Срезневскаго. Почти всѣ эти предшествовавшіе труды нашли себѣ тщательную оцѣнку въ

*) Въ русской литературѣ укажу на возраженія Гильфердинга; но самое обстоятельное опроверженіе доводовъ Шафарика и сводъ мнѣній по этому вопросу см. въ статьѣ г. Викторова: „Послѣднее мнѣніе Шафарика о глаголицѣ (Лѣтописи Русской литературы. Изд. Тихонравова. Т. II и III). Переводъ на рус. языкъ этого сочиненія Шафарика въ Чт. О. И. и Др. 1860. IV.

упомянутомъ выше сочиненіи О. М. Бодянскаго: „О времени происхожденія Славянскихъ письменъ“ (Москва. 1855 г.). Но и послѣ этой книги разработка вопроса не прекратилась; напротивъ, онъ оживился и обогатился новыми трудами. Кромѣ сочиненія Дюммлера, появившагося почти одновременно съ книгою Бодянскаго (Die pannonische Legende vom heiligen Mthodius въ *Archiv für Kunde österreichischer Geschichts-Quellen*. Vien. 1854), укажу на: Гануша (Zur slavischen Runen-Frage. Ibid. 1857), Гинцеля (Geschichte der Slaven Apostel. Leitmeritz. 1857), Рачкаго (Viek i djèlovanje sv. Cyrilla i Methoda. U Zagrebu 1859), Викторова („Послѣднее мнѣніе Шафарика о глаголицѣ“ 1859—1861 годовъ и „Кириллъ и Меѳодій“ 1865 г.), П. Лавровскаго (Кириллъ и Меѳодій. Харьковъ. 1863 г.), Срезневскаго („Древніе памятники письма и языка югозападныхъ Славянъ“ въ Христіан. Древ. Прохорова. 1864). Лежера (Cyrille et Methode. Paris. 1868) и Бильбасова (Кириллъ и Меѳодій. 1868—1871 гг.).

Казалось бы, что можно прибавить къ столь подробной и многосторонней обработкѣ предмета? Но въ томъ-то и дѣло, что, не смотря на эту обработку, уже самое разнообразіе мнѣній говоритъ, что вопросъ все еще далекъ отъ положительнаго рѣшенія. Слѣдовательно, въ немъ самомъ, то-есть, въ его постановкѣ или въ его исходныхъ пунктахъ заключались условія не благопріятствующія его разрѣшенію. Мы думаемъ, что эти условія прежде всего суть легендарный элементъ, отъ котораго наука все еще не могла вполнѣ освободиться. Изслѣдователи по большей части шли отъ *изобрѣтенія* письменъ Кирилломъ и Меѳодіемъ и пытались опредѣлить: какое письмо изобрѣтено прежде, глагольское или кириловское? Мы думаемъ, исходные пункты будутъ ближе къ истинѣ, если примемъ положеніе, что обѣ азбуки существовали до временъ Солунскихъ братьевъ и возникли независимо другъ отъ друга, хотя и могли оказывать потомъ взаимное вліяніе *). Повторяемъ, наука доселѣ слишкомъ мало обращала вниманія на извѣстіе Константинова житія о славянскихъ письменахъ, найденныхъ въ Корсуни. Очень вѣроятно, что это восточно-

---

*) Говоримъ только о совмѣстномъ существованіи двухъ славянскихъ азбукъ въ эпоху предкирилловскую; но не входимъ въ разсмотрѣніе вопроса объ ихъ происхожденіи и объ ихъ связи съ древними рунами (которую старается доказать, напримѣръ, Ганушъ) или съ тѣми чертами и рѣзами, на которыя указываетъ Храбръ. Этотъ предметъ еще слишкомъ мало обслѣдованъ, чтобы дѣлать какіе-либо вѣроятные выводы.

славянское письмо заключало въ себѣ ту азбуку, которая впослѣдствіи была названа кирилицей; она, вмѣстѣ съ начатками переводовъ, была принесена Кирилломъ и Меѳодіемъ въ Моравію, трудами ихъ учениковъ и преемниковъ утверждена въ Болгаріи, откуда вытѣснила западнославянское письмо или глаголицу, существовавшую у дунайскихъ Славянъ. Надѣемся, что нашимъ мнѣніемъ не умаляются заслуги Солунскихъ братьевъ. Безспорно имъ принадлежитъ честь лучшаго устроенія и приспособленія восточно-славянской азбуки къ потребностямъ крещенаго Славянскаго міра, а также ея утвержденіе и распространеніе посредствомъ дальнѣйшихъ переводовъ Священнаго Писанія и дѣятельнаго размноженія его списковъ. Уже самое появленіе легендъ, относящихъ къ ихъ дѣятельности все начало славянской письменности, показываетъ, что они дѣйствительно совершили великіе подвиги на этомъ поприщѣ и произвели значительный переворотъ въ этомъ дѣлѣ.

Далѣе, филологи, занимавшіеся вопросомъ о славянскихъ письменахъ, повторяемъ, и не могли придти къ удовлетворительному разрѣшенію этого вопроса уже вслѣдствіе невѣрнаго представленія о народностяхъ Болгарской и Русской. Большинство ихъ считало эти народности чуждыми Славянскому міру, и еще менѣе подозрѣвало присутствіе чистаго Славяно-Болгарскаго элемента, притомъ элемента христіанскаго, въ Крыму по сосѣдству съ Корсуномъ, въ эпоху пребыванія тамъ Константина и Меѳодія. Вотъ новое доказательство тому, въ какой тѣсной связи находятся филологія и исторія при разрѣшеніи подобныхъ вопросовъ. Какъ бы ни была тщательна филологическая разработка предмета, но если къ ней присоединились невѣрныя историческія положенія, то и выводы ея никогда не достигнутъ надлежащей ясности и точности. Мы далеки отъ притязанія рѣшить положительно вопросъ о происхожденіи славянскихъ письменъ и о взаимномъ отношеніи двухъ славянскихъ азбукъ; но смѣемъ надѣяться, что добытые нами выводы, относительно народности и разныхъ вѣтвей великаго Болгарскаго племени, могутъ принести свою долю участія въ рѣшеніи помянутаго вопроса.

IX.

Выводъ о времени русскаго владычества въ Черной Болгаріи.—Извѣстія о Руси въ житіяхъ св. Георгія и св. Стефана.—Свидѣтельство Таврическаго анонима и его предполагаемое отношеніе къ Игорю. — Таматарха.

Изъ всего предыдущаго выводимъ, что тѣсныя связи Черныхъ Болгаръ съ Руссами или Азовско-Днѣпровскими Роксаланами начались приблизительно въ первой половинѣ IX вѣка.

Представимъ въ сжатомъ видѣ сущность доказательствъ, на которыхъ мы основываемъ это положеніе. По извѣстію византійскихъ историковъ Ѳеофана и Никифора, Кубанская или Черная— а по ихъ словамъ *Великая* или *Древняя*—Болгарія въ тѣ времена платила дань Хазарамъ: историки эти писали въ первой четверти IX вѣка. Въ 864 — 865 гг. Русь совершаетъ морской набѣгъ на Царьградъ; а мы доказывали, что подобные набѣги сдѣлались возможны только съ ея появленіемъ на берегахъ Воспора Киммерійскаго. Бесѣды патріарха Фотія даютъ понимать, что это нападеніе Руссовъ на столицу Византіи произведено было въ первый разъ, но что самый народъ Русскій не былъ тамъ неизвѣстенъ, то-есть, что русскіе послы и торговцы уже посѣщали Византію. Слѣдовательно, утвержденіе Руси на берегахъ Воспора Киммерійскаго совершилось въ періодъ времени между Ѳеофаномъ и Никифоромъ, съ одной стороны, и Фотіемъ—съ другой. И дѣйствительно, на этотъ періодъ падаютъ два свидѣтельства, которыя могутъ бросить нѣкоторый свѣтъ въ темную эпоху, насъ занимающую: это извѣстіе Константина Багрянороднаго о построеніи Саркела около 835 года и упоминаніе Бертинскихъ лѣтописей о послахъ русскаго кагана къ императору византійскому Ѳеофилу около 839 года. Мы говорили, что эти два извѣстія по всей вѣроятности имѣютъ связь между собою, то-есть, намекаютъ на борьбу Руси съ Хазарами, при чемъ тотъ и другой народъ искалъ союза съ Византійскою имперіей. Русское посольство не воротилось тѣмъ же путемъ въ Кіевъ по причинѣ варварскихъ народовъ. По всѣмъ признакамъ, на югѣ Россіи и на Таврическомъ полуостровѣ въ то время кипѣли жестокія войны Болгаръ,

съ которыми соединились Руссы, противъ Хазаръ и Угровъ. Эти войны окончились освобожденіемъ Черныхъ Болгаръ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, Хазарское иго они должны были промѣнять на нѣкоторую зависимость отъ Русскихъ князей. Руссы, по всей вѣроятности, прежде всего утвердили свое господство на берегахъ Боспора Киммерійскаго, то-есть, изгнали хазарскіе гарнизоны изъ городовъ Боспора (Керчи), Фанагуріи (Тмутракани) и нѣкоторыхъ другихъ и замѣнили ихъ своими дружинами; а разнымъ племенамъ Черныхъ Болгаръ, вѣроятно, предоставляли управляться по прежнему своими вѣчами и мелкими князьями. Вообще, первая половина IX вѣка по всѣмъ признакамъ была эпохой упадка Хазарской державы. Съ сѣвера ее тѣснили Печенѣги, съ запада — Русь, съ юга — мусульманскіе халифы. Въ то же время покоренные народы возставали и завоевывали себѣ независимость. Такъ, около этой эпохи возвратили свою независимость Прикавказскіе Алане, ибо въ первой половинѣ X вѣка, по свидѣтельсгву Константина Багрянороднаго, они уже не только свободны, но и тѣснятъ самихъ Хазаръ. Черкесскія племена, то-есть, собственные Хазары и Кабардинцы, иначе Касоги, неохотно сносили иго каспійско-волжскихъ хакановъ, на что ясно указываетъ извѣстіе Константина о кабарскомъ возстаніи. Хотя время этого возстанія и выселенія части Кабаръ онъ не опредѣляетъ; но по всей вѣроятности оно повторялось не одинъ разъ и подрывало крѣпость Хазарской державы. Въ первой половинѣ X вѣка находимъ Черкесскія племена только въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Итильскому верховному хакану, и подъ управленіемъ своихъ собственныхъ князей или кагановъ.

Мы уже говорили, что хазарское владычество въ Крыму держалось собственно черкесскими дружинами, и что съ этими-то дружинами должны были бороться Черные Болгаре, Русь и Греки. Борьба была продолжительна, такъ какъ Черкесы-Хазары, очевидно, засѣли во многихъ укрѣпленныхъ пунктахъ восточной и нагорной части Крыма; опираясь на эти пункты, они долго еще держались въ Крыму, и, конечно, не разъ пытались вновь завоевать утраченныя области. Ихъ союзниками въ этихъ войнахъ или просто наемниками служили Угры, кочевавшіе на западной и южной сторонѣ Азовскаго моря. Одну изъ такихъ попытокъ мы усматриваемъ въ приведенномъ выше свидѣтельствѣ житія Константинова объ осадѣ Хазарами какого-то христіанскаго города. Городъ этотъ могъ быть самимъ Боспоромъ или

Корчевомъ, который уже давно служилъ резиденціей особаго епископа.

Союзъ Руси съ Греками противъ Хазаръ въ началѣ XI вѣка заставляетъ предполагать, что и прежде того хитрая, властолюбивая Русь, смотря по обстоятельствамъ, то дружила съ Греками противъ Хазаръ, то наоборотъ воевала противъ Грековъ и нанимала въ свою службу черкесскія дружины (подобно Мстиславу Тмутраканскому, который имѣлъ у себя черкесскія дружины въ войнѣ съ братомъ Ярославомъ). До появленія Руси владычество въ Крыму раздѣлялось между Хазарами и Греками. Русь втѣснилась между ними, и, справившись съ Хазарами, не остановилась передъ Греками. Фотій намекаетъ на убіеніе какихъ-то Русскихъ людей. На основаніи послѣдующихъ отношеній можемъ заключать, что тутъ дѣло идетъ о русскихъ торговцахъ; ибо Русь съ самаго начала является народомъ не только воинственнымъ, но и торговымъ. Гдѣ произошло это убійство или обида русскихъ торговцевъ, не извѣстно; событіе могло совершиться въ Царьградѣ или гдѣ-либо по близости его; но оно могло произойти также и въ Корсуни, этомъ важномъ торговомъ пунктѣ, лежавшемъ на пограничьѣ Византійскаго міра съ сѣверными варварами. Мы замѣтили, что житіе Константина можетъ указывать на присутствіе Русскихъ людей въ этомъ городѣ около половины IX вѣка.

Далѣе, если Русь въ 864—865 гг. считала себя достаточно сильною, чтобы напасть на самый Царьградъ, то по всей вѣроятности, она ужь имѣла и прежде столкновеніе съ Греками тамъ, гдѣ ихъ владѣнія соприкасались съ Русскими землями, то-есть, на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря, и преимущественно въ Крыму, котораго юговосточный горный берегъ въ тѣ времена былъ покрытъ греческими городами и зàмками, именно пространство между Херсонесомъ и Сугдіей. Извѣстная осада Корсуня Владиміромъ была, конечно, только послѣднимъ эпизодомъ въ стремленіи Русскихъ князей присоединить къ своимъ владѣніямъ этотъ берегъ. Точно также, если Русь въ 864 году отважилась сдѣлать нападеніе прямо на Царьградъ, то понятно, что она уже хорошо была знакома съ Чернымъ моремъ и съ его берегами; что, слѣдовательно, этотъ первый набѣгъ на столицу Византійской имперіи не былъ воообще ея первымъ морскимъ набѣгомъ на предѣлы имперіи. Такимъ образомъ намъ становятся болѣе понятными извѣстія о Руси, встрѣчающіяся въ житіяхъ св. Георгія, епископа Амастрійскаго, и св. Стефана, епи-

скопа Сурожскаго. Въ этихъ извѣстіяхъ, не смотря на сильную легендарную примѣсь, мы можемъ признать дѣйствительную, то-есть историческую, основу.

Въ первомъ житіи говорится, что русскіе пираты, разоривъ и плѣнивъ всю приморскую страну, начиная отъ Пропонтиды, напали, между прочимъ, на городъ Амастриду (на южномъ берегу Чернаго моря, въ Пафлагоніи). Они вторглись въ храмъ, гдѣ покоились мощи св. Георгія, и начали раскапывать его гробъ, думая найти тамъ сокровища, но были схвачены внезапною немощью и остались какъ бы связаны невидимыми узами. Князь варваровъ, пораженный чудомъ, раскаялся въ своей жестокости и алчности и отпустилъ христіанскихъ плѣнниковъ; усердными молитвами послѣднихъ варвары получили исцѣленіе, и удалились, заключивъ миръ съ христіанами (Acta Sanct. подъ XXI февраля, III, 278).

Другое житіе даетъ еще болѣе любопытныя подробности, хотя, впрочемъ, еще болѣе заключаетъ въ себѣ легендарной примѣси. Какой-то Русскій князь, поплѣнивъ всю страну отъ Корсуня до Корчева, съ великою силою приступилъ къ Сурожу. Послѣ десятидневной битвы онъ вломился въ городъ и устремился въ храмъ Софіи, гдѣ находился гробъ св. Стефана. Забравъ всѣ золотые сосуды и драгоцѣнныя вещи, онъ захотѣлъ ограбить и самыя мощи святаго, покрытыя многоцѣнными паволоками. Но едва прикоснулся къ нему, какъ упалъ на землю съ искривленнымъ лицомъ и пѣной, исходившею изо рта: какая-то сила давила его и едва позволяла ему дышать. Князь велѣлъ тотчасъ возвратить въ храмъ все похищенное. Но тутъ онъ услыхалъ гласъ святаго: „Если ты не крестишься въ семъ храмѣ, то и не изыдешь изъ него“. Князь изъявилъ готовность креститься, что́ и было немедленно исполнено; послѣ того онъ получилъ исцѣленіе. Вмѣстѣ съ нимъ крестились и всѣ его бояре. По возвращеніи, князь далъ свободу всѣмъ своимъ плѣнникамъ и съ миромъ отошелъ отъ города *).

---

*) См. Зап. Одесск. Общ., т. I. и Описан. Румянц. Музея—Востокова, 689. Житіе Стефана Сурожскаго дошло до насъ въ спискахъ XV и XVI вѣковъ, и очевидно, искажено разными прибавками. Такъ, князь Русскій, нападавшій на Сурожъ, будто прибылъ изъ Новгорода и назывался Бравлинъ: имя это, какъ объясняютъ, передѣлано позднѣйшими писателями изъ прилагательнаго „браливъ“.

Тотъ и другой святой жили въ VIII вѣкѣ, и событія, на которыя намекаютъ ихъ жизнеописанія, могли совершиться еще въ IX вѣкѣ, чему не противорѣчитъ общій историческій ходъ водворенія Руссовъ на Таврическомъ полуостровѣ, ихъ морскихъ предпріятій и ихъ постепеннаго обращенія въ христіанскую вѣру. Относительно послѣдняго обстоятельства укажемъ на окружное посланіе патріарха Фотія въ 866 году. Въ этомъ посланіи говорится о крещеніи Руссовъ, которое послѣдовало за ихъ нашествіемъ на Константинополь. По всей вѣроятности, они въ то время не ограничились однимъ нападеніемъ на столицу имперіи, а старались захватить или разграбить и греческіе города въ Тавридѣ, и слѣдовательно, могли между прочимъ взять Сугдею или Сурожъ. Впрочемъ, судя по нѣкоторымъ признакамъ, мы можемъ пріурочивать обѣ легенды и къ болѣе позднимъ историческимъ событіямъ и лицамъ. Такъ, описанія русскаго нашествія на Амастриду своими чертами напоминаетъ византійскія описанія Игорева нашествія на Виѳинскіе берега, то-есть, на мѣста сосѣднія, и нѣтъ ничего удивительнаго, если во время этого нашествія Русь успѣла заглянуть и въ Амастриду. А чудо, совершившееся съ Русскимъ княземъ въ Сурожѣ, и крещеніе его сильно отзываются извѣстною легендой о крещеніи Владиміра, только не въ Сурожѣ, а въ Корсунѣ. Послѣднее сближеніе подтверждается чудеснымъ исцѣленіемъ царицы Анны, о которомъ упоминаетъ тоже житіе св. Стефана.

Дѣятельность отважнаго и предпріимчиваго Игоря, по видимому, составила важную эпоху въ отношеніяхъ Черныхъ Болгаръ къ Русскимъ князьямъ. Мы имѣемъ поводы догадываться, что именно ему принадлежитъ окончательное утвержденіе русскаго господства на берегахъ Воспора Киммерійскаго и болѣе рѣшительное подчиненіе Черныхъ Болгаръ. Главнымъ поводомъ для этой догадки служитъ сравненіе двухъ извѣстныхъ намъ договоровъ съ Греками, Олега и Игоря. Въ Олеговомъ договорѣ 911 года нѣтъ помину ни о Черныхъ Болгарахъ, ни о Корсунской землѣ; тогда какъ въ Игоревомъ договорѣ 945 года прямо говорится о томъ, чтобы Русскій князь не имѣлъ никакихъ притязаній на города Корсунской области, не воевалъ бы этой страны и не позволялъ воевать ее Чернымъ Болгарамъ. Слѣдовательно, окончательное утвержденіе русскаго владычества въ Тавридѣ и подчиненіе Черныхъ Болгаръ русскому княжескому роду, сидѣвшему въ Кіевѣ, совершилось въ періодъ между 911 и 945 года-

ми; а этотъ періодъ приходится въ княженіе Игорево. Что въ Олеговомъ договорѣ не случайно пропущено условіе о Корсунскомъ пограничьи, подтвержденіемъ тому служитъ слѣдующій за Игоревымъ договоръ Святослава: въ послѣднемъ опять повторяется условіе не воевать страны Корсунской. Слѣдовательно, со временъ Игоря Византійская имперія на этомъ своемъ пограничьи пришла въ непосредственное столкновеніе съ Руссами. Въ Святославовомъ договорѣ мы не встрѣчаемъ Черныхъ Болгаръ. Это могло произойдти или оттого, что до насъ не дошелъ договоръ вполнѣ, и мы имѣемъ изъ него только небольшую часть, или потому, что Черные Болгаре къ тому времени уже находились на такой степени сліянія съ господствующею у нихъ Русью, что особое о нихъ упоминаніе дѣлалось излишнимъ. Приписывая Игорю подчиненіе Таврическихъ Болгаръ, мы однако не должны упускать изъ виду, что это было только дальнѣйшимъ шагомъ русскаго владычества въ восточной части Таврическаго полуострова. Самое естественное для Азовско-Днѣпровской Руси стремленіе было прежде всего завладѣть берегами пролива: черезъ него проходилъ главный ихъ судовой путь въ Черное море и области Византійской имперіи. Во времена Олега между русскими владѣніями на Воспорѣ и Корсунскою областью еще лежала земля Черныхъ Болгаръ, хотя и освобожденная съ помощью Руси отъ хазарскаго ига и находящаяся къ ней въ полузависимыхъ отношеніяхъ; русскія владѣнія еще не пришли въ тѣсное соприкосновеніе съ греческими владѣніями, и потому въ Олеговомъ договорѣ нѣтъ условія объ этихъ пограничныхъ отношеніяхъ. Игорь распространилъ свои владѣнія далѣе на юго-восточномъ берегу, и прежнія союзническія, полузависимыя отношенія Черныхъ Болгаръ къ русскимъ князьямъ обратилъ силою меча въ отношенія подчиненныя. Такой поворотъ находился, конечно въ связи съ хазарскими дѣлами: русское владычество усиливалось по мѣрѣ того, какъ вытѣснялись Хазары. Пока борьба съ Хазарами еще была трудна, смѣтливые Русскіе князья ограничивались союзническими или полусвободными отношеніями Черныхъ Болгаръ; а когда удалось сломить хазарское могущество, они стали дѣйствовать рѣшительнѣе. Но борьба съ Хазарами за обладаніе восточнымъ Крымомъ и Таманью еще далеко не кончилась, и Русскіе князья иногда дѣйствовали противъ нихъ въ союзѣ съ Греками. Это предположеніе мы выводимъ изъ того мѣста Игорева договора, гдѣ Византія, въ замѣнъ обязательства Руси не воевать

Корсунской области, обѣщаетъ давать Русскому князю военную помощь, сколько ему потребуется. Противъ кого могла быть направлена эта помощь? Естественнѣе всего предположить, что противъ сосѣднихъ крымскихъ и кавказскихъ Черкесовъ-Хазаръ.

Мы позволяемъ себѣ привести въ тѣсную связь съ дѣятельностію Игоря на Таврическомъ полуостровѣ одинъ изъ греческихъ отрывковъ, изданныхъ Газомъ (Leo Diaconus. Ed. Bon. 496—505, Nota ad p. 175). Въ этомъ отрывкѣ какой-то греческій военачальникъ доноситъ о войнѣ съ варварами. Судя по тому, что онъ упоминаетъ о Климатахъ, дѣйствіе происходитъ въ Тавридѣ, ибо Климатами называлась Греческая область въ южной части Крыма по сосѣдству съ Корсунемъ. Начальника варваровъ онъ называетъ „княземъ страны, лежащей къ сѣверу отъ Дуная“. Эти варвары отличались прежде справедливостію, такъ что къ нимъ „добровольно“ присоединялись многіе города и цѣлые народы; но теперь они принялись безъ жалости грабить и опустошать землю даже своихъ близкихъ союзниковъ и подчиненныхъ, чтобы поработить ихъ совершенно. Они разорили болѣе десяти городовъ и не менѣе 500 селеній. Это опустошеніе приблизилось наконецъ къ предѣламъ греческимъ. Тщетно греческій начальникъ посылалъ съ предложеніемъ о мирѣ; непріятели ворвались въ его область, то-есть, въ Климаты, съ великою конницей и пѣхотой, и осадили какую-то крѣпость, но послѣ неудачныхъ приступовъ отступили. Однако война продолжалась. Авторъ донесенія послалъ звать на совѣщаніе тѣхъ сосѣднихъ жителей, которые были его союзниками (eos autem, qui ditionis nostrae erant). Когда они собрались, то онъ устроилъ совѣтъ изъ ихъ старшинъ и держалъ къ нимъ рѣчь о мѣрахъ, какія надобно было принять въ подобныхъ обстоятельствахъ. Но тѣ, „не имѣя понятія о дѣйствіи императорскаго благоволенія, или чуждаясь греческихъ обычаевъ и любя независимость, или по сосѣдству и сходству своихъ нравовъ съ княземъ варваровъ, обладающимъ большою военною силою, рѣшили заключить съ нимъ союзъ“,— къ чему склоняли и греческаго начальника. Тогда послѣдній отправился въ станъ непріятельскій. Князь варваровъ принялъ его очень ласково, возвратилъ ему Климаты, даже присоединилъ къ тому еще цѣлую область и опредѣлилъ въ его пользу какіе-то доходы съ собственной земли.

Подъ именемъ князя варваровъ, владѣвшаго землею къ сѣверу отъ Дуная, конечно, скрывается князь Кіевской Руси, ибо ника-

кой другой владѣтель подобной земли не могъ въ то же время имѣть области въ Крыму и вести тамъ войну съ Греками. Но изслѣдователи терялись въ догадкахъ о томъ, кого изъ извѣстныхъ Кіевскихъ князей здѣсь можно разумѣть. Одни предполагали Владиміра и его походъ на Корсунь. Но это предположеніе не вѣроятно. Таврическій анонимъ говоритъ о нападеніи только на Климаты и неудачной осадѣ какой-то изъ второстепенныхъ греческихъ крѣпостей въ Крыму, послѣ чего былъ заключенъ миръ; тогда какъ походъ Владиміра окончился взятіемъ Корсуня и крещеніемъ князя, а на эти событія тутъ нѣтъ никакого намека. Другіе думали видѣть здѣсь Святослава, и это предположеніе имѣетъ за себя уже болѣе вѣроятности. Русскіе и византійскіе источники довольно тѣсно связываютъ дѣятельность Святослава съ берегами Киммерійскаго Воспора, то-есть съ Крымомъ и Таманью. По нашей лѣтописи, онъ воевалъ съ Ясами и Касогами, слѣдовательно, въ той же сторонѣ; а договоръ съ Цимисхіемъ обязываетъ его не нападать на Корсунскую область. Левъ Діаконъ расказываетъ, что императоръ Никифоръ Фока, приглашая Святослава напасть на Дунайскихъ Болгаръ, отправилъ къ нему патриція Калокира, котораго Кедренъ называетъ сыномъ херсонскаго начальника, и мы можемъ догадываться, что самые эти переговоры происходили вѣроятно, въ Крыму, то-есть, въ русскихъ владѣніяхъ, сосѣднихъ съ Корсунью. Левъ Діаконъ называетъ Киммерійскій Воспоръ отечествомъ Тавроскиѳовъ или Святославовыхъ Руссовъ, говоря, что греческія суда на Дунаѣ отрѣзали имъ бѣгство въ ту сторону.

Оставляя за Святославомъ нѣкоторую вѣроятность по отношенію къ помянутому отрывку, мы однако думаемъ, что еще съ большею вѣроятностію можно отнести расказанное въ немъ событіе къ дѣятельности Святославова отца Игоря. Вопервыхъ отрывокъ повѣствуетъ о порабощеніи княземъ варваровъ союзнаго и родственнаго племени; это племя было, конечно, никто иное какъ Черные Болгаре, занимавшіе восточныя прибрежья Крыма; о подчиненіи же ихъ Кіевскому князю впервые упоминается въ Игоревомъ договорѣ. Вовторыхъ, тотъ же договоръ упоминаетъ и о Корсунской области; слѣдовательно, владѣнія Кіевскаго князя при Игорѣ вошли въ непосредственное съ нею соприкосновеніе, съ окончательнымъ подчиненіемъ Черныхъ Болгаръ. Втретьихъ, въ договорѣ Греки обѣщаютъ военную помощь Русскому князю, и мы уже говорили, что это, безъ сомнѣнія, была помощь

противъ общаго врага, то-есть, сосѣднихъ Хазаръ. Подтвержденіе нашему предположенію можно найти и въ извѣстіи Константина Багрянороднаго, который говоритъ, что въ случаѣ нужды, противъ Хазаръ можно вооружить или Аланъ, или Черныхъ Болгаръ. Не даромъ же варварскій князь, если вѣрить отрывку, легко помирился съ греческимъ начальникомъ и даже щедро наградилъ его; можетъ быть, хазарскія отношенія имѣли тутъ нѣкоторую долю вліянія. Въ четвертыхъ, Левъ Діаконъ подтверждаетъ связь Игоревой дѣятельности съ восточною частью Тавриды: онъ сообщаетъ, что послѣ пораженія у береговъ Малой Азіи, Игорь съ остатками своего флота бѣжалъ въ Киммерійскій Боспоръ. Наконецъ, въ пятыхъ, Игорь является первымъ Кіевскимъ княземъ, котораго по имени знаютъ византійскіе и западные писатели, и конечно, потому, что это былъ князь предпріимчивый, властолюбивый и жадный къ добычѣ; онъ предпринималъ дальніе походы и заставлялъ много говорить о себѣ и о своихъ Руссахъ. Жестокость и жадность, выказанныя имъ особенно по отношенію къ Древлянамъ и причинившія ему погибель, весьма походятъ на черты, которыми анонимный отрывокъ, не безъ примѣси реторики, описываетъ его образъ дѣйствія по отношенію и къ его Таврическимъ данникамъ, то-есть, къ Чернымъ Болгарамъ. Но главное историческое значеніе его дѣятельности, конечно, было болѣе важное, нежели разореніе и вымогательства; судя по всѣмъ даннымъ, этотъ энергичный князь сильно подвинулъ впередъ объединеніе Восточно - Славянскихъ племенъ подъ властью великаго князя Кіевскаго. Онъ-то и совершилъ, вѣроятно, полное подчиненіе Черныхъ Болгаръ, такъ что слѣдующій за нимъ договоръ Святослава съ Греками (или дошедшій до насъ отрывокъ этого договора) уже не упоминаетъ о Черныхъ Болгарахъ, а говоритъ прямо о сопредѣльности русскихъ владѣній съ Корсунскою областью.

Но кто были туземцы даннаго отрывка, нѣсколько зависимые отъ Грековъ, а въ тоже время сосѣдніе съ княземъ варваровъ и подобные ему нравами? Очевидно, это была та часть Черныхъ Болгаръ, которая обитала около греческихъ Климатовъ и находилась подъ нѣкоторымъ вліяніемъ Грековъ, хотя и не успѣла еще проникнуться большимъ сочувствіемъ къ ихъ обычаямъ, а сохраняла обычаи сходные съ другою частью того же племени, то-есть, съ Руссо-Болгарскимъ элементомъ въ Тавридѣ. Мы едва ли будемъ далеки отъ истины, если предположимъ въ этихъ ту-

земцахъ тотъ Фульскій языкъ, который во время Константина и Меѳодія хотя исповѣдывалъ уже христіанскую религію, однако еще поклонялся своему священному дубу и соблюдалъ прежніе языческіе обряды. По всей вѣроятности, и лѣтъ 70 спустя, то-есть, во время Игоря, этотъ народъ еще не далеко ушелъ въ усвоеніи христіанскихъ нравовъ и все еще по своимъ понятіямъ и образу жизни былъ ближе къ своимъ соплеменникамъ (также отчасти принявшимъ крещеніе), нежели къ Грекамъ или къ сосѣднимъ Готамъ; послѣдніе уже во время Юстиніана I отличались преданностію христіанству и были союзниками Грековъ противъ Утургуровъ - Болгаръ. Малая симпатія къ греческому господству и особенно племенное родство съ Русью, конечно, увлекли Фульскихъ туземцевъ на сторону Русскаго князя въ войнѣ съ Греками *). Послѣдніе, какъ извѣстно, старались привлекать на свою сторону сосѣднихъ варваровъ, обращая ихъ въ христіанство или склоняя ихъ подарками. Очень можетъ быть, что греческія интриги между Таврическими Болгарами не остались безъ вліянія на какія-либо ихъ попытки къ отпаденію отъ Русскихъ князей, что, въ свою очередь, могло послужить поводомъ къ жестокому наказанію и окончательному подчиненію этихъ Болгаръ, а также и къ войнѣ съ самими Греками. Во всякомъ случаѣ склонная къ интригамъ византійская политика, умѣвшая сѣять раздоры между сосѣдями, очень хорошо всѣмъ извѣстна. То, что авторъ отрывка говоритъ о награжденіи его областью и о доходахъ, назначенныхъ въ его пользу изъ собственныхъ земель непріятельскаго князя, отзывается неточностью донесенія, то-есть, нѣкоторымъ хвастовствомъ. Конечно, тутъ надобно разумѣть возвращеніе какого-либо клочка земли, занятаго варварами во время войны, и обѣщаніе помогать хлѣбомъ и скотомъ, въ которыхъ Греки нуждались, и которые у варваровъ были въ изобиліи. Указаніе отрывка на доходы непріятельскаго вождя съ собственныхъ земель, конечно лежавшихъ по сосѣдству, свидѣтельствуетъ, что Русскій князь не впервые только пришелъ и покорилъ сосѣднюю страну, но что дѣло идетъ именно объ усмиреніи и окончательномъ подчиненіи Черныхъ Болгаръ. А иначе было бы непонятно, о ка-

*) Съ христіанскимъ элементомъ у Таврическихъ Болгаръ можно привести въ связь и христіанскій элементъ Игоревой дружины, о которомъ упоминается въ договорѣ. Этотъ энергичный и даже жестокій князь, очевидно, отличался терпимостью въ отношеніи къ христіанамъ; слѣдовательно, религія не мѣшала Фульскому народцу вступить съ нимъ въ союзъ.

кихъ доходахъ идетъ рѣчь. Конечно, эти доходы, то-есть, дани съ туземнаго населенія Кіевскому князю, уже существовали; впрочемъ, теперь они могли быть увеличены *).

Такимъ образомъ по нашему мнѣнію, появленіе Руси на берегахъ Боспора Киммерійскаго восходитъ собственно къ первой половинѣ IX вѣка; но окончательное утвержденіе здѣсь Кіевскихъ князей и распространеніе ихъ господства на всю восточную часть Таврическаго полуострова совершилось не ранѣе эпохи Игоря, то есть приблизительно во второй четверти X вѣка. Въ это-то время, какъ надобно полагать, образовалось здѣсь то русское владѣніе, которое вскорѣ сдѣлалось извѣстно подъ именемъ Тмутраканскаго княжества. Русское названіе Тмутракань (позднѣе сокращенное въ Тамань), конечно, есть только видоизмѣненіе греческаго имени *Таматарха.* А послѣднее въ свою очередь, произошло отъ слитнаго названія *Матарха* или *Метраха* съ чле-

*) Недавно появилось разсужденіе А. А. Куника „О запискѣ Готскаго топарха" (въ XXIV томѣ Зап. Акад. Наукъ); такъ онъ называетъ анонимный отрывокъ, о которомъ шла сейчасъ рѣчь. Въ этомъ разсужденіи достоуважаемый ученый представляетъ нѣсколько очень дѣльныхъ сооображеній, но еще болѣе такихъ, съ которыми нѣтъ никакой возможности согласиться. При всей ученой обстановкѣ, то-есть, при богатствѣ ссылокъ на источники, разсужденіе страдаетъ выводами, лишенными основаній. Такъ, г. Куникъ, два разные отрывка, изданные Газомъ, приписываетъ одному лицу и считаетъ ихъ автографами самого Готскаго топарха, хотя на это нѣтъ никакихъ серьезныхъ доказательствъ. А главное, чтобы рѣшить вопросъ о народностяхъ, подразумѣваемыхъ въ отрывкѣ, надо было прежде произвести точное изслѣдованіе о томъ, какіе народы въ то время обитали въ Крыму, и каковы были ихъ взаимныя отношенія. Такъ, г. Куникъ варваровъ, напавшихъ на Климаты, считаетъ Хазарами, въ особенности потому, что они являются тутъ могущественнымъ народомъ, хотя въ X вѣкѣ Хазары были уже стѣснены въ Крыму Печенѣгами и Русью. Между прочимъ онъ считаетъ Аланъ въ числѣ народцевъ, сопредѣльныхъ съ Корсунемъ, а Черныхъ или Кубанскихъ Болгаръ помѣщаетъ только на Кубани, хотя о положеніи Аланъ на сѣверъ отъ Кавказа, а не въ Крыму, ясно говоритъ Константинъ Багрянородный, а на сосѣдство Черныхъ Болгаръ съ Корсунскою областью, то-есть, на жительство ихъ въ восточной части Крыма, указываетъ договоръ Игоря. Климаты, о которыхъ говорится въ отрывкѣ, дѣйствительно могутъ быть Готскими; но отсюда еще не слѣдуетъ считать Готами и тѣхъ союзныхъ Грекамъ жителей, которые передались на сторону князя варваровъ, властвующаго къ сѣверу отъ Дуная. Г. Куникъ идетъ далѣе, и, связывая два разныя отрывка, вмѣсто поѣздки въ станъ непріятельскаго князя заставляетъ греческаго военачальника путешествовать въ Кіевъ, единственно на томъ основаніи, что этотъ князь властвовалъ къ сѣверу отъ Дуная. Но владѣя Кіевскою землей, Русскіе князья въ X вѣкѣ господствовали и въ восточной части Крыма, на что ясно указываютъ договоры Игоря и Святослава.

номъ τα. Въ церковномъ уставѣ Льва Философа—слѣдовательно, IX вѣка — въ числѣ архіепископій, подчиненныхъ Константинопольскому патріарху, на 39-мъ мѣстѣ упоминается τα Μετραχα. Константинъ Багрянородный, у котораго впервые встрѣчается слитное названіе Ταματαρχα, рядомъ съ нимъ употребляетъ и названіе простое, то-есть, Ματαρχα. Затѣмъ въ источникахъ находимъ слѣдующіе варіанты этого названія: въ средневѣковыхъ еврейскихъ надписяхъ—*Матерка*, у Нубійскаго географа—*Метреха*, у Арабовъ и Генуэзцевъ XII вѣка—*Матерха*, у Рубруквиса—*Матрига* и *Матерха*, на италіанскихъ картахъ XIV и XV вѣковъ—*Матрека* и *Матрага*, и пр.

Такимъ образомъ, на мѣстѣ Фанагоріи древнихъ писателей и Фанагуріи Прокопія и Θеофана встрѣчается у Константина Багрянороднаго Таматарха или Матарха. Но въ періодъ времени между Θеофаномъ и Константиномъ въ странахъ Азовско-Черноморскихъ совершились довольно важныя перемѣны. Хазарское могущество было сломлено возстаніями нѣкоторыхъ покоренныхъ племенъ, а также усиліями двухъ сосѣднихъ народовъ, Печенѣговъ и особенно Руссовъ. Послѣдніе своими судовыми походами въ Азовское и Каспійское моря нанесли сильные удары Хазарскому государству и уничтожили его господство на берегахъ Киммерійскаго Воспора, гдѣ и основали свою собственную колонію. Печенѣги долгое время тѣснили Хазаръ съ сѣвера и опустошали ихъ области; наконецъ, стѣсненные, въ свою очередь, союзомъ Хазаръ и Узовъ, они устремились на западную сторону Дона, и нахлынули на черноморскія степи, занятыя дотолѣ племенами Угровъ и отчасти Кабаровъ. Угро-Кабары не выдержали этого нашествія и двинулись далѣе на западъ въ Дунайскія равнины. Нѣкоторая часть Печенѣговъ осталась въ своихъ прежнихъ жилищахъ за Дономъ и Волгой, въ сосѣдствѣ съ Команами; но большая часть ихъ ордъ заняла огромное пространство отъ нижняго Дуная до нижняго Дона. Византійское правительство съ помощью золота и ловкой политики не замедлило воспользоваться этими варварами, чтобы сдерживать своихъ сосѣдей какъ на Балканскомъ полуостровѣ, такъ и въ Черноморскихъ владѣніяхъ, то есть, Болгаръ, Руссовъ и Хазаръ. Впрочемъ Печенѣги служили орудіемъ обоюду-острымъ, то-есть, за плату и добычу давали вспомогательныя дружины и тѣмъ, которые воевали съ Греками, напримѣръ, Русскимъ князьямъ. Этотъ варварскій народъ, въ свою очередь, внесъ еще большее раззореніе и запу-

стѣніе въ Черноморскія области и расширилъ тамъ господство степной природы. Онъ также началъ затруднять Днѣпровской Руси ея связи съ берегами Азовскаго и Чернаго морей. Но онъ далеко не отрѣзалъ Русь отъ этихъ береговъ, какъ отрѣзали впослѣдствіи болѣе многочисленные и еще болѣе дикіе варвары, то есть, Половцы и Татары.

Печенѣги, между прочимъ, выгнали Угровъ и Хазаръ также изъ сѣверной, степной части Крыма, и такимъ образомъ очутились на этомъ полуостровѣ сосѣдями греческихъ областей, то-есть, Херсона и Климатовъ. По словамъ Константина Багрянороднаго, они даже оказывали услуги Херсонитамъ въ ихъ торговыхъ сношеніяхъ съ Русью, Хазаріей и Зихіей, а именно, за условную плату перевозили въ Херсонесъ и обратно разные товары, какъ-то: рыбу, воскъ, хлѣбные запасы, сукна, разныя украшенія одежды, пряности, дорогіе мѣха и пр. Сами они доставляли Грекамъ быковъ, овецъ, кожи и прочія сырыя произведенія своего скотоводства.

X.

Географическія извѣстія Константина Багрянороднаго о Болгаро-Тмутраканскомъ краѣ. — Девять Хазарскихъ округовъ. — Русское Тмутраканское княжество и его судьбы.

Константинъ Багрянородный сообщаетъ намъ нѣкоторыя любопытныя географическія подробности о Болгаро-Тмутраканской области, а также и вообще о сѣверномъ Черноморьѣ.

Вотъ что́ говоритъ онъ въ 42-й главѣ своего сочиненія „Объ управленіи Имперіей“.

„Пацинакія ограничиваетъ всю Русь и Боспоръ до самаго Херсона, а также до Серета и Прута. Морской берегъ отъ Дуная до Днѣпра (Днѣстра?) заключаетъ 120 миль (μίλιον—тысяча шаговъ, слѣдовательно, около нашей версты). Днѣстръ отъ Днѣпра отстоитъ на 80 миль, и этотъ берегъ называется Золотымъ“. „Отъ Днѣпра до Херсона 300 миль; по серединѣ встрѣчаются гавань и озера, въ которыхъ Херсониты добываютъ соль. Между Херсономъ и Боспоромъ разстояніе въ 300 миль; тутъ лежатъ города Климатовъ. За Боспоромъ находится устье Меотійскаго

озера, которое по его величинѣ всѣ называютъ моремъ; въ него впадаютъ многія и великія рѣки. Такъ, на сѣверѣ онъ имѣетъ Днѣпръ рѣку, изъ которой Руссы отправляются въ Черную Булгарію, Хазарію и Сирію. Заливъ Меотиды достигаетъ до Некропилъ, отстоящихъ отъ Днѣпра на четыре мили, и соединяется съ ними тамъ, гдѣ древніе переплывали море каналомъ поперекъ Херсона, Климатовъ и Боспора на разстояніи тысячи или болѣе миль. Но съ теченіемъ времени путь этотъ засыпался и обратился въ густой лѣсъ, и теперь существуютъ двѣ дороги, по которымъ Печенѣги отправляются въ Херсонъ, Боспоръ и Климаты. Съ восточной стороны Меотійское озеро принимаетъ въ себя многія рѣки, каковы Танаисъ, который идетъ отъ Саркела, и Харакуль, въ которомъ ловится рыба *берзетикъ* (βερξήτικον), кромѣ того—рѣки Балъ, Бурликъ, Хадырь и многія другія. Устье Меотиды, изливающееся въ Понтъ, также называется Бурликъ; здѣсь есть городъ Боспоръ; а напротивъ его лежитъ городъ, называющійся Таматарха. Это устье простирается на 18 миль, и посреди его находится большой, низменный островъ, называемый Атехъ. Отъ Таматархи на разстояніи 15 или 20 миль есть рѣка, именуемая Укрухъ, которая отдѣляетъ Зихію отъ (области) Таматархи. Зихія простирается на разстояніи 300 миль отъ Укруха до рѣки Никопсисъ, на которой находится городъ того же имени. Выше Зихіи лежитъ страна Папагія, выше Папагіи Казахія, надъ Казахіей Кавказскія горы, позади Кавказа Аланія. Морской берегъ Зихіи имѣетъ острова, одинъ большой и три малыхъ, между которыми есть и другіе острова, населенные и воздѣланные Зихами, то-есть, Турганерхъ и Чарбагани; кромѣ того, еще островъ при устьѣ рѣки, и еще около Птелеевъ; на послѣдній спасаются Зихи во время нападенія Аланъ. Отъ Зихіи, то-есть отъ рѣки Никопсиса, до города Сотеріополя по морскому прибрежью лежитъ Авазгія на протяженіи 300 миль".

Излишне было бы ожидать отъ подобныхъ извѣстій полной ясности и точности. Очевидно, сѣверные берега Чернаго моря и особеннно страны, лежащія къ востоку отъ Азовскаго моря, были извѣстны любознательному императору въ общихъ чертахъ, и только мѣстами онъ могъ сообщить нѣкоторыя вѣрныя подробности. Наиболѣе темныя и запутанныя свѣдѣнія относятся къ какому-то древнему каналу, который шелъ поперекъ Херсона, областей и Боспора и потомъ обратился въ густой лѣсъ съ двумя сухопутными дорогами. Мы предложимъ слѣдую-

щій вопросъ: въ этомъ мѣстѣ у Константина не скрывается ли отголосокъ древнѣйшихъ преданій, вспоминающихъ о томъ времени, когда Крымъ былъ островомъ, и когда суда, напримѣръ, изъ Ольвіи, то-есть, Днѣпровско-Бугскаго лимана, могли проходить въ Азовское море и слѣдовать до Воспора вдоль сѣверныхъ, а не южныхъ береговъ Крыма? А что касается до двухъ сухопутныхъ дорогъ, ведущихъ въ Крымъ изъ Печенѣжскихъ степей, то здѣсь можетъ быть, подразумѣваются Перекопскій перешеекъ и Арабатская стрѣлка, которая только узкимъ Геническимъ проливомъ отдѣляется отъ сѣвернаго берега Азовскаго моря. Послѣднимъ путемъ, какъ мы замѣчали, по всей вѣроятности, происходили сухопутныя сообщенія Днѣпровской Руси съ Тмутраканскою областью, и конечно, имъ пользовались въ особенности при движеніи конницы. Далѣе изъ словъ Константина можно понять, что самый Днѣпръ какъ бы соединялся (какимъ-то протокомъ) съ Азовскимъ моремъ, и Русь ходила этою дорогою на судахъ въ Черную Болгарію, Хазарію и Сирію. Въ этомъ представленіи, повторяемъ, заключается подтвержденіе того, что дѣйствительно между Днѣпромъ и Азовскимъ моремъ существовало водное сообщеніе посредствомъ Самары, Міуса и ихъ притоковъ, при небольшомъ волокѣ. Что касается до рѣкъ, впадающихъ въ Азовское море съ восточной стороны, то опять повторяемъ, подъ Харакулемъ можно разумѣть сѣверный рукавъ Кубани или такъ-называемую Черную Протоку, а Балъ, Бурликъ и Хадиръ или Хадырь, по всей вѣроятности, суть ничто иное какъ другіе рукава той же рѣки или протоки, наполнявшіе Кубанскую дельту. Не забудемъ, что въ X вѣкѣ Тамань имѣла нѣсколько иной видъ, нежели въ настоящее время: нѣкоторые протоки заволокло пескомъ и землею, другіе, вслѣдствіе засыпавшагося устья, обратились во внутренніе лиманы; такимъ образомъ Кубанская дельта получила характеръ полуострова. Но въ X вѣкѣ, по всей вѣроятности, она представляла еще группу острововъ. Воспорскій или Керченскій проливъ у Константина называется устьемъ Меотиды, и дѣйствительно его можно такъ назвать вслѣдствіе теченія изъ Азовскаго моря въ Черное. Упомянутый посреди этого пролива низменный островъ Атехъ, конечно, есть ничто иное какъ часть южной Таманской косы, въ тѣ времена еще представлявшая совершенно отдѣльный островъ. Области, лежавшія по восточному берегу Чернаго моря, то-есть, Зихія и Авазгія, обозначены вѣрно; но тѣ, кото-

рыя находились далѣе внутрь страны, очевидно, въ своемъ взаимномъ отношеніи опредѣлены только приблизительно, то-есть, Папагія, Казахія и Аланія. Аланія будто бы находилась надъ Кавказомъ, а Казахія подъ Кавказомъ; выходитъ, что между ними лежалъ Кавказъ. Но тутъ заключается явная неточность, и можно понять такъ, что онѣ были раздѣлены какими-либо отрогами Кавказа. Судя потому, что Алане могли заграждать сообщеніе Каспійско-Волжскимъ Хазарамъ съ Кавказскими, то есть, съ Кабардою или Папагіей и Казахіей, а также затруднять сообщеніе съ Саркеломъ, надо полагать, что Аланія въ тѣ времена простиралась довольно далеко къ сѣверу отъ хребта; а въ послѣдствіи Команами и Татарами Алане были ограничены тою горною областью, въ которой обитаютъ предполагаемые ихъ потомки, то-есть нынѣшніе Осетины *).

Нельзя также не обратить вниманія на нѣкоторыя названія рѣкъ съ ихъ филологической стороны. Одинъ изъ рукавовъ Кубани, именно самый южный, назывался Укругъ, а другой рукавъ и вмѣстѣ самый проливъ именовались Бурликъ — эти слова, очевидно, славянскія и принадлежали къ названіямъ болгаро-русскимъ. Въ Харакулѣ мы узнаемъ Кара-Ингулъ или Черный (Карій) Ингулъ (можетъ быть, то же; что̀ впослѣдствіи Черная Протока); названіе Хадырь (Χαδηρ) представляетъ также славянскую форму. А слово Балъ и до сихъ поръ въ польскомъ языкѣ означаетъ бревно (у насъ въ уменьшенной формѣ *балка*); если же греческое β произносить какъ *в*, то получимъ другое славянское слово, „валъ“, которое могло означать первоначально водяной валъ или волну, а потомъ уже и земляную насыпь **).

---

*) Іосафатъ Барбаро, путешественникъ XV вѣка, указываетъ на древнія жилища Аланъ недалеко отъ восточнаго берега Азовскаго моря рядомъ съ Черкесами Кабардинцами, которые жили на Кубанской плоскости. Алане, по его словамъ, называли себя А с ъ (главы 1 и 10); это Ясы нашихъ лѣтописей, нынѣ Осетины.

**) Какъ въ X вѣкѣ Киммерійскій Боспоръ по имени рукава Кубани, а вмѣстѣ и по характеру своему, назывался у славянскихъ туземцевъ Бурликъ (то-есть Бурливый), такъ въ XII вѣкѣ встрѣчаемъ названіе Балванъ, напоминающее другой рукавъ Кубани, то-есть Балъ. Мы разумѣемъ тутъ извѣстное мѣсто въ Словѣ о Полку Игоревѣ: „Дивъ кличетъ верху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ, Влзѣ и Поморію, и Посулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, Тмутраканскій балванъ“. Много было сдѣлано разныхъ догадокъ для объясненія послѣдняго выраженія; но всѣ они принимали слово б а л в а н ъ въ томъ смыслѣ, въ которомъ оно теперь у насъ употребляется. Мы думаемъ, что ключемъ къ

Въ 53-й главѣ того же сочиненія, въ главѣ, посвященной разсказамъ изъ исторіи города Херсона и его борьбы съ Воспорскими царями, Константинъ даетъ еще слѣдующія подробности о Тмутракани и сосѣднихъ съ нею областяхъ:

„За городомъ Таматархою находятся многіе источники, которые послѣ питья производятъ сыпь во рту. Также и въ Зихіи, подлѣ мѣста, называемаго Пагисъ, около Папагіи, существуетъ девять источниковъ, производящихъ сыпь во рту. Но они имѣютъ не одинаковыя цвѣта: одинъ красный, другой желтый, третій темный. Въ Зихіи, въ мѣстѣ, называемомъ Папага, по сосѣдству съ округомъ, именуемымъ Сапакси (Σαπαξυ), что значитъ „грязь“, есть источникъ, который также возбуждаетъ сыпь: существуетъ и другой подобный источникъ въ округѣ, называемомъ Хамухъ, по имени своего основателя Хамуха. Это мѣсто отстоитъ отъ моря на одинъ день коннаго переѣзда. Въ области Дерзинесъ, подлѣ двухъ округовъ, изъ которыхъ одинъ называется Сапикій (Σαπικίου), а другой Епископій (Επισκοπίου) есть тоже производящій сыпь источникъ, а также и въ области Чиляпертъ (Τζιλιαπερτ) въ округѣ Срехябараксъ (Σρεχιαβαραξ).

Очевидно, Константинъ описываетъ здѣсь вулканическія грязи и источники Таманскаго полуострова и сосѣдняго Кавказа. Не замѣтно однако, чтобъ эти источники были извѣстны въ то время своими лечебными свойствами, такъ какъ Константинъ знаетъ о нихъ только то, что они для питья не годятся, ибо производятъ во рту сыпь. Интересны нѣкоторыя мѣстныя названія, здѣсь приведенныя. Предоставляемъ объясненія ихъ знатокамъ кавказскихъ языковъ и обратимъ вниманіе только на слово *Сапакси*. (Слѣдующее затѣмъ названіе *Сапикiу*, можетъ быть, происходитъ отъ одного съ нимъ корня). Предложимъ вопросъ: не есть ли это слово въ нѣсколько искаженной передачѣ славянское *сопки*, то-есть, именно вулканы, извергающіе изъ себя грязные потоки? Далѣе: девять разноцвѣтныхъ источниковъ гдѣ-то за Таманскимъ полуостровомъ на западномъ концѣ Кавказа—это число не находится ли въ какой-либо связи съ названіемъ „Девяти Хазарскихъ

разъясненію этого выраженія можетъ служить польское bałwan, доселѣ употребляемое въ смыслѣ волны. Отсюда приходимъ къ тому заключенію, что Тмутраканскій балванъ Слова о Полку Игоревѣ просто означаетъ „Тмутраканскій проливъ“, а въ переносномъ значеніи „Тмутраканскій край“. (См. наши соображенія о томъ въ изданіи Москов. Археол. Общества Древности 1874 г.).

климатовъ“ (τα εννέα κλήματα της Χαζαρίας), о которыхъ Константинъ упоминаетъ въ 10-й главѣ того же сочиненія?

Хазарскіе климаты или округи надобно различать отъ климатовъ Греческихъ, которые лежали въ юго-восточномъ углу Таврическаго полуострова, по сосѣдству съ Херсонскою областью. Мы говоримъ: надобно ихъ различать, потому что у Константина иногда упоминаніе о нихъ довольно сбивчиво. Напримѣръ, въ 11-й главѣ онъ говоритъ, что Алане могутъ преграждать Хазарамъ путь „въ Саркелъ, Климаты и Херсонъ“. Здѣсь подъ климатами въ географическомъ смыслѣ могутъ быть понимаемы и тѣ, и другіе, если взять въ расчетъ, что тѣ и другіе лежали между Саркеломъ и Херсономъ; но соображаясь съ внутреннимъ смысломъ, надобно здѣсь разумѣть климаты Хазарскіе, о которыхъ Константинъ говоритъ въ предыдущей главѣ. Въ этой послѣдней онъ объясняетъ, что девять Хазарскихъ округовъ лежатъ по сосѣдству съ Аланіей, и, если Алане подвергали ихъ опустошеніямъ, то наносили тѣмъ большой вредъ Хазарамъ, такъ какъ изъ этихъ девяти округовъ Хазары получали все нужное для жизни. Очевидно, область этихъ округовъ лежала въ западной части Кавказа около Кубанской дельты, то-есть, тамъ, гдѣ находились упомянутые выше девять источниковъ; по видимому, то была часть Зихіи и Папагіи, подвластная собственнымъ Хазарамъ, то-есть, Касогамъ или Черкесамъ—Кабардинцамъ. Эта въ сущности небольшая область была дорога для нихъ, ибо, по словамъ Константина, отсюда они получали все нужное для жизни. Это все нужное, конечно, доставляла имъ торговля съ Греками и Руссо-Болгарами при помощи гаваней Азовскихъ и Черноморскихъ, изъ которыхъ товары шли въ Хазарію при посредствѣ области, прилегавшей къ Кубанской дельтѣ. Кромѣ греческихъ тканей и металлическихъ издѣлій, они получали отсюда хлѣбъ и рыбу. Послѣдняя особенно въ изобиліи ловилась въ Кубанскихъ лиманахъ. Такъ, Ѳеофанъ преимущественно указываетъ на *булгарскую* рыбу ксистъ, а Константинъ на берзетикъ (по весьма вѣроятному мнѣнію г. Бруна, это одна и та же рыба; но онъ не могъ узнать, какая порода тутъ подразумѣвается. См. *Зап. Од. Общ.* V. 147).

Берзетикъ ловился именно въ Карагулѣ, то-есть, въ сѣверномъ рукавѣ Кубани. А страна, прилегавшая къ этому рукаву въ тѣ времена, можетъ быть, еще не была отвоевана Руссами отъ Хазаръ, и слѣдовательно, обитавшая здѣсь часть Черныхъ Болгаръ еще платила дань Хазарамъ, и конечно, платила естественными

произведеніями. Вотъ почему, въ случаѣ опустошенія Аланами девяти округовъ, Хазарамъ грозилъ голодъ. Это извѣстіе подтверждаетъ нашу мысль, что тутъ надобно разумѣть Хазаръ Кавказскихъ, а не Волжскихъ. У послѣднихъ, по извѣстію Ибнъ-Фодлана, главною пищею служили рисъ и рыба; но рыбою снабжала ихъ Каспійско-Волжская ловля; а рисъ они получали или отъ ближайшихъ покоренныхъ племенъ, или отъ торговцевъ, особенно восточныхъ. Однимъ словомъ, нѣтъ вѣроятности, чтобы Волжскіе Хазары питались хлѣбомъ и рыбою, доставлявшимися съ устьевъ Кубани или съ западнаго Кавказа. По всѣмъ признакамъ, Константинъ не имѣлъ яснаго представленія о положеніи и разныхъ частяхъ Хазарскаго государства: онъ смѣшивалъ Хазаръ Волжскихъ съ Черкесскими или Кавказско-Крымскими. Его извѣстія могутъ быть отнесены по преимуществу къ послѣднимъ, тогда какъ арабскія извѣстія того же вѣка относятся преимущественно къ первымъ.

Итакъ, мы можемъ положительно сказать, что около первой половины X вѣка Алане уже возвратили себѣ независимость отъ хазарскихъ государей и тѣмъ нарушили связь Каспійско-Волжской Хазаріи съ западнымъ Кавказомъ или Кабардою. Но источники не даютъ опредѣленныхъ указаній на то, въ какихъ отношеніяхъ послѣдняя находилась къ Итилю. Мы можемъ только догадываться, что Черкесія или собственная Хазарія во времена Константина еще сохраняла вассальныя отношенія къ Итильскимъ каганамъ. Но безъ сомнѣнія, она также стремилась къ независимости, и возстаніе воинственныхъ Кабаровъ, о которомъ вспоминаетъ Константинъ, вѣроятно, повторилось не одинъ разъ. Во второй половинѣ X вѣка, когда Хазарское государство ослабѣло подъ ударами Аланъ, Печенѣговъ и особенно Руссовъ, которые раззорили Саркелъ, тогда и собственные Хазары, то-есть, Крымскіе и Кавказскіе Черкесы, по видимому, возвратили себѣ самостоятельность и отдѣлились отъ Турко-Хазаръ Каспійскихъ. Указаніемъ на это обстоятельство могутъ служить войны Руси и Грековъ въ первой половинѣ XI вѣка съ Черкесскими князьями Георгіемъ Чуломъ и Редедею *).

*) Мы уже упоминали, что часть Кабаровъ ушла къ Уграмъ и соединилась съ ними, и что хусарская конница, по всей вѣроятности, получила свое начало отъ этихъ Черкесовъ-Хазаръ. Точно также и уланская конница ведетъ свое происхожденіе отъ кавказскихъ Аланъ. У Татаръ подъ названіемъ уланъ разумѣлось сословіе благородныхъ, что свидѣтельствуетъ объ ихъ уваженіи къ воин-

Теперь въ короткихъ словахъ доскажемъ дальнѣйшую судьбу Тмутраканской Руси.

Кіево-русскіе князья, чтобъ упрочить за собою обладаніе Тмутраканскимъ краемъ, не разъ должны были возобновлять борьбу съ Хазарами-Кабардинцами, а иногда и съ ихъ сосѣдями Аланами. Такъ, Святославъ, по словамъ нашей лѣтописи, воевалъ съ Касогами и съ Ясами. Затѣмъ мы имѣемъ извѣстіе византійскаго писателя Кедрена о предпріятіи Грековъ противъ Хазаръ при императорѣ Василіѣ II. Въ 1016 году онъ послалъ къ Хазаріи флотъ подъ начальствомъ Монга; послѣдній, „вспомоществуемый Сфенгомъ, братомъ Владиміра, того самаго, который женился на сестрѣ императора Василія, покорилъ эту страну, взявъ въ плѣнъ въ первой же битвѣ князя ея Георгія Чула". Извѣстіе это, по всѣмъ признакамъ, не совсѣмъ точно; по крайней мѣрѣ оно не совсѣмъ согласно съ русскою лѣтописью, которая незнаетъ у Владиміра никакого брата съ именемъ Сфенга. Далѣе, не ясно, о какой Хазаріи здѣсь говорится, во всякомъ случаѣ не о волжской, куда греческія войска не проникали; притомъ имя Георгія показываетъ, что онъ былъ христіанинъ, а Итильскіе каганы исповѣдуютъ іудейскую вѣру. Здѣсь, по всей вѣроятности, рѣчь идетъ о какомъ-либо Хазарско-кабардинскомъ владѣніи, которое уцѣлѣло до начала XI вѣка въ Тавридѣ, по сосѣдству съ Корсунскою областью (можетъ быть, тамъ, гдѣ лежатъ развалины Мангупа и Черкесъ-Кермена). Русскіе помогали тогда Грекамъ и въ этой сторонѣ конечно, также, какъ помогали имъ въ борьбѣ съ Болгарами Дунайскими (вслѣдствіе родственнаго союза съ Греческими императорами).

Вскорѣ потомъ, именно подъ 1022 годомъ, наша лѣтопись помѣщаетъ извѣстіе о войнѣ съ Касогами Владимірова сына Мстислава, которому отецъ назначилъ въ удѣлъ Тмутракань. Эти Хазары-Касоги были сосѣдями Тмутраканской Руси съ восточной стороны, и конечно, между ними происходили споры за границы. Но не видно, чтобы въ эти споры вмѣшивались каганы Итильскіе; слѣдовательно, Касоги-Кабардинцы въ то время были уже самостоятельны и не имѣли политической связи съ Хазарами

ственнымъ Аланамъ. Отличительнымъ оружіемъ гусаръ, какъ извѣстно, служитъ кривая сабля, а уланъ—копье; вѣроятно, это вооруженіе отличало и самыя племена Касоговъ и Ясовъ. О кривой хазарской или гусарской саблѣ упоминаетъ и наша лѣтопись, противополагая ее русскому обоюдуострому мечу.

Каспiйско-Волжскими. Мстиславъ, какъ извѣстно, одолѣлъ въ единоборствѣ Касожскаго князя Редедю и закололъ его; послѣ чего, по условiю, взялъ его семейство и наложилъ дань на Касоговъ, а по возвращенiи въ городъ Тмутракань, исполняя обѣтъ, построилъ церковь Богородицы. Эта церковь стояла еще во время лѣтописца, то-есть, въ XII вѣкѣ. Какъ сильно было въ ту эпоху Тмутраканское княжество, показываетъ успѣхъ Мстислава въ борьбѣ съ старшимъ братомъ Ярославомъ. Съ своею руссо-болгарскою дружиною и хазаро-черкескою конницею онъ побѣдилъ Ярослава и заставилъ уступить себѣ восточную сторону Днѣпра. Мстиславъ перенесъ свою резиденцiю въ Черниговъ, гдѣ и умеръ (въ 1036 году); не оставляя послѣ себя дѣтей, онъ всѣ свои земли передалъ брату Ярославу. Послѣднiй при раздѣлѣ Руси между своими сыновьями отдалъ Тмутракань второму сыну, Святославу, то-есть, причислилъ ее къ удѣлу Черниговскому. Съ тѣхъ поръ она, за небольшими исключенiями, и оставалась въ родѣ Черниговскихъ Святославичей.

Святославъ отдалъ Тмутракань въ удѣлъ своему сыну Глѣбу. Дѣятельность Глѣба Святославича въ этомъ отдаленномъ концѣ древней Руси засвидѣтельствована дошедшимъ до насъ камнемъ съ слѣдующею надписью: „Въ лѣто 6576 индикта 6 Глѣбъ князь мѣрилъ море по леду отъ Тъмутороканя до Кърчева.... сажени" *) На этой надписи мы впервые встрѣчаемъ болгаро-русское названiе *Корчево* или *Корчевъ*, откуда явилось сокращенное Керчь. Это названiе замѣнило греческiе „Пантикапея" и „Воспоръ", также какъ имя „Тмутракань" смѣнило древнее „Фанагорiя". По видимому эти два города, лежавшiе другъ противъ друга на берегахъ пролива, ужъ успѣли нѣсколько оправиться отъ раззоренiй, причиненныхъ имъ во времена гунно-болгарскаго и потомъ турко-хазарскаго завоеванiя. Керчь-Пантикапея не достигала уже никогда своего прежняго блеска; однако сохраняла свой торговый характеръ, благодаря выгодному положенiю на торномъ пути между Русью и Хазарiей, съ одной стороны, и Византiйской имперiей, съ другой. О торговомъ характерѣ Тмутраканской Руси, какъ мы говорили, особенно свидѣтельствуютъ арабскiя извѣстiя.

---

*) Камень этотъ найденъ былъ въ 1792 г. на островѣ Тамани. Онъ имѣетъ видъ плиты, и надпись высѣчена на боковой ея сторонѣ; хранится въ Петербургѣ въ Императорскомъ Эрмитажѣ. Число саженъ (лнд) подвергается разночтенiямъ: по однимъ это 8054, по другимъ—14000.

Тмутракань въ это время имѣлъ верхъ надъ Корчевомъ, ибо былъ стольнымъ городомъ княжества.

Отдаленное отъ Кіевской Руси положеніе, смѣшанный, разноплеменный составъ населенія и сосѣдство варварскихъ народовъ, готовыхъ доставлять наемныя дружины всякому предпріимчивому вождю, дѣлали безпокойнымъ и довольно шаткимъ положеніе Тмутраканскихъ князей, когда начались междоусобія въ потомствѣ Ярослава I. Положеніе это сдѣлалось особенно шаткимъ съ того времени, какъ изъ-за Дона, около половины XI вѣка, надвинулись въ южно-русскія степи новыя орды кочевниковъ, дикіе Половцы, которые мало по малу стали отрѣзывать Тмутраканскую землю отъ остальной Руси и затруднять между ними сообщеніе.

Одинъ изъ внуковъ Ярослава, Ростиславъ Владиміровичъ, послѣ смерти отца своего Владиміра Новгородскаго, проживалъ въ Новгородѣ безъ удѣла. Этотъ смѣлый воинственный князь, вмѣстѣ съ Вышатою, сыномъ посадника Остромира, ушелъ на югъ, набралъ дружину и изгналъ изъ Тмутраканя своего двоюроднаго брата Глѣба Святославича. Отецъ послѣдняго, Святославъ, явился было на помощь сыну и возвратилъ ему Тмутраканскій столъ (въ 1064 г.). Но едва отецъ отправился назадъ въ свой Черниговъ, какъ Ростиславъ снова выгналъ Глѣба и снова занялъ Тмутракань, гдѣ и княжилъ до своей смерти. Но княженіе это было кратковременно: оно продолжалось только два года. Храбрый Ростиславъ сдѣлался грозенъ для своихъ сосѣдей, то-есть, для Корсунскихъ Грековъ и Кавказскихъ Касоговъ; послѣдніе платили ему дань. Греки тяготились сосѣдствомъ такого воинственнаго князя и рѣшились извести его. Лѣтопись наша расказываетъ, что какой-то греческій начальникъ или катапанъ пріѣхалъ къ Русскому князю, подольстился къ нему и потомъ отравилъ его въ то время, когда онъ по обыкновенію пировалъ съ своею дружиною (1066 г.). Преданіе, записанное рускимъ лѣтописцемъ, прибавляетъ, будто катапанъ, успѣвшій бѣжать въ Корсунь, былъ побитъ камнями отъ самихъ Корсунцевъ, когда Ростиславъ умеръ; но послѣднее извѣстіе едвали вѣроятно, такъ какъ, по словамъ той же лѣтописи, сами Греки подослали его къ Ростиславу. Этотъ князь погребенъ въ томъ же каменномъ храмѣ Богородицы, который былъ построенъ Мстиславомъ Владиміровичемъ.

Послѣ Ростислава Тмутраканскій удѣлъ снова перешелъ во владѣніе Черниговскихъ Святославичей. Тамъ мы встрѣчаемъ опять Глѣба, потомъ его брата, Романа Святославича. Когда

умеръ ихъ отецъ Святославъ Ярославичъ, наступили извѣстныя междоусобія братьевъ его Изяслава и Всеволода съ племянниками Святославичами, которые хотѣли воротить себѣ отцовскую часть, то-есть, Черниговскую землю. Въ 1078 году знаменитый Олегъ Святославичъ, убѣжалъ къ брату Роману въ Тмутракань, куда еще прежде явился двоюродный братъ его Борисъ Вячеславичъ, тоже обдѣленный своими дядьями. Здѣсь эти безпокойные князья вошли въ связи съ варварами, особенно съ Половцами, и съ ихъ помощью начали рядъ своихъ попытокъ противъ дядей. Олегу и Борису не посчастливилось, и послѣдній палъ въ битвѣ на Нѣжатиной нивѣ. Тогда Романъ, съ новыми толпами Половцевъ пошелъ на помощь Олегу, чтобы добыть Черниговъ. Но варвары измѣнили братьямъ и заключили союзъ съ ихъ дядею Всеволодомъ, конечно, склоненные къ тому золотомъ. Мало того, на обратномъ походѣ варвары убили Романа. Олегъ, по смерти братьевъ сдѣлавшійся наслѣдникомъ Тмутраканскаго стола, былъ схваченъ и отправленъ за море въ Царьградъ (1079 г.). По поводу этихъ событій въ нашей лѣтописи упоминаются тмутраканскіе Хазары: они подговорили Половцевъ убить Романа, они же схватили Олега и выдали Грекамъ (см. Ипатскую лѣтопись новое изданіе, 143—144). Итакъ мы имѣемъ ясное свидѣтельство, что часть населенія въ Тмутраканскомъ княжествѣ, и конечно, часть вліятельная, состояла изъ Хазаръ или Черкесовъ-Кабардинцевъ, которые прежде владѣли этимъ краемъ. Въ данномъ случаѣ туземные Хазары, очевидно, дѣйствовали въ согласіи съ великимъ княземъ Всеволодомъ, то-есть, по всей вѣроятности, были подкуплены деньгами или обѣщаніемъ какихъ либо льготъ. По крайней мѣры послѣ удаленія Олега въ Грецію мы видимъ въ Тмутракани Всеволодова посадника Ратибора, но не надолго. Въ слѣдующемъ году здѣсь явились два новые искателя удѣловъ, Давидъ Игоревичъ и Володарь Ростиславичъ; они схватили Ратибора и завладѣли Тмутраканью. Всѣ эти быстрыя перемѣны, конечно, дѣлались не безъ участія все того же вліятельнаго элемента въ Тмутракани, то-есть, Хазаръ.

Между тѣмъ наслѣдственный Тмутраканскій князь Олегъ Святославичъ изъ Константинополя былъ отправленъ далѣе на островъ Родосъ, гдѣ провелъ два года. Объ этомъ пребываніи его на Родосѣ упоминаетъ извѣстный паломникъ игуменъ Даніилъ при описаніи своего хожденія въ Іерусалимъ. Въ то время на византійскомъ престолѣ царствовалъ Никифоръ Вотаніатъ, который,

конечно, былъ въ союзѣ съ врагами Олега; кромѣ того, Греки, вѣроятно, опасались найти въ немъ такого же безпокойнаго сосѣда, какимъ былъ Ростиславъ Владиміровичъ. Но когда Вотаніатъ былъ низверженъ и на престолъ вступилъ знаменитый Алексѣй Комненъ, обстоятельства, очевидно, измѣнились въ пользу Олега. Въ 1083 году онъ снова появляется въ Тмутракани, которую, по всей вѣроятности, воротилъ себѣ съ помощью прежнихъ непріятелей, а теперь новыхъ союзниковъ—Грековъ. Володаря и Давида онъ отпустилъ на свободу, но строго наказалъ крамольныхъ Тмутраканскихъ Хазаръ, предавъ смертной казни своихъ главныхъ враговъ *).

Послѣ того, въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ, ничего не слышно объ Олегѣ. По видимому, онъ въ это время спокойно княжилъ въ Тмутракани. Но въ 1093 году умеръ Всеволодъ. Тогда Олегъ снова выступилъ на сцену: онъ опять явился съ наемными Половцами добывать Черниговъ у Владиміра Мономаха, и на этотъ разъ, достигъ своей цѣли. Можетъ быть, къ тому же десятилѣтнему періоду относится одинъ вещественный памятникъ Олегова княженія въ Тмутракани. Мы говоримъ о серебряной монетѣ, которая нѣсколько лѣтъ тому назадъ найдена на Тамани. На одной сторонѣ ея видно довольно неясное лицевое изображеніе, а на другой надпись: „Господи, помози Михаилу". Олегъ Святославичъ въ крещеніи названъ Михаиломъ, и нѣкоторые изслѣдователи съ большою вѣроятностію приписываютъ ему эту монету (см. *Древности*, изданіе Моск. Археолог. Общества, т. III, вып. II.)

Съ переселеніемъ Олега Святославича въ Черниговъ, въ лѣтописи нашей прекращаются всѣ упоминанія о Тмутраканскомъ краѣ. Можемъ только догадываться, что этотъ край въ XII вѣкѣ былъ наконецъ оторванъ отъ Руси Половецкою ордою. Но Чернигово-Сѣверскіе князья не забывали о немъ и дѣлали иногда попытки воротить его въ свое владѣніе. На эти попытки указываетъ знаменитое Слово о Полку Игоревѣ. Оно прямо говоритъ, что Игорь Сѣверскій и его братъ Всеволодъ Трубчевскій предприняли походъ на Половцевъ съ цѣлью „поискати града Тмутороканя". Вообще это Слово не одинъ разъ и съ замѣтнымъ

---

*) Очень можетъ быть, что именно къ этимъ Тмутраканскимъ Хазарамъ и сосѣднимъ Касогамъ, платившимъ дань, относятся извѣстныя слова нашей лѣтописи о томъ, что „володѣютъ Русскіе князья Хазарами и до сего дня".

сочувствіемъ упоминаетъ о Тмутракани. Извѣстно обращеніе поэта къ „Тмутараканскому балвану“. Мы уже имѣли случай представить свои соображенія о томъ, что подъ словомъ *балванъ* тутъ не скрывается какой-то воображаемый идолъ, но что это значитъ проливъ, а въ переносномъ смыслѣ здѣсь надобно разумѣть весь Тмутраканскій край. Какого либо половецкаго идола нельзя здѣсь разумѣть и потому, что этотъ край, оторванный отъ Руси, во второй половинѣ XII вѣка снова подпалъ господству Византіи.

Византійская исторіографія XIII, XIV и XV вѣковъ мимоходомъ бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на дальнѣйшія судьбы Тмутраканской Руси. Въ первой половинѣ XIII вѣка вмѣстѣ съ сосѣдними Зихами, Абасгами и Готами она была покорена Татарами Чингисхана, по извѣстію Никифора Грегоры (онъ называетъ здѣсь Черноморскихъ и Азовскихъ Руссо-Болгаръ Тавроскиѳами и Бориствнитами). Писатель второй половины XIII вѣка Георгій Пахимеръ говоритъ, что Алане, Зихи, Готы и Россы, покоренные Татарами, мало помалу стали усвоивать себѣ ихъ нравы, а вмѣстѣ съ одеждою стали употреблять и ихъ языкъ, будучи принуждены поставлять Татарамъ вспомогательныя войска. Одежда, а отчасти и нравы завоевателей довольно легко переходятъ къ покореннымъ народамъ. Подъ этою перемѣною нравовъ, конечно, надобно разумѣть постепенное огрубѣніе и одичаніе, которому подвергались Тмутраканскіе Болгаро-Руссы подъ игомъ дикихъ монголо-татарскихъ ордъ, наводнившихъ юго-востокъ Европы, Кавказъ и Закавказье. Но что касается до языка, то онъ не такъ скоро утратился изъ народнаго употребленія и замѣнился языкомъ господствующаго народа. О Готахъ мы знаемъ, что они долго еще сохраняли свой языкъ. То же можемъ предположить и относительно Азовско-Черноморскихъ Руссо-Болгаръ, пока христіанство не было у нихъ вытѣснено мусульманствомъ. По крайней мѣрѣ во второй половинѣ XIII вѣка христіанская церковь еще вполнѣ соблюдалась, судя по извѣстію Кодина о томъ, что архіепископъ Зихіи и *Метраховъ* былъ возвышенъ въ санъ митрополита.

Въ началѣ XV вѣка Болгаро-Руссы еще разъ упоминаются по поводу войнъ Тамерлана. По извѣстію Дуки, въ его полчищахъ находились дружины Тавроскиѳовъ, Зиховъ и Авазговъ.

Открытіе новыхъ историческихъ источниковъ и особенно мѣстныя изысканія, можетъ быть, дадутъ впослѣдствіи болѣе подробныя свѣдѣнія о судьбахъ этой Азовско-Черноморской Руси.

ОТВѢТЫ И ЗАМѢТКИ.

I.

Къ вопросу о названіяхъ пороговъ и личныхъ именахъ. Вообще о филологіи норманистовъ *).

Изслѣдуя вопросъ о происхожденіи Руси, мы встрѣтились съ Болгарами, и не могли оставить въ сторонѣ вопросъ объ ихъ народности, и не посвятить ему особаго изслѣдованія. Разъясненіе народности и начальной исторіи Болгаръ въ свою очередь освѣтило нѣкоторые пункты начальной Русской исторіи, казавшіеся доселѣ не совсѣмъ понятными. Напримѣръ, теперь, когда мы знаемъ, что Болгаре съ IV или V вѣка встрѣчаются въ историческихъ источникахъ живущими на Кубани и въ восточной части Крыма и продолжаютъ тамъ жить еще въ IX вѣкѣ, теперь устраняется и самый вопросъ о томъ, кто такое были и гдѣ обитали *Черные Болгаре*, упомянутые въ Игоревомъ договорѣ и въ сочиненіи Константина „Объ управленіи имперіей". А эти Черные Болгаре въ свою очередь до нѣкоторой степени выясняютъ происхожденіе русскаго Тмутраканскаго княжества, отношенія Руси къ Хазарамъ въ этомъ краю и ту роль, которую игралъ греческій Корсунь въ исторіи нашего христіанства. Мало того, разъясненіе Болгарской народности, могу сказать, неожиданно для меня самаго, бросило свѣтъ на тотъ пунктъ, который я недалѣе какъ въ первыхъ своихъ статьяхъ о Варяго-Русскомъ вопросѣ еще считалъ въ числѣ почти безнадежно темныхъ: на имена Днѣпровскихъ пороговъ. Такіе результаты, разумѣется, утверждаютъ меня на исторической почвѣ по отношенію

---

*) Изъ Сборника Древняя и Новая Россія. 1875. № 5. (По поводу разсужденій В. Ѳ. Миллера о названіяхъ пороговъ).

къ начатому направленію, и все болѣе убѣждают въ несостоятельности тѣхъ легендъ и тѣхъ искусственныхъ теорій, которыя затемнили собою начальную Русскую и вообще Славянскую исторію.

Указывая на принадлежность Славянамъ обѣихъ параллелей, *славянской* и *русской*, въ названіяхъ пороговъ у Константина Б., я замѣтилъ: „впрочемъ, какому именно племени первоначально принадлежали такъ называемыя славянскія имена пороговъ, Славянамъ сѣвернымъ или еще болѣе южнымъ, чѣмъ Кіевская Русь, рѣшить пока не беремся“. (См. выше стр. 210). Въ настоящее время, когда мы знаемъ, что къ югу отъ Кіевской Руси жили племена Славяноболгарскіе (Угличи и Тиверцы), можемъ уже прямо предположить, что славянская параллель въ именахъ пороговъ представляетъ ни болѣе, ни менѣе какъ болгарскіе варіанты болѣе древнихъ, т. е. славянорусскихъ, названій. И если филологи безъ предубѣжденія взглянутъ на эти варіанты, то убѣдятся, что они дѣйствительно заключаютъ въ себѣ признаки церковнославянскаго, т. е. древнеболгарскаго, нарѣчія. Напримѣръ, Островуни-прагъ и Вулни-прагъ. Здѣсь вторая часть сложныхъ именъ, т. е. *прагъ*, свойственна языку такъ наз. церковнославянскому или древнеболгарскому, а никакъ не славянорусскому, который во всѣхъ своихъ памятникахъ письменности имѣетъ полногласную форму этого слова, т. е. *порогъ*. Точно также славянское названіе порога *Веручи* болѣе соотвѣтствуетъ церковнославянскому глаголу *врѣти*, а не славянорусскому *варити*; тогда какъ послѣдній мы узнаемъ въ русскомъ названіи порога *Вару-форосъ* (почему и позволяемъ себѣ въ параллель ему ставить Веручи, а не Вулнипрагъ, какъ стоитъ у Константина Б., очевидно спутавшаго нѣкоторыя параллели). Названіе порога *Неасытъ*, параллельное русскому Айфаръ, также есть церковно-славянское или древнеболгарское слово, и наконецъ послѣднее славянское названіе *Напрези* тоже отзывается церковнославянскою формою, хотя смыслъ его доселѣ неясенъ и вѣроятно оно подверглось искаженію.

Мы и прежде предполагали, что коренныя древнѣйшія названія пороговъ у Константина суть тѣ, которыя названы русскими; а славянскія представляютъ только нѣкоторыя ихъ варіанты. Это было видно уже изъ самаго порядка, въ какомъ ихъ передаетъ Константинъ; изъ того, что прибавленныя къ нимъ объясненія преимущественно относятся къ славянской параллели; наконецъ

изъ неодолимой трудности провести эти объясненія черезъ всю русскую параллель (хотя норманисты и проводили ихъ съ помощью величайшихъ натяжекъ). Невольно приходила мысль, что нѣкоторыя изъ русскихъ названій по своей древности уже во времена Константина едва ли не утратили своего первоначальнаго смысла; такъ что ихъ объясняли уже съ помощью осмысленія. Разъясненіе начальной Болгарской исторіи подтверждаетъ наши предположенія. Болгарскія племена передвинулись въ Приднѣпровскіе края не ранѣе IV вѣка, т. е. не ранѣе Гуннской эпохи; тогда какъ Роксалане, по Страбону, уже въ первомъ вѣкѣ до Р. Х. жили между Дономъ и Днѣпромъ.

Что во времена Константина дѣйствительно смыслъ нѣкоторыхъ Русскихъ названій былъ уже потерянъ, доказательствомъ тому служитъ порогъ Есупи (Ἐσσουπῆ). Константинъ говоритъ, что порусски и пославянски это слово значило „Не спи". Но ясно, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ осмысленіемъ, основаннымъ на созвучіи; само по себѣ это повелительное наклоненіе не возможно какъ географическое названіе. Филологія норманистовъ уже потому показала свою научную несостоятельность, что она до послѣдняго времени относилась къ слову „Не спи" какъ къ дѣйствительному географическому имени, и подыскивала для него такую же форму въ переводѣ на Скандинавскіе языки. По моему мнѣнію, это могло быть одно изъ названій, сохранившихся отъ древнѣйшей, еще Скиѳской эпохи. Ключъ къ его происхожденію, можетъ быть, заключается въ извѣстіи Геродота о томъ, что область, лежавшая между Гипанисомъ и Бористеномъ, на границахъ Скиѳовъ-земледѣльцевъ и Алазоновъ, называлась *Ексампей* (Εξαμπαῖος), и что это скиѳское названіе значило: „Святые пути". Мы можемъ видѣть тутъ темное извѣстіе именно о Днѣпровскихъ порогахъ, около которыхъ находилась священная для Скиѳовъ страна Герросъ. Каменныя гряды, преграждающія теченіе Днѣпра, вѣроятно, у туземцевъ были связаны съ миѳическимъ представленіемъ о какомъ либо божествѣ или героѣ, переходившемъ рѣку по этимъ скаламъ, или набросавшемъ ихъ для перехода на другой берегъ, или вообще съ чѣмъ-либо подобнымъ *). Слово Ексампи (при сокращенномъ окончаніи) или Ес-

*) Для аналогіи укажу народную легенду о происхожденіи каменной гряды, раздѣляющей на двѣ части воды озера Свибло Витеб. губ., Себеж. уѣзда. Гряда эта называется „Чертовымъ мостомъ". („Памятники Старины Витеб. губ."). Позд. прим.

сампи съ утратою носоваго звука (въ родѣ славянскаго Ѫ) должно было произноситься „Есупи". Такъ сначала назывались вообще Днѣпровскіе пороги; а потомъ, когда ихъ стали различать отдѣльными названіями, Есупи осталось за первымъ. Затѣмъ явилось его осмысленіе въ формѣ: „Не спи". Еще позднѣе, подъ вліяніемъ этого осмысленія, одинъ изъ пороговъ сталъ называться „Будило", то-есть, названіемъ, болѣе соотвѣтствующимъ духу языка при данномъ осмысленіи. Конечно все это предлагаю не болѣе какъ догадку; но надѣюсь, что во всякомъ случаѣ она имѣетъ за собою бо́льшую степень достовѣрности, нежели забавное названіе „Не спи" съ его переводнымъ ne suefe или eisofa.

Второй порогъ, *Ульворси*, норманисты продолжаютъ превращать въ скандинавское holmfors: ибо только при такомъ превращеніи у этого названія получается одинаковый смыслъ съ стоящимъ противъ него славянскимъ *Островунипрагъ*. Что русское *хольм* обратилось у Константина въ *улъ*, по прежнему доказывается „непривычнымъ" греческимъ ухомъ, „вѣроятнымъ" смѣшеніемъ аспирантовъ, переходомъ такихъ-то звуковъ въ такіе-то, и пр. Однимъ словомъ невѣрная передача этого названія будто бы совершилась по извѣстнымъ фонетическимъ законамъ. А между тѣмъ всѣ подобныя ссылки на законы языка уничтожаются слѣдующимъ соображеніемъ. Иностранныя слова дѣйствительно произносятся на свой ладъ, но это бываетъ обыкновенно въ томъ случаѣ, когда народъ усвоиваетъ себѣ или часто употребляетъ какое либо чужое слово. Но когда образованный человѣкъ записываетъ иностранное названіе, то онъ старается передать его какъ можно ближе къ настоящему произношенію, а не передѣлывать его непремѣнно въ духѣ своего роднаго языка. Доказательствомъ тому служитъ тотъ же Константинъ, который передаетъ въ своихъ сочиненіяхъ множество варварскихъ названій всякаго рода; при чемъ часто сохраняетъ ихъ произношеніе, совершенно не соотвѣтствующее духу греческаго языка, а иногда сообщаетъ ихъ въ очень искаженномъ видѣ. Вообще подобныя ошибки и неточности подвести подъ извѣстные законы и съ помощію ихъ возстановить точныя данныя по большей части бываетъ невозможно. Напримѣръ, на основаніи какихъ фонетическихъ законовъ русскій Любечъ у Константина обратился въ Телюча? и т. п. Это-то столь простое соображеніе норманисты упускаютъ изъ виду.

Третій порогъ, *Геландри*, по новому толкованію, есть собственно сравнительная степень отъ скандинавскаго причастія настоящаго времени gellandi звенящій, а можетъ быть звукъ *р* тутъ только послышался Константину. Славянскимъ же языкомъ нельзя объяснять это названіе, потому что у Славянъ будто бы нѣтъ словъ, начинающихся съ *ге* и по славянской фонетикѣ *г* въ такомъ случаѣ должно перейти въ *ж*. Нѣтъ будтобы у Славянъ и словъ, оканчивающихся на *андр*. Но во первыхъ, названіе даннаго порога исправляется по своему, т. е. выбрасывается звукъ *р* и удвоивается *л*; а иначе не совсѣмъ удобно предположить собственное имя въ сравнительной степени. Мы также, хотя и примѣрно, предполагали только маленькую поправку: вмѣсто Геландри читать *Гуландри*, и это слово совершенно подходило бы къ толкованію Константина, по которому оно означаетъ шумъ или гулъ. Во вторыхъ, не совсѣмъ вѣрно, будто въ славянорусскомъ языкѣ нѣтъ и не могло быть словъ, оканчивающихся на *андр*. Мы уже указывали нѣкоторые примѣры (глухандря, слѣпандря и т. п.; прибавимъ *тундра*, форма своя, а не чужая, *хандра* малорус. халандра и пр.); они представляютъ остатокъ какой-то весьма древней формы, для насъ уже утратившей свой грамматическій смыслъ. (Впрочемъ по мнѣнію филологовъ норманнской школы, кажется, подобныя слова стоятъ внѣ всякихъ законовъ славянорусскаго языка?). Въ третьихъ, невѣрно также и положеніе, что Славянскій языкъ не терпитъ словъ, начинающихся съ *ге*. На основаніи какого же фонетическаго закона въ одномъ изъ древнѣйшихъ нашихъ памятниковъ, въ Повѣсти Временныхъ лѣтъ, мы постоянно читаемъ „генварь“ вмѣсто „январь“? Укажу еще на слѣдующій примѣръ. У Бандури въ извѣстномъ греческомъ расказѣ Анонима о происхожденіи Славянской азбуки приводятся славянскія названія буквъ съ помощью греческой транскрипціи. При этомъ нетолько всѣ названія, начинающіяся пославянски буквою *е* (есть, еръ, еры, ерь), но даже *ѣ*, *ю* и оба юса переданы съ *ге* а именно γέεστι, γέορ, γερῖ, γέρ, γέατ, γίου, γέους, γέα. (О. М. Бодянскій въ своемъ сочиненіи „О врем. происхожд. Славян. письменъ“ указываетъ, что такъ вѣроятно записано по южнорусскому или малорусскому произношенію *).

---

*) Еще напомню греческую передачу имени Ярославъ — Γιεροσθλάβος. Могло также быть, что въ Геландри буква г принадлежала не самому имени, а его византійской передачѣ. Позд. прим.

Для рускаго названія порога Айфаръ, соотвѣтсвовавшаго славянскому Неясыть (пеликанъ), норманисты, по новѣйшему ихъ толкованію, подыскали голландское слово ôievâr, что означаетъ аиста. Уже сама по себѣ эта комбинація невѣроятна. У Скандинавовъ не водились пеликаны и не существовало ихъ названія; но имъ надобно было во чтобы ни стало перевести славянское названіе „неясыть", и вотъ они берутъ для того у Голландцевъ слово, означающее все таки аиста, а не пеликана. Такъ объясняютъ А. А. Куникъ и Я. К. Гротъ. Выше (на стр. 325) мы уже упоминали объ этомъ толкованіи. Послѣ нашей замѣтки на него встрѣчаемъ тоже толкованіе и въ томъ же видѣ во второмъ, „пополненномъ" изданіи „Филологическихъ разысканій" Я. К. Грота. (Спб. 1876 т. I стр. 422 и слѣд.). При чемъ опять повторяется какъ *неопровержимый фактъ*, что Норманны ѣздили по Днѣпру въ Царьградъ и слѣдовательно *переводили* туземныя названія на родной языкъ; хотя я и спрашивалъ: гдѣ же несомнѣнное, историческое свидѣтельство объ этихъ плаваніяхъ до второй половины X вѣка? Снова является ссылка на Петра В., который одинъ изъ кораблей назвалъ по голландски *Айфаръ* или *Ойфаръ*; хотя нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ, что корабль названъ былъ именно голландскимъ словомъ. Противъ нашего предположенія о принадлежности двухъ параллелей двумъ нарѣчіямъ Славянскаго языка приводится положеніе, что такое явленіе „не встрѣчается въ области географіи"; хотя я прямо указалъ на свидѣтельство лѣтописи („рѣка Ерелъ у Руси зовется Уполъ"), которое подтверждаетъ, что дѣйствительно были у южно-русскихъ Славянъ варіанты къ нѣкоторымъ географическимъ названіямъ *). Тутъ любопытно между прочимъ слѣдующее сообщеніе А. А. Куника. Лейденскій профессоръ Фрисъ напечаталъ цѣлое изслѣдованіе подъ заглавіемъ Αἰφαρ, въ которомъ вопреки нашимъ норманистамъ отвергаетъ производство этого названія отъ голланд-

---

*) Я К. Гротъ въ изданіи 1876 г. продолжаетъ ссылаться только на мою первую статью (О мним. призв. Варяг.), напечатанную въ 1871 г.; въ ней я еще слегка коснулся вопроса о порогахъ, а болѣе развилъ свои соображенія въ слѣдующихъ статьяхъ. Онъ продолжаетъ приписывать мнѣ толкованіе Холмборы, вмѣсто Ульборси; хотя я такого толкованія собственно не предлагалъ; а говорилъ, что если обращать ул въ holm, то и въ славянскомъ языкѣ есть слово холмъ, и тогда вмѣсто Улборси примѣрно можемъ получить не Holmfors, а Холмоборы. Но дѣло въ томъ, что я съ самаго начала отвергалъ превращеніе ул въ холм, какъ не естественное и сочиненное искусственно для полученія извѣстнаго смысла.

скаго слова (439 стр.). Г. Куникъ конечно не соглашается съ Фрисомъ; но мы не видимъ убѣдительныхъ основаній для этого несогласія. Напримѣръ, голландскій авторъ замѣчаетъ, что въ Скандинавіи нѣтъ и слѣда подобнаго названія. Но это ничего не значитъ — возражаетъ А. А. Куникъ, — „потому что слово то, заимствованное мореплавателями, только имъ и могло быть извѣстно". Едва ли можетъ быть что либо болѣе искусственное, болѣе придуманное, чѣмъ подобное возраженіе. И опять оно основано на томъ же ничѣмъ недоказаннномъ предположеніи, что еще до второй половины X вѣка Скандинавы массами плавали по Днѣпру, и притомъ именно тѣже моряки, которые въ тоже время посѣщали Голландію, гдѣ занимались естественно-историческими и филологическими наблюденіями!

О названіяхъ Днѣпровскихъ пороговъ мы неоднократно говорили и утверждали, что только выходившія изъ предвзятой мысли толкованія могли объяснять т. наз. русскія имена исключительно скандинавскими языками. Повторимъ вкратцѣ тѣ выводы, къ которымъ мы во время своихъ работъ постепенно пришли по этому отдѣлу Варяго-Русскаго вопроса:

1. Русскія названія суть основныя, первоначальныя, восходящія къ глубокой древности. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ можно видѣть остатокъ еще Скиѳской эпохи.

2. Славянскія названія суть варіанты русскихъ и принадлежатъ нарѣчію древнеболгарскому; такъ какъ къ югу отъ Полянъ въ V—X вв. жили племена болгарскія (Угличи и др.).

3. Названія пороговъ дошли до насъ въ весьма искаженной передачѣ. У насъ нѣтъ средствъ провѣрить ихъ даже самимъ Константиномъ Б., потому что онъ приводитъ ихъ только одинъ разъ. Сравненіе съ другими географическими именами въ его сочиненіи, а также и самые славянскіе варіанты, подтверждаютъ мысль объ этомъ искаженіи. Кромѣ того Константинъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ перемѣшалъ соотвѣтствіе славянскихъ варіантовъ съ русскими.

4. Первоначальный смыслъ нѣкоторыхъ русскихъ названій утратился, и Константинъ приводитъ собственно ихъ позднѣйшее осмысленіе. Напр. названіе перваго порога *Есупи* (которое я позволяю себѣ сближать съ скиѳскимъ Exampaios) по созвучію осмыслялось словомъ *Неспи*; но послѣднее какъ противное духу языка не сдѣлалось собственнымъ именемъ, а отразилось въ болѣе позднемъ названіи *Будило*.

5. Старанія норманистовъ объяснять русскія названія исключительно скандинавскими языками сопровождаются всевозможными натяжками. Мы думаемъ, что съ меньшими натяжками можно объяснять ихъ языками славянскими, но и то собственно нѣкоторыя изъ нихъ, потому что другія, вслѣдствіе утраты слова изъ народнаго употребленія, или потери своего смысла, или по крайнему искаженію, пока не поддаются объясненіямъ (Есупи, Аифаръ и Леанти).

6. Тѣ объясненія славянорусскаго языка, которыя мы предлагаемъ, не считаемъ окончательными, а только примѣрными, ибо отвергаемъ возможность дѣлать точные выводы тамъ, гдѣ нѣтъ ни точныхъ данныхъ, ни средствъ опредѣлить степень ихъ неточности. Вообще географическія названія какой либо мѣстности часто бываютъ необъяснимы изъ языка того народа, который употребляетъ ихъ въ данную минуту; тутъ всегда возможны постепенныя наслоенія, позднѣйшія осмысленія и т. п. *).

7. Что дѣйствительно въ южной Россіи существовали когдато при нѣкоторыхъ русскихъ названіяхъ варіанты славянскіе, указываетъ и наша лѣтопись въ извѣстныхъ словахъ; „И стояша на мѣстѣ, нарицаемомъ Ерелъ его же Русь зоветъ Уголъ“. И въ данномъ случаѣ русское названіе болѣе древне, чѣмъ славянское, потому что первое утратилось, а второе осталось до нынѣ (р. Орель).

Эти выводы наши остаются пока во всей силѣ; хотя норманисты и продолжаютъ настаивать на скандинавскихъ словопроизводствахъ. Всякая новая попытка ихъ подкрѣпить эти словопроизводства порождаетъ только новыя и новыя натяжки.

Точто также остаются пока никѣмъ неопровергнуты мои доводы о томъ, что имена нашихъ первыхъ исторически извѣстныхъ князей, т. е. Олега и Игоря, несомнѣнно туземныя. Это

---

*) Просимъ обратить вниманіе на послѣдніе два вывода (5 и 6); такъ какъ норманисты приписываютъ мнѣ попытку объяснить все изъ славянскаго языка. Между тѣмъ я именно указывалъ, что мы имѣемъ много словъ и названій издревле принадлежащихъ Славянамъ, и никакъ не можемъ уяснить ихъ смыслъ изъ одного славянскаго языка, напримѣръ: Перунъ, Днѣпръ, Богъ, Хорсъ, Мокошь и пр. и пр. И притомъ это не какія нибудь искаженныя слова, которыхъ мы не въ состояніи провѣрить. Ненадобно еще упускать изъ виду, что и доселѣ существуютъ многія славянскія слова, которыхъ первоначальный смыслъ можетъ быть объясняемъ съ помощью Готскихъ и вообще древненѣмецкихъ памятниковъ письменности; что весьма естественно по родству корней.

имена почти исключительно русскія (Олега встрѣчаемъ еще только у Литовцевъ въ сложныхъ именахъ Олегердъ и Ольгимундъ); тогда какъ между историческими именами Скандинавовъ ихъ, можно сказать, совсѣмъ нѣтъ. И на оборотъ, наиболѣе употребительныя историческія имена скандинавскихъ князей, каковы Гаральдъ, Эймундъ, Олафъ и т. п. совсѣмъ не встрѣчаются у нашихъ князей. Относительно туземства Олегова имени г. Костомаровъ справедливо указалъ на слова, происшедшія отъ того же корня, каковы *льгота*, *вольгота* и пр. Въ одной изъ предыдущихъ статей мы сближали личныя имена Олегъ и Ольга (которую лѣтопись иногда называетъ *Вольга* и просто *Волга*) съ названіями нѣкоторыхъ рѣкъ и преимущественно съ названіемъ главной Русской рѣки, т. е. Волги (и слѣдовательно съ словомъ *влага* или *волога*). Послѣ того въ интересномъ изданіи г. Барсова *Причитанья Сѣвернаго Края* я встрѣтилъ слово *ольга*, которое и доселѣ употребляется въ томъ краю въ смыслѣ болота (слѣдовательно заключаетъ въ себѣ понятіе воды или влаги). Лучшаго подтвержденія для своего сближенія я конечно и не желалъ. Выше я тоже указывалъ на имя знатной роксаланской женщины *Санелиі* (по Іорнанду); вторая часть этого сложнаго слова очевидно есть таже Ольга или *Елга*, какъ она называется у Константина Б. Слѣдовательно, съ какой же стати выводить подобныя имена изъ Скандинавіи? А по поводу Игоря и нашего произношенія св. Георгія Егоромъ, пользуюсь случаемъ упомянуть о томъ, что по этому поводу писалъ ко мнѣ профессоръ Харьковскаго университета Н. Я. Аристовъ въ мартѣ 1874 года. Соглашаясь съ моими толкованіями, онъ идетъ еще далѣе, и между прочимъ, приводитъ имя Игоря въ связь съ языческимъ великаномъ нашихъ былинъ Святогоромъ (*Святъ-Игоръ*). Прибавка слова „святъ“ къ имени Игоря, по его мнѣнію, получилась подъ вліяніемъ христіанства и примѣшавшагося представленія о св. Георгіѣ. Что дѣйствительно первоначальное его имя было несложное, Н. Я. Аристовъ подтверждаетъ стихомъ былины:

Былъ на землѣ богатырь *Егоръ*-Святогоръ*).

---

*) Укажу еще на рѣчку Ингоръ, впадающую съ правой стороны въ Волховъ. („Географія Начальн. Лѣтописи“. Барсова. 169.). Что съ принятіемъ христіанскихъ именъ ихъ передѣлывали на старый, языческій ладъ, о томъ замѣтилъ и Морошкинъ („О личныхъ именахъ Рус. Славянъ“ въ Извѣст. Археол. Об. IV. 517). Позд. прим.

Что же касается до именъ дружинниковъ, приведенныхъ въ договорахъ Олега и Игоря, то это отрывки изъ Русской ономастики языческаго періода; часть ихъ встрѣчается потомъ рядомъ съ христіанскими именами въ XI, XII и даже XIII вѣкахъ въ разныхъ сторонахъ Россіи, и только несовершенство филологическихъ пріемовъ можетъ объяснять ихъ исключительно скандинавскимъ племенемъ. Если нѣкоторая часть этихъ именъ напоминаетъ подобныя имена въ древней сѣверно-германской ономантологіи, что весьма естественно по многимъ причинамъ (выше не разъ указаннымъ), то другая часть ихъ сильно отзывается восточнымъ или какимъ-то мидо-сармато-литовскимъ, а нѣкоторыя пожалуй и угро-тюркскимъ характеромъ, и это все-таки не мѣшаетъ ихъ славяно-русской народности. (Алвадъ, Адунъ, Адулбъ, Алданъ, Турд-*овъ* Мутуръ, Карш-*евъ*, Кары, Карнъ и т. п. Послѣднее, т. е. *Карнъ*, очевидно по происхожденію своему и смыслу тоже, что *карна*—печаль или бѣда въ словѣ о П. Игор.). Вообще этимологія личныхъ именъ по своей сложности, по разнообразнымъ отношеніямъ и вліяніямъ, политическимъ и этнографическимъ, можетъ составить особый отдѣлъ сравнительно-исторической филологіи, и приступать къ рѣшенію вопросовъ съ такими нехитрыми пріемами, какъ это доселѣ дѣлалось, несогласно съ настоящими требованіями науки. Если бы въ упомянутыхъ договорахъ нашлось два, три (не болѣе) имени дѣйствительно варяжскихъ, то это подтвердило бы только мою мысль, что, начиная съ Олега, въ Новгородѣ содержался наемный варяжскій гарнизовъ и что нѣкоторые знатные люди изъ Варяговъ уже съ того времени могли появляться въ самой кіевской дружинѣ. Повторимъ тоже, что и прежде не разъ высказывали: обыкновенно, тамъ, гдѣ этимологическіе выводы противорѣчатъ историческому ходу событій, при болѣе внимательномъ и многостороннемъ разсмотрѣніи, эти выводы оказываются невѣрны и указываютъ только на несовершенство филологическихъ пріемовъ.

Извѣстно, что главный и постоянный врагъ исторіи какъ науки—это элементъ вымысла, басни, съ которымъ ей приходилось бороться отъ самыхъ древнѣйшихъ до самыхъ новѣйшихъ временъ. Этотъ элементъ такъ переплетается съ источниками собственно историческими, что часто нужны величайшія усилія, чтобы выдѣлить его. Но кромѣ вымысла у исторической науки есть и другіе непріятели, напр. недостатокъ свидѣтельствъ, недостатокъ безпристрастія и проч. А въ данномъ вопросѣ, какъ мы

видимъ, ей приходится бороться и съ ошибочными филологическими пріемами.

Филологія стремится стать наукою точною; но до полной точности ей еще очень далеко; приблизительно вѣрныхъ выводовъ она можетъ достигать только тамъ, гдѣ имѣетъ для того достаточный матеріалъ. Но во многихъ случаяхъ, особенно относящихся къ вѣкамъ прошедшимъ, она безсильна представить удовлетворительныя объясненія, хотя это и не избавляетъ ее отъ обязанности дѣлать къ тому попытки. Движеніе ея въ этомъ отношеніи находится въ тѣсной связи съ движеніемъ вообще исторической науки, которая, какъ извѣстно, имѣетъ въ виду всю сложность явленій. Нѣтъ сомнѣнія, что наука славянорусской филологіи сдѣлала уже много успѣховъ; но какъ она еще слаба при объясненіи самой исторіи языка, лучше всего показываетъ слѣдующее. Передъ нами великорусское и малорусское нарѣчія въ полномъ своемъ составѣ; мы имѣемъ обильные письменные памятники, которые восходятъ до X столѣтія, и однако русская филологія не объяснила намъ доселѣ, откуда взялось Малорусское нарѣчіе, когда оно сложилось, въ какихъ отношеніяхъ было къ вѣтви Великорусской и т. д. Есть по этому поводу нѣкоторыя попытки, нѣкоторыя мнѣнія, но до рѣшенія вопроса еще очень далеко. Это рѣшеніе зависитъ отъ болѣе тщательной разработки древнѣйшей Русской исторіи. Точно также филологическая наука еще не въ состояніи опредѣлить, гдѣ кончается церковно-славянскій языкъ и начинается собственно русскій въ древнихъ памятникахъ нашей письменности. Если послѣ стольких трудовъ, посвященныхъ вопросу, на какомъ славянскомъ нарѣчіи сдѣланъ былъ переводъ Священнаго писанія, все еще продолжаются о томъ споры записныхъ филологовъ, то ясно, какъ еще слаба филологическая наука по отношенію къ исторіи языка. И этотъ вопросъ не можетъ быть рѣшенъ безъ помощи болѣе точныхъ изслѣдованій по древней исторіи Славянъ *). Часто еще слабѣе оказывается филологія тамъ, гдѣ она пытается разъяснять геог-

*) Какіе напримѣръ могутъ быть точные выводы о древнеболгарскомъ нарѣчіи, когда самихъ Болгаръ записные филологи считаютъ Финскою или Турецкою ордою, отстаивая теорію, основанную на однихъ недоразумѣніяхъ. Они, напримѣръ, хватаются за нѣсколько непонятныхъ фразъ въ одномъ славянскомъ хронографѣ, Богъ знаетъ на какомъ основаніи предполагая, что эти фразы суть остатокъ настоящаго болгарскаго языка. (А м. т. даже Волжскихъ Болгаръ въ X в. Арабы называютъ Славянами).

рафическія, народныя и личныя имена, дошедшія до насъ отъ вѣковъ давно минувшихъ. Тутъ является обширное поприще для всякаго рода догадокъ, предположеній, вѣроятностей и проч., и въ этихъ случаяхъ только тѣ догадки получаютъ вѣсъ, которыя могутъ опереться на исторію. Считаю не лишнимъ напомнить о всѣхъ этихъ истинахъ въ виду усилій норманизма: за недостаткомъ историческихъ данныхъ на своей сторонѣ искать поддержки преимущественно въ области филологіи *).

II.

Отвѣтъ В. Г. Васильевскому **).

Въ № 12 „Древней и Новой Россіи" за 1875 годъ В. Г. Васильевскій почтилъ меня отвѣтомъ на мою рецензію его изслѣдованія о Византійскихъ Варангахъ (ibid № 5).

*) Обращу вниманіе на одно неразъясненное доселѣ женское имя въ древнемъ княжескомъ семействѣ.

Въ Лавр. лѣт. подъ 1000 годомъ сказано: „Преставися Малъфрѣдь. Въ сеже лѣто преставися и Рогнѣдь, мати Ярославля". Тоже извѣстіе буквально повторяется и въ Ипат. лѣт.: „Преставися Малъфридъ" и пр. Что это за Малфрида или Малфрѣдь? Обыкновенно ее считаютъ одною изъ женъ Владиміра Великаго и ея имя относятъ къ именамъ норманскимъ. Но эти заключенія совершенно произвольны. По всей вѣроятности, это есть не жена, а мать Владиміра, извѣстная Малуша, по Лаврен. лѣт. „ключница", а по Ипат. „милостница" Ольги. Братъ ея былъ извѣстный воевода Добрыня, а отецъ любечанинъ Малко (уменьшительное отъ имени Малъ; такое же имя носилъ, какъ мы знаемъ, одинъ древлянскій князь). Слѣдовательно это была чисто славянская семья. Малуша конечно получила свое ласкательное имя или прозваніе по отцу (какъ Любко и Любуша и т. п.). А когда ея сынъ Владиміръ сдѣлался великимъ княземъ Кіевскимъ, то естественно, ради почета, ея имени придали одно изъ тѣхъ почетныхъ окончаній, каковыми были славъ, а также миръ или фридъ, и вмѣсто Малуши получилась Малфрида или Малфрѣдь. Только такимъ образомъ можно объяснить упоминаніе о смерти ея какъ лица извѣстнаго; тогда какъ прежде ни о какой Малфридѣ не говорилось. Лѣтописецъ, отмѣчая ея кончину, какъ бы указываетъ именно на любопытное совпаденіе; въ одномъ и томъ же году умерли обѣ матери: и Владиміра, и сына его Ярослава. Имя Малфрѣдь, подобно Рогнѣдь, было долго въ употребленіи въ русскомъ княжемъ семействѣ; такъ въ Ипат. лѣт. подъ 1167 упоминается туровская княжна Малфридъ, а подъ 1168 смоленская Рогнѣдь, сестра в. князя Ростислава Мстиславича. Примѣръ этотъ подтверждаетъ только мое положеніе, что въ древнихъ именахъ Скандинавскихъ и Русскихъ было много общихъ элементовъ. Позд. прим.

**) Изъ Сборника Древняя и Новая Россія. 1876 г. № 2.

Обращусь прямо къ наиболѣе важнымъ аргументамъ, которыми авторъ „Отвѣта“ возражаетъ на мою рецензію, и начну съ главнаго, т. е. съ извѣстія Атталіоты объ экспедиціи противъ города Аѳира. Мой оппонентъ выводитъ изъ него тождество Варанговъ и Руси; мы же, наоборотъ, этого тождества совсѣмъ не видимъ. Атталіота не перечисляетъ отрядовъ, которые входили въ составъ экспедиціи; мы только изъ самаго расказа узнаемъ, что въ ней участвовали Русь и Варанги. И замѣчательно, что здѣсь, въ XI вѣкѣ, встрѣчаются именно *русскіе корабли* (конечно съ русскими воинами), подобно тому, какъ они встрѣчаются на византійской службѣ еще въ X вѣкѣ у Константина Багрянороднаго („Объ управленіи имперіей“). По поводу означеннаго отрывка я поставленъ въ непріятное положеніе упрекнуть достоуважаемаго противника въ несовсѣмъ точной передачѣ и въ невѣрномъ толкованіи подлиннаго извѣстія Атталіоты. Отсылаю интересующихся дѣломъ къ переводу этого извѣстія и къ его толкованію. (Древ. и Нов. Рос. № 12, стр. 397—398).

Въ переводѣ я укажу на слѣдующую неточность: „Въ одномъ и томъ же мѣстѣ *собралось сухопутное и морское войска*; но воины сухопутнаго отряда, отправившись впередъ къ городку, уклонились съ своего пути“ и пр. Здѣсь, вопервыхъ, неточно употреблено два раза слово *сухопутный* вмѣсто буквальнаго *пѣшій*, и изъ расказа видно, что дѣйствительно тутъ рѣчь идетъ о пѣхотѣ. Во вторыхъ, оппонентъ переводитъ такъ, какъ будто всѣ воины сухопутнаго отряда уклонились съ своего пути. Латинскій переводъ, приложенный къ Бонскому изданію, вѣрнѣе передаетъ смыслъ подлинника, говоря о воинахъ, „которые были изъ отдѣла пѣхоты“. Это относительно перевода; а въ перифразѣ своемъ г. Васильевскій предлагаетъ толкованія, еще болѣе несогласныя съ подлинникомъ. По смыслу послѣдняго выходитъ такъ: между тѣмъ, какъ часть пѣхоты пустилась преслѣдовать непріятелей, которые находились въ полѣ, и потеряла на это время, Варанги (также входившіе въ составъ пѣхоты), вѣрные знаку, поданнному съ русскихъ кораблей (подступившихъ къ городу съ моря), раннимъ утромъ начали штурмовать городъ, и ворвались въ него. Тогда приверженцы Вріеннія, будучи конниками, ускакали изъ города. Послѣ того подъѣхали главные вожди экспедиціи, Урсель и Алексѣй Комненъ, которые, видя бѣгство противниковъ, хотѣли ихъ преслѣдовать, конечно, имѣя при себѣ конный отрядъ; но не нашли повиновенія у собственныхъ

воиновъ. Между тѣмъ нѣкоторые непріятели, оставшіеся въ крѣпости, частію пали отъ Русскихъ, частію взяты въ плѣнъ какъ ими, такъ и конницею (прибывшею съ вождями). Слѣдовательно, только Варанги и Русь дѣйствовали согласно съ заранѣе составленнымъ планомъ: раннимъ утромъ первые штурмовали городъ съ сухаго пути, а вторая приступила съ морской стороны. Если неудалось окружить непріятелей и захватить ихъ „какъ бы въ сѣти", то виною тому была другая часть пѣхоты, которая отклонилась отъ этого плана. Въ своемъ толкованіи г. Васильевскій вмѣстѣ съ нею заставляетъ самихъ предводителей, Урселя и Алексѣя, гоняться за непріятелями, расположенными въ полѣ, и дѣлаетъ такимъ образомъ ихъ самихъ виновниками неполнаго успѣха. Между тѣмъ изъ подлинника выходитъ наоборотъ, что эти предводители съ своею конницею явились на мѣсто дѣйствія уже послѣ того, какъ упомянутая пѣхота отклонилась отъ своего назначенія, а Варанги вломились въ городъ. Изъ подлиннаго извѣстія Атталіоты совсѣмъ нельзя заключить, что экспедиція раздѣлялась на два отряда: „одинъ русскій — пѣшій на корабляхъ, другой греческій конный — сухимъ путемъ". Тамъ мы видимъ болѣе разнообразія, а именно: 1) русскій морской отрядъ; 2) пѣхота Варанговъ, 3) пѣхота, уклонившаяся съ пути, и 4) конница, прибывшая съ предводителями. Какой народности были два послѣдніе отряда, подлинникъ не говоритъ. А Скилица-Кедренъ, упоминающій объ этой экспедиціи еще въ болѣе сокращенномъ видѣ, говоритъ только *о русскихъ корабляхъ* и сухопутномъ войскѣ безъ всякихъ дальнѣйшихъ указаній.

И такъ, гдѣ же Атталіота называетъ Варанговъ Русью или Русь Варангами? Гдѣ же онъ ихъ отождествляетъ? Между тѣмъ мой противникъ выражается слѣдующимъ образомъ: „Самая твердая наша опора—расказъ Атталіоты, который пишетъ о томъ, что самъ видѣлъ—расказъ, въ которомъ упоминаются Русскіе и Варяги, но совсѣмъ не какъ что либо отличное одно отъ другаго". И далѣе: „Изъ него (т. е. изъ этого расказа) *несомнѣнно* слѣдуетъ тождество Варяговъ и Руси, хотя Д. И. Иловайскій и относится нѣсколько иронически къ нашему убѣжденію. Пусть судятъ читатели, кто правъ и кто не правъ". Если въ предыдущей рецензіи мы только иронически относились къ этому убѣжденію, то въ настоящей статьѣ, надѣемся, фактически указываемъ на его несостоятельность. Изслѣдователь прибавляетъ, что

онъ „покрайней мѣрѣ двадцать разъ читалъ и перечитывалъ этотъ отрывокъ“, и никакъ не могъ понять его иначе. Мало того, онъ „предложилъ этотъ отрывокъ на обсужденіе въ одномъ частномъ ученомъ собраніи, гдѣ достаточно было лицъ, знающихъ греческій языкъ и конечно нелишенныхъ здраваго смысла. Они также не нашли возможнымъ другаго объясненія“. Меня нисколько не удивляетъ подобный результатъ. Дѣло въ томъ, что никто изъ присутствующихъ, вѣроятно, не взялъ на себя труда серьезно вдуматься въ смыслъ предложеннаго отрывка, и всѣ охотно согласились съ толкованіемъ изслѣдователя; а толкованіе послѣдняго сложилось подъ вліяніемъ засѣвшей въ головѣ мысли о тождествѣ Варанговъ и Руси. Я, съ своей стороны, не только предоставляю читателямъ судить, кто правъ; но и предлагаю составить специальную коммисію изъ ученыхъ и безпристрастныхъ знатоковъ дѣла для рѣшенія вопроса, кто изъ насъ ближе къ истинѣ при объясненіи упомянутаго извѣстія Атталіоты. Прежде нежели усмотрѣть здѣсь отождествленіе Руси съ Варангами, слѣдовало предложить себѣ вопросъ: да возможно ли, что бы Атталіота однихъ и тѣхъ же людей, на разстояніи нѣсколькихъ строкъ, называлъ то Русью, то Варангами, нигдѣ неоговариваясь, что эти названія означаютъ одно и тоже? Ни онъ, ни другой какой либо писатель, нигдѣ не сдѣлали такой оговорки (подобно тому, какъ это сдѣлалъ Левъ Діаконъ относительно Тавроскиѳовъ). Слѣдовательно, правъ ли я былъ, нападая на критическіе пріемы В. Г. Васильевскаго, на такіе пріемы, съ помощью которыхъ можно приходить къ самымъ неожиданнымъ выводамъ?

И такъ, „самая твердая опора“ оказывается просто недоразумѣніемъ, недосмотромъ, неточнымъ толкованіемъ текста, хотя на текстахъ мой противникъ главнымъ образомъ и старается, такъ сказать, меня допечь. Конечно, недоразумѣнія и недосмотры могутъ случаться со всякимъ изслѣдователемъ, и мы нисколько не желаемъ на подобномъ основаніи умалять всѣмъ извѣстныя ученыя достоинства В. Г. Васильевскаго. Жаль только, что это случайное недоразумѣніе послужило главнымъ основаніемъ его главнаго вывода.

Затѣмъ авторъ „Отвѣта“ снова возвращается къ тѣмъ хризовуламъ, въ которыхъ стоятъ рядомъ Русь и Варанги, и въ трехъ случаяхъ безъ раздѣлительной частицы *или*. Авторъ хочетъ непременно читать ихъ „слитно“, Русь-Варяги или Варяго-

Русь. Повторяю тоже, что сказалъ въ рецензіи: изъ этихъ грамотъ отнюдь не слѣдуетъ заключать о тожествѣ Варанговъ и Руси. По моему мнѣнію, истинная критика отнеслась бы иначе къ данному факту, и, вмѣсто того, что бы преувеличивать значеніе частицы *или*, поискала бы въ условіяхъ того времени отвѣта на вопросъ: почему въ самомъ дѣлѣ эти два имени стоятъ рядомъ во всѣхъ четырехъ грамотахъ? Она обратила бы вниманіе на тѣсныя, дружескія связи, установившіяся между Варягами и Русью при Владимірѣ и Ярославѣ, на постоянное присутствіе въ эту эпоху наемной варяжской дружины въ Кіевѣ и на то, что изъ Кіева Варяги ходили также и на службу въ Византію. Весьма вѣроятно, что русскіе военные люди нерѣдко вмѣстѣ на однихъ корабляхъ (русскихъ конечно, а не варяжскихъ) отправлялись въ Грецію, и тамъ, хотя ихъ дружины раздѣлялись по своей народности, но могли составить и отряды соединенные. Въ концѣ своего изслѣдованія г. Васильевскій какъ бы забылъ объ исландскихъ сагахъ, о которыхъ онъ довольно подробно говоритъ въ началѣ и серединѣ изслѣдованія. Саги эти положительно указываютъ на существованіе скандинавской дружины Веринговъ въ Византіи въ XI вѣкѣ. Напомнимъ исторію Гаральда Смѣлаго, который начальствовалъ подобною дружиною и который отправился въ Царьградъ именно изъ Руси послѣ службы при кіевскомъ дворѣ. Г. Васильевскій въ своемъ изслѣдованіи только мимоходомъ замѣтилъ, что Скандинавы составляли часть византійскихъ Варанговъ, а другая болѣе значительная часть состояла изъ славянской Руси. Если бы онъ остановился на этомъ предположеніи о двойномъ составѣ варангскаго войска, то пожалуй еще могъ бы упомянутыя въ хризовулахъ два имени читать слитно Варанго-Рось; что означало бы соединенные отряды изъ двухъ различныхъ народностей (въ родѣ, напримѣръ, употреблявшагося въ крымскую войну названія Англо-Французы). Но, признавъ мимоходомъ существованіе скандинавскихъ Веринговъ въ Византіи, авторъ потомъ усиливается доказать, что византійцы отождествляли славянскую Русь съ Варангами по племени и толкуетъ источники такъ, какъ будтобы скандинавскихъ веринговъ и не было въ византійской службѣ. Во всякомъ случаѣ, какъ ни объясняйте упомянутое мѣсто хризовуловъ, никакая истинно историческая критика не выведетъ изъ нихъ племеннаго тождества Варяговъ и Руси. Если бы существовало такое тождество по понятіямъ грековъ, то имъ не было бы никакой нужды постоянно употреб-

лять плеоназмъ, т. е. называть оба имени; достаточно было бы сказать просто „русь“ или просто „варанги“ *).

Означенные хризовулы и отрывокъ изъ Атталіоты, по сознанію автора, суть его важнѣйшія доказательства. Остальныя онъ называетъ второстепенными, надъ которыми, по его словамъ, я въ своей рецензіи „останавливался несоразмѣрно долго“. Въ настоящемъ письмѣ я уже совсѣмъ не буду останавливаться надъ ними; а повторю тоже самое: сколько бы ни сличали тексты Атталіоты, Пселла и Скилицы и какія бы натяжки ни дѣлали, а племенное тождество Варанговъ и Руси изъ нихъ никто не докажетъ.

Перейду къ свидѣтельству тѣхъ греческихъ историковъ, которые, говоря о Варангахъ, указываютъ на ихъ національность, не имѣющую ничего общаго съ Русью. Это именно Скилица, Вріенній и Анна Комненъ. Г. Васильевскій устраняетъ всѣхъ троихъ, полагая, что ихъ извѣстія суть или позднѣйшая вставка, или анахронизмъ, или увлеченіе стилистической обработкой матеріала. Относительно Скилицы-Кедрена еще можно допустить позднѣйшую вставку, хотя и она все-таки имѣетъ значеніе. Но относительно Вріеннія и Анны мы не видимъ ни вставки, ни увлеченія стилистикой. Вообще, страннымъ можетъ показаться рядъ ошибокъ въ источникахъ именно въ одну сторону и такое согласіе въ отсутствіи указаній на русское происхожденіе Варанговъ. Нѣсколько разъ греческіе источники говорятъ объ ихъ національности, и хотя бы одинъ разъ указали на русское происхожденіе.

---

*) Это наше возраженіе на мнѣніе В. Г. Васильевскаго получило подтвержденіе въ его собственныхъ дальнѣйшихъ изысканіяхъ. Недавно онъ извлекъ изъ одного рукописнаго греческаго сборника, хранящагося въ Москов. Синод. библіотекѣ, любопытныя записки какого-то византійскаго вельможи XI вѣка, и подробно познакомилъ ученую публику съ ихъ содержаніемъ, присоединивъ къ нимъ свои комментаріи. Между прочимъ въ § 78 этихъ записокъ говорится слѣдующее: „Въ Италіи при морѣ есть городъ Отранто. Его охранялъ уроженецъ Отрантскій Малопетци, имѣя гарнизонъ, состоявшій изъ Русскихъ и Варяговъ (Ῥώσων καὶ Βαράγγους), пѣхотинцевъ и моряковъ“. (Совѣты и Разсказы византійскаго боярина XI вѣка—Ж. Мин. Н. Пр. 1881. Іюнь, стр. 277—8). Здѣсь опять находимъ ясное свидѣтельство, что въ XI вѣкѣ на византійской службѣ пребывали наемные варяжскіе и русскіе отряды, которые встрѣчаются почти всегда рядомъ другъ съ другомъ, но не смѣшиваются въ одну народность. Любопытно далѣе извѣстіе этого новаго источника о Гаральдѣ Смѣломъ и его Варягахъ на византійской службѣ (ibid. Августъ. 327). И здѣсь опять не видимъ ни малѣйшаго смѣшенія ихъ съ Русью. Позд. прим.

Съ конца XI вѣка въ составъ варангской дружины приливаютъ выходцы изъ Англіи, и затѣмъ вмѣсто скандинавскаго элемента въ ней получаетъ преобладаніе элементъ англо-саксонскій. Разумѣется, такой переходъ совершился не вдругъ, а въ теченіи значительнаго времени. Я имѣлъ полное право сказать въ своей рецензіи, что этотъ переходъ совершался на глазахъ упомянутыхъ историковъ; но они не замѣчали его, благодаря родству элементовъ, и совсѣмъ другое дѣло было бы, если бы англійская народность смѣнила славянскую, чуждую по племени и по религіи: подобная перемѣна не могла остаться незамѣченною. Мой оппонентъ пытается устранить мои соображенія заявленіемъ, что „такихъ историковъ, на глазахъ которыхъ совершался переходъ, не было". Какъ не было? Да именно Вріенній и Анна Комненъ жили во время этого перехода. Положимъ, они писали уже при Мануилѣ Комненѣ, т. е. послѣ 1043 года; но развѣ наблюденія писателя надъ современной исторіей ограничиваются только временемъ его сочиненія, а не эпохою его жизни? Анна Комненъ родилась въ 1083 году; Вріенній былъ ея ровесникъ. Прекрасно. Но хризовулъ Алексѣя Комнена, приведенный самимъ оппонентомъ, относится къ 1088 г. Тамъ упоминаются и Рось, и Варанги, по толкованію г. Васильевскаго „русскіе варяги". Стало быть прежняя ихъ національность еще существовала въ полной силѣ, и если она потомъ постоянно мѣнялась, то именно на глазахъ Анны Комненъ и Вріеннія, и послѣдніе лучше, чѣмъ кто либо могли наблюдать этотъ переходъ. Но они его не замѣчали еще и потому, что начавшійся притокъ Варанговъ изъ Англіи не всегда могъ означать собственно англо-саксонскую народность. Въ Англіи въ то время существовалъ многочисленный датско-норманскій элементъ, еще не успѣвшій слиться въ одну націю съ англо-саксонскимъ.

А будто бы Анна Комненъ подъ островомъ Ѳуле разумѣла не просто далекій островъ сѣвернаго океана, но *именно* Англію, это не болѣе какъ догадка. Вообще, мы думаемъ, что византійцы того времени едва ли имѣли ясныя, точныя географическія представленія о сѣверныхъ окрайнахъ Европы, напримѣръ, о взаимномъ отношеніи Британіи и Скандинавіи. Анна и ея мужъ Вріенній, конечно, имѣли одинаковыя понятія о Варангахъ. Вріенній же замѣтилъ, что они „родомъ изъ варварской страны, сосѣдней океану". Почти также выражается и Скилица-Кедренъ въ извѣстіи о русскомъ походѣ на Византію 1043 года. Онъ говоритъ,

что въ этомъ походѣ участвовало и союзное войско изъ народовъ, „обитающихъ на сѣверныхъ островахъ океана". Русскіе лѣтописи подтверждаютъ дѣйствительное участіе наемныхъ Варяговъ въ походѣ. Да и самъ г. Васильевскій признаетъ здѣсь Скандинавовъ. Напрасно онъ не обратилъ должнаго вниманія на это извѣстіе Скилицы и на его соотвѣтствіе съ тѣмъ, что говорятъ Вріенній и Анна Комненъ о родинѣ Варанговъ, а также на ихъ согласіе съ извѣстіями исландскихъ сагъ. Все это вмѣстѣ взятое ясно доказываетъ, что въ XI столѣтіи греки нисколько не думали смѣшивать Русь съ Варягами или считать ихъ людьми одной и той же національности.

Г. Васильевскій укоряетъ меня за то, что я не оцѣнилъ открытій, сдѣланныхъ имъ въ сочиненіяхъ Атталіоты и недавно изданнаго Пселла. Какого рода открытія, сдѣланныя у Атталіоты, мы видѣли выше. А что касается до Пселла, то изданіе его дѣйствительно составляетъ богатый вкладъ въ историческую науку. Но вопросъ былъ о тѣхъ выводахъ изъ этого писателя, съ которыми нельзя согласиться. Притомъ оппонентъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ преувеличиваетъ значеніе Пселла для русской исторіи. Напримѣръ, походъ 1043 года Пселлъ описываетъ какъ очевидецъ, и сообщаетъ нѣсколько интересныхъ подробностей о главной битвѣ. Но въ то же время онъ говоритъ явную несообразность о *безпричинности* похода, о томъ, будто варварское русское племя въ этомъ случаѣ было движимо просто какою-то ненавистью къ греческой игемоніи и т. п. О присутствіи Варяговъ въ русскомъ войскѣ онъ не упоминаетъ. Поэтому въ данномъ случаѣ мы все-таки отдаемъ преимущество младшему современнику Пселла, Скилицѣ, который описываетъ тотъ же походъ обстоятельнѣе и безпристрастнѣе. У Пселла есть извѣстіе о томъ, что нашъ Владиміръ послѣ брака съ царевной Анной послалъ ея брату императору Василію II вспомогательное войско, съ которымъ тотъ подавилъ возстаніе Варды Фоки. Почти тоже самое было намъ извѣстно изъ Скилицы. Г. Васильевскій съ помощью весьма сложныхъ соображеній и сопоставленія разныхъ текстовъ, доходитъ до вывода, что именно вспомогательное войско, посланное Владиміромъ, образовало тотъ варяжскій корпусъ въ Византіи, о которомъ упоминаютъ историки XI вѣка. Повторяемъ, съ такимъ открытіемъ никакъ не можемъ согласиться. Кромѣ явныхъ натяжекъ насчетъ текстовъ, тутъ еще повидимому смѣшиваются два разныя понятія: русскія войска, которыя наши князья

иногда посылали на помощь грекамъ, и наемныя дружины изъ русскихъ людей, дружины, которыя встрѣчаются почти постоянно въ теченіе X и XI вѣковъ. Нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы Владиміръ не просто послалъ войско на помощь зятю, а подарилъ ему въ вѣчное и потомственное владѣніе дружину въ 6,000 человѣкъ.

Между прочимъ г. Васильевскій въ своемъ „Отвѣтѣ“ говоритъ о какой-то *западнѣ*, въ которую я *попалъ* по поводу церкви Варяжской Богородицы. По актамъ XIV вѣка оказывается, что эта церковь была православная. Очень хорошо; но это не мѣшаетъ нисколько варягамъ XI вѣка быть латинскаго исповѣданія, а не греческаго, о чемъ я собственно и говорилъ. Только изъ названія церкви *Варяжская* и изъ того, что она находилась гдѣ-то подлѣ св. Софіи, мой оппонентъ заключаетъ о православномъ (русскомъ) исповѣданіи варяговъ. Повторяю, выводъ очень смѣлый и очень поспѣшный—при такихъ скудныхъ данныхъ. Мы не знаемъ, когда и кѣмъ построена эта церковь, почему она называлась варяжскою, принадлежала ли Варягамъ XI вѣка или болѣе позднимъ, даже существовала ли въ этомъ вѣкѣ, и т. п. Наконецъ, такъ ли велико уже было различіе въ обрядахъ и церковной архитектурѣ; были ли придворные Варяги такими ультрамонтанами, что они, напримѣръ, не могли получить отъ императоровъ для своего богослуженія одну изъ многочисленныхъ часовенъ, или небольшихъ храмовъ, примыкавшихъ къ дворцовымъ зданіямъ? Повторяю, можно ли при полномъ отсутствіи необходимыхъ свѣдѣній заключать о православіи Варяговъ XI вѣка? Въ своемъ изслѣдованіи г. Васильевскій относительно храма Варяжской Богородицы сослался на сочиненіе Белэна; но Белэнъ именно указываетъ на существованіе латинскихъ церквей въ Константинополѣ въ XI вѣкѣ и на то, что нѣкоторые храмы, вслѣдствіе разныхъ переворотовъ, переходили отъ одного исповѣданія къ другому.

Въ „Отвѣтѣ“ г. Васильевскаго мы все-таки не находимъ сколько нибудь понятнаго отвѣта на наши недоумѣнія: почему греки, называвшіе въ X вѣкѣ наемную русь ея собственнымъ именемъ, вдругъ со времени вспомогательнаго войска, посланнаго Владиміромъ, стали именовать ее Варангами? Съ какой стати таже Русь, которая въ X вѣкѣ называла себя Русью, въ XI величаетъ себя Варягами? Мой оппонентъ пытается устранить подобное затрудненіе предположеніемъ, что слово варягъ означало на Руси

и въ Византіи иностранца; потому русскіе и называли себя варягами въ Константинополѣ. Не понимаемъ, какимъ образомъ серьезный историкъ (какимъ мы считаемъ своего противника) могъ придумать такое толкованіе. Неужели надобно еще доказывать, что хотя варягъ въ данную эпоху и означалъ на Руси иностранца, но иностранца извѣстной страны, извѣстной народности, и народности именно католическаго исповѣданія? Напомню о существованіи въ древнихъ Кіевѣ и Новгородѣ варяжскихъ или латинскихъ *божницъ*. Наши церковные писатели XI вѣка именуютъ латинство вѣрою *варяжскою*.

Но довольно о системѣ доказательствъ моего оппонента. Скажемъ нѣсколько словъ о поводѣ къ нашей рецензіи.

Въ числѣ главныхъ основаній моей теоріи о происхожденіи Руси находится положеніе, что „византійцы нигдѣ не смѣшиваютъ Русь съ варягами". В. Г. Васильевскій въ началѣ своего изслѣдованія о византійскихъ Варангахъ заявилъ, что онъ не считаетъ себя компетентнымъ въ вопросѣ о происхожденіи Руси и не намѣренъ вмѣшиваться въ споръ, снова мною поднятый. Онъ задался только мыслію доказать, что служебные византійскіе Варяги въ XI вѣкѣ были ни что иное, какъ славянская, православная Русь. Еслибы авторъ сохранилъ заявленный имъ нейтралитетъ, едва-ли мнѣ пришлось-бы печатно разбирать его изслѣдованіе. Мои выводы главнымъ образомъ опираются на писателей IX и X вѣка, каковы преимущественно патріархъ Фотій, Константинъ Б. и Левъ Діаконъ, т. е. на современниковъ той самой Руси, которую норманисты считаютъ чисто норманскою. Притомъ основное положеніе г. Васильевскаго (славянство самихъ варанговъ въ XI в.) не только не служитъ какимъ-либо подтвержденіемъ для моихъ противниковъ норманистовъ; на оборотъ, оно, еслибы было вѣрно, могло послужить подкрѣпленіемъ для тѣхъ ученыхъ, которые производили и производятъ Русь отъ балтійскихъ Славянъ.

Ясно, кажется, что мнѣ не было особой нужды употреблять свое время на опроверженіе новаго взгляда по отношенію къ византійскимъ Варангамъ. Но В. Г. Васильевскому въ теченіи своего изслѣдованія угодно было радикально измѣнить свое отношеніе къ предмету спора. Въ ноябрской книжкѣ Журнала Мин. Нар. Пр. за 1874 г., онъ заявляетъ о своемъ нейтралитетѣ и даже обнаруживаетъ наклонность къ антинорманизму, что и естественно, если взять во вниманіе его основной выводъ. Въ фев-

ральской книжкѣ 1875 года, онъ начинаетъ покидать свой нейтралитетъ въ пользу норманизма; а въ мартовской уже является рѣшительнымъ приверженцемъ норманской теоріи, говоря, что онъ не желаетъ расходиться съ наукою. Какимъ образомъ онъ соглашаетъ свой норманизмъ съ главнымъ выводомъ своего изслѣдованія, этого мы не знаемъ. Но, вслѣдствіе нарушеннаго нейтралитета, я не счелъ удобнымъ оставлять безъ разбора это изслѣдованіе. Обращу вниманіе читателей на слѣдующее обстоятельство. Пишется историческое изслѣдованіе со всѣми внѣшними признаками ученой добросовѣстности, съ постоянными и критическими ссылками на источники и съ обильными изъ нихъ выдержками. А въ концѣ своего труда изслѣдователь провозглашаетъ, что моя теорія есть только неудачная попытка поколебать норманскую систему, прочно утвержденную на научныхъ *столпахъ*. Много ли нашлось читателей, которые взяли на себя трудъ вникнуть въ сущность изслѣдованія, и поняли, что между нею и только что приведеннымъ заявленіемъ нѣтъ ничего общаго; что авторъ его не прибавилъ ни одного доказательства въ пользу норманской теоріи; а между тѣмъ провозглашаетъ ея непоколебимость, какъ будто рѣчь идетъ о простой подачѣ голосовъ для рѣшенія весьма сложныхъ научныхъ вопросовъ.

Въ отвѣтъ на рецензію мой оппонентъ снова не прибавляетъ ни одной черты въ пользу норманизма и, тѣмъ не менѣе, снова провозглашаетъ, что моя теорія есть не болѣе, какъ *заблужденіе*, и что на сторонѣ моихъ противниковъ „всѣ преимущества метода и научности". Интересно было бы знать, кто уполномочилъ В. Г. Васильевскаго голословно говорить отъ лица науки въ данномъ случаѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можно найдти въ его собственныхъ статьяхъ. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что уполномочилъ его главнымъ образомъ многоуважаемый А. А. Куникъ. Въ упомянутой выше февральской книжкѣ изслѣдователь упоминаетъ о „пріятномъ вниманіи" къ его труду со стороны А. А. Куника; послѣдній сообщилъ ему, тогда еще не вышедшую изъ печати, свою статью, приложенную къ *Каспію* академика Дорна. Въ этой статьѣ А. А. Куникъ, по замѣчанію г. Васильевскаго, наноситъ *сильные удары* противникамъ норманской теоріи. Въ „Отвѣтѣ" онъ опять упоминаетъ объ А. А. Куникѣ: послѣдній сообщилъ ему свѣдѣніе, съ помощью котораго оппонентъ устраиваетъ упомянутую выше мнимую западню.

Какъ сильны удары, наносимые приложеніемъ къ Каспію, это

надѣюсь показать въ слѣдующемъ письмѣ. Я обращусь къ этому приложенію тѣмъ съ большею охотою, что авторъ его совращаетъ въ норманизмъ такихъ русскихъ ученыхъ, отъ которыхъ русская наука могла бы ожидать многаго. По этому поводу укажу на новое сообщеніе В. Г. Васильевскаго „Русско-византійскіе отрывки" (Журналъ Мин. Нар. Просв. 1875 г., декабрь). Здѣсь онъ опять извлекаетъ изъ византійскихъ памятниковъ, издаваемыхъ достопочтеннымъ Савою, интересный матерьялъ, который относится къ сношеніямъ византійскихъ императоровъ съ русскимъ княжескимъ домомъ въ XI в. Г. Васильевскій на этотъ разъ снабжаетъ свой матерьялъ весьма дѣльными комментаріями; можно не согласиться развѣ только съ двумя-тремя толкованіями второстепенной важности *). Между прочимъ здѣсь въ одномъ письмѣ императора къ русскому князю встрѣчаемъ слѣдующія знаменательныя слова: „Научаютъ меня священныя книги и достовѣрныя исторіи, что наши государства оба имѣютъ одинъ нѣкій источникъ и корень". В. Г. Васильевскій довольно правдоподобно указываетъ на связь этихъ словъ съ преданіями о посылкѣ вѣнца русскому князю и о дарованіи придворнаго титула Константиномъ Великимъ тоже русскому князю. Но, повидимому,

---

*) Чтобъ не быть голословнымъ, замѣчу слѣдующее. Объясненіе двухъ писемъ Михаила VII и опредѣленіе лица, которому они были адресованы (Всеволоду Ярославичу), сдѣланы не только съ ученою добросовѣстностію, но и съ искусствомъ. Относительно выводовъ второстепенной важности, не могу согласиться съ тѣмъ, чтобы Леонъ Діогеновичъ былъ женатъ не на дочери Владиміра Мономаха, а на его сестрѣ, и чтобы Василько Леоновичъ и Василько Маричичъ были два разныя лица. Я нахожу удачнымъ предположеніе г. Васильевскаго, что у Романа было два сына съ именемъ Леона, одинъ отъ первой жены, а другой отъ Евдокіи; но думаю, что зятемъ Владиміра Мономаха былъ не старшій Леонъ, а младшій. Такимъ образомъ, разрѣшается мое недоумѣніе на счетъ зятя Владимірова: онъ оказывается не только не самозванецъ, но истинный царевичъ и даже порфирородный. Въ сраженіи съ Печенѣгами въ 1088 г., вѣроятно, погибъ старшій Леонъ. Такому выводу не противорѣчатъ источники, и на его сторонѣ особенно хронологія, т. е. относительный возрастъ обоихъ братьевъ. То сватовство Діогена, на которое намекаютъ письма Михаила VII, вѣроятно, окончилось однимъ обрученіемъ, а не бракомъ. (Не относилось ли оно къ извѣстной Янкѣ, сестрѣ Мономаха?). Кстати, авторъ „Отрывковъ" мимоходомъ поправляетъ меня въ чтеніи года на Тмутораканскомъ камнѣ. Въ этомъ отношеніи онъ совершенно правъ. Я ждалъ только удобнаго случая оговорить свой недосмотръ, касательно индикта. Прибавляю: хотя лѣтопись не упоминаетъ о возвращеніи Глѣба въ Тмуторакань по смерти Ростислава; но о томъ свидѣтельствуетъ Несторъ въ житіи Ѳеодосія Печерскаго.

онъ и не замѣчаетъ того, что приведенныя слова письма и его собственныя объясненія къ нимъ прибавляютъ лишній аргументъ противъ норманской теоріи. Ясно, что византійцы XI вѣка, притомъ знакомые и съ исторіей прошлыхъ вѣковъ, нисколько не сомнѣваются въ древнемъ и туземномъ происхожденіи русскихъ князей.

III.

Отвѣтъ А. А. Кунику *).

Въ концѣ 1875 года вышло изъ печати сочиненіе извѣстнаго нашего оріенталиста, академика Дорна, озаглавленное „*Каспій* или *О походахъ древнихъ русскихъ въ Табаристанъ*“. Эта объемистая книга по содержанію своему распадается на двѣ неравныя части. Большую ея половину занимаетъ трудъ Б. А. Дорна. Онъ представляетъ тщательный и подробный сводъ не только всѣхъ дошедшихъ до насъ восточныхъ свидѣтельствъ о русскихъ морскихъ походахъ на берега Каспія, но и доводитъ этотъ сводъ до позднѣйшаго времени. Трудъ этотъ есть богатый вкладъ въ историческую науку, и мы можемъ только благодарить его автора. Затѣмъ вторую, меньшую, половину книги составляютъ разсѣянныя по разнымъ мѣстамъ замѣчанія, приложенія, дополненія и разсужденія другаго нашего академика, достоуважаемаго А. А. Куника. Въ большинствѣ случаевъ эти приложенія и дополненія не имѣютъ внутренней связи съ первою частью и могутъ быть разсматриваемы совершенно отдѣльно; вмѣстѣ взятыя онѣ составляютъ ничто иное какъ полемическое сочиненіе, направленное въ защиту пресловутой норманской теоріи по вопросу о происхожденіи Руси. Мы упомянули объ отсутствіи внутренней связи между частями книги. Дѣйствительно, во всемъ трудѣ Б. А. Дорна, т. е. во всѣхъ приведенныхъ имъ восточныхъ извѣстіяхъ о древней Руси, нѣтъ ни единой черты, которая бы указывала на ихъ норманское происхожденіе. А между тѣмъ, благодаря примѣчаніямъ и дополненіямъ, по наружности выходитъ, какъ будто вся книга служитъ защитою норманизма. Итакъ, строго различая эти двѣ части, мы остановимъ вниманіе читателей только на второй,

---

*) Изъ Сборника Древняя и Новая Россія. 1876, № 3.

т. е. полемической; причемъ коснемся самыхъ существенныхъ ея сторонъ, и постараемся быть возможно краткими.

Во первыхъ, отдаемъ полную справедливость нашему многоуважаемому противнику за тщательно разсмотрѣнный имъ вопросъ объ одномъ византійскомъ свидѣтельствѣ, которое антинорманисты полагали въ числѣ своихъ доказательствъ. Разумѣемъ ρούσια χελάνδια 773 года. Оставляя въ сторонѣ все, что говорится въ этомъ трактатѣ посторонняго, а принимая въ соображеніе только фактическій сводъ доказательствъ по отношенію къ данному вопросу, я долженъ признать за ними значительную долю убѣдительности, и согласенъ, что вѣрнѣе перевести „красныя хеландіи", нежели „русскія хеландіи". (Дополненіе III стр. 359 и слѣд.). Охотно вычеркиваю эти хеландіи изъ системы своихъ аргументовъ. Но мнѣ показалась излишнею являющаяся по этому поводу филиппика противъ антинорманистовъ (стр. 371). По крайней мѣрѣ лично ко мнѣ она едва ли можетъ относиться. Въ одной изъ первыхъ своихъ статей я сказалъ: „относительно нѣкоторыхъ соображеній второстепенной важности мы можемъ ошибаться; но отъ того не пострадаютъ наши главныя положенія" (Рус. Вѣст. 1872, декабрь). Слова эти исполнились буквально; намъ пришлось пока сдѣлать двѣ, три поправки, которыя нисколько не имѣютъ вліянія на существенныя стороны вопроса о Варягахъ и Руси. Упомянутыя хеландіи въ первой статьѣ я отнесъ къ доказательствамъ спорнымъ, а потомъ раза два упомянулъ о нихъ мимоходомъ; но не выдвигалъ на первый планъ и не помѣстилъ ихъ въ текстѣ тѣхъ тридцати важнѣйшихъ основаній, на которыхъ построены мои выводы (ibid). Точно также г. Куникъ много распространяется о Табаріевыхъ Руссахъ VII вѣка, объясняя это извѣстіе позднѣйшею вставкою. Предоставляю другимъ рѣшать вопросъ о Табари, о которомъ я тоже упоминалъ мимоходомъ; ибо прежде всего цѣню свидѣтельства современныя, или близкія къ нимъ по времени. Тѣ мои основанія (№№ 21 и 22), на которыхъ построенъ выводъ, что арабскія свидѣтельства о Руси несогласимы съ норманской теоріей, и что всѣ онѣ болѣе или менѣе тяготѣютъ къ южному происхожденію Руси, а не къ сѣверному, эти основанія остаются въ полной силѣ (см. выше стр. 340) *).

---

*) Г. Куникъ, между прочимъ, сѣтуетъ на С. М. Соловьева, который занялъ такъ сказать среднее направленіе въ данномъ вопросѣ: онъ отрицаетъ хроноло-

Затѣмъ, намъ приходится указать на несостоятельность тѣхъ критическихъ пріемовъ, которые норманизмъ въ лицѣ нашего противника прилагаетъ къ другимъ, болѣе важнымъ, доказательствамъ. Во первыхъ, извѣстіе „Венеціанской хроники“ о gentes Normannorum, которые въ 865 году напали на Константинополь въ количествѣ 360 кораблей. Авторъ этой хроники, Іоаннъ Діаконъ, писавшій въ XI вѣкѣ, повторяетъ выраженіе предшествовавшаго ему писателя Ліутпранда. Послѣдній замѣтилъ о Руссахъ, что это народъ, живущій къ сѣверу отъ Константинополя между Хазарами и Булгарами, въ сосѣдствѣ Печенѣговъ и Угровъ, и что „Греки по наружному качеству называютъ его Руссами, а мы (Итальянцы) по положенію страны Нордманами“. Слѣдовательно gentes Normannorum Венеціанской хроники просто значитъ „сѣверные народы“; извѣстіе объ ихъ нападеніи конечно пришло изъ Константинополя; а Греки не только Русскихъ, но и другіе народы сосѣдніе сѣверному Черноморью называли Гипербореями. Если бы Ліутпрандъ и Венеціанская хроника дѣйствительно разумѣли Скандинавовъ, то вышло бы явное противорѣчіе; оба извѣстія (о нападеніяхъ 865 и 941 гг.) получены отъ Византійцевъ; а послѣдніе въ обоихъ случаяхъ говорятъ только о Руси, которую знаютъ очень хорошо, и нигдѣ не смѣшиваютъ ее съ Варягами. Не разбираю ссылки на писателя XV вѣка, Блонди, который повторяетъ извѣстіе Іоанна Діакона, при чемъ смѣшиваетъ вмѣстѣ разныя событія и разные народы (375 стр.). Подобные источники только годны для того, чтобы запу-

гію начальной лѣтописи, и признаетъ за Русью, если не славянское происхожденіе, то по крайней мѣрѣ болѣе древнее пребываніе на берегахъ Чернаго моря, ссылаясь преимущественно на согласныя свидѣтельства арабскихъ писателей. (См. „Исторію Россіи“, т. I, изданіе пятое. Примѣч. 150). Такое отступленіе отъ догматовъ норманской системы нашъ многоуважаемый историкъ обнаружилъ еще въ первомъ изданіи. Онъ указываетъ также на окружное посланіе Фотія, изъ котораго видно давнее знакомство Византійцевъ съ Русью. А. А. Куникъ хорошо понимаетъ, что это среднее направленіе не можетъ удержаться долго, и что силою логики оно должно придти впослѣдствіи не къ примиренію иноземныхъ свидѣтельствъ съ нашимъ лѣтописнымъ сказаніемъ о призваніи Варягоруссовъ, а къ полному отрицанію послѣдняго (459). Изъ личныхъ сношеній мы знаемъ и другихъ русскихъ ученыхъ (не называемъ именъ, не имѣя на то полномочія), которые держатся того же средняго положенія въ нашей борьбѣ съ норманизмомъ. Но какъ скоро эти ученые, признающіе существованіе Русскаго народа въ южной Россіи до времени такъ называемаго Призванія, попытаются сообщить дальнѣйшее развитіе своему взгляду, то они несомнѣнно придутъ къ Роксаланамъ.

тывать вопросъ и отвлекать вниманіе отъ современныхъ свидѣтельствъ о языческой Руси, отъ тѣхъ свидѣтельствъ, которыя изображаютъ ее сильнымъ туземнымъ народомъ восточной Европы.

Сколько изслѣдователи ни разыскивали въ средневѣковыхъ хроникахъ цѣлой Европы, а до сихъ поръ важнѣйшими источниками для вопроса о народности Руссовъ остаются византійскіе писатели IX и X вѣковъ, въ особенности патріархъ Фотій, Константинъ Багрянородный и Левъ Діаконъ. А эти писатели, совершенно независимые другъ отъ друга, согласно указываютъ на исконное существованіе туземной Руси.

По поводу упомянутаго нападенія на Константинополь въ 865 году, вновь обращу вниманіе людей интересующихся на слѣдующій критическій пріемъ норманизма. А. А. Куникъ все еще продолжаетъ относиться къ расказу русской лѣтописи объ этомъ походѣ, какъ къ извѣстію самостоятельному, и на основаніи его продолжаетъ разсуждать объ Оскольдѣ, какъ предводителѣ похода, не обращая никакого вниманія на мои возраженія. Я говорилъ и подтверждаю, что извѣстіе это не самостоятельно; самое поверхностное сравненіе съ хроникой Амартола и его продолжателей убѣждаетъ, что оно взято буквально изъ этой хроники или изъ ея славянскаго перевода, даже удержано число 200 кораблей; тогда какъ извѣстіе Венеціанской хроники, насчитывающее ихъ 360, конечно ближе къ дѣйствительности. Лѣтописецъ къ простому переводу греческой хроники только приклеилъ имена Аскольда и Дира. Мой оппонентъ согласенъ, что Кій, Щекъ и Хоревъ лица миѳическія, сочиненныя на основаніи географическихъ названій (396); но Оскольда считаетъ все-таки сподвижникомъ Рюрика и предводителемъ Руссовъ 865 г. О Дирѣ же онъ умалчиваетъ и считаетъ ихъ за одно лицо, хотя въ лѣтописи ясно указаны Оскольдова могила и Дирова могила, лежавшія въ разныхъ мѣстахъ. Если кто принимаетъ лѣтописную легенду о нихъ за достовѣрное событіе, то простая логика требуетъ согласно съ лѣтописью принимать ихъ за два лица, а не за одно *).

*) Авторитетъ А. А. Куника въ данномъ вопросѣ вводитъ въ заблужденіе и другихъ писателей, особенно иностранныхъ. Для примѣра укажу на статью г. Альфонса Куре: La Russie à Constantinople въ Revue des Questions historiques. Paris. 1876. № I. Статья эта представляетъ образецъ легкомыслія и отсутствія критики, до которыхъ могутъ доходить послѣдователи норманской системы. Здѣсь вы найдете сказочный походъ Олега на Константинополь, изоб-

Мы же повторяемъ, что поводомъ къ расказу объ Оскольдѣ и Дирѣ безъ сомнѣнія послужили названія двухъ урочищъ: Оскольдова могила и Дирова могила. Если бы у лѣтописца были свои домашнія свѣдѣнія объ ихъ походѣ на Константинополь, то не могъ онъ взять безъ перемѣнъ извѣстіе изъ византійской хроники и только приклеить къ нему голыя имена предводителей. Ясно, что своихъ свѣдѣній не было, а приклейка эта совершенно произвольная. Но А. А. Куникъ не считаетъ нужнымъ отвѣчать на подобное возраженіе. Точно также взято въ русскую лѣтопись изъ продолжателей Ѳеофана и Амартола извѣстіе о морскомъ походѣ Игоря на Византію. Ясно, что и для этого времени все еще не было домашнихъ свѣдѣній о русскихъ походахъ въ Черное море; о походахъ же въ Каспійское нашъ лѣтописецъ совсѣмъ не упоминаетъ, будучи незнакомъ съ арабскими писателями. Правда о походѣ Олега въ 907 г. и вторичномъ походѣ Игоря въ 944 мы имѣемъ лѣтописные расказы, независимые отъ византійцевъ, которые совсѣмъ не знаютъ этихъ походовъ; но потому то наши расказы и носятъ баснословный характеръ, въ особенности о походѣ Олега. Новое доказательство, что собственныхъ исторически-достовѣрныхъ свѣдѣній о морскихъ походахъ Руси до второй половины X вѣка у лѣтописца подъ рукой не было. Обстоятельство это уясняется еще болѣе при сравненіи съ извѣстіями о предпріятіи 1043 года.

По русской лѣтописи въ морскомъ походѣ Владиміра Ярославича участвовала наемная дружина Варяговъ. Ея участіе засви-

---

раженный весьма картинно. „Полунагіе обитатели лѣсовъ, Древляне, Радимичи, Тиверцы и Хорваты, вооруженные отравленными стрѣлами и ременными лассо; Финны съ Бѣлаозера и верхней Волги, рыжевласые съ суровымъ взглядомъ и темно-смуглою кожею, одѣтые въ медвѣжьи шкуры съ тяжелыми дубинами на плечахъ; Чудскіе всадники изъ Финляндіи и Эстоніи, галопирующіе на своихъ малорослыхъ коняхъ“ (по морю-то!) и т. д.—Это все составъ Олегова войска! Абсолютное молчаніе Византійцевъ о его нападеніи очень просто объясняется ихъ національною гордостью. Скандинавская колонія, основавшая Русское государство, исчисляется ни болѣе, ни менѣе какъ во 100,000 человѣкъ и уподобляется Спартіатамъ въ Лаконіи; а пришла она изъ Литвы или вѣроятнѣе изъ окрестностей Упсалы. И все это обставлено, какъ слѣдуетъ, ученою внѣшностію, т. е. ссылками на источники и пособія. Въ числѣ послѣднихъ встрѣчаемъ самыя разнообразныя имена: Карамзина, Куника, Шторха, Муральта, Ворсо, Ріана, Шницлера, Жеребцова, Ламбина, Рамбо и многихъ другихъ; есть упоминаніе о Костомаровѣ и обо мнѣ. Кажется у автора не было недостатка въ средствахъ; ему недоставало только трезваго взгляда или исторической логики.

дѣтельствовано не древнѣйшими списками лѣтописи, Ипатьевскимъ и Лаврентьевскимъ, а позднѣйшими сводами, Воскресенскимъ и Никоновскимъ; но безъ сомнѣнія свидѣтельство это не выдумано, а взято изъ болѣе древнихъ списковъ начальной Кіевской лѣтописи. Это свидѣтельство подтверждается византійскою хроникой Скилицы-Кедрена, которая говоритъ, что въ числѣ русскихъ войскъ находились союзники „обитающіе на сѣверныхъ островахъ океана“, т. е. Варяги. Русское извѣстіе въ этомъ случаѣ очевидно самостоятельное, независимое отъ греческихъ источниковъ: оно заключаетъ такія подробности, которыхъ нѣтъ ни у Пселла, ни у Скилицы-Кедрена; нашъ лѣтописецъ почерпнулъ ихъ изъ расказовъ стариковъ, современниковъ самому событію *). Въ виду этихъ двухъ независимыхъ другъ отъ друга извѣстій, русскаго и византійскаго, присутствіе Варяговъ въ русскомъ войскѣ 1043 года уже несомнѣнно. Въ походахъ же 865 и 941 гг. Варяги не участвовали ни по византійскимъ свидѣтельствамъ, ни по русской лѣтописи, которая въ обоихъ случаяхъ представляетъ только переводъ византійскихъ извѣстій. Но въ 1043 году, какъ только Варяги появились передъ Боспоромъ въ числѣ русскихъ войскъ, Византійцы не преминули о томъ упомянуть. Ясно, что въ предыдущихъ морскихъ походахъ ихъ не было; такъ какъ ихъ присутствіе не могло остаться неизвѣстнымъ для Византійцевъ, особенно въ виду множества плѣнныхъ, захваченныхъ послѣ пораженія Игоря. Откуда же являются иногда Варяги нашей лѣтописи въ IX и въ первой половинѣ X вѣка? Я уже говорилъ, что исходною точкою зрѣнія для лѣтописца служили времена Владиміра и Ярослава, при которыхъ наемныя варяжскія дружины дѣйствительно участвовали въ русскихъ войнахъ и даже занимали почетное мѣсто въ русскомъ войскѣ. Въ XI вѣкѣ къ нимъ уже такъ привыкли, что не мудрено было лѣтописцу и другимъ его современникамъ предположить ихъ участіе и въ прежнія времена, о которыхъ въ сущности онъ зналъ очень мало. Но тамъ, гдѣ онъ черпалъ извѣстія прямо изъ греческаго источника, тамъ Варяговъ нѣтъ. Слѣдовательно большая часть лѣтописныхъ извѣстій о Варягахъ на Руси въ IX и X вв. есть плодъ домашнихъ домысловъ, ничѣмъ не подтвержденныхъ.

---

*) Главную роль вѣроятно играли тутъ расказы Яна Вышатича. О томъ см. ниже. Позд. прим.

А. А. Куникъ много трактуетъ въ Каспіѣ о походѣ 1043 года; но онъ нисколько не думаетъ критически сличить извѣстія объ этомъ походѣ съ извѣстіями о походахъ предыдущихъ и сдѣлать выводы о самостоятельности нашихъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ, на основаніи ихъ провѣрки съ свидѣтельствами византійскими. Кажется, здравый критическій пріемъ не могъ бы обойти подобную провѣрку. Нисколько не пытаясь систематически опровергнуть мои доводы, противникъ просто, голословно продолжаетъ увѣрять, что первые русскіе походы на Константинополь были совершены никѣмъ другимъ, какъ Скандинавами. Ссылка на извѣстное лѣтописное выраженіе „бѣ путь изъ Варягъ въ Греки" (422) равняется чистому голословію. Мы уже говорили, что эта неопредѣленная фраза относится только къ XI вѣку, а не къ IX, о которомъ нашъ лѣтописецъ имѣлъ такъ мало историческихъ свѣдѣній. Ее нельзя отнести и къ первой половинѣ X вѣка, потому что Константинъ Багрянородный, описывая русскій путь въ Византію, начинаетъ его отъ Новгорода, и ничего не говоритъ о хожденіи Скандинавовъ. Но подобныя препятствія нисколько не затрудняютъ норманистовъ, и они преспокойно продолжаютъ повторять нѣкоторыя лѣтописныя басни и домыслы какъ несомнѣнные факты. Между прочимъ г. Куникъ все еще относится къ расказу объ осадѣ Константинополя Олегомъ, какъ къ достовѣрному историческому свидѣтельству, не представляя для того никакихъ историческихъ основаній. Онъ считаетъ его достовѣрнымъ просто потому, что о немъ говоритъ *Несторъ.* Войско Олега подъ Константинополемъ состояло конечно изъ Скандинавовъ, потому что Несторъ говоритъ о Варягахъ Руси; а Скандинавы плавали черезъ Россію въ Царьградъ еще въ IX вѣкѣ, потому что тотъ же Несторъ сказалъ „бѣ путь изъ Варягъ въ Греки". Призваніе варяжскихъ князей Чудью и Славянами не подлежитъ сомнѣнію, потому что о немъ повѣствуетъ Несторъ. А что Варяги и Русь одно и тоже, это ясно изъ словъ Нестора: „мнози бо бѣша Варязи христіане". Вотъ тотъ кругъ доказательствъ, въ которомъ упорно вращается норманизмъ. Мой достоуважаемый противникъ, впрочемъ, не ограничивается повтореніемъ однихъ лѣтописныхъ домысловъ; иногда онъ самъ безъ всякихъ источниковъ сочиняетъ цѣлыя событія; къ таковымъ относится походъ Норманновъ изъ устьевъ Дуная въ Каспійское море въ 944 году. (См. 521 стр.).

Не мудрено, что съ такими пріемами споръ можетъ длиться до безконечности; ибо нѣтъ никакой возможности поставить норма-

нистовъ на историческую почву, т. е. сдѣлать для нихъ точками отправленія факты несомнѣнно историческіе. Отъ норманизма требуется доказать тождество Варяговъ и Руси; а онъ это тождество считаетъ неподлежащимъ сомнѣнію, и дѣлаетъ его исходнымъ пунктомъ. Ему доказываютъ, что сама наша лѣтопись первоначально не смѣшивала Русь съ Варягами, а начала смѣшивать позднѣйшая ея редакція. Онъ на эти доказательства не отвѣчаетъ: хотя говоритъ о какой то *окончательной* редакціи, въ которой слово Варягъ означало уже не дружинника, а торговца (стр. 422). Норманизму указываютъ, что нѣтъ никакихъ европейскихъ свидѣтельствъ о путешествіи варяжскихъ дружинъ въ Царьградъ черезъ Россію ранѣе второй половины X вѣка. А онъ отыскалъ *одну* сагу, изъ которой можно вывести заключеніе, что *одинъ* исландецъ ѣздилъ въ Константинополь въ первой четверти X вѣка; впрочемъ съ нѣкоторыми натяжками получается и еще одинъ таковой же исландецъ; причемъ *предполагается*, что они служили тамъ въ отрядѣ Варанговъ (424). Но во первыхъ, это единичные случаи и Исландцы путешествовали въ Грецію чрезъ западную Европу, а не Россію. Во вторыхъ, Византійцы о Варангахъ упоминаютъ только съ XI вѣка; тогда какъ о народѣ Русь они ясно говорятъ еще въ IX вѣкѣ. Способъ, посредствомъ котораго норманизмъ устраняетъ послѣднее возраженіе, есть верхъ совершенства относительно критическихъ пріемовъ. Что Византійцы не упоминаютъ о Варангахъ въ IX и X вѣкахъ, это совершенно естественно—отвѣчаетъ норманская теорія:—они говорятъ о Руси, а вѣдь Русь и Варяги одно и тоже. Блистательнымъ подтвержденіемъ этому тождеству служитъ одинъ византійскій памятникъ *конца XII вѣка*: тамъ есть замѣчаніе, помѣщенное въ скобкахъ, что названіе *Варанги* принадлежитъ общему, *разговорному*, языку (426). Отсюда будто бы ясно что—даже въ IX вѣкѣ—ихъ литературное *этническое* названіе было *Рось* (428).

Что можно отвѣчать на подобныя соображенія и выводы? Замѣчательно, что даже такой добросовѣстный, основательный ученый какъ А. А. Куникъ не можетъ не прибѣгать къ голословнымъ, гадательнымъ выводамъ, защищая скандинавское происхожденіе Руси. Онъ игнорируетъ столь извѣстный фактъ, что названіе *Рось* принадлежало именно простому народному языку, а въ болѣе литературномъ стилѣ византійцы замѣняли его словомъ *Тавроскивы*. Но таково уже свойство норманской теоріи: безъ крайнихъ натяжекъ ее защищать невозможно.

Не болѣе имѣетъ значенія и повторяющаяся ссылка на Бертинскія лѣтописи по поводу русскаго посольства въ 839 году, т. е. на фразу ex gente Sueonum. Мы уже не разъ говорили, что о Шведахъ здѣсь не можетъ быть рѣчи, потому что у нихъ не существовало титула хакана или кагана; тогда какъ у Русскихъ Славянъ онъ былъ. Данное извѣстіе Бертинскихъ лѣтописей раздѣляется на двѣ части, неравныя по качеству. Въ первой части послы объявляютъ, что они принадлежатъ народу Рось, и что государь ихъ называется хаканомъ. Эта часть есть данное несомнѣнное, не подлежащее спору; авторъ латинской хроники не могъ его придумать. Затѣмъ онъ прибавляетъ, что навели справки (конечно потому, что народъ Рось не былъ еще хорошо извѣстенъ при франкскомъ дворѣ), и оказалось, что это были люди *изъ племени Свеоновъ*. Но если тутъ разумѣть Шведовъ, то вторая часть извѣстія несогласима съ первою. Первая сообщаетъ фактъ безспорный, а вторая только мнѣніе автора или франкскихъ придворныхъ, мнѣніе, которое всегда можетъ быть случайно и ошибочно; притомъ неизвѣстно, подтвердилось ли это мнѣніе, и нѣтъ никакихъ свѣдѣній о дальнѣйшей судьбѣ русскаго посольства. Мы имѣли полное право предположить здѣсь или этнографическое недоразумѣніе со стороны людей, подозрительно смотрѣвшихъ на невѣдомыхъ пришельцевъ, или ошибку переписчика. Подобныя этнографическія недоразумѣнія или просто описки очень нерѣдки въ средневѣковыхъ источникахъ, и сами норманисты часто находятъ въ нихъ ошибки или позднѣйшія вставки, особенно тамъ, гдѣ это полезно для ихъ теоріи. Напримѣръ, авторъ „Дополненій" старается доказать, что Gualani одной латинской хроники не означаютъ Alani, а ихъ надобно читать Guarani=Guarangi=Barangi (655); что въ другой хроникѣ стоитъ Wandalorum вмѣсто Warangorum (658), и затѣмъ съ помощью разныхъ натяжекъ этихъ Гвалановъ—Варанговъ пріурочиваетъ приблизительно къ половинѣ X вѣка (659); напрасныя усилія, такъ какъ все еще далеко до половины IX вѣка, т. е. до времени, въ которое Русь громко заявляетъ о себѣ въ Византіи. Упомянутое выше извѣстіе Табари о Руссахъ VII вѣка, какъ было замѣчено, г. Куникъ пространно доказываетъ позднѣйшею вставкою (379). Онъ дѣлаетъ и многія другія поправки въ источникахъ. (А между тѣмъ продолжаетъ читать у Дитмара ex velocibus Danis вмѣсто подлиннаго Danaïs, стр. 451). Но относительно Бертинскихъ лѣтописей мой противникъ не допу-

скаетъ недоразумѣнія или ошибки, и не сомнѣвается, что тутъ надобно разумѣть Шведовъ (631); хотя и соглашается, что нарицательное хаканъ нельзя обратить въ собственное имя Гаконъ (681); слѣдовательно, ничѣмъ не объясняетъ безвыходнаго противорѣчія. Правда, онъ затрудняется нѣсколько предположить *дѣятельныя* сношенія Шведовъ съ Греками въ первой половинѣ IX вѣка, такъ какъ ни въ Швеціи, ни на островѣ Готландѣ не находили золотыхъ византійскихъ монетъ той эпохи; но это затрудненіе легко устраняется расказомъ Нестора объ Оскольдѣ и Дирѣ, которые *около* 862 *года* отпросились у Рюрика на службу въ Византію, конечно уже имѣя нѣкоторое знакомство съ ея дѣлами (423). Такимъ образомъ археологическій фактъ долженъ уступить баснословному расказу. Любопытно, что, отстаивая басни такъ называемаго Нестора, уважаемый оппонентъ исправляетъ его хронологію, и полагаетъ, что призваніе Варяговъ совершилось прежде 862 года (394 стр.).

Какъ бы то ни было, а оставаясь при первой части въ упомянутомъ извѣстіи Бертинскихъ лѣтописей, при той части, которая неопровержима, мы получаемъ ясное иноземное свидѣтельство о существованіи Русскаго княжества въ восточной Европѣ еще въ первой половинѣ IX вѣка, слѣдовательно во времена до-Рюриковскія. Что же касается до второй части извѣстія, то замѣтимъ слѣдующее: если и встрѣчаются двѣ, три сбивчивыя фразы относительно Руси, то именно у нѣкоторыхъ западныхъ, латинскихъ писателей, мало или совсѣмъ ее не знавшихъ; тогда какъ Византійцы, хорошо знакомые съ нашими предками, не подали ни малѣйшаго повода смѣшивать ихъ съ Норманнами.

Далѣе, обратимъ вниманіе на критическое отношеніе нашего противника къ Славянорусскому племени. Оказывается, что если бы Русь была славянскимъ народомъ, то морскіе походы на Византію не были бы возможны. Почему-же? Да просто потому, что Славяне неспособны не только къ морскому, но и къ рѣчному судоходству. Другое дѣло Норманны, которые „проволакивали свои ладьи мимо Днѣпровскихъ и Двинскихъ пороговъ“ (393). Во первыхъ, я уже докладывалъ, что такое переволакиваніе лодокъ *мимо* пороговъ есть плодъ пылкаго воображенія; о немъ не говоритъ ни одинъ источникъ; извѣстно, что Константинъ Б. описываетъ, какъ Руссы проводили свои ладьи *сквозь*

Днѣпровскіе пороги *). Во вторыхъ, что эти Руссы были Норманнами, требуется еще доказать. Вообще разсужденія о томъ, что Русь была хорошо знакома съ моремъ, а слѣдовательно не могла быть славянскою; что Славяне, живя внутри страны, не могли освоиться съ моремъ *внезапно* (378)—всѣ подобныя разсужденія болѣе или менѣе гадательны. Самъ авторъ упоминаетъ о существованіи Сербскихъ пиратовъ; укажу еще на мореходство у Славянъ Балтійскихъ и Славянъ Новогородскихъ; слѣдовательно, о неспособности Славянъ къ морскому дѣлу не можетъ быть и рѣчи. Затѣмъ, прежде нежели говорить о внезапномъ знакомствѣ съ моремъ, надобно было опровергнуть доказательства исконнаго существованія Руси на берегахъ Азовскаго моря, между прочимъ опровергнуть относящееся сюда извѣстіе Масуди. Наконецъ, казацкіе походы XVI и XVII вѣковъ въ Черное и Каспійское моря совершенно уничтожаютъ помянутыя разсужденія: извѣстно, что казаки принадлежали къ Славянорусскому племени и жили даже не на морскихъ берегахъ. Новгородцы также жили не на Балтійскомъ морѣ, по которому они плавали. Для Русскихъ Славянъ, даже обитавшихъ внутри страны, дорога къ морю была открыта, благодаря большимъ судоходнымъ рѣкамъ.

Въ томъ же гадательномъ родѣ находимъ соображенія, отрицающія тождество Руси и Роксаланъ. Это тождество есть одно изъ самыхъ главныхъ основаній моей теоріи; противъ него я не встрѣтилъ доселѣ ни единаго серьёзнаго возраженія. А. А. Куникъ въ настоящемъ своемъ трудѣ широко распространяется о многихъ предметахъ второстепенной и третьестепенной важности; но относительно Роксаланъ онъ голословенъ и очень кратокъ, какъ и относительно другихъ важнѣйшихъ моихъ основаній. Когда то онъ написалъ разсужденіе: „*Псевдорусскіе Роксалане*", гдѣ съ помощью многихъ натяжекъ, историческихъ, этимологическихъ и этнографическихъ, старался доказать, что Роксалане и Русь не одно и тоже и что Роксаланскій народъ съ появленіемъ Гунновъ *исчезъ* изъ исторіи. Въ прежнихъ статьяхъ мы уже указывали на несостоятельность такого вывода. Но мой противникъ думаетъ, что навсегда покончилъ съ Роксаланами. Онъ

---

*) Ни одинъ источникъ не говоритъ о перетаскиваніи судовъ по сухопутнымъ волокамъ и мимо Двинскихъ или Волховскихъ пороговъ; а о перегрузкѣ на порогахъ и волокахъ ясно говорятъ договоры Новгорода съ Ганзою и Смоленска съ Ригою.

только мимоходомъ напоминаетъ о своихъ главныхъ доказательствахъ: Роксалане не могли быть Славянами, потому что это *степные наѣздники* (367), *степной народъ* (362); „причисленіе дикихъ Роксаланъ къ Славянской семьѣ обнаружило бы совершенное незнакомство съ сравнительной исторіей военнаго быта у кочующихъ и у осѣдлыхъ народовъ“ (ibid). Такими то фразами почтенный ученый отдѣлывается отъ непріятныхъ для него Роксаланъ. А любопытно было бы хотя слегка познакомиться съ тою сравнительною исторіей военнаго быта, на которую онъ ссылается; вѣроятно мы узнали бы тогда много удивительныхъ фактовъ. Но какъ бы то ни было, а эти несносные Роксалане существовали, и совсѣмъ не думали исчезать изъ исторіи. О нихъ свидѣтельствуютъ не только историческіе писатели, но и знаменитыя Певтингеровы таблицы, которыя обнимаютъ время отъ Августа до Юстиніана включительно. (Такъ утверждаетъ извѣстный ихъ знатокъ Дежардэнъ. См. Revue historique 1876. № I). Здѣсь *Роксулане* помѣщены тамъ же, гдѣ потомъ находимъ и народъ Рось, между Днѣпромъ и Дономъ; притомъ они, какъ сильное племя, обозначены болѣе крупными буквами, нежели ихъ сосѣди. Отвергать тождество Роксаланъ и Роси, по моему мнѣнію, все равно, что спорить противъ очевидности.

Итакъ, Роксалане будто бы не могли быть Славяне, потому что имѣли конницу; а Русь не могла быть славянскою, потому что имѣла судоходство, и еще потому что она объединила народы, разбросанные на обширныхъ равнинахъ (393). Оказывается, что Славянское племя совершенно обижено судьбою. Даже Финны, и тѣ оказываются гораздо болѣе одарены отъ природы и болѣе способны къ разнообразной дѣятельности. Такъ въ этомъ мало подвижномъ, преимущественно лѣсномъ племени встрѣчаемъ съ одной стороны пиратовъ (на Балтійскомъ морѣ), съ другой цѣлый степной, конный народъ (Угры), и притомъ такой народъ, который основалъ значительное государство. Туркмены, типъ степнаго, коннаго народа, и тѣ имѣли своихъ пиратовъ на Каспійскомъ морѣ. Не приводя другихъ примѣровъ для сравненія, укажу опять на славянорусскихъ Казаковъ XVI и XVII вѣковъ: они жили въ тѣхъ же мѣстахъ, въ которыхъ встрѣчаемъ древнихъ Роксаланъ и Русь. И что же? Казаки одновременно являются и конницей, и пиратами, а при случаѣ и пѣхотой. Странно какъ-то столь извѣстному ученому указывать на столь извѣстные факты. Обратимся къ самымъ древнимъ временамъ. Скиѳы во-

обще представляются степнымъ, кочевымъ и коннымъ народомъ. А между тѣмъ у нихъ были также морскіе пираты; у нихъ была пѣхота. Такъ въ расказѣ Лукьяна *Токсарисъ* пѣхота является еще въ большемъ числѣ, нежели конница. Повторяю, любопытно было бы познакомиться съ тою сравнительною исторіей военнаго быта, которая доказываетъ, что Русскіе Славяне никогда не находились въ дикомъ состояніи, никогда не были кочевниками, никогда не были знакомы съ моремъ и никогда не были способны къ созданію государственнаго быта. И при этомъ г. Куникъ упрекаетъ своихъ противниковъ въ томъ, что они „страдаютъ незнаніемъ основаній этнологической критики“ (452).

Голословно отрицая всякую связь между Роксаланами и Русью, авторъ „Дополненій“ къ Каспію не разъ спрашиваетъ, почему же ни одинъ источникъ не говоритъ о морскихъ походахъ Руси до такъ называемаго Рюрика. Отвѣтъ на этотъ вопросъ уже былъ мною предложенъ; но по обыкновенію норманисты не обратили на него вниманія. Я говорилъ въ томъ смыслѣ, что Русь конечно и прежде была знакома съ Каспійскимъ и особенно съ Чернымъ моремъ; когда же она объединилась и достигла извѣстной степени могущества, то уже не ограничивалась болѣе мелкимъ пиратствомъ или плаваніемъ для торговыхъ цѣлей и для найма въ иноземную службу, а стала предпринимать походы въ большихъ силахъ, и въ 865 году сдѣлала нападеніе на самый Константинополь. Это нападеніе и заставило Византійцевъ громко заговорить о Руси, хотя по всѣмъ признакамъ они уже давно были знакомы съ нею. (О томъ, напримѣръ, свидѣтельствуетъ патріархъ Фотій въ своихъ „бесѣдахъ“). Нашъ лѣтописецъ почерпнулъ начало Русской исторіи изъ византійскаго расказа о нападеніи 865 года, и пріурочилъ къ этому событію мнимое призваніе Варяговъ съ Рюрикомъ и Оскольдомъ во главѣ. Я уже замѣчалъ, что если бы нападеніе на Константинополь случилось столѣтіемъ ранѣе, то Рюрикъ и Оскольдъ въ нашей лѣтописи, конечно, были бы отнесены на сотню лѣтъ выше. Если противникъ несогласенъ съ такимъ заключеніемъ, то пусть прежде всего потрудится доказать, что извѣстіе нашей лѣтописи о событіи 865 года совершенно самостоятельное, а не заимствованное буквально изъ хроники Амартола.

Но довольно о доказательствахъ историческихъ и этнографическихъ. Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о *столпахъ* норманской системы; столпами она называетъ свои доказа-

тельства филологическія. Мы съ своей стороны говорили и повторяемъ, что вообще филологія, какъ наука, имѣетъ болѣе или менѣе развитыя стороны, но что самую слабую составляютъ словопроизводства. Въ этомъ отношеніи постоянно возникаютъ споры или новыя объясненія. А гдѣ есть возможность дѣлать разнообразные выводы, тамъ невозможно требовать точности. Если происхожденіе словъ, даже взятыхъ изъ современнаго языка, часто совсѣмъ не находитъ себѣ объясненія или объясняется гадательно, то можно ли ожидать точнаго опредѣленія словъ отжившихъ, извѣстныхъ только по письменнымъ памятникамъ? Всего менѣе можно ожидать его при разборѣ названій собственныхъ, личныхъ и географическихъ. Норманизмъ однако претендуетъ на эту точность. Мы уже указывали на слабую сторону славянорусской филологіи, именно на весьма распространенную привычку отказываться отъ русскихъ словъ. Если корень слова и его исторія не поддаются легкому объясненію изъ славянскаго языка, то оно немедленно относится къ заимствованнымъ изъ нѣмецкаго, или изъ финскаго, или изъ татарскаго; или просто замѣчаютъ, что это слово не русское. Почему же оно не русское? Да оно звучитъ не пославянски. Другими словами, оно кажется не славянскимъ, и на этомъ *кажется* нерѣдко строятъ филологическіе выводы. Много обнаруживается промаховъ вслѣдствіе подобнаго пріема. Нѣкоторыя слова считались заимствованными у Татаръ, потому что онѣ яко бы звучали по-татарски; а потомъ эти слова оказывались въ памятникахъ до-Татарской эпохи; нѣкоторыя русскія названія считались финскими, а онѣ отыскивались у Дунайскихъ или у Западныхъ Славянъ. Кстати укажу на слѣдующій курьёзъ. Еще недавно записные филологи считали (въ „Словѣ о Полку Игоревѣ“) *карна* и *жля* именами двухъ половецкихъ хановъ, тогда какъ онѣ означаютъ скорбь и жалость, а слово жля въ томъ же значеніи встрѣчается и въ лѣтописи. Эти половецкіе ханы продолжали существовать даже послѣ того, какъ ихъ несостоятельность была указана. И кѣмъ указана? Вельтманомъ, котораго никто и не считалъ глубокимъ филологомъ. Или напомню оригинальную исторію съ греческимъ словомъ *гира*, которымъ Константинъ Багрянородный объяснилъ русское *полюдье*; нашлись ученые, которые *gyra* считали словомъ русскимъ, а *polydia* греческимъ, т. е. совершенно наоборотъ. Много еще невѣрныхъ, но общепринятыхъ словопроизводствъ обращается и до настоящаго времени. Между прочимъ филологи,

открывая разные законы, долго не замѣчали такого простаго закона, какъ народное осмысленіе словъ, утратившихъ свой первоначальный смыслъ; при своихъ словопроизводствахъ они иногда совсѣмъ не замѣчаютъ того, что имѣютъ дѣло не съ коренным значеніемъ слова, а съ его позднѣйшимъ осмысленіемъ, основаннымъ на созвучіи. Напримѣръ, для нихъ *нѣмецъ* доселѣ происходитъ отъ *нѣмой* (въ родѣ лѣтописнаго объясненія Переяславля отъ перея славу). Лингвистика нерѣдко даетъ намъ смѣлыя и положительныя объясненія тамъ, гдѣ добросовѣстность требовала сказать: „не знаю". Норманизмъ, какъ увидимъ ниже, не только употребляетъ явныя натяжки, чтобы объяснить нѣкоторыя древнерусскія слова, но и выставляетъ иногда такіе законы въ русскомъ языкѣ, которые въ дѣйствительности не существуютъ *).

Какъ въ Русской исторіи г. Куникъ держится системы исчезанія цѣлыхъ большихъ народовъ неизвѣстно куда, такъ и въ

*) Такъ многоуважаемый Я. К. Гротъ выразился въ томъ смыслѣ, что русскій языкъ не допускаетъ словъ, начинающихся съ буквы а (Жур. М. Н. Пр. 1872. Апрѣль. 289). Положеніе невѣрное: и въ настоящемъ языкѣ существуютъ такія слова, а прежде ихъ было еще болѣе. Многія слова, произносимыя прежде черезъ а, теперь произносятся черезъ я; это послѣднее есть тоже а, только смягченное, іотированное. (Напр. въ договорѣ Игоря встрѣчаемъ русское имя Акунъ, а позднѣе въ лѣтописи тоже имя уже пишется Якунъ). Далѣе, есть не мало словъ, которыя пишутся съ о, а произносятся чрезъ а, если нѣтъ на этомъ о ударенія.

Нелишнимъ считаю напомнить: я полемизую только противъ одной слабой стороны славяно-русской филологіи; что конечно не мѣшаетъ мнѣ цѣнить ея успѣхи и многіе замѣчательные труды нашихъ ученыхъ на этомъ поприщѣ, и между прочимъ отдавать справедливость богатому содержанію Филологическихъ Разысканій Я. К. Грота. (Выше заявленное правило мы находимъ здѣсь уже въ смягченномъ видѣ: буква а, „столь рѣдкая въ началѣ Славянскихъ словъ"). Въ этомъ трудѣ авторъ хотя и обнаруживаетъ наклонность объяснять иногда чисто русскія слова чрезъ заимствованіе, но все таки не въ той степени какъ г. Куникъ. Въ примѣръ этой наклонности приведемъ: Пинега будто слово финское, означающее „Малая рѣка" (I, 242. А что же будетъ значить Пина, рѣка западной Россіи? Стало быть и Волга или Влага тоже имѣетъ финское окончаніе)? Ладога будто есть переиначенное скандинавское Альдога и произошло отъ финскаго Acelto—волна (245. Въ такомъ случаѣ славянскій богъ Ладо тоже заимствованъ у Финновъ?). Мордва, по объясненію Кастрена, будто по фински значитъ „народъ у воды". (243). Мы думаемъ, что ва въ этомъ случаѣ чисто русскій суффиксъ, имѣющій собирательное значеніе; а иначе Литва, простонародное Татарва и т. п. тоже все финскія слова?). Укажемъ также на лѣтописныя Волхва вмѣсто Волохове, Жидова вм. Жидове. Если принять догадку Кастрена, все это будутъ народы, живущіе у воды; что представляетъ явную несообразность.

русской филологіи онъ держится системы объясненія русскихъ словъ преимущественно чрезъ *заимствованіе* ихъ у инородцевъ. Напр., слово *врагъ* или *ворогъ* заимствовано изъ готскаго языка (406), *воръ* изъ финскаго (408), *якоръ* и *костеръ* изъ шведскаго (416), *топоръ* изъ какого-то каспійскаго языка (71 и 678) и т. д. и т. д., всего не перечтешь. Если повѣрить подобной этимологіи, то нашъ языкъ по крайней мѣрѣ на половину окажется сбродомъ словъ, заимствованныхъ у всѣхъ сосѣднихъ и даже не сосѣднихъ народовъ. Какое смѣшеніе эпохъ, вліяній и отношеній въ исторіи языка! Какое смѣшеніе созвучій съ тождествомъ и общихъ родственныхъ по корню словъ съ заимствованіями. Вообще у нашихъ противниковъ, какъ скоро зайдетъ рѣчь о словопроизводствахъ, тотчасъ начинаютъ смѣшиваться понятія о принадлежности извѣстныхъ словъ извѣстному народу съ опредѣленіемъ ихъ корней при помощи сравнительной филологіи. Г. Куникъ съ особеннымъ усердіемъ останавливается на объясненіи названій *Варяги* и *Русъ* (400 и слѣд.). Это цѣлая этимологическая диссертація. Между прочимъ онъ много возражаетъ противъ толкованія слова варягъ *волками* и *врагами*, хотя въ настоящее время едвали какой либо серьезный ученый держится этого толкованія. Онъ доказываетъ, что это слово произошло отъ скандинавскаго Waring, соотвѣтственно древнерусскому *ротникъ* или присяжникъ, въ смыслѣ наемнаго воина. Можетъ быть это и вѣрно; но трудно слѣдить за всѣми перипетіями, которымъ авторъ подвергаетъ соединявшіяся съ даннымъ названіемъ понятія, проводя ихъ по разнымъ странамъ и народамъ. Много тутъ гадательнаго, и самъ авторъ прибѣгаетъ иногда къ помощи *вѣроятно*, *кажется* и разнымъ ссылкамъ на сказочныя свидѣтельства, между прочимъ на басню нашей лѣтописи о Варягахъ. Такъ какъ мы никогда не утверждали, что слово Варягъ славянскаго происхожденія, то и не будемъ останавливаться надъ нимъ. Что же касается до имени *Русь*, то г. Куникъ снова возвращается къ отождествленію его съ финскимъ *Ротси*; такъ Финны называютъ Шведовъ (437 и 672). Онъ предполагаетъ здѣсь первоначальную гото-шведскую форму Hrods, которая перешла къ Финнамъ отъ Шведовъ. Эту мысль онъ пытается подтвердить цѣлымъ рядомъ всевозможныхъ натяжекъ, историческихъ и этимологическихъ. Не считаемъ нужнымъ углубляться въ эту путаницу. Мы только напомнимъ, что прежде нежели предпринимать ее надобно было, во первыхъ, доказать тождество названій *Ротси* и *Русъ*. Если

это тождество, а не созвучіе, то почему же Финны именно Русскихъ-то и не называютъ Ротсами? Если это названіе перешло къ Финнамъ отъ Шведовъ, то почему же сами Шведы себя такъ никогда не называли и почему исторія не знаетъ никакого народа Рось или Русь въ Скандинавіи? Мы предпочитаемъ то мнѣніе, которое видитъ въ этихъ названіяхъ только внѣшнее подобіе, но разные корни и разное значеніе. А во вторыхъ, и это самое важное, можно ли доказывать происхожденіе названія Русь отъ предполагаемой шведской формы Hrods и даже отъ Hrodhgot-овъ (441), когда уже была указана несомнѣнная связь названія народа Русь или Рось съ именами рѣкъ восточной Европы? Прежде надобно было опровергнуть эту связь; къ сожалѣнію норманизмъ мало вниманія обращаетъ на важнѣйшія доказательства своихъ противниковъ.

Точно также г. Куникъ продолжаетъ стоять на *чисто норманскихъ* именахъ русскихъ князей и дружинниковъ, ничѣмъ не опровергая моихъ доводовъ. Я не бралъ на себя удовлетворительно объяснить всѣ русскія языческія имена и всѣ русскія названія пороговъ; да подобную задачу никто и не въ состояніи выполнить при настоящихъ средствахъ науки. Достаточно и того, что большая часть именъ Олегова и Игорева договоровъ встрѣчается въ послѣдующихъ столѣтіяхъ въ разныхъ частяхъ Россіи; чѣмъ доказывается ихъ принадлежность Русскому народу, то-есть ихъ туземство. Однако, нѣкоторыя частныя объясненія свои я позволяю себѣ считать такими, противъ которыхъ мои противники не могутъ представить никакихъ серьезныхъ опроверженій. Напримѣръ: тождество имени перваго исторически извѣстнаго русскаго князя *Олегъ*, женское *Ольга*, съ названіями рѣкъ Олегъ и Волга, бо̀льшая древность и бо̀льшая порча русскихъ названій пороговъ сравнительно съ ихъ славянскими варіантами; принадлежность послѣднихъ нарѣчію болѣе южному, чѣмъ славянорусское, а именно славяноболгарскому; осмысленіе непонятнаго *Есупи* съ помощью созвучія „Не спи“, и пр. *). Уже одно то, что норманисты серь-

*) Не отвѣчая на мои важнѣйшія доказательства въ пользу славянства Болгаръ, г. Куникъ однако нашелъ случай, по поводу моего изслѣдованія „Болгаре и Русь на Азовскомъ поморьѣ“ приписать мнѣ и такіе промахи, которыхъ у меня нѣтъ; напримѣръ, относительно Россовъ въ житіи Георгія Амастрійскаго, которыхъ я будто бы приписываю VIII столѣтію, и относительно русина, научившаго Кирилла русской грамотѣ (632). У меня доказывается, что эта грамота была собственно не русская, а болгарская. Если г. Куникъ не согласенъ, что

ёзно считали существовавшимъ названіе Несии, и соотвѣтственно ему пріискивали повелительное наклоненіе въ скандинавскихъ языкахъ, показываетъ, какъ мало они были знакомы съ духомъ славянорусскаго языка и съ его истинными законами. Или: на основаніи даже не большинства русскихъ личныхъ именъ, а только нѣкоторыхъ, имѣющихъ подобіе съ именами въ скандинавскихъ сагахъ, утверждать, что Руссы явились въ исторіи съ норманскими именами — этотъ пріемъ годился только для норманистовъ прошлаго столѣтія, когда сравнительная филологія еще находилась въ состояніи блаженной наивности. А между тѣмъ норманизмъ не можетъ даже отнять у Славяноруссовъ имя Карлы. (Интересно было бы слышать его объясненія, откуда взялся половецкій ханъ Кобякъ *Карлыевичъ?*). Поэтому поводу укажу на то, что г. Куникъ славянское окончаніе въ именахъ *Гуды* и *Карлы* считаетъ просто ошибкой писца, и произвольно ставитъ *Гудъ* и *Карлъ* (461. А Кары, Бруны, Моны, Тукы?) Число чуждыхъ именъ на Руси онъ увеличиваетъ еще *Глѣбомъ*, который будто бы заимствованъ или у какихъ то Иранцевъ, или у Хазаръ (680). Повторимъ то, что говорили и прежде: съ объясненіемъ собственныхъ именъ, географическихъ и личныхъ, нельзя обращаться такъ легко, какъ доселѣ обращались норманисты, и нѣтъ столбовъ болѣе шаткихъ, какъ тѣ, на которые думаетъ опереться норманская теорія.

Пока норманизмъ огуломъ отрицаетъ принадлежность данныхъ именъ и названій славянорусскому племени, ссылаясь на какіе-то этимологическіе законы вообще, споръ конечно не можетъ придти къ яснымъ выводамъ. Но какъ скоро онъ пытается войти въ подробности и разъяснить намъ эти законы языка, то вмѣсто несомнѣнныхъ, строго научныхъ положеній, мы видимъ по большей части однѣ гаданія. Повторяю, особенно грѣшитъ онъ тѣмъ, что принадлежность слова или цѣлой группы словъ извѣстному языку смѣшиваетъ съ возможностью объяснять ихъ корни и значеніе съ помощью сравнительнаго языкознанія; при чемъ и эта возможность иногда бываетъ только кажущеюся, и отъ нея еще далеко до дѣйствительнаго, положительнаго объясненія. Достоуважаемый А. А. Куникъ представляетъ слѣдующій примѣръ

Болгаре были Славяне, то пусть попробуетъ не голословно, а систематически опровергнуть мои главные доводы; пусть между прочимъ докажетъ, что загадочныя выраженія въ извѣстномъ хронографѣ принадлежатъ не иному какому языку, а именно древне-болгарскому.

филологическихъ гаданій, выдаваемыхъ за положительные законы языка. Нѣкоторыя слова, оканчивающіяся въ германской группѣ на ing, въ славянорусскомъ языкѣ являютъя съ окончаніемъ *ягъ*, напр.: верингъ — варягъ, шилингъ—шелягъ и т. п. Отсюда вывели уже общее правило, законъ, что, если въ русскомъ встрѣчается слово на *ягъ*, то значитъ оно *заимствовано* отъ иноземцевъ. Г. Куникъ именно настаиваетъ на этомъ мнимомъ законѣ (409); къ подобнымъ словамъ онъ относитъ Ятвягъ и Колбягъ, которые будто бы заимствованы у Нѣмцевъ. Позволяю себѣ усматривать здѣсь большое недоразумѣніе: Ятвяги были окружены Славянами и съ одной стороны примыкали къ Литвѣ, слѣдовательно ихъ названіе отнюдь не изобрѣтено Нѣмцами; а подъ Колбягами, какъ теперь съ достовѣрностью можно сказать, разумѣлись кочевые или полукочевые инородцы южной Руси, между прочимъ „Черные Клобуки“ нашей лѣтописи, и названіе ихъ также никоимъ образомъ не заимствовано отъ Нѣмцевъ или отъ Норманновъ. Quasi — научная этимологія забываетъ о существованіи у древнихъ Славянъ носоваго произношенія, которое и доселѣ осталось въ чистотѣ у Поляковъ; вотъ почему у послѣднихъ Ятвяги имѣютъ форму *Ядзвинги*, а Колбяги въ византійскихъ хризовулахъ XI вѣка *Кулпинги* (вѣроятно по произношенію собственно славяноболгарскому, съ малымъ юсомъ, т. е. Кулпянги, между тѣмъ какъ по русскому произношенію Кулпяги или Колбяги). Слѣдовательно суффиксъ ing совсѣмъ не есть какая то исключительная принадлежность германской группы и не есть непремѣнный признакъ заимствованныхъ словъ. Подобный суффиксъ существовалъ и въ литовскомъ языкѣ.

На бѣду для этой этимологіи, въ русскомъ языкѣ оказывается цѣлый отдѣлъ словъ съ тѣмъ же суффиксомъ только въ женской формѣ, т. е. *яга* (въ польскомъ ęga), каковы: бродяга, бѣдняга, портняга, плутяга, скупяга, скряга и т. д. Какъ же г. Куникъ устраняетъ это противорѣчіе съ вышеприведеннымъ закономъ о заимствованіи? Онъ говоритъ, что этотъ суффиксъ „относится къ сравнительно позднему періоду образованія языка и произошелъ отъ болѣе древняго ęka“ (410). Во первыхъ, ęka и ęga это все равно, и стало быть съ одной стороны г. Куникъ признаетъ, что подобный суффиксъ существовалъ и въ древнеславянскомъ языкѣ. (Впрочемъ тутъ объясненіе нѣсколько запутано, и повидимому говорится о древности этого суффикса только въ литовскомъ языкѣ, какъ будто славянскій языкъ находился подъ сильнымъ влі-

яніемъ литовскаго, и даже послѣ XI столѣтія!). Во вторыхъ, онъ пытается собрать всѣ русскія слова съ окончаніемъ на яга (455 и 460), и насчитываетъ ихъ до 30 или болѣе; число значительное, ясно показывающее, что это суффиксъ собственный, русскій, а не заимствованный отъ нѣмцевъ или отъ литовцевъ, и тѣмъ болѣе, что тутъ же приведены аналогичныя слова и въ другихъ славянскихъ языкахъ. Но авторъ „Дополненій" далеко не исчерпываетъ ихъ запасъ: существуетъ много и другихъ словъ, которыя способны принять тотъ же суффиксъ, когда требуется выразить извѣстный смыслъ; чего никакъ не могло бы случиться, если-бы таковой суффиксъ не былъ роднымъ, привычнымъ *). Слѣдовательно выводъ о его позднѣйшемъ происхожденіи совершенно гадательный. Притомъ неизбѣжно возникъ бы вопросъ: позднѣйшее сравнительно съ какимъ временемъ? Напримѣръ, существовалъ ли онъ въ XI вѣкѣ, когда въ славянорусскомъ языкѣ еще могли сохраняться нѣкоторые слѣды древняго юсоваго произношенія? Итакъ былъ ли я правъ, говоря о разныхъ этимологическихъ гаданіяхъ, которыя пускаются въ ходъ подъ именемъ законовъ языка.

Глядя на подобные трактаты, можно только пожалѣть, что такъ много труда и эрудиціи потрачено для того, чтобы отстоять басню или по крайней мѣрѣ запутать вопросъ. Не отвѣчаемъ на тѣ филиппики и на тѣ эпитеты, которые обнаруживаютъ нѣкоторое раздраженіе со стороны норманизма, весьма впрочемъ понятное. Будучи довольно безпощаденъ къ норманской системѣ вообще, я едва-ли могу себя упрекнуть въ томъ, чтобы въ предыдущихъ своихъ статьяхъ относился безъ должнаго уваженія къ ученымъ заслугамъ автора „Дополненій". Во всякомъ случаѣ поблагодаримъ А. А. Куника за то, во первыхъ, что онъ даетъ намъ возможность сдѣлать двѣ, три поправки второстепенной важности и устранить доказательства такъ сказать излишнія, а далѣе за то, что его „Дополненія" окончательно убѣждаютъ насъ въ несостоятельности норманской теоріи. Вотъ уже около пяти лѣтъ, какъ я веду съ ней борьбу, отвѣчая почти всѣмъ оппонентамъ. Надобно было поддержать интересъ къ данному вопросу и не дать ему снова заглохнуть на страницахъ весьма почтенныхъ, но мало чи-

*) Напр: бодяга, верещага (откуда Верещагинъ какъ отъ сипяга Сипягинъ), монята (неудалый человѣкъ. См. Этнографич. Сбор. VI. Не въ связи ли съ этимъ словомъ имя одного изъ пословъ Игорева договора, т. е. Моны?) и т. д. Или: отъ дурной—дурняга; отъ добрый—добряга и пр.

таемыхъ изданій; надобно было подвинуть на отвѣтъ противниковъ болѣе солидныхъ; ибо полемика съ ними яснѣй всего могла обнаружить тѣ шаткія основанія, на которыхъ доселѣ держалась норманская теорія. Между прочимъ я именно ждалъ отвѣта отъ г. Куника, котораго считалъ наиболѣе добросовѣстнымъ и компетентнымъ изъ ея защитниковъ. Настоящій его трудъ не уничтожаетъ ни одного изъ главныхъ основаній, на которыхъ построено мое мнѣніе; большинство ихъ даже незатронуто. Замѣчу при этомъ мимоходомъ: я убѣдился, что противники большею частію даже не давали себѣ труда прочесть внимательно систему моихъ доказательствъ; они часто повторяли свои аргументы, ничѣмъ не опровергая моихъ возраженій или совсѣмъ ихъ игнорируя.

Въ числѣ важнѣйшихъ моихъ основаній стоитъ невозможность быстрыхъ, неуловимыхъ превращеній одной народности въ другую, чуждую ей. Исторія не представляетъ такихъ примѣровъ; они противорѣчатъ всѣмъ ея законамъ. Напротивъ мы повсюду видимъ большую или меньшую живучесть языка и другихъ племенныхъ особенностей у народовъ, поселившихся въ чужой землѣ. Противники мои даже не пытались отвѣчать что нибудь на подобное основаніе.

Норманизмъ именно заслуживаетъ слѣдующаго упрека: ссылаясь на мнимые лингвистическіе законы, онъ совершенно игнорируетъ законы историческіе, тѣ законы, которые неизмѣнно дѣйствуютъ и проявляются въ жизни народовъ, въ происхожденіи и развитіи человѣческихъ обществъ, называемыхъ государствами. Если бы защитники пресловутой теоріи серьезно вникали въ эти законы, то они не могли бы смѣшивать факты литературные съ фактами историческими, наивные домыслы старинныхъ книжниковъ выдавать за достовѣрное историческое свидѣтельство, да еще отстаивать ихъ въ той безсмысленной формѣ, которую они получили по невѣжеству позднѣйшихъ списателей. Законы политико-историческіе также непреложны какъ и естественноисторическіе: происхожденіе Русской націи не можетъ быть исключеніемъ. Сказочное, внезапное возникновеніе великихъ народовъ и государствъ съ исторической точки зрѣнія есть безсмыслица.

Повторяю, настоящій споръ можетъ продолжаться до безконечности, съ помощью тѣхъ пріемовъ, на которые я не разъ указывалъ, а также съ помощью многихъ соображеній и разсужденій, совсѣмъ не идущихъ къ дѣлу. Но серьезно, систематически, научно доказать скандинавское происхожденіе невозможно; таково

мое убѣжденіе. Объяснивъ туземное начало Русскаго государства, на сколько это было въ моихъ средствахъ и силахъ, я уже перешелъ къ послѣдующей эпохѣ Русской исторіи. Дальнѣйшую обработку даннаго вопроса предоставляю будущимъ изслѣдователямъ. Мнѣ остается только пересмотрѣть и собрать во едино свои изслѣдованія и замѣтки, разбросанныя по разнымъ изданіямъ *). Впрочемъ, я не отказываюсь и впослѣдствіи возвращаться къ тому же вопросу, но только тогда, когда найду это нужнымъ, напримѣръ, въ случаѣ его новаго запутыванія и затемнѣнія. А запутать его весьма не трудно: стоитъ только сдѣлать еще два, три мнимыхъ открытія въ родѣ того, что Византійцы въ литературномъ языкѣ Варяговъ называли Русью, что Славяне неспособны къ мореплаванію, и т. п.

Справедливость впрочемъ требуетъ прибавить, что въ концѣ книги многоуважаемый А. А. Куникъ уже не съ такою увѣренностію борется съ антинорманизмомъ, какъ въ началѣ; онъ сознается, что „въ преданіи о призваніи Рюрика уже пробито нѣсколько брешь" (696). Мы еще не теряемъ надежды, что всѣмъ извѣстная ученая добросовѣстность со временемъ приведетъ его и къ другимъ уступкамъ.

IV.

Могильныя данныя въ отношеніи къ вопросу о Руси и Болгарахъ.

Кромѣ исторіи и филологіи, которыми злоупотребляла норманская система для того, чтобы утвердить басню о призваніи никогда не бывалыхъ Варяго-Руссовъ на якобы научныхъ основаніяхъ, приверженцы этой системы не мало злоупотребляли и археологіей. Такъ раскопки могильныхъ кургановъ давали поводъ вездѣ находить слѣды Варяговъ, къ которымъ относили все то, что принадлежало Руси. Впрочемъ такое заключеніе было естественно въ то время, когда въ тождествѣ этихъ двухъ народовъ не сомнѣвались. Но вотъ что говорятъ археологическіе факты.

Византійскія золотыя монеты, найденныя въ числѣ нѣсколькихъ

*) Что я и привелъ въ исполненіе настоящею книгою (т. е. первымъ изданіемъ Розысканій о началѣ Руси).

сотъ подлѣ Ненасытетскаго порога на островѣ Майстровѣ, обнимаютъ время по крайней мѣрѣ отъ VII вѣка до XI включительно *). Отсюда ясно слѣдуетъ, что плаваніе русскихъ каравановъ по Днѣпру изъ Кіева въ Грецію восходитъ ко времени не позднѣе VII или первой половины VIII вѣка, т. е. къ тому времени, когда о Варягахъ на Руси еще не было и помину.

Затѣмъ обращаю вниманіе читателей на тѣ въ высшей степени любопытные результаты, которые получены раскопками варшавскаго профессора Д. Я. Самоквасова, произведенными въ 1872—73 гг. въ предѣлахъ земли Сѣверянъ. Множество разрытыхъ имъ могильныхъ кургановъ вполнѣ подтвердило русскія, византійскія и арабскія извѣстія о погребеніи покойниковъ чрезъ сожженіе у Славянорусскихъ язычниковъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ представило разнообразные вещественные памятники и самаго народа. Означенныя могилы и находимыя въ нихъ предметы вооруженія и другія вещи съ арабскими и византійскими монетами, во первыхъ свидѣтельствуютъ объ исконномъ пребываніи могучаго Русскаго племени въ области Десны, Семи, Сулы и вообще въ Приднѣпровскомъ краю, а во вторыхъ о воинственномъ характерѣ этого племени и его дѣятельныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ міромъ Восточнымъ и Греческимъ еще въ эпоху такъ наз. Дорюриковскую, слѣдовательно о его уже значительно развитой гражданственности (разумѣется сравнительно съ другими языческими народами Средней и Сѣверной Европы того времени). Съ результатами раскопокъ г. Самоквасова и съ значительнѣйшими его находками (особенно изъ Черниговскаго кургана, извѣстнаго подъ именемъ Чернаго) мнѣ впервые пришлось познакомиться на Кіевскомъ Археологическомъ съѣздѣ лѣтомъ 1874 года. Мои главные выводы, добытые пересмотромъ вопроса о Варягахъ и Руси, тогда

*) Графа А. С. Уварова О древностяхъ Южной Россіи. Авторъ видѣлъ изъ нихъ двѣ монеты: одну императора Ираклія, VII вѣка, а другую Константина Дуки, XI-го. „Разные люди увѣряли насъ—замѣчаетъ онъ,—что эти монеты были найдены въ различныхъ мѣстахъ. Другіе, наоборотъ, говорили, будто онѣ открыты вмѣстѣ въ одномъ глиняномъ кувшинѣ“. Едвали вѣроятно, что бы въ одномъ кувшинѣ хранились монеты пяти вѣковъ. Въ такомъ случаѣ пришлось бы пожалуй предположить, что какой либо любитель византійской нумизматики во второй половинѣ XI вѣка зарылъ здѣсь свою коллекцію. Не было ли на этомъ островкѣ чего либо въ родѣ разбойничаго притона, въ которомъ прятали добычу съ разграбленныхъ или съ потерпѣвшихъ крушеніе судовъ? Или не существовало ли здѣсь какого святилища, гдѣ путники клали свои жертвоприношенія ради благополучнаго плаванія сквозь пороги?

уже были закончены, и мнѣ пришлось скорѣе, чѣмъ я могъ надѣяться, найти такое неопровержимое, вещественное подтвержденіе этимъ выводамъ *).

Я не знаю, къ какимъ натяжкамъ прибѣгнетъ теперь норманская школа, чтобы отрицать эти очевидныя данныя и настаивать на существованіи небывалаго народа Варягоруссовъ, пришедшаго изъ Скандинавіи во второй половинѣ IX вѣка. По моему мнѣнію для нея остается единственный исходъ: согласиться съ первоначальной лѣтописной редакціей, по которой Русь, Славяне и Чудь призывали Варяжскихъ князей, и слѣдовательно отстаивать эту легенду въ ея первобытномъ, т. е. династическомъ значеніи. Но по всей вѣроятности норманисты этого не сдѣлаютъ; они очень хорошо понимаютъ, что тогда и басня о призваніи уничтожится сама собою. Сильному, воинственному Русскому племени, объединившему восточныхъ Славянъ и грозному для сосѣдей, не было никакой нужды призывать къ себѣ чужихъ князей изъ за моря: оно издавна имѣло своихъ собственныхъ. Историческіе источники упоминаютъ о Роксаланскихъ князьяхъ еще въ первые вѣка по Р. Х. (См. выше).

Одновременно съ означенными раскопками въ Приднѣпров-

---

*) Интересующихся этими данными отсылаю къ отчету самого Д. Я. Самоквасова, „Древнія земляныя насыпи и ихъ значеніе для науки". (Древн. и Нов. Россія 1876 №№ 3 и 4). Единственное мое замѣчаніе, которое можно сдѣлать по поводу этой статьи, относится къ ссылкамъ на легендарныя свидѣтельства лѣтописи, напримѣръ, о погребеніи Олега, Аскольда и Дира. Какимъ способомъ они погребены, въ лѣтописи не говорится, это извѣстіе несовременное, притомъ же два послѣднія лица не историческія. Другое дѣло извѣстіе той же лѣтописи о погребеніи у Вятичей, а также разсказы Ибнъ Фадлана и другихъ Арабовъ о погребальныхъ обычаяхъ Руси—это свидѣтельства современниковъ и очевидцевъ. Далѣе, въ средѣ Русскихъ Славянъ, по всѣмъ признакамъ, рядомъ съ сожженіемъ, и притомъ не всегда одинаковымъ въ подробностяхъ, существовалъ и другой, хотя не столь распространенный обычай погребенія, т. е. чрезъ зарываніе трупа; но кѣмъ именно и въ какихъ случаяхъ онъ употреблялся, еще нельзя опредѣлить съ достовѣрностію. Наконецъ, достоуважаемый изслѣдователь старается съ точностію опредѣлить границы собственно русскаго обычая сожженія труповъ. Намѣченные имъ предѣлы, т. е. область Сѣверской Руси, вполнѣ подтверждаютъ древнія свидѣтельства о мѣстѣ жительства Роксаланъ между Днѣпромъ и Азовскимъ моремъ; тѣмъ не менѣе подождемъ еще ограничивать эти предѣлы, пока не приведено въ извѣстность содержаніе большинства могильныхъ кургановъ и въ другихъ частяхъ Южной Россіи. Въ настоящее время достаточно и того неопровержимаго вывода, что Русь, на основаніи могильныхъ раскопокъ, является также племенемъ туземнымъ, южнорусскимъ, а не пришедшимъ откуда-то съ Сѣвера.

скомъ краѣ сдѣлано весьма любопытное открытіе далѣе на югѣ, именно въ окрестностяхъ Керчи. Открытіе это, какъ сейчасъ увидимъ, имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ вопросамъ о древней Руси и Болгарахъ. Приведу сообщеніе, сдѣланное мною не далѣе какъ въ мартѣ 1876 года въ одномъ изъ засѣданій Московскаго Археологическаго общества *):

Нельзя не отдать справедливости добросовѣстному изслѣдованію г. Стасова, изслѣдованію, которое онъ посвятилъ объясненію фресокъ, найденныхъ въ 1872 году въ одной Керченской катакомбѣ **). Сближеніе ихъ съ памятниками восточными, преимущественно иранскими, по моему мнѣнію, очень удачно. Сходныя черты въ костюмахъ, вооруженіи и орнаментахъ, встрѣчающіяся здѣсь, дѣйствительно указываютъ на связи съ востокомъ, съ Азіей и на восточное происхожденіе самыхъ племенъ, представители которыхъ изображены на данныхъ фрескахъ. Но за этимъ общимъ положеніемъ возникаетъ неизбѣжный вопросъ, нельзя ли еще точнѣе опредѣлить: какія именно племена, какіе народные типы, какую эпоху имѣемъ мы передъ собою?

Время, къ которому должны быть отнесены означенныя фрески, г. Стасовъ полагаетъ между началомъ II и концомъ IV вѣка по Р. Х. По всѣмъ даннымъ такое положеніе надобно считать вѣрнымъ или весьма вѣроятнымъ. Слѣдовательно мы имѣемъ передъ собою послѣднюю эпоху Боспорскаго царства, эпоху династіи Савроматовъ. Извѣстно, что въ самомъ началѣ перваго вѣка по Р. Х. Боспорскимъ краемъ овладѣло сарматское племя Аспурговъ. Это было одно изъ тѣхъ Сарматскихъ племенъ, которыя издавна жили между Азовскимъ моремъ и Кавказомъ, и отчасти на Таманскомъ полуостровѣ, т. е. въ самыхъ предѣлахъ Боспорскаго царства. Князья Аспурговъ, захватившихъ это царство, по дошедшимъ до насъ монетамъ, носили по преимуществу имена Савроматовъ и Рескупоридовъ. Эти варварскіе князья однако уже на столько были знакомы съ эллиноримскою цивилизаціей и на столько искусны въ политикѣ, что въ началѣ они съумѣли пріобрѣсти покровительство самихъ римскихъ императоровъ, начиная съ Августа и Тиверія. Разумѣется, что бы обезпечить за собою Боспоръ, они признали себя покорными вассалами рим-

*) Изъ Трудовъ этого Общества. Т. VI. вып. 2.

**) Отчетъ Императорской Археологической коммиссіи за 1872 годъ съ атласомъ. Спб. 1875 г.

скихъ императоровъ, и показывали имъ особую преданность; это видно между прочимъ изъ того, что они къ своимъ именамъ присоединили имена своихъ покровителей; отсюда мы встрѣчаемъ на монетахъ и надписяхъ Тиверія Юлія Савромата или Тиверія Юлія Рескупорида *). Но подчиненіе Риму продолжалось только до тѣхъ поръ, пока въ самой Римской имперіи не наступилъ смутный періодъ, т. е. до второй половины III вѣка. Тогда Савроматская династія не замедлила воспользоваться этими смутами, чтобы пріобрѣсти самостоятельность.

Находясь въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ міромъ Эллиноримскимъ, подчиняясь вліянію его цивилизаціи, Савроматы въ тоже время очевидно сохраняли нравы и преданія, вытекавшія изъ восточнаго происхожденія. Они заключали родственныя связи съ потомками Митридата Понтійскаго, который одно время, какъ извѣстно, владѣлъ Боспорскимъ царствомъ, и въ слѣдствіе этихъ связей послѣдняя Боспорская династія можетъ быть равно относима къ Савроматамъ и Ахеменидамъ. Я именно позволяю себѣ въ главныхъ фигурахъ, которыя изображены на фрескахъ, усмотрѣть представителей этой Савроматской эпохи въ Пантикапеѣ; разныя бытовыя черты, здѣсь встрѣчающіяся, безъ сомнѣнія указываютъ на двойственное вліяніе, т. е. римское и восточное.

Герой этихъ фресокъ, т. е. лицо погребенное въ данной катакомбѣ, есть конечно одинъ изъ предводителей, отличившійся своими подвигами въ войнахъ съ сосѣдними варварами; а извѣстно, что сосѣдніе варварскіе народы въ эту эпоху все болѣе и болѣе тѣснили Боспорское царство, пока впослѣдствіи не разрушили его окончательно. Типъ главнаго героя и его воиновъ, а также и вооруженіе ихъ совершенно соотвѣтствуютъ извѣстіямъ древнихъ и средневѣковыхъ писателей о народахъ сарматскихъ. А Сарматы, какъ это утвердительно можно сказать, принадлежали къ Арійской семьѣ и въ ближайшемъ родствѣ находились съ народами Мидо-иранской группы. Означенные воины покрыты чешуйчатымъ панциремъ, конусообразнымъ шлемомъ, и имѣютъ копья, у всадниковъ по одному длинному, а у пѣхотинцевъ большею частію по два короткихъ. На Траяновой колоннѣ мы именно встрѣчаемъ сарматскихъ всадниковъ, покрытыхъ такою же чешуйчатою бронею.

---

*) Любопытно, что князья Роксаланъ точно также поступали въ отношеніи къ нѣкоторымъ римскимъ императорамъ. Въ одной латинской надписи упоминается роксаланскій князь Элій Распарасанъ, повидимому современный Элію Адріану.

Тацитъ говоритъ, что знатные Роксалане (а Роксалане было сарматское племя) носили чешуйчатые панцыри изъ желѣзныхъ бляхъ. Амміанъ Марцелинъ сообщаетъ о Сарматахъ, что они были вооружены длинными копьями и носили полотняныя кирасы, на которыхъ была нашита роговая чешуя, сдѣланная на подобіе птичьихъ перьевъ. Конусообразные шлемы суть также одна изъ принадлежностей сарматскихъ народовъ; они встрѣчаются и на сарматскихъ всадникахъ Траяновой колонны, и у древнихъ Руссовъ. (Мы же, какъ извѣстно, доказываемъ, что древняя Русь тождественна съ Сарматами — Роксаланами). Эта форма шлемовъ конечно имѣетъ восточный характеръ; конусообразныя шапки преобладали всегда у иранскихъ народовъ. У самаго предводителя Пантикапейскаго сверхъ того наброшенъ на плечи плащъ, развѣвающійся позади. Этотъ плащъ есть также одна изъ принадлежностей знатныхъ лицъ у Сарматскихъ народовъ. Левъ Діаконъ именно упоминаетъ о такомъ плащѣ какъ объ одной изъ отличительныхъ чертъ Руси отъ Грековъ. Еще прежде того Прокопій нѣчто подобное говоритъ о Болгарахъ. Я не утверждаю тождества Аспурговъ ни съ Болгарами, ни съ Роксаланами или Русью; я только говорю объ ихъ общей принадлежности къ Сарматскому семейству. Рядомъ съ общими чертами встрѣчаемъ и нѣкоторыя отличія, напримѣръ, овальная форма и небольшой размѣръ щитовъ не походятъ на большіе и съуживающіеся книзу щиты древней Руси. Впрочемъ надобно взять въ расчетъ и разницу эпохъ: между IV и X вѣкомъ могли конечно произойти разныя перемѣны въ вооруженіи и привычкахъ сарматскихъ народовъ. Къ такимъ перемѣнамъ, напримѣръ, надобно отнести и употребленіе стремянъ; извѣстно, что у Грековъ, и у Римлянъ не было стремянъ. Ихъ мы не находимъ и на данныхъ фрескахъ. Тогда какъ древняя Русь употребляла ихъ; по крайней мѣрѣ это можно сказать о IX и X вѣкѣ. Укажу на раскопки, произведенныя г. Самоквасовымъ въ Приднѣпровскомъ краю; въ могилахъ языческой Руси найдены между другими предметами и стремена.

Затѣмъ обращу вниманіе еще на отличительную черту типа, встрѣчающагося на означенныхъ фрескахъ. Пантикапейскіе воины являются здѣсь безъ всякихъ признаковъ бороды и усовъ; а изъ подъ шлемовъ ихъ совсѣмъ не видно волосъ. Но бритые подбородки и оголенныя головы, какъ извѣстно, составляли принадлежность древнихъ Руссовъ и древнихъ Болгаръ; а оба эти народа принадлежали первоначально къ Сарматской группѣ и жили око-

ле Азовскаго моря, т. е. въ Сарматскихъ краяхъ. Разница съ типами фресокъ заключается только въ томъ, что на послѣднихъ отсутствуютъ и усы. Но, во первыхъ, обычай бритья конечно видоизмѣнялся по разнымъ племенамъ; а во вторыхъ, не забудемъ разницу нѣсколькихъ столѣтій между данными фресками и временемъ Святослава; моды могли нѣсколько мѣняться. Самые Руссы X вѣка, по извѣстію Арабовъ, не всѣ брили бороду; нѣкоторые отпускали ее. Замѣчательно, что лица русскихъ воиновъ въ извѣстной рукописи XIV вѣка, заключающей Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ, эти лица также какъ на данныхъ фрескахъ не имѣютъ ни бороды, ни усовъ. Кромѣ того извѣстно, что Римляне брили не только бороду, но и усы, и можно также предложить вопросъ: не отразилась ли эта мода и на Боспорѣ Киммерійскомъ? Подъ шлемами Пантикапейцевъ, какъ я сказалъ, совсѣмъ невидно волосъ. По этому поводу напомню извѣстіе Лукьяна, греческаго писателя II вѣка по Р. Х. Въ своемъ расказѣ *Токсарисъ* онъ сообщаетъ, что Скиѳы и Алане походятъ другъ на друга и говорятъ близкими языками, но Скиѳы носятъ болѣе длинные волосы, и одинъ изъ героевъ расказа, Скиѳъ выдающій себя за Алана, долженъ былъ обрѣзать свои волосы по алански. И дѣйствительно извѣстныя намъ по памятникамъ фигуры Скиѳовъ обыкновенно снабжены длинными волосами и бородою. Алане принадлежали все къ той же группѣ народовъ Сарматскихъ, какъ боспорскіе Аспурги, какъ древніе Руссы и Болгаре. Извѣстно, что нашъ Святославъ имѣлъ оголенную голову съ чубомъ; языческіе болгарскіе князья, по замѣчанію одного хронографа, были „съ острижеными главами". А Прокопій еще въ VI вѣкѣ говоритъ, что Гунны-Болгаре имѣли оголенныя щеки и подбородокъ, а также подстриженную кругомъ голову съ пучкомъ волосъ на верху.

Но кромѣ пантикапейскихъ воиновъ, покрытыхъ шлемомъ, мы видимъ еще три фигуры изъ того же ополченія, съ открытыми головами. Они также безъ бороды и усовъ, но имѣютъ волосы на головѣ, спускающіеся до ушей или немного ниже. Эти три фигуры не имѣютъ ни шлема, ни панцыря, а вооружены щитомъ и двумя короткими копьями. (По словамъ Прокопія, два копья-дротика составляли обычное вооруженіе Славянъ). Мнѣ сдается, что это фигуры женскія, особенно двѣ послѣднія, у которыхъ волосы какъ будто скручены назадъ и лица совсѣмъ не мужскія. Извѣстно, что именно у Сарматъ женщины отличались воинственными привычками, что онѣ ходили на войну вмѣстѣ съ мужчинами

и носили мужское платье. У нѣкоторыхъ племенъ былъ даже обычай, что дѣвушка не можетъ выдти за мужъ, пока не убьетъ хотя одного непріятеля. Эти сарматскія женщины и послужили источникомъ для греческихъ сказаній объ амазонкахъ. Если обратимся къ Руси и Болгарамъ, то найдемъ у нихъ туже сарматскую черту. По извѣстіямъ того же Прокопія, писателя VI вѣка, послѣ сраженій Византійцевъ съ Болгарами обыкновенно на полѣ битвы между павшими варварами находили женскіе трупы. Точно тоже замѣтилъ и Левъ Діаконъ о Руссахъ Святослава. Тоже самое подтверждаетъ арабскій писатель Масуди о Болгарахъ въ X вѣкѣ. Онъ говоритъ слѣдующее: „когда они отправляются въ походъ, то строятся въ ряды; стрѣлки изъ лука образуютъ передній строй, а женщины и дѣти задній“. (Гаркави. 126). По моему мнѣнію, извѣстіе это замѣчательнымъ образомъ совпадаетъ съ Керченскими фресками, именно съ IX таблицей атласа, на которой изображена пѣхота: впереди два воина въ шлемахъ и панцыряхъ, а позади три безъ панцырей и шлемовъ. Изъ послѣднихъ двѣ самыя заднія фигуры я принимаю за женщинъ, а третью, помѣщенную въ срединѣ, я готовъ счесть за мальчика.

Что касается до остальныхъ фигуръ, т. е. до непріятелей Пантикапейцевъ, то г. Стасовъ по справедливости различаетъ между ними два типа. Первый, изображенный на таблицѣ X, близокъ къ той же Сарматской народности. У него также нѣтъ ни бороды, ни усовъ; но онъ отличается густыми и довольно длинными волосами. У воиновъ этого типа нѣтъ ни шлемовъ, ни панцырей, ни щитовъ, и даже у главной фигуры, т. е. у предводителя. На плечахъ у послѣдняго однако наброшенъ плащъ, похожій на сарматскій; а на лѣвомъ боку довольно большой мечъ; вмѣсто панцыря ему повидимому служитъ кожаная кираса. Это по всѣмъ признакамъ какой то сосѣдній степной, конный народъ. Но второй типъ, изображенный на таблицѣ VI, уже гораздо болѣе удаленъ отъ Пантикапейскаго. Онъ представленъ въ одномъ только лицѣ. Это мужчина съ рѣзкими чертами лица, густыми отброшенными назадъ волосами и черною густою бородою. Онъ пѣшій, также безъ шлема и панцыря, но вооруженъ широкимъ ножомъ или кинжаломъ и ромбовиднымъ щитомъ. Мы можемъ предположить въ немъ представителя какого либо изъ сосѣднихъ черкесскихъ горныхъ племенъ. Очень можетъ быть, что здѣсь изображенъ поединокъ между пантикапейскимъ предводителемъ и вождемъ непріятельскаго войска. Вмѣсто общаго сраженія, рѣшать

дѣло поединкомъ было иногда въ обычаѣ у варварскихъ народовъ, и между прочимъ у народовъ прикавказскихъ. Напомнимъ единоборство тмутраканскаго князя Мстислава Чермнаго съ касожскимъ или черкесскимъ княземъ Редедею. А гораздо ранѣе того у Конст-на Багрянороднаго въ его соч. объ Управл. Имперіей встрѣчаемъ расказъ именно о единоборствѣ воспорскаго царя Савромата VII съ протевономъ или вождемъ Херсонитовъ Фарнакомъ. Это единоборство, рѣшившее судьбу ихъ войны, происходило какъ надобно полагать въ IV вѣкѣ по Р. X., слѣдовательно въ эпоху, къ которой можно отнести данныя фрески. Но не этотъ эпизодъ здѣсь изображенъ. Единоборство съ Фарнакомъ окончилось смертью Савромата; тогда какъ здѣсь пантикапейскій предводитель очевидно торжествуетъ; притомъ Савроматъ былъ пораженъ копьемъ; а у пѣшаго воина въ рукахъ только мечъ. Странно только одно, почему противники сражаются при неравныхъ условіяхъ: одинъ на конѣ и лучше вооруженъ, а другой пѣшій, но за то со щитомъ, котораго нѣтъ у Пантикапейца. Можетъ быть, варваръ понадѣялся на свою силу и ловкость и самъ пожелалъ сражаться при этихъ условіяхъ. Но могло быть и то, что онъ уже потерялъ коня и теперь, съ кинжаломъ въ рукѣ, готовится дорого продать свою жизнь.

Обращу также вниманіе ваше на слѣдующее обстоятельство. Изъ всѣхъ трехъ данныхъ типовъ мы не находимъ ни одного, который бы напоминалъ присутствіе въ тѣхъ странахъ народностей Угорскаго, Турецкаго или Монгольскаго корня. Это подтверждаетъ высказанное мною мнѣніе о принадлежности настоящихъ Скиѳовъ и Сарматъ къ Арійскому семейству и о томъ, что турецко-татарскіе народы появляются въ тѣхъ краяхъ довольно поздно, приблизительно около VI вѣка. (Что между прочимъ важно и для рѣшенія вопроса о каменныхъ бабахъ).

Мнѣ остается еще сдѣлать одно сближеніе. Переходомъ къ нему можетъ послужить упомянутое мною выше извѣстіе Масуди о Болгарахъ. Извѣстіе это по всѣмъ признакамъ относится нестолько къ Дунайскимъ Болгарамъ, сколько къ Чернымъ, т. е. къ тѣмъ, которые жили на Кубани и на Воспорѣ Киммерійскомъ, ибо онъ говоритъ о язычникахъ; тогда какъ у Дунайскихъ Болгаръ въ его время процвѣтало христіанство. Въ своихъ изслѣдованіяхъ я именно доказывалъ, что Болгаре приблизительно въ V вѣкѣ завладѣли почти всѣмъ Воспорскимъ царствомъ и жили здѣсь еще въ IX и X вв., когда этотъ край былъ освобожденъ

отъ Хазарскаго ига и покоренъ Русью и тамъ основано извѣстное Тмутраканское княжество. Слѣдовательно господство Сарматскихъ Аспурговъ здѣсь смѣнилось господствомъ Болгаръ и потомъ Руси, племенъ тоже сарматскихъ. Эта смѣна происходила постепенно; причемъ, кромѣ сходства нравовъ, безъ сомнѣнія на послѣднія племена продолжало дѣйствовать и вліяніе древней боспорской цивилизаціи.

Масуди говоритъ, что у языческихъ Болгаръ сожигали мертвеца или заключали его въ храмину вмѣстѣ съ женой и слугами. Но такой же двоякій обычай погребенія, т. е. чрезъ сожженіе и зарываніе трупа, существовалъ и у языческой Руси. Обрядъ сожженія подробнѣе всего описанъ у Ибнъ Фадлана. Между тѣмъ Ибнъ-Даста, писатель X вѣка также какъ Масуди и Фадланъ, говоритъ слѣдующее о Руссахъ: „Когда умираетъ кто либо изъ знатныхъ, то выкапываютъ ему могилу въ видѣ большаго дома, кладутъ его туда и вмѣстѣ съ нимъ кладутъ въ туже могилу какъ одежду его, такъ и браслеты золотые, которые онъ носилъ; далѣе опускаютъ туда множество съѣстныхъ припасовъ, сосуды съ напитками и чеканенную монету. Наконецъ кладутъ въ могилу живою и любимую жену покойника. Затѣмъ отверстіе могилы закладывается, и жена умираетъ въ заключеніи“ (по переводу Хвольсона, стр. 40). Очевидно Ибнъ-Даста о Руси повторяетъ съ большими подробностями тоже, что сказалъ Масуди о Болгарахъ Таврическо-Таманскихъ. Но Ибнъ-Даста по всѣмъ признакамъ также говоритъ о Руси именно Тмутраканской или Таманской; онъ изображаетъ ее живущею на сыромъ, болотистомъ островѣ.

Но что же это за домъ или храмина, въ которой погребали знатныхъ Болгаръ и Руссовъ въ Таврическо-Таманскомъ краѣ?

Нѣтъ сомнѣнія, что тутъ идетъ рѣчь о катакомбахъ, подобныхъ той, которой фрески мы имѣемъ передъ собою. Слѣдовательно весьма вѣроятно, что дальнѣйшіе розыски въ катакомбахъ Боспорскаго края приведутъ къ открытіямъ предметовъ изъ другой болѣе поздней эпохи сравнительно съ Аспургіанской династіей Савроматовъ, то есть изъ эпохи Болгаро-Русской.

V.

Тмутраканская Русь г. Ламбина *).

Въ нашей исторической литературѣ, особенно въ отдѣлѣ изслѣдованій, замѣтно дѣлаетъ успѣхи слѣдующая черта (впрочемъ заимствованная отъ другихъ): во что бы то ни стало сообщать своимъ произведеніямъ внѣшній видъ глубокомыслія и обширной учености. Съ этою цѣлью онѣ обставляются многочисленными, кстати и не кстати приведенными, цитатами и ссылками на источники, а также удивительными соображеніями и сопоставленіями; только логика и вообще мыслительная работа остаются въ нѣкоторомъ пренебреженіи. Авторы ихъ не особенно хлопочутъ о томъ, чтобы предварительно вдуматься въ факты, провѣрить извѣстія, перебрать ихъ со всѣхъ сторонъ, выяснить до возможной степени и потомъ уже приступать къ изложенію. Послѣдній пріемъ, конечно, потребуетъ болѣе времени и болѣе усилій; но зато и результаты были бы несравненно плодотворнѣе. Такіе или тому подобные мысли иногда приходятъ намъ въ голову при пересмотрѣ трудовъ той исторической школы, которая извѣстна подъ именемъ *норманизма*. Интересно особенно слѣдить за ея усиліями съ помощью подобранныхъ цитатъ, произвольныхъ догадокъ и не всегда остроумныхъ соображеній доказать невозможное, т. е., утвердить, яко бы на научныхъ основаніяхъ, ту басню, которая служитъ исходнымъ пунктомъ норманской теоріи. Но результаты всегда будутъ одни и тѣже: никакія натяжки не помогутъ, и для науки басня всегда останется баснею. А наружно-ученая обстановка можетъ сбивать только читателей, или предубѣжденныхъ, или совершенно не компетентныхъ.

Въ январьской книжкѣ журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія мы съ интересомъ прочли изслѣдованіе г. Ламбина: „О Тмутраканской Руси", которое, какъ сказано въ оглавленіи, представляетъ отрывокъ изъ сочиненія: „Опытъ возстановленія и объясненія Несторовой лѣтописи". Нѣсколько времени тому назадъ мы имѣли случай отвѣчать на возраженія г. Ламбина противъ нашего мнѣнія о несостоятельности норманской теоріи („Рус.

*) Изъ журнала Русская Старина. 1874. Мартъ. Эта статья, по хронологическому порядку, собственно должна быть помѣщена передъ изслѣдованіемъ О Славянствѣ Болгаръ; но случайно не попала на свое мѣсто.

Стар.“ 1873 г., сентябрь). Можетъ быть, мы отнеслись къ его возраженіямъ нѣсколько сурово; но ихъ тонъ и содержаніе давали намъ на то полное право. Новый трудъ г. Ламбина подтверждаетъ за нимъ репутацію трудолюбиваго изслѣдователя; но, увы, онъ также подтверждаетъ вновь и несостоятельность его теоріи. Чтобы не быть голословными, передадимъ сущность этого труда.

Г. Ламбинъ задался мыслію, что Тмутраканское княжество основано Олегомъ и его норманскою дружиною. Первое извѣстіе нашей лѣтописи о связахъ кіевскаго князя съ Тавридой встрѣчается въ договорѣ Игоря. Тамъ есть условіе, чтобы русскій князь не имѣлъ притязанія на Корсунскую область и не позволялъ бы нападать на нее Чернымъ Болгарамъ. Тоже условіе не воевать Корсунской области повторяется и въ договорѣ Святослава. Это условіе ясно указываетъ на существованіе русскихъ владѣній въ Тавридѣ, по сосѣдству съ Корсунью, т. е., на существованіе Тмутраканскаго княжества еще во времена Игоря. Но какимъ княземъ было оно основано? Въ Олеговомъ договорѣ о Корсунской странѣ не упоминается; а этотъ договоръ, судя по лѣтописи, заключенъ въ послѣдній годъ его княженія. Слѣдовательно, договоры не даютъ никакого основанія приписать Олегу начало Тмутраканскаго княжества. Однако г. Ламбинъ упорствуетъ въ своемъ мнѣніи и старается подкрѣпить его рядомъ совершенно произвольныхъ догадокъ и выводовъ. Такъ, по его мнѣнію, условія о Корсунской странѣ суть ничто иное, какъ „отдѣльный трактатъ, заключенный между Русью и Херсонцами, и включенный въ общій договоръ съ Греками“. Это произвольное предположеніе, въ свою очередь, опирается на другое предположеніе, точно также произвольное, о какихъ-то грабежахъ и набѣгахъ на Херсонскую область, которые русскіе „дозволяли себѣ при Игорѣ“ именно потому, что объ этой области не было упомянуто въ Олеговомъ договорѣ (59). Такимъ образомъ, обиды Корсунцамъ очень просто объясняются забывчивостію и непредусмотрительностію греческой дипломатіи при заключеніи Олегова договора. Но, въ такомъ случаѣ, условіе о Корсунской области въ договорѣ Святослава также предполагаетъ грабежи и набѣги. Стало быть, Русскіе „дозволили себѣ“ эти набѣги, не смотря на Игоревъ договоръ; а слѣдовательно, при чемъ же тутъ Олеговъ договоръ? Вотъ къ какимъ обратнымъ заключеніямъ могутъ иногда приводить блистательныя догадки автора.

Дальнѣйшія соображенія г. Ламбина относительно того, что въ статьѣ Игорева договора о Корсунской странѣ подъ словами *русскій князь* подразумѣвается не Игорь, а кто-то другой, представляютъ такую путаницу, которую въ короткихъ словахъ передать невозможно. Справедливость однако требуетъ прибавить, что посреди этой путаницы встрѣчается и дѣльное соображеніе, а именно о Черныхъ Болгарахъ: эти Болгаре не были ни Дунайскіе, ни Камскіе, а должны почитаться Кубанскими.

Представимъ теперь образцы того способа, какимъ авторъ возстановляетъ первоначальный текстъ нашей лѣтописи. Дѣло идетъ все о той же статьѣ Игорева договора. Въ лѣтописномъ сводѣ по Лаврентьевскому списку сказано: „А о Корсуньстѣй странѣ. Елико же есть городовъ на той части, да не иматъ волости князь Рускій, да воюетъ на тѣхъ странахъ, и та страна не покаряется вамъ". Г. Ламбинъ, на основаніи варіантовъ по другимъ спискамъ, возстановляетъ слѣдующее чтеніе: „да не имате волости, князи рустіи, да воюете на тѣхъ странахъ, и та страна не покарается вамъ". Автору, для его смѣлой догадки, что въ Игоревомъ договорѣ рѣчь идетъ не объ Игорѣ, желательно было слово *князь рускій* обратить въ звательный падежъ множественнаго числа. Прекрасно; но какимъ образомъ, предполагая здѣсь разныя ошибки въ спискахъ лѣтописи, онъ не видитъ самой главной и оставляетъ безсмыслицу? Можно-ли читать „да воюете на тѣхъ странахъ". Выходитъ, что Греки, стараясь оградить Корсунскую область отъ притязаній русскихъ князей, въ тоже время позволяютъ имъ воевать ее. Какимъ образомъ не догадаться, что здѣсь пропущена частица не („да не воюетъ"). Этотъ пропускъ очевиденъ и по дальнѣйшему условію, чтобы русскій князь не пускалъ Черныхъ Болгаръ нападать на Корсунскую область. Тоже условіе не воевать этой области подтверждается и въ договорѣ Святослава.

О Черныхъ Болгарахъ въ томъ же договорѣ сказано: „А о сихъ, оже то приходятъ Черніи Болгаре и воюютъ въ странѣ Корсуньстей, и велимъ князю Русскому да ихъ не пущаетъ и пакостятъ сторонѣ его" (по Ипат. списку). Что такое значитъ „сторонѣ его?" Это мѣсто очевидно дошло до насъ въ испорченномъ видѣ, и Тимковскій, если не вполнѣ, то приблизительно исправилъ чтеніе такимъ образомъ: „да ихъ не пущаетъ пакостить странѣ *той*". Но г. Ламбинъ именно эту-то безсмыслицу и отстаиваетъ. По его мнѣнію надобно читать: „и велимъ князю русскому да ихъ не пущаетъ: пакостятъ *и* странѣ его". Выходитъ что Греки въ до-

говорѣ съ русскимъ княземъ условіе о недопущеніи Болгаръ въ страну Корсунскую мотивировали тѣмъ, что они вредятъ и его собственной странѣ (т. е., владѣнію русскаго князя). Такъ именно и объясняетъ намъ г. Ламбинъ. Объясненіе, какъ видите, въ высшей степени произвольное; но оно нужно г. Ламбину, чтобы подкрѣпить свою теорію о положеніи Тмутраканской Руси. Послѣдняя, по его мнѣнію, находилась въ Тавридѣ, гдѣ-то между Корсунью и Черными Болгарами или Хазарскими округами; хотя городъ Тмутракань, какъ извѣстно, лежалъ на Таманскомъ, а не на Таврическомъ полуостровѣ.

Далѣе г. Ламбинъ дѣлаетъ самое неожиданное предположеніе. Тмутраканская Русь оказывается у него ни болѣе ни менѣе, какъ Аланское княжество, о которомъ Константинъ Багрянородный упоминаетъ въ своемъ сочиненіи: „Объ управленіи имперіи“. Описаніе Константина не допускаетъ и мысли, чтобы рѣчь шла о какихъ-либо другихъ Аланахъ, кромѣ Кавказскихъ. А по мнѣнію г. Ламбина, „о Кавказской Аланіи у него здѣсь не можетъ быть и рѣчи“. Эта Аланія у него оказывается въ восточной части Крыма. Тутъ встрѣчается маленькое затрудненіе: у Константина говорится, что князь Аланъ можетъ подстерегать Хазаръ на пути къ Саркелу, лежавшему на Дону. Относительно народа, обитавшаго на сѣверной сторонѣ Кавказа, такое извѣстіе понятно; а относительно обитателей Тавриды оно было бы очень странно. Г. Ламбинъ изъ этого затрудненія выпутывается весьма просто: онъ предполагаетъ, что у Таврическихъ Аланъ были корабли, на которыхъ они ходили въ Азовское море, а слѣдовательно и въ Донъ. Для полной вѣроятности такой догадки остается еще предположить, что Хазары жили не на востокъ отъ Азовскаго моря, а на западъ. Авторъ изслѣдованія согласенъ пожалуй допустить, что Константинъ тутъ „спутался“ и что извѣстія его „нуждаются въ строгой критической оцѣнкѣ“; но то несомнѣнно, „что у него подъ названіемъ Аланіи почему-то сокрыта Русь Черноморская“. Конечно, при такихъ наивно-критическихъ пріемахъ сомнѣніе и невозможно.

Въ числѣ доказательствъ, что Тмутраканское княжество основано отнюдь не Игоремъ, а Олегомъ, важную роль играютъ ихъ характеры. Игорь оказывается княземъ *слабымъ, лѣнивымъ и невоинственнымъ*; Олегъ же имѣлъ совсѣмъ противоположныя свойства. Мы уже имѣли случай замѣтить, что иностранныя свидѣтельства рисуютъ намъ Игоря княземъ чрезвычайно предпріимчи-

вымъ и дѣятельнымъ, а что Олега исторія знаетъ только по имени, ибо о дѣлахъ его у насъ нѣтъ никакихъ извѣстій, кромѣ лѣтописныхъ легендъ. Но что могутъ значить подобныя замѣчанія для такихъ глубокомысленныхъ изслѣдователей!

Дальнѣйшія разсужденія г. Ламбина представляютъ все тотъ же рядъ самыхъ произвольныхъ догадокъ и удивительныхъ соображеній, которыя передавать мы не беремся. Въ концѣ своей статьи онъ возвращается къ извѣстнымъ греческимъ отрывкамъ, найденнымъ Газе и помѣщеннымъ въ его изданіи Льва Діакона. Относительно ихъ г. Ламбинъ опять позволяетъ себѣ все тѣже вопіющія толкованія. Во-первыхъ, оба отрывка онъ приписываетъ одному и тому же автору; на что нѣтъ ровно никакихъ доказательствъ. Напротивъ по содержанію ихъ можно придти къ выводу совершенно противоположному. Во-вторыхъ, онъ думаетъ, что рукопись, въ которой найдены эти отрывки, представляетъ собственное письмо предполагаемаго Херсонскаго начальника, что они суть его „черновые автографы". И эта догадка вполнѣ произвольная. Въ-третьихъ, по мнѣнію Газе, письмо отрывковъ принадлежитъ X или даже XI вѣку; а г. Ламбинъ относитъ ихъ къ IX вѣку, и опять совершенно произвольно, единственно для того, чтобы пріурочить ихъ ко времени Олега и открыть его въ томъ князѣ варваровъ, о которомъ говорится во второмъ отрывкѣ. Нельзя же считать серьёзными доказательствами тѣ крайнія натяжки, съ помощью которыхъ авторъ усматриваетъ „поразительно тѣсную связь" между двумя упомянутыми отрывками и двумя изъ писемъ патріарха Николая Мистика (помѣщенныхъ въ „Specilegium Romanum", t. X). Напримѣръ, у патріарха въ одномъ мѣстѣ упоминается объ опасномъ пути и благополучномъ прибытіи въ „городъ Херсонитовъ". Г. Ламбинъ считаетъ это письмо отвѣтнымъ на первый отрывокъ, гдѣ описываются переправа черезъ рѣку Днѣпръ и трудный походъ въ городъ Маврокастронъ. Не говоря уже о различіи Маврокастрона отъ города Херсонитовъ, тутъ не можетъ быть связи и потому, что сообщеніе Византіи съ Корсунемъ производилось моремъ, а въ отрывкѣ говорится о сухопутномъ походѣ. Но къ какимъ догадкамъ и выводамъ нельзя придти съ подобными критическими пріемами!

Г. Ламбинъ упорствуетъ въ томъ мнѣніи, будто второй изъ упомянутыхъ отрывковъ заключаетъ въ себѣ намекъ на пресловутое призваніе князей изъ Скандинавіи. Для большей убѣдительности онъ перепечатываетъ весь этотъ отрывокъ въ латинскомъ

переводѣ и подчеркиваетъ соотвѣтственныя съ своею цѣлію выраженія. Но сколько бы ни перепечатывали данный отрывокъ, ни одинъ серьёзный изслѣдователь не найдетъ тамъ искомаго намека. А что касается до варваровъ, чуждавшихся греческаго образа жизни, сопредѣльныхъ князю, властвующему къ сѣверу отъ Дуная, и нравами ему подобныхъ, то весьма мало основаній видѣть въ нихъ Таврическихъ Готовъ Тетракситовъ. Эти Готы представляли небольшое племя, уцѣлѣвшее въ горной, южной части Крыма. Они издавна (еще съ IV или V-го вѣка) исповѣдывали христіанскую религію и, по всей вѣроятности, ихъ нравы въ данное время совсѣмъ не походили на языческую Русь. Невѣроятно, чтобы они возымѣли къ послѣдней болѣе сочувствія чѣмъ къ Грекамъ, и передались на ея сторону. Ихъ недружелюбныя отношенія къ Руси слышатся еще и въ XII вѣкѣ, въ Словѣ о полку Игоревомъ. Отрывокъ указываетъ именно на ту часть варваровъ, которая подчинена *намъ*, т. е., Грекамъ. (Хотя тутъ же оказывается, что подчиненіе было болѣе номинальное). Слѣдовательно была и другая часть этихъ варваровъ, Грекамъ неподчиненныхъ. Г. Ламбинъ утверждаетъ, будто кромѣ Готовъ исторія не знаетъ никакихъ другихъ обитателей Тавриды, сходныхъ обычаями съ Русью. Но, прежде нежели дѣлать подобные выводы, слѣдовало уяснить вопросъ: какія племена могли обитать въ то время въ Тавридѣ? Кромѣ Готовъ мы имѣемъ положительныя свидѣтельства о пребываніи на полуостровѣ Печенѣговъ. Далѣе, г. Ламбинъ упустилъ изъ виду очень важное свидѣтельство Прокопія о Гуннахъ, поселившихся въ юго-восточной части Крыма, между Боспоромъ и Херсонесомъ. Эти-то таврическіе Гунны, по нашему мнѣнію, и есть искомый народъ.

ДАЛЬНѢЙШАЯ БОРЬБА

О РУСИ И БОЛГАРАХЪ

И

ГУННСКІЙ ВОПРОСЪ.

То, что слѣдуетъ далѣе, написано послѣ перваго изданія *Розысканій о началѣ Руси*, т. е. послѣ 1876 года, и составляетъ дополненіе къ настоящему, второму, изданію.

ДАЛЬНѢЙШАЯ БОРЬБА О РУСИ И БОЛГАРАХЪ.

I.

Славяно-Балтійская теорія *).

Свою борьбу съ норманской школой по вопросу о происхожденіи Руси мы можетъ считать почти оконченною. Въ теченіе полемики, длившейся около шести лѣтъ, она не опровергла научнымъ, систематическимъ способомъ ни одного изъ моихъ главныхъ выводовъ и доказательствъ; но я весьма благодаренъ ей за нѣкоторыя поправки второстепенной важности, а главное — за поднятый ею трудъ возраженій, помогшихъ мнѣ еще болѣе разъяснить шаткость ея основаній. Хотя нѣкоторые представители этой системы и продолжаютъ отстаивать ее съ помощью обычныхъ пріемовъ, но такіе пріемы могутъ вводить въ заблужденіе только людей некомпетентныхъ или пристрастныхъ. Напримѣръ, въ послѣднее время норманизмъ съ особымъ рвеніемъ ухватился за какую-то сочиненную имъ теорію конныхъ и пѣшихъ народовъ, съ помощью которой пытается отвергнуть тождество Роксоланъ и Руси. Любопытно главное основаніе для этой попытки. Въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. Роксолане совершили набѣгъ за Дунай въ числѣ девяти тысячъ конницы, которая обнаружила неискусство въ пѣшемъ бою; а въ X вѣкѣ, т. е. спустя ровно девятьсотъ лѣтъ, Русь явилась за Дунай въ видѣ приплывшей на судахъ пѣхоты, которая оказалась неискусною въ конномъ сраженіи. Не говоря уже объ огромномъ промежуткѣ и въ теченіе его происшедшихъ измѣненіяхъ въ народномъ бытѣ, самыя извѣстія о

*) Изъ журнала Русская Старина. 1877. Мартъ. По поводу сочиненія С. Гедеонова Варяги и Русь. С.Пб. 1876 г.; два тома.

томъ и другомъ походѣ могутъ быть разсматриваемы только критически, въ связи съ воззрѣніями ихъ авторовъ и со многими другими обстоятельствами. У норманистовъ же выходитъ, что присутствіе конницы есть прямой признакъ Татарскаго племени, а пѣхоты—Арійскаго. Но древніе Персы, Мидяне, даже Лидійцы славились своею конницею; Парояне являются самымъ коннымъ народомъ; Литовцы изъ своихъ лѣсовъ дѣлали конные набѣги на Русь еще въ XII и XIII вв. и они же пили лошадиное молоко. Развѣ это все были народы Монголо-Татарскаго, а не Арійскаго семейства? А Днѣпровская Русь, которая, по мнѣнію норманистовъ, будтобы въ X вѣкѣ уже не имѣла конницы, въ XI вѣкѣ имѣетъ ее въ значительномъ числѣ, по прямымъ свидѣтельствамъ лѣтописца современника. Первыя битвы Руси съ Половцами были по преимуществу конныя. „Дай намъ оружіе и коней; хотимъ еще биться съ Половцами"—говорили великому князю Изяславу Кіевляне, т. е. не дружина собственно, а народъ. Въ это же время одинъ только удѣльный князь Черниговскій вышелъ въ поле съ трехтысячнымъ коннымъ отрядомъ, и разбилъ Половцевъ. По указанію лѣтописи, всѣ княжескія дружины и въ X, и въ XI вв. были конныя. А если русскіе князья того времени нанимали иногда толпы конницы изъ кочевыхъ народовъ, то, съ другой стороны, они же нанимали и отряды пѣхоты, особенно изъ Варяговъ. Раскопки же кургановъ ясно говорятъ о русскихъ конникахъ въ IX и въ предшествующіе вѣка *). Впрочемъ, постоянно вновь и вновь опровергать всѣ натяжки норманизма представляется дѣломъ хотя и нетруднымъ, за то длиннымъ и довольно скучнымъ. Свою настоящую замѣтку я посвящаю собственно другой системѣ.

Если доселѣ я велъ борьбу исключительно съ норманской теоріей происхожденія Руси, то потому, конечно, что она была у насъ господствующею и имѣла за собою, кромѣ укоренившейся привычки, наружный видъ строгой научной системы. Другія же теоріи имѣли значеніе преимущественно отрицательное по отношенію къ этой господствующей, но не представляли такой положительной стороны, съ которою можно было бы въ настоящее время вести серьёзную борьбу. Между ними первое мѣсто, по

*) Кромѣ извѣстія лѣтописи о Святославѣ, раскопки г. Самоквасова также свидѣтельствуютъ, что языческая Русь не только ѣздила верхомъ на коняхъ, но и употребляла ихъ въ пищу.

количеству и таланту сторонниковъ и по объему литературы, занимаетъ теорія Варяговъ-Руси, пришедшихъ съ Славяно-Балтійскаго поморья. Она возникла на началахъ довольно естественныхъ и логичныхъ. Еще въ прошломъ столѣтіи нѣкоторые русскіе ученые (напримѣръ, Ломоносовъ) начали сознавать нелѣпость призванія князей изъ племени не только чуждаго, но и враждебнаго. Отсюда естественно было перейти къ мысли: если Новгородцы и призвали себѣ варяжскихъ князей изъ-за моря, то не отъ Скандинавовъ, а отъ родственнаго племени поморскихъ Славянъ; кстати же тамъ была область Вагрія, народъ Вагиры,— почти что Варяги. Эта мысль привилась и произвела на свѣтъ цѣлую систему, которая блеститъ именами Венелина, Максимовича, Морошкина, Савельева, Ламанскаго, Котляревскаго, а въ прошломъ году закончилась трудами гг. Гедеонова и Забѣлина. Эта система, какъ мы видимъ, явилась въ отпоръ норманизму; но ихъ исходный пунктъ одинъ и тотъ же: обѣ теоріи идутъ отъ призванія князей, считаютъ его историческимъ фактомъ. Наши доказательства тому, что это не фактъ, а басня, полагаемъ, достаточно извѣстны.

Г. Гедеоновъ задумалъ свой трудъ „Варяги и Русь" еще съ 1846 г., слѣдовательно, ровно за тридцать лѣтъ до его окончанія. Очевидно, этотъ трудъ былъ вызванъ извѣстнымъ сочиненіемъ А. А. Куника (Die Berufung der Schwedischen Rodsen. S.-Petersb. 1844—1845), въ которомъ норманская система доведена, такъ сказать, до своего апогея. Въ 1862—1863 гг. въ Запискахъ Академіи наукъ г. Гедеоновъ представилъ рядъ отрывковъ изъ своего изслѣдованія. До какой степени обнаружились въ нихъ эрудиція и логика автора, можно судить по тому, что представители норманской школы тотчасъ признали въ немъ опаснаго противника, и принуждены были сдѣлать ему нѣкоторыя довольно существенныя уступки. Въ своихъ первыхъ статьяхъ по варяго-русскому вопросу мы отдали полную справедливость ученымъ заслугамъ г. Гедеонова и его успѣшной борьбѣ съ норманизмомъ. Но тогда же мы замѣтили, что положительная сторона его собственной теоріи не имѣетъ надежды на успѣхъ, по скольку эта сторона проглядывала въ отрывкахъ. Въ настоящее время, когда имѣемъ передъ собой уже полный и законченный трудъ, намъ приходится только повторить то же мнѣніе.

Тамъ, гдѣ г. Гедеоновъ борется съ доказательствами норманистовъ, онъ наноситъ имъ неотразимые удары, и весьма мѣтко

разоблачаетъ ихъ натяжки филологическія и этнографическія. Казалось бы, норманизму остается только положить передъ нимъ оружіе. И это дѣйствительно могло бы случиться, если бы авторъ изслѣдованія остановился на своей отрицательной сторонѣ. Но рядомъ съ ней онъ предлагаетъ принять фактъ призванія варяжскихъ князей съ Славяно-Балтійскаго поморья. Здѣсь-то и открывается слабая сторона изслѣдованія; въ свою очередь, начинаются очевидныя натяжки и гаданія. Тутъ, на почвѣ призванія, норманизму легко справиться съ своимъ противникомъ, имѣя у себя такого союзника, какъ самый текстъ лѣтописи. Что лѣтописная легенда указываетъ на Варяго-Норманновъ, по нашему крайнему разумѣнію, это несомнѣнно. Лѣтопись знаетъ славянскихъ Поморянъ и Лютичей; но нисколько не смѣшиваетъ ихъ съ Варягами, которые приходили въ Россію въ качествѣ наемныхъ воиновъ и торговцевъ; а призванныхъ князей, очевидно, считаетъ соплеменниками этихъ Варяговъ. (Что касается до указанія на Прусскую землю, то оно принадлежитъ позднѣйшимъ лѣтописнымъ сводамъ). Предположимъ, что князья были призваны, и призваны именно изъ Славяно-Балтійскаго народа. Но въ такомъ случаѣ, стало быть, у Новгородцевъ были дѣятельныя сношенія съ этимъ народомъ въ IX и X вѣкахъ? Однако, не только дѣятельныхъ, автору не удалось показать никакихъ сношеній за это время; вмѣсто фактовъ, мы находимъ одни предположенія, ничѣмъ не подтверждаемыя. Наримѣръ, лѣтопись говоритъ, что Владиміръ въ 977 году бѣжалъ „за море", откуда черезъ три года пришелъ съ Варягами. Она ясно говоритъ здѣсь о Варягахъ-Скандинавахъ; саги исландскія также расказываютъ о ихъ службѣ у Владиміра. Однако авторъ изслѣдованія отсылаетъ Владиміра куда-то на Славянское поморье, и его трехгодичному пребыванію тамъ придаетъ большое значеніе. Такъ, изъ Вендскаго поморья Владиміръ вывезъ особую ревность къ языческой религіи (350) и поклоненіе Дажьбогу (хотя его имени мы и не встрѣчаемъ у Поморскихъ Славянъ); оттуда же онъ, повидимому, привезъ на Русь „или готовыя уже изображенія боговъ, или по крайней мѣрѣ вендскихъ художниковъ" (353), и даже чуть ли въ ту же поѣздку не заимствовано оттуда слово „пискупъ" (312). Если же наши князья клялись Перуномъ и Волосомъ, а не Святовитомъ и Триглавомъ, то они поступали такъ по политическимъ соображеніямъ (349). Точно такъ же гадательны всѣ тѣ „слѣды вендскаго начала", которые авторъ пытается отыскать въ языкѣ,

правѣ, обычаяхъ и общественномъ устройствѣ древней Руси. Приведенные на эту тему факты и сближенія указываютъ только на родство славянскихъ нарѣчій и племенъ, а никоимъ образомъ не предполагаемое вендское вліяніе. Въ XII вѣкѣ упоминаются въ Новгородѣ заморскіе купцы, построившіе церковь св. Пятницы. Но отсюда еще далеко до возможности видѣть здѣсь Вендовъ, проживавшихъ въ Новгородѣ и принявшихъ православное исповѣданіе (348). Напомнимъ автору, что „Гречники" въ Кіевѣ означали не греческихъ купцовъ, а русскихъ, торговавшихъ съ Греціей. Во всякомъ случаѣ, на подобныхъ догадкахъ трудно возвести какое либо зданіе.

Любопытенъ научный пріемъ, съ помощью котораго г. Гедеоновъ находитъ въ русскомъ языкѣ слѣды вендскаго вліянія. Извѣстно, что древніе Венды не оставили намъ письменныхъ памятниковъ на своемъ языкѣ. Но такъ какъ, по мнѣнію Копитара и Шафарика, полабскій языкъ составлялъ средину между чешскимъ и польскимъ, то г. Гедеоновъ и прибѣгаетъ къ этимъ послѣднимъ, чтобы объяснить заимствованіемъ отъ Вендовъ такія, встрѣчающіяся въ русскихъ памятникахъ слова и выраженія, какъ: *укладъ, рало, смильное, сводъ, вымолъ, чинъ, утнетъ, поженетъ, кметъ, комонь, хотъ* (супруга), *болонь, уѣдіе, яръ-туръ, Стрибогъ, Велесъ, отня злата стола, свычая и обычая, онако, троскотать, убудити* (разбудить) и пр. и пр. (см. 309 стр. и слѣд.). Натяжки на мнимое вендское вліяніе слишкомъ очевидны, чтобы о нихъ можно было говорить серьёзно. Этому мнимому вліянію приписывается, между прочимъ, и то, что принадлежало несомнѣнному вліянію церковно-славянскаго языка. А если такія слова какъ *паворозъ* (веревка), *серенъ* (роса) и т. п., въ настоящее время утрачены, сдѣлались для насъ непонятными и смыслъ ихъ можетъ быть объясненъ съ помощью польской и чешской письменности, то это есть самое естественное явленіе, и нѣтъ никакого основанія объяснять его призваніемъ Варяговъ съ вендскаго поморья.

Также гадательны доказательства вендскаго вліянія на обычаи. Напримѣръ, бритая голова Святослава сближается съ описаніемъ Святовитова идола и съ изображеніемъ Чеховъ на миніатюрныхъ рисункахъ XI и XII вв. (360 и слѣд.); но при этомъ упускается изъ виду, что древнеболгарскіе князья тоже ходили съ „остриженными главами". Обычай русскихъ князей и дружины ѣздить на коняхъ будто бы перешелъ къ намъ отъ Вендовъ, и

при этомъ нѣсколько ссылокъ на источники, которые показываютъ, что дѣйствительно князья и воеводы у Поморянъ и Чеховъ ѣздили верхомъ на коняхъ (367). Да и самые *воеводы*, съ ихъ значеніемъ судей и намѣстниковъ, явились на Руси вслѣдствіе вендскаго вліянія; ибо „о воеводахъ у Вендовъ, Ляховъ, Чеховъ свидѣтельствуютъ всѣ западные источники" (слѣдуютъ ссылки на Мартина Галла, Кадлубка, Богуфала и пр. 390—292 стр.). Увлекаясь подобною аргументаціей, авторъ рискуетъ вызвать слѣдующій вопросъ: извѣстно, что наши князья и бояре въ XII вѣкѣ обѣдали и ужинали; не былъ ли этотъ обычай принесенъ къ намъ въ IX вѣкѣ съ Балтійскаго поморья?

По мнѣнію автора, „Рюрикъ привелъ съ собой не болѣе трехъ, четырехъ сотъ человѣкъ" (172). Цифра, конечно, взята совершенно гадательная; однако выходитъ такъ, что эти три, четыре сотни не только устроили государственный бытъ многочисленныхъ восточнославянскихъ народовъ, но и внесли значительные новые элементы въ ихъ языкъ, религію и обычаи. Такимъ образомъ г. Гедеоновъ, самъ того не замѣчая, вступаетъ на тотъ именно способъ норманофильскихъ доказательствъ, который онъ столь побѣдоносно опровергаетъ въ отрицательной части своего труда. Извѣстно, что норманисты-историки всякое историческое свидѣтельство, относящееся къ древней Руси, перетолковывали по своему; норманисты-филологи множество чисто русскихъ именъ и словъ производили изъ скандинавскихъ языковъ; а норманисты-археологи, раскапывая курганы, вездѣ находили слѣды цѣлой массы Норманновъ. Такой же рядъ натяжекъ представляетъ IV глава даннаго изслѣдованія, посвященная *Призванію*. Авторъ находитъ даже „темное преданіе" объ этомъ призваніи у арабскаго писателя Эдриси (137), хотя въ приведенной имъ цитатѣ нѣтъ ничего даже подходящаго. Миѳическій Гостомыслъ является „представителемъ западно-славянскаго начала въ Новгородѣ" (139). „Вмѣстѣ съ Рюрикомъ вышли къ намъ и Морозовы" (143. Ссылка на Курбскаго, какъ будто на какое либо несомнѣнное свидѣтельство. А въ примѣч. 53 прибавляется, что „Mrozici—древне-вендскій родъ"; откуда взято это прибавленіе—не сказано; во всякомъ случаѣ оно ничего не доказываетъ). Авторъ признаетъ существованіе князей у Славянъ восточныхъ; но полагаетъ, что новгородскіе Славяне предварительно прогнали своихъ старыхъ князей на югъ, а потомъ и призвали къ себѣ новыхъ съ Балтійскаго поморья (146), и т. д. и т. д.

Но почему же искусный обличитель норманофильскихъ натяжекъ долженъ прибѣгать къ натяжкамъ еще менѣе состоятельнымъ при созиданіи своей собственной теоріи? Очень просто. Потому что онъ идетъ отъ одного съ ними исходнаго пункта, т. е. считаетъ историческимъ фактомъ басню о призваніи варяжскихъ князей. А на этой почвѣ, какъ мы сказали, норманизмъ всегда будетъ сильнѣе своихъ противниковъ, потому что лѣтопись говоритъ о Варягахъ Скандинавскихъ, а не Вендскихъ, въ чемъ невозможно сомнѣваться. Варяго-скандинавскія дружины X и XI вв. нанимались въ службу русскихъ князей не только по извѣстію нашей лѣтописи, но и по свидѣтельствамъ иноземнымъ, каковы Византійцы и саги исландскія. Куда же дѣваться съ этими несомнѣнными Скандинавами на Руси, о томъ г. Гедеоновъ, кажется, и не подумалъ серьёзно. Мы же утверждали и повторяемъ, что именно присутствіе этихъ наемныхъ дружинъ, а также дружественныя и родственныя связи нашихъ князей съ скандинавскими (особенно Владиміра и Ярослава) и самая слава Норманновъ послужили поводомъ къ происхожденію басни о призваніи варяжскихъ князей. О какихъ-либо славяно-балтійскихъ князьяхъ и дружинахъ при этомъ нѣтъ и помину. Жаль, очень жаль, что г. Гедеоновъ, уже 30 лѣтъ тому назадъ задумавшій вступить на борьбу съ норманизмомъ, въ теченіе этого довольно долгаго срока не напалъ на мысль: подвергнуть историко-критическому анализу самую легенду о призваніи. Напади онъ на эту мысль, при его несомнѣнномъ критическомъ дарованіи и соотвѣтствующей эрудиціи, онъ навѣрное пришелъ бы къ инымъ выводамъ и многое разъяснилъ бы въ нашей первоначальной исторіи. Хотя окончаніе его изслѣдованія совершено три-четыре года послѣ начала нашей борьбы съ данною легендою, но, понятно, что уже было поздно вновь пересматривать самыя основы большаго труда, почти законченнаго. Приэтомъ не могутъ же главнѣйшіе представители какой-либо системы легко съ нею разстаться. И если мы вели усердную борьбу съ противниками, то имѣли въ виду не столько убѣдить ихъ самихъ, сколько раскрыть ихъ слабыя стороны и поставить дальнѣйшую разработку вопроса на почву историческую (по нашему крайнему разумѣнію). Такіе примѣры, какъ Н. И. Костомаровъ, благородно отказавшійся отъ Литовской теоріи, рѣдки.

Г. Гедеоновъ мимоходомъ упоминаетъ обо мнѣ въ предисловіи; при чемъ сообщаетъ нѣчто для меня совершенно новое и неожи-

данное. Онъ говоритъ о какомъ-то „неподдѣльномъ, радостномъ сочувствіи, съ которымъ была встрѣчена норманскою школою вновь вызванная г. Иловайскимъ къ (*кратковременной, кажется*) жизни, мысль Каченовскаго о недостовѣрности дошедшей до насъ древнѣйшей русской лѣтописи“ (IX стр.). Признаюсь, я и не подозрѣвалъ, что мои противники-норманисты только по наружности ворчали на мою Роксоланскую теорію, а что въ дѣйствительности они ей очень обрадовались. Не зналъ я также, что Каченовскій предупредилъ меня въ систематическомъ опроверженіи легенды о призваніи князей. Самъ я полагалъ, что могу относить себя къ школѣ *историко-критической*; но меня стараются увѣрить, что я только послѣдователь *скептической* школы Каченовскаго. Пожалуй; изъ-за названій спорить не будемъ.

Затѣмъ г. Гедеоновъ слегка полемизуетъ со мною въ первомъ примѣчаніи къ своему изслѣдованію. Онъ не отвѣчаетъ на мои „общенаучныя соображенія“ относительно несостоятельности легенды о призваніи, увѣряя, что на нихъ „можно найти готовые отвѣты у Шлёцера, Эверса, Круга, Погодина и другихъ“. Можетъ быть, у этихъ другихъ, мнѣ неизвѣстныхъ, и существуютъ означенные отвѣты; но упомянутые ученые, какъ извѣстно, состоятельность самой легенды ничѣмъ не доказали, да о ней почти и не разсуждали, принимая ее просто за фактъ. Г. Гедеоновъ беретъ только мое мнѣніе о лѣтописныхъ редакціяхъ; причемъ приписываетъ мнѣ положеніе, что „кіевская лѣтопись Варяговъ не знала“, что „они плодъ воображенія новгородскаго составителя“ и что второе „извращеніе древней лѣтописи“ произошло въ XIV—XV вв. Тутъ мнѣніе мое передано болѣе чѣмъ неточно. Я говорилъ о томъ, что легенда въ извѣстной намъ лѣтописной редакціи не сохранила своего первоначальнаго вида,—это главное мое положеніе—и затѣмъ, что она *вѣроятно* новгородскаго происхожденія. О послѣднемъ можно спорить, тогда, какъ первое я считаю фактомъ, и представилъ свои доказательства, которыхъ никто доселѣ не опровергъ. Я утверждалъ, что первоначальная лѣтописная легенда отдѣляла Русь отъ Варяговъ, а болѣе поздняя ея редакція (не ранѣе второй половины XII вѣка) смѣшала ихъ въ одинъ небывалый народъ Варягоруссовъ. Г. Гедеоновъ такое „умышленное“ искаженіе текста списателями считаетъ „неслыханнымъ, безпримѣрнымъ фактомъ“; хотя объ умышленномъ (въ нашемъ смыслѣ) искаженіи никто не говорилъ. Подобныя возраженія со стороны норманистовъ насъ не удивляли;

но удивительно ихъ слышать отъ автора того изслѣдованія, которое служитъ очевиднымъ подтвержденіемъ моего мнѣнія объ искаженіи первоначальной редакціи. Г. Гедеоновъ признаетъ *Русь* народомъ туземнымъ (см. XIII главу), а Варяговъ пришлымъ съ поморья. Извѣстная же намъ лѣтописная редакція несомнѣнно понимаетъ Варяговъ-Русь какъ одинъ пришлый народъ. Какимъ именно образомъ г. Гедеоновъ объясняетъ себѣ это противорѣчіе, изъ его изслѣдованія трудно понять. Вообще онъ въ одно и то же время признаетъ легенду съ ея искаженною редакціей и позволяетъ себѣ существенныя отступленія отъ нея. Такъ, она прямо говоритъ о происхожденіи названія русской земли отъ пришлыхъ Варягоруссовъ; но изслѣдователь считаетъ это производство домысломъ самого Нестора (463), а имя Руси ведетъ отъ рѣкъ. Аскольда и Дира она называетъ пришлыми Варягами; изслѣдователь же считаетъ Аскольда Венгромъ, намѣстникомъ хазарскаго хагана, а Дира потомкомъ Кія (492). Приведенныхъ примѣровъ, надѣюсь, достаточно, чтобы судить о томъ, имѣетъ ли славяно-балтійская система какую либо будущность въ нашей наукѣ *).

Одинъ очень почтенный историкъ, отдавая справедливость отрицательной сторонѣ изслѣдованій г. Гедеонова и не соглашаясь съ его положительной стороной, прибавилъ: „то-же должно сказать объ изслѣдованіяхъ г. Иловайскаго“. Я не совсѣмъ понимаю это тождество, такъ какъ моя положительная сторона сама собою вытекаетъ изъ отрицательной. Я доказываю, что Русь не была пришлымъ и неславянскимъ народомъ; а если такъ, то отсюда ясно слѣдуетъ, что она была народомъ туземнымъ и славянскимъ. Слѣдовательно, никакой искусственной, придуманной теоріи я не создаю, а просто произвожу критическую ампутацію того легендарнаго нароста, который усѣлся на самомъ корнѣ русской историографіи. Поднимать при этомъ вопросъ о достовѣрности лѣтописи вообще, по моему мнѣнію, значитъ уклоняться

*) Къ той же системѣ примыкаетъ и теорія г. Забѣлина, какою она является въ первой части его „Исторіи русской жизни“. М. 1876 г. До половины IX вѣка онъ для исторіи южной Руси держится Роксаланской теоріи; но около этого времени сворачиваетъ на легенду о призваніи князей, которыхъ ведетъ съ Славяно-Балтійскаго поморья. Въ призваніи, по его мнѣнію, участвовали съ Новгородцами и Кіевляне (437 стр.). Приложенная къ его труду карта Помераніи XVII в., сама по себѣ любопытная, ничего не доказываетъ, по отношенію къ данной системѣ.

отъ вопроса прямаго. Никто этой достовѣрности въ настоящее время не отвергаетъ; дѣло идетъ только о нѣкоторыхъ проникшихъ въ лѣтопись легендахъ, которыя ничѣмъ не подтверждаются. Мы только сейчасъ указали, что сами ученые, отстаивающіе басню о призваніи Варяговъ-Руси, принуждены отступать отъ нея въ нѣкоторыхъ существенныхъ ея чертахъ. Точно также упомянутый выше достоуважаемый историкъ по отношенію къ данному вопросу принадлежитъ къ той группѣ норманистовъ, которые признаютъ, что Русь уже существовала на югѣ Россіи до такъ называемаго призванія Варяговъ, но какимъ-то образомъ думаютъ примирить этотъ фактъ съ баснею о призваніи. Такое примиреніе, конечно, уничтожится само собою, какъ скоро отъ возраженій отрывочныхъ и частныхъ они перейдутъ къ систематическому, научному построенію своей средней теоріи. Идя логическимъ путемъ отъ того положенія, что Русь несомнѣнно существовала у насъ до второй половины IX вѣка, они неизбѣжно придутъ къ Роксоланамъ. Приведу примѣръ ихъ отрывочныхъ возраженій. „Можно ли предположить, что сыновья Ярослава, *правнуки* Рюрикова *внука*, забыли о своемъ происхожденіи?“ Отвѣчаю: очень и очень возможно. Притомъ, „повѣсть временныхъ лѣтъ“ написана даже не при сыновьяхъ Ярослава, а при его внукахъ, спустя 250 лѣтъ послѣ мнимаго призванія князей. („Исторія Россіи“ Соловьева. Т. I. Изд. пятое. Примѣч. 150).

Кстати, пользуюсь случаемъ сказать нѣсколько словъ по поводу рецензіи на мои двѣ книги многоуважаемаго Н. И. Костомарова (см. „Рус. Стар“. 1877, № 1), собственно по поводу его замѣчаній на „Розысканія о началѣ Руси“. Онъ, повидимому, сомнѣвается относительно филологическаго тождества Роксаланъ и Руси. Но это тождество мы считаемъ несомнѣннымъ; слова Рось и Алане, сложенныя вмѣстѣ, у греко-латинскихъ писателей никакого другаго имени (книжнаго) не могли и произвести—какъ Роксалане. Нѣкоторые изъ этихъ писателей причисляютъ ихъ къ Сарматамъ; но, что подъ именемъ Сарматовъ тогда скрывались и Славянскіе народы, въ томъ также едва ли нынѣ можетъ быть какое сомнѣніе. Тождество самой страны, въ которой являются и Роксалане и Русь, не допускаетъ предположенія, чтобы въ ихъ именахъ могло быть только случайное созвучіе. Что касается до моихъ филологическихъ доказательствъ, особенно по поводу русскихъ и болгарскихъ именъ, то вообще мои оппоненты, сколько

я замѣтилъ, не обращаютъ вниманія на самое главное. Объясненія мои въ большинствѣ случаевъ только примѣрныя; о чемъ ясно и неоднократно сказано въ моей книгѣ. Только за нѣкоторые свои филологическіе выводы я стою рѣшительно; они тоже указаны, и никто ихъ пока не опровергъ. Я постоянно повторяю, что въ настоящее время не признаю за филологіей возможности объяснить удовлетворительно даже и сколько нибудь значительной части древне-русскихъ и древне-болгарскихъ именъ. Пріемы, употребленные ею до сихъ поръ, вертѣлись или на созвучіи, или на родствѣ корней, или на общности нѣкоторыхъ именъ у славянскихъ и германскихъ народовъ. Обращу вниманіе при этомъ на слѣдующее обстоятельство. Объяснялись славянскія имена изъ скандинавскихъ языковъ, или изъ финскихъ, или изъ татарскихъ; русскіе ученые обыкновенно молчали и не находили даже ничего страннаго въ такихъ объясненіяхъ. Но это происходило главнымъ образомъ отъ незнакомства съ упомянутыми языками, и вопіющія словопроизводства казались прежде строго-филологическими объясненіями. Мои же попытки обзываются натяжками, произволомъ и т. п., хотя я и не думалъ въ этомъ случаѣ давать положительныя словопроизводства, а только указываю на возможность иныхъ объясненій и допускаю къ нимъ безконечныя поправки. Но тутъ ясно выступаетъ на сцену не разъ указанная мною привычка русскихъ ученыхъ отвергать принадлежность славянскому языку тѣхъ словъ, которыя съ перваго же взгляда не поддаются объясненію изъ этого языка. Между тѣмъ, я постоянно твердилъ и повторяю, что къ личнымъ и географическимъ именамъ, особенно древнимъ, невозможно такъ относиться; что всякія ихъ объясненія—только гадательныя, при настоящихъ пріемахъ и средствахъ науки. Укажу и на примѣръ г. Гедеонова. Въ его книгѣ многія древне-русскія имена объясняются съ помощью славянскихъ нарѣчій, и при всей ученой обстановкѣ этихъ объясненій, только часть ихъ имѣетъ нѣкоторую степень вѣроятности; а положительно они не могутъ быть доказаны. Говорилъ я также не разъ, что не только древнія имена, въ которыхъ могли быть искаженія, заимствованія, наслоенія, но и самыя употребительныя наши слова не могутъ быть объяснены изъ одного славянскаго языка, а только съ помощью другихъ арійскихъ вѣтвей, да и то объяснены приблизительно и отнюдь не окончательно; напримѣръ: Богъ, Днѣпръ, конь, туръ, бояринъ, соколъ и пр. и пр. Любопытно также, что не только ученые

люди на вѣру соглашались съ словопроизводствами, напримѣръ, древне-болгарскихъ именъ изъ татарскихъ или финскихъ языковъ, но и сами словопроизводители не знали этихъ языковъ. Въ подобномъ обстоятельствѣ мы должны, между прочимъ, упрекнуть и знаменитаго Шафарика. Имена Болгаръ Дунайскихъ и Камскихъ онъ собираетъ въ одну группу (что повторяетъ и мой рецензентъ); при чемъ и тѣ, которыя очевидно были занесены на Каму отъ Арабовъ вмѣстѣ съ исламомъ, пошли также въ доказательство не славянскаго происхожденія Болгаръ. Титулъ, котораго происхожденіе неизвѣстно, въ родѣ „Булій (т. е. велій) тарканъ“, который могъ быть и заимствованъ, также пошелъ въ число этихъ доказательствъ. Развѣ слово *эсаулъ* можетъ доказывать неславянство нашихъ казаковъ? Несовершенство филологической науки относительно этимологическихъ вопросовъ лучше всего обнаружилось въ томъ, что она не подозрѣвала широкораспространеннаго закона осмысленія, и часто принимала за коренное значеніе то, что было только позднѣйшимъ осмысленіемъ. Попросилъ бы я также выписать изъ Ипатьевской лѣтописи всѣ имена литовскихъ князей и попытаться хотя половину ихъ объяснить изъ одного литовскаго языка.

Славянство Болгаръ я не только не считаю сомнительнымъ, а, напротивъ, позволяю себѣ упрекнуть историковъ и филологовъ, когда они упускаютъ изъ виду одинъ изъ самыхъ крупныхъ историческихъ законовъ. Говорю о трудности и медленности, съ которыми сопряжено перерожденіе одного народа въ другой. Исторія намъ представляетъ, наоборотъ, живучесть народностей и ихъ языковъ. А такихъ примѣровъ, чтобы сильный народъ завоевателей легко, скоро и радикально обратился въ народность совершенно ему чуждую, имъ покоренную и очевидно сравнительно съ нимъ слабую, такихъ примѣровъ не только не было, они и немыслимы. Приведенныя противъ меня аналогіи, каковы балтійскіе Славяне, Мордва и Литва, не опровергаютъ этого закона, а вполнѣ его подтверждаютъ; при всемъ подчиненномъ положеніи своемъ, сколько вѣковъ сохраняли они свою народность, а частію сохраняютъ ее и доселѣ, когда пріемы ассимилизаціи сравнительно съ средними вѣками значительно усовершенствовались (школа, церковь, администрація, судопроизводство и т. п.)! Исторія не знаетъ Болгаръ другимъ, неславянскимъ народомъ. Толки о ихъ неславянствѣ основаны главнымъ образомъ на запутанномъ употребленіи имени Гунновъ въ источни-

кахъ. Какому народу принадлежало это имя первоначально, пока оставляемъ вопросомъ. Я не имѣлъ въ своемъ распоряженіи столько времени, чтобы пересмотрѣть его спеціально, систематически, всесторонне, и потому оставилъ его открытымъ, указавъ однако на вѣроятность его рѣшенія въ пользу тѣхъ же Славяно-Болгаръ. Но чтобы поселившіеся на Дунаѣ Болгаре были турецкая или финская орда, быстро превратившаяся въ Славянъ, это я считаю мнѣніемъ предвзятымъ, ненаучнымъ, антиисторическимъ. Понятно, что за неимѣніемъ прочныхъ основъ, оно пробавляется нѣкоторыми трудно объяснимыми именами или нѣсколькими фразами неизвѣстнаго происхожденія и неизвѣстно откуда попавшими въ одинъ болгарскій хронографъ, котораго время и мѣсто составленія также неизвѣстно. Любопытно и то, что противники славянскаго происхожденія обращаются съ своими соображеніями то къ Финнамъ, то къ Татарамъ, какъ будто это одно и тоже! Эти противники даже не потрудились задать себѣ самый простой вопросъ. До основанія Болгарскаго царства на Балканскомъ полуостровѣ мы знаемъ Славянъ только Сербской вѣтви. Стало быть, пришлые Болгаре должны были бы усвоить себѣ сербскій языкъ или произвести языкъ смѣшанный, въ родѣ романскихъ. А вмѣсто того мы видимъ, что, на ряду съ сербскимъ, является другой такой же чистый славянскій языкъ, распространившійся отъ Нижняго Дуная и Чернаго моря до Архипелага. Скажите пожалуйста, откуда взялся этотъ цѣльный, богатый и гибкій славяно-болгарскій языкъ, если Болгаре были не Славяне? Противники могутъ спорить сколько имъ угодно; но они никогда не опровергнутъ непреложныхъ историческихъ законовъ и историческихъ фактовъ. Говорю все это къ слову, и только по поводу упомянутой рецензіи, а никакъ не въ видѣ препирательства съ ея достойнымъ авторомъ, который, сколько я могъ замѣтить, въ сущности, ставитъ вопросы, но не принимаетъ рѣшительно ни той, ни другой стороны *).

---

*) Заговоривъ о рецензіи Н. И. Костомарова, приведу и еще одно его возраженіе, по поводу другой, не Славяно-Балтійской, теоріи. Ни съ чѣмъ несообразное мнѣніе о финскомъ происхожденіи Руссовъ время отъ времени находитъ тоже своихъ послѣдователей. Для любопытствующихъ укажу на теорію Волжско-Финской Руси г. Щеглова: „Новый опытъ изложенія первыхъ страницъ Русской исторіи“ (Спб. 1874) и „Первыя страницы Русской исторіи“ (въ Ж. М. Н. Пр. 1876. Апрѣль). Теорія эта несерьёзна, и если бы норманизму приходилось имѣть дѣло только съ подобными домыслами, то его господство было бы

Postscriptum. Послѣ того, какъ статья моя была написана, на дняхъ получилъ я первую книжку Historische Zeitschrift Зибеля за текущій годъ. Тамъ въ литературномъ обозрѣніи есть рецензія Альфреда фонъ Гутшмидъ на *Каспій*, извѣстное сочиненіе нашего академика Б. А. Дорна, снабженное дополненіями и примѣчаніями другаго, А. А. Куника. По поводу „варангомахіи" послѣдняго, рецензентъ не преминулъ замѣтить, что внѣ Россіи даже трудно понять, какимъ образомъ еще можетъ существовать вопросъ: были ли древніе Руссы и Варяги Норманами или Славянами? Русскіе историки, говоритъ онъ, дѣлятся на школы, нор-

---

безконечно. Въ послѣднее время достоуважаемый В. В. Стасовъ выступилъ съ статьей, въ которой пытается доказывать, что Руссы Ибнъ-Фадлана не есть Славянскій и вообще Арійскій народъ, а скорѣе должны быть признаны Финскимъ или Тюркскимъ народомъ. („Замѣтки о Русахъ Ибнъ-Фадлана и другихъ арабскихъ писателей". Ж. М. Н. П. Августъ. 1881 г.). Доказательства его основаны на разныхъ этнографическихъ соображеніяхъ, въ высшей степени натянутыхъ и гадательныхъ. Тѣмъ не менѣе Н. И. Костомаровъ принялъ сторону этого мнѣнія, и въ подтвержденіе его выставилъ, приводимое еще г. Щегловымъ, извѣстное мѣсто русской лѣтописи подъ 1229 г.: „побѣди Пургаса Пурешовъ сынъ съ Половци и изби Мордву всю и Русь Пургасову". Г. Костомаровъ думаетъ, что это не просто какая нибудь русская сбродная дружина, бывшая на службѣ у мордовскаго владѣтеля Пургаса; а что эта Русь есть цѣлый особый народъ Финскаго или Турецкаго племени. Онъ руководствуется тѣмъ соображеніемъ, что „въ данную эпоху только Кіевъ и прилегавшія къ нему земли назывались Русью", а что населеніе сѣверныхъ областей лѣтопись Русью не называетъ. Въ доказательство чего приводитъ рядъ цитатъ изъ лѣтописи. (Вѣстникъ Европы. 1881. Декабрь). Ни съ чѣмъ несообразно было бы предположить, что лѣтопись наша знала о существованіи какого то особаго финскаго народа Русь и проговорилась о немъ только одинъ разъ, мимоходомъ. При томъ если бы эта Русь была Финское племя, надъ которымъ княжилъ Пургасъ, то къ чему же рядомъ съ нимъ отдѣльно упоминается Мордва? Но тутъ же въ лѣтописи Пургасова волость названа не русскою, а мордовскою. Самый же важный недосмотръ достоуважаемаго Н. И. Костомарова заключается въ томъ, что онъ не обратилъ вниманіе на извѣстіе той же лѣтописи, занесенное подъ тѣмъ же годомъ, нѣсколькими строками ниже, по поводу мученической смерти Авраамія въ Болгарахъ. „Се бысть иного языка, не Русскаго, хрестьянъ же сы" „Его же Русь хрестьяне вземше тѣло положиша въ гробѣ, иде же всѣ хрестьяне лежать". Вотъ эта славянская Русь, торговавшая въ Великихъ Болгарахъ, равно опровергаетъ домыселъ и В. В. Стасова, и Н. И. Костомарова. Въ первой половинѣ XIII вѣка она точно также является тамъ торговымъ людомъ, гостями, какъ и въ первой половинѣ X вѣка, при Ибнъ Фадланѣ; только теперь она не языческая, а христіанская. Тоже мѣсто лѣтописи поясняетъ, что Кіевское населеніе называлось по преимуществу Русью въ сравненіи съ другими русскими областями; а въ сравненіи съ инородцами и сѣверное населеніе также называлось Русью, Русскимъ языкомъ. Позд. прим.

манскую и антинорманскую; а г. Куникъ въ „Каспіѣ“ вновь даетъ „научно единственно возможное рѣшеніе вопроса въ норманскомъ смыслѣ“. Между прочимъ, рецензентъ указываетъ на трактатъ г. Куника о *русыхъ хеландіяхъ*, и прибавляетъ, что эти хеландіи „однимъ изъ корифеевъ антинорманской школы, г. Иловайскимъ, были выставлены какъ рѣшительный историческій фактъ“ въ свою пользу.

Во-первыхъ, какъ извѣстно, антинорманисты не составляютъ одной школы, утверждающей, что Русь и Варяги были Славянами. Всего менѣе можетъ относиться такое положеніе ко мнѣ, хотя я и названъ однимъ изъ корифеевъ этой школы. Варяговъ я отнюдь не считаю Славянами. Во-вторыхъ, уже годъ тому назадъ я заявилъ свое согласіе съ доказательствами г. Куника, что пресловутыя хеландіи надобно понимать въ смыслѣ *красныхъ*, а не русскихъ. Притомъ я не только никогда не выдвигалъ ихъ впередъ какъ рѣшающій историческій фактъ, а, напротивъ, совсѣмъ не помѣстилъ ихъ въ число своихъ 30-ти пунктовъ. Вообще рецензентъ, по всѣмъ признакамъ, незнакомъ съ настоящимъ положеніемъ вопроса; а между тѣмъ говоритъ о немъ самымъ положительнымъ тономъ, беретъ подъ свою защиту якобы униженнаго Нестора и грозитъ какою-то Немезидой *дурно понятому патріотизму*, дерзнувшему „отстаивать чисто славянское происхожденіе Русскаго государства“.

Подобныя статьи невольно возбуждаютъ вопросъ: отъ чего это Нѣмцамъ такъ непріятна мысль о чисто славянскомъ происхожденіи Русскаго государства и съ какой стороны рельефнѣе выступаетъ дурно понятый патріотизмъ, проникшій въ область науки?

II.

Къ вопросу о Болгарахъ *).

Въ 1874 году впервые было напечатано мое изслѣдованіе „О славянскомъ происхожденіи Дунайскихъ Болгаръ“. Какъ и можно было ожидать, изслѣдованіе это, идущее въ разрѣзъ съ накопившимися воззрѣніями на Славянъ, многими было встрѣчено непріязненно. Мнѣніе о вялости, пассивности и неспособности славянъ

*). Изъ журнала Русская Старина. 1879. Май. Отвѣтъ гг. Макушеву и Кунику.

къ созданію государственнаго быта, пущенное въ ходъ и своими, и чужими авторитетами, и поддержанное нашею модною наклонностью къ самоотрицанію, до того укоренилось, что, напримѣръ, даже люди, спеціально занимающіеся славянствомъ, иногда оказываются нежелающими самостоятельно, критически отнестись къ этому мнѣнію, провѣрить его по источникамъ и фактамъ. Пока дѣло ограничивалось голословнымъ отрицаніемъ, и никто не бралъ на себя труда выступить противъ меня съ критическими и фактическими опроверженіями, то и я не имѣлъ случаевъ подтвердить свои выводы. Только въ послѣднее время начали представляться подобные случаи, которыми и полагаю воспользоваться въ настоящей своей замѣткѣ.

Извѣстный спеціалистъ по славянству, профессоръ Варшавскаго университета г. *Макушевъ*, въ своей критикѣ „Исторіи Болгаръ“ Иречка, коснулся и моего изслѣдованія объ ихъ происхожденіи (Ж. М. Нар. Пр. 1878 г. Апрѣль). Этому основному въ исторіи Болгаръ вопросу онъ посвятилъ немного вниманія, всего около пяти страницъ; но и тутъ успѣлъ высказать довольно много погрѣшностей фактическихъ и критическихъ. Кому, сколько нибудь знакомому съ даннымъ вопросомъ, неизвѣстно, что главнымъ основаніемъ для Шафарика и другихъ считать Болгаръ не славянами послужила ихъ связь съ Гуннами. Въ моемъ изслѣдованіи указано на это основаніе, и приведены самые источники, гдѣ болгарскіе народы причисляются къ Гуннамъ. Г. Макушевъ замѣчаетъ, что „это положительно невѣрно“, т. е. что такого основанія не было. И затѣмъ приводитъ изъ Шафарика цитату, меня подтверждающую, прибавляя, что Шафарикъ „говоритъ не объ имени, а о родствѣ Болгаръ съ Гуннами“. Да родство-то это на чемъ же онъ основывалъ, если не на томъ, что Болгары у нѣкоторыхъ писателей называются Гуннами? Дѣло въ томъ, что я въ своемъ изслѣдованіи старался выдѣлить Болгаръ изъ общей массы тѣхъ народовъ, на которые распространялось имя Гунновъ; вопросъ о гуннахъ Аттилы считаю пока открытымъ; „но каково бы ни было его рѣшеніе, болгаре во всякомъ случаѣ останутся чистыми славянами“ (Розыск. о нач. Руси, 410. Перв. изд.). Слѣдовательно, какъ же можно было утверждать, что названіе Болгаръ Гуннами не послужило главнымъ основаніемъ для теоріи Шафарика и другихъ о финскомъ, или угорскомъ происхожденіи Болгаръ.

Далѣе г. Макушевъ говоритъ, что „арабскіе писатели строго

отличаютъ Болгаръ отъ славянъ и Руси и сближаютъ ихъ съ Хазарами". Опять не понимаемъ, какъ можно говорить подобную неправду, вопреки самымъ положительнымъ свидѣтельствамъ. А главнѣйшія свидѣтельства мною указаны. Въ дѣйствительности, арабскіе писатели не только не различаютъ *строго*, а напротивъ, смѣшиваютъ Болгаръ съ славянами, и сами Камскіе болгаре считали себя народомъ смѣшаннымъ изъ турокъ и славянъ. Такимъ смѣшаннымъ народомъ я ихъ и признаю. О моихъ филологическихъ доказательствахъ г. Макушевъ выражается кратко, что онѣ „несостоятельны и произвольны". По его словамъ выходитъ, будто я положительно объясняю *Куврата* коловратомъ, *Батбая* батюшкой и т. д.; а между тѣмъ, я предлагаю только примѣрныя сближенія. Какія изъ нихъ окажутся удачны, какія неудачны, пусть рѣшитъ безпристрастная филологическая наука; можетъ быть, нѣкоторыя она приметъ къ свѣдѣнію. Но пока никто не далъ ровно никакихъ объясненій для этихъ именъ; мы встрѣчаемъ только голое заявленіе, что онѣ якобы не славянскіе и не могутъ быть славянскими. Возьмемъ хоть имя *Кормисошъ*. Спрашиваю: „почему бы оно не могло быть славянскимъ? почему, напримѣръ, оно не можетъ быть одного корня съ словами *кормило* и *кормчій*, или *кормъ* и *кормилецъ*? Въ самомъ дѣлѣ, пусть г. Макушевъ по всѣмъ правиламъ филологическаго искусства попытается доказать, что этого не можетъ быть на основаніи такихъ-то и такихъ-то лингвистическихъ законовъ. Голословно-то отрицать можетъ всякій; для этого не нужно быть ученымъ специалистомъ.

Любопытны также разсужденія г. Макушева объ этнографическихъ чертахъ, которыя будто-бы ясно какъ день доказываютъ неславянство болгаръ. Правда отъ нѣкоторыхъ изъ этихъ чертъ, сгруппированныхъ Шафарикомъ, онъ уже отказывается (клятва на обнаженномъ мечѣ, употребленіе человѣческихъ череповъ вмѣсто чашъ, и проч.); но все еще рѣшительно стоитъ за другія, которыя, по его словамъ, „противорѣчатъ положительнымъ нашимъ свѣдѣніямъ о бытѣ, нравахъ и обычаяхъ не только славянъ, но и родственныхъ (т. е. арійскихъ) народовъ". Въ числѣ этихъ ужасныхъ, туранскихъ чертъ, все еще находятся—конскій хвостъ вмѣсто знамени, тюрбаны на головахъ, сидѣніе поджавъ ноги и проч. Замѣчательны эти тюрбаны или чалмы, которыми толкуются слова источника ligatura lintei (буквально: полотняная повязка). Во-первыхъ — почему это непремѣнно означаетъ ничто другое,

какъ чалму? А во-вторыхъ—откуда г. Макушевъ почерпнулъ такое свѣдѣніе, что чалма есть признакъ финской народности? (Онъ считаетъ болгаръ финнами вслѣдъ за Шафарикомъ). Изъ источника видно, что новообращенные Болгаре, входя въ церковь, не снимали свой обычный головной уборъ. Въ глазахъ Шафарика это былъ явный признакъ неславянства; для его времени оно и неудивительно. Но г. Макушеву, заявляющему притязанія на „положительныя свѣдѣнія о бытѣ“ славянъ, должно бы быть извѣстно, что, напримѣръ, русскіе князья еще въ концѣ XI вѣка слушали богослуженіе въ храмѣ, не снимая клобуковъ. Для Шафарика и „принятіе святыни распоясавшись“ было признакомъ неславянства. А между тѣмъ, митрополитъ Кипріанъ еще въ 1395 году въ своемъ посланіи псковскому духовенству поручаетъ, чтобы мужчины, приступая къ святому причастію, *припоясывали* свои шубы и опашни (Ак. Ист., I, 18). Или, что это за доказательство туранскаго происхожденія, если на знаменахъ болгаръ-язычниковъ (или выходящихъ только изъ язычества) развивался конскій хвостъ? Откуда мой противникъ почерпнулъ убѣжденіе, что такое знамя могли употреблять только финны (прибавимъ и турки)? Извѣстно-ли ему, что монголо-татарскіе ханы на главныхъ своихъ знаменахъ, предпочтительно передъ конскими, употребляли хвосты яковъ, т. е. буйволовъ.

Мы не обвиняемъ г. Макушева въ недостаткѣ свѣдѣній. Его труды по нѣкоторымъ отдѣламъ славянскихъ древностей извѣстны и весьма почтенны. А всего знать невозможно. Мы хотимъ только сказать, что не слѣдуетъ такъ поверхностно относиться къ одному изъ важныхъ вопросовъ, входящихъ въ кругъ его спеціальности. Чтобы высказывать свой рѣшительный приговоръ надъ моимъ изслѣдованіемъ, надобно было подкрѣпить этотъ приговоръ какими либо дѣйствительно научными доводами.

Г. Макушевъ говоритъ, что ученіе Шафарика о финскомъ происхожденіи болгаръ было *развито* Гильфердингомъ и Дриновымъ. Кто справится съ трудами этихъ уважаемыхъ славистовъ, найдетъ тамъ простое послѣдованіе за мнѣніемъ Шафарика, а не какое-либо научное развитіе этого мнѣнія. Въ томъ-то и дѣло, что не подвергая его всестороннему критическому анализу, они сдѣлали его исходнымъ пунктомъ для своихъ трудовъ относительно Болгаръ. Возьмемъ главное сочиненіе *Дринова*, „Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами“, сочиненіе, исполненное эрудиціи и многихъ дѣльныхъ сужденій. Онъ доказалъ, что переселенія Сла-

вянъ на полуостровъ начались съ конца II вѣка по Р. Х. и потомъ все усиливались, такъ что въ VII вѣкѣ славянское населеніе является уже сплошною массою. Съ сѣвера, изъ Панноніи и отъ Карпатъ, перешли сюда племена сербо-хорвато-словинской вѣтви. *Дриновъ* основательно отвергаетъ разсказъ Константина Багрянороднаго о переселеніи всего сербскаго племени за Дунай и Саву только въ VII вѣкѣ, во времена императора Ираклія, и вообще западная, т. е. Сербская часть полуострова выяснена у него удовлетворительно. Но нельзя того-же сказать о восточной, т. е. Болгарской части. Перечисляя имена славянскихъ народцевъ, здѣсь поселившихся, онъ совсѣмъ не обратилъ вниманія на самихъ Болгаръ; хотя и приводитъ извѣстія, которыя указываютъ на ихъ движенія за Дунай, подъ этимъ именемъ, уже въ V вѣкѣ. Говоря о *берзитахъ, смолянахъ, сагудатахъ, драговичахъ* и пр., онъ какъ бы не подозрѣваетъ той простой истины, что это только части все того-же Болгарскаго племени. Называя разсказъ византійцевъ о приходѣ Аспаруха (собст. Аспариха) съ Болгарами въ 678 г. *баснословнымъ*, онъ все-таки слѣдуетъ этому расказу и вѣритъ въ необычайно быстрое основаніе и распространеніе Болгарскаго государства. Указывая въ славяно-болгарскомъ языкѣ слѣды разныхъ стихій, какъ-то: древнихъ обитателей (Ѳракійскаго семейства), римлянъ, грековъ, германцевъ, сербовъ, румынъ, онъ совсѣмъ упустилъ изъ виду самый естественный вопросъ: какъ-же это болгары, господствуя надъ славянами и потомъ сливаясь съ ними, не внесли никакого финскаго элемента въ языкъ покоренныхъ, будучи сами финнами? *). При такой теоріи нельзя понять, откуда-же на Балканскомъ полуостровѣ явились именно два славянскихъ языка, сербскій и болгарскій. Какъ и всякій другой языкъ, болгарскій имѣетъ разныя мѣстныя нарѣчія; но все-таки самъ то онъ откуда-бы взялся, еслибы неславянскіе болгары покорили разныя племена славянъ, пришедшіе на Бал-

*) Это обстоятельство, т. е. неестественное, удивительное превращеніе Болгаръ завоевателей въ завоеванныхъ славянъ всегда ставило въ затрудненіе послѣдователей финской или тюркской теоріи, и, Боже, къ какимъ натяжкамъ не прибѣгаютъ они, чтобы обойти непріятное обстоятельство! Въ числѣ доказательствъ неславянства болгаръ, напримѣръ, не послѣднюю роль играютъ ихъ дикіе, неукротимые нравы; а когда зайдетъ рѣчь о превращеніи въ славянъ, придумываются чрезвычайная малочисленность, кротость и необыкновенное благодушіе болгаръ, преклонившихся предъ высшею расою; и свирѣпые завоеватели вдругъ изображаются народомъ смирнымъ, невоинственнымъ.

канскій полуостровъ въ разное время и съ разныхъ сторонъ? Замѣчателенъ также слѣдующій фактъ. Г. *Дриновъ* приводитъ разныя свидѣтельства о народѣ *Уругундахъ* или *Бургугндіяхъ*, которые уже въ III вѣкѣ жили около Дуная и Карпатъ, дѣлали вторженіе въ имперію и были во враждѣ съ готами. Онъ дѣльно доказываетъ, что этотъ народъ принадлежалъ къ славянамъ, и что его не слѣдуетъ смѣшивать съ нѣмецкими Бургундами. Тѣ же Буругундіи или *Буругунды* являются далѣе у писателя VI вѣка Агаѳія; Шафарикъ считаетъ ихъ частью болгарскаго народа, что несомнѣнно вытекаетъ изъ источниковъ. Но г. Дриновъ отвергаетъ въ этомъ случаѣ мнѣніе Тунмана и Шафарика. На какомъ же основаніи? Да въ такомъ случаѣ,—говоритъ онъ—„само собой рушилось-бы ученіе объ угорской, или, какъ выражается Шафарикъ, чудской народности Болгаръ“ (Чт. Об. И. и Др. 1872, кн. 4).

Надѣюсь, читателю ясно, что г. *Дриновъ*, будучи самъ болгариномъ, обнаружилъ слишкомъ мало самостоятельности и безпристрастія въ своемъ изслѣдованіи по отношенію именно къ Болгарамъ. Собственныя изысканія наводили его на истину; а онъ постоянно уклонялся отъ нея въ сторону, чтобы какъ-нибудь не измѣнить ученію Шафарика о чудскомъ происхожденіи Болгаръ!

Обращаясь къ сочиненіямъ покойнаго *Гильфердинга*, мы также найдемъ только бездоказательное повтореніе того-же ученія. (Эта частность, конечно, ничего не значитъ въ сравненіи съ его заслугами славянству). Единственную прибавку къ доказательствамъ Шафарика онъ сдѣлалъ по поводу „Росписи болгарскихъ князей“, изданной въ 1866 г. А. А. Поповымъ въ его „Обзорѣ хронографовъ“. Тамъ при каждомъ имени князя находятся какія-то непонятныя фразы. *Гильфердингъ* взялъ мадьярскій лексиконъ, да и разъяснилъ эти фразы. А выводъ, конечно, вышелъ такой, что тутъ мы имѣемъ передъ собой остатки того финскаго языка, которымъ говорили болгаре до своего слiянія съ славянами. Казалось-бы, чего проще было вмѣсто мадьярскаго лексикона обратиться въ данномъ случаѣ къ финнологамъ; ихъ же въ Петербургѣ довольно. Я съ своей стороны обращался къ покойному профессору Московскаго университета Петрову, извѣстному оріенталисту. Онъ нѣсколько былъ знакомъ съ мадьярскимъ языкомъ, но въ данныхъ фразахъ не могъ добиться никакого смысла. Показывалъ я ихъ одному образованному финляндцу и спрашивалъ его, напоминаютъ-ли эти фразы ему сколько-нибудь родной языкъ. Онъ отвѣчалъ, что онѣ ему совершенно чужды. Впрочемъ, мои

справки оказались излишни. Опроверженіе чудской теоріи по поводу этихъ фразъ въ настоящее время является съ другой стороны: со стороны тюркской теоріи достоуважаемаго *А. А. Куника.*

Новѣйшія разысканія г. Куника явились въ приложеніи къ XXXII тому Записокъ Академіи Наукъ, носящему заглавіе: „Извѣстія ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и Славянахъ". Отрывки изъ этихъ извѣстій помѣщены здѣсь съ переводомъ на русскій языкъ барона Розена. Самую существенную часть ихъ составляетъ неизданная доселѣ записка еврея Ибрагима Ибнъ-Якуба, жившаго въ X вѣкѣ. Эта записка, между прочимъ, изображаетъ Дунайскихъ болгаръ славянами. Но подобное обстоятельство нисколько не смущаетъ нашего изыскателя: вѣдь болгаре къ X вѣку успѣли радикально превратиться въ славянъ! Мы обратимъ вниманіе собственно на помѣщенныя затѣмъ, независимо отъ ал-Бекри, два „*Разысканія*", А. А. Куника: 1) о родствѣ Болгаръ съ Чувашами, и 2) о тождествѣ Руси съ Норманнами. Въ настоящей статьѣ будемъ говорить только о первомъ „Разысканіи", предоставляя себѣ ко второму обратиться впослѣдствіи.

Пріемы, употребляемые А. А. Куникомъ въ данномъ вопросѣ, настолько любопытны, что я позволю себѣ спеціально на нихъ указать. Достоуважаемый академикъ обвиняетъ Шафарика въ томъ, что „онъ внесъ въ этотъ вопросъ неисправимую путаницу, назвавъ болгаръ уралофинскимъ народомъ" (123); говоритъ, что поборники финскаго происхожденія не представили ровно никакихъ доказательствъ въ пользу своего мнѣнія о болгарахъ (124), и что вопросъ о гуннахъ и Аттилѣ также напрасно рѣшенъ въ мадьярскомъ смыслѣ (149). Противъ такихъ положеній мы, конечно, возражать не будемъ. Но читатель тщетно будетъ искать въ данномъ „Разысканіи": на чемъ же основалось мнѣніе самого автора о болгарахъ-туркахъ? Передъ нами часто мелькаютъ выраженія, въ родѣ слѣдующихъ; „болгары, какъ народъ тюркской расы, несомнѣнно переселились въ Европу съ Алтая" (147); „будучи тюркскимъ коннымъ народомъ, болгары не могли посѣять никакихъ сѣмянъ цивилизаціи среди подвластныхъ имъ славянъ" (150). А между тѣмъ тщетно вы будете искать указаній на то, какіе источники называютъ ихъ турками или говорятъ объ ихъ пришествіи съ Алтая. Напротивъ, Моисей Хоренскій, писатель V вѣка, повѣствуетъ о вторженіи болгаръ съ высотъ Кавказа въ Арменію, около 120 г. до Р. Х., и прибавляетъ, что

мѣстность, гдѣ они поселились, получила названіе *Ванандъ*. Послѣднее названіе естественно нѣкоторые отожествляли съ вендами и съ антами. Противъ всего этого сильно возстаетъ почтенный академикъ. И названіе *венды* будто только употреблялось скандинавами, финнами и готами, и *анты* будто бы въ дѣйствительности были не славяне, а только „династы азіатскаго происхожденія". И чтенія-то названій всѣ *извращенныя*. Наконецъ, и самаго-то Моисея Хоренскаго, Гутшмидъ уже „сдвинулъ какъ историка съ пьедестала" (147—8). Правда, есть еще извѣстіе одной греческой хроники III вѣка по Р. Х., въ которой болгаре также пріурочиваются къ Понту или Кавказу: Ziezi ex quo Vulgares. Но такая замѣтка „весьма можетъ быть приписана впослѣдствіи" (148). Что сказать о подобныхъ академическихъ пріемахъ, съ помощью которыхъ устраняются всѣ историческіе источники, противорѣчащіе излюбленной теоріи?

На прямыхъ историческихъ свидѣтельствахъ невозможно основать тюркскую теорію. Но для этого существуетъ сравнительная лингвистика, кстати, наука еще очень молодая, едва намѣтившая общія основы и въ частностяхъ своихъ представляющая пока великій просторъ спорнымъ мнѣніямъ и теоріямъ, особенно, когда рѣчь заходитъ о славянахъ. Тутъ камнемъ преткновенія являются имена, взятыя изъ эпохи языческой. Ихъ можно объяснять изъ какого - угодно языка; имена Руси и Болгаръ наглядный тому примѣръ. Только не пытайтесь, хотя бы примѣрно, сближать ихъ съ славянскимъ языкомъ; на это уже заранѣе вопіютъ, что всякая подобная попытка въ высшей степени ненаучна!

Вотъ образцы тюркскихъ объясненій А. А. Куника для болгарскихъ именъ въ помянутой росписи князей. Сообщаемъ суть этихъ объясненій:

Авитохолъ. „*Вѣроятно*, не точно передано переводчикомъ Именика на славянскій языкъ". Слѣдуетъ ли читать Абитохолъ,—рѣшитъ, *вѣроятно*, современемъ древне-тюркская ономатологія".

Ирникъ. „*Вѣроятно*, въ греческомъ текстѣ тутъ была буква *эта* (Н). Напоминаетъ Эрнàха одного изъ сыновей *Аттилы*". (Припомните, что вопросъ о народности Аттилы и гунновъ г. Куникъ пока еще не рѣшаетъ).

Гостунъ. „Конечно, звучитъ совершенно по-славянски; но вѣдь можно и тюркскому имени, извративъ его, придать славянскую форму". „Очень можетъ быть, что форма Гостунъ принадлежала къ числу заимствованныхъ тюрками прежнихъ словъ".

Безмѣръ. „Звучитъ опять совершенно по-славянски; но невозможно въ древнихъ памятникахъ указать другое подобное имя“. „Едва ли мы ошибемся, предположивъ, что въ греческомъ оригиналѣ вмѣсто него стояло *Базіанъ*„. (Я думаю, что ошибемся).

Эсперихъ. „Иранская форма его легко можетъ быть объяснена“—сосѣдствомъ Аланъ.

Имена—*Куртъ, Тервелъ, Северъ, Кормисошъ, Телецъ, Уморъ*—остаются безъ филологическихъ объясненій, хотя о каждомъ изъ нихъ что-то такое говорится. Читатель, конечно, съ удивленіемъ спроситъ: да гдѣ же тутъ хотя тѣнь доказательства тюркскому значенію болгарскихъ именъ, приведенныхъ въ росписи? Въ числѣ болгарскихъ бояръ дѣйствительно могли встрѣтиться люди восточнаго, инородческаго происхожденія, какъ это было и у русскихъ. Но отсюда еще не вижу необходимости, напримѣръ, имя *Сурсубулъ* или *Сурсувулъ* непремѣнно сближать съ турецкимъ *Дизавулъ.* У грековъ тоже были подобныя имена или прозвища, напримѣръ *Тразибулъ*; византійское *хризовулъ* или еврейское *вельзевулъ* развѣ должны быть также татарскія слова? (кстати: что значитъ *Сунбулъ*, прозвище Ѳедора Ивановича, родоначальника старой рязанской фамиліи Сунбуловыхъ? Предки его вышли въ Россію не изъ половцевъ или татаръ, а изъ Литвы). А, главное, я напомню такія имена, которыя ближе всего имѣютъ отношеніе къ данному случаю, т. е. румынскія. Въ старо-болгарскихъ грамотахъ встрѣчаются имена: *Сурдулъ, Урсулъ, Владулъ, Драгулъ* и т. д. (см. Иречка „Исторію Болгаръ“. Глава XIII). Извѣстно, что въ составѣ древне-болгарскихъ царствъ Влашская или Румынская народность играла очень видную роль, и академикъ, забывающій о такомъ важномъ обстоятельствѣ, тѣмъ самымъ обнаруживаетъ несовсѣмъ безпристрастное отношеніе къ предмету своего ученаго „Разысканія“. (Судя по ссылкамъ онъ знакомъ съ сочиненіемъ Иречка; но очевидно, ищетъ тамъ только одного: подтвержденія своего мнѣнія о неславянскомъ происхожденіи Болгаръ).

Не болѣе убѣдительны для насъ разсужденія о титулахъ *каганъ* и *кавканъ*, которые весьма немного разъ упоминаются въ источникахъ по отношенію къ болгарамъ. Во-первыхъ, остается пока неизвѣстнымъ, какому именно языку первоначально принадлежали эти титулы. А во-вторыхъ, извѣстно, что и древне-русскіе князья тоже въ нѣкоторыхъ источникахъ называются каганами. Въ виду аварскаго и хазарскаго господства надъ припонтійскими славянами, заимствованіе этого титула весьма естественно. *Цесарь* или

царъ—тоже заимствованный славянами титулъ; однако онъ не служитъ доказательствомъ неславянскаго происхожденія. (И къ намъ отъ татаръ перешло слово *тарханъ*). Нѣкоторые сравнительные лингвисты увѣряютъ, будто и *князь* слово не славянское, а заимствованное. Слѣдовательно, два-три титула не могутъ еще служить филологическимъ основаніемъ при опредѣленіи народности *). А между тѣмъ г. Куникъ, чтобы окончательно отуречить болгаръ, постоянно именуетъ ихъ князей ханами, хотя нигдѣ источники такого титула имъ не приписываютъ. Впрочемъ онъ указываетъ нѣкоторое какъ бы основаніе тому, но весьма шаткое. Покойный *Даскаловъ* въ одной тырновской мечети, обращенной изъ христіанскаго храма, снялъ высѣченную на колоннѣ греческую надпись. Въ ней темно говорится о построеніи какого то дома и кургана, и упоминается Омортагъ (имя одного изъ болгарскихъ князей IX вѣка). Въ одномъ мѣстѣ стоитъ непонятное *Гіомомортагъ*, а въ другомъ—что то въ родѣ *омортагкани*. Даскаловъ добросовѣстно предупреждаетъ, что нѣтъ никакихъ указаній на то, кѣмъ и когда составлена эта надпись, что начала ея не видно, что она высѣчена неразборчиво и безграмотно и что слово *кани* не есть „*ханъ*". (Чт. Об. И. и Др. 1859, № 2). И, прибавимъ, нельзя разобрать, конецъ ли это предъидущей фразы или начало послѣдующей. Тщетныя предостереженія! Если не ошибаемся, Гильфердингъ первый установилъ положительное чтеніе: Омортагъ-ханъ, забывъ, что такого титула не было у Чуди, за которую онъ принималъ болгаръ (Соч., I, 41). Иречекъ повторилъ тоже чтеніе въ своей „Исторіи народа Болгарскаго". А г. Куникъ ссылается на Иречка безъ всякихъ оговорокъ (154); хотя ближе бы обратиться къ первымъ рукамъ, т. е. къ Даскалову. Но къ чему тутъ какой-нибудь критическій пріемъ? Другое дѣло, извѣстія источниковъ, подтверждающія арійское происхож-

---

*) Изъ византійскихъ историковъ извѣстно, что нѣкоторыя части Болгарскаго народа въ VI и VII вв. находились подъ игомъ Хазаръ и Аваръ. Слѣдовало обратить на это нѣкоторое вниманіе и сообразить, что подобное иго должно было оставить гораздо болѣе замѣтные слѣды, чѣмъ два-три титула. Двухсотлѣтнее владычество Татаръ оставило у насъ крупныя черты въ языкѣ, нравахъ и государственномъ бытѣ. Мало того, въ памятникахъ до-татарской эпохи уже встрѣчаются слова, объясняемыя изъ турецкихъ корней: ясно, что и самое сосѣдство Торковъ, Печенѣговъ и Половцевъ не прошло безслѣдно. Но вопросъ: существуютъ ли для моихъ противниковъ дѣйствительно историческія аналогіи?

деніе болгаръ; тамъ возможны самыя радикальныя, самыя произвольныя предположенія, чтобы ихъ устранить. Но кстати, болгары теперь сами господа въ Тырновѣ. Желательно было бы провѣрить надпись (если она еще существуетъ) и, прежде чѣмъ пользоваться ею, установить правильное ея чтеніе. При ближайшемъ разсмотрѣніи надписи не окажется ли это *кани* все тѣмъ же титуломъ каганъ или хаканъ? *).

Перейдемъ къ главному сравнительно - лингвистическому аргументу А. А. Куника, къ тѣмъ непонятнымъ фразамъ въ росписи князей, о которыхъ мы говорили выше. Припомнимъ, что Гильфердингъ истолковалъ ихъ такимъ образомъ: *диломъ твиремъ* значитъ „я исполненъ"; *шегоръ вечемъ*—„я есмь помощникъ" и т. д. Г. Куникъ, отвергая подобное толкованіе, предлагаетъ объяснять эти рѣченія въ смыслѣ числительномъ: онѣ означаютъ числа лѣтъ жизни или царствованія данныхъ князей. Въ числахъ этихъ онъ видитъ „поразительное сходство" съ тюркскими. Вотъ пріемъ объясненія, употребленный имъ въ данномъ случаѣ, по его же собственному расказу.

Задавшись мнѣніемъ о татарской народности болгаръ, достоуважаемый академикъ обратилъ свое вниманіе на чувашей, и усмотрѣлъ въ нихъ „если не остатки камскихъ болгаръ, то все же одну изъ тюркскихъ отраслей, къ которой принадлежали и жители Болгарскаго ханства въ среднемъ Поволжьѣ" (120). Послѣ открытія и изданія г. Поповымъ означенной росписи, г. Куникъ обратился къ извѣстному знатоку татарскихъ языковъ, *В. В. Радлову*, съ просьбою сравнить непонятныя рѣченія съ разными тюркскими числительными именами, и съ вопросомъ, не найдетъ ли онъ тутъ близкой связи съ чувашскимъ языкомъ. Г. Радловъ сравнилъ, и *нашелъ*. Желающихъ видѣть самый процессъ этого сравненія отсылаю къ данной монографіи (138 — 143). Главную роль тутъ играютъ предположенія объ ошибкахъ въ рукописи, *вѣроятно*, *кажется* и *если*. И вотъ результаты: *веч* росписи есть то же что чувашское *віссе дилом=пілік*, *чет=січча*, *шегор=саккыр*, *дохс=тукур* и т. д. Сходство, очевидно, неособенно поразительное. Надобно отдать справедливость В. В. Радлову: въ письмѣ своемъ онъ сознаетъ „всю неудовлетворительность" своихъ изысканій.

*) Любопытно, что у этого будто бы татарскаго хана извѣстны три сына съ такими именами: Нравота, Звиница и Маломіръ. Кажется, какихъ бы еще болѣе славянскихъ именъ!

А. А. Куникъ не усумнился однако приложить эти результаты къ росписи, и, такимъ образомъ, получилось любопытное ея разъясненіе. Одно только еще неудобопонятно: нѣкоторые князья или властвовали, или жили дольше, нежели жили (sic). Авитохолъ жилъ 300 лѣтъ, а жилъ *двадцать пять*. Ирникъ жилъ 108 лѣтъ, а лѣтъ ему было *двадцать пять*. Куртъ властвовалъ 60 лѣтъ, а жилъ *тридцать восемь*. Эсперихъ былъ княземъ 61 лѣто, а лѣтъ ему было *пятьдесятъ одинъ*. Между прочимъ два слова, *твиримъ* и *винехъ*, которыя прежде относились къ тѣмъ же непонятнымъ рѣченіямъ, тутъ отнесены къ числу собственныхъ именъ князей; хотя византійскіе историки такихъ князей не знаютъ. Замѣтьте при этомъ, что вопросъ о коренной народности самихъ чувашъ далеко не рѣшенъ. Нѣкоторые, не безъ основанія, считаютъ ихъ частью черемисъ, отатарившихся со времени монгольскаго владычества, т. е. послѣ XIII вѣка; древніе наши лѣтописцы не знаютъ чувашъ, и они являются отдѣльнымъ народцемъ въ исторіи только съ XVI вѣка *). И самъ А. А. Куникъ, въ примѣч. на стр. 145, вдругъ высказываетъ такую дилемму: „Хотя безъ сомнѣнія родство между хазарами и болгарами было самое близкое, тѣмъ не менѣе въ настоящее время приходится держаться того мнѣнія, что чуваши составляютъ остатокъ болгарскаго народа, какимъ онъ былъ до раздѣленія своего въ V-мъ или VI-мъ столѣтіяхъ. Или можетъ быть чуваши нѣчто иное, какъ отуречившіеся черемисы?" Слѣдовательно, съ одной стороны, *приходится* считать ихъ остаткомъ болгаръ, а съ другой — вопросъ, кто они такіе? Что же послѣ того означаютъ всѣ вышеприведенные выводы о народности болгаръ. Любопытно также узнать, на какихъ достовѣрныхъ свидѣтельствахъ основано, якобы несомнѣнное, „родство между хазарами и болгарами".

Итакъ, во-первыхъ, темныя рѣченія росписи еще ждутъ своего разъясненія; а во-вторыхъ, къ какому бы не славянскому языку они ни принадлежали, отсюда еще очень далеко до вывода, будто это и есть остатокъ языка самихъ болгаръ. Выходило бы, что, съ одной стороны они были вполнѣ славяне, а съ другой—татары, въ одно и тоже время, и что книжники ихъ, неизвѣстно зачѣмъ, употребляли рядомъ числительныя имена славянскія и чувашскія. А въ самомъ болгарскомъ языкѣ всетаки ни-

*) У Курбскаго: „Черемиса Горняя, а по ихъ Чуваша зовомые, языкъ особливый".

какого чувашскаго элемента не оказывается. Впрочемъ, къ какимъ выводамъ нельзя придти съ помощью такихъ пріемовъ!

На третьемъ археологическомъ съѣздѣ, когда я предложилъ результаты своего изслѣдованія о болгарахъ, въ числѣ возражателей выступилъ и г. Ягичъ, хорватскій филологъ, тогда еще профессоръ одесскаго, а нынѣ берлинскаго университета (теперь же петербургскаго). Онъ объявилъ, что изслѣдованія моего не читалъ, но что, во всякомъ случаѣ, какъ лицо компетентное, со мною не согласенъ. Я попросилъ предварительно прочесть и вникнуть въ мои доводы. Не знаю, исполнилъ ли онъ мою просьбу; а лягнуть копытомъ не преминулъ въ своемъ журналѣ „Archiv für slavische Philologie“ за 1876 г. (I, 593). Не знаю также, отчего сему слависту ненавистна самая мысль о славянскомъ происхожденіи Руси и Болгаръ; во всякомъ случаѣ, въ своей компетентности по данному вопросу онъ такъ и не убѣдилъ меня до сихъ поръ. Я не хочу этимъ сказать, что г. Ягичъ плохой филологъ. (Точно также данное разногласіе не мѣшаетъ мнѣ весьма цѣнить А. А. Куника, какъ ученаго, особенно какъ нумизмата и издателя памятниковъ). Нѣтъ, я просто не считаю сравнительную филологію наукою уже на столько зрѣлою, чтобы нѣкоторые представители ея могли рѣшать вопросы изъ исторіи языка и народа, не предаваясь гадательнымъ, предвзятымъ и произвольнымъ толкованіямъ. Особенно несостоятельность ихъ обнаруживается при разборѣ какихъ-либо древнихъ личныхъ или географическихъ именъ. Чтобы опредѣлить народность такихъ именъ, какъ Святославъ, Владиміръ и т. п., не нужно быть ученымъ спеціалистомъ; а для распознанія вообще славянскихъ или неславянскихъ именъ слависты пока не выработали рѣшительно никакого критерія; хотя претензіи ученыхъ, подобныхъ г. Ягичу, громадныя. Надобно, наконецъ, сознаться, что эти сравнительные лингвисты своими пристрастными и предвзятыми теоріями немало тормозятъ разработку древне-славянской исторіи. Они, повидимому, и не подозрѣваютъ существованія основнаго закона сравнительной филологіи относительно живучести языковъ и ихъ взаимодѣйствія при скрещеніи разныхъ народностей. Очевидно, процессы этого взаимодѣйствія они и не думаютъ подвергать научнымъ наблюденіямъ, и для нихъ все еще возможнымъ представляется быстрое радикальное превращеніе одного народа въ другой, и даже таковое превращеніе завоевателей въ народность покоренную, съ немедленнымъ и рабски-покорнымъ усвоеніемъ себѣ языка послѣдней и съ полною, безслѣдною поте-

рею своего собственнаго. Исторія ничего подобнаго намъ не представляетъ. Приглашаю своихъ противниковъ поразмыслить объ этомъ законѣ и хотя ради ученаго приличія сдѣлать нѣсколько наблюденій; а пока они его не опрокинули, я позволяю себѣ на его основаніи противупоставить историческое veto всѣмъ вышепомянутымъ quasi-научнымъ лингвистическимъ пріемамъ и толкованіямъ. Повторяю, такого превращенія не было, потому что его не могло быть.

Изъ другаго отвѣта г. Макушеву о томъ же предметѣ *).

Исторія человѣчества не знаетъ другой формы гражданственности помимо государственнаго быта. Она не знаетъ ни одной національности, которая выработалась бы внѣ этого быта. Все жившее и живущее внѣ его осталось на первыхъ ступеняхъ развитія, въ состояніи такъ называемыхъ дикарей. Вотъ почему жизнь какого либо народа только тогда и становится достояніемъ исторіи, когда онъ начинаетъ выходить изъ племеннаго прозябанія и слагаться въ государство. Переходъ этотъ бываетъ болѣе или менѣе постепененъ и длится иногда очень долгое время. Условіе, которое болѣе всего вліяетъ на ускореніе этого процесса, есть взаимная борьба родовъ, племенъ и цѣлыхъ народовъ за землю, за господство, за существованіе. Эта борьба, это взаимное треніе и служитъ главнымъ побужденіемъ для сосредоточенія народныхъ силъ. А что такое и есть государство, какъ не сосредоточеніе (централизація) народныхъ силъ въ рукахъ правительственныхъ? Мы не знаемъ ни одного государства, которое бы сложилось безъ борьбы родственныхъ или чуждыхъ другъ другу племенъ, безъ ихъ взаимодѣйствія. Иногда элементы и вліянія, изъ которыхъ возникло государство, бываютъ очень сложны и разнообразны. Раскрытіе этихъ элементовъ и вліяній составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ исторической науки. Они важны не для одной только первоначальной эпохи; они сильно дѣйствуютъ и на послѣдующее развитіе. Происхожденіе государства кладетъ неизгладимую печать на всю его исторію. Основанія его отра-

*) Сборникъ государственныхъ знаній. Т. VII. Спб. 1879. („Славянство Болгаръ передъ критикой слависта“).

жаются на характерѣ власти, на учрежденіяхъ, на цѣломъ общественномъ складѣ, на типѣ всей національности. Отсюда естественно мы придаемъ большую важность тому, чтобы историческая наука возможно точнѣе и тщательнѣе разъясняла происхожденіе того или другаго государства, т. е. той или другой національности; по крайней мѣрѣ, чтобы вопросъ этотъ былъ поставленъ возможно правильнѣе для дальнѣйшей разработки.

Обыкновенно возникновеніе и развитіе государственнаго быта значительно ускоряется, когда полудикіе племена входятъ въ близкое соприкосновеніе или въ прямое столкновеніе съ народами, стоящими уже на высокой степени гражданственности, т. е. съ государствами цивилизованными. Ясный примѣръ тому мы видимъ въ Западной Европѣ, гдѣ возникаютъ германскія государства на предѣлахъ Римской имперіи и въ самыхъ областяхъ этой имперіи. Подобное же явленіе находимъ и въ Восточной Европѣ, гдѣ возникаютъ славянскія государства на другихъ предѣлахъ или въ другихъ областяхъ той же Римской имперіи, преимущественно въ византійской половинѣ. Таковы именно государства Сербское, Болгарское и Русское.

Никто не усомнился доселѣ въ славянскомъ происхожденіи государства и народности сербской. Но Русскіе и Болгаре оказались менѣе счастливы въ этомъ отношеніи. Отрицаніе славянства Руси по крайней мѣрѣ опирается на сплетеніе лѣтописныхъ домысловъ и искаженіе первоначальнаго текста нашей лѣтописи. Объ этомъ мы достаточно говорили прежде, не отказываемся говорить и впредь. Но любопытно, что отрицаніе славянства болгаръ не опирается ни на какія историческія свидѣтельства. Оно явилось просто плодомъ догадокъ и умствованій со стороны нѣмецкихъ писателей позднѣйшаго времени, именно съ конца прошлаго столѣтія. А съ голоса нѣмцевъ начали тоже повторять и славянскіе ученые, съ знаменитымъ Шафарикомъ во главѣ, безъ тщательнаго разсмотрѣнія этого вопроса. Нѣкоторые изслѣдователи, напримѣръ Венелинъ и Савельевъ-Ростиславичъ, пытались опровергнуть столь легко установившееся мнѣніе, но безуспѣшно; виною тому было отчасти ихъ собственное увлеченіе и несовсѣмъ удачные пріемы, отчасти и недостаточная еще зрѣлость этнологическаго отдѣла исторической науки.

Надѣюсь, въ моемъ изслѣдованіи достаточно указана историческая послѣдовательность болгарскихъ переселеній на Балканскій полуостровъ въ теченіе V, VI и VII вѣковъ подъ именами Гун-

новъ, Кутургуровъ и просто Болгаръ. Я указалъ на важную ошибку славистовъ-историковъ, которые легендарное извѣстіе о Кувратѣ и его пяти сыновьяхъ принимали за историческій фактъ и безъ всякой критики повторяли разсказъ о единовременномъ переселеніи Болгаръ за Дунай въ VII вѣкѣ, упуская изъ виду ихъ предыдущія движенія. Г. Макушевъ проходитъ молчаніемъ вопросъ объ этой легендѣ, и, вообще не коснувшись исторической стороны предмета, переходитъ прямо къ этнографической части моего изслѣдованія.

Я счелъ нужнымъ разсмотрѣть критически всѣ три стороны Угро-Финской теоріи, историческую, этнографическую и филологическую. А между тѣмъ, строго говоря, эта полнота для меня не была обязательною въ данномъ случаѣ. Всѣмъ толкамъ и умствованіямъ о неславянскомъ происхожденіи Дунайскихъ Болгаръ историкъ можетъ противупоставить свое veto единственно на томъ основаніи, что быстрое и радикальное превращеніе народности завоевателей и основателей государства въ народность ею покоренную и очевидно ея слабѣйшую, такое превращеніе возможно только въ сказкѣ, а не въ исторіи; въ послѣдней примѣровъ ему нѣтъ и быть не можетъ. Только при недостаточномъ сознаніи этого неизмѣннаго историческаго закона, то есть, при недостаточной зрѣлости нѣкоторыхъ отдѣловъ исторической науки, и могла явиться помянутая теорія. Правда, это неестественное превращеніе уже бросалось въ глаза и указывалось прежде; но противники славянства Болгаръ какъ-то легко обходили его или прибѣгали къ разнымъ искусственнымъ и произвольнымъ домысламъ въ родѣ предполагаемой воспріимчивости и благодушія дикихъ Угро-Финновъ. А если имъ указывали на сосѣднюю Венгрію, представляющую совершенно противуположный примѣръ, то сочиняли невѣроятную малочисленность завоевателей или измышляли огромное вліяніе различныхъ географическихъ условій и т. п. Если и приводились какія аналогіи въ подкрѣпленіе этой теоріи, то обыкновенно самыя неподходящія. Напримѣръ, можно ли ссылаться на обрусѣніе нашихъ финскихъ инородцевъ, которые болѣе всего и показываютъ, какъ туго, медленно, постепенно въ теченіе многихъ столѣтій претворяются они въ господствующую народность, и замѣтьте въ господствующую, а не въ подчиненную, какъ это выходитъ въ данномъ случаѣ. Финское племя (равно и Татарское), безспорно, есть одно изъ самыхъ неподатливыхъ на превращенія; а если оно получило въ свои руки правительственную, полити-

ческую силу, то для нашего поколѣнія ученыхъ нанвно было бы и говорить о подобномъ превращеніи. Далѣе, существуетъ ли хотя какая нибудь аналогія между Болгарами Дунайскими и германскими завоевателями на Романской почвѣ? Франки завоевали Галлію и слились съ покореннымъ населеніемъ. Сочтите однако, сколько вѣковъ происходило это постепенное сліяніе. Хлодвигъ былъ германецъ; но и Карлъ Великій, царствовавшій три вѣка спустя, тоже былъ германецъ. Франки мало по малу уступали только силѣ высоко развитой римской гражданственности, и при своемъ сліяніи все-таки не перешли ни въ Галловъ, ни въ Римлянъ, а образовали съ ними новую романскую національность и внесли въ лексиконъ языка свою значительную стихію. Сочтите также, сколько вѣковъ Лангобарды сливались съ туземнымъ населеніемъ Италіи, и точно также не просто обратились въ этихъ туземцевъ, а образовали съ ними новую романскую народность и выработали особый романскій языкъ. Не забудьте также при этомъ могущественное объединительное вліяніе латинской іерархіи. Подобные примѣры не допускаютъ и мысли о быстромъ и совершенномъ превращеніи финской орды завоевателей въ покоренную ею славянскую народность. Исторія не только не представляетъ намъ примѣровъ подобнаго превращенія, а наоборотъ постоянно являетъ примѣры противуположнаго свойства, т. е. живучести роднаго языка и племенныхъ особенностей при тѣсномъ сожительствѣ различныхъ расъ.

Въ своемъ изслѣдованіи я настойчиво указывалъ на физическую невозможность помянутаго превращенія. Всякій принимающій на себя долгъ разсмотрѣть мои доводы, не можетъ обойти такое крупное и основное мое доказательство. Чтобы поколебать его, нужно противупоставить ему рядъ историческихъ аналогій, т. е. дѣйствительно историческихъ и вполнѣ сюда подходящихъ, а не какую нибудь пустую ссылку на мнимое превращеніе небывалыхъ Варяго-Руссовъ въ Славянъ, какъ это обыкновенно дѣлалось. Но какъ же поступаетъ г. Макушевъ? Онъ проходитъ мимо этого основнаго столпа. „Мы не будемъ останавливаться на соображеніяхъ, въ силу которыхъ признается невозможнымъ перерожденіе Болгарской орды Аспаруха въ Славянъ-Болгаръ. Это увлекло бы насъ слишкомъ далеко и принудило бы провѣрить другую славянскую теорію г. Иловайскаго, о происхожденіи Руси“. И прибавляетъ, будто аналогичные примѣры уже приведены Шафарикомъ и Гречкомъ; тогда какъ никакихъ аналогичныхъ примѣровъ мы тамъ не нахо-

димъ. Вотъ какъ ученые слависты обращаются у насъ съ научными вопросами! Относительно Руси замѣчу слѣдующее: сдѣлайте милость, провѣряйте мою славянскую теорію ея происхожденія, но только не такъ, какъ это дѣлаете съ славянскимъ происхожденіемъ Болгаръ. Въ настоящее время имѣю передъ глазами уже не одинъ примѣръ такого рода: какой либо ученый противникъ мой по данному вопросу дѣлаетъ рѣзкіе отзывы о новой его постановкѣ или въ печати, или передъ своей аудиторіей; пока эти отзывы голословны, они, конечно, неуловимы; совсѣмъ другое происходитъ, когда подобный противникъ вступаетъ въ научную полемику.

Мы находимъ нѣсколько странными и самыя попытки тюрко-и финно-мановъ рѣшать вопросъ о народности на основаніи отрывочныхъ неразъясненныхъ именъ. Подумаешь: дѣло идетъ о какомъ нибудь давно исчезнувшемъ изъ исторіи народѣ, въ родѣ Этрусковъ. Г. Макушевъ, очевидно не читавшій внимательно моей книги, не замѣтилъ моихъ важнѣйшихъ филологическихъ основаній, каковы: масса чисто славянскихъ названій городовъ, рѣкъ и другихъ географическихъ именъ, которыя появились въ Мизіи, Ѳракіи и Македоніи только послѣ пришествія болгаръ, усиленіе *славянизаціи* на Балканскомъ полуостровѣ послѣ этого пришествія (засвидѣтельствованное Константиномъ Б.); отсутствіе финскаго элемента въ славяноболгарскомъ языкѣ; а главное, самое существованіе этого языка, рядомъ съ сербскимъ.

На Балканскомъ полуостровѣ мы находимъ два славянскія нарѣчія: болгарское и сербское. Если болгаре были не славяне, то откуда же пришелъ болгарскій языкъ? Гдѣ же родина тѣхъ славянъ, которые говорили этимъ языкомъ? Балканскій полуостровъ оказался заселеннымъ именно двумя славянскими племенами, сербскимъ и болгарскимъ; заселеніе это происходило на глазахъ исторіи и при томъ довольно постепенно, въ нѣсколько пріемовъ: сербы пришли изъ земель лежащихъ къ западу отъ Карпатъ, а болгаре — къ востоку. Сами послѣдователи финской теоріи (Дриновъ) доказываютъ, что славянское населеніе въ Мизіи и Ѳракіи не было аборигенами, и дѣйствительно, если оно тамъ и существовало прежде, то было слишкомъ слабо и незначительно, чтобы привить свой языкъ позднѣе пришедшей большой массѣ славянъ. Слѣдовательно эта пришлая масса, хотя и приходила въ разное время и является потомъ подъ разными мѣстными и родовыми наименованіями въ различныхъ источникахъ, однако несомнѣнно

она принадлежала къ одной и той же вѣтви, такъ что составила компактное цѣлое съ единымъ языкомъ, особымъ отъ другихъ извѣстныхъ намъ славянскихъ нарѣчій. Это ни сербо-хорватское, ни чехо-моравское, ни русское, ни ляшское нарѣчіе, никакая либо смѣсь изъ нихъ, а нарѣчіе самостоятельное. Если бы славянская масса, постепенно наводнившая Нижнюю Мизію и Ѳракію, была не болгаре, а какая-то неизвѣстная намъ по имени славянская вѣтвь, то откуда же она взялась? Итакъ, если болгаре не славяне, то откуда же взялось столь распространенное, богатое и самостоятельное славяно-болгарское нарѣчіе, которому большая часть славянскаго міра обязана своими богослужебными книгами?

Сторонникамъ тюрко-финской теоріи не пришелъ въ голову столь простой и естественный историко-филологическій вопросъ. Пусть хотя объ одномъ этомъ вопросѣ почтенный славистъ поразмыслитъ самостоятельно, собственнымъ умомъ, не прикрываясь именами Шафарика и Гильфердинга.

III.

О нѣкоторыхъ этнографическихъ наблюденіяхъ *)

(по вопросу о происхожденіи государственнаго быта).

Мм. Гг. Позвольте мнѣ воспользоваться настоящимъ ученымъ собраніемъ, чтобы выразить одну свою мысль или точнѣе сказать одно свое желаніе, хотя бы оно, можетъ быть, и не вполнѣ подходило къ задачамъ Общества Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи. Предѣлы и самое содержаніе нѣкоторыхъ наукъ такъ тѣсно соприкасаются и иногда переплетаются между собою, что ихъ связь и взаимная поддержка являются не только желательными, но и необходимыми. Антропологъ ищетъ бо̀льшаго уясненія своихъ наблюденій и подтвержденія своимъ выводамъ въ этнографіи и исторіи; наоборотъ историкъ и археологъ стараются опереться въ своихъ изслѣдованіяхъ на данныхъ естествознанія, антропологіи и этнографіи.

*) Читано въ публичномъ засѣданіи ученаго съѣзда при Московской Антропологической выставкѣ, въ апрѣлѣ 1879 года, и напечатано въ изданіяхъ Московскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Перейду прямо къ моей цѣли.

Вамъ, въ особенности членамъ нашего Общества, извѣстно, какъ быстро растетъ и накопляется матеріалъ для изученія человѣка по отношенію къ его быту, къ его физическимъ и духовнымъ свойствамъ. Наружный типъ, домашняя обстановка, средства пропитанія, одежда, жилища, обычаи, вѣрованія и пѣсни народовъ, стоящихъ на первобытной ступени развитія или близкой къ ней, все это уже давно служитъ предметомъ многочисленныхъ и разнообразныхъ наблюденій, совершаемыхъ и отдѣльными лицами, и цѣлыми учеными экспедиціями. Не говоря о массѣ собраннаго европейскою наукою матеріала вообще, укажу только на изданія нашего Общества, которыя, несмотря, на короткое время своего существованія, уже представляютъ весьма богатое и весьма любопытное собраніе разнаго рода наблюденій и изслѣдованій по данному предмету. Я желалъ бы обратить ваше вниманіе на одинъ пробѣлъ въ ряду подобныхъ наблюденій. Пробѣлъ этотъ наука антропологовъ въ тѣсномъ смыслѣ можетъ и не принимать на свой счетъ; но нельзя того же сказать объ антропологіи въ обширномъ смыслѣ, и именно о ея этнографическомъ или этнологическомъ отдѣлѣ. Я говорю о пробѣлѣ относительно наблюденій надъ состояніемъ общественности у народовъ, близкихъ къ первобытной ступени развитія. Этотъ пробѣлъ чрезвычайно важенъ для науки вообще и, въ особенности для насъ, людей спеціально-занимающихся наукой исторической. Съ перваго взгляда можетъ быть нѣкоторымъ покажется страннымъ самое указаніе мое на означенный пробѣлъ въ виду все той же массы путешественниковъ и наблюдателей, посѣщавшихъ всевозможные народы Стараго и Новаго Свѣта. Уже классическіе писатели обращали вниманіе и оставили намъ описаніе общественнаго быта, нравовъ и обычаевъ разныхъ народовъ, между прочимъ народовъ первобытныхъ или дикихъ. Въ этомъ отношеніи первое мѣсто занимаетъ Геродотъ, который былъ не только отцомъ исторіи, но и великимъ путешественникомъ-наблюдателемъ. Затѣмъ мы имѣемъ много любопытныхъ путешествій Среднихъ и первой половины Новыхъ вѣковъ, напримѣръ заключающіяся въ извѣстныхъ собраніяхъ Бержерона и Гаклюйта, не говоря уже о возрастающей массѣ новѣйшихъ путешествій. И тѣмъ не менѣе все это даетъ сравнительно небольшой матеріалъ для тѣхъ собственно наблюденій, о которыхъ я говорю.

Историческая наука для объясненія первоначальной исторіи

какой нибудь націи или собственно государства,—такъ какъ внѣ государства донынѣ не развивалась ни одна нація,—доселѣ должна была ограничиваться обыкновенно разнаго рода сказаніями, болѣе или менѣе недостовѣрными, или какими нибудь неясными намеками у разныхъ писателей. Начало народовъ и государствъ почти всегда бываетъ покрыто такъ называемымъ „мракомъ неизвѣстности", разумѣется за исключеніемъ немногихъ позднѣйшихъ государственныхъ организмовъ; но и тѣ при ближайшемъ разсмотрѣніи оказываются только позднѣйшими наслоеніями, а не совсѣмъ новыми организмами. Я хочу сказать, что обыкновенные историческіе источники не даютъ намъ возможности подвергнуть микроскопическому наблюденію ту человѣческую клѣточку, изъ которой развился бытъ общественный, изъ которой развились государственные или національные организмы. Отсюда сама собою вытекаетъ необходимость обратиться къ наблюденіямъ надъ разлпчными проявленіями общественнаго быта у первобытныхъ народовъ, живущихъ въ наше время; ибо общіе законы человѣческаго развитія одни и тѣ же у всѣхъ племенъ и народовъ; они могутъ быть осложняемы вліяніемъ разнообразныхъ условій, какъ мѣстныхъ географическихъ, такъ и собственно антропологическихъ, но и эти вліянія въ свою очередь совершаются также по извѣстнымъ законамъ. Если масса путешественниковъ, быто-и нравоописателей, все еще даетъ мало матеріала для той цѣли, о которой я говорю, то и это обстоятельство по моему мнѣнію является вполнѣ естественнымъ. Путешественникъ замѣчаетъ конечно то, что прежде всего бросается ему въ глаза, что особенно для него доступно. Тутъ на первомъ планѣ наружность обитателей, ихъ костюмы, жилища и т. п. Мимоходомъ онъ пожалуй замѣтитъ нѣсколько обычаевъ или кое-какія черты нравовъ, также бросившіяся ему въ глаза, кое-какія черты религіи, жертвоприношенія и т. п. Но ему некогда,—да обыкновенно онъ и не подготовленъ, онъ не знаетъ мѣстнаго языка,—для того, чтобы всмотрѣться въ соціальныя условія первобытнаго племени, чтобы подвергнуть тщательному наблюденію не только его вѣрованія и семейныя отношенія, но и тѣ начала, на которыхъ существуетъ сама общественная связь въ данномъ племени, въ особенности подвергнуть наблюденію тѣ авторитеты или власти, которые служатъ главными элементами и представителями общественнаго быта. Равнымъ образомъ весьма рѣдко можно встрѣтить, чтобы путешественникъ дѣлалъ обстоятельныя замѣтки о характерѣ

землевладѣнія, о проявленіи сословныхъ формъ, о характерѣ общественнаго суда, о средствахъ обороны, объ отношеніяхъ къ сосѣдямъ и т. п. А между тѣмъ въ наше время уже не легко находить, не говоря о Европѣ, даже и въ Азіи тѣ именно первобытные народы, которые могутъ служить для указанной мною цѣли: въ этой части свѣта почти всякій народъ входитъ въ какое нибудь большое государство и слѣдовательно, уже не представляетъ въ чистотѣ той общественной формы и въ особенности той общественной власти, какія можно встрѣтить у народовъ самобытныхъ. Наиболѣе соотвѣтствующій для этой цѣли матеріалъ можно найти между народами Австраліи и внутренней Африки. Въ особенности въ послѣдней, судя по извѣстіямъ новѣйшихъ путешественниковъ, можно встрѣтить и наблюдать всѣ ступени, первобытныя, переходныя и болѣе высшія, относительно общественныхъ или государственныхъ формъ, начиная съ ихъ зародыша и кончая нѣкоторыми довольно обширными монархіями. Къ сожалѣнію наиболѣе знаменитые изъ послѣднихъ путешественниковъ, отъ Ливингстона до Станлея включительно, не даютъ отвѣта на тѣ именно вопросы, которые относятся къ этой области человѣковѣденія. Мы пока имѣемъ дѣло собственно съ открытіями географическими и отчасти промышленными. Въ особенности смѣлые британскіе путешественники, проникающіе въ глубь материка, въ наше время преслѣдуютъ уже болѣе практическую цѣль: открытіе новыхъ рынковъ для своей промышленности. Если на розысканія и наблюденія надъ разными ступенями общественнаго и государственнаго быта у народовъ внутренней Африки будетъ хотя въ половину потрачено столько усилій и энергіи, сколько ихъ употреблено было, напримѣръ, на открытіе источниковъ Нила, то безспорно мы получимъ богатый научный матеріалъ для уясненія тѣхъ законовъ, по которымъ зарождаются и развиваются формы государственнаго быта. Этотъ важный вопросъ еще въ классическомъ мірѣ привлекалъ вниманіе нѣкоторыхъ великихъ умовъ.

Такъ знаменитый Аристотель въ извѣстномъ сочиненіи о Политикѣ замѣтилъ, что „человѣкъ по своей природѣ есть животное самое общественное“. Тутъ же онъ высказалъ взглядъ и на происхожденіе государства изъ семьи. Этотъ взглядъ держался до нашихъ временъ. Объясненіе показалось такъ просто и естественно: семья разрослась въ родъ или племя, которое въ свою очередь превратилось въ государство, причемъ глава семьи или

рода сдѣлался общимъ главою, т. е. государемъ. Это такъ называемая патріархальная теорія. Но въ настоящее время такая повидимому простая теорія уже не можетъ имѣть научнаго значенія. Самая первобытная семья является для насъ вопросомъ. Между прочимъ не одна политика, но и филологія въ наше время потерпѣла неудачу на этомъ вопросѣ. Извѣстно, что нѣкоторые представители науки сравнительной филологіи, съ Максомъ Мюллеромъ во главѣ, попытались было возстановить бытъ арійскихъ народовъ на основаніи языка, и именно тѣхъ словъ, которыя оказались общими, т. е. сохранившими общій свой корень у всѣхъ или у большинства этихъ народовъ. Тутъ на первомъ планѣ явились названія разныхъ членовъ семьи, и они получили любопытное этимологическое толкованіе. Напримѣръ: отецъ значитъ *питатель* или *покровитель*, мать—*производительница*, братъ *помощникъ*, сестра *утѣха*, дочь—*доительница* и т. д. Такимъ образомъ явилась слѣдующая картина первобытнаго семейнаго быта арійцевъ: отецъ питаетъ и охраняетъ семью, мать рождаетъ дѣтей, братъ помогаетъ въ работахъ сестрѣ, сестра служитъ для него утѣшительницею, дочь занимается доеніемъ коровъ и т. п. Но увы, эта картина первобытнаго семейнаго счастія, эта идиллія, просуществовала очень не долго въ нашемъ воображеніи; такъ какъ дальнѣйшія болѣе тщательныя разысканіи надъ первоначальнымъ бытомъ арійцевъ совершенно не подтвердили ея. Не говоря уже о несостоятельности такихъ идиллическихъ отношеній въ тотъ суровый дикій періодъ, явился вопросъ: что прежде существовало — семья въ полномъ, то есть настоящемъ нашемъ значеніи этого слова, или факты языка, сюда относящіеся? Очевидно языкъ, т. е. имена и названія, которыя прилагались къ разнымъ членамъ семьи, сложился прежде, чѣмъ сложилась вполнѣ самая семья, и слѣдовательно значеніе ихъ совсѣмъ не то, которое я сейчасъ привелъ. Теперь нѣкоторые ученые предполагаютъ, и довольно основательно, что началомъ новой семьи въ первобытномъ состояніи была мать, а не отецъ, т. е. что дѣти въ этомъ состояніи знали свою мать, но еще не знали отца.

Если обратимся къ тому предположенію, что изъ семьи выросло государство, то и здѣсь повторяется тотъ же результатъ и также падаютъ разныя искусственныя теоріи о происхожденіи общественной жизни. Однимъ изъ представителей этихъ теорій явился и Фюстель де Куланжъ въ своей книгѣ La cité antique. Семья въ нашемъ значеніи представляетъ уже высшую или болѣе раз-

 витую степень, нежели племя. Племя нарождалось прежде, чѣмъ выработалась семья, а государство уже образовалось изъ племени. Но этой высшей степени, т. е. государства, достигли и достигаютъ не всѣ первобытныя племена; нѣкоторыя изъ нихъ такъ и остаются на племенной ступени. Для государственныхъ формъ нужны соотвѣтственныя качества и условія. Разъясненіе этихъ качествъ, какъ я полагаю, и составляетъ задачу сравнительной этнологіи, т. е. антропологіи и этнографіи вмѣстѣ взятыхъ; но для этой цѣли прежде всего нужно систематическое собираніе подходящаго сюда матеріала.

Кромѣ упомянутаго воззрѣнія Аристотеля, въ древности можно встрѣтить и другіе еще менѣе состоятельные взгляды на происхожденіе государствъ. Эти взгляды являются не въ видѣ отвлеченной теоріи какъ у Аристотеля, а въ формѣ легендъ и преданій, повѣствующихъ о началѣ нѣкоторыхъ великихъ монархій древняго міра. Для примѣра напомню вамъ о томъ преданіи, какое сообщаетъ Геродотъ относительно происхожденія Мидійскаго царства. Мидяне, удручаемые внутренними распрями и неурядицами, пришли къ мысли выбрать себѣ судію, который бы разбиралъ ихъ взаимныя ссоры и водворилъ бы между ними спокойствіе и порядокъ. Выбрали Дейока, и онъ сдѣлался ихъ царемъ. Такія басни совершенно естественны въ устахъ древнихъ писателей. Но удивительно то, что и въ наше время научной критики возможна еще между учеными вѣра въ такую басню, по которой различныя племена, тоже удручаемые внутренними неурядицами, взяли да и выписали изъ-за моря себѣ господъ, а послѣдніе пришли и въ нѣсколько лѣтъ состроили одно очень большое государство. Ясно, слѣдовательно, какъ еще наука сравнительной этнологіи мало развита и какъ еще мало распространено убѣжденіе въ томъ, что происхожденіе и развитіе формъ государственнаго быта или государственнаго организма подчинены такимъ же непреложнымъ естественнымъ законамъ, какъ и всякая жизнь, всякій живой организмъ. Напомню также вамъ объ извѣстномъ спорѣ между представителями родоваго и общиннаго быта, т. е. спорѣ о томъ, въ какомъ бытѣ находились наши предки въ начальную эпоху своей исторіи. Въ настоящее время этотъ споръ уже теряетъ подъ собою почву, во-первыхъ потому, что упраздняется самый фактъ его вызвавшій, а, во-вторыхъ, потому, что слова „родовой бытъ“ и „общинный бытъ“ не даютъ опредѣленнаго понятія о дѣйствительномъ бытѣ нашихъ предковъ

въ древнюю эпоху. Если посмотрѣть на него съ одной стороны, то пожалуй онъ окажется родовымъ, а если подойти съ другой, то увидимъ несомнѣнныя черты общиннаго. Вопросъ о данной эпохѣ, по моему крайнему разумѣнію, долженъ быть поставленъ совершенно иначе, и если спрашивать, въ какомъ бытѣ состояли наши предки въ первой половинѣ IX вѣка, то вопросъ долженъ относиться къ слѣдующимъ двумъ формамъ быта: племенному и государственному. Лично я уже отвѣтилъ на этотъ вопросъ относительно нашихъ предковъ. Въ настоящую же минуту желаю обратить ваше вниманіе именно на то обстоятельство, что по моему крайнему разумѣнію, можно признать только двѣ главныхъ ступени въ развитіи человѣческаго общества, первая первобытная ступень—это племя, а вторая дальнѣйшая—это государство. Разумѣется, затѣмъ и самыя формы племеннаго и государственнаго быта въ свою очередь распадаются на многія и весьма разнообразныя ступени; но это уже будетъ дальнѣйшее развитіе вопроса. Прежде всего надобно установить главныя рубрики, главныя положенія. Самое главное мое положеніе состоитъ въ томъ, что государство происходитъ изъ племени. Напрасно было бы облекать это происхожденіе какимъ либо мирнымъ, а тѣмъ менѣе идиллическимъ характеромъ. Нѣтъ, въ основѣ государственнаго быта всегда лежитъ борьба племенъ; обыкновенно наиболѣе крѣпкое, наиболѣе сильное изъ нихъ одолѣваетъ другія и занимаетъ господствующее положеніе; а во время этой борьбы выдвигаются предводители и вырабатывается власть, которая потомъ получаетъ государственное, т. е. правительственное значеніе. Вотъ въ общихъ чертахъ то положеніе, къ которому по моему мнѣнію приходитъ наука въ наше время по отношенію къ вопросу о происхожденіи государственнаго быта.

Относительно борьбы племенъ, изъ которой возникаютъ формы государственнаго быта, необходимо замѣтить, что племя, достигающее господствующаго положенія надъ другими племенами, обыкновенно превосходитъ ихъ и физическими, и умственными качествами. Въ дѣйствительности однако это общее правило сильно усложняется и видоизмѣняется вслѣдствіе различныхъ условій и обстоятельствъ. Изъ своихъ историко-этнографическихъ наблюденій я пришелъ къ такому выводу, что только тѣ племена достигаютъ государственнаго быта, которыя одарены мужествомъ, воинственнымъ и предпріимчивымъ характеромъ, а главное—способностью къ организаціи, т. е. къ сосредоточенію сво-

ихъ силъ, къ дисциплинѣ и къ нѣкоторому, такъ сказать, политическому творчеству. Есть цѣлыя семьи народовъ, которыя отмѣчены какъ бы неспособностью къ развитію государственныхъ формъ. Въ нашей исторіи таковыми являются народы Финской семьи. Изъ нихъ мы замѣтили одно исключеніе—это Мадьяры; но происхожденіе Мадьярскаго государства составляетъ еще вопросъ: есть поводы думать, что тутъ дѣйствовала иная не финская народность, которая и послужила ядромъ при образованіи государственнаго быта у этого племени, но какое это племя еще не рѣшено. Съ другой стороны исторія представляетъ намъ примѣры воинственныхъ народовъ, которые бывали грозою своихъ сосѣдей, однако не основали собственнаго государства и со временемъ подчинились чуждой власти. Русская исторія представляетъ примѣры тому въ Ятвягахъ, Печенѣгахъ, Половцахъ и наконецъ Черкесахъ. Слѣдовательно, способность къ политической организаціи, къ общественной дисциплинѣ составляетъ главное условіе, чтобы быть народомъ государственнымъ и потомъ уже народомъ культурнымъ; ибо исторія не знаетъ культурныхъ народовъ внѣ государственныхъ формъ. У всякаго народа обыкновенно успѣхи культуры идутъ рядомъ, или за развитіемъ государственности. Есть однако примѣры, что народъ или племя основало государство и даже большое государство, а все таки не сдѣлалось племенемъ культурнымъ. Такая черта относится вообще къ народамъ Урало-Алтайской семьи. Помянутые Мадьяры не дѣлаютъ отсюда исключенія, а яркимъ тому примѣромъ служатъ Турко-Османы въ наше время и Монголо-Татары въ средніе вѣка.

Я сказалъ, что господствующее государственное племя обыкновенно отличается превосходствомъ умственныхъ и физическихъ качествъ; но это правило въ дѣйствительности нерѣдко видоизмѣняется. Можно указать такіе случаи, когда племя подчиняетъ себѣ другія племена, и физически болѣе сильныя, и умственно болѣе одаренныя. Разительный тому примѣръ представляютъ тѣже Монголы-Татары. Они основали огромную имперію, покоривъ нѣкоторые арійскіе народы, болѣе ихъ многочисленные и болѣе ихъ одаренные умственными и физическими силами. Объ умственномъ первенствѣ надъ ними бѣлой расы нечего и говорить; но любопытно, что и физически они были слабѣе, о чемъ ясно свидѣтельствуетъ современникъ той эпохи и очевидецъ Монгольской орды, итальянскій монахъ Плано Карпини. Между прочимъ онъ

разсказываетъ слѣдующій фактъ. Однажды два христіанина изъ Грузіи, бывшіе въ Татарскомъ станѣ, шутя стали бороться съ двумя татарами и обоихъ повалили на землю. Увидя это, толпа татаръ съ яростью бросилась на грузинъ и страшно ихъ изуродовала Съ помощью своего строгаго объединенія и искусной по тому времени воинской тактики, Монголо-Татары покорили многіе народы и основали огромную имперію или собственно цѣлый рядъ новыхъ государствъ; но, не имѣя высшихъ, культурныхъ свойствъ, они не удержались на завоеванной ими высотѣ и кончили все таки тѣмъ, что по большей части подчинились другимъ болѣе развитымъ народамъ.

Вообще все болѣе и болѣе чувствуется потребность для объясненія разныхъ сторонъ исторической жизни обращаться къ племенному типу, къ племеннымъ особенностямъ. Чтобы указать вамъ тому наглядные примѣры, напомню по этому поводу Бокля съ его исторіей цивилизаціи. Извѣстно, что нѣкоторое время онъ пользовался чрезвычайнымъ успѣхомъ въ русской читающей публикѣ; но достоинства его труда не вполнѣ соотвѣтствовали этому успѣху и потому не упрочили за нимъ большаго значенія въ наукѣ. Напримѣръ, помнится мнѣ, какими мрачными красками онъ изображалъ вліяніе католическаго духовенства на ходъ испанской цивилизаціи и почти всѣ темныя ея стороны приписывалъ этому вліянію. Но ему не пришелъ въ голову простой вопросъ: да откуда же взялось тамъ вліяніе духовенства и почему у одного народа оно выражается такимъ, у инаго другимъ образомъ? Онъ не догадался прежде всего разсмотрѣть самый типъ Испанской народности, ея составные и преобладающіе въ ней элементы, и здѣсь именно искать разъясненія многихъ сторонъ ея исторіи. Ему такъ же не пришелъ въ голову другой простой вопросъ: отчего въ Англіи католицизмъ легко замѣнился протестантизмомъ, а въ Ирландіи напротивъ упорно удержался? Для объясненія такого явленія надобно было опять обратиться въ различію расъ, Тевтонской и Кельтической. Въ параллель этому явленію мы можемъ указать на Польско-Литовскую Рѣчь Посполитую; тамъ протестантизмъ нѣкоторое время имѣлъ большой успѣхъ и однако іезуиты легко съ этимъ справились. Но отчего же они не справились съ нимъ въ большей части Германіи? Можно объяснять подобныя явленія разными условіями и обстоятельствами, но главное между ними мѣсто принадлежитъ племеннымъ свойствамъ. Если продолжать параллель, то увидимъ, что также не случайно турецкіе народы боль-

шей частію сдѣлались мусульманами, а монгольскіе буддистами. Между турками рано распространились начатки христіанства, и однако они легко уступили мѣсто другой религіи. Какъ въ христіанскомъ мірѣ протестантизмъ, католицизмъ и православіе утвердились въ связи съ племенными особенностями, такъ и въ мусульманскомъ мірѣ расколъ на сунитовъ и шіитовъ развился въ связи съ племенными свойствами турокъ и персовъ. Если отъ религіозныхъ формъ перейдемъ къ формамъ правленія, точно также вездѣ мы найдемъ въ ихъ развитіи тѣсную связь съ племеннымъ типомъ. Разумѣется сюда не подходятъ тѣ случаи, гдѣ церковныя или политическія формы введены силою извнѣ.

Наука сравнительной археологіи, какъ извѣстно, выработала теорію, впрочемъ далеко еще не установившуюся, о постепенномъ развитіи человѣческаго быта въ связи съ орудіями, домашними и военными, теорію выраженную тремя періодами или вѣками: каменнымъ, бронзовымъ и желѣзнымъ. Считаю не лишнимъ замѣтить, что эти періоды нерѣдко совпадаютъ съ указанными мною періодами въ развитіи быта общественнаго. Однако не всегда первобытныя, т. е. каменныя, орудія соотвѣтствуютъ племенному быту, а употребленіе желѣзныхъ орудій не доказываетъ непремѣннаго присутствія государственныхъ формъ.

Напримѣръ, европейцы, открывъ Америку, нашли тутъ уже большія государства съ довольно развитой цивилизаціей, но безъ употребленія желѣзныхъ орудій. Конечно не въ одно наше время кровью и желѣзомъ созидалось политическое могущество; но, какъ вы видите, нельзя сказать, чтобы желѣзо во всѣ времена участвовало въ этомъ созиданіи: его замѣняли когда-то камень и бронза. Только кровь человѣческая всегда лилась при этомъ обильными потоками, и ничто ее не замѣняло. Что касается до наблюденій надъ разными формами общественнаго быта у современныхъ народовъ, то въ этомъ отношеніи я и хотѣлъ высказать передъ вами свое желаніе, чтобы и наши русскіе путешественники, этнографы и антропологи, по возможности удѣляли часть своего времени наблюденіямъ надъ указанными мною сторонами, которыя можно назвать общимъ именемъ политическихъ сторонъ. Многіе матеріалы для подобныхъ наблюденій все таки можно найти какъ въ самыхъ предѣлахъ нашего отечества, такъ и въ сосѣднихъ странахъ Азіи, хотя бы и у народовъ не вполнѣ самобытныхъ. Позволю себѣ по этому поводу

напомнить, что въ настоящее время мы имѣемъ русскаго наблюдателя надъ первобытными народами въ одномъ изъ самыхъ подходящихъ для того пунктовъ Земнаго Шара. (Я говорю о Миклухѣ-Маклаѣ; но признаюсь, для меня пока не ясно, что такое именно онъ наблюдаетъ, какія преслѣдуетъ задачи и цѣли). Наконецъ надобно еще прибавить, что для тѣхъ наблюденій, о которыхъ идетъ рѣчь, требуется все таки нѣкоторая подготовка, нѣкоторая зрѣлость мысли и прежде всего самое объективное, самое безпристрастное отношеніе къ дѣлу. Если и между учеными могутъ еще возникать споры по отношенію къ вопросу о происхожденіи государственнаго быта, то можно ли требовать, чтобы въ массѣ общества были уже распространены на этотъ счетъ ясные, твердые взгляды. Если думаютъ, что великое государство можетъ быть легко и скоро построено, то отсюда не далеко до умозаключенія, что оно также легко и скоро можетъ быть разрушено. А между тѣмъ и то, и другое положеніе было бы въ высшей степени невѣрно и легкомысленно. Слѣдовательно, съ какой стороны ни посмотрите на выраженное мною желаніе, надѣюсь, вы признаете, что наше настоящее ученое собраніе не найдетъ его излишнимъ, и согласится съ тѣмъ, что для вѣрныхъ и точныхъ выводовъ о происхожденіи и развитіи государственнаго быта намъ нужны систематическія и тщательныя наблюденія, нужно содѣйствіе различныхъ наукъ. Отсюда, повторяю, очень было бы желательно, чтобы русскіе путешественники, русскіе антропологи и этнологи, по возможности подвергали внимательному наблюденію у разныхъ народовъ и тѣ черты быта, въ которыхъ выражается сторона общественно-политическая, т. е. зародыши власти военной, судебной и административной, а также характеръ землевладѣнія, родственныхъ отношеній и т. п.

IV.

Еще о происхожденіи Руси *).

Куникъ: „Извѣстія Аль-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и Славянахъ“, Спб. 1878.—Соловьевъ: „Начала Русской земли“ („Сборникъ государств. знаній“ Т. IV и VII. Спб. 1877—1879).—„Thomsen: „Der Ursprung des Russischen Staates“. Gotha. 1879. Новыя данныя и новыя соображенія о происхожденіи легенды и ея первоначальномъ текстѣ.

Уже нѣсколько лѣтъ прошло со времени моихъ отвѣтовъ поборникамъ норманистской теоріи по вопросу о происхожденіи Русскаго государства. Съ того времени накопилось порядочное количество новыхъ книжекъ, статей и замѣтокъ, направленныхъ на поддержку и подпору этой совершенно расшатанной теоріи. Приведенныя выше заглавія представляютъ наиболѣе видныя попытки въ данномъ смыслѣ.

Во-первыхъ, А. А. Куникъ. Въ приложеніи къ XXII тому „Записокъ Академіи Наукъ“ помѣщены отрывки изъ арабскаго географа Ал-Бекри, жившаго въ XI вѣкѣ, отрывки, заключающіе нѣкоторыя извѣстія о Славянскихъ народахъ. Главнымъ источникомъ его въ этомъ случаѣ явилась записка испанскаго Еврея Ибрагима Ибнъ-Якуба, повидимому жившаго въ X вѣкѣ и посѣтившаго нѣкоторыя страны южной и средней Европы. Отрывки эти снабжены здѣсь русскимъ переводомъ барона Розена. А. А. Куникъ въ послѣднее время очевидно сдѣлалъ своею задачею — снабжать комментаріями изданія петербургскихъ оріенталистовъ, касающіяся арабскихъ извѣстій о древнихъ Руссахъ и Славянахъ. Первый примѣръ тому мы видѣли въ изданіи Б. А. Дорна „Каспій“ (см. выше: „Отвѣтъ А. А. Кунику“). Второй примѣръ является въ данномъ случаѣ. Означенные комментаріи имѣютъ спеціальною своею цѣлью подкрѣпить норманофильскую теорію средневѣковыми арабскими писателями, и для достиженія этой цѣли дѣлаются усилія, можно сказать, невѣроятныя (т. е. невѣроятныя въ логическомъ смыслѣ). Поистинѣ надобно удивляться тѣмъ пріемамъ, съ помощью которыхъ авторъ комментарій съумѣлъ прицѣпить къ извѣстіямъ Ал-Бекри татарство Болгаръ и норманство Руси. Ничего подходящаго къ тому въ

---

*) Изъ журнала Древняя и Новая Россія. 1880. Апрѣль.

этихъ извѣстіяхъ нѣтъ. Болгаръ они прямо толкуютъ какъ племя Славянское; тѣмъ неменѣе г. Куникъ приложилъ къ своимъ комментаріямъ собственное „Розысканіе о родствѣ Хагано-Болгаръ съ Чувашами по Славяно-Болгарскому именику". Въ какомъ родѣ составлено это розысканіе, мы уже имѣли случай высказать наше мнѣніе. (см. выше: „Къ вопросу о Болгарахъ"). Теперь перейдемъ къ тому, что въ данной брошюрѣ говорится о Руси.

Ибрагимъ Ибнъ-Якубъ сообщаетъ о Руссахъ очень немногое; онъ упоминаетъ о нихъ вскользь и очевидно имѣетъ о Восточной Европѣ весьма скудныя и сбивчивыя свѣдѣнія; тогда какъ онъ въ качествѣ Испанскаго Еврея кое-что знаетъ о Славянахъ западныхъ и южныхъ. Напримѣръ, онъ знаетъ о существованіи большихъ славянскихъ городовъ Праги и Кракова; но самое имя Кіева ему неизвѣстно. О Руссахъ онъ говоритъ, что они живутъ на востокъ отъ Мшки (Мешко, князь Польскій), т. е. отъ Поляковъ, что они и Славяне приходятъ изъ Кракова съ товарами въ Прагу, что они съ запада нападаютъ на корабляхъ на Брусовъ (Пруссовъ), и что на западъ отъ нихъ находится городъ женщинъ. Далѣе, онъ замѣчаетъ, что изъ земли Славянъ товары доходятъ моремъ и сушею до земли Русовъ и до Константинополя, и что главнѣйшія племена сѣвера говорятъ по-Славянски, потому что смѣшались съ ними, напримѣръ Ал-Тршинъ (?) и Анклій (?), и Баджакія (Печенѣги), и Русы, и Хазары. Вотъ все, что Ибрагимъ сообщаетъ о Руссахъ. Кажется, норманизмъ тутъ не причемъ. Тѣмъ не менѣе г. Куникъ удивленъ его „правильнымъ взглядомъ на отношенія Руси къ восточнымъ Славянамъ" (68). Въ одномъ мѣстѣ Ибрагимъ замѣтилъ, что „племена сѣвера завладѣли нѣкоторыми изъ Славянъ и обитаютъ по сіе время между ними" (46). Почтенный академикъ не сомнѣвается, что подъ племенами сѣвера тутъ разумѣются не кто другіе какъ Норманны, и что они-то именно смѣшались со Славянами и приняли ихъ языкъ. Ему „изъ сообщаемыхъ свѣдѣній ясно видно, что въ то время ославяненіе Руси дѣлало большіе успѣхи, хотя небыло еще вполнѣ совершившимся фактомъ, вслѣдствіе постояннаго притока изъ-за моря новыхъ массъ Норманновъ" (71). Правда, тутъ представляется нѣкоторое затрудненіе по поводу Печенѣговъ и Хазаръ, которые тоже являются говорящими по-Славянски; но эта неточность яко бы не мѣшаетъ Испанскому Еврею быть замѣчательно точнымъ по отношенію къ Руси-Норманамъ. Кстати и Дитмаръ говоритъ, что населеніе Кіева еще въ 1018 г.

большею частью состояло изъ быстрыхъ Дановъ *); „притокъ же Норманов въ Россіи прекратился только“ послѣ Ярослава (107). Академикъ не замѣчаетъ того, что, объясняя такимъ образомъ извѣстія Ибрагима, онъ окончательно запутываетъ дѣло. Какъ же это: въ X и XI вв. все притекали въ Россію *массы* Норманов-Руси, еще въ 1018 году большинство Кіевскихъ жителей состояло изъ Датчанъ, а между тѣмъ въ половинѣ X вѣка (приблизительно когда писалъ Ибрагимъ) Русь уже говорила по-Славянски? Норманская теорія рѣшительно напоминаетъ птицу, которая голову вытащитъ, хвостъ увязнетъ и т. д.

Второе затрудненіе въ извѣстіяхъ Ибрагима представляютъ Русы, нападающіе на Пруссовъ съ *запада*. Кажется, явная географическая нелѣпость, свидѣтельствующая о сбивчивыхъ представленіяхъ Испанскаго Еврея по отношенію къ Восточной Европѣ. Тутъ можно развѣ заподозрить смѣшеніе Руси съ Руянами, жителями Рюгена, которые дѣйствительно могли дѣлать пиратскіе набѣги на Пруссовъ. Но г. академикъ находитъ здѣсь не что иное какъ „слово *Русъ*, употребленное въ значеніи родоваго названія Норманов“ (108). Выше мы видѣли, что Ибрагимъ подъ племенами сѣвера разумѣетъ именно восточно-Европейскихъ Руссовъ, наравнѣ съ Хазарами и Печенѣгами, которыхъ тоже причисляетъ къ сѣвернымъ племенамъ; а усердный норманистъ заставляетъ его вездѣ бредить Норманами, хотя Испанскій Еврей о Норманахъ совсѣмъ не упоминаетъ.

Намъ приходится въ сотый разъ напоминать норманской школѣ, что отъ средневѣковыхъ писателей невозможно требовать точной, основанной на лингвистикѣ, этнографической классификаціи; что названіе *Славяне* прилагалось ими не ко всѣмъ, а только къ нѣкоторымъ Славянскимъ народамъ, и что вообще въ этомъ отношеніи встрѣчается немалая путаница и нерѣдкія ошибки въ источникахъ. На основаніи такой путаницы, можно доказывать какую угодно этнографическую теорію, если не принимать въ разсчетъ другихъ, несомнѣнно историческихъ фактовъ. Если источники упоминаютъ рядомъ имена „Славяне“ и „Руссы“, отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы Руссы были не Славяне. Точно также писатели VI вѣка, напримѣръ, повѣствуютъ о *Склавинахъ* и *Ан-*

---

*) Норманисты все еще настаиваютъ на Данахъ, хотя по нѣкоторымъ варіантамъ видно, что надобно читать Данаевъ, т. е. Грековъ. На основаніи греческой религіи, латинскіе хронисты Русь причисляютъ иногда къ Греціи.

тахъ; но извѣстно, что Анты также были Славяне. Уже не разъ мною указано, что названіе „Славяне“ у средневѣковыхъ писателей тяготѣетъ болѣе къ Славянамъ Дунайскимъ и по-Лабскимъ; что Русь называла себя Русью, а не Славянами; что она имѣла конечно собственное нарѣчіе, отличное отъ другихъ Славянскихъ племенъ, и т. д. Впрочемъ, назови Ибрагимъ Руссовъ прямо Славянскимъ племенемъ, для норманистовъ и это было бы все равно. Такъ, онъ положительно приводитъ Болгаръ въ числѣ Славянскихъ племенъ, а г. Куникъ въ той же книжкѣ распространяется объ ихъ якобы Чувашскомъ происхожденіи. Слѣдовательно, источники тутъ не причемъ, когда существуетъ такая закоренѣлость предвзятой идеи. Въ источникахъ мы постоянно встрѣчаемъ Шведовъ, Датчанъ, Англичанъ, Голландцевъ (Фризовъ) отдѣльными отъ Нѣмцевъ народами; но кому же приходитъ въ голову доказывать, что все это совершенно различныя племена, не принадлежавшія къ одному Нѣмецкому корню?

Въ концѣ книги г. Куникъ помѣстилъ свое „Розысканіе“ о тождествѣ Русовъ и Нормановъ въ посланіи папы Николая I въ 865 году. Признаюсь, даже совѣстно указывать на пріемъ, который употребляется академикомъ для доказательства такого тождества. Дѣло въ томъ, что папа Николай I, въ посланіи къ императору Византійскому Михаилу III, между прочимъ напоминаетъ ему о варварахъ *язычникахъ*, которые сожгли церкви и окрестности Константинополя, при чемъ умертвили множество людей. Ясно, тутъ идетъ рѣчь объ извѣстномъ нападеніи Руси на Царьградъ весною 865 года. Г. Куникъ утверждаетъ, что подъ словомъ „язычники“ (pagani) папа „не могъ никого разумѣть кромѣ Нормановъ“. Почему же? спрашиваете вы съ удивленіемъ. Да очень просто: Норманы „дѣйствительно какъ разъ въ то время въ Западной Европѣ опустошали церкви и монастыри и весьма часто съ особенною яростью убивали въ самыхъ церквахъ епископовъ и монаховъ“ (175). Оказывается, что одни Норманы владѣли тогда привилегіей опустошать церкви и съ яростью убивать монаховъ, и что, слѣдовательно, другіе язычники были кротки и смиренны какъ агнцы. Послѣ такого научнаго открытія, право, не знаешь, что и подумать объ исторической наукѣ въ академической ея обработкѣ.

Вообще г. Куникъ совсѣмъ не желаетъ знать новую постановку вопроса о происхожденіи Русскаго государства и указанное мною явное смѣшеніе Руси съ Варягами въ русскихъ лѣтописныхъ

сводахъ Суздальской редакціи; каковаго смѣшенія не было въ первоначальномъ Кіевскомъ текстѣ Повѣсти временныхъ лѣтъ, а также въ древнѣйшихъ сводахъ Новогородскихъ и Западно-Русскихъ. Мало того, почтенный академикъ положительнымъ тономъ высказываетъ произвольныя никѣмъ недоказанныя мнѣнія о Русскомъ лѣтописаніи. Напримѣръ: „нѣтъ сомнѣнія, что уже во времена Святослава нѣкоторыя событія заносились въ лѣтопись въ самомъ Кіевѣ". Оказывается такимъ образомъ, что Русская лѣтопись о Русскихъ князьяхъ велась въ Кіевѣ на Славянскомъ языкѣ, конечно, монахомъ или священникомъ еще при Святославѣ, когда, по норманской теоріи, самъ князь, его дружина и большинство Кіевскихъ жителей были нетолько язычники, но и совершенные Норманны. Опять мы можемъ только поздравить норманистовъ съ подобными комбинаціями; а для насъ онѣ не болѣе какъ плодъ усерднаго воображенія.

Если обратимся къ филологической сторонѣ данной монографіи, то опять найдемъ тѣже гаданія и натяжки,—какъ и всегда, хотя школа и считаетъ себя наиболѣе сильною съ этой стороны. Мы же попрежнему утверждаемъ, что филологія, которая расходится съ исторіей, никуда негодится и пока отнюдь не имѣетъ научнаго значенія. Относительно Руси въ этой монографіи этимологія почти отсутствуетъ; но она въ изобиліи предлагается по отношенію къ Болгарскимъ личнымъ именамъ. Въ означенномъ выше отвѣтѣ мы уже указывали на весь произволъ и несостоятельность этой этимологіи.

Перейдемъ теперь къ слѣдующему разсужденію, заглавіе котораго выписано нами въ началѣ. Оно принадлежитъ перу достоуважаемаго нашего историка и также академика Сергѣя Михайловича Соловьева, недавно похищеннаго смертью, столь чувствительною для Русской исторіографіи. Соловьевъ, весь поглощенный сводомъ громаднаго печатнаго и рукописнаго матеріала для своего общаго курса Русской исторіи, никогда не останавливался спеціально надъ вопросомъ о происхожденіи Русскаго государства, и потому никогда не занималъ въ норманской школѣ такого мѣста, какъ Шлёцеръ, Погодинъ и Куникъ. Съ послѣднимъ онъ даже не сходился по нѣкоторымъ сторонамъ вопроса. Но извѣстно, какъ тутъ и неуступчивъ былъ покойный историкъ въ своихъ разъ установленныхъ историческихъ воззрѣніяхъ, — что несомнѣнно представляло почтенную черту въ большинствѣ случаевъ. Не-

смотря на свою уклончивость отъ участія въ полемикѣ, С. М. однако незадолго до своей смерти отозвался на новую постановку вопроса о происхожденіи Русскаго государства; но успѣлъ напечатать только двѣ небольшія статьи (въ „Сборникѣ Государственныхъ Знаній“), и конечно въ духѣ стараго рѣшенія. Хотя статьи эти, по нашему крайнему разумѣнію, представляютъ весьма слабую защиту норманской системы и не стоятъ въ уровень съ другими трудами покойнаго историка; но уже въ силу его авторитетнаго имени мы не желаемъ оставить ихъ безъ надлежащаго отвѣта съ нашей стороны.

Первая статья (Т. IV. „Сборн. Гос. Зн.“) посвящена нѣкоторымъ общимъ разсужденіямъ, преимущественно о народахъ, живущихъ въ родовомъ бытѣ. Здѣсь на протяженіи 18 страницъ встрѣчаемъ мы много разныхъ историческихъ положеній, вѣрныхъ и спорныхъ; раздѣлить между собою тѣ и другія довольно трудно по самой ихъ краткости и бездоказательности. Обращу вниманіе только на слѣдующее положеніе. „Въ исторіи, какъ въ естественныхъ наукахъ, только самыя внимательныя и точныя, микроскопическія наблюденія всей обстановки явленія въ разныя времена и въ разныхъ мѣстностяхъ могутъ освобождать отъ невѣрныхъ выводовъ, относительно общихъ законовъ наблюдаемой жизни“. Положеніе, конечно, вѣрное. Но дѣло въ его приложеніи. А именно этаго приложенія, этихъ точныхъ микроскопическихъ наблюденій надъ жизнью народовъ мы и не находимъ. Вмѣсто нихъ историкъ беретъ слова нашего лѣтописца о Славянахъ, которые „жили каждый съ родомъ своимъ“ и полагаетъ ихъ въ основу своего историческаго зданія, какъ нѣчто весьма точное и несомнѣнное. А между тѣмъ слѣдовало прежде всего подвергнуть точному критическому анализу самое извѣстіе лѣтописца и уяснить: имѣлъ ли человѣкъ, писавшій въ началѣ XII вѣка, какое нибудь хотя приблизительно вѣрное понятіе о политическомъ состояніи Восточной Европы первой половины IX вѣка? Какіе у него были источники для этого? Каково было его міровоззрѣніе? и т. п. Затѣмъ слѣдовало подвергнуть критическому анализу дошедшій до насъ текстъ его лѣтописи и уяснить, насколько онъ остался близокъ, или удалился и исказился сравнительно съ текстомъ первоначальнымъ. А наконецъ, если приводить аналогіи съ другими народами, то надобно выбирать для того самыя подходящія и притомъ безспорныя, вполнѣ извѣстныя и объясненныя. Легкія же указанія на Шотландскій кланъ, Славянскую задругу, Индій-

скую общину и т. п. ничего не даютъ намъ для рѣшенія вопроса о томъ, какимъ путемъ, когда и гдѣ возникъ Славяно-Русскій государственный бытъ? Такія указанія отнюдь не даютъ права считать свои выводы, основанными на „сравнительномъ изученіи первоначальнаго быта племенъ".

Во второй своей статейкѣ, также обнимающей не болѣе 18-ти страницъ, покойный исторіографъ уже прямо нападаетъ на мое мнѣніе о естественномъ, постепенномъ и туземномъ происхожденіи Русскаго государства и пытается защитить басню о призваніи Варяжскихъ князей. Аргументы его распадаются на двѣ группы: во-первыхъ, гадательныя, никакими фактами не подкрѣпленныя предположенія, и, во-вторыхъ, неточная передача моихъ доказательствъ.

Между гадательными предположеніями первое мѣсто занимаетъ указаніе на то, что лѣтописецъ знавалъ старика, который помнилъ крещеніе Руси и слѣдовательно былъ молодымъ человѣкомъ при Владимірѣ св.; а Владиміръ былъ *правнукъ Рюрика*, призваннаго изъ-за моря. Въ нашихъ глазахъ подобная комбинація не имѣетъ серьёзнаго значенія. Мы опираемся на факты. А фактъ заключается въ томъ, что лѣтописецъ принялся за составленіе лѣтописи не ранѣе, или около 1113 года, слѣдовательно—спустя 250 лѣтъ послѣ событія, о которомъ мы споримъ (т. е. мнимаго призванія Варяговъ). Составилъ ее онъ уже будучи пожилымъ человѣкомъ, и нигдѣ онъ не говоритъ, чтобы при самомъ ея составленіи пользовался разсказами монаха Ереміи, который помнилъ крещеніе Руси; онъ упоминаетъ только Еремію въ числѣ печерскихъ старцевъ при Ѳеодосіѣ; мы даже не знаемъ, самъ ли онъ слышалъ отъ Ереміи разсказы о старинѣ или только слыхалъ объ этихъ разсказахъ. Если онъ и видѣлъ Еремію, то конечно въ своей молодости, когда еще у него и въ мысляхъ небыло писать лѣтопись и заранѣе собирать для нея матеріалы. Что наше соображеніе небезосновательно—доказываетъ сама лѣтопись. Она говоритъ, что были разныя мнѣнія о томъ, гдѣ крестился Владиміръ. Если во время составленія лѣтописи уже не было одного опредѣленнаго мнѣнія о крещеніи Владиміра, не смотря на Еремію (который впрочемъ въ это время вѣроятно былъ уже давно умершимъ), то каковы же должны быть смутныя и сбивчивыя представленія о событіяхъ, отдаленныхъ на 250 лѣтъ. Итакъ ни Еремія, ни самъ Владиміръ св. тутъ ни причемъ. Мы думаемъ, что этотъ Владиміръ еще могъ по наслышкѣ знать что нибудь о сво-

емъ *пра-дѣдъ*; но къ сожалѣнію ничего не заявилъ о томъ потомству. Лѣтопись наша составлена не при немъ, а при Владимірѣ Мономахѣ, который, на основаніи только устныхъ разсказовъ, уже едва-ли имѣлъ какія либо точныя вѣрныя свѣдѣнія о своемъ *пра-пра-пра-пра-дѣдѣ.* Разумѣется, если принять смѣлое предположеніе г. Куника о томъ, что Русская лѣтопись велась въ Кіевѣ уже при Святославѣ, тогда всѣ затрудненія устраняются; но за то мы уже выйдемъ изъ области точной, научной критики.

Затѣмъ С. М. Соловьевъ въ своей статьѣ приписываетъ мнѣ положеніе, что „сказаніе о призваніи князей изъ-за Балтійскаго моря есть позднѣйшее Новогородское сочиненіе, XIII вѣка". И возражаетъ противъ такого положенія. Любопытно, что мнѣ приходится повторить въ этомъ случаѣ тотъ же упрекъ, который я сдѣлалъ покойному М. П. Погодину, упрекъ въ невѣрной передачѣ моего мнѣнія. У меня говорится о позднѣйшихъ лѣтописныхъ редакціяхъ и сводахъ; а происхожденіе басни о призваніи Варяговъ я нетолько не считаю „выдуманною когда-то въ Новгородѣ въ XIII в.", но наоборотъ—приурочиваю ее ко времени Ярослава и супруги его *шведской принцессы* Ингигерды, слѣдовательно—къ XI столѣтію. У меня говорилось о позднѣйшихъ искаженіяхъ первоначальнаго лѣтописнаго текста, объ искаженіяхъ, слѣдствіемъ которыхъ явилось смѣшеніе Руси съ Варягами; чего не было въ первоначальномъ текстѣ. Нѣсколько разъ я указывалъ, что въ этомъ фактѣ заключается весь корень поднятаго мною вопроса. Но замѣчательно, что достоуважаемый исторіографъ обошелъ этотъ мой главный аргументъ совершеннымъ молчаніемъ. Защищая какую-то *историчность* нашего лѣтописца, Норманская школа защищаетъ въ сущности его искаженія; тогда какъ моя задача очистить его отъ этихъ искаженій, отъ этаго безсмысленнаго смѣшенія Руси съ Варягами, двухъ разныхъ народовъ въ одинъ небывалый нигдѣ народъ Варяго-Руссовъ.

Покойный исторіографъ выразился даже такъ, будто по моему мнѣнію „надо оторвать начало лѣтописи и замѣнить его догадкою Стрыйковскаго о Роксаланахъ". Приходится только удивляться подобнымъ выраженіямъ подъ перомъ серьёзныхъ ученыхъ, у которыхъ сильное племя Роксаланъ, имѣющее о себѣ цѣлый рядъ извѣстій, начиная съ Тацита и Страбона, является въ исторіи какою-то догадкою Стрыйковскаго! Послѣ нѣсколькихъ подобныхъ возраженій, болѣе или менѣе голословныхъ, не останавливаясь ни

надъ какимъ аргументомъ основательно, авторъ остальную половину своей статейки посвящаетъ общимъ и въ тоже время отрывочнымъ разсужденіямъ объ украинномъ положеніи Руси (хороша Европейская украйна, занимающая чуть не половину Европы!), о лѣсѣ, о полѣ, о городахъ, о рѣдкости населенія и пр. Но какое отношеніе все это имѣетъ къ вопросу о призваніи Варяжскихъ князей, о смѣшенія Руси съ Варягами, вообще о происхожденіи нашего государственнаго быта — остается неизвѣстнымъ.

Повторяю, если я остановился нѣсколько надъ возраженіями покойнаго С. М. Соловьева, то сдѣлалъ это только ради его авторитетнаго имени. Вопросомъ о происхожденіи Русскаго государства онъ никогда спеціально не занимался, и аргументы его по большей части являются простымъ повтореніемъ аргументовъ покойнаго М. П. Погодина.

Если и такіе почтенные Русскіе ученые такъ легко относились къ данному вопросу, не желали вникнуть въ мои доказательства, обходили важнѣйшую ихъ фактическую часть, а выхватывали кое-какія безсвязныя фразы и неточно передавали мои доводы и заключенія,—то чего же можно ожидать отъ другихъ, менѣе почтенныхъ возражателей, особенно отъ людей, нерасположенныхъ къ безпристрастному отношенію уже въ силу своего не-Русскаго происхожденія. Однимъ изъ представителей этой категоріи является Копенгагенскій профессоръ сравнительнаго языковѣдѣнія Вильгельмъ Томсенъ. Сей профессоръ въ маѣ 1876 года прочелъ въ Оксфордѣ три лекціи „Объ отношеніяхъ древней Руси къ Скандинавіи и о происхожденіи Русскаго государства", чтобы въ качествѣ компетентнаго лица просвѣтить Англійскую публику насчетъ этихъ вопросовъ. Мы имѣемъ эти лекціи передъ собою въ „просмотрѣнномъ" нѣмецкомъ изданіи Борнемана.

Тенденціозность Копенгагенскаго профессора бросается въ глаза съ первой же страницы, гдѣ онъ заявляетъ, что „политическое и численное преобладаніе Славянскаго элемента надъ другими народами Восточной Европы есть результатъ сравнительно недавнихъ временъ; тогда какъ основаніе Русскаго государства совсѣмъ не дѣло этаго племени".

Нѣмецкій издатель этихъ лекцій въ предисловіи торжественно заявляетъ о какихъ-то „самостоятельныхъ изслѣдованіяхъ" автора по данному вопросу. Читаете, и удивляетесь такому смѣлому заяв-

ленію. Не только никакихъ самостоятельныхъ изслѣдованій тутъ не находимъ, но автору даже совсѣмъ неизвѣстны послѣдняя постановка вопроса и аргументы, опровергающіе Норманскую теорію; хотя онъ очевидно что-то слышалъ о томъ и, по поводу изслѣдованій Гедеонова, не упускаетъ случая пройтись на счетъ „произвольныхъ фантазій" (17). Это не только не самостоятельныя изслѣдованія, а напротивъ самое поверхностное повтореніе мнѣній и доводовъ извѣстныхъ норманистовъ, преимущественно А. А. Куника. Тамъ, гдѣ авторъ пытается представить какія либо соображенія отъ себя, онъ обнаруживаетъ только свое невѣжество. Напримѣръ, онъ вздумалъ поправлять извѣстія Ибнъ-Дасты; говоритъ, что Русь жила тогда не на какомъ-то нездоровомъ островѣ, а въ Кіевѣ (28). Какъ будто она только и существовала тогда въ одномъ Кіевѣ! Извѣстія Ибнъ-Фадлана, болѣе всего не подходящія подъ Норманскую теорію, Томсенъ называетъ „очевидно по нѣкоторымъ пунктамъ преувеличенными и не критичными" (29). Разумѣется, въ числѣ главныхъ доказательствъ Скандинавскаго происхожденія Руси является пресловутое *gentis Sueonum* Бертинскихъ лѣтописей. Но любопытно, какъ авторъ отдѣлывается отъ несовмѣстимаго со шведскимъ происхожденіемъ *Chacanus vocabulo*. „Самое вѣроятное" по его мнѣнію это то, что Греки въ данномъ случаѣ Шведскихъ Руссовъ смѣшали съ Аварами и Хазарами и русскому королю придали хазарскій титулъ, такъ какъ послы его могли прибыть въ Константинополь черезъ Хазарію (45). Комбинація, можно сказать, замѣчательная по своей невѣроятности.

Въ своей отсталости, Томсенъ повторяетъ даже такія доказательства г. Куника, отъ которыхъ сей послѣдній уже отказался; напримѣръ, Севильскихъ Руссовъ Аль Катиба (54). Скандинавскій ученый также не нашелъ никакой Руси въ Скандинавіи. Какъ же онъ устраняетъ это затрудненіе? Видите ли, древніе Руссы не называли себя Русью на своемъ родномъ языкѣ; а такъ ихъ называли на Востокѣ; аналогіей тому будто бы, служитъ названіе Нѣмцевъ *Германами* (96). Бо̀льшаго невѣжества по отношенію къ древней Руси и къ приведенной аналогіи, мнѣ кажется—трудно и представить себѣ! Русскій народъ самъ и не называлъ себя иначе какъ Русью или Росью, о чемъ, кромѣ Льва Діакона, ясно свидѣтельствуютъ договоры Олега и Игоря; а Нѣмцы наоборотъ сами себя не называли Германами и до сихъ не называютъ. Аналогію съ Русью представляютъ только названія въ родѣ

Франціи. Какъ Русское племя, покоривъ родственныя Славянскія и чуждыя Финскія племена, постепенно въ теченіе вѣковъ распространило имя *Руси* или *Роси* на большую часть Восточной Европы; такъ и Франкское племя, покоривъ родственныя Нѣмецкія племена (Бургундовъ, Готовъ) и неродственное Кельтическое населеніе Галліи, постепенно въ теченіе нѣскольких столѣтій распространило имя *Франціи* на всю Галлію. Изложенныя на слѣдующихъ страницахъ догадки автора, старающіяся объяснить отсутствіе Руси въ самой Скандинавіи, сводятся къ тому, что имя Русь произошло отъ Финскаго *Ротси*, которымъ Финны называли Шведовъ, и что это имя Славяне дали пришедшимъ Скандинавамъ, заимствуя его отъ Финновъ, и т. п. Всѣ подобныя догадки обнаруживаютъ только крайнюю наивность ихъ автора въ сферѣ историко-этнографическихъ вопросовъ. А главное, догадки эти совершенно ненужны, потому что Русь распространяла свое господство не съ сѣвера, а съ юга. Извѣстно, что имя ея, какъ народа, встрѣчается уже у классическихъ писателей I вѣка; это—*Роксалане* или *Россалане*, которыхъ Норманская школа всѣми способами, но тщетно, пытается изгнать изъ исторіи.

Если г. Томсенъ слабъ собственно въ исторической критикѣ, то отъ него, какъ филолога-спеціалиста и притомъ природнаго Скандинава, можно было бы ожидать какихъ либо научныхъ подтвержденій для Норманской системы, именно со стороны филологіи; напримѣръ, болѣе удовлетворительнаго объясненія Русскихъ названій пороговъ и личныхъ именъ, т. е. объясненія изъ Скандинавскихъ языковъ. Ничуть не бывало. Филологія его представляетъ все тѣже этимологическія натяжки, которыя сочинены Петербургскими академиками. А то, что́ г. Томсенъ присовокупляетъ отъ себя, ниже всякой критики. Напримѣръ, слово *Айфаръ*, соотвѣтствующее Славянскому названію *Неясыть* и означающее, по Константину Багрянородному, пеликана, совсѣмъ не существуетъ въ Скандинавскихъ языкахъ, да и пеликановъ тамъ нѣтъ; поэтому авторъ предлагаетъ превратить его въ Eiforr, что значитъ „всегда стремящійся". Но въ такомъ случаѣ что же станется съ текстомъ Константина, по которому Айфаръ означаетъ пеликана? *Геландри*, по новому объясненію г. Томсена, значитъ не что иное какъ „смѣющійся". (Смѣющійся порогъ!). Далѣе вмѣсто *Струвунъ* онъ придумалъ *Струкунъ*, чтобы получить изъ него „маленькій порогъ" на старо-Шведскомъ языкѣ (68—72). Относительно личныхъ именъ все та же система пре-

вращенія ихъ въ Скандинавскія, на основаніи разныхъ подобій, напримѣръ Олега въ Гельги, Берна въ Бьёрна, Рогволода въ Рагнвальда, Ингивлада въ Ингивальда, Свирька въ Сверкира, Шибрида въ Зигфрида и пр. Тѣ же имена, для которыхъ не находится Скандинавскихъ подобій, авторъ считаетъ до того испорченными, что ихъ трудно опредѣлить; въ ихъ числѣ упомянуты и такія, которыя напротивъ отчетливѣе другихъ сохранились въ рукописяхъ, каковы Ятвягъ, Войко, Синько, Боричъ.

Относительно послѣдняго имени, т. е. Боричъ, замѣчу, что оно служитъ однимъ изъ многихъ примѣровъ того искаженія которому подвергался первоначальный текстъ лѣтописи у позднѣйшихъ сводчиковъ и писателей. Мы можемъ теперь возстановить истину, благодаря фотографическому изданію списковъ Лаврентьевскаго и Ипатскаго. Въ Лаврентьевскомъ въ концѣ Игоревыхъ пословъ, заключившихъ договоръ, стоитъ *синко боричь*; а въ Ипатскомъ *исинькобиричь*. (Также въ спискахъ Радвиловскомъ и Моск. Духов. Академіи). Любопытно, что редакція новаго изданія Ипатской лѣтописи, 1871 года, напечатавшая ея списокъ съ началомъ (котораго въ прежнемъ изданіи недоставало) послѣднія слова прочла и напечатала такъ: *Исинько Биричь*. Такимъ образомъ по Лаврентьевскому выходило два имени: одно Синко, другое Боричъ; по Ипатскому тоже два, но нѣсколько отличныя: одно Исинько, другое Биричь. А между тѣмъ Ипатскій списокъ и однородные съ нимъ раскрываютъ истину. Тутъ оказывается только одно собственное имя; другое же слово есть званіе того же лица; понятно, что передъ этимъ именемъ какъ передъ послѣднимъ поставлена частица и, т. е. получается: и *Синько биричь*. Этотъ Синько не только носитъ совершенно славянскую уменьшительную кличку, но и является княжимъ „биричемъ", входившимъ въ составъ посольства. Надѣюсь, что сіе древнеславянское названіе герольда или глашатая никоимъ образомъ не гармонируетъ съ якобы норманскими именами пословъ; такъ же какъ совершенно не соотвѣтствуетъ этой норманизаціи ихъ клятва Перуномъ и Волосомъ,—о чемъ г. Томсенъ очевидно не знаетъ что сказать.

Кстати, къ прежнимъ своимъ соображеніямъ относительно личныхъ именъ прибавлю нѣсколько новыхъ. Одинъ изъ пословъ *Гримъ* какъ будто непремѣнно долженъ быть Нѣмцемъ или Норманомъ; а между тѣмъ по-Малорусски громъ и донынѣ произносится *грім*, что совершенно соотвѣтствуетъ выраженію *грим*-

лютъ сабли въ Словѣ о П. Игоревѣ (какъ уже было указано мною прежде). Далѣе у Чеховъ и Лужицкихъ Сербовъ тоже произносится *гримати* вмѣсто нашего *гремѣть*. Затѣмъ въ числѣ древнихъ Славяно-Русскихъ именъ встрѣчается *Гримислава*; такъ, по Длугошу, называлась Русская княжна, вышедшая замужъ за Лешка Бѣлаго въ XIII вѣкѣ; вѣроятно было и мужское имя *Гримиславъ*. Въ XIV вѣкѣ встрѣчаются имена *Гримко* и *Грималo* (см. у Бѣлевскаго, Monum. II). Отсюда понятно потомъ существованіе Славяно-Польской фамиліи *Гримайловъ* или *Гржималовъ*. Возьмемъ тоже *Прастѣна*, посла *Турдова*. Прастѣнъ дотого славянское слово, что только предвзятая теорія можетъ превращать его въ Frustain и т. п. (142). А что Турдъ было туземное, не пришлое изъ Скандинавіи имя, подтверждаетъ существованіе такихъ названій въ Суздальскомъ краѣ какъ *Турданъ*, городище на р. Колокшѣ, село *Турдіево* и *Турдіевы врăги* (овраги) въ Костромской губерніи (гр. Уварова о Мери въ Трудахъ перваго Археологич. съѣзда 673 и 683 стр.). Или возьмемъ *Гунара*; имя *Гуня* не только существовало въ старину у Малороссовъ, а также у Сербовъ и Болгаръ; но *гуня* до селѣ означаетъ родъ кафтана въ Пермской губерніи и Западной Сибири (см. „Югозападную часть Томской губерніи“ Потанина II т. 571 стр. въ Этногр. Сборн.“ VI и „Пермскую губ.“ Мозеля). Не продолжаю набравшихся у меня еще разныхъ мелкихъ замѣтокъ по этой части, надѣюсь, сказаннаго достаточно, чтобы видѣть всю поверхностность, всю предвзятость отношенія Норманской школы къ данному вопросу. Русь вмѣстѣ съ крещеніемъ приняла Греческія имена, и только небольшая часть прежнихъ языческихъ именъ продолжала послѣ того обращаться въ народѣ. Тѣмъ не менѣе значительное количество именъ Олегова и Игорева договоровъ все-таки встрѣчается потомъ въ древней Руси, въ лѣтописяхъ и другихъ памятникахъ. Мы имѣемъ полное право заключать, что эти договоры счастливымъ случаемъ сохранили намъ цѣлый сборникъ Славяно-Русскихъ именъ языческой эпохи.

Надѣюсь также, что приведенныхъ указаній достаточно, чтобы дать настоящую цѣну хвастливому заявленію Нѣмецкаго издателя, будто брошюрка г. Томсена представляетъ такъ сказать послѣднее слово науки по Варяго-Русскому вопросу. А между тѣмъ наши отечественные норманисты весьма ей обрадовались, и одно періодическое изданіе, спеціально посвященное критикѣ, поспѣшило усмотрѣть въ ней какія-то новыя подтвержденія пре-

словутой теоріи. („Критическое Обозрѣніе". М. 1879, № 20. Изд. В. Миллера и М. Ковалевскаго). Вотъ что значитъ явное пристрастіе!

Обращаясь къ тому положенію, которое я выставилъ краеугольнымъ камнемъ, исходною точкою отправленія въ своей борьбѣ съ норманизмомъ, т. е. къ первоначальному тексту лѣтописи и къ смѣшенію Руси съ Варягами въ позднѣйшихъ ея спискахъ, нельзя не удивляться, что мои противники совершенно обходятъ молчаніемъ это положеніе и представленныя мною доказательства, и ограничиваются голословными фразами о правдивости Нестора вообще. (Замѣтьте при этомъ также ихъ упрямство по отношенію къ имени лѣтописца. Несуществуетъ никакихъ серьёзныхъ доказательствъ, что Повѣсть временныхъ лѣтъ написалъ Несторъ. Мало того, игуменъ Сильвестръ самъ ясно говоритъ въ ней, что онъ *написалъ сей лѣтописецъ*. Такъ нѣтъ, онъ, видите ли, не написалъ, а только *переписалъ* лѣтопись Несторову). Я же съ своей стороны все болѣе и болѣе убѣждаюсь въ помянутомъ положеніи. Между прочимъ льщу себя надеждою, что мнѣ посчастливилось напасть на самый ключъ къ этому позднѣйшему недоразумѣнію.

Никто доселѣ не обратилъ вниманія на то, что въ нѣкоторыхъ спискахъ начальной лѣтописи, по поводу посольства за море къ Варяжскимъ князьямъ, сказано: „Рѣша (Варягомъ) *Русь*, Чудь, Словѣне, Кривичи и Весь: земля наша велика" и пр. Такъ значится, напримѣръ, въ спискахъ Ипатскомъ, Троицкомъ, Переяславскомъ. Между тѣмъ въ другихъ, напр. въ Лаврентьевскомъ, стоитъ: „Рѣша *Руси*, Чюдь, Словѣне, Кривичи" и т. д. Мы не сомнѣваемся, что въ первыхъ спискахъ въ этомъ случаѣ сохранился остатокъ первоначальной редакціи, гдѣ Русь является въ числѣ народовъ, отправившихъ пословъ за море къ Варягамъ. Слѣдовательно, не одни лѣтописные своды Западно-Русскіе (судя по Польскимъ историкамъ, которые ими пользовались) и Новгородскіе (судя по лѣтописцу Никифора и по отрывку Іакимовской лѣтописи) сохраняли первоначальную редакцію; но слѣды ея находимъ и въ сѣверовосточной Россіи. Это столь повидимому ничтожное измѣненіе первоначальнаго *Русь* въ *Руси* повело къ важному недоразумѣнію. Стоило только какому либо переписчику или сводчику, не разобравъ подлинника, поставить „*послаша* (или рѣша) къ Варягомъ Руси, Чюдь, Словѣне" и пр., вмѣсто

„къ Варягомъ Русь, Чюдь, Словѣне", какъ мало-по-малу явилась цѣлая группа такихъ искаженныхъ списковъ; а кто либо изъ дальнѣйшихъ сѣверовосточныхъ списателей и сводчиковъ, принявъ эту ошибку за истину, и, смѣшивая Русь съ Варягами, постарался еще подкрѣпить ее нѣкоторыми глоссами въ родѣ: „сице бо звахуть ты Варягы Русь, яко се друзіи зовутся Свее, друзіи же Урмани, Англяне" и пр. И вотъ такимъ образомъ въ Суздальскихъ и позднѣйшихъ сѣверныхъ сводахъ появилась смѣшанная въ одно, небывалая народность Варяго-Руссовъ. Но любопытно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сѣверовосточныхъ лѣтописныхъ сводовъ все-таки остались слѣды первоначальнаго текста, рѣзко противорѣчащіе этой позднѣйшей редакціи. Напримѣръ: „Поляне яже нынѣ зовомая Русь", „а Словенескъ языкъ и Руский одно есть", и пр. Точно также сохранившіеся тексты договоровъ Олега и Игоря говорятъ только о Руси и никакихъ Варяго-Руссовъ не знаютъ.

Кто пристально занимался разными списками нашихъ лѣтописей, тотъ знаетъ, какъ часто встрѣчаются разногласія въ ихъ текстахъ. Вы не найдете и двухъ списковъ буквально во всемъ сходныхъ. Явное доказательство, какъ сильно мѣстами попорченъ, искаженъ первоначальный текстъ подъ перомъ сводчиковъ и переписчиковъ! Я могъ бы привести многіе примѣры разногласій и искаженій, которыя совершенно затемняютъ или извращаютъ смыслъ и могутъ быть исправляемы только при тщательномъ сличеніи списковъ. Чтобы недалеко ходить, укажу на ту же самую фразу о рѣчи пословъ Варягамъ. По нѣкоторымъ спискамъ, за море посылали пословъ Русь, Чюдь, Словѣне (Новгородцы), Кривичи и *Весь*; а въ другихъ Весь превратилась во *вся* или во *вси*, и сообразно съ тѣмъ получился различный смыслъ. По однимъ это *вси* какъ бы относится къ предъидущему слову „Кривичи", т. е. „всѣ Кривичи". По другимъ это *вся* отошло къ слѣдующему слову „земля", и вышло такъ: „вся земля наша велика и обильна". Подобнымъ же образомъ, повторяю, кѣмъ либо не разобранная именительная форма *Русъ* и ошибкою списанная въ дательной формѣ *Руси* отнесена потомъ къ предъидущему слову (стоявшему или подразумѣваемому) „Варягомъ", и получилось понятіе о послахъ, отправленныхъ за море къ Руси или „къ Варягомъ къ Руси". А затѣмъ пошло уже, почти систематическое, нелѣпое смѣшеніе двухъ разныхъ народовъ въ одинъ. Но въ этомъ смѣшеніи, какъ я сказалъ, участвовали далеко не всѣ группы лѣ-

тописныхъ списковъ; древніе Западно-Русскіе и Новгородскіе списки по всѣмъ признакамъ остались болѣе или менѣе близки къ первоначальной редакціи.

Въ виду многихъ и добросовѣстныхъ изслѣдованій, посвященныхъ Русской лѣтописи, можно бы удивляться тому, что доселѣ не былъ возстановленъ ея первоначальный текстъ въ такомъ важномъ пунктѣ. Но, пока норманизмъ господствовалъ въ нашей исторіографіи, никому и въ голову неприходило подвергнуть критическому анализу помянутыя разногласія списковъ и разсмотрѣть ихъ въ связи съ отношеніями Варяговъ къ Русской исторіи.

Итакъ, повторяю, легенда о призваніи Варяговъ имѣла первоначально династическій характеръ, т. е. выводила Кіевскій княжескій родъ изъ-за моря отъ Варяжскихъ князей; но отнюдь не представляла все Русское племя чуждымъ, не-Славянскимъ, пришлымъ изъ-за моря. Разъ установивъ это положеніе, мы уже собственно не имѣемъ большой надобности опровергать самую легенду. Если Русь была туземное племя, извѣстное у болѣе древнихъ писателей подъ именемъ Роксаланъ, то ей не было нужды призывать къ себѣ чужихъ князей, такъ какъ у нея издревле были свои собственные. О Роксаланскихъ князьяхъ упоминаютъ источники еще I и II вѣка по Р. Х.

Для насъ достаточно отвергнуть басню о призваніи Варяжскихъ князей на основаніи ея фактической несостоятельности, и никто не въ правѣ требовать, чтобы мы непремѣнно объяснили когда, почему, какимъ путемъ возникла эта басня. Однако и на этотъ счетъ мы уже предлагали свои соображенія. Въ настоящее время пополнимъ ихъ слѣдующими указаніями.

Нѣкоторый свѣтъ на происхожденіе данной басни бросаютъ слова лѣтописца по поводу убіенія Андрея Боголюбскаго и послѣдующихъ безпорядковъ. „Не вѣдуче глаголемаго: идѣже законъ, ту и обидъ много“, „князь бо не туне мечъ носитъ“ и т. п. (Лаврент. списокъ). Затѣмъ повѣствуется, какъ вслѣдствіе этихъ безпорядковъ и опасности отъ сосѣдей дружина и земство собрались на вѣче, и начали думать, за какимъ княземъ послать, т. е. кого изъ князей *призвать* на свой столъ. Лѣтописецъ очевидно пользуется этимъ случаемъ, чтобы указать на положеніе земли, которая не можетъ стоять безъ князя, и вообще на необходимость княжеской власти. Тѣ же самыя понятія очевидно выставлялъ на первый планъ и начальный Кіевскій лѣтописецъ, свидѣтель многихъ смутъ и усобицъ въ концѣ XI и началѣ XII

30*

вѣка. (Не говорю о Новгородѣ, гдѣ призваніе того или другаго князя сдѣлалось обычнымъ явленіемъ). Когда ему пришлось объяснить начало Русскаго княженія, то ровно ничего не зная о стародавнихъ, историческихъ князьяхъ Руси, онъ выставилъ домыселъ, конечно не ему одному принадлежавшій, а сложившійся около того времени при самомъ княжемъ дворѣ,—домыселъ о томъ, что были когда-то на Руси смуты и безнарядье, усобицы и обиды отъ сосѣдей, и вотъ, чтобы прекратить это безнарядье, земское вѣче рѣшило призвать князей изъ-за моря отъ Варяговъ. А Варяги какъ-разъ въ тѣ времена, т. е. въ XI вѣкѣ, состояли у насъ въ почетѣ и въ родствѣ съ нашимъ княжимъ домомъ, и были славны въ цѣлой Европѣ. Въ этой легендѣ заключается своего рода легитимная или монархическая тенденція, тѣмъ болѣе понятная, что лѣтописецъ принадлежалъ къ духовному сословію, которое съ самаго начала является у насъ въ тѣсномъ союзѣ со свѣтскою или княжею властью.

Слѣдовательно для того, кто близко ознакомится съ духомъ древней Русской исторіи, книжный домыселъ о призваніи Варяжскихъ князей не покажется безсмысленнымъ. Онъ сдѣлался таковымъ только послѣ искаженія первоначальнаго лѣтописнаго текста, когда нѣкоторые невѣжественные переписчики и сводчики все Русское племя стали относить къ Варягамъ.

Если искать аналогіи для происхожденія Русскаго государства и для самой басни о трехъ братьяхъ Варягахъ, то самую подходящую аналогію представляетъ возникновеніе Литовскаго великаго княженія. Извѣстно, какія генеалогическія басни сложились о заморскомъ выходцѣ Палемонѣ и его трехъ сыновьяхъ, судя по хроникамъ Быховца и Стрыйковскаго. Къ счастію, Литовское государство возникало на глазахъ Русскихъ лѣтописцевъ, и самыя достовѣрныя извѣстія, хотя краткія и отрывочныя, мы находимъ именно въ Волынской лѣтописи. Тамъ мы встрѣчаемъ большое количество мелкихъ туземныхъ князей или державцевъ. Для отпора внѣшней опасности они составляютъ родовые союзы подъ главенствомъ старшихъ въ родѣ, или болѣе сильныхъ державцевъ; а потомъ изъ среды этихъ родовъ возвышается одинъ, къ которому принадлежалъ Миндовгъ; сей послѣдній подчиняетъ себѣ значительную часть Литовской земли и сосѣдней Руси. Но не вдругъ окрѣпло начатое имъ объединеніе. Слѣдуютъ разные смуты и перевороты, пока объединеніе вновь и еще съ большимъ успѣхомъ стало совершаться трудами Гедимина. Тоже самое, но

еще въ болѣе продолжительный періодъ происходило съ Восточно-Славянскими и нѣкоторыми Финскими племенами, которыхъ объединили Кіевско-Русскій княжій родъ и его Славяно-Русскія дружины. Любопытно, что договоры Литовскихъ князей съ Волынскими также можно поставить въ параллель съ договорами Олега и Игоря. Напримѣръ, укажу на заключеніе мирнаго договора въ 1215 г. (по Ипат. списку). Содержаніе трактата не приводится; но тутъ приведены имена участвовавшихъ въ немъ до двадцати Литовскихъ князей со старшимъ Живинбудомъ во главѣ,—что напоминаетъ договорныя имена удѣльныхъ князей и бояръ Олега и Игоря.

По поводу даннаго вопроса не могу не посѣтовать на большинство нашихъ славистовъ. Нѣмцы отлично разработали начало Нѣмецкой исторіи. Но скажите, гдѣ начало исторіи Славянской? Мы, пожалуй, готовы разыскивать Славянскія колоніи въ Италіи, Испаніи, Азіи и Африкѣ; но постоянно упускали изъ виду главное—массу Славянъ Понтійскихъ и отчасти Дунайскихъ, откуда и пошла Славянская исторія. Славянство въ видѣ Руси и Болгаръ бьетъ сильнымъ ключемъ въ исторіи Юго-Западной Европы съ V по X вѣкъ включительно. Болгаре потрясли Византійскую имперію, наводнили ея Балканскія провинціи и заставили сказать Константина Багрянороднаго: „ославянилась вся страна“. А Русь своимъ мечемъ объединила многія Славянскія племена и распространила свое владычество отъ Ладожскаго озера до Тамани и отъ Карпатъ до нижняго теченія Оки. Наши же слависты выставляютъ эти могучіе цѣльные Славянскіе народы какими-то тѣнями, межеумками. Все это, по ихъ мнѣнію, сдѣлала съ одной стороны горсть какихъ-то Скандинавскихъ выходцевъ, а съ другой—какая-то Татарская или Чудская орда, сама непонятнымъ образомъ обратившаяся въ Славянъ. Ясно, что подобные „Славянскіе слависты“, съ гг. Ягичемъ и Макушевымъ во главѣ, не вѣдаютъ основныхъ историческихъ законовъ, дѣйствующихъ въ развитіи народовъ и государствъ. Они являются въ этомъ случаѣ прислужниками Нѣмецкихъ теорій и стараются поддержать ихъ, возлагая древне-Русскія имена на этимологическую дыбу и всѣми неправдами вымучивая изъ нихъ иноземное значеніе или, даже безъ всякой дыбы, голословно объявляя Болгарскія имена не то Чудскими, не то Татарскими, потому только, что не умѣютъ добыть изъ нихъ никакого смысла. И такіе-то въ высшей степени поверхностные пріемы выставляются ими же за якобы высоконаучные!

Въ заключеніе, не лишнимъ считаю замѣтить, что я веду борьбу только съ норманизмомъ какъ системою, долго господствовавшею въ Русской исторіографіи и имѣвшею за себя хотя нѣкоторыя основанія. Другія еще менѣе состоятельныя теоріи происхожденія Руси оставляю въ сторонѣ. Такъ, например, въ послѣднее время извѣстенъ исполненный эрудиціи большой трудъ Гедеонова, пытавшагося провести Славяно-Балтійскую теорію Руси. (См. выше). Ту же теорію продолжаетъ отстаивать г. Забѣлинъ. Мы считаемъ ее настолько безнадежною, что не желаемъ тратить время на ея опроверженіе. Что касается собственно моей системы, то ее по справедливости называютъ *Роксаланскою*. Но въ сущности я не предлагаю никакой искусственной теоріи. Я только вооружился критическимъ анализомъ относительно всѣхъ тѣхъ источниковъ и аргументовъ, на которыхъ создались теоріи иноземнаго и не-Славянскаго происхожденія Руси. Я только отрицаю всѣ подобныя теоріи, выставляя несостоятельность ихъ источниковъ и доказательствъ. А затѣмъ моя положительная сторона вытекаетъ уже сама собою изъ этого отрицанія. Если нѣтъ никакихъ серьёзныхъ доказательствъ считать Русь народомъ чуждымъ, пришлымъ въ IX вѣкѣ изъ Скандинавіи и откуда бы то ни было, то ясно, что въ данную эпоху (въ эпоху мнимаго призванія князей) это былъ народъ туземный и притомъ Славянскій. А если пойдемъ въ глубь вѣковъ, то встрѣчаемъ приблизительно на тѣхъ же мѣстахъ народъ Роксаланъ или Росъ-Аланъ; слѣдовательно, вотъ имя, подъ которымъ наши предки были извѣстны у болѣе древнихъ писателей. Такова сущность моей системы; надѣюсь, никакой сложной искусственной теоріи я не предлагаю. Я стараюсь только возстановить историческій фактъ, затемненный сначала домыслами и относительнымъ невѣжествомъ нашихъ старыхъ книжниковъ, а потомъ окончательно извращенный нѣкоторыми учеными прошлаго и настоящаго столѣтія, съ помощью невѣрныхъ историко-филологическихъ пріемовъ.

V.

Спеціальные труды по начальной русской исторіи.

„Русская военная исторія". Составилъ князь Н. Голицынъ. Двѣ части (до Петра Великаго). С.-Пб. 1877—1878. „Исторія Русской церкви". Е. Голубинскаго. Періодъ до-монгольскій. М. 1880. „Очерки Русской исторіи въ памятникахъ быта". П. Полеваго. Два выпуска (до XIV вѣка). 1879—1880.

Намъ уже не разъ случалось указывать на тотъ вредъ, который принесла и продолжаетъ приносить норманская теорія, препятствуя правильной обработкѣ перваго періода Русской исторіи почти по всѣмъ сторонамъ народнаго и государственнаго быта. Исторія гражданская, военная, церковная, бытовая, юридическая, филологія, этнографія, археологія, все это немилосердно искажаетъ факты и дѣлаетъ ложные выводы, какъ скоро беретъ своимъ исходнымъ пунктомъ мнимое пришествіе Руси откуда-то изъ-за моря, въ IX вѣкѣ. Передъ нами три довольно объемистые труда, которые именно страдаютъ отъ помянутой теоріи, въ особенности два первые.

Во введеніи къ своему сочиненію князь Голицынъ перечисляетъ массу источниковъ и пособій. Тутъ вы найдете: лѣтописи русскія, византійскія и западно-славянскія, даже житія святыхъ и разные акты, всѣ возможныя сочиненія по исторіи русской, западно-славянской, польской, чешской, литовской, шведской, монгольской и т. д. Но для насъ важны отношенія автора къ своимъ источникамъ: какъ и на сколько онъ ими воспользовался? Предпринимая самое изложеніе русской военной исторіи, князь Голицынъ начинаетъ свое повѣствованіе очень издалека, то-есть, со Скиѳовъ и Сарматовъ: перечисляетъ всѣ ихъ племена, описываетъ религію, сообщаетъ вкратцѣ исторію. Затѣмъ онъ переходитъ къ описанію Славянъ, ихъ расселенію, быту, перечисленію всѣхъ племенъ и т. п. Не упускаетъ повторить домыселъ о невоинственности Славянъ (стр. 21), а въ сущности объ ихъ пассивности,—домыселъ, пущенный въ ходъ нѣмецкими писателями и поддержанный ихъ близорукими славянскими послѣдователями, тогда какъ самый поверхностный обзоръ историческихъ фактовъ противорѣчитъ этому взгляду. Судя по перечню источниковъ и пособій, сочинителю какъ будто извѣстны и мои изслѣдованія о началѣ Руси. Тѣмъ не менѣе онъ повторяетъ старыя

басни о призваніи Варяговъ, и считаетъ „первоначальный составъ и характеръ нашей княжеской дружины чисто норманскими" (стр. 31); преобразованіе же норманскаго войска въ славянское совершили Владиміръ и Ярославъ (стр. 32). И вотъ такимъ образомъ вся начальная военная исторія Руссовъ, можно сказать— уничтожена однимъ ударомъ. Зачеркнуты тѣ своеобразныя и характерныя черты, съ которыми русская рать является подъ Царьградомъ въ 865 году. Пропали для русской военной исторіи тѣ въ высшей степени любопытныя подробности, которыя Левъ Діаконъ сообщаетъ о военномъ строѣ и боевыхъ пріемахъ Руси Святослава. Ибо все это оказывается не наше собственное, а чужое, норманское. Сообразно съ норманскою тенденціей, авторъ старается уменьшать дѣйствительныя цифры русской рати. Такъ подъ Царьградомъ, по всѣмъ даннымъ, Русь можно положить minimum въ 12 или 15 тысячъ воиновъ; у Святослава же, по византійскимъ извѣстіямъ, было въ Болгаріи 60,000 человѣкъ. Понятно, что такія числа никакъ не подходятъ къ норманскимъ наемнымъ отрядамъ; а потому въ первомъ случаѣ выставляется 8 тысячъ, а во второмъ 10; къ послѣднему для пополненія цифры прибавляются толпы Венгровъ и Печенѣговъ (стр. 32), хотя Левъ Діаконъ ясно говоритъ о большомъ и однородномъ войскѣ, сплошь состоявшемъ изъ Руссовъ. Упущены изъ виду извѣстія арабскія, повѣствующія о походахъ Руси въ Каспійское море въ количествѣ пятидесятитысячной рати.

Князь Голицынъ утверждаетъ, что Владиміръ и Ярославъ образовали „народное русское войско", и съ того времени перестали призывать наемныя варяжскія дружины. Между тѣмъ въ дѣйствительности было наоборотъ. До Владиміра только въ Новгородѣ находимъ намеки на пребываніе наемнаго варяжскаго отряда или гарнизона; а въ Кіевской Руси, судя по яснымъ свидѣтельствамъ Византійцевъ-современниковъ, еще не было въ обычаѣ употреблять для войны дружины наемныхъ Варяговъ. Только при Владимірѣ они являются въ Кіевѣ, и только при Ярославѣ встрѣчаются въ русскомъ войскѣ, ходившемъ на Грековъ. Исходя отъ ложнаго мнѣнія о норманскомъ составѣ нашихъ древнихъ дружинъ, сочинитель, между прочимъ, приписываетъ имъ клинообразный строй, который „по тогдашнему выраженію назывался *свиньей*" (37), тогда какъ это выраженіе встрѣчается въ лѣтописяхъ только въ XIII вѣкѣ, въ примѣненіи къ Ливонскимъ рыцарямъ.

„Въ походахъ по рѣкамъ", говоритъ сочинитель, — „войска часто вытаскивали суда свои на берега и несли ихъ на себѣ (на переволокахъ, порогахъ и т. п.), а одинъ разъ, въ походѣ къ Константинополю, если вѣрить византійскимъ лѣтописцамъ, ѣхали на своихъ ладьяхъ по землѣ и по вѣтру на парусахъ и каткахъ" (стр. 38). Въ этихъ немногихъ словахъ заключается нѣсколько капитальныхъ ошибокъ. Во-первыхъ, никакіе византійскіе лѣтописцы не говорятъ о путешествіи русскихъ ладій на парусахъ и каткахъ, а есть нѣчто подобное между тѣми баснями, которыми наполнена наша начальная лѣтопись, именно по поводу миѳической осады Константинополя Олегомъ. Во-вторыхъ, о перетаскиваніи судовъ на рукахъ по волокамъ и мимо пороговъ, на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ верстъ, не говоритъ ни одинъ источникъ. Это плодъ пылкаго воображенія норманистовъ, которые заставляютъ Варяговъ на своихъ морскихъ судахъ плавать изъ Балтійскаго моря въ Черное по обширнымъ волокамъ, мимо Двинскихъ и Днѣпровскихъ пороговъ; источники же говорятъ слѣдующее. И скандинавскія саги, и русскія лѣтописи, разказывая о норманскихъ походахъ въ Россію, указываютъ городъ Ладогу крайнимъ предѣломъ, до котораго доходили ихъ суда. Далѣе вверхъ по Волхову они не могли слѣдовать по причинѣ пороговъ. Торговые караваны около этихъ пороговъ перегружались на туземныя болѣе легкія суда, чтобы идти въ Новгородъ. Вверхъ по Двинѣ могли ходить то же не морскія суда, а плоскодонныя барки или дощаники, также по причинѣ пороговъ; затѣмъ товары перегружались на телѣги и волокомъ, то-есть сухопутьемъ, перевозились до Смоленска, къ верхнему Днѣпру. На этотъ порядокъ прямо указываютъ торговые договоры Новгорода и Смоленска съ варяжскими и нѣмецкими городами. Караваны, ходившіе Днѣпромъ въ Грецію, составлялись изъ ладей, которыя строились въ Полѣсьѣ и весною спускались въ Днѣпръ; въ Кіевѣ онѣ снаряжались и нагружались, и отсюда шли внизъ. Они проходили *сквозь пороги*, а никакъ не таскались на рукахъ мимо ихъ, что было бы невозможно физически. О томъ ясно говоритъ Константинъ Багрянородный. На всѣ эти обстоятельства я имѣлъ уже честь указывать въ своихъ изысканіяхъ; но послѣдователи тенденціозной норманской теоріи продолжаютъ игнорировать несомнѣнныя свидѣтельства источниковъ.

„Въ удѣльномъ періодѣ Руссы въ строѣ и образѣ дѣйствій войскъ въ бою заимствовали уже многое отъ сосѣднихъ наро-

довъ — особенно Тюркскаго племени, равно и отъ Венгровъ" (стр. 38). И нѣсколько ниже: „Весьма вѣроятно, что въ строѣ и образѣ дѣйствій войскъ Руссы многое заимствовали: въ сѣверной Руси—у Шведовъ и Ливонскихъ рыцарей, а въ западной и юго-западной — у сосѣдей своихъ, Поляковъ и Венгровъ". Эта, основанная на однихъ предположеніяхъ характеристика русскаго военнаго искусства въ удѣльный періодъ страдаетъ такимъ же недостаткомъ изученія, какъ и предыдущій мнимо-норманскій періодъ. А между тѣмъ вотъ что говоритъ главный источникъ для нашего удѣльнаго времени, то-есть русская лѣтопись: Въ 1229 г. Даніилъ Романовичъ съ братомъ Василькомъ ходили на помощь Конраду Мазовецкому и вмѣстѣ съ нимъ осаждали городъ Калишъ. „Кондрату же любящу *русскій бой* и понужающу Ляхы свое, онѣмъ же одинако нехотящимъ". (Ипат. лѣтоп. по нов. изд., 504). И такъ, былъ свой собственный „русскій бой", то-есть, свои особые пріемы, свое русское военное искусство, которому Конрадъ отдавалъ предпочтеніе передъ собственнымъ польскимъ. Еслибы сочинитель, вмѣсто помянутаго перечня многочисленныхъ источниковъ, внимательно изучилъ хотя бы одну Кіево-Волынскую лѣтопись, то онъ нашелъ бы тамъ довольно цѣннаго матеріала для характеристики нашего военнаго искусства въ удѣльную эпоху и убѣдился бы, что оно стояло довольно высоко по тому времени и было вполнѣ своеобразно; слѣдовательно, имѣло уже свои традиціи, свое историческое развитіе. Вмѣсто ни къ чему непригоднаго, сухаго перечня почти всѣхъ войнъ и походовъ этого періода и его запутанной политической исторіи, авторъ поступилъ бы гораздо лучше, еслибы сосредоточилъ свое вниманіе на фактахъ, самыхъ характерныхъ и болѣе подробно изложенныхъ лѣтописцами, а потомъ уже отсюда строилъ бы свои выводы о военной сторонѣ русской исторической жизни. Напримѣръ, слѣдовало бы подвергнуть особому изученію такія событія, какъ извѣстный походъ Игоря на Половцевъ, битву на Рутѣ, Липецкую битву, походы Даніила Романовича на Ятвяговъ и т. п.

Ограничивая пока свою критику собственно кіевскою эпохою нашей исторіи, я оставляю здѣсь сочиненіе князя Голицына, которое чѣмъ болѣе подвигается къ позднѣйшему времени, тѣмъ болѣе представляетъ разнообразнаго, поучительнаго матеріала и вообще заслуживаетъ вниманія, какъ первая систематическая попытка въ этомъ родѣ. Перехожу къ слѣдующему спеціальному труду: къ „Исторіи Русской церкви" г. Голубинскаго.

Не скроемъ, что книга г. Голубинскаго произвела на насъ тяжелое впечатлѣніе. Отъ писателя, уже извѣстнаго добросовѣстными трудами, признаться, мы никакъ не ожидали столь превратнаго и поверхностнаго отношенія къ дѣлу и такого слѣпаго поклоненія отжившей норманской системѣ. Еслибы г. Голубинскій, просто и не мудрствуя лукаво, слѣдовалъ лѣтописнымъ баснямъ и ошибкамъ списателей, а также установленнымъ норманистами домысламъ и толкованіямъ, его трудъ имѣлъ бы хотя внѣшній видъ нѣкотораго построенія. Но авторъ вздумалъ мѣстами не соглашаться съ начальною лѣтописью и поправлять ее, а мѣстами пересыпать свой разказъ о введеніи въ Россіи христіанства полемикою съ антинорманистами. Въ числѣ послѣднихъ, очевидно, онъ возражаетъ и на мои доводы, хотя меня не называетъ; при чемъ на каждомъ шагу мы убѣждаемся, что изслѣдованія наши если онъ отчасти и просматривалъ, то очень невнимательно. Въ результатѣ онъ постоянно путается въ новыхъ домыслахъ и противорѣчитъ не только историческимъ фактамъ, но и самому себѣ.

Вопервыхъ, онъ принимаетъ Аскольда и Дира за историческія лица, пришедшія съ Рюрикомъ изъ Скандинавіи, но отвергаетъ разказъ лѣтописи объ ихъ нападеніи на Царьградъ. Русь, нападавшая на Царьградъ и послѣ того крестившаяся, по его мнѣнію, была не кіевская, а таврическая, „не имѣвшая къ кіевской никакого отношенія“ (стр. 24). „О Руссахъ азовско-таврическихъ пока еще не найдено никакихъ историческихъ свидѣтельствъ“. И вслѣдъ затѣмъ сочинитель самъ приводитъ свидѣтельства о ней Арабовъ и нѣкоторыя географическія названія. Варяго-Руссы пришли и поселились на Таманскомъ полуостровѣ (неизвѣстно когда) рядомъ съ своими родичами Готами „и слились съ ними въ одинъ народъ, такъ что русское называли готскимъ и наоборотъ“. Такимъ образомъ, русское Евангеліе, найденное Константиномъ въ Крыму, было собственно готское (стр. 30). Далѣе, по поводу Сурожской легенды, авторъ говоритъ: „Мы ни одного писателя не знаемъ и ни одного свидѣтельства не имѣемъ, чтобы Славяне наши до прибытія къ намъ Варяговъ занимались набѣгами на другіе народы, а напротивъ, знаемъ только, что они сами были цѣлью этихъ набѣговъ, и что эта постоянно страдательная роль составляла ихъ характеристическую и отличительную черту“ (стр. 45). Сказать это можетъ только тотъ, кто не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о фактической исторіи Славянъ.

Если авторъ не вѣритъ въ тожество Руси и Роксаланъ, то все-таки неужели ему неизвѣстны византійскія свидѣтельства объ Антахъ или восточныхъ Славянахъ? (Не говоримъ уже о Сарматахъ, которыхъ авторъ, вѣроятно, тоже относитъ къ Нѣмцамъ).

Между прочимъ, г. Голубинскій пускается и въ филологическія толкованія—этотъ самый скользкій путь для всѣхъ толкователей. Относительно имени Русь онъ принимаетъ такую комбинацію. Финны называютъ Шведовъ Rotsi; Новгородцы, познакомились съ Норманнами чрезъ Финновъ, назвали ихъ финскимъ именемъ „и произошло русское (славянское) имя Норманновъ. Вслѣдъ за Русскими назвали Норманновъ этимъ именемъ Греки, а за Греками Арабы" (стр. 49). Можно ли придумать комбинацію болѣе наивную и менѣе серьёзную! Тутъ не выходитъ главнаго: какъ же сами-то Русскіе Славяне стали себя называть Русью? Откуда, изъ какихъ источниковъ видно, что Новгородцы познакомились съ Норманнами чрезъ Финновъ? Извѣстно, напримѣръ, что первые плавали ко вторымъ прямо на островъ Готландъ, а вторые прямо плавали къ первымъ въ Ладогу. Притомъ самъ же авторъ говоритъ, что Новгородцы назвали себя не Русью, а Славянами (стр. 45). Притомъ уже было приведено столько фактовъ, указывающихъ на принадлежность имени Руси преимущественно днѣпровскимъ Славянамъ, что необыкновенно странно теперь встрѣчать подобныя толкованія. Если всѣ сосѣди называли насъ Руссами, то конечно, потому, что мы сами такъ себя называли. „Созвучіе въ имени народа Русь съ названіями рѣкъ Рось и Руса просто случайное" (стр. 51). Въ томъ же родѣ идутъ далѣе разсужденія объ именахъ князей и пословъ. Но обратимся собственно къ введенію христіанства.

Оказывается, что христіанство ввели къ намъ Варяги, служившіе прежде въ Константинополѣ. Слѣдуетъ ссылка на договоръ Игоря. Тамъ говорится о христіанской Руси, о Варягахъ же ни слова. Но для автора это все равно, такъ какъ онъ убѣжденъ въ ихъ тожествѣ; притомъ же въ лѣтописи стоятъ слова: „мнози бо бѣша Варязи христеяни". Между тѣмъ эти слова не принадлежатъ договору, а суть замѣчаніе самого лѣтописца и вставлены очевидно позднѣе, то-есть, когда составители сводовъ начали смѣшивать Варяговъ съ Русью; но автору до такихъ истинъ нѣтъ дѣла. Онъ вѣритъ А. А. Кунику болѣе чѣмъ историческимъ фактамъ; вѣритъ ему въ томъ, что Варяги давнымъ давно служили въ Константинополѣ и тамъ крестились, хотя прямыя ви-

зантійскія извѣстія начинаютъ упоминать объ этой службѣ только съ XI вѣка, когда Варяги были уже христіанами западной (а не восточной) церкви. Затѣмъ г. Голубинскій полагаетъ, что кіевская церковь Иліи была только подражаніемъ воображаемой имъ варяжской Ильинской церкви въ Константинополѣ, и что отъ сей послѣдней церкви кіевскіе Варяги получали для себя священниковъ (стр. 63). Однимъ словомъ, мы видимъ полный произволъ въ догадкахъ и толкованіяхъ автора по самому существенному предмету его книги (какъ извѣстно, его докторской диссертаціи).

Приступая къ крещенію Владиміра, г. Голубинскій выражаетъ свое прискорбіе о томъ, что онъ долженъ уничтожить старую вѣру въ лѣтописную повѣсть объ этомъ крещеніи: „Неумолимый долгъ историка заставляетъ насъ сказать, что повѣсть эта не заключаетъ въ себѣ ничего истиннаго, что она есть позднѣйшій вымыселъ, по всей вѣроятности, не русскій, а греческій". Онъ признаетъ ее „позднѣйшею вставкой въ лѣтописи", не имѣющею связи съ предыдущимъ (стр. 91). Затѣмъ, авторъ старается опровергнуть лѣтописный разказъ. Мы не будемъ разбирать этихъ опроверженій, хотя несогласны съ нимъ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ. Обратимъ вниманіе только на явное противорѣчіе: сочинитель не задумывается вычеркнуть изъ лѣтописи даже эту священную легенду, тогда какъ благоговѣетъ передъ басней о призваніи Варяговъ и не обнаруживаетъ ни малѣйшихъ критическихъ попытокъ въ вопросѣ о позднѣйшемъ смѣшеніи въ лѣтописяхъ Варяговъ съ Русью и такихъ позднѣйшихъ глоссахъ какъ фраза: „мнози бо бѣша Варязи христіане".

Устранивъ легенду о выборѣ вѣры и крещеніи Владиміра, г. Голубинскій ведетъ опять длинныя разсужденія о томъ, какъ Варяги, служившіе прежде въ Константинополѣ, вводили христіанскую вѣру въ Россіи. Слѣдить за этими разсужденіями, по ихъ запутанности и безпрерывно встрѣчающимся произвольнымъ догадкамъ, мы отказываемся, а поставимъ ему на видъ слѣдующія обстоятельства: Говоря о перемѣнѣ религіи, кажется, можно было бы коснуться прежней, старой регилии народа. Авторъ этого не касается. Толкуя о договорахъ съ Греками, онъ совсѣмъ не замѣчаетъ, что его мнимые Варяги поклоняются Перуну и Волосу, а не Тору и Одину. Положимъ, это обычный промахъ норманистовъ. Но вотъ что особенно удивительно въ историкѣ Русской церкви: это совершенный пропускъ вопроса о церковнославянской грамотѣ и славянскомъ богослуженіи. По мнѣнію

г. Голубинскаго, христіанство ввели въ Россіи Варяги; они же ввели у насъ грамотность, при чемъ воспользовались готскою письменностью. И эта готская грамотность образовалась у насъ, по видимому, до Владиміра (стр. 83). Съ другой стороны, Владиміръ, по толкованіямъ автора, только продолжалъ дѣло Варяговъ и самъ принялъ крещеніе не отъ Грековъ или Болгаръ, а именно отъ Варяговъ (стр. 110—112). Когда же и какимъ образомъ готская грамотность и готское богослуженіе превратились въ славянское, на это книга г. Голубинскаго отвѣта не даетъ. Намъ казалось бы, что авторъ начальной исторіи нашего христіанства на первомъ планѣ долженъ имѣть вопросъ о церковнославянскомъ богослуженіи и тѣсно связанной съ нимъ славянской грамотности; пройдти мимо этого вопроса просто немыслимо.

Вотъ къ чему приводятъ норманскія измышленія хотя и умныхъ людей, но нетвердыхъ въ исторической критикѣ!

Любопытна также послѣдняя глава (IV-я) книги г. Голубинскаго, трактующая о древнерусскомъ просвѣщеніи. Онъ пытается доказать, что въ до-Монгольскій періодъ у насъ просвѣщеніе отнюдь не стояло выше, чѣмъ въ періодъ Татарскаго ига, и что иго это никакого особаго ущерба русскому просвѣщенію не сдѣлало. О такомъ воззрѣніи можно только сказать: ново и оригинально, но исторически не вѣрно. Очевидно г. Голубинскій не задумывался надъ такими сохранившимися до насъ произведеніями до-Монгольской Руси, какъ, напримѣръ, Слово о Полку Игоревѣ и Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ. Ему и въ голову не пришло сравнить ихъ съ произведеніями послѣдующей, т. е. Татарской эпохи.

Обратимся къ третьему сочиненію, то-есть, къ „Очеркамъ Русской исторіи въ памятникахъ быта“. Передъ нами трудъ, далеко оставляющій за собою оба предыдущіе по своему болѣе добросовѣстному отношенію къ источникамъ, ясному и толковому изложенію; къ тому же онъ снабженъ хорошими рисунками памятниковъ. Это очень полезное пособіе для знакомства съ до-Монгольскимъ періодомъ русской исторіи. Мы не будемъ останавливаться на нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ, которыя могли бы сдѣлать по поводу того или другаго положенія. Коснемся только отношеній этого труда къ вопросу о происхожденіи Русской народности, и къ мнѣніямъ о древнемъ русскомъ искусствѣ.

Въ первой части сочиненія, въ которой авторъ начинаетъ свое изложеніе съ каменнаго вѣка и обозрѣваетъ народы, обитавшіе въ Восточной Европѣ, онъ какъ будто не отдѣляетъ Руссовъ отъ Славянъ, напримѣръ, при описаніи судовыхъ каравановъ на Днѣпрѣ и обрядовъ трупосожженія. Но во второй части, посвященной преимущественно Кіевскому періоду, онъ является вдругъ норманистомъ и послѣдователемъ лѣтописныхъ басенъ. Это обстоятельство помѣшало ему, напримѣръ, болѣе исторично взглянуть на древнѣйшій Кіевъ. Ему, также какъ миѳическимъ Аскольду и Диру, Кіевъ во второй половинѣ IX вѣка представляется „небольшимъ городкомъ на горѣ". Исходя изъ этого положенія, авторъ считаетъ за „первоначальный городокъ Кіевъ" вершину „такъ называемой Старо-Кіевской горы" (стр. 9). А Подолъ, по его мнѣнію, началъ заселяться позднѣе, собственно при Владимірѣ I и Ярославѣ I (стр. 11). Мы полагаемъ, что въ дѣйствительности происходило наоборотъ. По всѣмъ признакамъ, поселеніе на Подолѣ было древнѣе верхняго города. Множество предметовъ каменнаго вѣка, находимыхъ въ сосѣднихъ береговыхъ низинахъ, ясно говоритъ—въ какую глубокую древность простиралось ихъ заселеніе. На то же обстоятельство указываютъ остатки пещерныхъ жилищъ. А затѣмъ, съ установленіемъ воднаго торговаго пути, конечно, началъ обстроиваться нижній городъ какъ судовая пристань. Отсюда поселенія постепенно распространились вверхъ по холмамъ и удольямъ. Тогда-то обстроился верхній городъ или кремль, какъ укрѣпленное жилище князя и его дружины, водворившихся здѣсь уже въ виду значительнаго и торговаго поселенія. Таковъ естественный ходъ вещей по отношенію къ данной мѣстности. А что Кіевъ „только со второй половины X вѣка сталъ быстро возрастать и къ концу XI вѣка уже успѣлъ увеличиться *въ двадцать разъ* противъ своего первоначальнаго объема (стр. 9), то-есть, объема второй половины IX вѣка, это совершенная гипербола, навѣянная басней о вокняженіи здѣсь варяжскихъ выходцевъ.

Невѣрный исходный пунктъ (господство въ Кіевѣ Варяговъ) ведетъ автора и къ дальнѣйшимъ натяжкамъ, именно тамъ, гдѣ онъ разсуждаетъ о князѣ и его отношеніяхъ къ народу. Непонятнымъ является, почему же не Новгородъ, а Кіевъ, столь незначительный еще во второй половинѣ IX вѣка, въ началѣ X, то-есть, при Олегѣ, является уже значительнымъ торговымъ городомъ, главою обширной страны, имѣвшей и другіе славные

торговые города, какъ Черниговъ, Любечъ, Переяславль? Откуда въ этомъ якобы маленькомъ городкѣ, отвоеванномъ у Хазаръ Варягами, такъ быстро развилось шумное народное вѣче, ограничивавшее княжескую власть? Откуда произошли эти „ряды“ или уговоры народа съ княземъ? Да откуда, наконецъ, взялся самъ этотъ сильный славянорусскій народъ Кіевлянъ (о которомъ арабскіе писатели ясно говорятъ тоже въ началѣ X вѣка), если въ IX вѣкѣ онъ былъ слабъ и ничтоженъ и переходилъ то къ хазарскому, то къ варяжскому господству?

Въ обзорѣ Владиміро-суздальскаго края авторъ сообщаетъ результаты курганныхъ раскопокъ въ области Мерянъ, при чемъ пользуется изслѣдованіемъ графа Уварова „Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ“ (Труды перв. археол. съѣзда). Это превосходное изслѣдованіе вызываетъ только слѣдующее недоумѣніе. Авторъ его нашелъ въ раскопанныхъ могильникахъ два племени: одно туземное, несомнѣнно Мерянское, другое пришлое и несомнѣнно съ болѣе развитою гражданственностью. Послѣднее онъ призналъ за Варяговъ. Судя по монетамъ, племя это сохраняло свои языческіе обряды погребенія до самаго XI вѣка. Между тѣмъ, въ этомъ вѣкѣ, по всѣмъ историческимъ даннымъ, Суздальскій край уже является краемъ по преимуществу Славянорусскимъ. Меря такъ рано ославянилась, что мы не можемъ найдти никакихъ остатковъ ея языка и только по аналогіи и по раскопкамъ судимъ о ея религіи. Выходитъ, такимъ образомъ, что чистокровные *Варяги ославянили Мерю*. Вотъ къ какимъ логическимъ выводамъ приводила даже лучшихъ изслѣдователей нашей старины норманская теорія! Авторъ „Очерковъ“ также выставляетъ положеніе, что Меря очень рано ославянилась (стр. 142 и 150). Но онъ какъ-то обходитъ указаніе раскопокъ на другое высшее по развитію племя, въ которомъ мы можемъ съ полною достовѣрностью признать Славяно-Руссовъ. Вмѣсто того, чтобъ указать именно на русскую колонизацію, онъ говоритъ вообще о славянскихъ колонистахъ; голословно заставляетъ Мерю посылать своихъ купцовъ въ Камскую Болгарію, въ Новгородъ и на Балтійское поморье; а началомъ этихъ торговыхъ сношеній съ западомъ полагаетъ IX вѣкъ, „когда смѣлыя ватаги варяжскія новгородскимъ путемъ проникли въ верховье Волги, а оттуда въ дебри дремучихъ ростовскихъ и владимірскихъ лѣсовъ“ (стр. 149). Слѣдовательно, опять получается значительная путаница представленій. Варяги приходятъ въ ростовскія дебри, а Меря оказывается

на столько предпріимчива и промышленна, что сама отправляется торговать на Балтійское поморье. При чемъ же тутъ Славяне и какимъ образомъ эта торговая, предпріимчивая Меря успѣла значительно ославяниться къ XI вѣку? Нѣтъ, какъ хотите, а съ норманскою системой, по русской поговоркѣ, куда ни кинь, все выходитъ клинъ, то-есть, совершенный разладъ съ несомнѣнными историческими фактами. Отъ Варяговъ якобы мы получили военное искусство, отъ нихъ же пришло къ намъ христіанство, съ церковно-славянскою грамотой въ придачу. Наконецъ, Варяги ославянили для насъ цѣлый сѣверо-восточный край древней Руси! *).

Послѣднее наше возраженіе П. Н. Полевому относится къ архитектурѣ и орнаментикѣ суздальскихъ храмовъ XII и XIII вѣковъ **).

„При первомъ взглядѣ на памятники владимірскіе, бросается въ глаза ихъ рѣзкое различіе съ памятниками кіевскими, какъ въ общемъ характерѣ, такъ и въ частностяхъ“, говоритъ г. Полевой (стр. 186). Затѣмъ онъ распространяется о западномъ, романскомъ вліяніи, которое принесло съ собою въ Ростовско-суздальскую область новые (не греческіе и кіевскіе) архитектурные образцы“ (стр. 189). „Простое сравненіе древнихъ памятниковъ Ростовско-суздальской области, въ связи съ нѣкоторыми хронологическими данными ихъ исторіи, заставило прійдти къ тому убѣжденію, что западное вліяніе уже и ранѣе Андрея Боголюбскаго, можетъ быть—подъ вліяніемъ Смоленска, Новгорода и Пскова, нашло себѣ доступъ на сѣверо-восточную окраину Руси XII вѣка“ (ibid). „Судя по нѣкоторымъ подробностямъ плана его (владимірскаго Успенскаго собора) и по лѣтописному извѣстію, указывающему на то, что соборъ Андреевъ былъ *одноглавый*, мы имѣемъ право заключить, что онъ также не отступалъ по внѣшности отъ общаго романскаго типа церквей, построенныхъ во

*) Прійдется предположить, что въ старину сѣверо-германское племя питало необыкновенную симпатію ко всему славянскому, очень легко и охотно превращалось въ Славянъ, и въ этомъ отношеніи составляло совершенную противуположность современнымъ Нѣмцамъ, въ особенности ученымъ.

**) Привожу здѣсь и эту часть своей рецензіи; такъ какъ она касается источниковъ русскаго строительнаго искусства, которое доселѣ представляли простыми и поздними заимствованіями у другихъ народовъ, подобно только что приведенному примѣру относительно искусства военнаго.

Владиміро-суздальскомъ краѣ Юріемъ и Андреемъ" (стр. 195). Относительно рельефныхъ изображеній на стѣнахъ Дмитровскаго собора авторъ, вслѣдъ за графомъ Строгановымъ, полагаетъ, что художникъ подражалъ церкви св. Марка въ Венеціи и размѣстилъ на стѣнахъ православнаго храма сюжеты, взятые изъ западныхъ преданій и не имѣвшіе „ничего общаго съ русско-византійскою почвою нашего сѣверо-востока" (стр. 205). Въ XIII вѣкѣ, по его мнѣнію, суздальскіе храмы отступаютъ „отъ первоначальнаго *простаго* образца романскихъ построекъ". Напримѣръ, пятиглавіе является уже въ концѣ XII вѣка. Соборъ въ Юрьевѣ-Польскомъ „значительно уклонился отъ романскаго образца въ томъ, что къ нему съ трехъ сторонъ пристроены были обширные притворы, покрытые богатѣйшими рѣзными украшеніями" (стр. 206).

Мы выписали изъ текста существенныя положенія автора, относящіяся къ суздальскому стилю. Въ примѣчаніяхъ 89-мъ—96-мъ онъ старается подкрѣпить свои положенія разными ссылками, преимущественно на статью графа Уварова: „Взглядъ на архитектуру XII вѣка въ Суздальскомъ княжествѣ" (Труды перваго археологическаго съѣзда) и монографію графа Строганова: „Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ на Клязьмѣ" (М. 1849), а также на полемическую анонимную брошюру, изданную въ 1878 году въ Петербургѣ противъ извѣстнаго сочиненія французскаго ученаго архитектора Віолле-ле-Дюка (L'art Russe. Paris—1877). Между прочимъ, въ примѣчаніи 98-мъ П. Н. Полевой говоритъ о провѣркѣ фактовъ археологической критикой. „Въ необходимости такой провѣрки насъ еще болѣе убѣдили тѣ страницы новой книги Д. И. Иловайскаго, которыя онъ посвящаетъ описанію древне-русскаго орнамента, наряда и украшеній одежды" (стр. 226). Этими немногими словами авторъ „Очерковъ" заявилъ, что мое послѣднее сочиненіе („Владимірскій періодъ русской исторіи") не осталось для него неизвѣстнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ заявилъ сомнѣніе въ моей археологической критикѣ.

Для тѣхъ, которые ознакомились съ моимъ сочиненіемъ, напомню, что относительно полемики, возникшей по поводу книги Віолле-ле Дюка, я (хотя далеко не раздѣляю всѣхъ его положеній) склоняюсь нѣсколько на его сторону въ вопросѣ о такъ-называемомъ романскомъ стилѣ суздальскихъ храмовъ, ихъ украшеній и вообще древне-русскихъ орнаментовъ. Стиль этихъ орнаментовъ отразился даже на нѣкоторыхъ украшеніяхъ одежды. Въ своей книгѣ я говорю, что во всѣхъ подобныхъ украшеніяхъ

въ сильной степени проявилось самостоятельное русское художество и своеобразный русскій вкусъ: „Сей послѣдній, при извѣстной даровитости племени, съ незапамятныхъ временъ воспитывался на роскошныхъ образцахъ искусства и промышленности, какъ греческой, такъ и восточной, преимущественно персидской, которые путемъ военной добычи, торговыхъ и другихъ сношеній постоянно притекали въ Восточную Европу“ (стр. 319). Такое мое положеніе о своеобразномъ русскомъ вкусѣ, съ незапамятныхъ временъ развивавшемся на греко-восточныхъ образцахъ, очевидно, не нравится тѣмъ, которые не признаютъ за нашими предками болѣе старой и болѣе оригинальной гражданственности. По ихъ мнѣнію, какъ Русское государство—не древняго и самобытнаго происхожденія, а создано западными пришельцами не ранѣе второй половины IX вѣка, такъ и старое русское искусство не имѣло какого-либо болѣе древняго начала и своеобразнаго характера, а явилось простымъ внѣшнимъ подражаніемъ прежде Византіи, потомъ западу. Это отрицаніе древне-русской самобытности, какъ мы видимъ, доходитъ до того, что и начало нашему военному искусству, будто бы, положили Варяги, и христіанство, и грамоту къ намъ ввели тоже Варяги.

Обратимся къ приведеннымъ выше положеніямъ „Очерковъ“ о стилѣ суздальскихъ храмовъ.

Во-первыхъ, авторъ рѣшительно говоритъ объ *архитектурныхъ* романскихъ образцахъ, тогда какъ въ изложеніи подробностей никакой собственно романской архитектуры мы не видимъ. *Одноглавіе* не составляетъ какой-либо отличительной романской черты: оно существуетъ и въ храмахъ чисто византійскаго типа. Относительно *плана* суздальскихъ церквей опять мы видимъ византійскій или собственно византійско-кіевскій типъ. Нельзя сравнивать суздальскія постройки съ храмомъ св. Марка въ Венеціи, помимо этой византійско-кіевской архитектуры, которой онъ соотвѣтствуетъ и по времени, и по характеру стиля. Онъ такой же пятиглавый, какъ соборы Черниговскій и Новгородскій (послѣдній имѣетъ шестую главу надъ вежею), а своими мозаиками сближается съ Кіево-Софійскимъ. Въ планѣ онъ нѣсколько отступаетъ отъ нихъ; напримѣръ, имѣетъ только одно алтарное полукружіе, тогда какъ на Руси утвердилось преимущественно тройное. Вообще св. Маркъ принадлежитъ къ типу чисто византійскому, а не романскому, хотя послѣдній и возникъ на византійской основѣ. Далѣе, нельзя говорить о какомъ-то западномъ вліяніи,

которое—может быть—чрез Смоленскъ, Новгородъ и Псковъ проникло въ сѣверо-восточную Россію еще ранѣе Андрея Боголюбскаго. Псковъ пока не игралъ значительной роли въ сношеніи съ Западомъ; а храмы смоленскіе и новгородскіе той эпохи принадлежатъ къ такому же византійскому типу, какъ и кіевскіе. Въ до-монгольскій періодъ гражданственность Суздальской Руси не была ниже Новгородской, особенно въ дѣлѣ зодчества: храмы суздальскіе несравненно изящнѣе построены и украшены, нежели храмы новгородскіе. Въ теченіе всего этого періода Суздальскій край находился подъ непосредственнымъ вліяніемъ кіевской гражданственности, и ростовско-владимірскіе храмы доказываютъ это лучше всего. Авторъ „Очерковъ" начинаетъ исторію суздальскаго храмоваго зодчества съ построекъ Юрія Долгорукаго, и образцовъ для нихъ ищетъ на западѣ, въ романской архитектурѣ, полагаясь на выводы названныхъ выше сторонниковъ романскаго вліянія. А между тѣмъ, въ книгѣ моей (стр. 211) указанъ первоначальный образецъ для этого зодчества, именно Успенскій храмъ въ Кіево-печерскомъ монастырѣ. Въ сказаніи Печерскаго патерика о построеніи сего послѣдняго храма прямо говорится, что по его точному подобію Владиміръ Мономахъ создалъ храмъ Богородицы въ Ростовѣ, въ такую же высоту, ширину и долготу, и велѣлъ расписать его тѣми же самыми иконами и на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ. А сынъ Мономаха, Юрій Долгорукій, во время своего княженія „въ ту же мѣру" построилъ Богородичный соборъ въ Суздалѣ. (Памятники Русской Литературы XII и XIII вѣковъ. Изд. *Яковлевымъ*. С.-Пб. 1872, стр. CXXIII). Это свидѣтельство, доселѣ упускавшееся изъ виду, ясно указываетъ на то, что суздальское храмовое зодчество возникло подъ непосредственнымъ вліяніемъ зодчества кіевскаго. Расписаніе иконъ на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ подтверждаетъ, что архитектурные части зданія были тождественны съ Кіевопечерскимъ храмомъ. Разумѣется, при дальнѣйшемъ развитіи этого зодчества происходили нѣкоторыя несущественныя видоизмѣненія и приспособленія первоначальнаго образца.

И такъ, вопросъ о романскомъ вліяніи долженъ быть сведенъ не къ архитектурѣ, а собственно къ наружной орнаментаціи и дугообразнымъ порталамъ. Хотя въ постройкѣ суздальскихъ храмовъ и участвовали западные мастера, но они должны были вполнѣ подчиняться установившемуся греко-русскому типу; церковное разъединеніе наше съ западомъ, ревность къ греческому обряду

и высшая духовная власть, находившаяся въ рукахъ Грековъ, препятствовали всякому отступленію отъ этого типа. Не забудемъ, что сооруженіе данныхъ храмовъ производилось подъ непосредственнымъ наблюденіемъ епископовъ и вообще духовенства. Еще менѣе могло быть отступленій въ украшеніи внутреннихъ стѣнъ, которое на сѣверѣ состояло исключительно изъ фресковой иконописи. Нѣкоторая свобода могла быть предоставлена только наружнымъ украшеніямъ. Дѣйствительно, художество воспользовалось этою долею свободы и покрыло стѣны суздальскихъ храмовъ затѣйливыми, по мѣстамъ раскрашенными, рельефами. Въ этихъ только украшеніяхъ и могло сказаться вліяніе западныхъ мастеровъ, но не въ такой степени, какъ полагаютъ поборники романскаго вліянія. Въ данныхъ украшеніяхъ несомнѣнно сказался и собственный русскій вкусъ, какъ извѣстно, весьма наклонный къ пестротѣ и затѣйливости. Оживленный споръ между романистами и византійстами по поводу суздальскаго стиля вообще начался съ 1869 года, то-есть, съ Перваго археологическаго съѣзда. Я внимательно слѣдилъ за этимъ споромъ. Когда же вышло сочиненіе Віолле-ле-Дюка, то для меня было очень важно, что такой знатокъ романской архитектуры, и по своему положенію лицо безпристрастное, не только не усмотрѣлъ въ суздальскихъ орнаментахъ исключительно романскаго вліянія, а напротивъ, указалъ на присутствіе художественнаго вкуса, развивавшагося преимущественно подъ вліяніемъ Византіи и востока. Впрочемъ, ученый архитекторъ вдался нѣсколько въ другую крайность, то-есть, предоставилъ восточнымъ элементамъ уже чрезмѣрное преобладаніе. Притомъ, введенный въ заблужденіе норманскою теоріей происхожденія Руси, онъ припуталъ еще и скандинавскіе элементы.

Считая проводниками романскаго вліянія въ Суздаль сѣверно-русскіе города, Смоленскъ и Новгородъ, авторъ „Очерковъ" не обратилъ вниманія еще на другое фактическое указаніе: на присутствіе рѣзныхъ узорчатыхъ порталовъ и раскрашенныхъ съ позолотою наружныхъ рельефовъ („прилѣповъ") въ юго-западной Руси того времени. О нихъ говоритъ волынскій лѣтописецъ, сообщая намъ подробности о построенной Даніиломъ Романовичемъ въ Холмѣ церкви Іоанна Златоуста. Въ Галиціи, скорѣе чѣмъ въ Суздалѣ, могло сказаться западное вліяніе. Любопытно однако, что приведенное лѣтописцемъ имя „хитреца", высѣкавшаго узоры на камнѣ (*Авдій*), совсѣмъ не указываетъ на западное происхо-

жденіе. Конечно, и тамъ изящный Холмскій храмъ не былъ какимъ-либо нововведеніемъ, а явился результатомъ долгаго предшествовавшаго развитія художествъ. Тотъ же лѣтописецъ, по поводу татарскаго нашествія, говоритъ о большомъ количествѣ русскихъ мастеровъ всякаго рода. Такъ-называемыя обронныя, то-есть, скульптурныя украшенія не были совершенною новостью на Руси ни въ Суздалѣ, ни въ Холмѣ. Они не чужды и древне-кіевскимъ орнаментамъ, на что указываютъ рельефы Ярославовой гробницы и нѣкоторые другіе фрагменты съ высѣченными на камнѣ фигурами животныхъ и людей. Звѣринымъ мотивамъ Дмитровскаго собора предшествовали таковые же мотивы кіево-софійскихъ фресокъ. Въ „Очеркахъ“, въ примѣчаніи 94-мъ, какъ доказательство нѣмецкой народности строителей Дмитровскаго собора и сильнаго нѣмецкаго вліянія на его обронныя украшенія, указаны „тѣ орлы, которые мы видимъ въ числѣ его орнаментовъ, и которые при Фридрихѣ I введены были въ гербъ западныхъ императоровъ“. По этому поводу замѣтимъ, что орелъ является и гербомъ Галицкаго княженія, судя по извѣстію той же Волынской лѣтописи. Она говоритъ, что на верху каменной башни, воздвигнутой Даніиломъ близъ Холма, стоялъ изваянный изъ камня орелъ, и по видимому, двуглавый. Такой, именно двуглавый, орелъ свидѣтельствуетъ опять о происхожденіи герба изъ Византіи хотя къ Галичу Германія была бы еще ближе.

Что касается до мастеровъ въ Суздальскомъ краѣ, то поборники преобладавшаго западнаго вліянія обыкновенно приводятъ свидѣтельство лѣтописи надъ 1194 годомъ по поводу обновленія собора въ городѣ Суздалѣ. Епископъ Іоаннъ не искалъ мастеровъ изъ Нѣмцевъ, а нашелъ своихъ: одни лили олово, другіе имъ покрывали кровлю, третьи бѣлили стѣны известью. Но здѣсь говорится о мастерахъ-техникахъ, о штукатурахъ и литейщикахъ. Каменныя постройки на нашемъ сѣверѣ начались собственно съ христіанскихъ храмовъ; а въ техническомъ отношеніи тамъ мы несомнѣнно должны были кое-чему поучиться у Нѣмцевъ, между прочимъ, искусству каменной рѣзьбы, особенно человѣческихъ фигуръ. Но вопросъ идетъ о стилѣ и орнаментахъ; а это не одно и то же. Я нисколько не исключаю нѣкотораго романскаго вліянія на суздальскіе прилѣпы и прямо указываю въ своей книгѣ на участіе западныхъ мастеровъ въ суздальскихъ постройкахъ (особенно Андрея Боголюбскаго). Мое главное положеніе состоитъ въ томъ, что владиміро-суздальскій архитектурный стиль

есть дальнѣйшее развитіе византійско-кіевскаго, его непосредственное продолженіе; что въ суздальской орнаментаціи на-ряду съ романскимъ вліяніемъ сказался своеобразный русскій вкусъ, и проявились многіе своеобразные мотивы, напоминающіе болѣе восточный, чѣмъ западный пошибъ. Собственно архитектурный стиль развивался не изъ романскаго, а параллельно съ нимъ; тотъ и другой имѣлъ византійскую основу, но суздальскій къ ней ближе, чѣмъ романскій. Только варварское татарское иго воспрепятствовало дальнѣйшему самобытному развитію изящнаго русскаго стиля на нашемъ сѣверовостокѣ.

Приведенная „Очерками" въ числѣ своихъ авторитетовъ анонимная брошюра, озаглавленная „Віолле-ле-Дюкъ и архитектура въ Россіи", является крайнею степенью романизма въ данномъ спорѣ и полнымъ отрицаніемъ самобытныхъ чертъ въ древнерусскомъ художествѣ. Но брошюра эта сама исполнена фактическихъ промаховъ, начиная съ того, что Ярославъ соорудилъ церковь св. Софіи въ Кіевѣ будто бы „по образцу храма Юстиніана въ Константинополѣ" (стр. 4). Извѣстно, что Кіевософійскій соборъ принадлежитъ иному, болѣе позднему византійскому типу, чѣмъ Константинопольская Софія. Почти такая же неточность повторяется на слѣдующей страницѣ относительно Черниговскаго собора, въ которомъ были галлереи для женщинъ, будто бы не встрѣчающіяся въ другихъ русскихъ храмахъ. Хоры или галлереи для женщинъ существуютъ и въ суздальскихъ храмахъ; но обыкновенно они ограничиваются тамъ одною западною стороною, подобно нѣкоторымъ византійскимъ церквамъ близкаго къ той эпохи періода. При сравненіи суздальскихъ храмовъ съ кіево-черниговскими, авторъ брошюры упустилъ изъ виду, напримѣръ, Успенскій храмъ черниговскаго Елецкаго монастыря, который въ архитектурномъ отношеніи можетъ служить однимъ изъ звеньевъ, связующихъ ростовско-суздальскій стиль съ кіево-черниговскимъ. Далѣе говорится, будто „области Ростова и Суздаля, покрытыя въ тѣ отдаленныя времена дремучими лѣсами и непроходимыми болотами, не имѣли почти никакихъ сношеній съ востокомъ" (стр. 6). Это противорѣчитъ не только арабскимъ свидѣтельствамъ и арабскимъ монетамъ, но даже нашимъ лѣтописямъ. Болота и лѣса не мѣшали сообщеніямъ по водному Волжскому пути (къ тому же сношенія и связи Русскаго племени съ востокомъ начались, конечно, не съ X вѣка, а еще въ тѣ времена, когда Русское или Роксаланское племя сосѣдило съ Босфорскимъ

царствомъ и прикавказскими народами). Далѣе, будто бы „въ Ростовской землѣ до XIII вѣка находился всего одинъ монастырь“ (стр. 7), тогда какъ только извѣстныхъ намъ монастырей можно насчитать около десятка. „Типъ самаго зданія владимірскаго Успенскаго собора былъ избранъ *совершенно противуположнымъ византійскому*“ (ibid.). Этотъ типъ, какъ извѣстно, общій ростовско-суздальскимъ храмамъ, а что послужило имъ непосредственнымъ образцомъ, мы указали выше; да и безъ этого указанія одинъ поверхностный взглядъ на планы и разрѣзы зданія убѣждаетъ въ византійско-кіевскихъ образцахъ. „Великій князь Всеволодъ обратился (за строителями) къ Фридриху I, находившемуся съ нимъ въ близкихъ сношеніяхъ послѣ того, какъ послѣдній пріютилъ *сына* его, Владиміра, и помогъ ему снова овладѣть княжествомъ Галицкимъ“ (стр. 17). Въ этихъ немногихъ словахъ находимъ цѣлый рядъ неточностей. Вопервыхъ, едва ли Фридрихъ Барбаросса имѣетъ какое-либо отношеніе къ Дмитровскому собору, о которомъ лѣтопись упоминаетъ спустя семь лѣтъ послѣ его смерти. Владиміръ былъ племянникъ, а не сынъ Всеволода III. „Близкія сношенія“ между Всеволодомъ и Фридрихомъ не могли возникнуть вслѣдствіе услуги, оказанной послѣднимъ Владиміру: она случилась въ тотъ моментъ, когда императоръ собирался въ крестовый походъ; дѣйствительно онъ вскорѣ отправился и погибъ въ этомъ походѣ. Наоборотъ, Фридрихъ радушно принялъ бѣглеца Владиміра, потому что прежде того находился въ дружескихъ сношеніяхъ со Всеволодомъ. Помянутое выше свидѣтельство лѣтописи подъ 1194 годомъ заставляетъ предполагать, что Всеволодъ могъ уже найдти у себя дома мастеровъ для постройки Дмитровскаго собора. Нѣсколько позднѣйшій по времени Юрьевскій соборъ и его роскошное обронное узорочье даже нѣкоторыми поборниками романизма признаются за произведеніе русскихъ мастеровъ. А не могла же эта русская художественная школа образоваться вдругъ, безъ долгаго предварительнаго развитія. Вообще, разсказъ объ обращеніи Всеволода къ Фридриху и о посылкѣ симъ послѣднимъ строителей не основанъ ни на какихъ данныхъ. Не продолжаемъ далѣе выписокъ, обнаруживающихъ разладъ помянутой брошюры съ точными фактами. Авторъ „Очерковъ“ положился на выводы этой полемической брошюры, очевидно, безъ особой критики.

VI.

Заключительное слово о народности Руссовъ и Болгаръ.*).

Въ предыдущей статьѣ (Спеціальные труды по начальной Русской исторіи) я старался показать на нѣкоторыхъ спеціальныхъ историческихъ трудахъ послѣдняго времени, въ какія неизбѣжныя противорѣчія съ фактами и несомнѣнными свидѣтельствами впадаютъ тѣ изслѣдователи начальнаго періода нашей исторіи, которые продолжаютъ принимать за свой исходный пунктъ норманскую теорію происхожденія Руси. Вотъ уже въ теченіе десяти лѣтъ я веду постоянную, непрерывную борьбу съ этою искусственною теоріей, которая, благодаря долговременному господству въ русской исторіографіи, успѣла пріобрѣсти почти догматическій характеръ и многочисленныхъ сторонниковъ. Къ тому же на ея поддержку выступила и племенная тенденція, въ лицѣ ученыхъ преимущественно нѣмецкаго происхожденія. Понятно, что при подобныхъ условіяхъ легкомысленно было бы думать, что съ нею можно разъ навсегда покончить въ одинъ, въ два пріема. Нѣтъ, чтобы покончить съ нею основательно и безповоротно, чтобы расчистить мѣсто болѣе прочному, болѣе научному построенію нашего историческаго фундамента, нужно было вести возможно энергичную и неустанную борьбу, нужно было отражать сыпавшіяся съ разныхъ сторонъ возраженія, замѣчанія, недоумѣнія и даже глумленія. Надѣюсь, соотечественники не упрекнутъ меня въ томъ, чтобъ я отступилъ передъ этою борьбою. Я имѣю доказательства, что Варяго-русскій вопросъ, въ 1871 году поднятый мною вновь и на новыхъ основаніяхъ, пользуется несомнѣннымъ вниманіемъ русскаго образованнаго общества; хотя нѣкоторые поверхностные отзывы и пытались ославить его скучнымъ, надоѣвшимъ вопросомъ. Это вниманіе, помимо собственнаго, научнаго интереса, служило мнѣ не малымъ ободреніемъ въ помянутой борьбѣ. Въ настоящей своей статьѣ я желаю объяснить послѣдній фазисъ вопроса, указать вообще на пріемы моихъ противниковъ и прибавить еще нѣсколько чертъ къ суммѣ прежнихъ своихъ доказательствъ.

---

*) Изъ Журн. М. Н. Пр. 1881. Май.

Я много благодаренъ моимъ возражателямъ въ томъ отношеніи, что они заставляли меня вновь и вновь возвращаться къ предмету, провѣрять свои основанія и все болѣе углубляться въ сущность вопроса. Благодаря тому, нѣкоторыя его стороны и подробности, мало освѣщенныя и недостаточно развитыя въ первыхъ моихъ статьяхъ, впослѣдствіи болѣе уяснились и подвинулись въ обработкѣ, а нѣкоторыя соображенія и доказательства второстепенной важности подверглись поправкамъ или совсѣмъ отброшены.

Между прочимъ въ своихъ изысканіяхъ о Руссахъ я натолкнулся на Болгарскія племена, обитавшія въ южной Руси, и счелъ необходимымъ пересмотръ вопроса о Болгарахъ. Этотъ пересмотръ привелъ меня къ тому выводу, что Болгаре, какъ и Русь, были чистое восточно-славянское племя. Тогда сдѣлалось возможнымъ отнести такъ-называемую славянскую параллель въ названіяхъ Днѣпровскихъ пороговъ у Константина Багрянороднаго именно къ названіямъ какой-либо болгарской вѣтви. Уяснилось тогда для меня отношеніе такъ-называемыхъ Черныхъ Болгаръ къ Руси Тмутраканской, и сдѣлалось возможнымъ предположеніе, что русскія письмена, найденныя Кирилломъ и Меѳодіемъ въ Крыму, были ничто иное какъ письмена славяно-болгарскія. Уяснилась такимъ образомъ и связь начальнаго русскаго христіанства съ греческими городами въ Тавридѣ. Далѣе, высказанное мною въ первыхъ статьяхъ предположеніе, что относительно сказанія о призваніи Варяговъ-Руси въ лѣтописяхъ, дошедшихъ до насъ, мы имѣемъ дѣло съ позднѣйшимъ искаженнымъ текстомъ и съ какими-то позднѣйшими вставками — это предположеніе впослѣдствіи подверглось болѣе тщательному обслѣдованію. Конечный мой выводъ былъ тотъ, что басня о призваніи трехъ варяжскихъ князей несомнѣнно была внесена уже въ первоначальный текстъ Повѣсти временныхъ лѣтъ самимъ игуменомъ Выдубецкимъ Сильвестромъ, который былъ авторомъ этой повѣсти, а не переписчикомъ ея (какъ ошибочно думали, полагая сочинителемъ ея печерскаго инока Нестора, автора житій игумена Ѳеодосія и Бориса и Глѣба). Начало басни о призваніи Варяговъ я отнесъ къ первой половинѣ XI вѣка, а развитіе ея—ко второй половинѣ, то-есть, къ эпохѣ сыновей и внуковъ Ингигерды. Потомъ въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописи, не ранѣе конца XII вѣка, Русь, посылавшая пословъ къ Варягамъ, была спутана съ самими Варягами, и тогда получился небывалый народъ Варяги-Русь. Я указалъ и на самый процессъ

этого искаженія, именно въ спискахъ сѣверо-восточныхъ; утвержденію такого искаженнаго текста много способствовала наступившая эпоха Татарскаго ига, эпоха упадка древне-русской образованности и затемненія кіевскихъ преданій.

Такое позднѣйшее искаженіе первоначальнаго лѣтописнаго текста, такое смѣшеніе Варяговъ и Руси въ одинъ народъ невѣжественными переписчиками и сводчиками я выставилъ краеугольнымъ камнемъ всего зданія норманской системы происхожденія Руси, и пригласилъ моихъ противниковъ опровергнуть прежде всего этотъ мой главный выводъ. Весьма любопытно то обстоятельство, что противники, не смотря на многократныя заявленія съ моей стороны, до сихъ поръ тщательно обходили именно этотъ основной пунктъ моей Роксаланской системы или стародавняго туземнаго происхожденія Руси. Даже наиболѣе почтенные изъ нихъ въ своихъ возраженіяхъ приписывали мнѣ такое мнѣніе, будто самая легенда о призваніи Варяговъ „была сочинена въ Новгородѣ въ XIII вѣкѣ“. При этомъ обыкновенно они ссылались на первыя мои статьи, невѣрно ихъ перетолковывая и совсѣмъ игнорируя послѣдующія, и именно тѣ, въ которыхъ основное мое положеніе объ искаженіи текста развито наиболѣе. Вообще отъ такого невниманія къ новой постановкѣ вопроса и къ другимъ существеннымъ моимъ основаніямъ полемика неизбѣжно должна была затянуться. Мнѣ не рѣдко приходилось напоминать, что отвѣты на многія возраженія уже даны въ моихъ статьяхъ; что прежде, нежели повторять эти возраженія, слѣдовало опровергнуть мои отвѣты. Я даже приходилъ иногда къ убѣжденію, что противники не только не вникали въ мои доводы, но и просто не читали ихъ толкомъ или совсѣмъ не читали.

Въ особенности любопытны пріемы норманистовъ по отношенію къ филологической сторонѣ вопроса. Если въ первыхъ моихъ статьяхъ и были сдѣланы попытки дать иныя объясненія собственнымъ именамъ, нежели давала норманская система, то впослѣдствіи, глубже вникая въ эту сторону, я убѣдился въ полной несостоятельности современной филологической науки точно и удовлетворительно объяснить намъ древнія личныя имена и географическія названія; приглашалъ пока просто остановиться на фактѣ несомнѣннаго употребленія большинства данныхъ именъ у восточныхъ Славянъ, употребленія, засвидѣтельствованнаго разнообразными источниками, и предлагалъ только объясненія примѣрныя, за исключеніемъ немногихъ случаевъ, относительно ко-

торыхъ высказалъ положительное заключеніе. Норманисты продолжали игнорировать эту мою основную мысль и голословно присвоивать своей этимологіи монополію научности, не смотря на вопіющія натяжки и произволъ своихъ объясненій. Несостоятельность ихъ филологіи доказывается тѣмъ, что если они въ подтвержденіе своихъ толкованій и ссылались на какія-то законы языка, то при семъ никогда не могли привести ни одного яснаго, безспорнаго закона, который могъ бы точно и фактически быть провѣреннымъ. А между тѣмъ имъ оставался неизвѣстнымъ такой факторъ, какъ законъ народнаго осмысленія многихъ собственныхъ именъ, которыхъ настоящій смыслъ или давно утратился, или былъ непонятенъ по своему инородческому происхожденію. Кромѣ того, они злоупотребляли тою возможностью, которую представляетъ для этимологическихъ толкованій общее арійское родство языковъ нѣмецкаго и славянскаго корня.

И такъ, никто изъ моихъ спеціальныхъ возражателей, сколько нибудь извѣстныхъ въ ученой литературѣ, не можетъ пожаловаться, чтобъ онъ остался безъ отвѣта съ моей стороны. Въ особенности это относится къ покойному Погодину и А. А. Кунику. Послѣдніе мои отвѣты были представлены на разсужденія о Варягахъ-Руси того же петербургскаго академика Куника, копенгагенскаго профессора Томсена и покойнаго нашего историка Соловьева (см. выше). Кромѣ такихъ спеціальныхъ противниковъ, въ нашей наукѣ и литературѣ послѣдняго времени встрѣчались и другіе, которые, не принимая на себя систематической полемики со мною, высказывались или вообще за норманскую систему, или прямо противъ меня, при удобномъ случаѣ, мимоходомъ. Но такъ какъ ихъ мнѣнія выражались большею частію или слишкомъ отрывочно, или въ голословной, бездоказательной формѣ, то они почти не представляютъ матеріала для научной полемики. Однако я не желалъ по возможности и таковыхъ противниковъ оставлять совсѣмъ безъ отвѣта. (Послѣднимъ доказательствомъ тому служитъ моя предыдущая статья). Въ настоящее время представлю еще примѣръ выставленныхъ противъ меня нѣкоторыхъ соображеній, не выдерживающихъ фактической провѣрки.

На Казанскомъ археологическомъ съѣздѣ 1877 года одинъ весьма уважаемый мною ученый, хотя и не безусловный сторонникъ норманской теоріи, по поводу своего реферата „О характерѣ власти нашихъ первыхъ князей", высказалъ, между прочимъ, два возраженія. Противъ туземнаго ихъ происхожденія будто бы

говорятъ слѣдующія обстоятельства: 1) на Руси не сохранилось народныхъ легендъ о божественномъ происхожденіи князей, какъ это встрѣчается у другихъ народовъ, и 2) начальная хронологія нашей лѣтописи достовѣрна, такъ какъ лѣтописецъ пользовался какими-то старыми записями, что подтверждается его сказаніемъ о кометѣ 912 года. (Возраженія эти, хотя и не вполнѣ, напечатаны въ „*Извѣстіяхъ Четвертаго археологическаго съѣзда*". Казань. 1877, стр. 125 — 127). Случайно я не могъ въ то время отвѣтить на эти возраженія. Отвѣчаю теперь. Легенды о божественномъ происхожденіи князей не вездѣ сохранились и у другихъ народовъ. А главное, у кого мы будемъ искать сохраненія такихъ легендъ на Руси? Онѣ, конечно, могли принадлежать только языческому періоду; а нашъ лѣтописецъ-монахъ или игуменъ менѣе всего расположенъ былъ передавать потомству миѳологическія басни. И если онъ, почему бы то ни было, разъ остановился на извѣстномъ домыслѣ о призваніи князей изъ-за моря, то естественно не желалъ и повторять такія легенды, которыя противорѣчили бы этому его излюбленному домыслу. Скорѣе всего подобная легенда могла сохраниться въ поэтическихъ произведеніяхъ, проникнутыхъ языческимъ міровоззрѣніемъ. И она дѣйствительно сохранилась. Слово о Полку Игоревѣ прямо называетъ Русскихъ князей потомками (внуками) Дажьбога. Поэтъ, конечно, не самъ придумалъ такую генеалогію, а взялъ ее изъ народныхъ эпическихъ сказаній. Мало вѣроятія, чтобы таковыя сказанія остались совершенно неизвѣстными автору начальной лѣтописи, игумну Сильвестру; но онъ, повторяю, съ своей точки зрѣнія относился къ подобной генеалогіи непріязненно, отрицательно. Что же касается до кометы 912 года, то она менѣе всего можетъ свидѣтельствовать въ пользу какихъ-то современныхъ ей русскихъ записокъ и достовѣрности лѣтописной хронологіи о варяжскихъ князьяхъ. Извѣстно, что образцомъ и главнымъ источникомъ начальной лѣтописи служилъ славянскій переводъ византійской хроники Амартола и его продолжателей. Изъ той же хроники заимствовано также извѣстіе и о кометѣ 912 г. (см. греческій текстъ въ *Учен. Зап. Акад.* Н., кн. VI, стр. 797). Въ русской лѣтописи оно, конечно ошибкой, отнесено къ 911 году. Мы увѣрены, что многоуважаемый ученый (К. Н. Бестужевъ-Рюминъ) приметъ наше объясненіе съ обычными ему безпристрастіемъ и любовью къ исторической истинѣ.

Пользуюсь случаемъ прибавить кое-что къ вопросу объ источникахъ русскаго начальнаго лѣтописца.

Въ прежнихъ своихъ работахъ я уже указывалъ на результаты, которые получаются отъ сравненія всѣхъ извѣстій лѣтописи о морскихъ походахъ въ Византію. Оказывается, что извѣстія о походахъ 865 и 941 гг. заимствованы ею буквально изъ хроники Амартола и его продолжателей, и въ нихъ не упоминается о Варягахъ. Извѣстія о походахъ 907 и 944 гг. свои собственныя, не заимствованныя; они баснословны и приплетаютъ Варяговъ. Наконецъ, извѣстіе о походѣ 1043 г. очевидно самостоятельное, независимое отъ византійскихъ хроникъ; оно отличается отъ нихъ подробностями, но сходно съ ними указываетъ на участіе наемныхъ Варяговъ. Такимъ образомъ, это участіе въ данномъ морскомъ походѣ является несомнѣннымъ и хронологически первымъ. А отсюда, отъ временъ Владиміра и Ярослава, отъ конца X и первой половины XI вѣка, лѣтописецъ дѣлалъ произвольное заключеніе о присутствіи Варяговъ и въ двухъ помянутыхъ предыдущихъ походахъ, о которыхъ онъ не имѣлъ положительныхъ, достовѣрныхъ свѣдѣній (см. выше стр. 372—374). Я высказалъ предположеніе, что нашъ лѣтописецъ извѣстіе о походѣ 1043 года, конечно, „почерпнулъ изъ разказовъ стариковъ, современниковъ самому событію“. Это предположеніе свое могу подтвердить и дополнить слѣдующею догадкою, основанною на сопоставленіи разныхъ свидѣтельствъ самой лѣтописи. Подъ 1106 г. въ ней говорится: „преставися Янь, старецъ добрый, живъ лѣтъ 90; отъ него же азъ многа словеса слышахъ, еже и вписахъ въ лѣтописаньи семъ; его же гробъ есть въ Печерскомъ монастырѣ въ притворѣ“. Этотъ старецъ былъ никто иной, какъ знатный кіевскій бояринъ Янъ Вышатичъ, другъ знаменитаго игумена Ѳеодосія Печерскаго. Авторъ лѣтописи, игуменъ Выдубецкій Сильвестръ, вѣроятно, самъ былъ печерскимъ инокомъ при Ѳеодосіѣ, а потому имѣлъ возможность нерѣдко слышать разказы Яна, когда тотъ посѣщалъ монастырь (а м. б. онъ бесѣдовалъ съ Яномъ, уже будучи Выдубецкимъ игуменомъ?). Къ разказамъ Яна, приводимымъ лѣтописью, несомнѣнно принадлежитъ пространное извѣстіе о волхвахъ въ Ростовской области подъ 1071 г., при чемъ Янъ Вышатичъ главнымъ образомъ повѣствовалъ о собственныхъ подвигахъ. Если обратимся къ неудачному походу Руси на Царьградъ въ 1043 г., то увидимъ, во-первыхъ, что тутъ не только подтверждается присутствіе наемныхъ Варяговъ, но и прямо указано на ихъ антагонизмъ или несогласіе съ Русью; а во-вторыхъ, явно про-

славляется Вышата, „отецъ Яневъ“, въ ущербъ другимъ начальникамъ. Изъ всѣхъ воеводъ только одинъ Вышата не захотѣлъ покинуть 6,000 Руси, выброшенной бурею на берегъ, и сказалъ мужественныя слова: „аще живъ буду, съ ними, аще ли погибну, то съ дружиною“. Въ этомъ извѣстіи нельзя не узнать того же источника, то-есть, Яна Вышатича, который очевидно любилъ разказать что-нибудь любопытное или похвальное о себѣ и своемъ отцѣ. Подробности похода 1043 г. онъ, конечно, слыхалъ отъ отца Вышаты; но и самъ Янъ могъ лично участвовать въ томъ же походѣ, такъ какъ имѣлъ уже 27 лѣтъ отъ роду.

Если мы ближе всмотримся въ то обстоятельство, что, только благодаря старикамъ, подобнымъ Яну Вышатичу, лѣтописецъ могъ вести достовѣрное повѣствованіе съ конца X или начала XI вѣка; что туземныхъ историческихъ записей о русскихъ событіяхъ онъ не имѣлъ ранѣе XI вѣка (исключая нѣкоторые договоры съ Греками), то еще болѣе убѣдимся въ томъ, какъ шатки и ненадежны его извѣстія о событіяхъ IX вѣка, и какое поле представлялось разнаго рода генеалогическимъ баснямъ и тенденціознымъ домысламъ. Онъ, напримѣръ, ровно ничего не знаетъ, по крайней мѣрѣ не говоритъ, о великихъ походахъ Руси на востокъ, въ Каспійское море, въ первой половинѣ X вѣка; о чемъ такъ громко повѣствуютъ арабскіе писатели.

Въ параллель съ басней о призваніи варяжскихъ князей можно поставить въ нашихъ лѣтописяхъ и другія сказанія, сообщаемыя еще болѣе положительнымъ тономъ, но фактически совершенно невѣрныя, и даже цѣлые документы, Богъ вѣсть на какихъ основаніяхъ сочиненные. Напримѣръ, „Сказаніе о убіеніи Батыя во Угрехъ“ (Воскресенск. и Никоновск.), или „Рукописаніе Магнуша короля Свѣйскаго“ (Новогор. IV подъ 1347 г. Воскресенск. и Софійск. подъ 1352, Никоновская). Мало того, въ настоящее время на Валаамѣ монахи покажутъ вамъ даже могилу этого Магнуса, который будто бы здѣсь окончилъ свою жизнь православнымъ инокомъ. Это также какъ въ наше время сочинили могилу Синеуса около Бѣлозерска, а подъ Новгородомъ вы найдете могилу Гостомысла. Въ недавнее время развалины каменной крѣпости въ Старой Ладогѣ стали именовать „Рюриковымъ Городищемъ“; хотя нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ о древности такого названія, и хотя лѣтописи прямо свидѣтельствуютъ, что эта крѣпость построена ладожскимъ посадникомъ Павломъ при Владимірѣ Мономахѣ, именно въ 1116 году. Тѣмъ не менѣе можно

иногда встрѣтить ссылки на подобныя названія и могилы, какъ будто на какое-либо историческое свидѣтельство.

Впрочемъ опять повторяю, что не призваніе трехъ иноземныхъ князей (наставительный домыселъ о началѣ княжеской власти какъ источникѣ гражданскаго порядка) считаю я корнемъ или узломъ всего вопроса и всей норманской системы, а несомнѣнное искаженіе первоначальнаго лѣтописнаго текста, повлекшее за собою смѣшеніе туземной Руси съ заморскими Варягами въ одинъ небывалый народъ. Приглашаю своихъ противниковъ, и прежде всѣхъ достоуважаемаго А. А. Куника, сосредоточиться на этомъ пунктѣ и сопоставленіемъ всѣхъ существующихъ текстовъ опровергнуть это мое главное положеніе.

Въ виду такого приглашенія, приведу вкратцѣ мои доводы относительно позднѣйшаго искаженія лѣтописнаго текста, въ которомъ первоначально Русь стояла на первомъ мѣстѣ въ ряду народовъ, призывавшихъ варяжскихъ князей.

1) Новгородскія лѣтописи, начало которыхъ до насъ не дошло, несомнѣнно заключали въ себѣ легенду о призваніи князей. На это указываютъ: слова новгородскихъ пословъ въ Швеціи въ 1611 году, отрывокъ изъ Іоакимовой лѣтописи и Лѣтописецъ патріарха Никифора. Но въ новгородскихъ лѣтописяхъ Русь вмѣстѣ съ другими народами участвуетъ въ призваніи князей отъ заморскихъ Варяговъ (а не отъ Варяго-Русовъ), о чемъ свидѣтельствуютъ тотъ же Іоакимовскій отрывокъ, а главнымъ образомъ Лѣтописецъ патріарха Никифора. Сей послѣдній не только составленъ въ Новгородѣ, но и дошелъ до насъ въ рукописи XIII вѣка; слѣдовательно, это самый старшій изъ всѣхъ имѣющихся на лицо лѣтописныхъ списковъ. А тамъ ясно сказано: „Придоша *Русь*, Чюдь, Словѣне, Кривичи къ Варягомъ, рѣша: земля наша“ и проч.

2) Древніе (XII—XIV вв.) западно-русскіе списки начальной лѣтописи, равно и самые кіевскіе списки, до насъ не дошли. Но они имѣли текстъ легенды приблизительно въ томъ же видѣ, какъ и новгородскіе. Доказательствомъ тому служатъ черпавшіе изъ нихъ свои разказы о Руси польскіе историки Длугошъ, Кромеръ, Мѣховскій, Стрыйковскій и др. Историки эти сообщаютъ, что трехъ варяжскихъ князей призвалъ не кто другой какъ сама Русь или собственно часть ея (nonnulae Ruthenorum nationes—у Длугоша). Въ особенности для насъ важно показаніе Стрыйковскаго, передающаго подробно легенду о призваніи князей съ цитатой изъ русскихъ лѣтописей. Онъ говоритъ, что русскія лѣтописи

не сообщаютъ, кто были Варяги, и предается по этому поводу разнымъ домысламъ, между прочимъ сближаетъ Варяговъ съ Ваграми славяно-балтійскими. (Вотъ когда уже начались измышленія славяно-балтійской теоріи!). Но замѣчательны слѣдующія его слова: „Лѣтописцы русскіе, не зная, кто были Варяги, прямо начинаютъ свои хроники такимъ образомъ: *послаша Русь къ Варягамъ*, говоря „приходите княжить и владѣть нами“ и проч. Къ тѣмъ же писателямъ XVI вѣка, знакомымъ съ русскими лѣтописями и отдѣлявшимъ Русь отъ Варяговъ, принадлежитъ и Герберштейнъ.

3) Въ нѣкоторыхъ имѣющихся спискахъ Повѣсти временныхъ лѣтъ, и между прочимъ въ старѣйшихъ, сохранились явные слѣды первоначальной, то-есть, Сильвестровой редакціи. Напримѣръ, въ *Лаврентьевскомъ*, *Ипатьевскомъ*, Троицкомъ, Переяславскомъ при описаніи посольства за море сказано: „рѣша *Русь*, Чюдь, Словѣне, Кривичи и Весь: земля наша“ и проч. Въ другихъ спискахъ (напримѣръ, Радзивиловскомъ) стоитъ: „рѣша *Руси*, Чудь, Словѣне, Кривичи“. Весьма вѣроятно, что именно эта ошибка какого-то писца, сказавшаго *Руси* вмѣсто *Русь*, повторенная другими переписчиками, и послужила однимъ изъ источниковъ искаженнаго текста. Такъ какъ выходило, что послы, отправленные къ Варягамъ, обращались съ своей рѣчью къ *Руси*, то заключили о ихъ тожествѣ, и въ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ сводахъ получился небывалый народъ Варяги-Русь. По отдѣленіи Руси отъ призывающихъ народовъ, на первомъ мѣстѣ въ числѣ сихъ народовъ осталась Чудь, чѣмъ и объясняется это странное первенство Чуди передъ Славянами въ дѣлѣ призванія князей. (То же въ сводахъ Софійскомъ и Воскресенскомъ).

4) Когда *Русь* по ошибкѣ и невѣжеству переписчиковъ отнесена была къ Варягамъ, тогда явились въ текстѣ позднѣйшія вставки или глоссы, старавшіяся пояснить этихъ непонятныхъ Варяго-Руссовъ. Напримѣръ: „сице бо звяхуть ты Варягы Русь яко се друзіи зовутся Свее, друзіи Урмани, Англяне, иніи Готе“. Или: „отъ тѣхъ прозвася Русская земля Новгородци, ти суть людіе Новгородцы отъ рода Варяжска, преже бо бѣша Словѣне“ (по Лаврент. списку); то-есть: отъ Варягъ прозвались Русскою землею Новгородцы; а эти Новгородцы, будучи Варяжскаго рода, прежде были Славянами—безсмыслица полная. Но если возьмемъ въ расчетъ Ипатьевскій списокъ, гдѣ въ данномъ мѣстѣ сказано только: „отъ тѣхъ Варягъ (то-есть отъ Рюрика съ братьями)

прозвася Русская земля“, и сравнимъ съ однимъ предыдущимъ мѣстомъ лѣтописи, то можетъ быть, доберемся и до происхожденія этой глоссы. А именно: „въ лѣто 6360, индикта 15, наченшю Михаилу царствовати, начася прозывати Русская земля. О семъ бо увѣдахомъ яко при семъ цари приходиша Русь на Царьградъ, якоже пишетъ въ лѣтописаніи грѣцкомъ“. Въ этомъ первоначальномъ текстѣ довольно ясно говорится, что Русская земля тогда-то, при Михаилѣ царѣ, стала впервые прозываться, то-есть, впервые имя Руси встрѣтилось въ хроникѣ Георгія Амартола по поводу нападенія на Царьградъ. А глоссаторъ понялъ это буквально, то-есть, что Русь стала называться Русью только съ того времени, къ которому легенда пріурочила свое призваніе варяжскихъ князей. Выходило такимъ образомъ, что имя Руси пришло къ намъ съ этими князьями, и тѣмъ болѣе, что (по указанной выше ошибкѣ) пословъ посылали Чудь и Славяне къ Руси. Но рядомъ съ подобными глоссами остались и другія, явно противорѣчащія имъ выраженія первоначальной редакціи. Напримѣръ: „Поляне яже зовомая Русь“; или: „Словенескъ языкъ и русскій одинъ“. Образчикъ позднѣйшаго искаженія текста о призваніи видимъ и на словѣ *Весь*. Въ нѣкоторыхъ спискахъ она занимаетъ послѣднее мѣсто въ ряду призывающихъ народовъ, а въ другихъ обратилась въ слово *вси* или *вся* и отнесена то къ предыдущему слову („Кривичи вси“), то къ послѣдующему („вся земля наша“). Слѣдовательно, названія перваго народа мнимой федераціи (Русь) и послѣдняго (Весь) подверглись отдѣленію отъ этой федераціи, искаженію и вообще путаницѣ.

5) Тѣ же польскіе историки указываютъ на другой фактъ искаженія въ первоначальномъ текстѣ, именно на Оскольда и Дира, которые являются у нихъ туземными князьями, потомками миѳическаго Кія, что гораздо естественнѣе и сообразнѣе съ ходомъ разсказа. (Нѣчто подобное видимъ въ Степен. кн., Никоновс. лѣт. и Русск. хронографѣ въ Изборникѣ А. Попова). Все это указываетъ на разнообразіе, на варіанты лѣтописнаго текста. Наконецъ, еслибы въ первоначальномъ текстѣ легенды прямо и положительно говорилось, что Русь принадлежала къ Варягамъ, то не могло бы явиться и весьма разнообразнаго толкованія имени Руси по свидѣтельству польскихъ историковъ и нѣкоторыхъ русскихъ лѣтописей. Кромѣ домысла о происхожденіи ея отъ Варяговъ, приводилось до шести слѣдующихъ толкованій: 1) отъ Руса, брата Чеху и Леху; 2) отъ *сарматскаго народа Роксаланъ*;

3) отъ города *Русы*; 4) отъ русыхъ волосъ; 5) отъ слова разсѣянія; 6) отъ *рѣки Русы* или *Росъ*.

Надѣюсь, что всѣ приведенныя мною ссылки и указанія суть факты, которые каждый можетъ провѣрить. А затѣмъ приглашаю опровергнуть тѣ выводы, которые я дѣлаю на основаніи этихъ фактовъ.

Изысканія о началѣ Руси, какъ я сказалъ, натолкнули меня, между прочимъ, на вопросъ о народности древнихъ Болгаръ. А пересмотръ этого вопроса привелъ меня къ тому убѣжденію, что прежнее его рѣшеніе было основано на явныхъ недоразумѣніяхъ и предвзятыхъ толкованіяхъ. Та же нѣмецкая наука, которая построила норманскую систему Руси, усмотрѣла въ Болгарахъ какое-то туранское происхожденіе. Противъ нея возсталъ было Венелинъ. Но Шафарикъ, находившійся подъ непосредственнымъ вліяніемъ этой науки, своимъ авторитетомъ освятилъ мнѣніе Нѣмцевъ; а за нимъ и западные, и наши слависты начали повторять это мнѣніе какъ бы какую-то, въ самомъ дѣлѣ, научную истину. Въ дѣйствительности никто изъ нихъ, положительно никто, не занялся этимъ вопросомъ спеціально и не обслѣдовалъ его со всѣхъ сторонъ. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторые изъ нихъ, въ особенности гг. Макушевъ и Ягичъ, за одно съ А. А. Куникомъ, весьма враждебно отнеслись къ моему изслѣдованію о происхожденіи Болгаръ. Между тѣмъ до сихъ поръ послѣдователи туранской теоріи сами еще не установили твердаго, опредѣленнаго мнѣнія объ этомъ происхожденіи: большая часть ихъ, вслѣдъ за Шафарикомъ, видитъ въ Болгарахъ Чудское или Финское племя, а нѣкоторые усматриваютъ въ нихъ Турецкую расу. Г. Куникъ построилъ даже особую теорію чувашско-татарскаго ихъ происхожденія. Главнымъ орудіемъ подобныхъ теорій служитъ все та же несчастная этимологія собственныхъ именъ, которыя не поддаются никакимъ строго научнымъ объясненіямъ, а обыкновенно вздергиваются на этимологическую дыбу (любимое выраженіе нашихъ норманистовъ), благодаря которой и получаются желаемые результаты. Любопытно при этомъ, что люди, не знающіе финскихъ или татарскихъ языковъ, смѣло относятъ данныя имена къ тому или другому изъ этихъ языковъ.

Немалое вліяніе имѣетъ въ этомъ вопросѣ то обстоятельство, что наши университетскіе слависты—собственно спеціалисты по

славянскимъ нарѣчіямъ, а не по славянской исторіи. Каѳедра славянская большею частію у насъ такъ поставлена, что исторія Славянъ какъ бы для нея необязательна, а обязательны только ихъ нарѣчія. Еще менѣе можемъ ожидать строго научной, безпристрастной обработки древне-славянской исторіи отъ нашихъ академиковъ-Нѣмцевъ. Поэтому и не удивительно, что древнѣйшая исторія славянства еще не имѣетъ подъ собою твердо установленной почвы и слишкомъ далеко отстала отъ той степени обработки, какою пользуется въ наукѣ начальная исторія племени Германскаго.

По поводу Болгаръ я уже имѣлъ случай отвѣчать гг. Макушеву и Кунику. (См. выше „Къ вопросу о Болгарахъ"). Г. Ягичу отвѣчать было нечего, потому что его нѣмецкое изданіе Archiv für Slavische Philologie при всякомъ удобномъ случаѣ рѣзко, но *голословно* высказывало свое несочувствіе моимъ изслѣдованіямъ о Руси и Болгарахъ. Другое дѣло, еслибы г. Ягичъ попытался что-нибудь въ этихъ изслѣдованіяхъ опровергнуть систематически, научнымъ образомъ. Но такъ какъ, будучи филологомъ и отчасти этнографомъ, онъ менѣе всего историкъ славянства, то собственно нельзя и ожидать отъ него подобныхъ опроверженій.

Между тѣмъ недостатокъ исторической почвы, недостатокъ историко-критическаго метода по отношенію къ древней исторіи славянства со стороны славистовъ-профессоровъ, какъ мы видимъ, отражается и на ихъ ученикахъ, то-есть, на тѣхъ молодыхъ ученыхъ, которые посвящаютъ свои труды какому-либо отдѣлу именно изъ этой древней славянской исторіи.

Передъ нами, напримѣръ, два сочиненія молодыхъ ученыхъ, относящіяся къ Балканскимъ Славянамъ; одно: „Изъ исторіи древнихъ Болгаръ" *М. Соколова.* С.-Пб. 1879; другое: „Извѣстія Константина Багрянороднаго о Сербахъ и Хорватахъ" *К. Грота.* С.-Пб. 1880. Оба сочиненія удостоены награжденія золотой медалью отъ С.-Петербургскаго университета. Награда заслуженная: отъ молодыхъ ученыхъ невозможно и требовать болѣе основательнаго знакомства съ источниками и литературою предмета; нельзя также требовать отъ нихъ вполнѣ самостоятельнаго и зрѣлаго критическаго отношенія къ этой литературѣ. Отдавая должную имъ справедливость вообще, мы остановимся только на томъ, какъ они отнеслись къ вопросу о болгарской народности. Преимущественно укажемъ на сочиненіе г. Соколова, которое спеціально посвящено Болгарамъ; оно распадается на двѣ

половины: „Образованіе болгарской національности“ и „Принятіе христіанства Болгарскими Славянами“.

Казалось бы, что сочиненіе, на половину посвященное вопросу о національности Болгаръ, должно было отнестись къ нему съ особымъ тщаніемъ, разсмотрѣть новую постановку этого вопроса и взвѣсить ея доводы. Ничуть не бывало. Тутъ мы видимъ повтореніе все тѣхъ же пріемовъ и натяжекъ, которые такъ запутали и затемнили вопросъ. Перечисляется масса славянскихъ племенъ, поселившихся въ восточной половинѣ Балканскаго полуострова, съ ихъ именами и мѣстами жительства, и эти племена трактуются отдѣльно отъ Болгаръ, какъ бы существовавшіе тамъ до ихъ прихода (57—58). А между тѣмъ источники упоминаютъ объ этихъ славянскихъ племенахъ уже послѣ водворенія Аспаруховыхъ Болгаръ, и нѣтъ никакихъ данныхъ утверждать, чтобъ это не были племена именно Болгарскія. И тѣ семь славянскихъ родовъ, которые нашелъ тамъ Аспарухъ (точнѣе Есперикъ), кромѣ Сербовъ (или Сѣверянъ), были, вѣроятнѣе всего, Болгары, переселеніе которыхъ за Дунай совершалось въ теченіе, по крайней мѣрѣ, двухъ столѣтій до Аспаруха. Самъ авторъ соглашается, что Кутургуры, поселившіеся во Ѳракіи при Юстиніанѣ, были Болгары; что сіи послѣдніе появились за Дунаемъ еще ранѣе, въ V вѣкѣ; что съ того времени не прекращалось ихъ движеніе въ эту сторону (стр. 40 и далѣе). Но въ то же время авторъ продолжаетъ исходнымъ пунктомъ для болгарской исторіи считать легенду о Кувратѣ и его пяти сыновьяхъ, относимыхъ къ VII вѣку, и безъ всякихъ доказательствъ выдавать эту легенду за историческій фактъ. Нельзя же принять за серьёзное возраженіе мнѣ и за доказательство ея историчности предположеніе, что „въ ихъ (Никифора и Феофана) изложеніи сохранились слѣды близости къ событію автора того источника, которымъ они пользовались“ (76). И это единственное возраженіе, которое я встрѣтилъ у г. Соколова на изслѣдованіе мое о Болгарахъ. Впрочемъ, онъ упоминаетъ обо мнѣ еще разъ, замѣтивъ, что я свое мнѣніе о воинственности Славянъ заимствовалъ у г. Дринова (91). Между тѣмъ моя борьба съ антиславистами появилась въ печати, если не ошибаюсь, двумя годами ранѣе диссертаціи г. Дринова, который притомъ въ своей диссертаціи въ отношеніи Болгаръ принадлежитъ также къ антиславистамъ. Г. Соколовъ добавляетъ при этомъ: „Достаточно подробное опроверженіе теоріи Иловайскаго сдѣлалъ Макушевъ въ рецензіи на книгу Иречка“ (объ

этомъ опроверженіи г. Макушева, поверхностномъ и голословномъ, см. мой отвѣтъ выше). Я даже полагаю, что г. Соколовъ прочелъ только рецензію г. Макушева, но моего изслѣдованія, вѣроятно, не читалъ.

„Что касается національности Болгаръ, то въ настоящее время можно считать окончательно доказаннымъ, къ какой группѣ народовъ они принадлежали“—говоритъ г. Соколовъ (89). И тутъ же изъ дальнѣйшаго развитія этого положенія мы видимъ, что ничего не только окончательно не доказано, а напротивъ, сами антислависты распадаются на двѣ категоріи: одни относятъ Болгаръ къ Чудской или Финской группѣ, а другіе—къ Тюркской. Г. Соколовъ склоняется къ послѣдней. Затѣмъ слѣдуютъ обычныя измышленія противъ арійской народности Болгаръ, какъ-то: „конный, воинственный народъ со многими обычаями, свойственными только азіатскимъ народамъ турецко-татарскаго племени“; „крѣпкая военная организація, развитое военное искусство и сильная монархическая власть“; и все это противуполагается „мягкимъ нравамъ Славянъ“, отсутствію у нихъ „военной, государственной организаціи“. Отсталость и ненаучность подобныхъ доводовъ я уже объяснялъ не разъ и не буду вновь о нихъ распространяться. Тутъ все произвольно и гадательно. Откуда, напримѣръ, изъ какихъ источниковъ взято это положеніе о сильной монархической власти у Болгаръ еще въ то время, когда они появились на предѣлахъ Византійской имперіи? И чѣмъ она была сильнѣе княжеской власти у Русскихъ и другихъ Славянъ? Что это за смѣшеніе всѣхъ Славянъ того времени въ одинъ мирный, осѣдлый, пѣшій народъ? Исторія застаетъ Славянъ на пространствѣ отъ Адріатическаго моря до Волги, въ гористыхъ и степныхъ мѣстахъ, по берегамъ морей и внутри континента, въ сосѣдствѣ съ дикими и культурными народами, и все это будто имѣло одни обычаи, одинъ складъ жизни, одно политическое состояніе и т. д.? Откуда это гаданіе, что именно восточные Славяне, пришедшіе прямо изъ черноморскихъ степей, не могли явиться народомъ грубымъ, склоннымъ къ грабежу и разоренію чужихъ земель? Произволъ во всѣхъ этихъ доводахъ слишкомъ очевиденъ, чтобъ имѣть притязаніе на какое-нибудь научное значеніе.

Въ своихъ изслѣдованіяхъ я, надѣюсь, ясно показалъ, что, говоря о нравахъ и обычаяхъ, наивно было бы смѣшивать вопросъ о степени и характерѣ культуры съ вопросомъ о народности, что

остатки кочеваго быта не могутъ служить признаками исключительно туранскаго происхожденія, и т. п.

Верхъ совершенства въ пріемахъ антиславистовъ составляютъ тѣ гаданія, посредствомъ которыхъ они пытаются объяснить быстрое и совершенно непонятное превращеніе Болгаръ въ Славянъ уже въ IX вѣкѣ. Вотъ эти гаданія: „Вліяніе Славянъ на Болгаръ началось ранѣе ихъ переселенія за Дунай“; „*очень можетъ быть*, что въ Аспаруховой ордѣ былъ элементъ славянскій“. „Болгарскій элементъ несомнѣнно продолжалъ существовать и послѣ крещенія Болгаръ—въ Добруджѣ, удобной для пастбищъ коней, гдѣ положеніе ихъ было изолировано“. „Орда Аспаруха была не очень многочисленна, не могла довольствоваться собственными силами и для борьбы съ Греками употребляла покоренныхъ Славянъ“ (93—94). Въ наше время исторической критики какъ-то совѣстно вести борьбу съ такими наивными пріемами; ихъ несостоятельность должна бросаться въ глаза даже всякому, не посвященному въ дѣло науки и обладающему только здравымъ смысломъ. Чтобы спасти мнимое туранство Болгаръ, оказывается необходимымъ прибѣгнуть къ такимъ произвольнымъ, ни на какихъ историческихъ свидѣтельствахъ неоснованнымъ гаданіямъ, какъ малочисленность Болгаръ и присутствіе Славянъ въ какой-то Болгарской ордѣ еще прежде ея переселенія за Дунай. Оказывается, что этотъ грозный, воинственный Болгарскій народъ былъ такъ слабъ, что *покорилъ* себѣ Балканскихъ Славянъ съ помощью невоинственныхъ, *покоренныхъ* Славянъ, неизвѣстно откуда взявшихся и къ какой вѣтви принадлежавшихъ. Оказывается, что этотъ энергическій, господствующій надъ Славянами народъ, снабженный сильною манархическою властью и военно-государственною организаціей, не устоялъ передъ кроткимъ, покореннымъ племенемъ и быстро расталъ; при чемъ принялъ его языкъ, и такъ основательно, что не оставилъ въ этомъ языкѣ никакихъ своихъ слѣдовъ. А что это за Болгары, сохранившіе свою татарскую народность въ Добруджѣ? На какихъ источникахъ это основано? И куда же исчезла эта, якобы сохранившаяся тамъ народность? Совершенно несправедливо также ссылаться на принятіе христіанства въ оправданіе такого превращенія. Христіанство тутъ не причемъ. Угры также покорили Славянъ, поселились между ними, крестились (сначала также по византійскому обряду), однако не утратили своего языка и народности. Вообще такихъ примѣровъ нѣтъ, чтобы какой-либо господствующій народъ быстро утратилъ свой

языкъ, принявъ христіанство. Однимъ словомъ, тутъ мы встрѣчаемъ полное невѣдѣніе основныхъ, элементарныхъ законовъ исторической жизни народовъ и государствъ, совершенное невѣдѣніе законовъ вымиранія старыхъ языковъ или образованія новыхъ. Ничего подобнаго нигдѣ исторія намъ не представляетъ.

Обращу вниманіе еще на слѣдующее:

Рядомъ съ произвольнымъ предположеніемъ о малочисленности Болгаръ ставится еще другое произвольное предположеніе о томъ, что они ославянились не такъ быстро; что отъ VII вѣка (времени ихъ окончательнаго водворенія за Дунаемъ) до IX вѣка (времени крещенія и славянской письменности) прошло около двухъ вѣковъ. И этотъ срокъ все-таки небывалый для превращенія господствующаго энергическаго племени въ покоренное, притомъ яко бы вялое, пассивное племя, дотолѣ ничѣмъ себя не заявившее и никакою культурою не обладавшее. Но не замѣчаютъ еще при этомъ слѣдующаго промаха. Доказательства неславянства Болгаръ, на основаніи ихъ варварскихъ нравовъ, сгруппированныя Шафарикомъ (на котораго ссылаются), взяты преимущественно изъ войнъ Крума съ Византіей и изъ Отвѣтовъ папы Николая I въ 866 г. Въ эпоху же своего крещенія (около 860 г.) Болгары пользуются славянскою грамотой и вообще являются уже чистыми Славянами. И такъ, если взять въ расчетъ варварство Болгаръ во время Крума, то для превращенія ихъ въ Славянъ получится какихъ-нибудь пятьдесятъ лѣтъ. А если принять во вниманіе указаніе на варварскіе (по Шафарику финскіе) обычаи въ Отвѣтахъ Николая I, то для превращенія Болгаръ въ Славянъ не только времени не останется, а первые продолжали оставаться Болгарами, то-есть, самими собою, такъ сказать, внѣ всякихъ сроковъ. Однимъ словомъ, со всѣхъ сторонъ такія вопіющія противорѣчія, такое отсутствіе смысла, что говорить послѣ того о какомъ-то туранствѣ болгарскихъ личныхъ именъ, прибѣгая при этомъ къ греческой транскрипціи и всякаго рода натяжкамъ, и искать поддержки этому туранству въ этимологическихъ домыслахъ—просто недостойно людей, занимающихся наукою *). Вообще, въ виду выс-

*) Въ высшей степени ненаучно и ссылаться на непонятныя рѣченія въ извѣстной Росписи болгарскихъ князей (найденной А. Поповымъ) какъ на признакъ туранства Болгаръ; прежде слѣдовало разъяснить эти рѣченія, а потомъ еще доказать ихъ принадлежность Болгарскому языку.

тавленнаго мною на передній планъ положенія о невозможности помянутаго превращенія Болгаръ въ Славянъ при данныхъ условіяхъ, заниматься всякаго рода иными аргументами, въ родѣ нѣкоторыхъ личныхъ именъ и нѣкоторыхъ обычаевъ—я въ настоящее время считаю не болѣе какъ толченіемъ воды, простымъ дѣломъ самолюбія или національнаго пристрастія со стороны корифеевъ туранскихъ теорій. Считаю долгомъ оговориться при этомъ, что книгою г. Соколова я пользуюсь какъ новымъ случаемъ указать на полный недостатокъ научныхъ историко-критическихъ пріемовъ той школы, къ которой онъ принадлежитъ относительно даннаго вопроса. Отъ него, какъ начинающаго молодаго ученаго, нельзя еще требовать полной самостоятельности и критической зрѣлости въ подобныхъ вопросахъ. Я имѣю въ виду собственно тѣхъ, кого онъ повторяетъ. Нельзя не замѣтить, что въ вопросахъ о неславянствѣ Руси и Болгаръ петербургская университетская наука находится подъ непосредственнымъ вліяніемъ С.-Петербургской академіи наукъ и главнымъ образомъ А. А. Куника. По крайней мѣрѣ, я постоянно встрѣчаюсь со ссылками на него въ статьяхъ и книгахъ петербургскихъ молодыхъ и немолодыхъ ученыхъ, какъ скоро рѣчь заходитъ о древней Руси и Болгарахъ. (Къ нимъ принадлежитъ и г. Соколовъ.)

Относительно названнаго выше сочиненія г. К. Грота я долженъ отдать справедливость его изысканіямъ о Сербахъ и Хорватахъ. Тутъ можно было бы сдѣлать только кое-какія замѣчанія второстепенной важности. Но одно изъ приложеній къ своей книгѣ онъ посвятилъ Болгарамъ, гдѣ касается вопроса о ихъ народности. При этомъ онъ почти буквально, только вкратцѣ, повторяетъ тѣ же доводы и тѣ же положенія, какія предлагаетъ г. Соколовъ. Отъ г. Грота конечно, также нельзя еще требовать самостоятельности въ этомъ случаѣ и критическаго отношенія къ туранской теоріи своихъ руководителей.

И такъ, я обвиняю своихъ противниковъ по даннымъ вопросамъ въ сильномъ недостаткѣ истинныхъ критическихъ пріемовъ, въ занятіяхъ мелочами, вообще предметами, не имѣющими серьёзнаго значенія, и въ упущеніи изъ виду главныхъ и важнѣйшихъ сторонъ. Такъ, въ вопросѣ о Руси я приглашалъ ихъ прежде всего объяснить, какъ и куда безслѣдно пропалъ сильный Роксаланскій народъ и филологически опровергнуть, что

первая половина его имени тожественна съ названіемъ Рось; затѣмъ приглашалъ доказать, что уже первоначальный лѣтописный текстъ заключалъ въ себѣ смѣшеніе Варяговъ съ Русью въ одинъ народъ, а далѣе доказать возможность того, чтобы цѣлая федерація разноплеменныхъ народовъ призвала откуда-то изъ-за моря чуждый народъ для господства надъ собою. Точно также въ вопросѣ о Болгарахъ прежде всего имъ слѣдовало доказать физическую возможность такого быстраго превращенія энергическаго племени завоевателей и основателей государственнаго быта въ народность покоренную, не обнаружившую дотолѣ никакой политической организаціи, никакой сколько-нибудь развитой культуры, доказать сравнительно-филологическимъ путемъ возможность такой быстрой, безслѣдной утраты роднаго языка этимъ туранскимъ племенемъ въ пользу языка славянскаго. Когда это будетъ доказано, только тогда и можно толковать о такихъ предметахъ, какъ сбивчивая какая-нибудь фраза источника, какъ нѣкоторыя черты нравовъ или нѣкоторыя личныя имена, этимологію которыхъ филологическая наука пока разъяснить не въ состояніи, точное произношеніе которыхъ намъ неизвѣстно, и которыя въ древней исторіи Болгаръ перемѣшаны съ такими обще- или явно-славянскими именами, какъ Драгоміръ, Доброміръ, Владиміръ, Нравота, Звеницъ (Zvynitzes), Баянъ, Борисъ, и др. Что касается до моихъ собственныхъ изслѣдованій, то я уже не разъ заявлялъ о возможности мелкихъ недосмотровъ и не разъ дѣлалъ въ этомъ случаѣ разныя поправки. Но такія поправки не нарушаютъ моихъ главныхъ выводовъ; не нарушатъ ихъ и впредь. Позволяю себѣ говорить съ увѣренностію. Ибо прежде чѣмъ выступить въ печати съ инымъ рѣшеніемъ данныхъ двухъ вопросовъ (о Руси и Болгарахъ), я много и внимательно взвѣшивалъ и обслѣдовалъ основные, исходные или краеугольные пункты, которымъ и принадлежитъ рѣшающее значеніе. Въ ихъ правильной установкѣ и заключается вся суть дѣла; а разработка мелочей и даже второстепенныхъ сторонъ должна слѣдовать послѣ, и тутъ я могъ что-нибудь недосмотрѣть. Но моихъ основныхъ пунктовъ никто не опровергнетъ, или исторія—не наука. Повторяю это смѣло и рѣшительно.

———

ГУННСКІЙ ВОПРОСЪ.

I.

Пересмотръ вопроса о Гуннахъ *).

Въ 1876 году, издавая сборникъ своихъ изслѣдованій и полемическихъ статей подъ общимъ заглавіемъ „Розысканія о началѣ Руси“, куда вошло и мое изслѣдованіе о Болгарахъ Дунайскихъ, я въ концѣ сего послѣдняго помѣстилъ оговорку относительно собственно Гунновъ. Не отвергая пока господствующаго мнѣнія объ ихъ угро-финской народности, я объявилъ вопросъ о нихъ еще не рѣшеннымъ окончательно или открытымъ. „По многимъ признакамъ — сказалъ я — едва ли главная роль въ толчкѣ, породившемъ такъ-называемое великое переселеніе народовъ, не принадлежала именно народамъ Сармато-Славянскимъ, и преимущественно Болгарамъ. Представляется еще вопросъ: кому первоначально принадлежало самое имя *Гунны?* Очень возможно, что оно и съ самаго начала принадлежало Славянамъ-Болгарамъ, и отъ нихъ уже перенесено греко-римскими писателями на нѣкоторые другіе народы, а не наоборотъ“ (см. выше стр. 228). Дѣло въ томъ, что нѣмецкое мнѣніе о туранствѣ Гунновъ послужило исходнымъ пунктомъ антиславянской теоріи въ отношеніи Болгаръ, такъ какъ нѣкоторые источники относятъ сихъ послѣднихъ къ народамъ гуннскимъ. Въ своемъ изслѣдованіи я старался выдѣлить Болгаръ изъ группы гуннскихъ народовъ и разсматривать ихъ независимо отъ вопроса о томъ, кто были сами Гунны IV вѣка и временъ Аттилы. Изысканія мои расположились такимъ образомъ, что я постепенно восходилъ отъ послѣдующаго къ

*) Изъ Ж. М. Н. Пр. 1881. Май.

предыдущему. Занявшись вопросомъ, кто такое была Русь, я убѣдился въ ея туземномъ, славянскомъ происхожденіи; но въ то же время я натолкнулся на нѣкоторыя болгарскія племена, обитавшія въ южной Россіи и вошедшія въ составъ Русской національности. Это обстоятельство заставило меня пересмотрѣть вопросъ о народности Болгаръ, и результатомъ пересмотра есть полнѣйшее убѣжденіе въ ихъ славянствѣ. Въ свою очередь, изслѣдованіе сего вопроса, волей-неволей, приводитъ меня къ пересмотру туранской теоріи о народности Гунновъ. Тѣмъ труднѣе уклониться отъ такого пересмотра, что великое гуннское движеніе тѣсно связано не только съ начальною исторіей всего Славянскаго міра, но и съ судьбою Роксаланскаго племени, то-есть, съ начальною исторіей русской государственной жизни. Со времени помянутой выше моей оговорки прошло пять лѣтъ, и я неоднократно посвящалъ свой досугъ пересмотру этого вопроса и наблюденіямъ, къ нему относящимся. Не берусь въ настоящій моментъ представить о немъ подробное и законченное изслѣдованіе. Если время и обстоятельства позволятъ, можетъ быть, вернусь къ нему впослѣдствіи. А пока ограничусь сообщеніемъ тѣхъ результатовъ, къ которымъ я пришелъ.

Извѣстно, что противъ татаро-финской теоріи Нѣмцевъ (Энгеля, Тунмана, Клапрота и др.), по отношенію къ Болгарамъ и къ Гуннамъ вообще, сильно возсталъ Венелинъ (въ сочиненіи „Древніе и нынѣшніе Болгаре". М. 1829). Но онъ поддался многимъ увлеченіямъ въ своей собственной теоріи и встрѣтилъ рѣшительное противодѣйствіе со стороны самихъ славянскихъ ученыхъ, съ знаменитымъ Шафарикомъ во главѣ. Такъ сильно было ихъ подчиненіе своимъ учителямъ Нѣмцамъ даже въ сферѣ славянской науки! Послѣ того нѣкоторые писатели не разъ пытались поддержать борьбу, начатую Венелинымъ. Но на нихъ смотрѣли только какъ на оригиналовъ, и, пожалуй, отчасти справедливо. Таковымъ, напримѣръ, явился Вельтманъ („Индо-Германы или Сайване". М. 1856; „Аттила и Русь IV и V в.". М. 1858). У него можно встрѣтить нѣсколько любопытныхъ замѣчаній и соображеній; однако въ цѣломъ его изслѣдованія представляютъ какой-то мистическій сумбуръ. Затѣмъ мнѣніе Венелина повторяетъ болгарскій писатель Крестовичъ (*Исторія Бългаpcка*. Ч. I. Царьградъ. 1871.) Въ послѣднее время поборникомъ славянства Гунновъ выступилъ г. Забѣлинъ („Исторія Русской жизни". Ч. I. М. 1876). Не прибавивъ почти ничего существеннаго къ доказа-

тельствамъ Венелина, онъ, къ сожалѣнію, нѣсколько запуталъ вопросъ, отожествивъ какимъ-то образомъ Гунновъ именно съ Балтійскими Славянами, а сихъ послѣднихъ съ Варягами. Но уже самыя подобныя попытки указываютъ, что теорія туранства Гунновъ никогда не была доказана сколько-нибудь удовлетворительнымъ, научнымъ образомъ и постоянно требовала серьёзнаго пересмотра.

Пересматривая вопросъ о народности Гунновъ, я пришелъ къ тому убѣжденію, что положительное рѣшеніе его уже заключается въ разъясненіи народности Болгаръ. Въ своемъ изслѣдованіи о сихъ послѣднихъ я старался выдѣлить ихъ изъ общаго состава гуннскихъ народовъ, упоминаемыхъ источниками, и разсматривалъ народность Болгаръ независимо отъ народности Гунновъ; другими словами, восходя отъ послѣдующаго къ предыдущему, я разсматривалъ факты IX, VIII, VII и VI вѣковъ, только отчасти касаясь исторіи IV и V вѣковъ. Для моей цѣли, то-есть, для разъясненія, кто были Болгаре, этого было совершенно достаточно. Если мы находимъ ихъ Славянами въ IX вѣкѣ, идемъ далѣе въ глубь вѣковъ, и не замѣчаемъ нигдѣ ни малѣйшей перемѣны, никакихъ фактовъ, которые противорѣчили бы этому славянству или указывали бы на какое-либо превращеніе въ Славянъ совершенно чуждой народности, то естественно имѣемъ полное право заключить, что *Болгаре всегда были Славянами*. Разъ установивъ это положеніе, я обращаюсь къ разъясненію вопроса о взаимномъ отношеніи Болгаръ и Гунновъ, и прихожу къ тому заключенію, что первыхъ не слѣдуетъ выдѣлять изъ состава собственно гуннскихъ народовъ. Сличая свидѣтельства источниковъ, особенно извѣстія Прокопія, Агаѳія и Менандра, съ другими писателями, мы видимъ, что двѣ главныя вѣтви Болгаръ, Утургуры и Кутургуры, были племена гуннскія по преимуществу. Мы приходимъ къ убѣжденію (совершенно согласному съ источниками), что по разрушеніи царства Аттилы Гунны не думали пропадать куда-то на востокъ или проваливаться сквозь землю. Соединенные на время могучею волей и энергіей этого замѣчательнаго человѣка, они потомъ посреди обычныхъ княжескихъ распрей и междоусобій утратили господство надъ Германскимъ міромъ, снова раздѣлились и продолжали жить отдѣльными племенами, будучи извѣстны византійскимъ и латинскимъ писателямъ подъ разными племенными названіями, какъ-то — Болгаръ, Кутургуровъ, Утургуровъ, Ультинзуровъ, Буругундовъ, Савировъ и т. п. Слѣдова-

тельно, если Болгаре, будучи Славянами, въ то же время были тождественны съ Гуннами, то Гунны являются ни кѣмъ инымъ какъ Славянами.

Обращаясь къ извѣстной росписи болгарскихъ князей, обнародованной А. Н. Поповымъ, находимъ тамъ до нѣкоторой степени подтвержденіе тому, что Дунайскіе Болгаре не только были потомки Гунновъ Аттилы, но что и княжескій ихъ домъ происходилъ отъ него по прямой линіи. Первымъ по этой росписи называется Авитохолъ, который происходилъ изъ рода Дуло и жилъ 300 лѣтъ; за нимъ слѣдуетъ Ирникъ, который жилъ 108 лѣтъ. Далѣе изъ того же рода Дуло были князья Коуртъ (Кувратъ Византійцевъ), а потомъ Есперикъ (Аспарухъ Византійцевъ), при которомъ Болгаре завоевали страну къ югу отъ Дуная. Ирника сами противники славянства Болгаръ (напримѣръ, г. Куникъ) справедливо отожествляютъ съ младшимъ сыномъ Аттилы Ирнахомъ или Ирною, о которомъ разказываетъ писатель Прискъ, посѣтившій Аттилу въ свитѣ византійскаго посольства. По его свидѣтельству, Аттила любилъ и ласкалъ Ирну предпочтительно передъ другими своими дѣтьми, потому что какіе-то предсказатели объявили, что только посредствомъ этого мальчика будетъ продолжаться его царскій родъ. Весьма любопытно, что это предсказаніе оправдалось на Болгарскихъ князьяхъ, основавшихъ новое Гуннское царство на нижнемъ Дунаѣ. Въ такомъ случаѣ загадочный Авитохолъ означенной росписи будетъ никто иной какъ самъ Аттила, которому, какъ человѣку необыкновенному, народныя преданія Болгаръ успѣли придать полумиѳическій характеръ, снабдивъ его трехсотлѣтнимъ возрастомъ.

Теперь, когда начинаешь пристально всматриваться въ сочиненную французомъ Дегинемъ и поддержанную Нѣмцами туранскую теорію Гунновъ, то удивляешься даже, какъ могла эта теорія столь долгое время господствовать въ наукѣ при своихъ шаткихъ основаніяхъ.

А на чемъ она, главнымъ образомъ, была основана?

Да просто на невѣрномъ толкованіи нѣкоторыхъ реторичныхъ выраженій двухъ латинскихъ писателей, Аммiана Марцеллина и Іорнанда, выраженій, относящихся къ наружному виду и образу жизни Гунновъ.

„Новорожденнымъ мужескаго пола Гунны дѣлаютъ желѣзомъ глубокіе нарѣзы на щекахъ, чтобъ уничтожить растительность волосъ: они старѣютъ безбородые, некрасивые, подобные евну-

хамъ“, говоритъ Аммiанъ.—„У нихъ плотные, крѣпкiе члены тѣла, толстый затылокъ (opimis cervicibus); ужаснаго вида и сутулые (pordigiosae formae et pandi), они похожи на двуногихъ животныхъ или на тѣ грубоизваянные фигуры, которыя стоятъ по краямъ мостовъ“ (Lib. XXXI). Если строго разбирать эти фразы, то гдѣ же тутъ указанiе на чисто монгольскую, или туркскую, или чудскую наружность Гунновъ? Уже Венелинъ объяснялъ, что подъ нарѣзами на щекахъ младенцевъ надобно разумѣть обычай брить бороду, распространенный издревле у Сарматскихъ народовъ восточной Европы. Напомнимъ бритую бороду и подстриженную кругомъ голову Русскихъ и Болгарскихъ князей. Прибавлю, что, можетъ быть, Гунны и дѣйствительно дѣлали какiе-нибудь нарѣзы на щекахъ младенцевъ, чтобъ у нихъ впослѣдствiи не росла борода, и слѣдовательно, не было бы нужды постоянно ее брить. Во всякомъ случаѣ это свидѣтельствуетъ именно о борьбѣ съ сильною растительностью бороды, а не съ ея отсутствiемъ. Еслибъ у Гунновъ плохо росла борода, какъ у Монголовъ или Чуди, то не было бы нужды бороться съ нею при помощи какихъ-то нарѣзовъ, которые, конечно, обезображивали лицо. И такъ, извѣстiе это наоборотъ свидѣтельствуетъ объ арiйской, а не туранской народности Гунновъ. А что они были широкоплечи, плотнаго сложенiя, съ ногами, закутанными въ бараньи или козлиныя шкуры (какъ далѣе говорится) казались Грекамъ и Римлянамъ очень неуклюжи, и живя на коняхъ, непривычные къ пѣшему хожденiю, были какъ бы похожи на двуногихъ животныхъ или на грубо-изваянныя статуи—все это такiя черты, которыя не могутъ служить отличительнымъ признакомъ какой-либо расы, а относятся къ извѣстной степени быта, и находятся въ тѣсной связи съ тѣмъ, что Аммiанъ далѣе говоритъ о ихъ дикости, свирѣпости и кочевомъ или полукочевомъ состоянiя. (Sed vagi montes peragrantes et silvas, pruinas, famem sitimque perferre ab incunabulis assuescunt). Таковое же состоянiе въ одинаковой мѣрѣ было свойственно и туранскимъ, и нѣкоторымъ арiйскимъ народамъ древности. Наконецъ, мы не находимъ здѣсь тѣхъ именно чертъ, которыя служатъ отличительными признаками туранской расы, каковы: узкiе глаза, широкiя скулы, и острый подбородокъ. Наконецъ, мы никакъ не должны упускать изъ виду, подъ какими впечатлѣнiями и при какихъ обстоятельствахъ писалъ Аммiанъ свой разказъ о Гуннахъ. У него нѣтъ никакихъ ука-

заній на то, чтобъ онъ наблюдалъ ихъ лично. Будучи родомъ Грекъ, онъ писалъ свою книгу уже удалившись отъ дѣлъ, далеко отъ мѣста событій (въ Антіохіи, а можетъ быть и въ Римѣ). Книга его захватываетъ только начало гуннскаго движенія или собственно бѣгство Готовъ передъ Гуннами на южную сторону Дуная. Писалъ онъ объ этомъ движеніи, очевидно, по слухамъ, а Гунновъ изображалъ по разказамъ ихъ враговъ, готскихъ бѣглецовъ, и притомъ, можетъ быть, не самихъ очевидцевъ и участниковъ событій. Понятно, что онъ не пожалѣлъ мрачныхъ красокъ для изображенія народа, который тогда началъ наводить ужасъ на міръ германскій и римскій. То, что Амміанъ говоритъ собственно о бытѣ и нравахъ Гунновъ, почти то же самое онъ прилагаетъ къ Аланамъ, которые являются у него такими же конниками и кочевниками, какъ и Гунны. Да если сравнить съ ними Готовъ, то и послѣдніе въ то время, очевидно, еще не вполнѣ вышли изъ кочеваго быта; чѣмъ и объясняются ихъ передвиженія изъ Черноморскихъ степей на Балканскій полуостровъ, а оттуда въ Италію и Испанію.

Перейдемъ теперь къ извѣстію Іорнанда.

Если Амміанъ Марцеллинъ, современникъ гуннскаго движенія, изобразилъ Гунновъ не совсѣмъ точно и преувеличилъ ихъ безобразіе, то чего же можно ожидать отъ Іорнанда, писавшаго около двухъ столѣтій спустя, бывшаго (какъ полагаютъ) готскимъ епископомъ въ Италіи, весьма пристрастнаго къ Готамъ, а потому дышавшаго ненавистью къ ихъ гонителямъ, Гуннамъ? И дѣйствительно, въ своей „Исторіи Готовъ" онъ не пожалѣлъ красокъ, такъ что входившее въ число его источниковъ Амміаново изображеніе Гунновъ представляется въ сравненіи съ симъ послѣднимъ довольно блѣдно. Вопервыхъ, Гунны у Іорнанда являются ни чѣмъ инымъ, какъ порожденіемъ изгнанныхъ Готами въ пустыню вѣдьмъ и совокупившихся съ ними злыхъ духовъ. Тамъ, въ этой пустынѣ за Меотійскимъ болотомъ, возникла „гнусная, жалкая, почти нелюдская порода (Гунновъ) съ языкомъ, едва похожимъ на человѣческій говоръ". Однако, какъ оказывается далѣе, этотъ жалкій народъ подобно вихрю налетѣлъ изъ-за Дона на Скиѳовъ (Готовъ), и побѣдилъ ихъ, увлекая за собою Аланъ и другіе сосѣдніе народы. Но побѣжденные будто бы не столько пугались ихъ оружія, сколько не могли выносить ихъ страшнаго вида. „У нихъ лицо ужасающей черноты и похоже болѣе, если можно такъ выразиться, на безобразный кусокъ мяса съ двумя дырами вмѣсто

глазъ. Самоувѣренность и мужество свѣтятся въ ихъ ужасномъ взглядѣ. Свирѣпость свою они упражняютъ надъ своими дѣтьми съ перваго же дня ихъ рожденія: младенцамъ мужскаго пола изрѣзываютъ желѣзомъ щеки, чтобы тѣ еще прежде чѣмъ научатся сосать молоко матери, уже пріучались къ перенесенію ранъ. Послѣ юности, лишенной красоты, они старѣютъ безбородые, потому что глубокіе рубцы отъ желѣза уничтожаютъ на лицѣ корни волосъ. Они малы ростомъ (*exigui quidem forma*), но ловки въ движеніяхъ и проворны на конѣ, широкоплечи, вооружены лукомъ и стрѣлами, съ *толстымъ затылкомъ* (*firmis cervicibus*), всегда гордо поднятымъ вверхъ. По своей свирѣпости, это звѣри въ образѣ людей" (Cap. XXIV).

Реторика этого ходульнаго описанія, проникнутая явнымъ озлобленіемъ противъ Гунновъ, такъ бросается въ глаза, что, удивляешься тому туману, въ которомъ историческая критика столь долго находилась по отношенію къ Гуннамъ. Да гдѣ же тутъ черты несомнѣнно монгольской, татарской или чудской народности? Если перевести все это на обыкновенный языкъ, окажется, что Гунны были не особенно велики ростомъ, то-есть, какъ говорится у насъ, коренасты, крѣпко сложены, широкоплечи, нечистоплотные (чумазые, какъ мы говоримъ), съ загорѣлою, истрескавшеюся на вѣтру кожею; имѣли съ младенчества изрѣзанныя щеки, или чтобы пріучить себя къ ранамъ, или чтобы не росла у нихъ борода *). Лица у нихъ были вообще кругловатыя, а глаза небольшіе (сравнительно съ южными европейскими народами), но взоръ острый, смѣлый, выраженіе мужественное. Повторяю, никакого намека нѣтъ на выдавшіяся скулы и широко разставленные, узкіе, косые глаза. Я нахожу даже въ этихъ чертахъ замѣчательное сходство съ нашимъ собственнымъ великорусскимъ типомъ, съ обиліемъ у насъ такъ называемыхъ мордовскихъ физіономій. И очень возможно, что подобно нашему, въ гуннскомъ типѣ отразилась нѣкоторая, еще доисторическая, подмѣсь иныхъ элементовъ, что не мѣшало Гуннамъ, какъ не мѣшаетъ и намъ, быть чистыми Славянами по языку и характеру. По моему мнѣнію, наглядное изображеніе этого гуннскаго типа можно видѣть на фрескахъ въ одной керченской катакомбѣ,

---

*) Современникъ Іорнанда Прокопій прямо говоритъ о гуннской модѣ брить щеки и подбородокъ и подстригать кругомъ голову, оставляя пучекъ волосъ на затылкѣ (Hist. Arcana C. VII).

которыя относятся ко времени между началомъ II и концомъ IV вѣка по Р. Х. (см. объясненія г. Стасова въ „Отчетѣ Императорской Археологической коммисіи“ за 1872 г., С.-Пб. 1875). Тамъ изображены какіе-то степные наѣздники именно съ круглымъ или овальнымъ лицомъ и безбородые, которыхъ физіономія ясно отличается отъ южно-европейскихъ народовъ и въ то же время не походитъ ни на Монголовъ, ни на Угровъ.

Что касается до свирѣпости, воинственности, кочевой жизни и привычки къ верховой ѣздѣ, то повторяю, въ наше время просто наивно было бы по такимъ чертамъ опредѣлять народность, а не извѣстную низшую степень культуры, которую переживали народы самаго разнообразнаго происхожденія. Финноманы и монголоманы почему-то, напримѣръ, вообразили себѣ, что предпріимчивость, свирѣпость и воинственность должны служить отличительною чертою Чуди и Монголовъ. А между тѣмъ тотъ же Іорнандъ, передавая разные ужасы о Гуннахъ, называетъ Финновъ „смирнѣйшимъ“ народомъ (Finni mitissimi. Cap. III). Монголо-Татары только временами выходили изъ своего апатичнаго состоянія и никогда не превосходили Арійцевъ своею энергіей и воинственностію. Если свирѣпость и страсть къ разрушенію суть признакъ Чудскихъ и Монгольскихъ народовъ, то къ нимъ надобно отнести и Вандаловъ. Впрочемъ, и сами финноманы отрицаютъ воинственность Славянъ только тогда, когда это не подходитъ, напримѣръ, къ ихъ теоріи о Гуннахъ и Болгарахъ. А когда говорятъ вообще о Славянахъ, то говорятъ о нихъ нѣсколько иначе. Напримѣръ, г. Макушевъ писалъ, что „иностранцы удивлялись храбрости и ловкости Славянъ“, чему приводитъ доказательства („Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ Славянъ“. С.-Пб. 1861, стр. 132 и 152). По свидѣтельству Прокопія, они „не отличались бѣлизною лица, всегда покрыты были грязью и всякою нечистотою“ (ibid., 151). Слѣдовательно, видимъ черты почти тожественныя съ Гуннами. Да Прокопій тутъ же говоритъ, что Анты и Славяне „при своемъ простосердечіи имѣютъ гуннскіе нравы“. А если онъ или Іорнандъ Гунновъ и Болгаръ еще не называютъ прямо Славянами, то я уже нѣсколько разъ указывалъ, что названіе это въ тѣ времена еще не было распространено на всѣ славянскіе народы, и что подъ Славянами тогда разумѣлись преимущественно западно-балканскіе или западно-дунайскіе Славяне, а не восточные. На такомъ основаніи и Готовъ пришлось бы не считать Германскимъ племенемъ; напримѣръ, Іорнандъ прямо отли-

чаетъ ихъ отъ Германцевъ (cujus consilio Gothi Germanorum terras, quas nunc Franci obtinent, depopulati sunt. Cap. XI). Простосердечіе Славянъ, о которомъ говоритъ Прокопій,—тоже не противорѣчитъ родству съ ними Гунновъ. „Добродушные и человѣколюбивые дома, Славяне отличались на войнѣ *хищностью и свирѣпостью*“—говоритъ г. Макушевъ, и подтверждаетъ это длиннымъ рядомъ краснорѣчивыхъ фактовъ изъ разныхъ источниковъ (стр. 156).

Поборники туранской теоріи, какъ мы видѣли,—придумали какую-то сильную монархическую власть какъ доказательство неславянства. Но вотъ что говоритъ Амміанъ о Гуннахъ: „Царская власть имъ неизвѣстна; они шумно слѣдуютъ за вождемъ, который ихъ ведетъ въ битву“. Но, очевидно, у нихъ были княжескіе роды; изъ среды послѣднихъ возвысился надъ другими родъ, къ которому принадлежалъ Аттила. Онъ, какъ это обыкновенно бываетъ въ исторіи, направивъ силы своего племени на борьбу съ другими народами и на завоеванія, успѣлъ было объединить Гунновъ и основать обширную монархію. А вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, возросла и его личная власть. Распалась потомъ его монархія, племена гуннскія опять раздробились, и княжеская власть опять упала. Извѣстные Болгарскіе князья снова успѣли соединить нѣкоторыя племена, завоевать цѣлую большую римскую провинцію, и власть ихъ снова усилилась. Все это черты общечеловѣческія. Къ тому же власть Болгарскихъ царей не была сильнѣе княжеской власти у Русскихъ и другихъ Славянъ; она также была ограничена вліятельнымъ боярскимъ сословіемъ.

Іорнандъ, писавшій спустя около ста лѣтъ по смерти Аттилы, берется описывать его наружность, основываясь неизвѣстно на какихъ источникахъ: „Малый ростъ, широкая грудь, большая голова, маленькіе глаза, рѣдкая борода, волосы съ просѣдью, *курносый* (simo naso), смуглый—онъ являлъ черты своего племени“ (Cap. XXXV). Но едва ли это описаніе не есть плодъ воображенія, тенденціозно настроеннаго. Іорнандъ полагалъ, что ненавистный Аттила, конечно, совмѣщалъ въ себѣ всѣ непривлекательныя стороны гуннской наружности, и сообразно съ тѣмъ его описалъ, придавъ ему рѣдкую бороду (хотя выше у него Гунны до старости безбородые), да еще „гордую осанку и пытливые взоры“. И при всей тенденціозности или предвзятости описанія мы не видимъ тутъ никакихъ несомнѣнныхъ признаковъ туранской расы. Наконецъ всѣ фразы Амміана и Іорнанда о бе-

зобразіи Гунновъ теряютъ свой острый характеръ, если сличить ихъ съ извѣстіями Византійца Приска. Сей послѣдній лично посѣтилъ столицу Гунновъ и видѣлъ самого Аттилу, слѣдовательно, могъ бы въ точности описать ихъ безобразіе. Однако, онъ совсѣмъ не говоритъ о наружности Гунновъ вообще и Аттилы въ особенности, чего никакъ бы не случилось, если-бъ эта наружность его поразила, то-есть, еслибъ она была такъ безобразна и такъ отлична отъ европейской, какъ это можно заключать изъ словъ Амміана и Іорнанда, одного—писавшаго о Гуннахъ по слухамъ, другаго—очень враждебно къ нимъ настроеннаго.

Если мы обратимся къ Приску, весьма обстоятельно и подробно описавшему свое путешествіе и пребываніе у Аттилы, и разберемъ всѣ его показанія о Гуннахъ, то увидимъ, что этотъ важнѣйшій, добросовѣстный и вполнѣ достовѣрный о нихъ источникъ ни одною чертою, ни одною фразою не подкрѣпляетъ теорію о мнимой урало-алтайской народности Гунновъ. Его не поражаетъ ни ихъ якобы безобразная наружность, ни ихъ будто бы нечеловѣческая дикость и свирѣпость. Аттилу онъ изображаетъ замѣчательнымъ человѣкомъ; наружности его не описываетъ, а говоритъ только о его умѣренности въ одеждѣ, пищѣ и питьѣ, о его серьёзности, горделивой осанкѣ и пытливомъ взорѣ. (Послѣднія качества, очевидно, Іорнандъ почерпнулъ изъ Приска.) Далѣе, эти лодки-однодеревки на Дунаѣ столь обычны восточнымъ Славянамъ; эти деревянные, украшенные узорчатою рѣзьбой и стоящіе посреди дворовъ, окруженныхъ заборомъ, терема Аттилы, его женъ и приближенныхъ совсѣмъ не похожи на войлочныя юрты монголо-татарскихъ хановъ. Эти дѣвушки, привѣтствующія родными пѣснями царя при его возвращеніи въ столицу; жена любимца, поднесшая ему при этомъ серебряное блюдо съ кушаньемъ и чашу съ виномъ (обычай хлѣба-соли); пиръ въ его дворцѣ, сопровождаемый также заздравною чашею съ виномъ (здравицей), пѣвцами его военныхъ подвиговъ (баянами), шутомъ и скоморохомъ, остриженныя въ кружокъ головы и разныя другія подробности скорѣе говорятъ намъ о народности вообще арійской и преимущественно славянской. Далѣе, нельзя не обратить здѣсь вниманіе на договоры между гуннскими вождями и византійскимъ дворомъ; однимъ изъ главныхъ договорныхъ пунктовъ было обезпеченіе за Гуннами свободнаго торга съ Византійцами, чего обыкновенно мы не встрѣчаемъ въ отношеніяхъ къ нимъ урало-алтайскихъ народовъ. Завоеватели изъ этихъ наро-

довъ, если и требовали какихъ торговыхъ льготъ, то не для своего собственно племени, а для покоренныхъ ими иныхъ племенъ. Сравните съ описаніемъ Приска описанныя Менандромъ византійскія посольства Земарха и Валентина, отправленныхъ въ слѣдующемъ VI вѣкѣ къ дѣйствительнымъ Татарамъ, именно въ Турецкую орду къ Дизавулу и сыну его Турксанту. Гдѣ же эти шаманы, подвергавшіе иноземцевъ очистительнымъ обрядамъ, хожденію вокругъ священнаго пламени и разныя другія подробности, непохожія на гуннскіе обычаи? Любопытно при этомъ извѣстіе, что Турксантъ принесъ въ жертву своему покойному отцу четырехъ плѣнныхъ *Гунновъ*. Ясно, что послѣднихъ Турки не считали своими соплеменниками. Нигдѣ Гунны не являются такими огнепоклонниками. Сами Византійцы того времени очевидно различаютъ Гунновъ и Турокъ, и нигдѣ ихъ не смѣшиваютъ.

Но что особенно для насъ важно въ разказѣ Приска, такъ это нѣкоторыя извѣстія о языкѣ Гунновъ. „Скиѳы, будучи сборомъ разныхъ народовъ, сверхъ собственнаго своего языка варварскаго, охотно употребляютъ языкъ Унновъ или Готовъ или же Авзоніевъ въ сношеніяхъ съ Римлянами". (По переводу Дестуниса въ *Уч. Зап. Ак. Наукъ*, кн. VII, 52). Здѣсь производятъ нѣкоторую сбивчивость и затрудняютъ комментаторовъ (см. того же Дестуниса въ прим. 69) „Скиѳы, употребляющіе свой языкъ и въ то же время бывшіе сборищемъ разныхъ народовъ". Выраженіе дѣйствительно неточное, но понятное для того, кто приметъ во вниманіе обстоятельства. Дѣло идетъ частію о Дакіи, а главнымъ образомъ о Панноніи и лежавшемъ въ послѣдней стольномъ городѣ Аттилы. Прискъ въ теченіе своего разказа словомъ „Скиѳы" безразлично обозначаетъ и туземныхъ жителей Панноніи, и Гунновъ-завоевателей. Вмѣсто слова „гуннскій языкъ", „гуннскій законъ" онъ нерѣдко говоритъ „скиѳскій языкъ", „скиѳскій законъ". Въ туземномъ населеніи едва ли не главный элементъ составляли Славяне, а затѣмъ Готы, также подвластные Аттилѣ. Особенно въ его столицѣ было много представителей разныхъ покоренныхъ народовъ. Были въ Дако-Панноніи и остатки Даковъ (предки Румыновъ или Валаховъ). Какъ бывшая римская провинція, Паннонія успѣла уже подвергнуться нѣкоторой романизаціи (а Дакія еще болѣе); слѣдовательно, между жителями ея можно было встрѣтить многихъ говорящихъ по-латыни (языкъ „Авзоніевъ"). Стало быть, въ тѣсномъ смыслѣ, Скиѳы означа-

ютъ здѣсь Славянъ, принадлежавшихъ—положимъ—къ племенамъ Чехо-Моравовъ, или Словаковъ, или Сербовъ и Хорватовъ, то-есть, вообще западно-славянской группы (западной отъ Карпатъ). Кромѣ своего собственнаго языка, всѣ они легко понимали языкъ соплеменныхъ имъ Гунновъ, то-есть, Славянъ восточной вѣтви; многіе изъ нихъ по сосѣдству и частому обращенію съ Готами, особенно въ общемъ воинскомъ лагерѣ Аттилы или въ его столицѣ, понимали языкъ готскій, и наконецъ, подъ вліяніемъ мѣстной романизаціи были и такіе, которые понимали языкъ латинскій. Такъ я объясняю себѣ это мѣсто Приска *). Пусть попытаются другіе объяснить его болѣе удовлетворительнымъ образомъ. Въ иномъ мѣстѣ Прискъ сообщаетъ объ одномъ шутѣ, что тотъ во время пира у Аттилы насмѣшилъ всѣхъ своими словами, въ которыхъ перепутывалъ языкъ латинскій съ готскимъ и унскимъ. Ясно, что подъ унскимъ тутъ никакого другаго языка, кромѣ славянскаго, нельзя подразумѣвать. Наконецъ, Прискъ приводитъ такія слова, которыя указываютъ на Славянъ. А именно: *медосъ*, то-есть, медъ, который туземцы употребляли вмѣсто вина, и *камосъ*, питье варваровъ (Гунновъ), добываемое изъ ячменя. Сіе послѣднее есть, вѣроятно, неточно переданное слово *квасъ* или что нибудь въ этомъ родѣ, а никакъ не *кумысъ*, который приготовляется изъ кобыльяго молока, а не изъ ячменя. Вообще во всѣхъ извѣстіяхъ о Гуннахъ нѣтъ и помину объ этомъ любимомъ татарскомъ напиткѣ. Наконецъ, Іорнандъ, описывая погребальное пиршество въ честь Аттилы (славянскую тризну), на его могильномъ курганѣ, замѣчаетъ, что „сами“ (Гунны) называютъ это пиршество *страва* (Cap. XLIX **) — слово, какъ извѣстно, вполнѣ славянское. Слѣдовательно, никакого ни прямаго, ни косвеннаго указанія на языкъ татарскій или чудскій у Гунновъ мы не находимъ.

Если обратимся къ личнымъ именамъ—этому обычному предмету злоупотребленія норманистовъ и татаро-финнистовъ,—то и

---

*) У Іорнанда, въ плачѣ объ умершемъ Аттилѣ, который производили знатные всадники, скакавшіе около палатки съ его трупомъ, сказано: Solus Scythica et Germanica regna possedit.

**) Stravam super tumulum ejus, quam appellant ipsi, ingenti commessatione concelebrant. Кажется, Іорнандъ тутъ ясно говоритъ, что слово страва принадлежитъ *самимъ* Гуннамъ, а вовсе не подчиненнымъ имъ Славянамъ, какъ это обыкновенно полагаютъ поборники ихъ мнимаго туранства.

здѣсь не найдемъ никакого серьёзнаго подтвержденія для урало-алтайской теоріи. Возьмемъ гуннскія имена IV и V вѣковъ.

Валаміръ (или Велеміръ), Мундюхъ, Донатъ, Харатонъ, Руа, Оиварсій, Блѣдъ, Денгизихъ, Еллахъ, Ирникъ, Атакамъ, Мама, Верихъ, Едеконъ, Исла, Онѣгизій (Нѣгошъ?), Скота, Эскама, Крека, Васихъ, Курсихъ, Уто, Искальма и пр. Что же несомнѣнно урало-алтайскаго въ этихъ именахъ? Если филологія пока не умѣетъ раскрыть ихъ арійское значеніе, то еще менѣе она можетъ доказать ихъ татарское или чудское происхожденіе. Не забудемъ, что имена эти дошли до насъ въ латинской и греческой передачѣ; слѣдовательно, въ большинствѣ случаевъ мы не можемъ возстановить ихъ точное произношеніе. Если мы тутъ не встрѣчаемъ пока Святополковъ и Святославовъ, то не встрѣчаемъ ихъ въ тѣ времена также у Антовъ и Склавиновъ или Славянъ Подунайскихъ и Иллирскихъ. Самъ Іорнандъ свидѣтельствуетъ о томъ, что многія личныя имена заимствовали „Сарматы у Германцевъ, Готы у Гунновъ". Весьма сомнительно, чтобы Нѣмцы стали носить татарскія или чудскія имена и прозвища. Мы не разъ замѣчали, что чѣмъ далѣе въ древность, тѣмъ болѣе общаго должно встрѣчаться въ именахъ нѣмецкихъ и славянскихъ, по ихъ арійскому родству и тѣсному исконному сосѣдству. Въ приведенныхъ сейчасъ словахъ Іорнанда опять встрѣчаемъ Сарматъ (подъ которыми несомнѣнно разумѣются западные Славяне) какъ бы отдѣльнымъ народомъ отъ Гунновъ, а Германцевъ (то-есть, западныхъ Нѣмцевъ) отъ Готовъ, что́ не мѣшаетъ быть Готамъ Нѣмцами, а Гуннамъ Славянами; только тѣ и другіе составляли восточныя вѣтви своего племени. Напомнимъ еще Гуннскія имена VI вѣка: Заберганъ, Сандилхъ, Катульфъ, Хорсомантъ, Вулгуду, Ольдогандъ, Регнарь и пр. Надѣюсь, это имена чисто арійскія.

Что касается до имени главнаго гуннскаго героя—Аттилы, то опять-таки совершенно произвольно приписали ему татарское происхожденіе. Поводомъ къ такому толкованію послужило названіе рѣки Волги Татарами *Эдиль*. Но отсюда нисколько не слѣдуетъ, чтобъ это названіе сочинили сами Татары, а не взяли его готовымъ у прежнихъ обитателей Поволжья. Арабскіе писатели IX и X вѣковъ называютъ Волгу *Итиль*. Но такое же названіе встрѣчаемъ уже у византійскихъ писателей съ VI вѣка (у Менандра Attila, у Өеофана Atalis, у Константина Багрянороднаго Atel). Константинъ въ разсказѣ объ Уграхъ и Печенѣгахъ называетъ

еще часть южной Россіи *Ателькузу* и объясняетъ, что это названіе произошло отъ рѣкъ *Этель* и *Узу* (De adm. imp., c. 40). Ателькузу, повидимому, называется у него край, лежавшій не на восточной сторонѣ Дона, а на западной, и въ такомъ случаѣ подъ Этель или Атель тутъ можно разумѣть Днѣпръ. Впрочемъ это еще вопросъ: не могла ли и тутъ подразумѣваться Волга? Аналогію съ этимъ названіемъ составляетъ другое названіе Волги—*Ра*, употребляемое Мордвою доселѣ. Но та же Ра встрѣчается еще у Птоломея и Амміана Марцеллина. А если сблизимъ ее съ греческою формою того же имени—*Араксъ*, иранскою *Арасъ*, то убѣдимся, что это слово не мордовскаго происхожденія, а получено Мордвой отъ древнихъ обитателей арійскаго семейства. Точно то же можно сказать и о названіи Волги словомъ Атель или Аттила, и тѣмъ болѣе, что никто не объяснилъ его татарскую или чудскую этимологію *). Затѣмъ, согласно съ вышеприведеннымъ извѣстіемъ Іорнанда, мы дѣйствительно находимъ у Готовъ имена похожія на Аттилу съ легкими измѣненіями или дополненіями, каковы *Аталъ, Татила, Атаульфъ*. Какой корень этого имени, одинаковъ онъ или нѣтъ съ словомъ *атя*, то-есть, *батя* или *тятя*, разсуждать о томъ не берусь, и вообще не считаю филологію на столько зрѣлою, чтобъ она могла давать точныя, несомнѣнно научныя объясненія личныхъ именъ, въ особенности изъ эпохи Великаго переселенія народовъ. Если то же имя можно встрѣтить позднѣе въ исторіи Мадьяръ, то извѣстно, что они заимствовали многія имена у Славянъ и Нѣмцевъ и не только заимствовали имена, но и омадьярили многіе знатные славянскіе роды. Слѣдовательно, такая ссылка лишена всякаго значенія, какъ не имѣетъ никакого серьезнаго историческаго значенія и претензія мадьярскихъ историковъ, начиная съ анонимнаго нотарія короля Белы, производить свой народъ прямо отъ Гунновъ Аттилы.

Поборники туранофильской теоріи, какъ извѣстно, слѣдуя за Дегинемъ, связали какъ-то Гунновъ съ монгольскимъ народомъ Хіонгну китайскихъ лѣтописей, и заставили ихъ переселиться изъ Средней Азіи въ Европу во второй половинѣ IV вѣка по Р. Х. Но такое мнѣніе совершенно произвольно и противорѣчитъ положительнымъ свидѣтельствамъ источниковъ. У Птоломея, пи-

---

*) Осетины и теперь еще Волгу называютъ Идилъ. А, сколько извѣстно, Осетины суть потомки древнихъ Аланъ и принадлежатъ къ Арійской семьѣ.

савшаго во II в. по Р. Х., Гунны помѣщены въ восточной Европѣ сосѣдями Роксаланъ. Аммiанъ Марцеллинъ говоритъ, что о нихъ уже упоминали старые писатели. А Моисей Хоренскiй, армянскiй писатель V вѣка, сообщаетъ о нападенiи Болгаръ со стороны Кавказа на Арменiю, случившемся во II вѣкѣ до Р. Х. Наконецъ, Аммiанъ, Прискъ, Прокопiй, Iорнандъ прямо помѣщаютъ ихъ древнiя жилища за Танаисомъ и Меотiйскимъ озеромъ, то-есть, въ области Кубани и нижней Волги.

Если мы пойдемъ далѣе въ болѣе поздніе вѣка, то увидимъ, что Гунны въ источникахъ ясно отождествляются съ Славянами, напримѣръ, у Беды Достопочтеннаго, въ византiйской Пасхальной хроникѣ, у Кедрина, въ нѣмецкихъ эпическихъ сказанiяхъ и проч. Но я пока ограничиваюсь разсмотрѣнiемъ старѣйшихъ и важнѣйшихъ источниковъ для исторiи Гунновъ, каковы Аммiанъ Марцеллинъ, Прискъ, Iорнандъ и Прокопiй *). Повторяю, что къ Гуннамъ и ихъ славянству я пришелъ слѣдующимъ путемъ: Занятiя начальною русскою исторiей натолкнули меня на Болгарское племя. Пересмотрѣвъ вопросъ о его народности, я убѣдился, что нѣтъ ровно никакихъ научныхъ основанiй считать эту народность неславянскою. Но при семъ пересмотрѣ я неправильно старался выдѣлить Болгаръ изъ группы Гуннскихъ народовъ (такъ какъ ихъ неславянство выводили собственно изъ представленiя о Гуннахъ, какъ о народѣ Туранскомъ). Убѣдившись потомъ въ тожествѣ Болгаръ съ Гуннами, я естественно пришелъ къ необходимости пересмотрѣть вопросъ о народности Гунновъ, то-есть, пересмотрѣть тѣ основанiя, на которыхъ они были отнесены къ какому-то (въ сущности неизвѣстному и доселѣ никѣмъ неопредѣленному) Урало-Алтайскому племени. И на чемъ же, какъ оказалось, было основано такое мнѣнiе? Да на такихъ шаткихъ аргументахъ, какъ реторическiя фразы Аммiана и Iорнанда о некрасивой наружности Гунновъ, ихъ воинственности, свирѣпости, кочевомъ или полукочевомъ состоянiи и т. п. Каррикатуру или неестественное безобразiе приняли въ буквальномъ смыслѣ и выдали за точный портретъ. Вотъ какъ невысоко еще стояла историческая критика во времена Нибура и Шафарика!

По поводу такихъ аргументовъ, приведу примѣръ тѣхъ проти-

---

*) Извѣстiя Прокопiя о Гуннахъ разсматриваются въ помѣщенномъ выше моемъ изслѣдованiи о Болгарахъ, поэтому я о немъ теперь не распространяюсь.

ворѣчій, въ которыя нерѣдко попадають поборники норманизма и туранства по отношенію къ Славянамъ. Г. Куникъ въ доказательство, что языческая Русь, нападавшая на Византію, не могла быть славянскою, приводитъ ея жестокости тамъ совершенныя: язычники сожгли церкви въ окрестностяхъ Константинополя и умертвили множество людей. По его мнѣнію, это должны быть Норманны, которые „какъ разъ въ то время въ западной Европѣ опустошали церкви и монастыри и весьма часто съ особенною яростью убивали въ самыхъ церквахъ епископовъ и монаховъ". („Извѣстія Аль Бекри о Руси и Славянахъ", стр. 175). Но вотъ что говоритъ г. Макушевъ о Славянахъ: „Особенно много разсказываетъ о хищности и свирѣпости Славянъ Гельмольдъ". „Въ войнѣ заграничной (слова Гельмольда о Полякахъ и Чехахъ) они храбры при нападеніи, *но весьма жестоки въ грабежъ и убійствахъ: они не щадятъ ни монастырей, ни церквей, ни кладбищъ*" (Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ Славянъ", 158) *).

И такъ въ высшей степени было опрометчиво дѣлать научные выводы о принадлежности къ тому или другому племени на основаніи такихъ неточныхъ, пристрастныхъ и весьма условныхъ отзывовъ о наружности Гунновъ, каковы отзывы Амміана и въ особенности Іорнанда. Подобные вопросы рѣшаются не тою или другою фразою источниковъ, а совокупностью всѣхъ несомнѣнно историческихъ фактовъ.

Чѣмъ болѣе всматриваемся мы въ вопросъ о Гуннахъ, тѣмъ болѣе убѣждаемся въ чрезвычайной важности его правильнаго рѣшенія для исторіи Славянъ, а слѣдовательно, и въ непростительномъ равнодушіи къ нему со стороны ученыхъ славистовъ. Только съ разрѣшеніемъ этого вопроса открывается возможность

---

*) А по поводу якобы безобразной наружности Гунновъ вспоминаются читанныя мною когда-то мемуары маркграфини Байретской, сестры Фридриха Великаго. Она имѣла случай видѣть русское войско, посланное императрицею Елизаветою на помощь Маріи-Терезіи въ концѣ войны за Австрійское наслѣдство, и сообщаетъ свои впечатлѣнія. Не имѣя подъ рукой книги, не могу передать точныхъ ея словъ; но помню, что наши воины показались ей малорослыми, чумазыми и вообще очень непривлекательной наружности,—такъ что, еще немного, и ея Русскіе вышли бы тѣ же Гунны Амміана и Іорнанда. А между тѣмъ коренной Русскій народъ едва ли можетъ быть поставленъ ниже Нѣмцевъ по красотѣ своей расы. Но мы должны, вопервыхъ, имѣть въ виду явное нерасположеніе маркграфини къ Русскимъ, а вовторыхъ возможно, что наши солдаты явились туда дурно одѣтые, плохо накормленные, неумытые и мало выправленные; притомъ и послано то было неотборное войско.

поставить на твердую почву исторію Славянства въ первую половину среднихъ вѣковъ. Тогда объяснится и непонятное до сихъ поръ появленіе цѣлаго ряда славянскихъ государствъ въ IX и X вѣкахъ, и картина всего этого Славянскаго міра, какъ бы внезапно выросшаго изъ земли на огромномъ пространствѣ отъ береговъ Адріатики до Балтійскаго моря и Волги. Тогда прольется свѣтъ и на многіе частные вопросы изъ славянской исторіи, между прочимъ на вопросъ о началѣ и распространеніи церковнославянской или болгарской письменности. Широкое распространеніе этой письменности между славянскими народами сдѣлается намъ понятнымъ, когда узнаемъ, что Гунны-Болгары были многочисленнымъ и нѣкоторое время господствующимъ славянскимъ племенемъ. Если обратить вниманіе на то, что въ IX вѣкѣ часть Панноніи была занята еще Гуннами-Болгарами (см. у Ѳеофана сказаніе о разселеніи сыновей Куврата), то можетъ быть, уяснится, почему Кириллъ и Меѳодій явились въ Паннонскую Моравію съ болгарскимъ переводомъ Св. Писанія, почему наилучшій пріемъ Меѳодій нашелъ у князя Платенскаго Коцела (то-есть, въ собственной Панноніи), и почему его паннонскіе ученики потомъ перешли именно въ Болгарію. Конечно, поборники нѣмецкихъ домысловъ о туранствѣ Болгаръ и Гунновъ еще долго и усердно будутъ производить давленіе на славянскихъ ученыхъ по этимъ вопросамъ; но тѣмъ сильнѣе и доказательнѣе пробьется наружу и возобладаетъ въ наукѣ историческая правда. Для меня понятна неохота Нѣмцевъ примириться съ тою мыслью, что началомъ такъ-называемаго Великаго переселенія народовъ послужило столкновеніе Болгарскихъ и Русскихъ Славянъ съ нѣмецкими Готами и изгнаніе послѣднихъ изъ восточной Европы. Но было бы желательно видѣть болѣе научной самостоятельности въ данномъ случаѣ со стороны нашихъ славистовъ. Въ особенности непріятно встрѣчать такихъ противниковъ, которые, какъ, напримѣръ, въ данномъ случаѣ, не только никогда не занимаясь спеціально подобнымъ научнымъ вопросомъ, но и не думая о немъ серьёзно, спѣшатъ выступить съ своими возраженіями, основанными на предвзятыхъ толкованіяхъ съ чужаго голоса.

II.

Продолженіе того же пересмотра *).

Въ предъидущемъ своемъ разсужденіи о Гуннахъ, относительно ихъ наружности, я указалъ преимущественно на тѣ преувеличенія и то пристрастіе, которыя очевидны въ ихъ изображеніи со стороны Амміана и въ особенности Іорнанда. Я только слегка коснулся того искусственнаго безобразія, на которое могутъ указывать извѣстія о какихъ то глубокихъ нарѣзахъ на щекахъ младенцевъ. Оставляя въ полной силѣ мое положеніе о помянутыхъ преувеличеніяхъ и пристрастіи, въ настоящемъ своемъ разсужденіи обращу особое вниманіе на тѣ свидѣтельства, которыя прямо указываютъ, что въ вопросѣ о наружности Гунновъ едва ли не главную роль игралъ элементъ безобразія искусственнаго. Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ передъ собою два свидѣтельства, принадлежащія двумъ латинскимъ поэтамъ-панегиристамъ V вѣка, именно Клавдіану и Аполинарію Сидонію.

Клавдіанъ въ началѣ V вѣка сочиняетъ стихотворенія въ порицаніе правителю Восточной имперіи Руфину и въ похвалу правителю Западной имперіи, своему покровителю Стилихону. Въ одномъ такомъ стихотвореніи онъ описываетъ, какъ Стилихонъ побѣдилъ варваровъ, измѣннически призванныхъ Руфиномъ со стороны Дуная. Въ числѣ этихъ варваровъ являются и Гунны. Вотъ какими чертами изображаетъ ихъ Клавдіанъ:

„Это народъ обитающій на крайнихъ восточныхъ предѣлахъ Скиѳіи, за хладнымъ Танаисомъ (gelidum Tanais), самый знаменитый изъ тѣхъ, которыхъ озаряетъ Большая Медвѣдица (Arctos alit), гнусный по своимъ нравамъ, мерзкій по наружности, съ энергіей, незнающей устали, питающійся добычею, убѣгающій отъ Цереры (т. е. отъ земледѣлія), считающій игрушкою рѣзать себѣ лицо (frontemque secari ludus) и съ гордостью клянущійся именемъ павшихъ предковъ (или родственниковъ—parentes). Никогда двойная природа (duplex natura) не соединяла въ себѣ тѣснѣе всадника-центавра съ его роднымъ конемъ (nubigenas biformes cognatis aptavit equis); при чрезвычайной быстротѣ, они не соблюдаютъ никакого строя (въ нападеніи), и (показавши тылъ) воз-

---

*) Русская старина. 1882. Мартъ.

вращаются неожиданно". (Сочиненія Клавдіана. Изд. Панкука. Paris. 1830. I томъ, 50 стр.).

Очевидно Клавдіанъ писалъ подъ впечатлѣніемъ все той же преувеличенной молвы о страшной дикости и безобразіи Гунновъ, и изображаетъ ихъ съ помощью обычныхъ въ то время реторическихъ пріемовъ. Но для насъ тутъ важно собственно одно указаніе: Гунны рѣжутъ, царапаютъ, обезображиваютъ себѣ лицо. Если сопоставить это указаніе съ свидѣтельствами Амміана и Іорнанда, то увидимъ, что Гунны не только дѣлали какіе то глубокіе нарѣзы на лицахъ младенцевъ; но и потомъ по требованію своихъ обычаевъ нерѣдко безобразили свое лицо новыми рубцами и царапинами. Тотъ же Іорнандъ сообщаетъ, что скорбь свою о смерти Аттилы Гунны между прочимъ выразили тѣмъ, что по обычаю обрили часть волосъ на головѣ и сдѣлали свои лица еще болѣе безобразными посредствомъ глубокихъ разрѣзовъ. Ибо „печаль о такомъ воителѣ они хотѣли выразить не женскими стенаніями и слезами, а мужскою кровью". Но подобнаго рода выраженіе печали объ умершемъ вождѣ, именно царапаніе лба и носа и бритье волосъ вокругъ головы, по свидѣтельству Геродота, существовало еще у Царскихъ Скиѳовъ. А эти Скиѳы по всѣмъ даннымъ были племя арійское, отнюдь не туранское. Слова Клавдіана, что для Гунновъ разрѣзы на лицѣ были игрушкою, обычнымъ явленіемъ, даютъ понять, что операція эта производилась довольно часто. Они царапали лицо при смерти не только такого общаго имъ царя какъ Аттила, но и при потерѣ своихъ мелкихъ племенныхъ князей, при смерти своихъ родителей и старшихъ въ родѣ. Намекъ на это обстоятельство у Клавдіана заключается и въ приведенномъ сопоставленіи царапанія лица съ клятвою умершими родителями. Отсюда можно заключить, что безобразные, свѣжіе рубцы и шрамы на ихъ лицахъ были обычнымъ явленіемъ, особенно въ то воинственное время, когда приходилось часто терять близкихъ людей и предводителей. Незабудемъ, что это искусственное безобразіе посредствомъ глубокихъ разрѣзовъ начиналось у Гунновъ уже съ самаго младенчества. Слова Іорнанда, что Гунны старались своихъ младенцевъ заранѣе пріучить къ перенесенію ранъ (т. е. къ лицевымъ разрѣзамъ), получаютъ такимъ образомъ ясный, опредѣленный смыслъ; дѣйствительно, эти разрѣзы потомъ дѣлались для нихъ „игрушкою".

Обратимся теперь къ Аполинарію Сидонію. Въ шестидесятыхъ годахъ пятаго столѣтія имъ написанъ длинный стихотворный па-

негирикъ только что возведенному на престолъ римскому императору Антемію. Въ числѣ подвиговъ, совершенныхъ симъ послѣднимъ, Сидоній упоминаетъ его побѣду надъ толпой Гунновъ, сдѣлавшихъ набѣгъ на Иллирійскія провинціи. Панегиристъ изображаетъ варваровъ слѣдующими чертами:

„Тамъ гдѣ бѣлый Танаисъ (Albus Tanais) падаетъ съ Рифейскихъ горъ и течетъ по долинамъ гиперборейскимъ, подъ сѣвернымъ созвѣздіемъ Медвѣдицы, живетъ народъ, грозный духомъ и тѣломъ, такъ что на самыхъ лицахъ его дѣтей уже напечатанъ какой то особый ужасъ. Круглою массою возвышается его сдавленная голова (consurgit in arctum massa rotunda caput). Подо лбомъ въ двухъ впадинахъ, какъ бы лишенныхъ глазъ, виднѣются взоры (geminis sub fronte cavernis visus adest oculis absentibus). Свѣтъ, едва брошенный въ полость мозга, проникаетъ до наружныхъ, крайнихъ, орбитъ, однако незакрытыхъ (acta cerebri in cameram vix ad refugos lux pervenit orbes, non tamen et clausos) *); такъ чрезъ малое отверстіе они видятъ обширныя пространства, и недостатокъ красоты (majoris luminis usum) возмѣщаютъ тѣмъ, что различаютъ малѣйшіе предметы на днѣ колодца. Чтобы носъ не слишкомъ выдавался между щеками и не мѣшалъ шлему, круглая повязка придавливаетъ нѣжныя ноздри (новорожденныхъ). (Tum, ne par malas excrescat fistula duplex, obtundit teneras circumdata fascia nares, ut galeis cedant). Такимъ образомъ материнская любовь *обезображиваетъ* рожденныхъ для битвъ, поелику при отсутствіи носа поверхность щекъ дѣлается еще шире. Остальная часть тѣла у мущинъ прекрасна: широкая грудь, большія плечи, подпоясанный ниже пупа животъ (succincta sub ilibus alvus). Пѣшіе они представляются средняго роста; но если видишь ихъ на конѣ, то они кажутся высокими (procera forma); такими же часто являются они, когда сидятъ. Едва ребенокъ покидаетъ лоно матери, какъ онъ уже на спинѣ коня. Можно подумать, что это члены одного тѣла, ибо всадникъ какъ бы прикованъ къ лошади; другіе народы ѣздятъ на конскомъ хребтѣ, а этотъ живетъ на немъ. Овальные луки, острые дротики, страшная и вѣрная рука, несущая неизбѣжную смерть, и

*) Это очень темное и неудобное для перевода мѣсто у Сидонія; но смыслъ его ясенъ: авторъ, указывая на небольшіе глаза Гунновъ и доводя ихъ чуть ли не до отсутствія, тѣмъ ярче желаетъ выставить ихъ чрезвычайно острое и дальнее зрѣніе.

ярость, сыплющая удары безъ промаха. Вотъ какой народъ вторгся внезапно, переправившись на своихъ телѣгахъ черезъ замерзшій Истръ и избороздивъ колесами его влажный ледъ“.

Здѣсь въ изображеніи Сидонія повторяется почти таже характеристика Гунновъ, какъ у Клавдіана, но съ нѣсколько большими подробностями, относительно ихъ искусственнаго уродства. Сидоній прямо указываетъ на гуннскій обычай помощью тѣсныхъ повязокъ придавать черепу младенцевъ неестественную форму, и не одному черепу: вмѣстѣ съ нимъ носъ также получалъ приплюснутую форму, что сильно безобразило ихъ лица. Онъ объясняетъ намъ, зачѣмъ, съ какою цѣлью дѣлалось это безобразіе: ради шлема, чтобы шлемъ сидѣлъ плотнѣе на головѣ. Любопытно, какъ отнеслись къ этому извѣстію нѣкоторые изъ тѣхъ европейскихъ ученыхъ, которые занимались вопросомъ о Гуннахъ. Само собой разумѣется, что, какъ скоро безобразіе Гунновъ является неприрожденнымъ качествомъ, а дѣломъ обычая, искусственнаго уродованія, то естественно, что это безобразіе не можетъ служить доказательствомъ какой-либо извѣстной народности. Но прежде чѣмъ остановиться на подобномъ вопросѣ, въ европейской исторіографіи по почину Дегиня уже сложилось мнѣніе о пришествіи Гунновъ въ Европу изъ монгольскихъ степей съ чертами монгольской расы. Не всѣ однако ученые видѣли въ нихъ чистыхъ Монголовъ. Нѣкоторые сочли ихъ племенемъ Угро-Финскимъ, и это мнѣніе можно назвать господствовавшимъ доселѣ въ исторической этнографіи; другіе склоняются къ ихъ турецкому или татарскому происхожденію. Что же сдѣлалъ извѣстный французскій историкъ Амеде Тьери въ своемъ сочиненіи Histoire d'Attila et de ses successeurs (Paris. 1856)? Вѣроятно, что бы не обидѣть ни одну изъ этихъ почтенныхъ народностей, онъ преспокойно умѣстилъ ихъ всѣхъ трехъ въ Гуннскомъ типѣ. А именно, по его мнѣнію, Гунны во-первыхъ раздѣлялись на двѣ большія вѣтви: бѣлую и черную, восточную и западную. Это еще бы ничего, потому что нѣкоторые источники дѣйствительно говорятъ о племени Ефталитовъ или Бѣлыхъ Гунновъ. Затѣмъ онъ восточныхъ или бѣлыхъ считаетъ турецко-татарскимъ племенемъ, а западныхъ или черныхъ—угро-финскимъ. И наконецъ предполагаетъ, что господствующимъ верхнимъ классомъ у нихъ были Монголы. Господство сихъ послѣднихъ, т. е. Монголовъ, по мнѣнію Тьери, и объясняетъ намъ, почему Гунны приплюскивали своимъ младенцамъ носъ и устроивали имъ го-

лову клиномъ: они дѣлали это, будто бы для того, чтобы походить на свою аристократію, т.-е. на Монголовъ. Вотъ какое объясненіе даетъ намъ Тьери; при чемъ прямое указаніе Сидонія на искусственное прилаживаніе головы къ шлему онъ отвергаетъ какъ не серьёзное. (Т. I, стр. 7—9). И это мнѣніе, руководящееся произвольными предположеніями и отрицающее источники, нашло послѣдователей въ исторической литературѣ.

Нѣсколько иначе взглянулъ на тотъ же предметъ извѣстный петербургскій академикъ Беръ въ своемъ трактакѣ о Макрокефалахъ (Die Makrokephalen im Boden der Krym und Oesterreichs. Memoires de l'Academie des sciences. VII-e serie. T. II. № 6. S.-Ptrb. 1860). Онъ яснѣе понялъ, что, разъ мы допустимъ искусственное уродованіе у Гунновъ, извѣстное опредѣленіе ихъ племени на основаніи безобразной наружности теряетъ подъ собою почву, и опредѣленіе это становится очень шаткимъ. А потому Беръ поступилъ логичнѣе, чѣмъ Тьери: онъ просто отвергаетъ извѣстіе Сидонія о повязкахъ, сдавливавшихъ носъ и голову. Для этого онъ старается иначе толковать нѣкоторыя мѣста приведеннаго описанія и даже переиначивать самый текстъ. Напримѣръ вмѣсто consurgit in arctum massa rotunda caput, онъ предлагаетъ читать: caput massa rotunda consurgit in arcum, т.-е.: вмѣсто стѣсненной или сдавленной головы у него получается какая-то дугообразная, лукообразная или сводообразная голова; что, по его словамъ, даетъ намъ простое изображеніе монгольскаго строенія головы. А еще вѣрнѣе, прибавляетъ онъ, вмѣсто consurgit in arctum поставить in arcem, т.-е. in arcem capitis; выходитъ, что голова круглою массою поднимается къ темени или оканчивается теменемъ. Затѣмъ искусственное придавливаніе носа у Гунновъ онъ отвергаетъ потому, что оно будто бы физически очень затруднительно, да и было не нужно для шлема; такъ какъ шлемъ не надѣвался ниже глазъ. Говоря, что Сидоній въ данномъ случаѣ не заслуживаетъ вѣры, онъ указываетъ на его противорѣчія о глазахъ: у Гунновъ глазъ нѣтъ, и въ тоже время они видятъ мелкіе предметы на днѣ колодца. Но такое толкованіе нѣкоторыхъ поэтическихъ вольностей, породившихъ недостаточно точныя выраженія въ описаніи Сидонія, очевидно вызвано у Бера тою предвзятою мыслію, что у Гунновъ были природныя монгольскія черты, а не искусственныя, только ихъ напоминающія. Ничто не препятствуетъ предположить, что у Гунновъ употреблялись шлемы съ какими-либо наличниками,

ради которыхъ дѣйствительно не давали носу принять его надлежащіе размѣры. Надобно замѣтить, что Беръ не согласенъ съ мнѣніемъ объ угрофинской народности Гунновъ, а буквально держится Дегиня и называетъ ихъ чистыми Монголами. Онъ полагаетъ, что они совершенно походили на Калмыковъ, и Сидоній будто невѣрно понялъ то, что ему расказывали объ ихъ наружности. Но въ той же монографіи почтенный ученый самъ приводитъ многіе примѣры искусственнаго уродованія и сдавливанія младенческихъ череповъ повязками у разныхъ народовъ,—сдавливаніе, которое до позднѣйшихъ временъ встрѣчалось даже въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Швейцаріи и южной Франціи, гдѣ никакихъ Монголовъ исторія не знаетъ.

Съ какою же цѣлью Гунны такъ уродовали свою голову и лицо?

Тьери отвергаетъ помянутое выше объясненіе Сидонія. А между тѣмъ это объясненіе вполнѣ удовлетворительно. Доказательствомъ тому служатъ примѣры другихъ народовъ. Нѣкоторыя племена кавказскихъ горцевъ доселѣ употребляютъ туже систему повязокъ для младенцевъ, т.-е. придаютъ головѣ ихъ болѣе округлости и нѣсколько коническую форму. И для чего бы вы думали? Для того, что бы ихъ національная шапка (папаха) сидѣла потомъ плотнѣе на головѣ. Если есть народы, которые голову, такъ сказать, подлаживаютъ къ шапкѣ, а не на оборотъ, то естественно является стараніе дикихъ, воинственныхъ Гунновъ подогнать свою голову къ шлему, и не только голову, но и носъ. Главная ошибка сравнительной исторической этнографіи доселѣ заключалась въ томъ, что наши европейскія понятія о мужской красотѣ она примѣняла къ вопросу о Гуннахъ; тогда какъ у нихъ самымъ привлекательнымъ мужчиною былъ тотъ, кто убилъ наибольшее количество непріятелей и кто могъ обвѣшать шею и грудь своего коня пучками волосъ съ кожею, содранною съ непріятельскихъ череповъ. (Говорю это по сравненію съ другими народами тѣхъ временъ). У народовъ дикихъ и воинственныхъ мы нерѣдко встрѣчаемъ стараніе придать страшный видъ своей наружности, что бы ужасать непріятелей. Этотъ обычай еще въ нашу эпоху можно было наблюдать, напримѣръ, у тѣхъ американскихъ дикарей, которые уродовали свои лица и устраивали себѣ изъ волосъ и перьевъ громадные головные уборы. Нѣчто подобное встрѣчается и у древнихъ Германцевъ въ эпоху болѣе раннюю, чѣмъ Гуннская. У древнихъ европейскихъ народовъ мы встрѣчаемъ также примѣры татуированія своего тѣла, скальпи-

рованія непріятелей и тому подобные обычаи, свойственные временамъ дикимъ и воинственнымъ. Очевидно Гунны отличались особымъ усердіемъ по части уродованія своихъ лицъ и приданія себѣ страшнаго вида; тогда какъ у болѣе западныхъ европейскихъ народовъ, и между прочимъ у Готовъ, подобные обычаи уже давно смягчились или выходили изъ употребленія. Іорнандъ между прочимъ говоритъ, что тѣ, кто могъ бы противустоять имъ въ войнѣ, не выносили ихъ ужаснаго вида и въ страхѣ обращались въ бѣгство (quos bello forsitan minime superabant vultus sui terrore nimïum pavorem ingerentes, terribilitate fugabant). Конечно въ этихъ его словахъ опять таки есть доля преувеличенія, что бы нѣсколько оправдать пораженіе любезныхъ ему Готовъ; однако несомнѣнно и то, что Гунны своимъ искусственнымъ уродствомъ въ нѣкоторой степени достигали цѣли, т.-е. однимъ своимъ видомъ наводили страхъ на непріятеля. Если мы обратимся къ вторженіямъ въ Европу дѣйствительно туранскихъ народовъ, каковы Угры, Печенѣги, Половцы и наконецъ Татаро-Монголы, то не найдемъ никакихъ свидѣтельствъ, чтобы эти народы поражали европейцевъ одною своею страшною наружностію. Историческая этнографія находила въ описаніи Гунновъ калмыцкій типъ. Но кого же и когда Калмыки пугали однимъ своимъ видомъ. Развѣ дѣтей, а никакъ не взрослыхъ мужчинъ, носившихъ оружіе?

Я повторяю, что только воображеніе европейскихъ писателей новаго времени усмотрѣло монгольскія черты въ описаніи Гунновъ у Амміана и Іорнанда. Никто изъ нихъ не говоритъ объ узкихъ косыхъ глазахъ, выдавшихся скулахъ, остромъ подбородкѣ и т. п. отличіяхъ монгольскаго типа. Никто также не говоритъ о желтизнѣ ихъ кожи. Іорнандъ сообщаетъ, что лицо Гунновъ ужасающей черноты; но если принять буквально это свидѣтельство, то ихъ можно пожалуй относить къ Маврамъ, Арабамъ, наконецъ къ Цыганамъ (а извѣстно, что Цыгане принадлежатъ къ арійской расѣ), и т. п. Въ этомъ случаѣ мы можемъ предположить или искусственное черненіе своего лица опять съ тою же цѣлью придать себѣ страшный видъ, или обычное преувеличеніе Іорнанда по отношенію къ ненавистнымъ Гуннамъ. Да Славяне, по извѣстію греческихъ писателей той же эпохи, совсѣмъ и не отличались бѣлизною лица. Объ этомъ прямо говоритъ византійскій историкъ VI вѣка Прокопій; онъ же замѣчаетъ, что они были покрыты грязью и всякою нечистотою и вообще имѣли гуннскіе нравы. Прокопій между прочимъ сообщаетъ извѣстіе,

что Бѣлые Гунны имѣли бѣлую кожу и были отнюдь небезобразны. (De Bello Pers. I. 3). Изъ этого извѣстія можемъ заключать, что не всѣ Гунны слѣдовали обычаю безобразить свое лицо, или что Бѣлые Гунны принадлежали къ иному племени. Въ противуположность Бѣлымъ Гуннамъ въ источникахъ мы однако же не находимъ названія Черные Гунны. Впослѣдствіи въ X вѣкѣ встрѣчаемъ въ Приазовьѣ „Черныхъ Болгаръ“ или собственно Черную Болгарію. Но такія названія не означаютъ непремѣнно дѣленія народовъ по цвѣту кожи. Такъ въ русской лѣтописи мы находимъ Черныхъ и Бѣлыхъ Угровъ безъ указанія, въ какомъ отношеніи они находились другъ къ другу. Далѣе извѣстны названія Бѣлая, Черная и Червонная Русь, которыя опять таки не имѣютъ никакого отношенія къ цвѣту кожи. Точно также извѣстны Бѣлые Хорваты, но никакихъ Черныхъ Хорватовъ мы не знаемъ.

Помянутое искусственное уродованіе у Гунновъ, по всѣмъ признакамъ, вмѣстѣ съ поселеніемъ ихъ въ при-Дунайскихъ странахъ и съ успѣхами ихъ гражданственности, постепенно смягчалось и выходило изъ употребленія. Прокопій, говоря о византійскихъ партіяхъ цирка, сообщаетъ, что эти партіи въ своемъ костюмѣ и прическѣ подражали Гуннамъ, т. е. брили щеки и подбородокъ и подстригали кругомъ голову, оставляя чубъ на затылкѣ или на темени. Трудно предположить, чтобы въ Византіи явились гуннскія моды, если бы Гунны продолжали себя безобразить также какъ въ предъидущіе вѣка. Наконецъ Болгаре, водворившіеся на Балканскомъ полуостровѣ, будучи чисто гуннскимъ народомъ, во всѣхъ извѣстіяхъ о нихъ не представляютъ даже никакого намека на какія либо неарійскія черты ихъ наружности.

Обращу также вниманіе на гуннскихъ женщинъ. Очевидно обычай безобразить свое лицо касался только однихъ мужчинъ, какъ „рожденныхъ для битвъ“, по выраженію Сидонія. Хотя женщины сарматскія извѣстны своимъ участіемъ въ войнахъ, но на безобразіе гуннскихъ женщинъ не встрѣчаемъ ни малѣйшаго намека. Напротивъ, въ нѣмецкой пѣснѣ о Нибелунгахъ говорится о множествѣ красивыхъ женщинъ въ странѣ Гунновъ. Имѣемъ полную возможность заключить, что гуннскія женщины отнюдь не были чужды общей Славянкамъ миловидности.

Что касается до объема и сложенія Гунновъ, приведенное описаніе ихъ Сидоніемъ ясно подтверждаетъ, что они были коренастый, но статный народъ средняго роста; они даже были бы высокаго роста, если бы ноги у нихъ своею длиною соотвѣтство-

вали туловищу. На это обстоятельство очевидно вліяла привычка съ дѣтства постоянно сидѣть на конѣ, отъ чего ноги развивались не совсѣмъ нормально и получали выгнутую наружу форму. (Есть мнѣніе, что у насъ великороссы отличаются отъ малороссовъ также болѣе короткими ногами). Хотя высокій ростъ и не составляетъ непремѣнную принадлежность всѣхъ славянскихъ народовъ, тѣмъ не менѣе Іорнандъ, называя Гунновъ малорослыми (exigui quidem forma), и въ этомъ случаѣ относится къ нимъ съ очевиднымъ пристрастіемъ, если его извѣстіе сличить съ указаннымъ сейчасъ свидѣтельствомъ Сидонія и приведеннымъ выше Амміана (prodigiosae formae).

Съ другой стороны, мы встрѣчаемъ иныя свидѣтельства, можетъ быть также пристрастныя, о невысокомъ ростѣ нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ. Такъ византійскій писатель IX вѣка Ѳеофанъ разказываетъ слѣдующее по поводу смерти римскаго императора Валентиніана, царствовавшаго во второй половинѣ IV вѣка. Савроматы, „народъ малорослый и жалкій", возстали противъ Римлянъ; но были побѣждены императоромъ и прислали просить мира. Смотря на пословъ, Валентиніанъ спросилъ: „Ужели всѣ Савроматы такого жалкаго вида?"—„Ты видишь изъ нихъ самыхъ лучшихъ",—отвѣчали послы. Тогда онъ громко воскликнулъ объ ужасномъ положеніи Римской имперіи, противъ которой возстаютъ даже такіе презрѣнные люди какъ Савроматы. Отъ этого сильнаго восклицанія и энергическаго всплеска руками у Валентиніана будто бы лопнула жила, и онъ истекъ кровію. Извѣстіе это имѣетъ нѣсколько легендарный характеръ; но оно указываетъ на то, какъ свысока иногда смотрѣли Греки и Римляне на Дунайскихъ Сарматовъ; а подъ Дунайскими Сарматами въ данномъ случаѣ несомнѣнно разумѣется одинъ изъ Славянскихъ народовъ. Кстати прибавимъ, что въ помянутомъ панегирикѣ Аполинарій Сидоній миръ, заключенный послѣ побѣды Антемія надъ Гуннами, называетъ *Сарматскимъ миромъ* (Sarmaticae paci pretium etc.). Ясно, что Гунновъ въ его время причисляли къ народамъ Сарматскимъ. А что подъ Сарматами разумѣлись племена арійскія, не туранскія, въ этомъ теперь согласны почти всѣ ученые.

Средній ростъ Гунновъ, взятыхъ въ массѣ, само собою разумѣется, не мѣшалъ многимъ отдѣльнымъ личностямъ достигать атлетическихъ размѣровъ. Такъ мы имѣемъ извѣстія армянскихъ историковъ отъ V до VII и VIII вѣка, которые повѣствуютъ о

Гуннахъ, дѣлавшихъ въ древности набѣги съ сѣвернаго Кавказа на армянскія владѣнія; при чемъ иногда встрѣчаемъ упоминанія о гуннскихъ богатыряхъ, вступавшихъ въ единоборство съ армянскими героями. Изъ византійскихъ же извѣстій напомню въ особенности расказъ Прокопія о гуннскомъ витязѣ Хорсомантѣ, въ исторіи Готской войны.

Изъ той характеристики Гунновъ, которую даетъ намъ Сидоній, обращу ваше вниманіе еще на одну подробность. Именно, на фразу succincta sub ilibus alvus—низко подпоясанный животъ. Никто изъ западныхъ ученыхъ доселѣ повидимому не замѣчалъ этой подробности; они даже ее не совсѣмъ понимали. Напримѣръ, въ имѣющемся у меня подъ рукою Ліонско-Парижскомъ изданіи 1836 года, снабженномъ переводомъ и комментаріями, авторы ихъ Грегуаръ и Коломбе передаютъ эту черту въ переводѣ словами une taille svelte (31 стр.) а въ комментаріи: ils n'ont presque point de ventre (346 стр.) Но Сидоній совсѣмъ не хотѣлъ сказать, что у Гунновъ была тонкая талія или что живота у нихъ почти не было. Онъ говоритъ, что они низко подпоясывались по животу. Для насъ Русскихъ такое подпоясываніе совершенно понятно, ибо мы и до сихъ поръ встрѣчаемъ его у нашихъ крестьянъ. Относительно Гунновъ означенная фраза сдѣлается для насъ еще нагляднѣе, если мы посмотримъ на керченскія фрески, открытыя въ 1872 году, гдѣ сарматскій элементъ Пантикапеи является именно опоясаннымъ низко по животу. И если черта эта была замѣчена въ тѣ времена, то ясно, что она также составляла одно изъ бросающихся въ лицо отличій отъ другихъ народовъ.

Итакъ мнѣніе о чудской или турко-монгольскомъ происхожденіи Гунновъ, основанное главнымъ образомъ на описаніи ихъ страшной наружности—это мнѣніе падаетъ само собою, какъ скоро мы подвергнемъ его болѣе тщательному анализу. Тогда мы убѣдимся, что съ одной стороны въ этомъ описаніи заключается значительная доля преувеличенія, а съ другой оно ясно указываетъ на искусственное уродованіе гуннскихъ физіономій руками ихъ родителей или ихъ собственными, на ихъ несомнѣнное стараніе придать себѣ страшный видъ, внушавшій непріятелямъ ужасъ и трепетъ. Послѣ наружности доказательствомъ туранства служили свирѣпые, дикіе нравы Гунновъ, ихъ кочевой образъ жизни, и т. п. Но такія доказательства порождались недостаточною зрѣлостью сравнительной историко-этнографической науки. Сравнивая бытъ и степень развитія разныхъ народовъ, мы убѣждаемся, что

дикость, воинственность, кочеваніе и т. п. не могутъ служить признаками только монгольскихъ или турецкихъ племенъ. Арійскія племена также проходили ступени кочеваго быта, особенно тамъ, гдѣ ихъ окружала степная природа. А своею воинственностью они въ общей массѣ превосходили народы чудско и турко-монгольскіе. Византійскіе писатели нравами прямо уподобляютъ Гунновъ Склавинамъ и Антамъ. Свирѣпостью своею Гунны поражали только на войнѣ, а во время мира это былъ простодушный народъ, по свидѣтельству того же Прокопія—черты, которыми по преимуществу отличается Славянская раса. Относительно жестокости Готы въ тѣ времена не только не были ниже Гунновъ, а иногда едва ли ихъ не превосходили. Такъ самъ Іорнандъ разсказываетъ, что готскій король Винитаръ, побѣдивъ Антовъ, взялъ въ плѣнъ ихъ князя Бокса (Богша) и повѣсилъ его вмѣстѣ съ его сыновьями и семидесятью боярами. Извѣстны также и въ туже эпоху свирѣпость Вандаловъ, ихъ хищничество и страсть къ разрушенію. Слѣдовательно подобныя черты никоимъ образомъ не могутъ служить доказательствомъ туранской расы. Для насъ гораздо важнѣе то обстоятельство, что Гунны оказались народомъ весьма воспріимчивымъ къ европейской христіанской цивилизаціи; примѣръ чему мы видимъ на Болгарахъ, какъ на коренномъ гуннскомъ племени. Извѣстно, какіе сравнительно быстрые успѣхи сдѣлали они относительно гражданственности и какъ нѣкоторое время они, въ свою очередь были, главными двигателями въ дѣлѣ цивилизаціи почти всего славянскаго міра. Даже и Гунны, оставшіеся въ странахъ при-Азовскихъ, совсѣмъ не были народомъ жалкимъ и бѣднымъ, какъ это можно заключить изъ словъ того же Іорнанда. Въ первой половинѣ VI вѣка мы встрѣчаемъ у Кубанско-Таманскихъ Гунновъ князя Горда, который ѣздилъ въ Константинополь, тамъ принялъ крещеніе, причемъ самъ императоръ Юстиніанъ былъ его воспреемникомъ. А воротясь домой, Гордъ затѣялъ гоненіе на язычество и велѣлъ истреблять идоловъ, а тѣ, которые были сдѣланы изъ серебра и электра, приказывалъ расплавлять. Такими мѣрами онъ вызвалъ возмущеніе и погибъ. Но эти идолы, изваянные изъ серебра и электра (смѣсь серебра съ золотомъ), конечно не говорятъ въ пользу особой бѣдности и дикости Азовскихъ Гунновъ того времени.

Только когда мы отрѣшимся отъ всѣхъ указанныхъ недоразумѣній и заблужденій, которыя долго господствовали въ наукѣ по отношенію къ Гуннамъ, только тогда для насъ сдѣлаются со-

вершенно понятными и ясными многія мѣста средневѣковыхъ писателей, гдѣ Гунны очевидно сближаются или прямо отождествляются съ Славянами. Приведу примѣры: армянскій историкъ V вѣка Моисей Хоренскій, сообщая о вторженіи Болгаръ съ сѣвернаго Кавказа въ Арменію, прибавляетъ, что мѣстность, въ которой они поселились, получила названіе *Ванандъ*, т. е. земля Вендовъ. А слово Венды, сколько извѣстно служитъ древнѣйшимъ названіемъ Славянъ вообще или значительной ихъ части. Изъ византійскихъ писателей Прокопій по нравамъ и обычаямъ сближаетъ Гунновъ съ Склавинами и Антами; Кедренъ прямо говоритъ „Гунны или Склавины". Изъ западныхъ или латинскихъ лѣтописцевъ Беда Достопочтенный называетъ Гуннами западныхъ Славянъ. Саксонъ Граматикъ говоритъ о войнѣ Датчанъ съ Гунскимъ царемъ; при чемъ подъ Гуннами разумѣетъ часть Балтійскихъ Славянъ. Эдда древнѣйшая или Семундова упоминаетъ гунскихъ богатырей, въ томъ числѣ Ярислейфа, т. е. Ярослава, и вообще подъ Гуннами разумѣетъ Славянъ. Вилькинга Сага городъ славянскаго племени Велетовъ называетъ столицею Гунновъ. Значительная часть древней Россіи названа страною Гунновъ у Іорнанда (Гуниваръ) *), Гельмольда (Гунигардъ) и Саксона (Куногардія). Весьма любопытно слѣдующее извѣстіе Гельмольда: Saxonum voce Slavi canes vocantur, т. е. на языкѣ Саксовъ Славяне называются собаками. Тутъ очевидное сближеніе названія Гунъ съ нѣмецкимъ словомъ Hund. Пользуясь этимъ созвучіемъ, Саксы обратили именованіе Славянъ Гуннами въ бранное слово или наоборотъ. Для насъ важно въ этомъ мѣстѣ Гельмольда то, что рѣчь идетъ не объ отдѣльномъ какомъ либо лѣтописцѣ, а вообще у Саксовъ Славяне назывались Гуннами. Наконецъ Шафарикъ изъ одного нѣмецкаго сочиненія 30-хъ годовъ приводитъ такое сообщеніе: Въ Швейцаріи, въ Валискомъ кантонѣ, потомковъ, поселившихся тамъ когда то Славянъ, Нѣмцы до сихъ поръ называютъ Гуннами. (Слав. Древ. I т. 2 кн. 97). Точно также по замѣчанію латинскихъ переводчиковъ и коммен-

*) Отождествлять слово в а р ъ, въ названіи Гуниваръ, съ мадьярскимъ словомъ означающимъ городъ, было бы слишкомъ поспѣшно и произвольно. Мало ли какое значеніе могло имѣть это в а р ъ. Напомню названіе народа у Θеофилакта Симокаты В а р ъ и Х у н и (сложное Вархониты). Напомню еще названіе рѣки (повидимому Днѣпра) у кочевыхъ народовъ временъ Константина Б. В а р у х ъ; что я привожу въ связь съ названіемъ у него же одного изъ Днѣпровскихъ пороговъ В а р у-ф о р о с ъ.

таторовъ Эдды Семунда до сихъ поръ (т. е. до ихъ времени) въ Сѣверной Германіи народъ называетъ Гуннами древнихъ ея обитателей и ихъ погребальные холмы именуетъ Гунскими ложами или логовищами Hunenbette (ibid 96). Всѣ подобные факты доселѣ поборниками туранства Гунновъ (въ томъ числѣ и Шафарикомъ) объяснялись помощію разныхъ предположеній и измышленій, напр. близкимъ сосѣдствомъ Гунновъ и Славянъ, подчиненіемъ Славянъ Гуннамъ, или просто недоразумѣніями и т. п. Но подобныя голословныя мнѣнія, повторяю, должны наконецъ уступить мѣсто болѣе тщательному критическому анализу источниковъ.

Еще большему разъясненію вопроса о Гуннахъ могутъ помочь раскопки ихъ могильниковъ. Но тутъ также является опять вопросъ: гдѣ же искать этихъ могильниковъ и какъ отличить гунскіе курганы отъ другихъ народовъ? Я полагаю, главная трудность въ томъ и заключается, что нѣтъ данныхъ для отличія гуннскихъ могилъ отъ славянскихъ, и если бы Гунны были особый отъ нихъ народъ, то вѣроятно давно-бы и могильники ихъ обратили на себя вниманіе своими отличіями. Я только что упомянулъ о гуннскихъ ложахъ или могилахъ въ Сѣверной Германіи. Любопытно было бы узнать, сохранились ли до нашихъ дней преданія о нихъ у мѣстныхъ жителей? Далѣе, я укажу на Болгарію, какъ мѣсто осѣдлости коренного гуннскаго племени. Древнѣйшія болгарскія могилы въ тоже время могилы гуннскія; любопытно было бы подвергнуть ихъ изслѣдованію. Наконецъ въ Россіи, не говоря о раскопкахъ, производимыхъ на югѣ на Кубани, около Керчи и около Нижняго Днѣпра, гдѣ несомнѣнно жили Гунны, и гдѣ однако не найдено ихъ особыхъ могилъ, укажу на раскопки Д. Я. Самоквасова въ древней Черниговской и Переяславской области т. е. въ землѣ Сѣверянъ. Этихъ Сѣверянъ мы имѣемъ полную возможность отождествлять съ однимъ изъ значительныхъ гуннскихъ племенъ (Савирами), которые изъ болѣе южныхъ областей постепенно подвинулись къ среднему Днѣпру *). Но какъ извѣстно, раскопки, произведенныя въ Сѣверщинѣ, пока не открыли намъ никакого особаго народа, отличнаго отъ Славянъ и похожаго на Чудь или Монголовъ.

---

*) О Савирахъ см. выше, стр. 279, въ примѣчаніи. Съ уясненіемъ вопроса о Гуннахъ становится понятнымъ Іорнандово дѣленіе Гунновъ южной Россіи на двѣ главныя вѣтви: Аулзягры (Булгары) и Авиры (въ нѣкоторыхъ спискахъ Савиры). См. выше, стр. 181.

Насколько удачна предложенная мною новая постановка вопроса о Гуннахъ, пусть судятъ другіе. Во всякомъ случаѣ я остаюсь при полномъ убѣжденіи, что истина рано или поздно восторжествуетъ въ наукѣ, и что всякій историческій народъ займетъ въ исторіи должное ему мѣсто, т. е. получитъ ни болѣе, ни менѣе того, сколько ему слѣдуетъ.

III.

Отчетъ о диспутѣ 30 декабря 1881 года.

Желая провѣрить свой пересмотръ вопроса о Гуннахъ посредствомъ диспута, т. е. вызвать возраженія и обсужденіе этого вопроса въ средѣ московскихъ ученыхъ, я сдѣлалъ изъ него рефератъ, который сообщилъ 23 декабря въ публичномъ засѣданіи Этнографическаго отдѣла Московскаго Общества Любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. (Этотъ рефератъ обнималъ собою оба напечатанныя выше разсужденія о Гуннахъ). Во время реферата я указалъ на керченскія фрески, открытыя въ 1872 году, съ изображеніями сарматскихъ типовъ, которые, не походя на западные и южные европейскіе народы, однако не могутъ быть отнесены къ урало-алтайскимъ племенамъ. Копіи съ этихъ фресокъ были заранѣе развѣшаны въ аудиторіи на стѣнѣ.

Содержаніе своего реферата я потомъ сгруппировалъ въ слѣдующихъ осьми положеніяхъ:

1. Представленіе о гуннахъ какъ о народѣ монгольскомъ и вообще туранскомъ возникло въ европейской исторіографіи главнымъ образомъ на основаніи того описанія ихъ наружности, которое находится въ сочиненіяхъ Аммiана Марцеллина и Іорнанда. Но эти описанія страдаютъ явными преувеличеніями; а Іорнандъ крайне пристрастно относится къ гуннамъ. Притомъ въ самомъ ихъ описаніи нѣтъ прямыхъ указаній на чисто монгольскія черты, какъ узкіе, косые глаза, выдающіяся скулы и острый подбородокъ.

2. Важныя свидѣтельства для даннаго вопроса находимъ у поэтовъ-панегиристовъ V вѣка, Клавдіана и особенно Сидонія Аполинарія. Эти свидѣтельства прямо указываютъ на то, что гунны дѣлали нарѣзы на лицѣ, стягивали у младенцевъ голову и даже

носъ ради шлема. Слѣдовательно безобразіе ихъ было неприрожденное, а искусственное, ради военныхъ цѣлей и *ради устрашенія непріятелей*. На это искусственное уродство намекаютъ также Амміанъ и Іорнандъ, говоря о нарѣзахъ на щекахъ младенцевъ. Аналогію съ этимъ явленіемъ представляютъ обычаи и у разныхъ другихъ народовъ. Такимъ образомъ описаніе гуннской наружности не даетъ серьёзнаго основанія для туранской теоріи; тѣмъ болѣе, что Сидоній, вопреки Іорнанду, положительно говоритъ объ ихъ прекрасномъ сложеніи, среднемъ, и даже болѣе чѣмъ среднемъ ростѣ.

3. Византійскій писатель V вѣка Прискъ есть самый добросовѣстный и самый драгоцѣнный источникъ для гунновъ; ибо онъ былъ у нихъ въ числѣ пословъ и довольно подробно ихъ описываетъ, не касаясь, впрочемъ, ихъ наружности. Всѣ черты быта и нравовъ, приводимыя имъ, нисколько не указываютъ на туранство гунновъ и много говорятъ въ пользу ихъ славянства.

4. Кочевой бытъ и дикіе нравы не могутъ служить основаніемъ для той или другой теоріи, потому что указываютъ не на расу, а на извѣстную степень культуры и находятся въ прямой зависимости отъ условій природы. Притомъ Прокопій, византійскій писатель VI вѣка, прямо свидѣтельствуетъ о сходствѣ гуннскихъ нравовъ съ нравами склавиновъ и антовъ.

5. Что касается до языка, то нѣтъ никакихъ серьёзныхъ филологическихъ основаній отвергать славянство гунновъ. Личныя имена, приводимыя источниками, очень разнообразны, и между прочимъ есть довольно именъ съ славянскими корнями или съ славянскимъ характеромъ. А приводимыя источниками славянскія слова *медъ* и въ особенности *страва* прямо указываютъ на славянскую народность.

6. У средневѣковыхъ писателей византійскихъ, латинскихъ, армянскихъ и арабскихъ иногда гунны прямо отождествляются съ славянами; или тождество вытекаетъ у нихъ само собою изъ сопоставленія обстоятельствъ. Это тождество вытекаетъ также изъ нѣкоторыхъ древненѣмецкихъ поэмъ (напр. Эдда). Причемъ надобно замѣтить, что названіе *славяне* распространилось постепенно и поздно на всѣ славянскіе народы, и преимущественно путемъ книжнымъ.

7. Начальная исторія славянства въ Средней Европѣ, происхожденіе нѣкоторыхъ славянскихъ государствъ и разные важные факты ихъ жизни (напримѣръ, распространеніе между ними цер-

ковно-славянскаго священнаго письма) были бы непонятны безъ племеннаго родства западныхъ славянъ съ гуннами, которые представляли крайнюю восточно-славянскую вѣтвь. Невѣрно поставленный доселѣ вопросъ о Гуннахъ и участіи Славянъ въ событіяхъ той эпохи, которая названа Великимъ переселеніемъ народовъ, повелъ къ нѣкоторымъ невѣрнымъ представленіямъ о характерѣ славянской народности, напримѣръ о ея преимущественно и едва ли не исключительно мирной земледѣльческой дѣятельности. Въ связи съ невѣрнымъ рѣшеніемъ гуннскаго вопроса явилось и невѣрное мнѣніе о томъ, будто огромная масса славянъ проникла въ Среднюю Европу, тихо, незамѣтно для исторіи, входя только въ составъ какихъ-то гуннскихъ ордъ.

8. Кромѣ первостепенной важности для исторіи славянства вообще, гуннскій вопросъ имѣетъ и непосредственное отношеніе къ начальной Русской исторіи. Роксалане съ помощью Гунновъ освободились отъ готской зависимости и этотъ гунно-роксаланскій союзъ собственно далъ толчекъ къ Великому переселенію народовъ. Затѣмъ нѣкоторыя гуннскія племена вошли въ составъ Русской національности; къ нимъ относятся Болгаре-Угличи, Савиры-Сѣверяне и, можетъ быть, Волыняне.

Обсужденіе моего реферата было назначено на 30 декабря, и желающимъ принять въ немъ участіе предложено немедленно заявить объ этомъ желаніи. Въ послѣдствіи я самъ составилъ и обнародовалъ слѣдующій отчетъ о своемъ диспутѣ: *)

Прошло уже болѣе двухъ недѣль съ того дня, какъ въ Московскомъ обществѣ Любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, состоялся публичный диспутъ по поводу моего реферата о народности гунновъ, предложеннаго въ предъидущемъ засѣдаданіи, 23 декабря. Ни одного сколько-нибудь обстоятельнаго отчета объ этомъ диспутѣ я доселѣ не встрѣтилъ въ печати. Придавая большую научную важность данному вопросу и желая обратить на него вниманіе какъ русской науки, такъ и читающей русской публики вообще, я рѣшаюсь предложить собственный краткій очеркъ диспута.

Логическимъ ходомъ своихъ разысканій о происхожденіи Русской націи, я, невольно для самого себя, пришелъ къ пересмотру поднятаго когда-то Венелинымъ вопроса о гуннахъ, и результатомъ этого пересмотра было полное убѣжденіе въ несостоятель-

*) „С.-Петербургскія Вѣдомости", 1882 годъ, № 18.

ности господствовавшей доселѣ теоріи ихъ не то монгольскаго, не то татарскаго или финскаго происхожденія, а затѣмъ въ ихъ близкомъ родствѣ или тождествѣ со славянами. Изслѣдованіе мое о нихъ и мои положенія уже напечатаны. Здѣсь я сообщу только о ходѣ самаго диспута. Онъ не былъ похожъ на ученый турниръ М. П. Погодина и Н. И. Костомарова, который происходилъ въ Петербургѣ, помнится въ 1860 году, по вопросу, откуда были призваны варяго-русскіе князья. Это былъ диспутъ благотворительный, если не ошибаюсь, съ платою за входъ въ пользу бѣдныхъ студентовъ. Чтобы придать ему какую-нибудь приличную развязку, противники напередъ условились въ нѣкоторыхъ взаимныхъ уступкахъ. Отъ такого компромисса, не совсѣмъ согласнаго съ научною точкою зрѣнія, наука на сей разъ не понесла ущерба; такъ какъ обѣ противныя теоріи оказались потомъ несостоятельными. Не имѣя въ виду никакого матеріальнаго благотворенія, я просто пригласилъ научныя силы города Москвы принять участіе въ обсужденіи важнаго историко-этнографическаго вопроса. Восемь ученыхъ откликнулись на мое приглашеніе и записались заранѣе.

Первымъ оппонентомъ выступилъ Н. А. Поповъ, профессоръ русской исторіи въ Московскомъ университетѣ. Едва онъ произнесъ нѣсколько фразъ, какъ мнѣ стало ясно, что мои хлопоты по возможности устранить отъ диспута возражателей не серьезныхъ, бойкихъ на слова, но въ сущности возбуждающихъ одни пустыя словопренія—эти хлопоты не увѣнчались успѣхомъ. Г. Поповъ объявилъ, что онъ не намѣренъ возражать на мои доводы, а хочетъ сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній. Затѣмъ онъ прочелъ приготовленную имъ рѣчь. Она представляла ни что иное, какъ рѣзкое, голословное охужденіе всѣхъ моихъ изслѣдованій о Руси, Болгарахъ и Гуннахъ, и ядовитые упреки въ незнакомствѣ съ обширною литературою предмета. Но если г. Поповъ не имѣлъ ничего возразить непосредственно противъ моихъ доказательствъ, то кто же его заставлялъ принимать участіе въ диспутѣ? Я приглашалъ московскихъ ученыхъ обсуждать только извѣстный научный вопросъ; а его непрошенное вмѣшательство, съ единственною цѣлью, въ крайне рѣзкой формѣ, заявить собранію о своемъ несочувствіи всѣмъ моимъ изысканіямъ, въ данномъ случаѣ было, по меньшей мѣрѣ, странно и неумѣстно. Затѣмъ, съ удивленіемъ услыхалъ я о существованіи какой-то обширной литературы по Гуннскому вопросу; тогда какъ, напро-

тивъ, въ европейской ученой литературѣ, послѣ извѣстныхъ трудовъ Амеде Тьери и Бера, мною цитованныхъ, наступилъ совершенный недостатокъ подходящихъ монографій, сколько-нибудь заслуживающихъ вниманія. Но оказалось, что подъ обширною литературою г. Поповъ разумѣлъ нѣсколько мадьярскихъ писателей. По его словамъ, эти писатели, въ особенности Гунфальви, прекрасно обработали и безповоротно рѣшили вопросъ о гуннахъ, прямые потомки которыхъ суть никто иные, какъ трансильванскіе Секлеры. Казалось бы, если этотъ вопросъ отлично обработанъ, то стоило только г. Попову воспользоваться сею обработкою, чтобы уничтожить мои доводы. На дѣлѣ однако ничего подобнаго не случилось. И какъ скоро г. Поповъ, неудержавшись на почвѣ разглагольствій, пустился въ нѣкоторыя подробности о моемъ рефератѣ, то этимъ онъ только убѣдилъ въ своей недостаточной компетентности. Таковы, напримѣръ, его увѣренія, что уже Тацитъ ясно и точно указалъ мѣсто славянъ въ Европѣ, или что гуннскій напитокъ *камосъ* есть ничто иное, какъ кумысъ. (Замѣтьте что этотъ камосъ приготовлялся изъ ячменя). Свою обвинительную рѣчь г. Поповъ закончилъ предположеніемъ, что въ дальнѣйшихъ моихъ изслѣдованіяхъ, вѣроятно, авары, хазары и другіе народы также окажутся славянами.

На эту странную рѣчь пришлось, конечно, отвѣчать. Я позволилъ себѣ иронической, надѣюсь, впрочемъ, довольно сдержанный тонъ, и, главнымъ образомъ, высказалъ удивленіе тому, что профессоръ русской исторіи въ вопросахъ исторіи славянской, вмѣсто непосредственнаго изученія источниковъ, руководствуется нѣсколькими тенденціозными мадьярскими воззрѣніями. Я даже сомнѣваюсь въ томъ, чтобы г. Поповъ, дѣйствительно, читалъ тѣхъ мадьярскихъ писателей, на которыхъ онъ ссылался съ такимъ апломбомъ. Въ послѣднее время, теорія гуннскаго происхожденія секлеровъ не только не господствуетъ болѣе въ мадьярской литературѣ, а напротивъ, сколько мнѣ извѣстно, почти разрушена, и преимущественно вышеназваннымъ Гунфальви. Вообще, мнѣніе о своемъ происхожденіи отъ гунновъ мадьярскіе ученые уже не повторяютъ съ прежнею увѣренностію, и вопросъ о гуннской народности, даже ихъ самихъ, началъ ставить въ недоумѣніе *).

---

*) Напомню еще, что моимъ исходнымъ пунктомъ для пересмотра Гуннскаго вопроса послужилъ вопросъ о Болгарахъ, которому я посвятилъ цѣлыхъ два изслѣдованія, помѣщенныя выше. Тамъ, напримѣръ, разсмотрѣны почти всѣ ви-

Послѣ моего отвѣта, г. Поповъ не унялся: онъ снова началъ разглагольствовать о моемъ рефератѣ вообще, и все въ той же нецивилизованной формѣ. Видя, что вмѣсто предложеннаго мною ученаго диспута получается нѣчто совсѣмъ другое, и что никто не рѣшается положить предѣлъ первобытному краснорѣчію, я взялъ на себя прервать этотъ шумный потокъ, и протестовалъ противъ дальнѣйшаго его теченія. Надѣюсь, предавая гласности все вышеизложенное, я не выхожу изъ своего права, такъ какъ всякое публично сказанное слово считаю подлежащимъ отвѣтственности на равнѣ съ словомъ печатнымъ. Не прибавляя никакихъ истолкованій этого эпизода, перехожу къ слѣдующимъ своимъ оппонентамъ, которые, по счастію, отнеслись къ дѣлу иначе, такъ что диспутъ тотчасъ вышелъ изъ сферы личнаго препирательства и получилъ научный характеръ.

Вторымъ возражателемъ взошелъ на каѳедру профессоръ и филологъ В. Ѳ. Миллеръ, предсѣдательствовавшій въ томъ же засѣданіи. Возраженія его были обстоятельно составлены и сгруппированы. Они распадались на три отдѣла: историческій, этнографическій и филологическій. При обзорѣ нѣкоторыхъ византійскихъ извѣстій о гуннахъ, онъ обратилъ вниманіе на такъ-называемыхъ Бѣлыхъ или азіатскихъ гунновъ, отличавшихся отъ другихъ болѣе бѣлымъ цвѣтомъ кожи и красивою наружностью. Съ этнографической стороны, онъ упиралъ на кочевой бытъ гунновъ, и на существованіе у нихъ шаманства, какъ на признаки ихъ туранскаго происхожденія. Но главное возраженіе г. Миллеръ сосредоточилъ на сторонѣ филологической. Онъ распространился о томъ, что личныя гуннскія имена не заключаютъ въ себѣ ничего славянскаго и, по всѣмъ признакамъ, принадлежатъ монголотуркскимъ языкамъ.

Указанія источниковъ на употреблявшіяся у гунновъ слова *медъ* и *страва* онъ старался устранить, посредствомъ предполо-

---

зантійскіе писатели VI—IX вв., повѣствующіе о Гуннахъ, и указано то, что заслуживаетъ вниманіе по литературѣ этого предмета. Такимъ образомъ послѣднее разсужденіе о Гуннахъ явилось естественнымъ дополненіемъ къ моимъ изслѣдованіямъ о Болгарахъ. Но, по желанію моихъ оппонентовъ, чтобы не осложнять диспута и не затруднять ихъ предварительнымъ и точнымъ ознакомленіемъ съ Болгарскимъ вопросомъ, какъ онъ у меня поставленъ, между мною и предсѣдателемъ отдѣла было условлено не касаться этого вопроса во время диспута. Я полагаю, что г. Поповъ, подобно г. Ягичу, едва-ли удосужился прочесть эти изслѣдованія мои о Болгарахъ.

женія, что эти слова были ими заимствованы у подчиненныхъ славянъ; причемъ высказалъ сомнѣніе, чтобы медъ, какъ напитокъ, существовалъ у гунновъ-кочевниковъ.

Послѣ моего отвѣта г. Миллеру, сдѣланъ небольшой перерывъ. Затѣмъ, третьимъ оппонентомъ явился Ѳ. Е. Коршъ, также профессоръ и филологъ. Составленныя имъ возраженія, какъ оказалось, содержали въ себѣ много общаго съ предыдущими. Они касались нѣкоторыхъ этнографическихъ чертъ, а преимущественно относились къ личнымъ именамъ. Съ помощью татарскаго языка, г. Коршъ пытался объяснять значеніе нѣкоторыхъ гуннскихъ именъ или находилъ имъ подобіе въ татарскихъ именахъ (Харатонъ, Ѳиварсій, Мундюкъ, Мама, Денгизихъ и нѣкоторыя другія). Онъ также не признавалъ ничего славянскаго въ гуннскихъ именахъ и нравахъ, а равно въ описаніи Аттилы и его двора у византійскаго историка Приска.

Каждому изъ этихъ двухъ оппонентовъ я отвѣчалъ отдѣльно. Но сущность обоихъ отвѣтовъ была та же. Вотъ вкратцѣ ихъ содержаніе. Вопросъ о Бѣлыхъ гуннахъ пока долженъ быть оставленъ въ сторонѣ, по недостатку ясныхъ о нихъ свидѣтельствъ; имя гунновъ у писателей переносилось иногда и на другіе народы. Рѣчь идетъ о собственныхъ гуннахъ, т. е. о народѣ Валаміра и Аттилы. Кочевое или полукочевое состояніе не есть принадлежность какой-либо извѣстной расы; оно есть только извѣстная, низкая ступень культуры, свойственная разнообразнымъ народамъ и связанная съ степнымъ или полустепнымъ характеромъ окружавшей природы. Въ примѣръ я привелъ готовъ той же эпохи: они находились также въ полукочевомъ состояніи, и при нападеніи непріятелей оборонялись въ таборѣ, или въ кругу, составленномъ изъ телегъ, какъ это въ обыкновеніи у кочевыхъ народовъ. Никакихъ отличительныхъ чертъ татаро-монгольской религіи и шаманства мы у гунновъ не встрѣчаемъ. Напротивъ, если сравнимъ съ византійскимъ посольствомъ у Аттилы описаніе византійскаго посольства въ турецкой ордѣ Дизавула, то увидимъ большое различіе: тамъ шаманы очищаютъ пословъ, проводя ихъ мимо священныхъ огней, а здѣсь не упоминается ни о чемъ похожемъ. Наконецъ, подобно своимъ оппонентамъ, я преимущественно останавливался на ихъ лингвистическихъ возраженіяхъ.

Во-первыхъ, слово медъ первоначально означало то сладкое вещество, которое накоплялось дикими пчелами въ древесныхъ дуп-

лахъ, и гунны могли быть съ нимъ знакомы уже на своей родинѣ, не лишенной лѣсовъ, по свидѣтельству Амміана Марцеллина; слѣдовательно, имъ не было нужды заимствовать это слово у чужаго народа. Во-вторыхъ, отвергать принадлежность ихъ языку слова *страва*, значитъ отвергать положительное свидѣтельство источника; ибо Іорнандъ ясно говоритъ, что такъ с а м и гунны называли погребальное пиршество на могильномъ холмѣ. Нѣтъ никакого вѣроятія, чтобы для такого торжественнаго бытоваго обряда гунны не имѣли собственнаго слова и заимствовали бы его изъ чужаго языка. А что касается личныхъ именъ, то изъ числа многихъ подыскать нѣсколько такихъ, которыя напоминаютъ то или другое татарское имя или слово, это еще не значитъ доказать ихъ тождество или раскрыть ихъ значеніе. Филологія еще далеко не достигла той степени совершенства, чтобы объяснять намъ изъ данной эпохи значеніе личныхъ именъ, когда-то имѣвшихъ свой смыслъ, но давно утраченный, или мало понятный, и тѣмъ болѣе, что эти имена дошли до насъ въ иноземной передачѣ, со многими варіантами; мы незнаемъ ихъ точнаго туземнаго произношенія.

При этомъ я привелъ изъ средневѣковыхъ источниковъ ряды именъ готскихъ, литовскихъ и несомнѣнно славянскихъ, которыя никто доселѣ не объяснилъ изъ ихъ собственнаго языка, т. е. нѣмецкаго, литовскаго или славянскаго. Привелъ и такіе примѣры, когда намъ извѣстны личныя имена, а мы все-таки не можемъ опредѣлить народность на одномъ этомъ основаніи (аланы), или опредѣляемъ ее только съ помощью другихъ данныхъ (печенѣги и половцы). Затѣмъ я указалъ значительное количество гуннскихъ именъ, имѣющихъ славянскій или вообще арійскій характеръ, каковы: Валаміръ, Блѣдъ, Гордъ, Онегизій, Синніо, Боариксъ (напоминающее Бориса), Регнаръ, Ольдогандъ Вулгуду, Хорсоманъ и др. По поводу имени Харатонъ, я спросилъ, что значитъ названіе славянскаго племени Хорутане, и не получилъ отвѣта. А имя отца Аттилы, Мундюкъ, по варіанту Мундзукъ, заключаетъ въ себѣ простое, не сложное имя внука Аттилы, Мундо. По этому поводу я спросилъ, что означаетъ м у н д въ именахъ нѣмецкихъ, или м у н т въ литовскихъ. (Сигизмундъ, Нари-мунтъ и т. п., въ славянскихъ мут, напримѣръ Мутиміръ); на этотъ вопросъ также не получилъ отвѣта. Хорсоманъ, заключающій въ себѣ названіе славянскаго божества Хорса, и оканчивающійся на м а н ъ, подобно многимъ нѣмецкимъ именамъ,

вызвалъ только остроту объ его, будто бы, двойственной природѣ, но не филологическое объясненіе, тѣмъ болѣе, что по варіанту это имя читается Хорсомантъ. (*Домантъ* русской лѣтописи, вмѣсто Довмонтъ, имѣетъ тоже окончаніе). Между прочимъ, на требованіе оппонентами многихъ и несомнѣнныхъ доказательствъ славянства гунновъ, я замѣтилъ, что, являясь сторонниками прежней теоріи ихъ туранства, пусть они подтвердятъ какими-либо серьёзными данными это туранство. А разъ, если такихъ данныхъ не имѣется, то славянство будетъ вытекать само собою, и помимо нѣкоторыхъ положительныхъ свидѣтельствъ, какъ слово страва, какъ прямое отождествленіе гунновъ съ славянами у разныхъ писателей, и т. п. *).

Четвертымъ оппонентомъ выступилъ Д. Н. Анучинъ, профессоръ антропологіи. Онъ прочелъ довольно пространныя возраженія, основанныя, главнымъ образомъ, на извѣстныхъ описаніяхъ наружности гунновъ у Амміана и Іорнанда, ссылаясь также на упоминаніе объ ихъ короткихъ ногахъ у Сидонія Аполлинарія. Онъ цитовалъ цѣлый рядъ новѣйшихъ путешественниковъ, которые описывали монголовъ также неточно, т. е. не упоминая, напримѣръ, объ узкихъ, косыхъ глазахъ, широкихъ скулахъ и остромъ подбородкѣ. Онъ приводилъ нѣкоторыя аналогіи между обы-

*) Съ тѣми же филологами у меня на этомъ диспутѣ, между прочимъ, возникъ споръ по поводу слова „баяны“, которымъ я уподобилъ пѣвцовъ при дворѣ Аттилы. Одинъ изъ означенныхъ филологовъ утверждалъ, что баянъ слово татарское, а другой говорилъ, что оно не можетъ происходить отъ славянскаго глагола „баять“. Почему же? А потому, что въ Словѣ о Полку Игоревѣ оно написано боянъ, слѣдовательно корень его бо, а не ба. На это я возразилъ, что подобное написаніе ничего недоказываетъ: въ нашей лѣтописи постоянно пишется „Словене“, а между тѣмъ мы говоримъ Славяне, иноземные источники пишутъ Slavi, а не Slovi, собственныя имена оканчиваются на славъ, а не словъ (Святославъ, Ярославъ и пр.). Наконецъ я указалъ на словари Востокова и Миклошича, въ которыхъ подъ словомъ баянъ приведена цитата изъ одной старинной рукописи: „вълхвомъ и баяномъ“. Слѣдовательно это слово писалось и черезъ а, и черезъ о. (Извѣстно, что у насъ есть говоръ акающій и окающій). На этомъ небольшомъ примѣрѣ опять можно видѣть, какъ много гадательнаго и какъ еще мало точныхъ основаній слышится въ этимологическихъ разсужденіяхъ даже филологовъ-спеціалистовъ. Обращалъ я также вниманіе на ихъ склонность объяснять многія славянскія слова заимствованіями у туранскихъ народовъ; а когда имъ указываютъ на такія гуннскія слова, какъ „медъ“ и „страва“, то они для спасенія туранской теоріи поступаютъ наоборотъ, т.-е. предполагаютъ, будто на сей разъ Гунны-Татары заимствовали ихъ у Славянъ.

чаями татаръ или монголовъ и описаніемъ гунновъ у Приска; говорилъ объ одеждѣ и даже отыскалъ у какого-то народа сапоги съ такими каблуками, которые мѣшаютъ ходить. Наконецъ, онъ снова обращалъ вниманіе на то, что гунны изображаются кочевымъ, коннымъ народомъ, тогда какъ всѣ славяне описываются народомъ осѣдлымъ и пѣшимъ.

По поводу этихъ возраженій, я высказалъ сожалѣніе, что ни одинъ изъ моихъ возражателей не сосредоточился на одной какой-либо сторонѣ реферата, чтобы ее можно было на диспутѣ исчерпать возможно полнѣе. Напротивъ, каждый изъ нихъ касался почти всѣхъ сторонъ, но за то неполно и неглубоко. Приходилось отвѣчать разомъ на самые разнообразные пункты; приходилось также иногда возвращаться къ однимъ и тѣмъ же доводамъ. Такъ, относительно нравовъ, я отвѣчалъ достоуважаемому г. Анучину, что общія черты можно находить у самыхъ чуждыхъ народовъ, и вновь напомнилъ прямое свидѣтельство византійца Прокопія, что „склавины и анты имѣютъ гуннскіе нравы". Почему нибудь онъ же сблизилъ склавинъ и антовъ именно съ гуннами, а не съ инымъ какимъ племенемъ. Относительно дѣленія народовъ на кочевые и осѣдлые, на конные и пѣшіе, я повторилъ, что такое дѣленіе имѣетъ связь не съ тою или другою расою, а со степенью культуры и съ условіями природы. Никто не описывалъ въ данную эпоху всѣ славянскія племена вмѣстѣ, а всякій описывалъ какую-либо ихъ часть, подъ тѣмъ или другимъ именемъ. Названіе славяне обобщилось только впослѣдствіи. Между тѣмъ какъ западные славяне уже имѣли осѣдлый и земледѣльческій бытъ, восточные, обитавшіе въ южно-русскихъ степяхъ, еще сохраняли кочевое или полукочевое состояніе. При этомъ я указалъ на фактъ, доселѣ не обращавшій на себя вниманія этнографовъ: всѣ богатыри нашихъ былинъ конные, и пѣшихъ богатырей мы не знаемъ. Въ этомъ сказался отголосокъ далекаго прошедшаго изъ жизни восточныхъ славянъ. У сѣверныхъ финновъ тоже есть богатыри, но они пѣшіе, и разъѣзжаютъ только на лодкѣ или на саняхъ, какъ это видно изъ Калевалы. Прибавлю, что мадьяры явились на Дунай коннымъ народомъ, а ихъ ближайшіе родичи, остяки и вогулы, никогда въ исторіи такимъ народомъ не являлись.

Наконецъ, переходя къ антропологической сторонѣ возраженія г. Анучина, я сказалъ, что искусственный подборъ разныхъ неточныхъ описаній монголовъ ничего не доказываетъ, кромѣ не-

точности подобныхъ описаній вообще *). Я напомнилъ показанныя въ предъидущемъ засѣданіи керченскія фрески, на которыхъ изображенъ сарматскій народъ, съ кругловатыми лицами, небольшими глазами и курносый; онъ не похожъ на южные и западные европейскіе народы; но, въ то же время, это не татары и не монголы. Я напомнилъ свидѣтельство Аполинарія Сидонія, что у гунновъ, за исключеніемъ головы, были прекрасные члены, что они были хорошаго сложенія, и что если бы ихъ ноги соотвѣтствовали ихъ туловищу, то они были бы высоки ростомъ. Но, конечно, привычка съ малолѣтства постоянно сидѣть на конѣ мѣшала ихъ ногамъ получить нормальное развитіе, и притомъ въ

---

*) Съ своей стороны приведемъ также любопытный примѣръ сбивчивости и разнорѣчивости такихъ описаній. Г. Куникъ, какъ извѣстно, считаетъ Чувашъ потомками древнихъ Болгаръ, слѣдовательно народомъ Гуннскимъ. Вотъ что говоритъ о нихъ г. Рагозинъ въ третьемъ томѣ своей Волги: „Довѣряясь запискамъ г-жи Фуксъ, мы можемъ представлять себѣ Чувашина съ очень маленькой бородкой, въ видѣ клочка изъ нѣсколькихъ волосъ; а довѣряясь академику Миллеру, путешествовавшему по Россіи въ половинѣ прошлаго столѣтія, будемъ воображать Чувашина желтоволосымъ или рыжимъ.“ „Но если намъ попадется статья Бабста о рѣчной области Волги и тамъ мы прочитаемъ, что у Чувашъ волосы черные, то только придемъ въ нѣкоторое смущеніе и зададимся вопросомъ: кто же правъ, Бабстъ или Миллеръ? Справившись у Палласа, мы найдемъ, что волосы у Чувашъ не рыжіе, но и не черные, а черноватые. Сбоевъ тоже говоритъ, что у Чувашъ волосы большею частію черноватые, а борода темнорусая, густая и довольно окладистая, т.-е. какъ разъ напротивъ тому, что утверждаетъ г-жа Фуксъ.“ „Лица у Чувашъ, по Сбоеву, смуглыя, а по Бабсту блѣдныя; глаза, по Сбоеву, черные, а по Бабсту темносѣрые.“ (Стр. 106—107).

Вмѣсто помянутыхъ сбивчивыхъ и бездоказательныхъ сравненій, я полагаю, спеціалистъ-антропологъ могъ бы скорѣе оказать услугу въ этомъ вопросѣ, если бы изслѣдовалъ тѣ общія условія кочеваго и полукочеваго быта, которыя сближаютъ или обобщаютъ нѣкоторыя черты не только нравовъ, но и наружности у разныхъ племенъ, напр.: вліяніе постоянной верховой ѣзды, почти одинаковой военной тактики, воспитанія, пищи, отчасти одежды и т. д. А затѣмъ эти общія черты нужно выдѣлить изъ суммы данныхъ и опредѣлить отличія, что бы судить о народности. Возьмемъ, напримѣръ, одно славянское племя, занимающееся земледѣліемъ и питающееся преимущественно хлѣбною пищею, а другое, существующее скотоводствомъ, т.-е. мясомъ, саломъ, молокомъ и т. п. Неотразится ли уже одно это различіе въ пищѣ на ихъ физіономіи и даже на ихъ ростѣ? Такіе вопросы для своего рѣшенія требуютъ многихъ, точныхъ данныхъ и разнообразныхъ наблюденій, также какъ и вопросы изъ области сравнительной лингвистики. Слѣдовательно, простое подъискиваніе у татарскихъ и монгольскихъ племенъ чего-либо напоминающаго описанія Гунновъ не ведетъ ни къ какому положительному выводу.

этомъ свидѣтельствѣ нѣтъ указанія на какую-либо особую ихъ коротконогость. А что касается до головы, то приведенное въ моемъ рефератѣ сопоставленіе разныхъ извѣстій, въ особенности Сидонія, ясно указываетъ, что гунны стягивали младенцамъ голову и даже придавливали носъ особыми повязками, ради шлема; а затѣмъ дѣлали у нихъ на лицѣ нарѣзы и вообще устраивали себѣ страшную наружность, чтобы пугать непріятелей, каковой цѣли и достигали, по свидѣтельству тѣхъ же источниковъ. Слѣдовательно, и тутъ нѣтъ никакихъ доказательствъ ихъ будто бы природной калмыцкой народности. Да притомъ, когда же калмыки пугали европейскіе народы однимъ своимъ видомъ?

Затѣмъ, принялъ участіе въ обсужденіи вопроса докторъ Е. А. Покровскій, спеціалистъ по антропологіи дѣтей. Онъ сочувственно отнесся къ моему реферату, и, ссылаясь на изслѣдованія Топинара, сообщилъ, что деформація дѣтскихъ череповъ особенно была распространена у народовъ арійскихъ, тогда какъ у народовъ урало-алтайской расы она, если и встрѣчается, то въ самой легкой формѣ. Н. Ю. Зографъ, спеціалистъ по зоологіи, добавилъ, что въ послѣднее время запасъ деформированныхъ череповъ, благодаря раскопкамъ, значительно увеличился. Варшавскій профессоръ Д. Я. Самоквасовъ также попросилъ слова. Онъ заявилъ, что, занимаясь довольно долгое время изслѣдованіемъ о скиѳахъ, не нашелъ никакихъ монгольскихъ народовъ въ юго-восточной Европѣ, откуда вышли гунны. Онъ прибавилъ и еще нѣсколько соображеній, въ дополненіе къ моему реферату.

За слишкомъ позднимъ временемъ, пришлось, наконецъ, закрыть засѣданіе; причемъ я выразилъ надежду, что происходившее обсужденіе вопроса не останется безплоднымъ для науки, и принесъ свою благодарность тѣмъ ученымъ, которые откликнулись на мой призывъ и потрудились своимъ участіемъ въ обсужденіи.

Трое изъ записавшихся ученыхъ не успѣли высказаться. Изъ нихъ, А. П. Богдановъ, профессоръ зоологіи, извѣстный антропологическими изысканіями, не скрывалъ своего сочувствія антропологической сторонѣ моего реферата. В. М. Михайловскій (секретарь отдѣла) сказалъ мнѣ, что имѣлъ въ виду представить нѣкоторыя историческія соображенія и указать на трудности, съ которыми сопряжено рѣшеніе даннаго вопроса при настоящихъ средствахъ науки. Что хотѣлъ сообщить третій изъ нихъ, г. Иковъ, осталось мнѣ неизвѣстнымъ.

Засѣданіе началось ровно въ $7^1/_2$ часовъ, а окончилось во второмъ часу пополуночи.

Предлагаемый краткій отчетъ не мѣшаетъ, конечно, моимъ оппонентамъ излагать диспутъ съ ихъ точки зрѣнія; была бы только вѣрна фактическая сторона изложенія.

IV.

Отношеніе туранской теоріи къ исторіи славянства *).

Моравія и Мадьяры съ половины IX до начала X вѣка,— (Спб. 1881). Диссертація *К. Грота.*

Только что названная книга г. Грота имѣетъ непосредственное отношеніе къ Гуннскому вопросу, и тѣмъ болѣе, что авторъ ея беретъ для своей задачи широкую основу и предпосылаетъ событіямъ IX вѣка продолжительное вступленіе, подъ заглавіемъ „Взглядъ на судьбу средне-и нижнедунайскихъ земель до начала IX вѣка". Здѣсь онъ пытается выяснить тѣ народности и тѣ народныя движенія, сценою которыхъ были данныя земли, начиная съ Готовъ и Даковъ и кончая Аварами. Казалось бы, подобное выясненіе въ наше время немыслимо въ ученой диссертаціи безъ тщательнаго пересмотра вопроса о Гуннахъ и водвореніи Славянъ на Дунаѣ. Однако, что же мы видимъ? Подробно пересматривая, напримѣръ, вопросъ о происхожденіи Румынъ, и возвращаясь къ нему не одинъ разъ, г. Гротъ почти обходитъ Гунновъ и Славянъ. Ибо нельзя же считать учеными разсужденіями слѣдующія о нихъ фразы, разбросанныя тамъ, сямъ: „Воинственная кочевая орда монгольскаго племени *Гунновъ*, оставивъ по какимъ-то неизвѣстнымъ намъ причинамъ степи средней Азіи во 2-й половинѣ IV вѣка, устремилась на западъ, въ Европу. Увлекши съ собою встрѣтившіеся на пути массы другихъ кочевниковъ, *по всей вѣроятности* турецкаго, а *можетъ быть* также и финскаго племени, она, возрастая въ количествѣ, неудержимымъ потокомъ хлынула въ степи нынѣшней южной Россіи" (33). „Есть достаточное основаніе *предположить*, что съ Гуннами проникли на Дунай первыя толпы Славянъ". „Эти толпы Славянъ *могли*

---

*) Русская Старина, 1882. Мартъ.

быть увлечены съ береговъ Днѣстра, гдѣ они до прихода Гунновъ жили подъ властью Готовъ. Были ли они невольно захвачены гуннскимъ потокомъ или присоединились къ нему, по собственному побужденію, *сказать трудно*. Первое намъ *кажется вѣроятнѣе*. *Неизвѣстно также*, составляли ли Славяне въ гуннской ордѣ нѣчто отдѣльное, напримѣръ родъ особыхъ славянскихъ дружинъ, или они представляли одинъ изъ элементовъ того разнороднаго сброда, какимъ въ сущности была орда собственно гуннская". „Во всякомъ случаѣ эти первыя, *можетъ быть* и довольно многочисленныя, славянскія толпы были, такъ сказать, еще *случайными* пришельцами на берега средняго Дуная". „Побѣжденные возставшими противъ нихъ Готами и Гепидами, толпы Гунновъ разбрелись *повидимому* въ разныя стороны, часть ихъ вернулась, *кажется,* въ свое прежнее временное мѣстожительство—на берега Чернаго моря" (35—36).

На какихъ данныхъ, на какихъ источникахъ основаны всѣ эти *кажется* и *можетъ быть*, остается для читателя неизвѣстнымъ. Любопытно то основаніе, на которомъ предположено первое проникновеніе Славянъ на Дунай вмѣстѣ съ Гуннами. Этимъ основаніемъ служатъ „показанія Приска, оставившаго описаніе своихъ впечатлѣній о путешествіи и пребываніи у Аттилы" и „указаніе Іорнанда, называющаго пиршество на могилѣ Аттилы *стравой*, словомъ чисто славянскимъ". Въ высшей степени характерно это повтореніе прежнихъ домысловъ, что славянскія черты, представленныя Прискомъ, относятся не къ Гуннамъ, а къ Славянамъ, бывшимъ въ ихъ ордѣ, и что слово *страва* заимствовано Гуннами у подчиненныхъ Славянъ. Выходитъ, будто Прискъ и Іорнандъ, говоря о Гуннахъ, описывали не ихъ самихъ, а подчиненныхъ имъ Славянъ. Между тѣмъ послѣдній ясно и положительно говоритъ, что слово „страва" принадлежало *самимъ* Гуннамъ (Stravam super tumulum ejus, quam appellant *ipsi*, etc.). И есть ли какое вѣроятіе, что бы такой важный бытовой обрядъ, какъ торжественное погребальное пиршество, Гунны называли не собственнымъ, а чужимъ словомъ? Слѣдовательно та историческая школа, къ которой принадлежитъ г. Гротъ, просто на просто отрицаетъ прямыя и положительныя свидѣтельства непосредственныхъ источниковъ. Съ помощью подобныхъ пріемовъ, онъ конечно легко отвергаетъ мнѣніе о давности Славянъ на Дунаѣ и *признаетъ* „первое ихъ появленіе тамъ (въ видѣ военныхъ дружинъ въ гуннской ордѣ) относящимся къ V вѣку, а первое разселеніе ихъ на-

родными массами—къ VI вѣку“ (23). Съ вопросомъ о древнихъ поселеніяхъ Славянъ на Дунаѣ тѣсно связаны свидѣтельства источниковъ о Дунайскихъ Сарматахъ, и необходимо было выяснить сихъ послѣднихъ. Если г. Гротъ не отождествляетъ ихъ со Славянами, то долженъ былъ разслѣдовать, кто же такое были эти Сарматы. Но онъ преспокойно употребляетъ слѣдующія выраженія: въ маркоманской войнѣ „приняли участіе не только Маркоманны, Квады, но и другія германскія и *Сарматскія* полчища“ (28); „многочисленные Германцы и *Сарматы*, переселенные сюда Римлянами“ (31). Подобныя выраженія повторяются и далѣе на многихъ страницахъ; но читатель такъ и остается въ недоумѣніи, что такое авторъ разумѣетъ подъ именемъ Сарматъ: разумѣлся ли подъ этимъ названіемъ какой нибудь живой народъ или это названіе есть пустой звукъ?

Въ такомъ же родѣ идутъ и дальнѣйшія гаданія о поселеніи Славянъ въ Средней Европѣ. Какъ первыя славянскія толпы проникли сюда слѣдуя за ордою Гунновъ, такъ потомъ „въ дѣлѣ заселенія новыхъ территорій и политическаго объединенія имъ помогли двѣ другія орды *турецкаго племени*, сначала Болгары, потомъ Авары“ (56). Оказывается, что Славяне постоянно притекали на Дунай въ хвостѣ турецкихъ племенъ, и притомъ втихомолку, украдкою отъ историческихъ свидѣтельствъ. Всѣ эти ихъ незамѣтныя для исторіи движенія въ хвостѣ турецкихъ ордъ только *предполагаются*. А такое предположеніе оказывается необходимымъ, потому что иначе какъ же объяснить появленіе тутъ несомнѣнно Славянскихъ народовъ и государствъ въ послѣдующія вѣка. Если бы вмѣсто подобныхъ гаданій и предположеній, авторъ ученой диссертаціи постарался на основаніи прямыхъ историческихъ свидѣтельствъ выяснить, кто такое были Гунны и Болгаре и на чемъ основаны мнѣнія объ ихъ монгольствѣ и татарствѣ, тогда гаданія и домыслы о незамѣтныхъ движеніяхъ Славянъ въ Среднюю Европу и на Дунай устранились бы сами собою. Но до такого критическаго отношенія къ помянутымъ мнѣніямъ еще не достигла та историческая школа, изъ которой онъ вышелъ.

Вслѣдствіе невѣрнаго представленія о Болгарскомъ царствѣ, будто бы основанномъ Татарскою ордою, не выяснились отношенія этого царства къ Моравской державѣ, такъ называемая *Тисская Болгарія* и болгарское владычество въ Трансильваніи; хотя этимъ предметамъ у него посвящено немало страницъ (85—97).

Ставъ на ложную точку зрѣнія, авторъ по неволѣ отвергаетъ свидѣтельство Анонима Нотарія о томъ, что Мадьяры нашли болгарскія княжества на территоріи древней Дакіи. Положимъ Анонимъ позволялъ себѣ разные вымыслы, но онъ былъ тенденціозенъ собственно по отношенію къ Мадьярамъ; а съ какой стати было ему выдумывать что либо говорившее въ пользу широкаго распространенія Болгаръ къ сѣверу отъ Дуная. И тутъ же какъ нарочно приведены факты, его подтверждающіе, именно одна грамота XIII вѣка, вспоминающая о Болгарскомъ владычествѣ въ Трансильваніи, и славянское нарѣчіе трансильванскихъ Болгаръ, отличавшееся архаическими особенностями (92—93). Какимъ же образомъ эти Болгаре, обитавшіе тамъ до прибытія Мадьяръ, могли сохранить древнѣйшія формы славянскаго языка, если бы они не были Славяне? Такой естественный выводъ, по извѣстнымъ пріемамъ школы, устраняется слѣдующимъ предположеніемъ: Славяне трансильванскіе принадлежали къ вѣтви Славянъ Болгарскихъ (94). Замѣтьте, они принадлежали не къ Болгарамъ собственно, а къ Болгарскимъ Славянамъ. Но что это за племя, Болгарскіе Славяне, и откуда оно взялось, такіе вопросы или остаются безъ отвѣта со стороны школы, или вызываютъ рядъ новыхъ домысловъ и предположеній.

Точно также поверхностно выясняется далѣе племенное происхожденіе Моравапъ. Хотя въ заглавіи книги стоитъ прежде всего *Моравія*; но оказывается, что вопросъ о народности Моравапъ не входилъ въ задачу изслѣдованія и могъ быть „только слегка имъ затронутъ“ (98). Поэтому и вопросы о проповѣди Кирилла и Меѳодія и церковно-славянскомъ языкѣ сводятся только къ указанію разнообразныхъ мнѣній (99 и далѣе). На основаніи предположеній о позднемъ появленіи (въ концѣ VI вѣка) Славянъ въ Панноніи, Истріи и Каринтіи, о невоинственномъ ихъ характерѣ и т. п. разсматриваются ихъ отношенія къ Франкской монархіи (104 и далѣе); при чемъ совсѣмъ остались неразъясненными отношенія Славянъ къ Аварамъ и вся эпоха Аварская; а кто такое были Авары, о томъ нѣтъ даже и попытокъ къ разъясненію. Затѣмъ для происхожденія и характера Моравской державы послѣ этой диссертаціи мы остаемся при тѣхъ же скудныхъ свѣдѣніяхъ, какія существовали до ея появленія.

Гораздо съ большею любовью и съ большимъ тщаніемъ г. Гротъ отнесся къ начальной исторіи Мадьяръ. Тутъ на первомъ шагу онъ встрѣтился съ извѣстнымъ ихъ притязаніемъ происходить

отъ Гунновъ Аттилы. Но какъ оказывается, сами мадьярскіе ученые, преимущественно Гунфальви, отвергаютъ теперь какъ гуннское происхожденіе племени Секлеровъ, такъ и вообще уже не настаиваютъ на близкомъ родствѣ Мадьяръ съ Гуннами. „Помимо своей научной несостоятельности, сближеніе Мадьяръ съ Гуннами, съ цѣлью опредѣленія народности первыхъ, не можетъ ни къ чему повести уже потому, что происхожденіе самихъ Гунновъ представляетъ пока неразрѣшимую загадку—вслѣдствіе абсолютнаго отсутствія какихъ бы то ни было положительныхъ данныхъ для ея рѣшенія, напр. остатковъ языка. Мы можемъ только *предполагать*, что гуннская орда была сбродомъ разныхъ кочевыхъ элементовъ какъ монгольскаго и турецкаго, такъ *вѣроятно* и финскаго племенъ“ (158). Этотъ выводъ, или точнѣе сказать этотъ тупикъ, къ которому пришла туранская теорія Гунновъ, послѣ полуторастолѣтняго своего существованія, въ высшей степени любопытенъ и поучителенъ; но въ тоже время онъ совершенно естественный. Ни къ чему иному и не могла придти туранская теорія, отрицающая, напримѣръ, положительныя указанія источниковъ на славянскій языкъ Гунновъ и отнимающая у Болгаръ ихъ родной языкъ. Такимъ образомъ Гунны Валаміра и Аттиллы, которыхъ источники описываютъ во многихъ отношеніихъ великимъ и замѣчательнымъ племенемъ, представлявшимъ сплошную однородную массу, оказываются на основаніи *предположеній* и *вѣроятій* какимъ то сбродомъ разныхъ туранскихъ элементовъ, точнѣе сказать какими то безплотными тѣнями; хотя эти тѣни никуда не исчезли и продолжали жить въ разныхъ славянскихъ народностяхъ, особенно въ Болгарахъ.

Объемъ настоящей статьи не позволяетъ мнѣ входить въ нѣсколько подробное разсмотрѣніе второй половины книги, посвященной собственно Мадьярамъ; хотя и здѣсь можно сдѣлать много замѣчаній на критическіе, историческіе и филологическіе пріемы автора. Напримѣръ, онъ отрицаетъ связь между именемъ народа *Мадьяры* и города *Маджаръ* на р. Кумѣ на томъ основаніи, что названіе города несобственное, а значитъ по татарски „развалины“; „Маджаръ былъ разрушенъ Тамерланомъ“ (151). Но извѣстно ли автору, что этотъ городъ изображается значительнымъ и торговымъ по нашимъ лѣтописямъ въ 1319 году, по поводу убіенія Михаила Тверскаго въ Ордѣ? Слѣдовательно его названіе существовало до Тамерланова разрушенія. Онъ повторяетъ тоже невозможное толкованіе названія Мордва какъ „люди воды“ (165);

тогда какъ здѣсь *ва* совсѣмъ не финское слово, а русское собирательное окончаніе, и сама Мордва не называла себя въ такой именно формѣ; а такъ называли ее Русскіе. Далѣе, весьма гадательнымъ представляются разсужденія г. Грота о характерахъ турецкихъ и финскихъ народовъ и ихъ взаимномъ вліяніи (187—189), о Хазарахъ (211), о пути Угровъ по рр. Окѣ и Угрѣ (213), о Бѣлыхъ и ЧерныхъHáрахъ, между которыми никакой разницы не оказывается (236—246), о времени появленія Угровъ на Дунаѣ (247) и пр. и пр.

Обращу вниманіе читателей на отношеніе автора къ извѣстію нашей лѣтописи подъ 898 годомъ о прохожденіи Угровъ мимо Кіева и ихъ становищѣ на мѣстѣ, которое называлось Угорскимъ. Въ своей Исторіи Россіи (ч. II, прим. I) я доказываю, что названіе урочища „Угорское" лѣтописецъ постарался осмыслить и связалъ съ нимъ становище Угровъ; что урочище это расположено было на крутомъ лѣсистомъ берегу Днѣпра и входило въ черту внѣшняго вала, окружавшаго городъ Кіевъ; что тамъ лежало село Берестово съ княжимъ дворцомъ; что противъ него не могла переправляться кочевая орда, ибо Днѣпръ тутъ развѣтвляется на многіе рукава и протоки; что Уграмъ не лежалъ путь мимо Кіева и наконецъ что они появились уже на Дунаѣ гораздо ранѣе 898 года. Г. Гротъ не согласенъ со мною, и приводитъ примѣры Печенѣговъ и Половцевъ, которые приходили подъ Кіевъ (261). Но это не аналогія. Вопросъ поставленъ не относительно набѣговъ на Кіевъ, а относительно лѣтописнаго домысла, будто урочище Угорское получило свое названіе потому, что тутъ Угры останавливались станомъ, когда проходили мимо Кіева съ востока по дорогѣ въ Паннонію. Извѣстно также, что Печенѣги, осаждавшіе Кіевъ, стояли за Лыбедью, а не на такой мѣстности какъ Угорское. Надобно не знать топографіи Кіева, чтобы повторять наивный домыселъ лѣтописца о происхожденіи названія *Угорское* отъ бывшаго на немъ когда-то становища проходившей тутъ кочевой орды. Принявъ это показаніе русской лѣтописи за историческій фактъ, г. Гротъ очевидно не знаетъ что дѣлать съ 898 годомъ, и считаетъ его ошибкою лѣтописца. Точно также онъ считаетъ ошибкою лѣтописца слова, что Угры „устремились чрезъ горы великія, яже прозвашася горы Угорскія" (т. е. Карпатскія). Г. Гротъ задался цѣлью доказать, что Мадьяры вошли въ Паннонію съ юга, черезъ Желѣзныя ворота Дуная, а не съ востока чрезъ Карпаты, какъ о томъ согласно говорятъ русская лѣтопись и мадьярскій Анонимъ Нотарій короля Бѣлы. Всѣ показанія по-

слѣдняго авторъ отвергаетъ сплошь; тогда какъ слѣдовало бы отвергать только то, что не выдерживаетъ провѣрки по другимъ даннымъ. А такъ называемаго Нестора онъ считаетъ достовѣрнымъ тамъ, гдѣ является очевидная несообразность, т. е. въ вопросѣ объ Угорскомъ; указаніе же его на путь Мадьяръ чрезъ Карпатскія горы отвергаетъ голословно. Мы такой критики не понимаемъ. Если черезъ Карпаты трудно было проходить кочевой ордѣ, то чрезъ Желѣзныя ворота, гдѣ горы оставляютъ проходъ только рѣчнымъ порогамъ, путь былъ еще труднѣе; а движеніе чрезъ боковыя горныя долины остается однимъ предположеніемъ; чрезъ Карпаты также ведутъ многія рѣчныя долины и боковыя тропинки. Затѣмъ г. Гротъ, настаивая на южномъ пути чрезъ Валахію, не объяснилъ намъ слѣдующаго обстоятельства. Валахія, по крайней мѣрѣ западная ея часть и сосѣдняя часть Трансильваніи, находились тогда во владѣніи Болгаръ; а знаменитый болгарскій царь Симеонъ только что разгромилъ Мадьяръ въ самыхъ ихъ жилищахъ. Какъ же это они послѣ того прошли безпрепятственно по землѣ своихъ побѣдителей, и притомъ чрезъ горныя тропинки, которыя легко было оборонять отъ кочевниковъ? Эти соображенія автору очевидно и въ голову не пришли. Такимъ образомъ вопросъ о пути Мадьяръ послѣ многихъ разсужденій о немъ г. Грота такъ и остался вопросомъ.

Далѣе, вмѣсто того чтобы сочинять Мадьярамъ путь изъ Черноморья къ Желѣзнымъ Дунайскимъ воротамъ мимо Кіева, автору слѣдовало заняться гораздо болѣе важнымъ вопросомъ: о началѣ государственной организаціи въ Мадьярской Ордѣ. А для этого слѣдовало болѣе выяснить ихъ отношенія къ Хазарамъ; что въ свою очередь обязывало его заняться разъясненіемъ Хазарской народности, а не обходить ее совершеннымъ молчаніемъ, какъ будто она уже вполнѣ разъяснена. Г. Гротъ полагаетъ, что въ Мадьярскую орду вошли и турецкіе элементы, на основаніи разныхъ изслѣдованій о мадьярскомъ языкѣ. Но онъ слишкомъ поверхностно коснулся извѣстій Константина Б. о Кабарахъ, которые отдѣлились отъ Хазаръ, ушли къ Униграмъ, и къ семи ихъ племенамъ присоединились въ качествѣ восьмаго. Это осьмое племя, по словамъ Константина Б., превосходило храбростью собственно Угорскія племена, и еще въ его время сохраняло свой языкъ. Слѣдовательно оно заняло какъ бы первенствующее положеніе въ Мадьярской ордѣ, и весьма возможно, что именно этотъ чужой элементъ послужилъ закваской при образованіи государ-

ственнаго быта и далъ Мадьярамъ династію. Разъяснить это обстоятельство было тѣмъ важнѣе, что ни г. Гротъ, никто другой не указалъ историческихъ аналогій, доказывающихъ, что Мадьяры, какъ Финское племя, способны были создать государство сами по себѣ, безъ помощи чужаго элемента *).

Равнымъ образомъ осталась недостаточно выясненною г. Гротомъ другая, также весьма важная сторона дѣла: участіе Нѣмцевъ въ Мадьярскомъ вторженіи и та роль, которую разъигралъ при этомъ Арнульфъ. Авторъ очевидно пытается уменьшить это участіе и почему-то считаетъ переселеніе Мадьяръ въ Моравію просто событіемъ „ничѣмъ непредотвратимымъ" (324). Разумѣется, если мы станемъ на точку фатализма, то никакихъ разъясненій въ исторіи и непотребуется.

Наконецъ самый главный выводъ г. Грота заслуживаетъ особаго вниманія по своей новизнѣ и оригинальности. Оказывается, что разрушеніе Великоморавской державы и водвореніе на ея мѣстѣ Мадьярской орды были чрезвычайно полезны для Славянства: эта

*) Во всякомъ случаѣ вопросъ о Кабарахъ требовалъ отъ автора болѣе серьёзнаго вниманія, чѣмъ голое охужденіе того, что сказано мною о нихъ по поводу Аваровъ (въ перв. изд. Разыск. о Нач. Руси). Вмѣсто простой передачи легендарныхъ разсказовъ о Лебедіасѣ и Арпадѣ, г. Гроту слѣдовало выяснить прежде Аваръ, Хазаръ и отношенія къ нимъ Угровъ; тогда бы возникновеніе мадьярскаго государства не осталось также темно и легендарно какъ было и до появленія его диссертаціи. Между прочимъ г. Гротъ только въ примѣчаніи, мимоходомъ, упоминаетъ мнѣніе г. Куника о турецкой династіи у Мадьяръ (225); тогда какъ, повторяю, этотъ вопросъ требуетъ серьёзнаго разсмотрѣнія. Но при этомъ нужно еще предварительно опредѣлить, были ли Кабары пришлымъ турецкимъ или туземнымъ кавказскимъ племенемъ. Я привожу его въ связь съ Черкесами-Кабардинцами (тоже и покойный Брунъ). Если г. Гротъ не согласенъ, то ему слѣдовало нѣсколько заняться этимъ предметомъ.

Относительно моего прежняго разсужденія объ Аварахъ надобно замѣтить, что господствовавшая теорія о Гуннахъ спутывала и вопросъ объ Аварахъ. Теперь же, когда я пересмотрѣлъ вопросъ о Гуннахъ, болѣе уяснилась для меня и народность Аваръ, которыхъ западные лѣтописцы часто называли Гуннами (Григорій Турскій, Фредегарій, Павелъ Дьяконъ, Этингартъ и др.). Аварская держава въ Панноніи, какъ оказывается, состояла изъ небольшаго господствующаго Кавказскаго племени Аваръ и многочисленнаго Славянскаго или Гуннскаго населенія. Обращу вниманіе на любопытную и мѣткую характеристику Аваръ въ названномъ выше сочиненіи Бера о Макрокефалахъ. Между тѣмъ какъ малочисленные Авары отличались хитростью и вѣроломствомъ, съ помощью которыхъ распространяли свое владычество, Гунны на оборотъ дѣйствовали довольно простодушно и открыто, полагаясь на свою силу и многочисленность. (Die Makrokephalen etc. 50).

орда спасла его отъ германизаціи. „Таковы великіе результаты мадьярскаго погрома“ (415). Какъ въ вопросѣ о Гуннахъ туранская теорія пришла къ вышеприведеннымъ результатамъ; такъ и въ значеніи мадьярскаго погрома ни къ чему болѣе историческому она не могла придти. Когда же будетъ возстановлена истинная начальная исторія Славянства до IX вѣка включительно; когда убѣдятся, что это не были тамъ-сямъ разсѣянныя и незамѣтно для исторіи проникшія на западъ кучки; что то была эпоха, въ которую Славянство такъ сказать лилось черезъ край обширными потоками и между прочимъ наводняло Дунайскія земли *); что кризисъ, наступившій въ Моравской державѣ по смерти Святополка, походилъ на подобные кризисы въ исторіи Чеховъ, Поляковъ, Русскихъ и т. д.; тогда выводы относительно возможной германизаціи Славянства конечно получатся совершенно другіе. А теперь, благодаря туранской теоріи, мы можемъ успокоиваться на счетъ Западныхъ славянъ тою мыслію, что мадьяризація спасаетъ ихъ отъ германизаціи, а германизація отъ мадьяризаціи.

Въ заключеніе мы должны все-таки отдать справедливость несомнѣнному трудолюбію и порядочной эрудиціи, которыя обнаружилъ молодой авторъ въ своей книгѣ. А ея указанные мною недостатки относятся нестолько лично къ нему, сколько составляютъ неизбѣжные результаты той исторической школы, изъ которой онъ вышелъ.

---

*) Напомню жалобу Константина Б. на то, что Балканскій полуостровъ также былъ наводненъ Славянами („ославянилась и оварварилась вся страна“). Напомню еще слова Масуди о славянскомъ племени Валинана и его царѣ, которому подчинялись другіе Славяне, послѣ котораго возникли раздоры, и Славяне раздѣлились. Развѣ эти слова не указываютъ ближе всего на царство Аттилы? А названіе Валинана, какъ справедливо полагаютъ, есть искаженіе имени Волынь (см. выше стр. 293).

Цѣна Разысканіямъ **3** рубля.

Того же автора:

Исторія Россіи. Ч. I-я. Кіевскій періодъ. 1 р. 50 к.

Исторія Россіи. Ч. II-я. Владимірскій періодъ. 2 р.